

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

1865.

ЮЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1865.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25-го августа 1865 года.

Въ типографіи Румина и К^о.

СОДЕРЖАНІЕ ЮЛЬСКОЙ КНИЖКИ.

ОТДѢЛЪ I.

- ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРЕДѢЛЕНІЕ НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ. (Статья вторая) А. П. Щаповъ.
Годъ жизни. Повѣсть. (Гл. I—XII). . . . Г. Н. Потанинъ.
РАЗВИТІЕ РАВСТВА ВЪ АМЕРИКѢ. Е. К—ди.
ШКОЛА И ЖИЗНЬ (Статья первая). Д. И. Писаревъ.
ЖИТЕЙСКАЯ ШКОЛА. Повѣсть. (Окончаніе). . . . Н. Холодовъ.
ВИНОВАТА-ЛИ ОНА? Романъ. АНТ. Троллопа. . .
Часть 2-я. (Гл. XXV—XXVII).
ЖЕНСКОЕ ВЕЗДѢЛЬЕ. (Окончаніе). Н. В. Шелгуновъ.
СКРОМНОЕ ЖЕЛАНЬЕ. (Стихотвореніе) Ф. Орловъ.
СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ. Разсказъ, Ф. Левальдъ. (Перев.
съ нѣмецкаго).

ОТДѢЛЪ II.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- МАКОЛЕЙ. Полное собраніе сочиненій лорда
Маколея. Томы I—XIII. Изданіе Тиблена
и Вольфа. Спб. 1860—65 В. А. Зайцевъ.
МИЛЛЬ. Основанія политической экономіи. Со-
чиненіе Джона Стюарта Милля, въ двухъ
томахъ. Томъ I-й. Изданіе А. Н. Пыпина.
Спб. 1865 г. Н. В. Соколовъ.
БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ В. З.

Первый десятокъ книгъ, изданныхъ на пожертвованныя деньги:
1) *О крещеніи Руси, о Владимірѣ Святѣмъ, о сыновьяхъ его и о монастырѣ Печерскомъ.* К. Бестужева-Рюмина. 2) *О Владимірѣ Мономахѣ и о потомкахъ его, Мономаховичахъ, или о временахъ княжескихъ усобицъ.* Его же. 3) *О злыхъ временахъ татарщины и о страшномъ Мамаевомъ побоищѣ.* Его же. 4) *Ученіе Господа нашего Иисуса Христа о молитвѣ и о путяхъ къ блаженству.* 5) *Святая земля во времена земной жизни Господа нашего Иисуса Христа.* 6) *Какъ надо жить, чтобы бѣду избѣгнуть.* 7) *Какъ надо жить, чтобы добро нажить или о трудѣ.* 8) *Какъ спастись и спастись отъ скоропостижныхъ смертныхъ случаевъ безъ помощи*

врачей и знахарей. Н. Глинскаго. 9) О русской землѣ. С. Максимова. 10) О русскихъ людяхъ. Его же. Изданія Товарищества «общественная польза». СПБ. 1865.—Разказы Всев. Крестовскаго Петербургскіе типы; Петербургскіе золотопромышленники; фотографическія карточки Петербургской жизни. Изданіе Денкеля. Спб. 1865. Введение въ курсъ исторіи цивилизацій, читанное докторомъ истор. наукъ А. Росладскимъ-Петровскимъ. Харьковъ. 1865. Исторія среднихъ вѣковъ, въ ея писателяхъ. М. Стасюлевича. Т. III. Сиб. 1866.

ОТДѢЛЪ III.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИКА

ЖАКЪ-ЛЕФРЕНЬ.

«Когда перестаетъ свѣтитъ солнце, тогда и мысли блестятъ» — девизъ современной политики.—Финансовое состояніе Австріи.—Неудачи съ посылъ итальянской компаніи 1848 года.—Необходимость сближенія Австріи съ Вѣтріей.—Венгерскіе маинаты и венгерскій народъ.—Столкновеніе германской партіи съ поборниками національныхъ интересовъ.—Шаткое положеніе князя Кузы и вѣроятность переворота въ Молдаво-Валахія. Нѣмецкіе либералы на праздникъ въ Кельнѣ.—Примиреніе партіи Лассалля съ прусскими профессористами.—Политическое значеніе испанскаго духовенства.—Историческая и современная роль его.—Борьба за конфискацію духовныхъ имуществъ.—Общинные выборы во Франціи.—Наполеониада г. Дюрюи, мин. нар. просвѣщ.—Ничтожество англійскаго парламента.

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ

Н. В. ШЕЛГУНОВЪ.

О направленіи нашего образованія.—Настоятельная необходимость измѣнить его, сообразно реальнымъ и экономическимъ потребностямъ нашего общества.—Только положительныя знанія могутъ вывести насъ изъ застоя.—Нужность и вредъ непродуцирующаго образованія.—Устройство частныхъ гимназій; оныя прибыльны для учредителей и убыточны для общества.—Отсутствіе мѣстныхъ техническихъ школъ.—Мракобѣснѣе известнаго сорта публицистовъ.

ЦЕРЛЫ И АДАМАНТЫ РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

В. А. ЗАЙЦЕВЪ.

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ.

(Продолженіе).

Теперь посмотримъ какими зоологическими путями и подъ какими непосредственными условіями природы формировалось русское населеніе и гдѣ и какъ оно ставило свои бѣдные почваки, зимовыя деревни и ссла.

Въ древней Россіи, до XV и даже XVI вѣка, было еще много такъ называемыхъ въ антахъ *бобровыхъ гоневъ и ухажавевъ*. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ древней Россіи, особенно до XVI вѣка, въ изобиліи водились бобры и рѣчные выдры. Olaus Magnus говоритъ, что изъ Россіи удивительное множество бобровъ отправилось къ татарамъ. Плато-Карпини утверждалъ, что въ Россіи, даже во время татарскаго ига, каждый большой и малый, богатый и бѣдный имѣлъ чорнаго бобра, и чорную лисицу ¹⁾. О бобрѣ европейской Россіи сохранились даже древнѣйшія извѣстія, именно въ геродотовомъ описаніи греческаго торговаго пути къ агриппеямъ ²⁾. Въ странѣ гелоневъ, по этому извѣстію, въ одномъ большомъ озерѣ подлѣ болота, заросшаго ихомъ, ловили рѣчныхъ выдръ, бобровъ и другихъ звѣрей. А гелоны жили на западной сторонѣ Урала. Также земля башкирцевъ и далѣ земля болгаревъ, мордвы, пермяковъ и вся сѣверная Россіи въ средніе вѣка была богата бобрами. И видно, что въ древнѣйшія времена въ области волжско-каспійской системы водилось много бобровъ, когда еще

¹⁾ Bergeron. Voyages en Asie, p. 56.

²⁾ Herod. lib. VI, p. 109.

въ XVI вѣкѣ здѣсь существовали бобровые гоны и ловли. Рѣчные выдры (*Viverra lutra*) еще и въ XVIII столѣтїи водились во всей Россїи, хотя не въ большомъ количествѣ ¹⁾. Бобры, какъ животныя общественныя, живущія и устрояющіяся при рѣкахъ и озерахъ колонїями, слѣдовательно концентрированно, во времена изобилїя ихъ въ Россїи, естественно и удобно могли привлекать къ себѣ и цѣлыя звѣропромышленныя колонїи. И вотъ, почти до самаго XVI столѣтїя, по бобровымъ гонамъ и ухажаямъ, въ округахъ бобровыхъ ловель селились особаго рода звѣропромышленники — *бобровники* и устроились, такъ называемыя въ актахъ *бобровыя* или *бобровничьи деревни, села и станы*. Какъ *хлбныя* села и деревни, такъ и *бобровничьи* устроили, въ первыя времена, всѣ, кто имѣлъ возможность — и князья, и бояре, и монастыри, и крестьяне. У привилегированныхъ землевладѣльцевъ были свои бобровники и бобровничьи деревни ²⁾. Крестьяне сами устроились на своихъ «бобровыхъ гонахъ и ухажаяхъ старинныхъ, въ которыхъ бобровъ ловили изстари дѣды ихъ и отцы ихъ» Князья даже жаловали свои бобровыя ловли монастырямъ, съ тѣмъ чтобы они селили при нихъ своихъ бобровниковъ. Такъ, наприм. въ 1423 году, въ подмосковномъ дмитровскомъ княжествѣ, удѣльный князь Петръ Дмитріевичъ далъ Троицкому Сергіеву монастырю жалованную грамоту на бобровую ловлю по р. Ворѣ, или, какъ сказано въ грамотѣ, далъ на рѣкѣ на Ворѣ омутъ Теремневскій бобровъ ловить, да по рѣкѣ же Ворѣ и по ихъ землямъ отъ рѣчи Талицы до Лепетни — бобры ловить, съ тѣмъ чтобы его княжескіе бобровники тамъ бобровъ не ловили, а ловили бы монастырскіе ²⁾. И Сергіевъ монастырь селилъ тутъ, по р. Ворѣ и ея землѣ, своихъ бобровниковъ. Съ XVI вѣка, когда, съ распространенїемъ земледѣльческой колонизаціи и вслѣдствїе вѣковыхъ бобровыхъ гоновъ, въ большей части волжско-камскихъ областей бобры были загнаны, запуганы и выловлены, — московскіе цари обращали прежшїя вольныя бобровыя ловли и бобровничьи поселенїя въ свои оброчныя и давали

¹⁾ Pallasii, Zoographia Rosso-asiatica I, 78: per omnem Rossiam et Sibiriam ad usque Camtschatcam circa notabiliores fluvios et flumina, circa que lacus piscosos ubique; nisi in maxime borealibus satis frequens est.

²⁾ А. Юрид., изд. Калачевымъ 1, № 41, грам. 1.

³⁾ А. Э. 1, № 22. А. Ю. изд. Калач. 1, № 41.

бобровникамъ жалованныя, уставныя и судныя грамоты. Такъ въ замосковной Воховской волости, еще во второй половинѣ XVI вѣка, существовало до 9 деревень бобровничьихъ. Въ 1561 году, марта 10, бобровники этихъ девяти деревень «бобровничей полусохи» получили особую оброчную грамоту на самостоятельное тягло и на самобытный излюбленный самосудъ: «а въ вохонской волости съ крестьянами, — сказано въ грамотѣ, — имъ не тянуть, ни въ розметы, ни во что, ни въ которыя подати, ни котораго дѣла съ ними не дѣлать, а быть у нихъ въ судьяхъ той же полусохи бобровничей крестьянамъ, которыхъ они сами себѣ излюбятъ всеми крестьянами» и проч. ¹⁾. Въ 1561 году, марта 20, крестьянамъ, этого бобровничьяго поселения дана была полная судная грамота на право излюбленного выборнаго самоуправления и самосуда, съ правомъ принимать въ свою бобровничью общину крестьянъ, приходившихъ изъ города или откуда нибудь ²⁾. Еще въ половинѣ XVI вѣка, бобры въ значительномъ количествѣ водились во владимірскомъ уѣздѣ, по рѣкѣ Клязьмѣ и ея притокамъ. Поэтому здѣсь по бобровымъ гонанъ, ухажанъ и лованъ, еще до XVI вѣка, застроено и заселено было бобровниками до 24 деревень бобровыхъ и одинъ починокъ бобровничій. Въ 1537 году, іюля 16, всемъ этимъ «бобровымъ деревнямъ, ильмехотскаго стана бобровникамъ» дана была великимъ княземъ московскимъ уставная грамота, ограждавшая ихъ бобровые промыслы, быть и права. Между прочимъ, даны были такія свободныя права: «а по бобровымъ деревнямъ тѣмъ волостею и тиунамъ не ѣздить, ни ночлеговъ имъ себѣ въ бобровыхъ деревняхъ не чинить, ни подводъ, ни проводниковъ имъ у бобровниковъ въ городъ Володиміръ не брать... А коли бобровники пойдутъ на бобровую ловлю съ бобровою снастью, — мытчики осовецкіе и мытчики подъ городомъ Владиміромъ съ бобровниковъ мыта не берутъ» и т. д. ³⁾. Такія же бобровыя или бобровничьи деревни населены были бобровниками, на ухажаяхъ и мѣстахъ бобровыхъ ловель, въ областяхъ Костромской, Вятской, Пермской, Нижегородской, Казанской, Рязанской и Воронежской.

Когда, съ распространеніемъ земледѣльческихъ поселеній, бобровъ стало меньше или даже вовсе не стало — другихъ звѣрей въ

¹⁾ А. Э. 1, № 256.

²⁾ А. Э. 1, № 257.

³⁾ А. Э. 1, № 183.

XVI и даже XVII вѣтъ все-таки было множество, особенно на сѣверо-востокѣ, въ лѣсистыхъ областяхъ пермскихъ, вологодскихъ двинскихъ, печорскихъ. Если въ собственной московской области, по словамъ Герберштейна, уже не было другихъ пушныхъ звѣрей, кромѣ зайцевъ, за то густые лѣса по берегамъ Волги, по его же свидѣтельству, еще въ первой половинѣ XVI в., изобиловали, кромѣ медвѣдей, — бѣлками, горностаями, куницами и пр. Вунделеръ, въ 1590 г., такъ описывалъ зоологію Московіи: «въ Московіи ловится очень много звѣрей и разныхъ породѣ, и они здѣсь такъ обыкновенны, что ихъ дозволяется ловить не только каждому здѣшнему жителю, но и иноземцу. Попадаются черные и желтые соболы, разные куницы, лисицы, волки, черные бобры, песцы бѣлые, какъ снѣгъ, мѣха которыхъ имѣютъ особенную теплоту, многобѣдъ (*Vielfrass, mustela sulo*); также лѣсной осель, олень, буйволъ, медвѣдь небольшого роста, котораго безъ труда выучиваютъ разнымъ потѣхамъ, дикая лошадь, а также страшные черные буйволы (*Uhrachsen*), которые гораздо болѣе обыкновенныхъ быковъ и жителями называются *jozzi*: они имѣютъ длинную бороду, длинные рога и пренепріятный видъ, красные глаза и ужасно злы на людей. Кромѣ того, водятся здѣсь черные и бѣлые волки, весьма значительной величины, бѣлые медвѣди, которыхъ шкуры, какъ весьма теплыя, употребляютъ зимою; большіе и весьма вредные дикіе кабаны, бѣлаго, чернаго, пепельнаго и краснаго цвѣта лисицы, туры сѣли зубры, лани» ¹⁾ и проч. Въ древней Россіи особенную важность имѣли, между прочимъ, куницы (*Mustela Martes* и *Mustela Foina*), шкуры которыхъ составляли во время Ярославской правды *куны* или деньги. И эти звѣрѣи водились въ древней Руси въ большомъ количествѣ. Они еще въ прошломъ столѣтіи, по словамъ Палласа, часто попадались въ лѣсистыхъ странахъ Россіи, въ умѣренномъ поясѣ, также на южномъ Уралѣ, по верхотурскому тракту и въ исетской провинціи. Новооткрытая фауна Сибири съ XVI вѣла представляла новую обширную и богатую область животной эконо-

¹⁾ Orsi grandissimi semiglianti a Tori, gli quoci Chiamano Bisonti. Герберштейнъ говорить точнѣе объ этомъ животномъ дикихъ быковъ (*bisontes*) литовцы на своемъ языкѣ называютъ зубрами, а вѣмцы *Logoſ* или *Uroch*; каковое названіе принадлежитъ собственно буйволу (*Urus*), имѣющему видъ совершенно воловій, между тѣмъ какъ дикіе быки (*bisontes*) вовсе на нихъ не похожи: они имѣютъ гриву, шею и плечи мохнатыя; шерсть ихъ издаетъ запахъ мускуса, и проч.

ми. Въ ней виды большею частью были общіе съ фауной европейско-русской, только численность разновидностей и особей каждаго вида въ сибирской фаунѣ большею частью преобладала. Такъ, напримеръ, и въ европейской Россіи, и въ Сибири распространены были: лисицы (*canis vulpes*), водившіяся въ XVI вѣкѣ особенно на сѣверо-востокѣ великорусской земли, но въ несмѣтномъ количествѣ только въ Сибири ¹⁾, зайцы (*Lepus variabilis*), размножившіеся значительно во всей Россіи, преимущественно же въ Сибири, гдѣ лучшіе бѣлые зайцы еще въ Палласово время водились по Хатаугѣ и по сѣвернымъ притокамъ Енисея, а также на Ленѣ и далѣе, вплоть до Камчатки ²⁾, бѣлки (*sciurus varius*), наполняющія всѣ лѣсистыя области европейской Россіи и, главнымъ образомъ, лѣса и рощи Сибири, также бурндуки, дятлы, хорьки, горностаи и проч. Посредствомъ этихъ и многихъ другихъ звѣрей, Сибирь имѣла естественную зоолого-географическую связь съ европейской Россіей, — особенно западная, до-енисейская ея часть. И потому звѣропромышленныя поселенія, подвинувшіеся, въ XVI вѣкѣ, вслѣдъ за миграціей преслѣдуемыхъ звѣрей, на край сѣверо-востока до Урала, съ конца XVI вѣка, естественно, должны были, вслѣдъ за кочевавшими и преслѣдуемыми звѣрями, перевалить въ Сибирь и здѣсь распространяться. Въ Сибирь, кромѣ множества лисицъ, бѣлокъ, горностаевъ и проч., преимущественно манили звѣропромышленниковъ соболи а также и бобры. Порѣдѣвшіе въ европейской Россіи бобры еще во множествѣ водились въ Сибири, преимущественно по Оби, Кондѣ, Сосвѣ, Басиму, Карѣ и проч. ³⁾. Соболи, въ эпоху распространенія сибирской колонизаціи, принадлежали, кажется, уже исключительно Сибири, а въ европейской Россіи ихъ уже не было. Не только въ началѣ этой колонизаціи, т. е. въ XVI вѣкѣ, но и въ Палласово время соболей въ Сибири было множество; не смотря на ощутительную убыль, и теперь еще ихъ ловится тамъ ежегодно до 45,000 штукъ ⁴⁾.

Вслѣдствіе таковыхъ естественныхъ условій русской земли, вслѣдствіе обильнаго и широкаго распространенія звѣрей, въ періодъ всеобщаго господства въ народномъ земско-хозяйственномъ само-

¹⁾ Pallasii, Zoographia Rosso-asiat. t. 1, p. 47.

²⁾ Pallasii, Zoographia p. 446.

³⁾ Pallasii, Zoographia 1, 143.

⁴⁾ Pallasii, Zoograph. Rosso-asiat. I, p. 84.

устройствѣ непосредственной животной экономіи природы,—естественно, большая часть народонаселенія пускалась искать средствъ жизни и даже самыхъ мѣстъ поселенія въ области этого звѣрлага царства природы. И вотъ, когда внутри русской земли мало помалу упали старинныя бобровничьи поселенія, еще по всему сѣверо-востоку распространены были звѣропромышленныя колоніи. Новгородъ великій, происшедшій изъ починка Славенскаго Торга или Славно-Торга, распространившій свои владѣнія, при помощи *повольниковъ*, по всему сѣверо-восточному углу Европы, колонизовавшій изъ своихъ *пять концовъ* пять пятинъ новгородскихъ, путемъ распространенія монастырей и церквей и *крещенія чорныхъ людей* въ *хрестьянъ* или крестьянъ русскихъ и обращеніе ихъ въ свою *волюсть* (власть), путемъ разсылки на промышленныя поселенія *божрскихъ насельниковъ — рабовъ и работныхъ людей*,—Новгородъ великій былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и метрополіей всѣхъ сѣверо-восточныхъ звѣропромышленныхъ колоній русской земли. Первые *погосты* его въ Чуди, въ Лопи и т. д., бывшіе сначала временными становищами гостей, вымѣнивавшихъ большою частью звѣриныя шкуры и мѣха у финскихъ звѣролововъ въ Чуди, въ Води въ Лопи, у Югры, Еми и проч., потомъ, съ построеніемъ церквей, становившіеся постоянными поселеніями, были большею частью такіе же звѣропромышленные *погосты*, какіе потомъ, въ XVII вѣкѣ, въ Сибири распространяли точно такіе же *гости* — торговые и промышленные люди,—промышляя и вымѣнивая у сабирскихъ инородцевъ звѣря, *садясь* на соболиные и другіе звѣриныя промыслы, и которые также назывались иногда *погостами*, какъ напр. Хантайскій и Хатангской погостъ на Мангазеѣ, въ Туруханскѣ ¹⁾, или упоминаемые Палласомъ погосты съ церквями въ Березовскомъ краѣ, въ низовьяхъ Иртыша и Оби, въ которыхъ русскіе живутъ съ остояками и къ которымъ причислены деревни крещеныхъ остяковъ ²⁾. Нѣкоторыя новгородскія колоніи сохранили такой первоначальный, звѣропромышленный характеръ до XVI вѣка, когда, вслѣдствіе уменьшенія наиболѣе цѣнныхъ звѣрей, многія изъ нихъ стали уже переходить въ рыболовческое состояніе. Таковы, на примѣръ, были новгородскія колоніи: Вага и Устюгъ, которыя, по словамъ Герберштейна, не имѣя и не потребляя хлѣба, и питаюсь рыбою и звѣрями, промы-

¹⁾ Gmelin, Reise durch Sibirien. Bd. III, s. 215—216.

²⁾ Pallas, Reise. Bd. III, s. 16—17.

шли отчасти плохих соболей, но особенно лисицъ и другихъ звѣрей, какими еще изобиловала сухоно-двинская страна ¹⁾. Финскія поселенія тоже еще въ XVI вѣкѣ сохраняли вполне первобытный, звѣроловческій образъ жизни, натуральную зоологическую экономію. О ланландцахъ Павелъ Ювій пишетъ: «не знаютъ они ни произрастеній, ни плодовъ и вообще никакихъ даровъ природы. Стрѣльба изъ лука доставляетъ имъ всю пищу ихъ, а звѣриныя кожи всю ихъ одежду. Жилища ихъ составляютъ небольшія пещеры, наполненныя сухими листьями, и древесные пни, выдупленные огнемъ или временемъ. Ланландцы промѣниваютъ московитанамъ на разные товары бѣлые мѣха, извѣстные у насъ подъ именемъ горностаевъ ²⁾». Какъ нѣкогда Новгородъ былъ метрополіей звѣропромышленныхъ колоній среди финскихъ племенъ, такъ, въ XVI вѣкѣ, звѣропромышленный Устюгъ служилъ сборнымъ торговымъ пунктомъ для финскихъ звѣроловческихъ поселеній. Туда эти звѣроловы свозили свои пушные товары. «Въ 60 миляхъ отъ Москвы, — говоритъ Павелъ Ювій, — тамъ, гдѣ рѣка Югъ впадаетъ въ Двину, лежатъ торговый городъ Устюгъ. Туда пріѣзжаютъ пермь, печора, югры, вогуличи, пенежане и другіе отдаленнѣйшіе народы и привозятъ съ собою дорогіе мѣха, какъ-то: кунницъ, соболей, волковъ, оленей и черныхъ и бѣлыхъ лисицъ, которые промѣниваютъ на различные товары ³⁾». И доселѣ многія поселенія въ губерніяхъ Вологодской, Олонецкой и Архангельской сохраняютъ отчасти старинный звѣропромышленный типъ. О значительности звѣропромышленнаго элемента въ ихъ хозяйственной основѣ свидѣлствуютъ отчасти цифры, показывающія даже, въ нѣкоторые годы, приращеніе звѣриныхъ промысловъ. Такъ, напр. въ Олонецкой губерніи ловъ медвѣдей возросъ съ 1804—1805 г. отъ 355 до 514 штукъ, ловъ кунницъ отъ 675 до 1760, лисицъ отъ 961 до 2897 штукъ; ловъ зайцевъ съ 1804—1812 г. увеличился съ 13,750 до 17,469, бѣлокъ (съ 1804—1810 г.) отъ 20,949 до 63,560 штукъ. Вологодское звѣроловческое населеніе ежегодно обращало торговлю въ слѣдующее количество мягкой рухляди: отъ 100 до 200 черныхъ лисицъ, отъ 1000 до 2000 красныхъ лисицъ, отъ 300 до 500 рысей, до 300 медвѣдей, отъ 300

1) Herberstein, Rerum Moscov. Itin. p. 79, 80.

2) Путеш. Павла Ювія. Библ. иностр. писател. о Россіи IV, стр. 28.

3) Ibid. стр. 30.

до 500 росомахъ, 200—300 бобровъ, отъ 1000 до 2000 кунницъ, отъ 500 до 600 волковъ, до 300 песцовъ, отъ 250 до 400 барсуковъ, 500—1000 рѣчныхъ бобровъ, отъ 5000 до 10,000 горностаевъ, отъ 500 до 1000 русаковъ, отъ 200,000 до 700,000 бѣляковъ (зайцевъ), до 600,000 бѣлокъ ¹⁾. Самого драгоцѣннаго звѣря соболя, этого золота древней Россіи, самаго главнаго и вождедѣннаго искомаго всѣхъ звѣропромышленниковъ, во всѣхъ этихъ великорусскихъ звѣропромышленныхъ областяхъ, давно уже не стало. Уже въ XVI вѣкѣ, соболя мѣха здѣсь, по словамъ Герберштейна, были и немногочисленны и недоброкачественны. Соболи если не были выловлены, то перебрались въ пустынные, лѣсистыя пространства Сибири. И ихъ оттуда уже нужно было добывать, и туда за ними отправляться. «Лучшіе соболя мѣха, — говоритъ Павелъ Ювій, — доставляются изъ Перми и Печоры. Но эти народы уже не сами добываютъ ихъ, а получаютъ отъ другихъ, отдаленнѣйшихъ племенъ, живущихъ близъ океана ²⁾». Слѣдовательно, въ Сибирь должны были звѣропромышленники направить свои охотничьи лыжи и тамъ основывать промышленныя колоніи. И вотъ, съ конца XVI вѣка, устремились туда толпы торговыхъ и промышленныхъ людей — вологжане, устюжане, холмогорцы, пинежане, устьцылемцы, усть-сысольцы и т. д., — все выходцы, преимущественно изъ сѣверо-поморскихъ звѣропромышленныхъ областей — Архангельской, Вологодской и Пермской ³⁾. За ними пошли звѣропромышленники изъ другихъ областей. Звѣроловные округа западной Сибири, принадлежавшіе прежде татарамъ, вогуламъ, самоѣдамъ и остякамъ, скоро заняты бы-

¹⁾ Ваер, Beiträge zur Kenntniss d. Russisch. Reiches. Bd. VII, s. 249—251.

²⁾ Библиот. иностр. писат. о Россіи IV, 30—31.

³⁾ Устюжскій лѣтописецъ говоритъ, что великій городъ Устюгъ обезлюдѣлъ оттого, что большая часть его жителей ушла въ Сибирь на промыслы. Сѣвер. Архивъ 1821 г. № 11. Даже служилые люди, собиравшіе въ Сибири ясакъ — соболей, лисицъ и другихъ звѣрей, были большею частью устьцылемцы, мезенцы, устюжане, пермяки, сысольцы, пинежане и т. п. Дополн. къ А. И. IV, № 5. Въ 1647 году, промышленный человекъ холмогорскаго уада Пенезскаго волока изъ Загорья, Григорій сынъ Васильевъ, сказывалъ: въ прошломъ-де во 153 году ходилъ онъ для своего соболинаго промыслу, съ покручениками съ 5 человекъ, да шестой своей ужинникъ, по Олекмѣ рѣкѣ, а былъ онъ на промыслу безъ выходу два года, а шелъ изъ якутскаго острогу до Олекмы полгреды недѣли, а отъ Усть-Олекмы съ Лены вверхъ по той Олекмѣ шелъ до Камени двѣ недѣли, и т. д. Доп. III, № 26.

ли русскими колоніями. Сибирскіе татары, съ грустью вспоминая основаніе первыхъ русскихъ колоній, тщетно жаловались на то, что русскіе звѣропромышленники вытѣсняли ихъ: «отецъ нашъ,—говорили нѣкоторые изъ нихъ въ 1649 году,—служилъ царю Михаилу Федоровичу и прежнимъ государямъ, какъ и Сибирь стала, и ставилъ съ государевыми служилыми людьми въ Сибири 3 города — Тобольскъ, Тюмень, Тару; а теперь на ихъ землѣ, по Тоболу рѣкѣ, по обѣимъ сторонамъ, *ловятъ всякіе русскіе люди всякой звѣрь и орловыя гнѣзда снимаютъ* ¹⁾». Въ низовьяхъ Оби и Енисея,—вездѣ появились *зимовья* и *погосты* русскихъ звѣропромышленныхъ людей, не смотря на всю отталявающую и леденящую суровость тундрянаго холода и мрака. Въ Мангазейскомъ зимовьѣ или въ Хатангскомъ погостѣ, подъ 68 $\frac{1}{2}$ с. ш., еще въ 1771 году, жило русскихъ 452 человека обоего пола ²⁾. Колоніи: Березовъ, Обдорскъ, Туруханскъ возникли, главнымъ образомъ, вслѣдствіе звѣропромышленности. Эти колоніи и теперь еще сохраняютъ старое звѣропромышленное значеніе. Напримеръ, въ Березовѣ еще въ 1860 году уловъ звѣря простирается на сумму до 92,000 р. Количество же добытаго звѣря составляло: соболей 1600 шкуръ, лисицъ 3500, песцовъ 32,500, горностаевъ 20,030, бѣлокъ 60,000, бурундуковъ 50,000 ³⁾. Въ началѣ же XVII вѣка, это были еще болѣе богатые звѣропромышленные центры притяженія для русскихъ ⁴⁾. Отсюда, съ Оби и Енисея, русскіе торговые и промышленные люди, гонаясь, главнымъ образомъ, за преслѣдуемымъ всѣми звѣроловами соболемъ, мало по малу пробрались на Лену. И здѣсь, по всѣмъ притокамъ Лены и Сѣвернаго и Охотскаго морей, повсюду ставились такія же *зимовья*. Для сбора въ казну ясака—соболей и для собственной наживы соболями, служилые люди повсюду строили такъ называемыя ясачныя зимовья и острожки—починки будущихъ селеній и городовъ. Такихъ зимовій, кромѣ острожковъ, въ одноѣ тогдашнемъ якутскомъ уѣздѣ, до 1675 года, поставлено было болѣе 22, именно: *Чаринское зимовье* на Оленкѣ, съ 14 служилыми людьми и 6 аманатами,

¹⁾ Дополн. III, № 51.

²⁾ Geogr II, s. 1057.

³⁾ Географическо-статист. словарь, вып. 1, 244—245.

⁴⁾ Pallas, Reise III, s. 87—93, говоритъ подробно о ловлѣ въ Березовской области соболя, бобра, дикаго оленя и морскихъ звѣрей, и проч.

и другое *Чаринское Усть-патовское зимовье*, съ 8 служилыми людьми и 3 аманатами, въ которыхъ 137 ясачныхъ тунгусовъ платили ясаку 8 сороковъ 36 соболей; *Майское зимовье*, съ 20 служилыми людьми, на р. Маѣ—*притокъ Алдана*, впадающаго въ Лену, гдѣ, по словамъ актовъ, «по тѣмъ рѣкамъ было соболей и лисицъ всякихъ и выдръ много, и корю рыбнаго и звѣринаго много же», и гдѣ майскіе тунгусы, въ числѣ 258 человекъ, платили ясаку 13 сороковъ и 18 соболей. *Олекминскій острожокъ*, съ 11 служилыми людьми, собиравшими ясаку съ 206 человекъ якутовъ и тунгусовъ 9 сороковъ 17 соболей, лисицу черночеревую и 30 лисицъ красныхъ, и *Охотскій острожокъ* съ 44 служилыми людьми, собиравшими ясаку съ 1172 тунгусовъ 59 сороковъ 39 соболей и 7 пластинъ собольихъ и проч. Всего, во всѣхъ этихъ 22-хъ зимовьяхъ и острожкахъ, было аманатовъ 214 человекъ и служилыхъ людей около 1,083 человекъ, которые собирали ясаку съ 12,236 человекъ якутовъ, тунгусовъ и юагировъ 461 сорокъ 12 соболей, да 49 пластинъ собольихъ съ 1 шубой, 2 лисицы бурыхъ, лисицу краснобурю, 11 лисицъ черночеревыхъ, 52 лисицы сиводуцатыхъ, 6,284 лисицы красныхъ и 1 шубу лисью. Въ 1675 г., на сборъ этого ясака и на присканіе новыхъ ясачныхъ людей требовалось изъ Москвы еще до 1000 служилыхъ людей ¹⁾. Къ служилымъ людямъ иногда присоединялись партіи такъ называемыхъ *торговыхъ, промышленныхъ и всякихъ кулацкихъ людей*, тоже искавшихъ счастья въ промыслахъ собольныхъ и жившихъ въ зимовьяхъ. Но, болышею частью, промышленные люди самостоятельно устроили свои звѣроловческія зимовья. По всѣмъ притокамъ Лены и Сѣвернаго и Охотскаго морей ставились и эти *промышленныя зимовья*. Населеніе ихъ увеличивалось тѣмъ, что русскіе торговые и промышленные люди обыкновенно прибирали или нанимали такъ называемыхъ покрученниковъ, ужинниковъ, полуженщниковъ—артели наемныхъ звѣролововъ въ составѣ до 50 и до 60 человекъ, и даже еще въ XVIII столѣтіи — отъ 6 до 40 человекъ. Изъ зимовьевъ проводились *станы*, гдѣ также ставились избышки или шалаши, которые тоже перѣдко были основами поселеній. Въ то же время затесами деревьевъ промышленные люди пролагали дороги въ дикихъ дебряхъ ²⁾. Всѣ эти

¹⁾ Доп. VI, № 136.

²⁾ Крашенинникова, Опис. Камчатки т. I, стр. 235—260: витимскіе собольные промыслы.

ряды ясачныхъ и промышленныхъ зимовій, становъ и острожковъ, широкою сѣтью распространившіеся по всѣмъ рѣкамъ, по всѣмъ направленіямъ Сибири, вплоть до Камчатки и сѣверо-восточнаго угла Ледовитаго моря, были первые основоположительные починки сибирской колонизаціи. Соболь былъ главнымъ магнитомъ и двигателемъ ихъ. Первые колонисты, по выраженію историческихъ актовъ, *садились на собольиные промыслы*. Идя, по словамъ актовъ, *своею силою* на Охоту рѣву, *возьмъ утесъ и всяко, рѣками и волоками*, разузнали служилые и промышленные люди, по сказкамъ иноземскимъ, что тамъ «соболи по рѣкамъ есть и звѣря морского много»,—и тамъ, кромѣ охотскаго острожка, появилось Горбейское зимовье и другія, и служилое населеніе прибывало *новоприборными и новопробылыми людьми* ¹⁾. Такимъ образомъ, соболь довелъ русскіе колоніи до Камчатки. Благодаря ему, положено было основаніе почти всѣмъ главнымъ колоніямъ сѣверо-восточной Сибири, какъ, на примѣръ, Олекминску, Вилюйску, Верхоянску, Верхне-Колымску, Средне-Колымску, Нижне-Колымску, Гижигинску, Охотску и проч. Когда торговые и промышленные люди во всѣхъ этихъ мѣстахъ, по жалобѣ якутскихъ тунгусовъ, *соболя отпромышляли и корень собольиный вывели* ²⁾,—тогда предприимчивые казаки пошли дальше—въ Камчатку. Здѣсь нашли они еще болѣе дорогого звѣря—камчатскаго бобра и, промышляя его, въ борьбѣ съ камчадалами, положили начало русской колонизаціи Камчатки и основали 5 остроговъ. Въ скрещеніи съ камчадалами, замѣчаешь, между прочимъ, Ерманъ, здѣсь развивалось такое же чернобровое казачье поколѣніе, какъ въ Малой Россіи, черезъ прежнее скрещеніе блондиннаго русскаго племени съ смуглымъ, черноволосымъ племенемъ тюркскимъ, сложился этотъ идеалъ народной поэзіи — чернобровый типъ ³⁾.

Какъ соболь провелъ русскіе колоніи черезъ всю Сибирь до Камчатки, такъ морской бобръ повелъ ихъ отъ Камчатки черезъ весь рядъ Алеутскихъ острововъ до материка Америки, и на этомъ континентѣ — до существующей тамъ колоніи Россъ ⁴⁾. Вызванныя изобиліемъ морского бобра, промышленныя компаніи купцовъ ир-

¹⁾ Дополн. III, № 87, грам. I. Дополн. VII, № 61, грам. X.

²⁾ Дополн. III, № 57.

³⁾ Erman. Reise, III s. 184.

⁴⁾ Baer, übersicht des Jagd—Erwerbes in Sibirien, besonders im ostlichen. Beiträge zur Kenntn. d. R. Reich. VII, s. 139.

кутскихъ, якутскихъ, вологодскихъ, частью тобольскихъ, солонкамскихъ, московскихъ, тульскихъ и курскихъ, одна за другою, ирелсѣдую этого дорогого звѣря и все далѣе и далѣе проникая въ Восточный океанъ, открыли всѣ 4 группы въ длинной грядѣ Алеутскихъ острововъ. Конечнымъ результатомъ этого вѣкового звѣропромышленнаго движенія колонизаціи были звѣропромышленныя колоніи основанной въ 1798—99 г. сѣверо-американской компаніи, съ ея центральной или главной колоніей на Ситхѣ—Новоархангельскомъ, съ 6 отдѣлами или округами, съ 36 охотничьими постами, съ мѣховымъ богатствомъ въ $\frac{1}{2}$ милл. рублей. Первая колонія на Алеутскихъ островахъ, составлявшая компанію Шелехова, состояла только изъ 192 русскихъ, которые и положили основаніе Новоархангельску въ Ситхѣ. Въ 1833 г. всѣхъ жителей въ Новоархангельскѣ было уже 847, въ томъ числѣ 406 европейцевъ, 307 креоловъ и 134 алеута и колоша. Туземное народонаселеніе сначала подверглось страшному истребленію со стороны русскихъ промышленниковъ. Въ половинѣ прошлаго столѣтія всѣхъ алеутовъ было до 25,000, а по Шелехову, до 50,000 душъ; но они до такой степени истреблены были русскими промышленными компаніями, что ихъ осталось только около 4,000. Одинъ Соловьевъ истреблялъ, по свидѣтельству Давыдова, 3,000, а по свидѣтельству Сарычева—5,000 человекъ. На Уналиткѣ еще въ 1790 г. было 1,300 аборигеновъ, а въ 1804 г. едва осталось уже только 300. На островахъ Кадьякѣ, Афоннакѣ, Сахлидокѣ, Шухѣ, Тухидокѣ и Сихтуножѣ въ 1790 г. жителей считалось до 3,000 д., а въ 1804 г. ихъ было уже только 450 ¹⁾. Затѣмъ, когда компанія стала дружелюбнѣе съ туземными племенами, началось болѣе или менѣе мирное сближеніе и слияніе аборигеновъ съ русскими колонистами. По причинѣ крайняго недостатка русскихъ женщинъ ²⁾, колонисты

1) Langsdorf, Reise Bd. 11, s. 31, 52—55. Здѣсь находится и статистич. таблицы уменьшенія аборигеновъ.

2) Наприм., по отчету 1847 г., въ Новоархангельскѣ было русскихъ мужчинъ 306, а женщинъ только 23; въ кадьянскомъ отдѣлѣ мужчинъ 61, а женщинъ 4; въ отдѣлахъ атхянскомъ, курильскомъ и сѣверномъ русскихъ женщинъ и вовсе не было. По отчету 1854—55 г. въ числѣ русскихъ колонистовъ было: въ Новоархангельскѣ мужчинъ 446, а женщинъ 49, въ Кадьякск. отд. мужчинъ 73, а женщинъ 11, въ сѣверн. отд. русскихъ мужчинъ 59, а женщина русская только 1; въ прочихъ отдѣлахъ русскихъ женщинъ вовсе не было. См. Отчеты.

стали вступать въ бракъ съ туземными женщинами. Такимъ образомъ, стало нарождаться особое населеніе *креоловъ*. Численность ихъ, при всемъ колебаніи въ различные годы, возростала. Такъ, наприм. въ 1833 г. креоловъ было только 991, а въ 1856 г., число ихъ возросло до 1,902 человекъ. «Креолы, — говоритъ Врангель, — дѣти русскихъ и аборигеновъ, составляютъ въ колоніи особое сословіе и пользуются всѣми правами русскаго мѣщанства. Многіе креолы получили образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Петербургѣ, изучали нѣкоторыя науки и искусства; многіе обучались въ школахъ самой колоніи и теперь въ общественномъ мнѣніи стоятъ почти наравнѣ съ русскими. Нѣкоторые изъ этихъ креоловъ дѣлаются значительными чиновниками, наприм., бухгалтерами, смотрителями пангаузовъ, помощниками корабельныхъ комендантовъ и главными начальниками кораблей, церковно-служителями. Всѣ креолы хорошо говорятъ по русски. Умственные способности ихъ очень хороши и они обнаруживаютъ особенную склонность и привязанность къ механическимъ работамъ» ¹⁾. Изъ Креоловъ компанія составляетъ особыя колоніи. Такъ въ 1847 году избраны были въ уналашкинскомъ и атхинскомъ отдѣлахъ удобныя мѣста для поселенія престарѣлыхъ служителей компаніи съ ихъ семействами — креолами. «Разселеніе служителей компаніи съ ихъ семействами, по разнымъ отдѣламъ колоній, — сказано въ отчетѣ за 1847 годъ, — производится какъ потому, что люди эти сами просятся на житье въ тѣ отдѣлы, въ которыхъ родились ихъ жены алеутки и гдѣ, слѣдственно, дѣти ихъ находятъ свою родню, такъ и для того, главнѣйше, что только этими мѣрами компанія можетъ навсегда и повсюду обезпечить существованіе туземнаго народонаселенія изъ креоловъ; потому что коренные жители колоній, алеуты, не смотря на всѣ принимаемыя мѣры, рано или поздно, исчезнуть въ чистомъ ихъ видѣ, подобно тому, какъ нынѣ уже не существуетъ большая часть американскихъ туземцевъ тѣхъ странъ, гдѣ водворились европейцы» ²⁾. Русскіе колонисты, не смотря на туманность климата и заброшенность въ дальній, непривѣтный морской уголокъ, повидному, довольны своимъ поселеніемъ. Когда, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, думали выселить нѣкоторыхъ промышленниковъ

¹⁾ Wrangel, über die Russ. Besitz. v. Amer. s. 30—31. Langsdorf, Reise II, s. 9.

²⁾ Отчетъ 1847 г. стр. 37

съ Алеутскихъ острововъ, съ цѣлью уменьшить истребленіе морскихъ котиковъ, то многіе не хотѣли выселиться и говорили тогдашнему правителю торговыхъ дѣлъ компаніи: «Здѣсь мы имѣемъ все въ избыткѣ. Изъ шкуръ лисицъ и котиковъ дѣлаемъ себѣ одежду. Морскіе коты, которые замѣняютъ намъ стада, даютъ намъ богатую пищу. Въ плодахъ нѣкоторыхъ видовъ растений (именно въ ягодахъ) недостатка мы не имѣемъ. Морскія птицы и ихъ яйца служатъ намъ лакомствомъ. Хотя острова и лишены дровъ, но мы не особенно чувствуемъ въ нихъ недостатокъ, какъ думаютъ; землянки, въ которыхъ мы живемъ, теплы сами по себѣ; а если и понадобится топливо, то нѣсколько расщепленныхъ и брошенныхъ на берегу кораблей компаніи и кости съ ворванью достаточны для того, чтобы согрѣть наши землянки и сварить пищу» ¹⁾ И дѣйствительно, судя по добычѣ колоній компаніи, при свободѣ и сбытѣ, можно было тамъ выгодно промышлять морского звѣря. Съ 1823 по 1841 годъ, изъ колоній сѣверно-американской компаніи ежегодно вывозилось: 1161 шкура морской выдры, 16,000 морского котика, 900 шкурокъ чернобурой лисицы, 8,029 бобровыхъ, 1070 хвостовъ морской выдры, 1,279 шкурокъ чернобрюхихъ лисицъ, 2,246 шкурокъ рыжей лисицы, 667—бѣлаго песка, 2,430 бураго песка, 243 медвѣжьихъ, 78 росомахъ, 780 рѣчной выдры, 810 американскаго соболя, 236 ондатры, 10 волчьихъ, 235 моржовыхъ бивней, 92 фута китоваго уса и 262 ф. бобровой струи. Кромѣ того, колоніи сѣверо-американской компаніи много добываютъ китовъ, тюленей, свучей, и проч. Но здѣсь мы уже входимъ въ область водныхъ, морскихъ звѣрей, которыя вызвали въ Россіи особаго рода поселенія.

Изобиліе водной животной экономіи на русской землѣ вызвало особаго рода поселенія—рыболовецкія. При естественной готовности и неистощимости различныхъ продуктивныхъ источниковъ на русской землѣ,—еще много вѣковъ не чувствовалъ настоящей необходимости — напрягать умъ и изобрѣтать индустріальныя средства жизни. Не хотѣли расчищать пашеннаго починка въ лѣсу, селиться въ хлѣбныхъ селахъ и деревняхъ или не имѣли для этого топора, косы, сохи, и «страдной животины», не хотѣли селиться въ деревняхъ бобровничьихъ, звѣропромышленныхъ, или нестало звѣ-

¹⁾ Langsdorf, Reise II, s. 25.

ря,—шли, въ такомъ случаѣ, къ рыбной рѣкѣ, къ рыбному озеру или къ морю, и тамъ устроялись на рыбной ловлѣ. Къ тому русскіхъ побуждала, между прочимъ, и невыгодная для развитія дѣятельныхъ—умственныхъ и физическихъ силъ привычка—ѣсть больше рыбы, чѣмъ мясо и дичь и притомъ—строго соблюдать посты, составляющіе почти половину года. «Лѣсная дичь,—говоритъ Олеарій,—находящаяся у русскихъ въ большомъ изобиліи, не цѣнится; многихъ птицъ не считаютъ за нужное ловить и употреблять въ пищу. Въ Москвѣ, по большой части, употребляютъ въ пищу соленую и притомъ тухлую рыбу. Мясо у русскихъ находится въ изобиліи и очень дешево, такъ какъ они, соблюдая посты по нѣкоторымъ днямъ недѣли, ѣдятъ одну только рыбу. Умѣя приготовить изъ рыбы разныя кушанья, русскіе почти и не нуждаются въ мясѣ». ¹⁾ Рыбнымъ же богатствомъ кругомъ изобиловали водные бассейны русской земли. Достаточно взглянуть бѣгло на теперешній запасъ рыбъ въ различныхъ водахъ Россіи, чтобы представить древнее, несравненно обильнѣйшее продуктивное содержаніе ихъ. При тогдашней малораспространенности земледѣльческихъ и промышленныхъ поселеній, при изобиліи даже въ дѣвственныхъ лѣсовъ по берегамъ рѣкъ и озеръ и при многоводности бассейновъ этихъ послѣднихъ,—естественно, обильнѣйшій притокъ изъ окрестныхъ почвъ питательныхъ веществъ въ водные бассейны производилъ обильнѣйшій запасъ и приплодъ рыбъ въ русскихъ рѣкахъ, озерахъ и моряхъ. Западные путешественники, постоянно указывая на громадность русскихъ рѣкъ, въ тоже время указывали какъ на замѣчательную производительную особенность ихъ—на изобиліе рыбы всякаго рода. «Текуція рѣки и съ стоячею водою озера,—говоритъ Олеарій,—которыхъ очень много въ Россіи, заключаютъ въ себѣ чрезвычайное изобиліе рыбы; недостатокъ ощущается только въ карпахъ, коихъ нельзя было найти даже и въ Лиоляндіи. Впрочемъ въ Астрахани видѣли мы много карповъ величины необыкновенной; за одного карпа мы платили по шиллингу. Рыба эта ловится въ Волгѣ» ²⁾. Волга и теперь еще непосредственно на берегахъ своихъ болѣе или менѣе питаетъ или снабжаетъ рыбою многолюдныя массы населенія 9 прибрежныхъ губерній или до 39 городовъ, 6 посадовъ и болѣе 1,000 поселковъ. Въ старину, нѣкоторыя притоки

¹⁾ Олеарій (въ Архивѣ) стр. 16—17 и 48.

²⁾ Архивъ 1859 кв. III: Олеарій, стр. 18.

Волги особенно славилась обиліемъ и вкусомъ рыбы, наприм. Шексна: по словамъ Герберштейна, рыба, которая идетъ изъ Волги въ эту рѣку и въ Бѣлоозеро, становится лучше, и тѣмъ лучше и лучше все становится, чѣмъ долѣе живетъ въ озерѣ, изъ котораго вытекаетъ Шексна. Съ XVI вѣка, когда, съ покореніемъ царствъ казанскаго и астраханскаго, колонизація направилась на югъ, по Волгѣ, къ каспійскому морю, — здѣсь открылся новый, самый обильнѣйшій резервуаръ рыбнаго богатства. Въ астраханскомъ водномъ районѣ и въ настоящее время добывается рыбы и тюленей до 3,000,000 пудовъ. На одномъ «Божіемъ промыслѣ» ловится ежегодно отъ 1,000 до 1,500 бѣлугъ, отъ 20,000 до 30,000 осетровъ, отъ 150,000 до 200,000 севрюгъ и до 90,000 сомовъ. Общій вѣсъ рыбы, ловимой въ Каспійскомъ морѣ, кромѣ потребляемой на мѣстѣ, опредѣляется до 7,500,000 пудовъ. Каспійское море тѣмъ болѣе представляло неистощимое водовмѣстилище рыбъ, что, при огромномъ бассейнѣ его (35,000 миль), — въ него и въ настоящее время вносятся посредствомъ притоковъ обильнѣйшее количество питательныхъ веществъ для рыбъ — въ 12 или 13 разъ больше противъ количества вносимаго въ Бѣлое море. На сѣверѣ, въ полярно-балтійской и бѣломорской системѣ, природа, лишивши край произведеній теплаго или умѣреннаго климата, за то тоже довольно щедро разлила обширные и богатые источники водной животной экономіи. Здѣсь рыбныхъ озеръ и рѣкъ безчисленное множество. Въ одной нынѣшней олонецкой губерніи считается до 2,000 озеръ; даже въ одномъ петрозаводскомъ уѣздѣ болѣе 500 озеръ. Рыболовная вода здѣсь, по всему полярно-бѣломорскому поморью, рѣшительно преобладаетъ надъ хлѣбородною землею. А море — Бѣлое и Сѣверное? Это было не только рыбное, но и звѣропромышленное эльдорадо древняго великаго Новгорода и всѣхъ его колоній. Общая масса бѣломорскаго улова, поступающаго въ торговлю, сверхъ потребляемаго на мѣстѣ количества рыбы, и въ настоящее время простирается до 600,000 пудовъ. Однихъ сельдей ловится въ сорочкой губѣ до 150,000,000 штукъ, или 300,000 пудовъ. Въ бѣломорской системѣ пасчитывается въ настоящее время до 32 породъ рыбъ, употребляемыхъ въ пищу. Кромѣ рыбъ, къ Бѣлому и Сѣверному морю изстари привлекали множество промышленниковъ различные виды морскихъ звѣрей, доставляющихъ жиръ и кожи. — Вслѣдствіе такого изобилія естественной экономіи воднаго животнаго

царства, по всѣмъ направленіямъ и областямъ — по рыбнымъ рѣкамъ, озерамъ и морямъ, естественно, устраивались особыя промышленныя поселенія — такъ называемыя въ актахъ *рыболовли деревни*, *рыбныя ловецкія слободы* и *поморскія зѣтропромышленныя поселенія*. Во-первыхъ, въ волжско-каспійской водной системѣ, рыболовческая колонизація распространялась территориально-гидрографической сѣтью по всѣмъ рыбнымъ озерамъ и рѣкамъ, и особенно внизъ по Волгѣ до самаго Каспійскаго моря и до Закавказья. Такъ, уже около самой Москвы, рядомъ съ слободами хамовниковъ, кацащевцевъ, ямщиковъ, были устроены *рыбныя ловецкія слободы*.¹⁾ Въ древней области финскаго племени Мери, на берегу переяславскаго и плещеева озера, устроены были, по такъ называемому въ актахъ *стольничему пути* изъ великокняжеской *поварни*, дворцовыя рыболовческія поселенія — переяславскія *рыболовли деревни*. Въ 1506 г. апрѣля 7, вел. князь Василій Ивановичъ далъ *старостѣ рыболовлему* и *всѣмъ рыболовамъ переяславскимъ* *стольничя пути* уставную грамоту, вслѣдствіе которой старинныя рыболовли деревни организовались въ одну дворцовую рыбную слободу.²⁾ Въ уставной грамотѣ, между прочимъ, сказано было: «кто иметь рыбу ловити на моемъ озерѣ на переяславскомъ и на Вексѣ неводомъ, или сѣтью, или бредникомъ, или иною рыбною ловлею, мой ли кто великаго князя, или митрополить, или боярскій, или монастырскій, — и тѣ *всѣ потянутъ въ мою поварню великаго князя съ моими рыболовцы* во всякіе проторы». Такимъ образомъ, всякой, кто только ходилъ ловить рыбу по великокняжескому *стольничему пути*, забрасывая неводъ въ переяславское озеро и пользоваяся его рыбою, — тотъ необходимо долженъ былъ причисляться къ Рыбной слободѣ, селиться въ ней и тянуть вмѣстѣ съ нею, по *стольничему пути*, въ княжескую поварню. — Отъ переяславскаго озера московская или волжско-каспійская рыболовческая колонизація шла сначала по верхнему теченію Волги. Здѣсь основаны были рыболовли деревни и слободы по берегамъ Волги. Такъ въ актахъ упоминаются *дворцовыя рыбныя слободы* въ ярославскомъ уѣздѣ, по Волгѣ, Шекснѣ и Мологѣ³⁾ Къ этому разряду относятся — *рыбинская слобода*, преобразовавшаяся потомъ

¹⁾ А. А. Э. III, № 79.

²⁾ А. Э. I, стр. 114. Владимір. Сборн. стр. 14.

³⁾ А. Э. IV, № 233.

въ нынѣшній городъ Рыбинскъ, *борнеолѣбская рыбная слобода*, близъ посада ярославскаго города Романова, и много мелкихъ *деревень рыболовныхъ* ¹⁾. Юрвецъ, повольскій посадъ, также населенъ былъ рыболовами, которые «строили на Волгѣ, для рыбной ловли, на царскій обиходъ ѣзы ²⁾. Съ верхней Волги московская сѣтъ рыболовческихъ поселеній простиралась, съ одной стороны, по Шекснѣ къ Бѣлоозеру и къ Кубенскому озеру, съ другой — по р. Костромѣ въ костромскую область до Галичскаго и Чухломскаго озеръ, и, наконецъ, третья, самая обширная вѣтвь рыболовныхъ селъ и деревень пошла внизъ по Волгѣ и ея притокамъ до Каспійскаго моря. Главными проводниками рыболовческой колонизаціи были дворцовыя слободы и рыбныя двory и такъ называемыя владычныя и монастырскія рыболовыя села и деревни. Князья бѣлозерскіе—отрасль московскаго княжескаго рода, посадскіе люди города Бѣлоозера — древней колоніи новгородской въ области финскаго племени Веси, московскій Сергіевъ монастырь и колонія его — кирилло-бѣлозерскій монастырь были главными распространителями рыболовныхъ деревень и слободъ по р. Шекснѣ и по берегамъ Бѣлоозера. Такъ возникли здѣсь *рыболовныя деревни*, упоминаемыя еще въ 1453 году ³⁾ Съ тѣхъ поръ на Бѣлоозерѣ, на посадѣ и въ уѣздѣ постоянно жили *рыбныя ловцы* ⁴⁾. Въ самомъ городѣ Бѣлоозерѣ, потомъ, у московскихъ царей былъ *рыбный дворъ*, составившій въ то же время для рыбаковъ и судный дворъ. Въ немъ жили *работники царскіе рыбныя ловцы, явочныя ловцы, всякихъ чиновъ рыбныя промышленники, лодочники и челновщики*. Ими «была чищена певодная топа на Шекснѣ, въ которой они и ловили рыбу на царя. Кромѣ того были «государевы записныя рыбныя ловцы бѣлозерцы, посадскіе люди, въ числѣ 30 человекъ, ловившіе рыбу по Шекснѣ на пространствѣ болѣе 40 верстъ и вылавливавшіе, какъ наприм. въ 1675 году, по 991 стерляди ⁵⁾. Въ уѣздѣ бѣлозерскомъ было много рыболовныхъ слободъ, селъ и деревень». Рыбныя ловцы всѣхъ этихъ рыболовныхъ селъ, слободъ и деревень производили ловлю большею частію сообща, соединяясь по нѣскольку деревень въ договорныя артели и

¹⁾ А. Э. III, № 170.

²⁾ А. Э. III, № 102.

³⁾ Собр. государств. грам. и договор. I, № 83.

⁴⁾ Доп. VI, № 74, стр. 276.

⁵⁾ Доп. VI, № 128.

но *улову ставая на ловлю всѣ въ одинъ день*. Рыболовы сами увеличивали численный составъ своихъ общинъ или артелей, *принимая людей со стороны въ неводъ и таласъ* ¹⁾. Всѣ эти рыбныя слободы, рыболовныя деревни и села должны были платить въ царскій рыбный дворъ оброкъ — определенное число лучшихъ стерлядей, «смѣрянныхъ государевымъ печатнымъ орленымъ аршиномъ, съ носомъ и хвостомъ, отъ самыя остряди и до хвостовой послѣдней развилыны». — Далѣе внизъ по Волгѣ рыболовческая колонизація распространялась особенно быстро и сильно. Здѣсь и вся-то первоначальная колонизація волжской долины, состояла преимущественно и большею частію даже исключительно изъ рыболовныхъ поселеній. Всѣ первыя рыболовныя деревни устроились у самой Волги, по берегамъ, лѣпились нерѣдко по самымъ склонамъ и уступамъ или при подошвѣ прибрежныхъ горъ. Церковныя власти и монастыри, вслѣдствіе огромнаго потребленія рыбы особенно содѣйствовавшія рыболовческой колонизаціи въ древней Россіи, явились и здѣсь сначала главными проводниками рыболовныхъ поселеній, захватывая напередъ рыбныя ловли, тони и учуги по Волгѣ, до самой Астрахани и Каспійскаго моря. У московскихъ монастырей были обширныя рыбныя ловли и села по Волгѣ, въ Казанскомъ уѣздѣ, въ Самарѣ, въ Астрахани ²⁾. Суздальскій Спасо-евфиміевъ монастырь еще до завоеванія Казани поселилъ своихъ людей — рыболововъ по Волгѣ «у спаекныхъ и коноплитскихъ водъ, у озеръ западныхъ съ истоками по обѣ стороны Волги, у острововъ духовскаго и спасскаго, въ заводи рознѣжской, при озерехъ Яриловомъ, Сопинскомъ, да въ Сурскомъ лугу около озера Лукаваго, при истокахъ р. Суры, на луговой сторонѣ на озеркѣ Озерскомъ большомъ, на озеркѣ Плосскомъ, при истокѣ р. Дорогучъ, въ Нижегородскомъ уѣздѣ» ³⁾. Въ 1574 г. Казанскому Зилантову монастырю дано было право «крестьянъ на пусто называть изъ-за князей и дѣтей боярскихъ», съ опредѣленіемъ пошлины съ крестьянъ, соглашавшихся идти на поселеніе за Зилантьевымъ монастыремъ ⁴⁾. Частныя рыбопромышленники тоже толпами плыли внизъ по Волгѣ и устраивались на рыбныхъ ловляхъ. Въ казанскихъ лѣтописяхъ, напримѣръ,

1) Доп. VI, № 74, грам. 1 и слѣд.

2) Доп. VI, № 87.

3) А. И. I, № 209.

4) А. И. I, № 191.

замѣчается, что въ XVI вѣкѣ «Новгородцы вели съ собою болѣе 1,000 рыболовей московскихъ, ловящихъ рыбы на Волгѣ подъ горами Дѣвичьими и до Зміева камня, гдѣ возникло Зміево село (городище тожъ) въ чистопольскомъ уѣздѣ ¹⁾. Занявъ лучшія мѣста, отодвинувъ ипородцевъ во внутрь края, поселенцы скоро охватили всю долину Волги. Селеніе быстро возникало за селеніемъ. Призывались люди, напримѣръ, сторожить рыбныя ловли, — возникало селеніе. Многія изъ поволжскихъ селъ образовались такимъ образомъ; изъ нихъ большая часть существуетъ и въ настоящее время. Напримѣръ, въ казанской губерніи, въ прибрежныхъ селеніяхъ, деревняхъ и пѣкоторыхъ городахъ по Волгѣ и Камѣ рыболовство и доселѣ сосредоточено, какъ коренной промыселъ. Далѣе, въ низовьяхъ Волги и въ Астрахани былъ большой наплывъ народонаселенія. Уже въ началѣ XVII вѣка изъ Казани въ Астрахань ходилъ «вешній большой караванъ и большой же караванъ осенній», въ которомъ собирались всякіе торговые люди и, въ томъ числѣ, главнымъ образомъ рыбопромышленники изъ верховыхъ и понизовыхъ городовъ ²⁾. И рыболовецкіе поселенія въ низовьяхъ Волги, по берегамъ Каспійскаго моря и по его притокамъ, быстро умножились. Уже въ началѣ XVII вѣка, въ Астрахани жили торговые люди — рыбопромышленники казанцы, нижегородцы, ярославцы, владимірцы и изъ другихъ верховыхъ и понизовыхъ городовъ ³⁾. Нужда и смѣтливость русскихъ торговцовъ не замедлили открыть баснословное рыбное богатство этихъ мѣстъ; и выгоды ихъ привлекали сюда постепенно все болѣе и болѣе искателей счастья. Они стекались съ разныхъ мѣстъ русской земли и состояли преимущественно изъ людей вольныхъ гулящихъ, бѣглыхъ, преступниковъ и разнаго сброда, которымъ на родинѣ по чему-нибудь не жилось ⁴⁾. Въ недавнее еще время распоряженіемъ правительства они поселены окончательно въ Астраханской губерніи и числятся имиѣ казенными или помѣщичьими крестьянами, образовавшими теперь большіе села и деревни съ богатѣйшими рыбными ватагами. Самыя названія этихъ селеній: Безродная, Безъимлиная, Распутинская и т. п. даютъ понятіе о происхожденіи своихъ поселенцевъ. Таково преимущественно

¹⁾ Казанск. губер. вѣдом. 1855 г. № 21.

²⁾ А. И. III, № 154.

³⁾ А. И. III, № 154.

⁴⁾ А. И. I, № 230.

русское население Астраханской губернии, занимающееся исключительно рыбопромышленностью. Такъ же заселялся рыбный притокъ Каспійскаго моря—Яикъ или Уралъ. На берега его собрались, около половины XVII вѣка, разнаго рода рыбопромышленники, вольные гуляціе и бѣглеы люди, а также донскіе казаки, — и населили яцкиа станицы и хутора. Такъ, напримѣръ, основанъ не ранѣе первой половины XVII в. Гурьевъ городокъ рыбопромышленникомъ Гурьемъ съ сыновьями, которые при устьѣ Урала сдѣлали учугъ, а для защиты отъ набѣговъ хищныхъ ногайцевъ и трухменовъ построили деревянный острогъ, почему онъ во всѣхъ актахъ XVII в. до 1708 г. назывался городкомъ на Яикѣ или яцкимъ городкомъ. «Теперь» въ немъ живетъ уже до 2,096 д. об. п. и занимаются исключительно рыбною ловлею ¹⁾. Казаки разселились по всему Яику или Уралу. «Главный промыселъ и занятіе яцкихъ казаковъ, — говоритъ Палласъ,—состоитъ въ рыбной ловлѣ. Ловъ въ р. Яикѣ бываетъ 4 раза въ годъ, изъ нихъ три самыя главныя. — Первый и самый важный ловъ въ году бываетъ въ январѣ: тогда вытаскиваютъ рыбу баграми, и потому ловъ этотъ называется *батрмьемъ*. Второй или севрюжный ловъ (вешняя плавня) бываетъ въ маѣ и продолжается до іюня. Третій и не столь важный ловъ (осенняя плавня) производится въ октябрѣ: тогда ловятъ рыбу сѣтями. Въ рѣкѣ Яикѣ водятся обыкновенно—осетры, бѣлуги, шипы, севрюги, стерляди, сомы, сазаны и бѣлая рыбаца; а изъ меньшихъ и протыхъ рыбъ — щуки, судаки, бершники, лещи, голавлі, чехонь и проч. Севрюгъ въ Яикѣ бываетъ такое огромное множество, что при Гурьевѣ можно ясно видѣть ихъ тьму въ водѣ. Всѣ казаки увѣряли, что прежде при яцкомъ городѣ отъ сильнаго напора рыбы дѣлались проломы въ проведенномъ черезъ рѣку учугѣ или заколѣ и принуждены были выставлять на берегъ пушки для разогнанья рыбы пальбою» ²⁾. Въ настоящее время на Яикѣ рыболовствомъ занимаются до 8,500 казаковъ ³⁾. Въ Астраханскомъ уѣздѣ, даже въ заливахъ Каспійскаго моря, на смежныхъ островахъ и буграхъ, не вполне заливаемыхъ полою водою и представляющихъ наиболѣе удобствъ къ причалу рыболовныхъ лодокъ, съиздавна поселились

¹⁾ Географ. Слов. Семенова I, 711—712. Доп. IV № 85.

²⁾ Pallas, Reise I, s. 283—290.

³⁾ Исхлѣдов. о состояніи рыболовства въ Россіи, т. V, стр. 30—32.

разнаго званія люди какъ изъ астраханской, такъ и изъ разныхъ верхovýchъ губерній, и живутъ цѣлыми селеніями по паспортамъ, для производства рыбнаго промысла; въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, по обычаю прочно-осѣдлыхъ сель, устроены даже церкви ¹⁾. Въ Астраханской губерніи въ 1815 г. считалось до 7,000 рыбаковъ, въ 1830 г. отъ 16 до 47,000, а теперь считается до 60,000. Въ закавказской части каспійскаго бассейна также устроились обширныя рыболовческія поселенія. Здѣсь, на лѣвомъ берегу Куры, въ 14 верстахъ отъ моря, особенно замѣчательна небольшая колонія или ватага—Божій промыселъ. О рыбномъ богатствѣ р. Курмы русскіе узнали не раньше первой половины прошлаго столѣтія. Гмелинъ первый (1770 — 1773) подробно разсказалъ объ нихъ. Съ того времени стали уже приходить сюда нѣкоторыя русскія суда для рыбной ловли. Поселившійся въ Россіи грекъ Варвацій, въ компаніи съ двумя астраханскими купцами Теленевымъ и Чурекowymъ, первый основалъ здѣсь небольшую рыболовческую колонію или ватагу, которая уже въ то время добывала на продажу до 10,000 бѣлугъ, до 80,000 осетровъ и до 200,000 севрюгъ. Потомъ еще болѣе устроилъ ватагу индѣецъ Могундастъ, взявшій ее на откупъ въ 1825 году. Послѣ разоренія въ слѣдующемъ году персами, находившись въ казенномъ управленіи съ 1829 по 1846 годъ, съ этого послѣдняго года она опять отдается на откупъ. Въ ней построено нѣсколько сотенъ строеній разнаго назначенія: жилища для служащихъ, промысловаго и рабочаго населенія, амбары и магазины для склада рыбнаго товара, орудій и запасовъ, необходимыхъ для производства лова и т. п. Въ ней есть больница для рыболововъ и аптека. Разведены даже фруктовые сады, цвѣтники, бесѣдки, павильоны, и т. п. Такимъ образомъ ватага Божій промыселъ сдѣлалась чѣмъ-то въ родѣ небольшого городка и походить на привлекательный оазисъ въ обширной, неплодной, солончаковой степи, который весьма часто посѣщается путешественниками. Что же касается до улова рыба, то, по мнѣнію Бэра, Божій промыселъ есть первый въ цѣломъ мірѣ ²⁾. Вообще, о рыболовческихъ поселеніяхъ каспійскаго приморья скажемъ словами г. Шульца: «всѣ европейскія морскія рыболовства, въ сравненіи съ рыболовствомъ Каспій-

¹⁾ Матер. для статист., изд. мин. госуд. имущ. вып. II, стр. 233.

²⁾ Изслѣд. о состояніи рыболовства въ Россіи т. II, стр. 100 — 101.

слабо моря, могут быть названы незначительными. Нигдѣ въ Европѣ ловъ рыбы, особенно красной, не производится въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, не составляетъ столь важной отрасли государственнаго хозяйства, не приноситъ столько существенныхъ выгодъ и правительству и народонаселенію, какъ рыболовство Каспійскаго моря и впадающихъ въ него рѣкъ: Волги, Урала, Кумы и другихъ менѣе значительныхъ. На пространствѣ тысячи верстъ длины и 300 ширины Каспійскаго моря, уже нѣсколько десятковъ лѣтъ ловится ежегодно огромное количество красной рыбы, равно какъ и въ его заливахъ, бухтахъ, култукахъ и въ устьяхъ упомянутыхъ рѣкъ, а также и въ самыхъ этихъ рѣкахъ, особенно частиковая рыба (лещъ, судакъ, бершъ, сазанъ, щука и другая чешуйчатая рыба). Уловъ ея можно назвать баснословнымъ, и не очевидно онъ можетъ легко показаться изъ настоящаго описанія невѣроятнымъ. Рыболовство занимаетъ миллионы рабочихъ рукъ въ Астраханской и вообще въ Приволжскихъ губерніяхъ, а равно по всему побережью Каспійскаго моря» ¹⁾.

На сѣверѣ, въ полярно-балтійской и сѣверо-поморской водной системѣ рыболовческая колонизація исходила первоначально изъ Новгорода великаго, и преимущественно сосредоточилась въ сѣверномъ поморьи, по берегамъ Бѣлаго и Сѣвернаго морей. Сначала, больше всѣхъ владыки новгородскія и монастыри распространяли свои рыболовные деревни, начиная отъ озера Ильменя, по Волхову и по всѣмъ ихъ притокомъ, служившимъ артеріями новгородской колонизаціи по всей области пятинъ. Здѣсь, напримѣръ, въ рыболовныхъ деревняхъ митропол. новгородскаго при озерѣ Ильменѣ еще во второй половинѣ XVII вѣка было «рыбныхъ ловцовъ человекъ по 200 и больше, и ловили они рыбу лѣтомъ и зимою всякими снастями». Туда шли многіе «рыбные ловцы приазанскихъ людей и дѣтей боярскихъ и назывались домовыми ловцами ²⁾». При безчисленномъ почти множествѣ рѣкъ, рѣчекъ и озеръ въ древней области новгородскихъ пятинъ, — въ ней повсюду населены были рыболовные деревни владычныя, монастырскія, помѣщичьи, изъ которыхъ многія потомъ сдѣлались царскими об-

¹⁾ Извѣст. о сост. рыболов. въ Россіи т IV, стр. 1 — 2

²⁾ Доп. VI, № 71.

рочными, и, наконецъ, такъ называемыя *черныя* — волостныя и дворцовыя оброчныя. Когда колонизація распространилась по области пятинъ, до половины XIV вѣка, — новгородцы преимущественно устремились въ сѣверное поморье, и здѣсь основывали замѣчательныя рыболовческія и морепромышленныя колоніи. Богатыя новгородскіе вотчинники — архіепископы, посадники и бояре, имѣвшіе вотчины почти во всѣхъ пятинахъ новгородскихъ, и, наконецъ, предприимчивыя торговые и промышленныя люди — первые записывали *порожжія* и покупали у кореловъ и лопарей готовыя, разработанныя, *страдамыя* рыбчыя угодья или воды — рѣки, озера, ловища, тони, тѣзы, и селили у нихъ либо своихъ рабовъ, либо наймитовъ — работныхъ людей. Выгоозеро и рѣка Выгъ, лежащія на перепутьи изъ обонѣжской пятинны въ Поморье, были первоначальнымъ средоточіемъ и исходнымъ пунктомъ новгородской рыболовческой колонизаціи въ Поморьи. И всѣ эти полукочевыя поселенія, *дворы съ хоромами, дворница, избы, селыца*, упоминаемыя въ купчихъ и данныхъ грамотахъ XIV и даже XV вѣка, первоначально устроявшіяся весновальниками и зимовниками только на время ихъ промысловъ, мало по малу становились потомъ первыми, основоположительными почипками постоянныхъ рыболовческихъ и морепромышленныхъ селеній. Охотниковъ — промышленниковъ приходило въ Поморы уже такъ много, что одни поселенцы поморья заготавливали *дворы съ хоромами*, мѣста или земли подъ села, которыя потому назывались *селыщами и селами земли*, и селились въ нихъ. Дворы съ хоромами, прежде стоявшіе одиноко и разбросано, теперь съ умноженіемъ насельниковъ, и по мѣрѣ новыхъ пристроекъ, сближались и соединялись въ деревни. Многія деревни уже дѣлились на вѣскольکو участковъ и имѣли порожія избы, которыя продавались новымъ поселенцамъ. Тамъ, гдѣ дворы соединились въ значительныя села и деревни, тамъ рыболовы сначала ставили *часовни*, а потомъ строили и церкви. И вотъ, такимъ образомъ устроились первоначально всѣ эти поморскіе рыболовныя и морепромышленныя поселенія, которыя тянутся по всему берегу Корельскому, съ одной стороны — до Двины и далѣе, съ другой — до Кольи и Лапландіи. Въ житіяхъ поморскихъ святыхъ разсказывается множество характеристическихъ легендъ о морскихъ звѣриныхъ промыслахъ жителей этихъ поморскихъ селъ. Легенды эти въ то же время показываютъ намъ, какъ древни всѣ эти наши поморскія рыболовныя и море-

промышленныя поселенія и какъ давно сложился ихъ характеристическій морепромышленный типъ, сохраняющійся почти во всемъ своемъ старинномъ складѣ и досихъ поръ ¹⁾. — Наконецъ, монастыри поморскіе—Соловецкій и Печенгскій, служившіе пристанищемъ для поморскихъ морепромышленниковъ, съ своей стороны, также много содѣйствовала распространенію поморской рыболовческой колонизаціи. Соловецкій монастырь съ XV вѣка былъ средоточіемъ и исходнымъ пунктомъ этой колонизаціи. «Есть въ морѣ океанѣ островъ Соловки, — такъ сказывали поморскіе рыболовы отшельнику Савватію, пришедшему сюда во второй четверти XV вѣка, изъ Обонѣжской пятины, — озеръ нѣтъ тотъ островъ посреди себя много, и рыбы въ нихъ множество, по родамъ ихъ, только не морская, а которая въ морѣ, та морская. И вокругъ его ловища рыбъ, приходили ловцы, ловлю творили и отходили во свояси. Во всемъ островъ добръ и благоугоненъ въ сожителству людей, хотящихъ тамъ вселитися ²⁾». И скоро потомъ поморскіе новгородскіе вотчинники и крещеные корелы нажаловали соловецкому монастырю множество участковъ въ водахъ по всему

1) Приведемъ для характеристики одинъ или два краткихъ разсказа изъ поморскихъ жителей: «тѣкій юноша Анѣимъ, — сказано въ житіи Зосими и Савватія Соловецкихъ, — приде изъ великаго Новгорода съ купцомъ нѣкимъ на поморье кули ради. Обитавшу же ему въ Шуѣ рѣкѣ на поморіи на брезѣ моря, приспѣ же тогда *веснее время. Люди же мѣста того начаша наряжати на море и добытки востовальничьи. Юноша той согласися съ ними ити на промыслъ. Тамъ поплыша на судахъ по обычаю и достигоша до мѣстъ оныхъ, идѣже обычай имуть *звпрѣ* ловити. Уловиша же много добытка каждо на свою часть, добыша *звпрѣ* много зѣло, глаголють же сало *звпрѣ*но и кожи, и поплыша во свояси въ велицѣ гобзованіи веселящеся^а. Или въ житіи Ириварха Соловецкаго читаемъ: «въ лѣто 7137 весною прѣѣхали единою въ Соловецкій монастырь двинской земли жители, и повѣдали повѣсть такову: ходили они въ море на востованье для промысла *морскихъ звпрѣй, кожъ и сала*, въ другихъ же судахъ по обычаю ихъ были два человекъ нарицаемые *юрочицики*, то есть, въ томъ промыслѣ свѣдущіе и искусные люди; рочи же въ ромшахъ и лыне вся во всемъ имъ послушны суть. Егда же съ торасу на море судами спустишася, внезапно возвѣяли вѣтры велицы зѣло, и отъ берега ихъ со льдомъ занесло въ морскую пучину далече, и носило въ тѣхъ льдахъ много дней... Но помяозъ же времени, возвѣя вѣтръ съ моря зѣло крѣпокъ и понесе ихъ ко берегу и присташа въ нѣкоемъ мѣстѣ, глаголемомъ *земля сторона*, и обрѣтоша близъ берега на льду множество *звпрѣй морскихъ*, ихъ же всѣхъ избывше ту, возвратишася во свояси съ *корыстію многою*«. Иногда Поморы, по словамъ этихъ сказаній, «на льдинахъ, въ однихъ рубашкахъ и чулкахъ, блии *звпрѣй*«. Изъ рукоп. Соловецкихъ, наход. въ казанск. дух. академіи.*

2) Житіе Зосими и Савватія. Ркп. Сол.

поморью. Скоро и самъ онъ накупилъ много рыболовныхъ угодій. Повсюду построены были при рѣкахъ и озерахъ монастырскіе дворы, а въ нихъ — поселены старцы, слуги и трудники монастырскіе «для рыбныхъ ловли безъ пашины» ¹⁾. И доселѣ, какъ извѣстно, всѣ эти поморскія поселенія, отошедшія въ XVIII в. отъ Соловецкаго монастыря въ казну, спеціально занимаются и живутъ почти исключительно рыболовствомъ на Бѣломъ и Ледовитомъ моряхъ и характеризуются оригинальнымъ производствомъ своихъ рыбныхъ звѣриныхъ промысловъ на морѣ и его притокахъ. И естественная исторія рыбъ и морскихъ звѣрей, какихъ ловятъ наши поморы — эти мощные и смышленнѣйшіе потомки древнихъ новгородцевъ, и оригинальная организація ихъ рыболовныхъ и морепромышленныхъ общинъ и артелей, и способы лова, и всѣ ихъ обычаи, нравы и понятія, и географическое распредѣленіе и техническое устройство ихъ рыбныхъ и звѣриныхъ промысловъ, — все это подробно описано въ двухъ большихъ томахъ изслѣдованій особой экспедиціи о состояніи рыболовства въ Россіи, изданныхъ министерствомъ государственныхъ имуществъ, именно въ VI и VII томахъ, а также въ сочиненіи г. Максимова «Годъ на Сѣверѣ». Поэтому не распространяясь о нихъ, мы скажемъ еще нѣсколько словъ о кольской или лапландской рыболовческой колонизаціи. До XVI в. Кольская страна была обитаема одними лопарями. На мѣстѣ города Колы пребывали одни дикіе медвѣди. Только въ началѣ XVI в. стали тамъ появляться временно-поморскіе, новгородскіе рыболовы, и тамъ — индѣ, на мѣстахъ ихъ рѣчныхъ и морскихъ промысловъ, стояли разсѣянны становища, пазушки и при нихъ кое-гдѣ часовни. Нѣкоторые изъ этихъ становищъ обращались въ постоянныя поселенія, устраивались ямами, станціями, и жители ихъ — рыболовы гоняли подводы ²⁾. Подобныхъ становищъ и цынѣ еще существуетъ на мурманскомъ берегу больше 40. Мурманскіе промышленники, число которыхъ обыкновенно простирается до 3000 человекъ, живутъ во все время въ этихъ становищахъ, откуда они ежедневно выѣзжаютъ на промыслы, и куда опять возвращаются. Становищами называются губы, которыя представляютъ безопасное убѣжище отъ бурь: здѣсь выстроены избы для жилья и

¹⁾ О пятин. и погост. Новгород. Прилож. VI, стр. 168 и др.

²⁾ Сборн. грам. Солов. библ. № 88.

забары для храненія снасти, припасовъ и для соленія рыбы. Если бы не море, не рыбы и звѣри морскіе, — то край былъ бы вѣчно пустыней лапландцевъ и медвѣдей. При отсутствіи хлѣбородной почвы, при крайней скудости растительной экономіи полярной природы, при трудности скотоводства, — Ледовитое море, Бѣлое море и безчисленное множество озеръ заключали въ себѣ почти всю естественную экономію полярнаго края, и всякаго поселенца въ немъ неволью влекли къ себѣ на промыслы. И вотъ, и лопари мало по малу оставляютъ оленеводство, не смогая въ борьбѣ съ волками и медвѣдями, и приселяются къ морю и къ озерамъ для рыболовства. «Что русскіе лопари, — говоритъ Кастрень, — оставили оленеводство и почти исключительно занялись рыболовствомъ, — тому не одна причина. Прежде всего природа особенно благопріятствуетъ послѣднему. Ледовитое море и Бѣлое море — суть, дѣйствительно, золотое дно для рыболововъ. Кромѣ того, въ русской Лапландіи находится два большихъ и обильныхъ рыбою озера, Имандра и Нуотозеро, подлѣ безчисленныхъ малыхъ озеръ. Какъ же лопарямъ было не воспользоваться этими источниками пріобрѣтенія и не перемѣнить дикую горную живнъ на промыселъ, относительно, легчайшій? ¹⁾

Отъ водной экономіи русской земли обратимся опять къ экономіи лѣсовъ. Богатая лѣсная природа древней Россіи, кромѣ изобилія всякаго рода звѣрей — для распространенія звѣропромышленныхъ поселеній, кромѣ изобилія свѣжей, дѣвственной и хлѣбородной почвы для *посаженья* пашенныхъ починковъ, деревень, селъ и слободъ на *льстѣхъ*, для распространенія земледѣльческой колонизаціи, представляла еще одну зоологическую особенность, вызвавшую новый разрядъ поселеній. Мы хотимъ сказать теперь объ изобиліи пчелъ, бортей и о распространеніи такъ называемыхъ въ актахъ *бортничихъ* поселеній. Пчела, какъ извѣстно, принадлежитъ собственно старому свѣту, преимущественно западной его части. Какъ многія домашнія животныя, такъ и пчела, вмѣстѣ съ распространеніемъ животныхъ, народовъ и культуры проникла изъ Азіи сперва къ грекамъ, потомъ къ римлянамъ, а отъ нихъ — въ германскія и славянскія земли. Въ лѣсахъ восточной Европы пчела, вѣроятно, распространилась уже изъ западныхъ германскихъ и славянскихъ земель — По нашимъ народнымъ преданіямъ, пчела проникла въ

¹⁾ Kastren's Nordische Reisen und Forschung, s. 126.

восточную Европу изъ «папа-римской земли», слѣдовательно, изъ Италіи или Австріи. И это весьма вѣроятно и возможно. Она могла быть занесена къ намъ, если не самими славянами съ Дуная, то въ эпоху венеціанскихъ и генуезскихъ, а быть можетъ и греческихъ колоній на Чорномъ и Азовскихъ моряхъ. Впрочемъ, какъ бы то ни было, но дикія пчелы въ древней Россіи, пока кругомъ были огромныя лѣса, водились въ несмѣтномъ множествѣ. Альбертъ Кампензе (1523—1524 г.) писалъ: «Московія очень богата медомъ, который пчелы кладутъ на деревьяхъ, безъ всякаго присмотра. Нерѣдко въ лѣсахъ попадаютъ цѣлыя рои этихъ полезныхъ насѣкомыхъ, сражающихся между собою и преслѣдующихъ другъ друга на большомъ пространствѣ. Поселяне, которые держатъ домашнихъ пчелъ близъ своихъ жилищъ и передаютъ въ видѣ наслѣдства изъ рода въ родъ, съ трудомъ могутъ защищать ихъ отъ нападенія дикихъ пчелъ» ¹⁾. Павелъ Ювій около того же времени писалъ: «самое важное произведеніе московской земли есть воскъ и медъ. Вся страна изобилуетъ плодовитыми пчелами, которыя кладутъ отличный медъ не въ искусственныхъ крестьянскихъ ульяхъ, но въ древесныхъ дуплахъ. Въ дремучихъ лѣсахъ и рощахъ вѣтви деревь часто бывають усѣяны роями пчелъ, которыхъ вовсе не нужно собирать звуками рожка. Въ дуплахъ нерѣдко находятъ множество большихъ сотовъ стараго меду, оставленнаго пчелами, и такъ какъ поселяне не успѣвають осмотрѣть каждаго дерева, то весьма часто встрѣчаются пни чрезвычайной толщины, наполненные медомъ» ²⁾. Вслѣдствіе такого изобилія бортныхъ лѣсовъ и пчелъ, естественно, прокладывались въ этихъ лѣсахъ такъ называемыя *бортныя пути и ухожан* и по нимъ устраивались такъ называемыя въ актахъ *бортныя* или *бортничьи села и деревни*. Пчела преимущественно распространялась въ средней, лѣсистой и болѣе умеренной полосѣ русской земли. Къ сѣверу же, въ наиболѣе холодномъ климатѣ, она не такъ хорошо прививалась, а на крайнемъ сѣверѣ даже вовсе не прививалась ³⁾. И вотъ, сообразно съ такимъ географическимъ распространеніемъ пчелы, шла и эта *бортная* или *бортничья* колонизація. Она распространялась преимуще-

¹⁾ Библиотека иностр. писат. о Россіи III, стр. 30—31.

²⁾ Ibid. IV, стр. 39.

³⁾ Baumeister's Zoologisch. Hand-Atlas s. 117: in kalten Gegenden gedeihen die Bienen nicht gut.

ственно въ лѣсистой и умѣренной полосѣ земледѣльческой колонизаціи и культуры. По словамъ актовъ, «куда ходили плугъ и соха, и топоръ, туда шла и *бортная кжесь* ¹⁾. Въ лѣсистой волжско-окской и волжско-камской области, повсюду распространялись бортные пути и ухожан, бортныя земли и станы, и по нимъ устраивались *бортничьи деревни съ бортниками* или *села съ бортью*. Около самой Москвы, по бортнымъ путямъ и ухожаямъ великихъ князей и бояръ, распространена была цѣлая вереница или сѣтъ такихъ бортныхъ становъ и деревень бортничьихъ, куда отовсюду *назывались* и сами приходили вольные охочіе люди и поряжались въ бортники ²⁾. Московскіе князья садили бортниковъ въ своихъ селахъ ³⁾. Монастыри *садили бортниковъ* у своихъ жалованныхъ бортей. Такими оброчными *бортниками* населены были у князей, а также у бояръ, владыкъ и монастырей цѣлыя бортные станы и бортничьи деревни. И въ отдѣльности, каждый охотникъ до пчеловодства, каждый посадникъ и крестьянинъ, коль скоро находилъ порожній бортный лѣсъ, — ставилъ въ немъ дворъ, починокъ; и такимъ образомъ заводилъ свою бортничью деревню. Крестьяне, поряжаясь на бортное поселеніе въ землевладѣльческихъ бортныхъ лѣсахъ, или кортомя у нихъ борти, бортные пути и ухожан, сами, въ свою очередь, пускали къ себѣ новыхъ поселенцевъ. Такимъ образомъ, бортничьи деревни и села распространялись въ умѣренной — средней и южной полосѣ великорусской земли. На сѣверѣ же, за увалами онѣ были *весьма рѣдки*, и, наконецъ, въ поморской области вовсе не распространялись, такъ какъ и пчела въ холодномъ климатѣ распространяется весьма мало и даже вовсе не водится. Въ Костромской области и въ южной части Волгодской еще были устрояемы князьями бортняки, напримѣръ, по Нерехтѣ, въ лѣсахъ обпорскихъ и комельскихъ. Но за увалами, въ новгородскихъ колоніяхъ, весьма рѣдко встрѣчаемъ бортничья поселенія, и то какія нибудь отдѣльныя, охотничьи оброчныя поселки. За Ураломъ, на сѣверѣ Сибири пчела тоже почти не распространяется. «Какая-то невидимая преграда, — замѣчаетъ Шлейденъ, — лежитъ на рубежѣ этого снпротивнаго (восточнаго) движенія. Въ то время, какъ пе-

¹⁾ А. I, № 220.

²⁾ Собран. госуд. грам. и догов. ч. I, № 30, 80 и др.

³⁾ А. И. I, №№ 92 и 102.

рeselенная въ сѣверную Америку пчела съ неизвѣрною быстрою акклиматизировалась и распространилась тамъ по всему материку, по другую сторону восточной границы этой части свѣта, за Ураломъ, на небольшомъ влчкѣ земли всевозможными стараніями и многочисленными опытами, полученъ ничтожный результатъ надъ искусственнымъ разведеніемъ пчелы¹⁾. На югѣ Сибири, въ алтайскомъ округѣ пчела хорошо распространяется. И здѣсь, именно въ алтайскомъ округѣ пчеловодство очень развито, и въ особенности процвѣтаетъ въ южныхъ волостяхъ, гдѣ на каждую ревизскую душу причитается, среднимъ числомъ, по 5 ульевъ, между тѣмъ, какъ въ сѣверныхъ и центральныхъ приходится на душу не болѣе одного улья²⁾.

Изъ другихъ безпозвоночныхъ животныхъ, или насекомыхъ, въ древней Россіи ни одно не имѣло такого культурнаго значенія, какъ пчела. Только нѣкоторые энтоміческіе продукты, какъ, наприм. «червецъ» (изъ семейства *Coccina*), еще имѣли отчасти небольшое значеніе въ народной торговлѣ и промышленности, но и тѣ не могли

1) Шлейдена, Этюды стр. 34.

2) И. Витвицкаго. Пчеловодство въ Россіи, въ библ. для чт. 1844, т. LXII и LXIII. О пчеловодствѣ въ Енисейской губ. Фодоровскаго, и въ Харьковской, въ Земл. Газ. 1853 № 72 и 101. Теперь, какъ извѣстно, пчеловодство въ Россіи въ упадкѣ. Но все-таки, кромѣ обыкновеннаго, существуетъ еще и *бортевое* пчеловодство. Изъ мѣстъ, въ которыхъ болѣе развито пчеловодство, замѣчательны: Липовецкій уѣздъ Кіевской губерніи; Полтавская губернія, имѣвшая въ 1832 г. 360,000 ульевъ. Въ Харьковской губерніи лучшіе пчеловоды находятся въ уѣздахъ: Сумскомъ, Ахтырскомъ, Лебединскомъ, Харьковскомъ, Зміевскомъ, Изюмскомъ и Волчанскомъ. Въ послѣднемъ г. Бекарюковъ получалъ отъ пчелы до 20,000 р. с. въ годъ. Церковники болѣе закупаются пчеловодствомъ. Харьковская губ. продаетъ и теперь до 7,000 пудовъ воска на 95,000 р. с. Въ Орловской губерніи — Елецъ и Стяскій уѣздъ, въ Калужской — Боровскій и Медыньскій, въ Курской — Рыльскій, Грайворонскій, Бѣлгородскій и Путивальскій уѣзды; города, ближайшіе къ Москвѣ; Рыбновскій уѣздъ Ярославской губ. занимается также пчеловодствомъ. Въ Пермской губ. въ Оханскомъ, Осинскомъ и Красноуфинскомъ, а частью въ Кунгурскомъ, Пермскомъ и Соликамскомъ уѣздахъ занимаются этимъ промысломъ башкиры, тептери и черемисы, производя бѣлый, душистый и сладкій медъ. Башкиры также занимаются бортевымъ пчеловодствомъ въ Оренбургской губерніи. Въ Саратовской губерніи — въ уѣздахъ: Камышинскомъ, а также въ Кузнецкомъ Петровскомъ, Сердобскомъ и Балашевскомъ. Въ степяхъ въ 1848 г. пчеловодство едва не погубило; но въ 1852 г. опять возникло, а нынѣ учетверилось. За Кавказомъ особенно знамениты, какъ пчеловоды, дигорцы. Тенгоборск. о производит. силахъ, ч. II, вып. I, стр. 383—384.

потомъ выдержать соперничества съ американскою кошенилью. Русскіе, разумѣется, вовсе не знали энтомологіи, которая, впрочемъ, тогда и на западѣ еще не получила полного научнаго значенія. Потому они не могли ни акклиматизировать, ни покорять культурѣ никакихъ насѣкомыхъ, кромѣ пчелы. Дикими же пчелами лѣса естественно изобиловали; онѣ, такъ сказать, невольно манили къ себѣ своимъ сладкимъ медомъ, такъ что крестьяне, по тогдашнимъ разсказахъ, увязали иногда въ меду по самое горло, опустившись въ дупло огромнаго дерева. Притомъ ничего не стоило, не требовало ни особеннаго ума, ни особеннаго труда и ухода заводить бортное пчеловодство въ готовой экономіи лѣсной природы. И вотъ, откуда липовые и другіе пчеловодные лѣса не были истреблены, и дикія пчелы давали множество готоваго меду, — легко было устроиваться особеннымъ бортничьимъ поселеніямъ. Привыкнуши промышленяты не изобрѣтательностью ума, а готовыми природными данными, — русскіе и не могли предпринять какой либо новой энтомологической отрасли промышленности, напримѣръ, акклиматизаціи шелковичнаго червя и, вслѣдствіе того, шелководства и особыхъ шелководческихъ поселеній. Только умъ Петра великаго, озаренный идеями западной культуры, понялъ необходимость и возможность разведенія въ Россіи шелковичнаго червя и счумѣлъ положить начало шелководства на русской землѣ. Петръ завелъ первыя тутовые плантаціи въ верхнихъ частяхъ Ахтубы, въ Астрахани и въ Кіевѣ, и устроилъ до 7 шелковыхъ фабрикъ, на которыхъ выдѣлывалось разныхъ тканей въ годъ около 36,368 аршинъ, цѣной на 51,400 р. Потомъ уже шелководство начало мало по малу распространяться въ Россіи, хотя, спеціально, въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ. Въ 1745—1756 г. заселены были людьми гулящими, безродными села—Верхне-ахтубинское, иначе Безродное, и Средне-ахтубинское, въ царевскомъ уѣздѣ Астраханской губерніи, прямо съ цѣлю разведенія здѣсь шелководства. Въ 1772 г. былъ издавъ особый указъ, которымъ давались льготы крестьянамъ, занимавшимся шелководствомъ, а въ 1773 году въ села Безродное и Ахтубинское переселено 1,300 семействъ изъ внутреннихъ губерній. Потомъ въ 1782 г. учреждены плантаціи въ новыхъ Водолагахъ и Нактубѣ (Валскаго уѣзда), и шелковыхъ фабрикъ до 1765 г. устроено было 46, на которыхъ рабочихъ считалось болѣе 5,000 и выработано шелковыхъ надѣлій на 580,000 р. сер. Около того же времени графъ де-Парма 1-й, въ

плантаціяхъ Шниковской, Николаевской, Прослянской и Михайловской, развелъ до 72,000, и въ 1801 году получилъ уже 337 фунтовъ шелка. Въ началѣ настоящаго столѣтія принятъ былъ проэктъ Габлица и барона Биберштейна для южныхъ губерній, вслѣдствіе котораго учреждены были для нихъ особые спеціальные инспекторы. Новое устройство впрочемъ не подняло шелководства, которое приходило въ упадокъ до самаго учрежденія министерства государственныхъ имуществъ ¹⁾. Съ 1800 по 1828 годъ, изъ казенныхъ питомниковъ роздано было безденежно разнымъ жителямъ 921,862 тутовыхъ дерева и выдѣлано шелка до 9619 пудовъ и 18 фунтовъ ²⁾. До сихъ поръ воспитаніе шелковичнаго червя сдѣлало всего болѣе успѣховъ въ губерніяхъ Таврической, Подольской, Херсонской, Астраханской, Екатеринославской и въ Бессарабской области. Итогъ производства шелка въ этихъ шести губерніяхъ составляетъ отъ 180 до 200 пудовъ. Эта обработка начинается также болѣе распространяться въ губерніяхъ Ставропольской, Харьковской, Полтавской, Черниговской и Кіевской; но средоточіе ея находится въ губерніяхъ закавказскихъ, гдѣ въ 1855 г. собирали около 30,000 пудовъ шелка, представлявшихъ цѣнность въ 1.800,000 р. сер. Шелководству тамъ особенно благоприятствуетъ климатъ; но оно большею частію находится въ рукахъ невѣжественныхъ татаръ, которые имъ занимаютъ весьма небрежно. Отъ ихъ дурной обработки коконовъ и шелка происходитъ, съ одной стороны, значительный ущербъ въ пряжѣ, отъ 20 до 25%, тогда какъ при хорошемъ приготовленіи шелка, по европейскому способу, онъ составляетъ только два—три процента; а съ другой—большая потеря времени и труда въ приготовительныхъ операціяхъ. Шелководство много терпитъ также отъ червей, объѣдающихъ тутовые деревья. Наиболѣе спеціальныя шелководческія поселенія распространены въ Нухинскомъ, Шушинскомъ и Шемахинскомъ уѣздахъ Бакинской губерніи, въ юго-восточ-

¹⁾ Взглядъ на исторію шелководства въ Россіи въ Ж. М. Внутр. Д. 1832 № 8. Историч. обзоръ мѣръ правительства къ поощренію и усовершенств. въ Россіи шелководства въ журн. к. госуд. имущ. 1864, № 6. Историч. обзоръ шелководства въ Кіевск. губ. въ журн. сельск. хоз. 1851. Географическо-статист. Словарь I, стр. 166. 430. Тенгоборскаго, о произв. силахъ ч. II, вып. I, стр. 274.

²⁾ Сравнительн. вѣдом. о состояніи шелководства, съ 1800 по 1828 г. въ журн. М. Внутр. Д. 1829. ян. III, табл. № 8.

ной части закавказскаго края. Нѣкоторые селенія этихъ уѣздовъ, нуждающіяся въ плодородныхъ земляхъ, только и занимаются разведеніемъ тутовыхъ платаній. Въ одномъ Нухицкомъ уѣздѣ добывается до 15,000 пудовъ шелка, на сумму до 1,000,000 р. сер. Въ 10 лѣтъ съ 1850 по 1860 г. получено шелка 133,570 пудовъ, на сумму 17,452,700 р. Тамъ и заводская и ремесленная дѣятельность населенія основана главнымъ образомъ на шелководствѣ. Изъ всѣхъ 5 лучшихъ заводовъ, 4 занимаются обдѣлкой шелка: 1 шелкомотальный, 2 завода шелковыхъ тканей въ Шемахѣ и 1 въ Шушѣ. Промышленныхъ заведеній, находящихся въ обывательскихъ домахъ для приготовленія шелковыхъ тканей 278 (на сумму 154,000 р.), шелкомотальныхъ 233 (на сумму 2,108,000 р.), тогда какъ, напримѣръ, кожевенныхъ заводовъ только 94 (на сумму 16,500 р.), гончарныхъ 32 (на 2,080 р.) и проч. ¹⁾.

Наконецъ, укажемъ еще на одинъ родъ поселеній, вызванныхъ условіями зоологической экономіи русской земли—на такъ называемыя *соколыничьи слободы, слободы кречетниковъ и кречатьи волости*. Эти поселенія вызваны были собственно не столько экономическими нуждами народа, сколько хозяйственно-увеселительными прихотями древнихъ князей, московскихъ царей, вельможъ и другихъ богатыхъ людей. Въ основѣ ихъ лежитъ нѣчто восточное, татарское. Какъ татарскіе ханы, по описанію Марко Поло, съ своими 10,000 сокольниковъ и кречетниковъ, съ 10,000 воходныхъ охотничьихъ ставовъ или шатровъ, въ сопровожденіи тысячей народа, любили потѣшаться на своей кочевой соколиной охотѣ, — такъ и московскіе цари, а прежде и всѣ удѣльные князья, а также бояре, вельможи любили соколиную и кречатью охоту ²⁾. Даже нѣкто «Лука, простой земледѣлецъ можайской волости Колочи, богатство много и безчисленно собравшій (посредствомъ объявленнаго имъ чудотворнаго образа), поставившій дворъ себѣ аки нѣкій князь, храмы свѣтлы и веллцы и слугъ много собравшій предстоющихъ и предтекущихъ ему, на ловы ѣздыше съ истребы и съ соколы и съ кречеты, и псовъ много имѣяше и медвѣдей, и спли утѣвншеся ³⁾. Къ тому же въ Россіи множество

¹⁾ Географическо-статист. слов. I, 189.

²⁾ Herberst. 87. Библ. иностр. писат. о Россіи 32, 131—136.

³⁾ Наконев. лѣтоп. т. V, стр. 49.

было соколовъ, кречетовъ и всякаго рода птицъ. «Итъ птицъ, говорятъ Вунделеръ, — тамъ водятся дикія утки, дикія гуси, лебеди, большіе бѣлые пѣтухи (Uhrhüner), бѣлые вороны, большіе астреба, особенная порода водяныхъ птицъ большой величины съ длиннымъ носомъ, весьма странно кричатъ, большіе сильные союмы изъ горъ печорскихъ, называемые здѣшными жителями кречетами: они величиною съ лебедя, бѣлые и весьма сильные. Здѣшніе жигала ловятъ ихъ очень молодыми и приучаютъ ихъ къ охотѣ и посредствомъ ихъ ловятъ другихъ птицъ» ¹⁾. Въ странѣ Югровъ и Вогуличей, — говорятъ Навель Іовій, — на вершинахъ непроходимыхъ горъ ловятъ превосходныхъ соколовъ, между коими особенно замѣчательнъ родъ бѣлыхъ соколовъ съ пестрыми перьями, извѣстный подъ названіемъ *Herodium*. Тамъ же водятся іерофалии — непріатели цаплей и разныя породы перелетныхъ соколовъ, неизвѣстныхъ даже самымъ роскошнѣйшимъ государямъ древности, занимавшимся цитцеловствомъ» ²⁾. — Вслѣдствіе такого изобилія соколовъ, кречетовъ и другихъ птицъ, удѣльные князья, а потомъ и московскіе цари устроили особыя *слободы сокольниковъ и кречетниковъ* и цѣлыя *волости кречати*, должествовавшія, въ видѣ повинности, ловить соколовъ и кречетовъ для княжеской и царской охоты за разными птицами, для царской потѣхи и увеселенія и для добычи птицъ къ царскому столу. Эти слободы сокольниковъ и кречетниковъ были исключительно царскія, служилыя и оброчныя, и распространялись по особому, такъ называемому *соколыничьему пути*. Имъ давались льготы отъ податей и повинностей и право заселять пустыя мѣста. Такъ въ 1540 и потомъ въ 1548 г. дворцовые оброчные *соколыники* вологодскіе просили право заселять пустыя мѣста, «въ лѣсу, на дичи». И царь велѣлъ имъ «въ томъ лѣсу жить, дворы имъ себѣ ставить, лѣсъ на пашню росчищать и сѣдбища на соколовъ по мхамъ, и по болотамъ напорцы ставить, и людей призывать жить къ себѣ въ лѣсъ: а кого къ себѣ они призовутъ, въ тѣ починки и селища, и на тотъ лѣсъ жить, людей неписьменныхъ и ветяглыхъ, — не надобна съ нихъ княжеская дань до тѣхъ поръ, пока они отсидятъ урочные годы» ³⁾. Въ Печору московскіе цари цѣлыми колоніями отпра-

¹⁾ Аделунга, въ чтен. общ. 279—280.

²⁾ Библ. имостр. пис. IV, 31.

³⁾ А. И. I, №№ 295, 301.

ляли артели сокольничевъ. Точно также въ вотской пятинѣ, въ Григорьевскомъ Кречневскомъ погостѣ устроены были оброчныя сокольничьи деревни, въ которыхъ сокольники имѣли право «словите соколы себѣ, а за соколь давати на годъ оброку пять гривенъ новгороденыхъ». 1) Въ Сибари, гдѣ водились такъ называемые тогда *сибирскіе кречеты*, *кречеть сибирская дико-мытъ* и другіе 2),—въ тобольскомъ уѣздѣ устроены были три особия, такъ называемыя *кречатыи волости* ясачныхъ татаръ, которыя обязаны были «за ясакъ добывать на государей кречетовъ» 3) Кроме того, «воеводы и другіе приазные люди прибирали вновь и строили въ слободахъ кречатниковъ и кречатныхъ немощниковъ изъ охотниковъ всякихъ чиновъ русскихъ людей—изъ казачьихъ и драгунскихъ дѣтей, изъ гулящихъ людей, изъ прикащикowychъ и слободчиковыхъ дѣтей, изъ захребетныхъ татаръ, изъ пашенныхъ и оброчныхъ крестьянъ, изъ литвы, изъ стрѣльцовъ, изъ рейтаровъ» и проч.—Они обязаны были «помыкать и промыслять съ великимъ радѣньемъ кречетовъ и челиговъ кречатныхъ, красныхъ и подкрасныхъ, и цвѣтныхъ и крапленыхъ, ловить по сколько Богъ дастъ и присылать къ вел. государю къ Москвѣ, а сърыхъ по 30 кречетовъ, да по 30 челиговъ кречатныхъ на годъ». 4) Что же касается до самаго народа, то, при обиліи другихъ источниковъ естественной животной экономіи,—онъ въ древней Россіи мало цѣнилъ орнитологическое богатство русской земли, и потому не только мало основывалъ сокольничьихъ и кречатныхъ поселеній, но и мало заботился о разведеніи домашнихъ птицъ. При изобиліи лѣсныхъ дичихъ птицъ, домашнее птицеводство, во времена Ярославовой Правды, да и послѣ, было развито слишкомъ мало, о чемъ свидѣлствуютъ высокія цѣны и значительныя денежныя взысканія за домашнюю птицу. Напримѣръ, въ Правдѣ голубь и кура положены въ 9 кунъ или 2 р. 40 к. сер. на наши деньги, а гусь, утка, лебедь въ 30 кунъ, слѣд. въ 8 р. с. 5) «Лѣсная дичь, находящаяся у русскихъ въ большемъ изобиліи,—говоритъ Олеарій,—не цѣнится такъ высоко, какъ у насъ: тетеревовъ, рябчиковъ, куропа-

1) О пятин. и погост. Новгород. прил. 4, стр. 11.

2) Доп. III, № 71, грам. V и XIV.

3) Доп. VI, № 134, стр. 370.

4) *ibid.* № 124, грам. III.

5) Лешкова, русск. народъ и государство, 183—184.

тогда, дикихъ гусей и утокъ можно покупать у крестьянъ весьма дешево. Что же касается до журавлей, лебедей, а также нѣкоторыхъ небольшихъ птицъ, какъ наприм. дроздовъ, жаворонковъ, зяблицъ и другихъ подобныхъ, то ихъ не считаютъ за нужное ловить и употреблять въ пищу». Вообще же, въ древней Россіи русскіе, однакожь, до такой степени жили непосредственной жи вотной экономіей природы, что въ нѣкоторыхъ, особенно богатыхъ орнитологическихъ областяхъ, они не заводили своей домашней птицы; дикія лѣсные и степныя птицы замѣняли для нихъ куръ, утокъ и гусей. Такъ это отчасти и донынѣ въ барабинской степи, необыкновенно богатой дикими птицами. «Дичи,—говоритъ Кузьминъ,—по болотамъ и озерамъ такое множество, что *многіе крестьяне не держатъ дворовой птицы*; и притомъ дичь такъ смирна и дешева, что ее считаютъ несложною зарядовъ и ловятъ разными способами, или наврываютъ шатрами вдругъ штукъ по сту.»

А. И. Щаповъ.

(Продолженіе будетъ).

ГОДЪ ЖИЗНИ.

ПОВѢСТЬ.

I.

— Кончилъ курсъ! А пренелѣпная фраза на русскомъ языкѣ: *кончилъ курсъ*. Что такое, напримѣръ, кончить курсъ гимназіи?—сдѣлаться книгоѣдомъ, такимъ дикимъ, какъ я?... Такъ думалъ гимназистъ Раскотовъ, сидя на постояломъ дворѣ.

Юноша былъ въ той переходной порѣ отъ мечты въ разумъ, когда, все спробовавъ и на все отвѣтивъ свѣжими и кипучими силами, человѣкъ не шутя задаетъ вопросъ: что дѣлать, наконецъ?—куда дѣваться? На этотъ вопросъ, какъ извѣстно, наши пресловутыя гимназіи не даютъ никакого положительнаго отвѣта. Въ головѣ окончившаго курсъ гимназиста торчитъ такое разнообразное влочье аккузативусовъ и аблятивузовъ, что Раскотовъ въ самомъ дѣлѣ не зналъ: къ чему онъ приготовленъ?

— Вхвать въ университетъ — денегъ нѣтъ. А какъ ихъ достать?—Этотъ вопросъ занялъ его всего.

Положеніе было, какъ видно, незавидно, а обстановка еще хуже того. Кругомъ все грязно, вонюче, темно. Въ чуланѣ духота, кусаются мухи, на дворѣ подъ окномъ навозъ, пѣтухъ-горланъ и двѣ свиньи, а надъ всѣмъ этимъ, какъ вьюга, стонетъ и воетъ наша дивная жизнь. Мальчишка визжитъ какую-то галиматью: «о-о-хо-хо, сакъ-пальточикъ, сакъ-пальто!» и такъ усиливается перекричать базарь, что жилы натянулись у него на вискахъ. Какой-то осликъ подъ навѣсомъ сравниваетъ собаченосъ; пріятель его вяжетъ хвостами вошекъ; мужиченка безжалостно ломить оглоблей кобылу, а ямщикъ съ

перепою хрипять: «попила-та моя буйная головушка, пила-погуляла!»

Гимназистъ захлопнулъ окно и задернулъ занавѣской. Вошла старуха-мать.

— Что это ты, мой батюшка, на мѣръ-то божій не хочешь смотрѣть? Среди бѣлаго дня растопыришь эту чертовщину, прости Господи!.. — Мать сорвала занавѣску.

— Хорошь твой божій мѣръ, подумалъ будущій студентъ.

— Что молчишь, ничего не говоришь? Аль опять они на тебѣ поѣхали? Нечего дуться-то на мать, какъ мышь на крупу. Я дѣло говорю!

Гимназистъ молча взялъ книгу и началъ читать. Зазвонили ко всеошной. Старуха перекрестилась и начала опять:

— Э-эхъ господи! нѣтъ у этого человѣка ни будень, ни праздничка христовъ; вѣчная кипитъ въ немъ злоба и на людей, и на мать, и на все... А кто виноватъ? — господь только вѣдаетъ. — На-ко, вотъ не хочешь ли, перекуси?

Мать подала сыну какую-то корку съ яйцомъ, которую дала ей Христа-ради сосѣдка. Гимназистъ еще больше осердился, — не выдержалъ и проговорилъ горько:

— Вамъ бы только ѣсть; у васъ нѣтъ другихъ потребностей.

Старуха захохотала.

— А по вашему, по ученому, какъ прикажете — неѣмши сидѣть? Нѣтъ, батюшка, Сашинька, кланяюсь! Живой о живомъ теперича и помнить долженъ. Дай Богъ, чтобъ пилося да ѣлось, а работушка намъ на умъ не шла. Поработали таки мы на своемъ вѣку — довольно! Не всѣмъ быть эдакимъ шкисетомъ, какъ ты мое сокровище. Вишь: щека щеку поѣдаетъ...

Длиное молчаніе.

— И на что этотъ человѣкъ злится теперича, не могу понять? Кажись ужъ, сколько силъ хватаетъ, стараюсь угождать? — пою, кормлю, а все нѣту почету! Слова путнаго не сважетъ матери... Э, ты, чадо возлюбленное, а еще сынъ-родной называешься! — Что не ѣшь теперича, коли принесла? ѣшь?... морду-то не вороти...

— Ничего мнѣ не нужно, только ради Бога отстань! тоскливо вскричалъ студентъ.

— Знаю я это *нужнос-то*; ты мнѣ не толкуй! Ты дума-

ешь я не вижу? нѣтъ, я все вижу... Подлецъ ты, больше ничего. Ты жили изъ меня вымоталъ: я все въ тебя уложила!..

— Тьфу, чтожь это такое!...—Сынъ схватилъ фуражку и убѣжалъ.

— Эй, не плюй въ колодець, годится водицы напиться! вскричала въ догонку сердитая мать. Мы-ста ученые нынче стали, намъ мать не нужна. Врешь, врешь, не уйдешь отъ матери никуда! Шалишь, мамонишь, на грѣхъ наводишь:—она нужна, вездѣ нужна! Безъ матери ты не выучишься ничему: потому я твердо знаю: я Богомъ надъ тобой теперича поставлена, я — мать! Захочу вотъ, и не дамъ родительскаго благословенія — баста! Что хочешь со мной дѣлай — не дамъ!

И старуха отправилась опять къ сосѣдѣмъ, просить пятакъ—сходить въ кабакъ.

Старуха Катерина Михайловна Раскатова была когда-то порядочная женщина. Она счастливо вышла за-мужъ за шорника Василья и даже родила ему сына Сашурку. Дѣла ихъ сначала шли хорошо, потому что шорникъ въ городѣ былъ одинъ. Василья всѣ знали и работу ему давали, а Катерина слыла въ приходѣ видной и замѣтной мѣщанкой. — «Эй, жирѣй, баба, скорѣй!» говорилъ ей мужъ въ шутку: «быть тебѣ головихой. Вотъ выпьемся въ купцы.»—Но съ того времени прошло двадцать лѣтъ: Василій давно умеръ, Катерина спилась съ кругу, а сынъ ихъ кончилъ курсъ и сидитъ на постояломъ дворѣ.

Какъ это все случилось?—исторія не долга. Въ городъ пріѣхалъ какой-то новый мастеръ, иностранецъ, котораго Василій прозвалъ «колбасникъ-нѣмчура.» Нѣмецъ отбилъ у русскаго всю работу, и русскій-мастеръ началъ съ горя заживать.

— Что, братъ, али не тово?... спросилъ его однажды сосѣдъ, Парамонъ-вузнецъ.

— Да ужъ такъ-то, братъ, ни тово... что только охъ его!.. Этотъ нѣмецъ-собака теперича совсѣмъ доѣлъ меня, какъ есть!

— Ну, а что Катерина Михайловна твоя?

— Старуха, милъ-человѣкъ, зачахла вся въ конецъ!

— Послушай-во, голова, что это ты Сашку-то ни во что не произведешь?

— Шашка мой теперича по мнѣ пойдетъ. Онъ у меня

пельма, настоящей выйдет какъ есть мастеръ. Такой то-есть мастеръ—нѣмца самого перешибетъ. Я самъ его въ мастера произведу!...

— Ну, какое твое мастерство, полно пустяки молотъ! Изъ кабака вонъ нейдешь.

— Ни-и!.. Этого говорить не могли. Я, знаешь, что съ нимъ сдѣлаю? Смотри: онъ теперича у меня вотъ этакій, а будетъ во-о—какой!—видишь? (Василій указалъ куда-то очень высоко). Онъ теперича у меня тутъ сидитъ, а я сдѣлаю изъ него то, что въ Сибири ему будетъ тѣсно! Вотъ каковъ я.

— Ну полно молотъ, поди братъ, лягъ.

— Я лягу, я скоро улягусь, я чувствую, что нора... Ну, а про Шашку теперича ты молчокъ!..

— Ну, ладно, ступай ужь!

— Тѣмъ почти и оканчивался всегда разговоръ о Сашкѣ несчастномъ. Жену Василій билъ, если она осмѣливалась протворѣчить его планамъ.

Но трезвый Василій думалъ не такъ. Онъ видѣлъ ясно, что самому ему въ мастера сына не произвести. Самъ онъ ослѣпъ отъ пьянства; подмастерье его переманилъ нѣмецъ; другого мастера въ городѣ не было, а нѣмцу отдать сына въ ученье Василій и слышать не хотѣлъ. — «Удавлюсь, а не дамъ его нѣмцу!»—Таковъ ужъ норовъ у русскаго мастера.

Такъ и куролѣсилъ родитель лѣтъ пять. Но однажды Василій пришелъ къ какому-то старому барину за старымъ должкомъ.

— Что скажешь новаго? спросилъ старый баринъ.

— Да вотъ что, отецъ: приполъ пьяный Василій проситъ у трезваго совѣта. Умъ за разумъ заходить у него!

— Говори.

— Вотъ что ты мнѣ совѣтуй, баринъ: куда пихнуть мнѣ Шашку, сынишку моего? Я хочу произвести его въ науку, то-есть въ такую науку, чтобъ настоящая была, какъ есть.

— Какая жь такая настоящая наука? По моему всѣ науки настоящія. И столяръ, и мастеръ, все лучше, чѣмъ ничего.

— Все это не то, батюшка-баринъ. Ты мнѣ укажи такую то-есть науку, по которой бы Шашка мой нѣмца перешибъ. Вотъ что мнѣ желательно теперь.

Баринъ улыбнулся.

— Ну, отдай его въ гимназію; тамъ онъ въ университетъ пойдетъ, вотъ и перешибетъ твоего нѣмца.

— Гм! А что это за такая наука гимназія? Чему примѣрно учать въ ней?

— Какъ чему учать? — наукамъ, которыхъ ты не знаешь. Какъ же я тебѣ объясню? Словомъ — выучится тамъ—будетъ чиновникъ.

Василья сильно озадачила мысль, что Шашка его будетъ чиновникъ.

— То есть: какой же это чиновникъ, какъ есть—офицеръ?

— И офицеромъ можетъ быть.

— Настоящимъ то-есть, какъ слѣдуетъ быть?

— Конечно настоящимъ; что за офицеръ, если онъ не на стоящій!

— Вотъ за это спасибо, удружилъ! (Василій повалился въ ноги). Теперича я больше ничего не хочу, какъ Шашку въ офицерство произвести. Шабашъ!

И съ того времени Василій утвердился на одномъ, что Сашку надо въ гимназію.

II.

Такъ Саша Раскатовъ и поступилъ въ гимназію, самъ не зная за чѣмъ. Ученье его сначала было, конечно, плохо и сбито, потому что вовсе не согласовалось съ домашнимъ образомъ жизни отца. Василій вѣчно журолѣсилъ и просилъ рюмочку опохмѣлиться; жена его съ утра до ночи бранила или била для разнообразія, а Сашка,ковыряя въ носу, думалъ надъ грамматикой: «опять начали грызться? Эхъ, вы!..»

Скоро Василій замерзъ подъ чистый понедѣльникъ. Катерина поплакала о немъ, а пуще о томъ, что больно ужъ журила мужа напоследѣяхъ; отговѣла на четвертой, и съ той поры принялась поминать покойника чарочкой.

Сапу своего она любила горячо. Даже часто мечтала съ Сысоевной подъ-хмѣлькомъ: какъ сынъ проучится до конца, какъ онъ произойдетъ въ офицеры, будетъ саблю носить, а главное будетъ имѣть деньги, какъ всякій хорошій чиновникъ. Но жизнь Саши съ пьяной матерью была не хороша.

— Врешь ты, собачій сынъ, что земля стоитъ не на трехъ вѣтахъ? утверждала рѣшительно Катерина. Какъ возмю ско-

воронникъ да учну тебя лупить, такъ ты забудешь, какъ снорить съ матерью.

— Да за что, коли такъ сказалъ учитель? Это, говорить, враки, утверждаетъ гимназистъ свое.

— Нѣтъ, Богъ-отъ не враки: онъ самъ ее такъ постановилъ! А сказалъ-ли тебѣ, прехвость, учитель на чемъ она стоитъ?

— Ни на чемъ не стоитъ, просто виситъ на воздухѣ.

— Виситъ!? нѣтъ, васъ-бы, подлецовъ, повѣсить за такое ученье. Вишь придумали провлятую науку!.. И т. д.—безъ конца.

— Что это за жизнь!.. думаетъ маленькій Саша. Сама ничего не знаетъ, а спорить со мной! — Въ самомъ дѣлѣ гимназисту крайне было досадно, что простая неученая мать не вѣритъ ему, что земля виситъ, и его же наровить за такую науку свородникомъ.

— Что она тебя все только бьетъ, да бьетъ, а сюртука не шьетъ; вишь на тебѣ какое лохмотье, скажетъ иной разъ сострадательный сосѣдъ Парамонъ. Сашка взглянетъ на себя, увидитъ въ самомъ дѣлѣ лохмотье, узнаетъ, что и къ празднику не сошьютъ ему новаго сюртука, и еще пуще озлится на мать.

А тамъ чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Домишко покривился и свалился. Вездѣ темно, грязно, гнило да душно. Во всѣ углы напускали постоялокъ, такихъ же старухъ, которыя не вѣрятъ гимназисту. Старухи грызутся съ матерью и не даютъ Сашкѣ заниматься урокомъ. Такъ и пошелъ Сашка все больше и больше мотаться да слоняться по сосѣдямъ. Съ лѣтами развился въ немъ еще ложный стыдъ *мѣщанскій*: ученому гимназисту неприятно стало называть «маменькой» такую грубую и грязную старуху, въ крашенномъ сарафанѣ, со шлякомъ, свороченнымъ на сторону. Такъ-бы и убѣжалъ отъ нея на улицу, особливо, если въ эту минуту смотрѣлъ на него щеголь товарищъ съ своей пышной маменькой-барыней. Такъ-бы и провалился со стыда севозъ землю, когда этотъ щеголь-товарищъ приходилъ къ Сашѣ въ гости и находилъ его съ матерью гдѣ-нибудь въ углу на печкѣ.

Съ пятого класса молодой человекъ совсѣмъ ушелъ отъ матери: его переманилъ къ себѣ въ компанію товарищъ Со-мовъ, сынъ совѣтника и извѣстнаго въ городѣ барина. Барче-

ночь говорилъ Раскотову, что ему легче заниматься вдвоемъ; маменька говорила барченку, что онъ дѣлаетъ благодѣяніе, помогая сиротѣ, а папенька, махнувъ рукой на маменьку, заключилъ: «что хотите, говорите!» Такъ Раскотовъ изъ избы и перешелъ въ палаты знатнаго барина.

Казалось, такое мѣсто для Раскотова было чистый кладъ. Тепло, свѣтло, сытно и ароматно. Тамъ игры, смѣхъ, фортепiano, танцы, балы, вѣчный говоръ на иностранныхъ языкахъ, такъ важныхъ для нашего образованія. Тамъ вѣчные гости, праздники, шутки, остроты и неумолимый лепетъ съ утра до ночи и съ ночи до утра. Совѣтникъ говорилъ Сашѣ, что у него есть даже тамъ, гдѣ то наверху, библіотека! Но все это вовсе не такъ подѣйствовало на дикаря Сашу, какъ намъ казалось. И барышни, и танцы, и яркій свѣтъ, и лишній лепетъ—все только размучивало нашего героя: или стыдило, или пугало, или ставило въ тупикъ, какъ молчаливаго болвана. Словомъ слишкомъ былъ непомѣренъ и рѣзокъ переходъ отъ тьмы къ такому свѣту, и Саша не могъ не увлечься имъ.

Но это увлеченье продолжалось очень недолго. Скоро зрѣлый и умный юноша былъ ярко пораженъ фольговымъ блескомъ и мишурой этого свѣта. Такъ какъ онъ не привыкъ къ этому блеску съ дѣтства и не притуплялъ своего зрѣнія, то очень естественно, онъ еще ярко увидалъ всѣ его недостатки, мелочи и отлично-полированную грязь.—«Что это такое?» думалъ онъ, смотря на все съ изумленіемъ и, сравнивая свое прошлое съ настоящимъ, онъ пришелъ къ заключеніямъ такимъ: Тамъ было темно, дико и безобразно; здѣсь—пошло, пусто и ничтожно. Тамъ тиранили животныхъ, грызли отца съ матерью и вѣчно ругали меня; здѣсь ласкаютъ собаченка, бьютъ человека за то только, что онъ лакей и дерутъ мужика, за то, что онъ провинится въ чемънибудь. Здѣсь и меня не ругаютъ; но за то обязательно, подъ видомъ благодѣянія, смѣются въ глаза. Чѣмъ же настоящее мое лучше прошлогодняго? Тамъ сваредничали надъ копѣйкой, тамъ голодали въ нуждѣ; тамъ работа и трудъ, — трудъ въ потъ лица безъ конца! Здѣсь не сваредничаютъ, а выдаютъ тысячи, потому что онъ нажиты чужимъ трудомъ; здѣсь не голодаютъ, а обшараются отъ избытка и умираютъ чаще, нежели отъ голода и нужды! Здѣсь имѣтъ даже труда, этого животворнаго

источника здоровья и жизни: здѣсь лѣтцво проводятъ дни за картами, въ пустой болтовнѣ, не совѣтуясь даже съ умнымъ другомъ человѣка — книгой. Чѣмъ же эта жизнь лучше той? И неужели это въ самомъ дѣлѣ *жизнь*?

Задавая подобные вопросы все чаще и чаще, Раскатовъ не замѣтно приучалъ себя къ размышленію. И такъ какъ онъ не любилъ общества, потому что занимался больше латинской грамматикой, чѣмъ интересами его; не любилъ барышень, потому что не умѣлъ любовничать; не любилъ даже танцевъ, потому что плохо танцевалъ: то очень естественно—все свободное время онъ проводилъ уединенно, или въ рабочей комнатѣ, или библиотекѣ. Тамъ просиживалъ онъ ночи, тамъ онъ много продумалъ самъ про себя. Одно не совсѣмъ было хорошо, что Раскатовъ дѣлался какимъ-то особнякомъ. Мысли чудака, отдѣленные отъ всего живого, не находя отвѣта въ книгахъ, принимали какую-то странную форму недовольства, негодованія и даже озлобленія на все. Ненавидя праздный свѣтъ съ его роскошью, лѣнью и барствомъ, Раскатовъ не замѣтно сталъ ненавидѣть и свою будничную бѣдную и трудовую жизнь. Правда, что въ эти лѣта онъ не могъ еще овлабиться противъ людей, потому что не столкнулся съ ними; но и это уже не мало, что онъ былъ золъ на самого себя. Да и какъ ему было не злиться на свое настоящее положеніе—исудите?—Хлѣбъ чужой, квартира чужая, тепло чужое—все чужое, кромѣ собственной нищеты, ничтожества и бремени самому себѣ! Хотъ Раскатовъ и зналъ, что онъ учится прекрасно и твердо идетъ впередъ; но его уже часто мучилъ вопросъ: что же тамъ впереди? Забитый безтолковымъ ученіемъ, подавленный жизнью, обремененный благодареніемъ госпожи Сомовой и сильно приплюснутый всей обстановкой юноша мало видѣлъ отраднаго въ будущемъ и часто-часто спрашивалъ себя: зачѣмъ такъ смѣло я иду впередъ, и куда? Словомъ, въ слѣдствіе этихъ размышленій, въ немъ образовалось одно—зачатовъ того глубокаго характера, который у насъ почему-то называютъ тяжелымъ и считаютъ несноснымъ въ семьѣ, обществѣ и даже на службѣ.

Два года прожилъ Раскатовъ у Сомова; но какъ только слышалъ, что маменька похвалилась гостямъ: какое благодареніе она оказываетъ сыну шорника, тотчасъ ушелъ. Молодой

Сомовъ любилъ Раскатова, какъ друга, и уважалъ въ немъ силу и борьбу. Но какъ мальчикъ легкій и пустой, онъ даже не вздохнулъ о потерѣ друга и тутъ же и замѣнилъ его какимъ-то французикомъ-пустельгой, который умѣлъ мило болтать. За то Раскатову пришлось вздохнуть тяжело.

Въ то время, какъ идетъ мой разговоръ, Шумиха (такъ прозвали въ околосѣ Катерину Михайловну, за шумъ), давно уже продала домишко и скиталась по чужимъ угламъ, питаясь христовымъ именемъ. Братъ ея, содержатель постоялаго двора, далъ ей у себя чуланчикъ и, сдѣлавъ, что могъ, махнулъ наконецъ рукой: пусть куролѣсится старуха!

Къ этой-то пьяной старухѣ, матери, въ темный чуланъ, и пришлось опять переселиться гимназисту седьмого класса, уже сильно почуввавшему потребность какой-то новой, свѣжей жизни. Здѣсь онъ кончилъ курсъ и готовился въ университетъ. Что чувствовалъ молодой человѣкъ, послѣ богатаго дома, въ этой грязи, гадости и духотѣ, и какъ онъ готовился въ такомъ шумѣ базарномъ и среди такой ругани неуемной старухи?—это я предоставляю судить читателю самому. А теперь поведемъ разговоръ, прерванный въ предыдущей главѣ.

Къ вечеру возвратилась мать и легла лежать на сыновнюю постель. За ней пришелъ и Раскатовъ, освѣжившись базарною пылью.

— А!.. пришелъ ученый? Что не ночевалъ тамъ, гдѣнибудь подъ заборомъ? Али невкусно?.. Нѣтъ, вѣрно сколько не плюй, а все къ матери! Да, я—мать, подлець, ты это возьми!

— Да оставь пожалуйста, мнѣ и безъ того тяжело.

— А? теперь, видно, оставь? Нѣтъ, не оставлю я тебя теперича: до тѣхъ поръ не оставлю, пока ты дашь мнѣ отвѣтъ. По чьей, напримѣръ, милости ты живешь теперича здѣсь даромъ, у дяди? — по моей! А по чьей, примѣрно, милости ты на свѣтъ произошолъ? — опять же по моей! А кто тебя теперича благословить? — опять тоже я! А ты, свинья, все это въ чувствіе принять должонъ: потому, не знаешь, какъ теперича иной, вонъ Ванька простой,—онъ не ученый, какъ есть сапожникъ, — а опъ теперича матери кормилецъ. Отчего? все оттого, что онъ сынъ, почтеніе къ матери имѣеть!

А ты не выѣешь, — вотъ и не кормишь мать! Что мнѣ твоя дурацкая наука, коли ты на моей шеѣ висишь? Ты думаешь ученый, да свѣтлую пуговицу тутъ нашилъ, такъ я вотъ такъ взяла да испугалась тебя? — Ни-и! нисколько не боюсь! Вотъ завтра же пойду въ полицію и скажу начальству напрямикъ: «сынъ теперича не кормитъ мать — заставьте ваше благородіе!» — Ну, и заставятъ; шабашъ!

— Ну-у!..

— Ей-богу, заставятъ. Потому: мать корми!

Молодой человѣкъ закурилъ папиреску и сѣлъ къ окну.

— Соску проклятую туда же сосеть? Вишь, какъ благородный, выучился пыхтѣть. А завтра ко мнѣ же придетъ — просить на табакъ. Завтра же, чтобъ тебя здѣсь не было! Слышишь?

— Слышу, только пожалуйста замолчи.

Гимназистъ высунулъ въ окно, чтобъ какъ-нибудь прервать разговоръ. Но и тамъ было тоже, что въ комнатѣ.

Ямщикъ Кокорь съ извощикомъ Матюшкой забавлялись съ кобелемъ проѣзжаго барина.

— Нынче, братъ, ученыхъ какъ собакъ развелось, начинается ямщикъ Кокорь. Они вездѣ лѣзутъ: только кусокъ хлѣба покажи.

— Фють, ты, бестія, ученый что ли, а?

— Еще бы. Вишь какъ юлить передъ ломтемъ-то.

— А что, на-лету этакъ сгамкнешь, небось?

— Когда этакій не сгамкнетъ, давай только больше — проглотить цѣликомъ.

— Цаль! Ну, молодець, — ученый какъ есть. Дай, я тебѣ за это въ мордашу наплюю.

Раскатовъ принялъ вонечно эту грубую болтовню на свой счетъ и, разобитый почти до слезъ, ушелъ куда-то ночевать.

III.

Была пирушка гимназистовъ. Товарищи дѣлали складчину и пригласили Раскатова проводить свою школьную жизнь. Все весело, шумно, пьяно и даже кричало «ура!» Раскатовъ тоже вабылся и какъ будто повеселѣлъ. Но и тутъ бѣднягу му-

чила мысль, что онъ, не дѣлая складчины, приглашенъ точно изъ милости.

— Чужой нечужой я здѣсь, а чувствую, что отъ нихъ отдѣленъ, думаетъ гордый и самолюбивый юноша, а тайная грусть такъ и крадется въ молодую душу.

Да и какъ было не грустить Раскатову, слушая, что говорилось вокругъ. У всякаго были свои надежды, ожиданія и завѣтныя мечты; у всякаго было хоть что нибудь, что живо, бодрило и манило его впередъ. Этотъ бѣденъ, но сынъ генерала и надѣется на сильную протекцію въ Петербургъ; тотъ сынъ купца и надѣется на карманъ отца, а это, какъ извѣстно, въ наше время лучше всякой протекціи столичной. Этотъ хвастается сувенирами сестрицы и подарками маменьки въ дорогу, а тотъ надѣется получить хорошее мѣсто, потому что кузина его въ экономкахъ у губернатора самого. Сомовъ хвалится, какъ будетъ жить въ Казани у дядюшки-богача, гдѣ всегда общество и балы. Сомова крайне соблазнили казанскіе аристократическіе балы. — «Вотъ тамъ-то я поволочусь!» шепчетъ онъ Раскатову, мѣля отъ будущахъ усѣйховъ студента-волокиты. Одинъ только Раскатовъ не сказалъ никому ни слова о своихъ планахъ, ожиданіяхъ и мечтахъ. Грустно пропѣлъ онъ товарищамъ подъ гитару: «Ее ужъ нѣтъ, жоей весны» и молча засѣлъ въ уголь курить.

Говорили больше о томъ: кто по какому факультету пойдетъ и что изъ этого выйдетъ. Раскатову совѣтовали на казенный и увѣряли, что его примутъ непременно, потому что у него богатый аттестатъ.

— Я прямо въ гостинницу Одесса, базилъ Дидинъ. По-знакомлюсь со старыми студентами, пронохую: что и какъ? и узнаю по крайней мѣрѣ главное: кто изъ профессоровъ занимается новичковъ при экзаменахъ? А тамъ можно какъ нибудь и тово...

— Ну, я не боюсь ничего! кричалъ фистулой лѣвтяй Трегеманъ. Я такую выкину штуку на экзаменахъ, что вы, господа, всѣ разинете ротъ.

— Охъ, ты свищъ въ орѣхахъ. Ну-во, какую?

— Прѣсто найму за себя какого-нибудь бурсака. Они, шельмы, отлично сдаютъ экзамены. Тотъ и отдереть за меня.

— Bravo! ура! Ай-да нѣмецъ.

— Выпить, господа, выпить, за гениальную мысль!

— Круговую что ли? Эй, голосистые, затягивай крамбамбули! Раскатовъ, ты запѣвай.

Оказалось, что гимназисты не знали поха ни Gaudeamus, ни крамбамбули, но это не помѣшало имъ выпить брудершафтъ, отъ котораго впрочемъ отказался Раскатовъ.

Своро начались изліянія, цѣлованія и обниманія. Сто разъ прощались и уговаривались: кому съ кѣмъ ѣхать и когда?

— Счастливый путь вамъ, господа! проговорилъ горько Раскатовъ, и первый ушелъ домой, съ нависшею слезой.

— Что съ нимъ? спросилъ Дидинъ.

— А чортъ его знаетъ, вскричалъ съ досадою Трегеманъ. Я этого человѣка не пойму. Просто ни рыба, ни мясо.

— Нѣтъ, нѣмецъ, врешь! Это рыба и мясо, да еще такіе, какіхъ тебѣ никогда не отвѣдать. Это такой человѣкъ, которыхъ у насъ между товарищами не много. Тебѣ его никогда не понять, потому что ты Трегеманъ! — Зороастровъ, который молчалъ весь вечеръ, проговорилъ все это сердито и всталъ.

— Полно спорить, господа? Спойте чтонибудь, вмѣшался веселый Сомовъ.

— Нѣтъ, Сомовъ, погоди. Теперь моя очередь пѣть. Я этому господину докажу...

— Сдѣлай милость! поджегъ обидчивый нѣмецъ.

Все сгрудилось около Зороастрова, котораго гимназисты уважали, какъ старшину. Это былъ дѣйствительно умный, дѣльный и серьезный бурсакъ, перешедшій изъ семинаріи въ гимназію, или, какъ выражался онъ «изъ потемокъ на свѣтъ.» Онъ былъ старше всѣхъ лѣтами и учился хорошо. Зороастровъ говорилъ мало и рѣдко, но за то основательно, дѣльно и умно. Общество всегда почти становилось на его сторону. — «Мы слушаемъ!» вскричалъ кто-то, и затѣмъ настала тишина.

— Я, господа, молчалъ, потому что не люблю много болтать. Да теперь и время не то: мы бесѣдуемъ послѣдній разъ и Богъ знаетъ, можетъ быть со многими не встрѣтимся никогда! — (Суроваго Зороастрова прошибла слеза.) — Но при обидѣ, напесенной Раскатову, признаюсь, я молчать не могу!

Раскатовъ, господа, натура недюжинная, — вы это увидите когда нибудь. Это душа прекрасная, хотя и мечтательная; умъ глубокой и сердце мягкое, какъ воскъ. Это истинный товарищъ и другъ! (Зороастровъ возвысилъ голосъ): За Раскатова, господа, съ кѣмъ угодно я готовъ рѣзаться на ножахъ!

— Bravo, Зороастровъ, bravo!

— Раскатова я знаю коротко. Съ нимъ я дѣлилъ первую радость и первую слезу; съ нимъ я игралъ еще ребенкомъ-шалуномъ; съ нимъ я мечталъ, какъ юноша; съ нимъ я рассуждалъ, какъ взрослый и разумный человѣкъ:—и на все отвѣтилъ мнѣ Раскатовъ, какъ истинный товарищъ и другъ. Въ классѣ онъ рѣшалъ мнѣ трудную задачу, въ полѣ былъ вѣрный цѣнитель травки, камешка и мотылька, въ лѣсу, горахъ и надъ рѣкой — глубокой мечтатель и не фразеръ... Сколько умныхъ вечеровъ проводили мы въ спорахъ, когда я былъ еще въ семинаріи, и каковой у этого человѣка неистощимый запасъ доказательствъ, свѣдѣній и даже цитатъ. Какія поэтическія ночи просиживали мы надъ Волгой и каковой глубокой взглядъ у него на природу! Словомъ вездѣ пробивался въ немъ такой неистощимый родникъ жизненныхъ силъ, который дай Богъ только намъ когда нибудь въ себѣ открыть!

— Воротить, Раскатова, воротить! бѣсновалось молодое и горячее поколѣніе.

— Нѣтъ, господа, это напрасный трудъ. Мы его не воротимъ, я знаю твердо: это человѣкъ—жельзо. Сомовъ вотъ знаетъ его.

— Дѣйствительно чудакъ.

— Чудакъ, — а отчего? спрося-ко его. Рассказывалъ онъ тебѣ когда нибудь свою прошлую жизнь?

— Нѣтъ.

— И никогда не скажетъ, потому не стоишь: ты барченокъ — не поймешь! Чудакъ онъ не отъ характера, не отъ жолчи, а отъ того, что такъ обработала его суровая и жесткая школа, Раскатовъ не мизантропъ въ душѣ: онъ глубоко любить человѣчество; онъ, если хочешь знать, и тебя съ Трегеманомъ любить горячо, а все-таки отъ васъ уйдетъ!

— Это я знаю по опыту. Онъ у насъ жилъ два года и ушелъ не простясь, замѣтилъ насмѣшливо Сомовъ.

— А-а? барство заговорило наконецъ. Такъ ты такъ и ка-

тай напрямикъ: «Маменька, дескать, оказала ему благодѣяніе, а онъ, мужикъ, не цѣловаль ей ручку.»

— Конечно такъ.

— А позвольте васъ спросить: какое благодѣяніе?

— Странный вопросъ: поили, кормили его...

— А тебя кто поить и кормить? спросилъ Зороастровъ грубо.

— Это смѣшно, наконецъ: у меня отецъ на службѣ.

— А позвольте узнать: сколько получаетъ вашъ отецъ? По мѣсту ему даютъ, кажется, тысячу, а вы проживаете десять!

— Кому какое дѣло? У насъ права свои, крестьяне наконецъ.

— Ну ты, такъ и говори, какъ велить здравый смыслъ: что Раскатова поили и кормили крестьяне ваши, а не вы

— Ну, это дивнй выводъ, наконецъ.

— Въ которомъ много горечи? Не такъ ли, другъ?

— Перестаньте, господа, что же это такое? Начали за здравіе—сведемъ за упокой.

— Оставь Дидинъ. Съ Сомовымъ мы не поссоримся никогда, — это малый добрый. Поживетъ онъ, согласится и со мной. А теперь пока миръ!

— Я всегда готовъ на миръ, отвѣтилъ простякъ Сомовъ и подалъ руку непамятливому бурсаку.

— Ну, теперь выпьемъ, философъ, за побѣду! предложилъ здоровякъ Дидинъ.

— Нѣтъ, душа, не могу—грустно мнѣ!

Зороастровъ тяжело облокотился на столъ и зарыдалъ. Долго было слышно, какъ хмѣльной бурсакъ мычалъ: — Забло насъ барство...

IV.

Раскатовъ между тѣмъ добрель до постоялаго двора и тяжело поднялся по темной лѣстницѣ, въ чуланъ.

Снизу, изъ отворенной избы, попржнему неся глухой говоръ, пьяный хохоть, хрипая пѣсня и удушливый воздухъ, съ гарью махорки и тютюна. Словомъ все то же, знакомое, что такъ и обхватывало свѣжаго юношу въ свои тяжелыя объятія!

— Всѣмъ и даже Трегеману! — всѣмъ лежитъ торная дорога впереди, мнѣ только вотъ куда!.. — Раскатовъ съ досады швырнулъ оуражку объ полъ.

— Кто тутъ пришелъ еще бѣсноваться? начала сердито Катерина, которая Богъ знаетъ сколько уже не спала еѣ перепую.

Раскатовъ долго стоялъ въ оцѣпенѣннн, слушая ея безобразную болтовню и непонимая ни слова. Его пробудили лошади, привязанныя къ колодѣ. Лошади сильно грызлись изъ-за овса.

— Вотъ жизнь! проговорилъ юноша горько и винулся на кровать.

А въ самомъ дѣлѣ пора было спать. Востокъ давно уже бѣлѣлъ; гнѣтухъ-горланъ перекликался съ сосѣдями; стряпка ругалась съ дворникомъ, поздравляя его съ добрымъ утромъ; ранннє птицы извошники запѣли, а за воротами вставалъ базарный говоръ, во всю свою горластую мочь.

На Раскатова напала тяжелая грусть. Вспомнился отецъ-покойникъ и горько всплакнулось за прошлую жизнь. Мелькнули въ головѣ веселые стрижи и воробьи, которыхъ они доставали изъ гнѣздъ съ Зороастровымъ, когда тотъ былъ еще поповичемъ и жилъ у Катерины Михайловны на хлѣбахъ. Смутно пришелъ на память, тоже чудакъ, нѣмецъ учитель, который теперь ужъ не казался Раскатову смѣшнымъ. Но ярче всего встала въ головѣ та обидная сцена изъ швольной жизни, когда баричъ-Сомовъ въ первый разъ назвалъ гордаго гимназиста «шорникъ-мужикъ». Раскатовъ далъ ему за это таску, а правоучитель-инспекторъ высѣкъ преболно его самого. — Раскатовъ плюнулъ на свое прошлое. А въ настоящемъ и вспомнить ему было нечего! Раскатовъ, мѣщанинъ, не имѣлъ даже правъ свободно вступить на службу и быть полезнымъ обществу! Одна только темная учительская дорожка вела его куда-то въ глушь, въ захолустье, въ уѣздный городъ, и пророчила впередъ, что онъ тамъ заплѣсневѣтъ уѣзднымъ учителемъ, вѣчно преподавая одну и ту же русскую грамматику. — На такое настоящее у юноши не доставало силъ даже и плюнуть!

Утромъ у Раскатова сильно болѣла голова и страшно на-

кипѣло на сердцѣ. Мать между тѣмъ успѣла сходить и принялась опять пилить:

— Что это ты, соколикъ, дѣломъ-то никакимъ не займешься? Слова: ручки да выпуча глаза, нельзя вѣкъ просидѣть. Черта дѣлать немъ, въ дурацкомъ ученіи твоёмъ, коли оно намъ денегъ-то не даетъ? Вонъ Ванька, какой ужъ простой, неученый, да и тотъ... и т. д., что Раскатовъ давно уже зналъ наизусть.

— Къ этому еще пришелъ товарищъ, фатъ-болтунъ, котораго въ гимназій звали «почталіономъ», и какъ видно по шерсти дана было вличка. Этотъ живо разсказалъ цѣлую кучу новостей и между тѣмъ, точно поддразнивая Раскатова, сообщилъ, что мажоранты его, Умовъ и Наумовъ, уѣхали сегодня утромъ, Дидивъ съ Трегеманомъ завтра, а онъ послѣ всѣхъ.

И все-таки перегоню васъ всѣхъ! прибавилъ почталіонъ въ заключеніе. Папенъва обѣщала мнѣ дать тройку курьерскихъ.

— Ну, братъ, кому какъ повезетъ. Иной и на курьерскихъ далеко не успеетъ, если мало тутъ.—Раскатовъ злобно указывалъ на большую голову.

Стражъ досадно было ему въ эту минуту, что товарищъ смотритъ съ худо-скрытой насмѣшкой на его обезображенную, обдую мать, у которой свалился даже шлыкъ съ головы.—Почталіонъ это замѣтилъ и тотчасъ ушелъ.

Въ полдень посѣтилъ Раскатова Сомовъ, припомаженный, раздушенный, въ свѣжихъ палевыхъ перчаткахъ, и тутъ же похвалился, какія «хорошенькія часики» подарила ему маменька «на дорогу».

— ъдемъ! кричалъ онъ, высовываясь въ дверь.

— Куда? спросилъ сердито Раскатовъ.

— Какъ куда?—въ университетъ.

— Я не ѣду.

— Это что за новость?

— Это для тебя не новость:—денегъ нѣтъ.

— Вотъ вздоръ какой. Ну, ѣдемъ со мной?

— Раскатовъ мрачно махнулъ рукой.

— Что же?

— Ничего.

— Да полно тебѣ хандрить! Поѣдемъ, пожалуйста! Ну, душечка! Раскатовъ, хоть для меня. Веселѣе будетъ.

— Говорять тебѣ: нѣтъ!

— Удивительный ты сталъ чудакъ. Я тебя не пойму!

— И не старайся!

Сомовъ всегда веселый и привѣтливый, видя такой сухой приемъ, осмотрѣлся около, прибавилъ даже сдержанно, что онъ все-таки желалъ-бы ѣхать съ нимъ, какъ съ товарищемъ, котораго по прежнему любить и за которымъ самъ пришелъ звать его. Но услышавъ короткую и холодную благодарность, бросилъ недожуренную папироску и ушелъ посвистывая съ досады.

— Эхъ ты, баричъ! Туда же «не пойму». Ваня-ли понимать страданія человѣка. Раздушенная перчатка, дрянной раскатовъ плюнулъ вслѣдъ.

Вошелъ Зороостровъ.

— Ой, какой сердитый! сапогъ заплеваль,—а новый ботинокъ сейчасъ купилъ.—Зороостровъ обтеръ сапогъ.

— Зло, братъ, беретъ.

— А «барышня» зачѣмъ прилетала, проститься?

— Съ собой зоветь, скоть!

— Ну, не брани: благодѣтель—не выдержалъ. Здравствуй!

— Здравствуй, садись.

Настало тяжелое молчаніе. Друзья точно чуяли, что бесѣдуютъ въ послѣдній разъ. Никто не начиналъ.

— Никакъ, Ванюшка пришелъ? спросила проснувшаяся старуха.

— Я, Катерина Михайловна.

— Прости меня, батюшка!

— Въ чемъ-съ?

— Видишь, какая я стала—помнишь, чай, какая была?.. Катерина Михайловна заплакала, вспоминая свое прошлое.

— Помню, Катерина Михайловна, какъ не помнишь? Чай, мыли и чесали вотъ эту дурацкую голову.

— Спасибо, соволикъ, что помнишь. Я вѣдь тебя любилъ тогда:—маменьки-то у тебя не было.

Бурсакъ ничего не отвѣтилъ; только вздохнулъ.

— Какой ты сталъ большой, съ колокольню величинной!

— Выросъ, Катерина Михайловна, что дѣлать съ этимъ?

— А ты развѣ не въ полахъ?

— Не въ полахъ, Катерина Михайловна.

— Что-же? али не доучился до попа-то?

- Не доучился, Катерина Михайловна.
- Экой грѣхъ какой!..
- Я въ свѣтскіе вышелъ, Катерина Михайловна, въ университетъ ѣду. Проститься съ вами пришелъ.
- Бить-то васъ некому съ вашими ниверситетами!
- За что же такая немилость?
- За то, чтобъ вы какъ слѣдуетъ учились.
- Да мы такъ и учимся, какъ слѣдуетъ.
- Ну-у!.. Старуха на это только махнула рукой.
- А что?.. чай пилить? обратился бурсакъ къ сыну, когда та вышла.
- И не говори!
- Ну выбираться надо отсюда. Это чертъ знаетъ, что за безобразіе тутъ около тебя. Удеремъ-ко, братъ, поскорѣе, и отъ батюшки и отъ матушки. Ты когда?..
- Куда мнѣ удирать!—сказалъ вчера.
- И сегодня тоже? Эхъ, ты, щетина! А помоему это братъ не резонъ. Настоящій студентъ вѣчно безъ денегъ. Это, другъ, птица небесная... она не съеть, не жнетъ и... какъ-бишь тамъ еще? дальше не помню. Эхъ, жаль нѣтъ отца!—подсказалъ-бы. Вонъ Полубариновъ нашъ, говорятъ, два курса прошелъ и квартиры еще не нашель. Ни разу дома не ѣлъ.
- Что-жь, и мнѣ роль шута?
- Ну, на казенный валай!
- Именно «валай». На тебя вѣрно полоса нашла—дичь пороть.
- Ты знаешь норовъ нашего патрона? Сказано тебѣ математиковъ терпѣть не можетъ, а словесниковъ, говорить, просто не любить». При тебѣ читали письма?
- Ну, по медицинѣ, на полгода! Тамъ можно вильнуть, какънибудь.
- Что-же? «выкинуть штуку»? какъ говоритъ Трегеманъ.
- У тебя все крайности. Не штуку, а просто слезное прошение: такъ и такъ, ваше сіятельство, не могу вскрывать трупа, рѣзать людей и проч.: позвольте перейти на другой факультетъ.
- Во первыхъ, это фарсъ. Студентъ, по моему, долженъ быть студентъ, а не школяръ; а во-вторыхъ, что изъ этого?— изъ-за полгода потеряешь годъ?

— Пожалуй, чертъ возьми. А по твоему какъ?

— Да никакъ! Сидѣть, пока, да копить деньги! Годъ поработаю, уроки...

— Охъ, годъ! Годъ, братъ великое дѣло въ наши лѣта. Это по нѣмецки Gott, туда-сюда, а по руски не годится никуда!

— Все это я знаю! вскричалъ отчаянно Раскатовъ.

— Значить, рѣшено?

— Отстань!

— Скверно, коли «отстань». А я было шелъ съ злобнымъ намѣреніемъ: сманить тебя. Батя и денегъ прислалъ намъ на дорогу. Не хочешь-ли, поврайней мѣрѣ, отъ ярупиць, си-рогѣ на пропитаніе? Пока не пропишь—дамъ!

— Вѣрю, другъ, что дашь.

— Эхъ, ты, блажь!

Друзья вѣриво обнялись.

— Ну, пойдемъ коли такъ въ трактиръ? Прощусь да и въ путь.

— Пиши, что сдѣлаешь.

Гимназисты ушли.

V.

Весь день шатался Раскатовъ по городу, проводивъ Зоро-астрова на большую дорогу. Грустно было ему.

— Кто что не говори, а великая связь наша школьная жизнь! думалъ гимназистъ, проходя скучныя забулки.

И въ самомъ дѣлѣ было такъ. Положимъ въ Раскатовѣ не было того, что составляетъ собственно дружбу и товарище-ство гимназистовъ. Школьникство наше скрѣпляютъ не столь-ко скромность, стыдливость, высокая нравственность и бли-стательные успѣхи, сколько духъ ухорства и молодечества, тревожной и буйной дѣятельности, словомъ то, что болѣе свойственно молодому и кипучему организму. — «Лихой ма-лѣй» — вотъ что высоко цѣнится въ гимназіи; за лихого ма-лаго все стоитъ горой, и за такую честь иной вряхтитъ подъ розгами, гнѣтъ въ карцерѣ, и все-таки гордится этимъ проз-вищемъ, какъ заслуженный воинъ своими ранами за отече-ство. Гимназія, слыша крикъ въ сторожевской, увѣряла, что

такой-то пострадалъ!—Не мало конечно разрываетъ нашихъ гимназистовъ и домашній образъ жизни, и воспитаніе. Этотъ сынъ барина, а тотъ мужика; этотъ сынъ попа, а тотъ какого-нибудь канатнаго плясуна и т. д. Собравшись подъ одну кровлю, очень естественно, дѣти, какъ дѣти, вяжутся только сердцемъ, а не умомъ, не общими интересами жизни? Ихъ могъ бы вязать одинъ общій интересъ человѣчества—наука, да кому не извѣстно, какъ интересно преподавалась наука въ нашихъ гимназіяхъ, особенно въ былое время? Какая связь, напримѣръ, для гимназистовъ чужая и безынтересная латинская грамматика? Въ самихъ наставникахъ дѣти видятъ одну только разногласицу. Самъ правоучитель-инспекторъ, вмѣсто того, чтобы сплотить гимназію во едино, какъ полицейскій смотрѣлъ только за внѣшнимъ порядкомъ, да журилъ, да дралъ, зная напередъ, что ему труднѣе будетъ ладить, если это молодое и горячее братство будетъ жить согласно и скроетъ отъ него всѣ гимназическія штуки. А о кварталныхъ его надзирателяхъ и говорить нечего! Тѣ ладили только съ богачами да лихими малыми;—одни ихъ дарили, а другіе съ ними вутили. Остальное все шло въ разсыпную—воткуда; словомъ кого-куда тянуть свой интересъ и жизнь. А если ученикъ въ родѣ Раскатова прямъ и упрямъ (что на инспекторскомъ языкѣ значить—гордъ и заносчивъ), и если такой ученикъ чувствуетъ свою силу и не удержимъ на языкѣ, то на такую чуму, конечно, опрокидывались всѣ гурьбой неисключая даже служителей..... Вотъ отчего случалось съ нами впоследствии, что встрѣтившись со школьнымъ товарищемъ въ жизни, едва узнаешь другъ друга; не знаешь о чемъ заговорить, и не доумѣваешь: вспомнеть ли добрымъ словомъ свое прошлое, и за что? Часто тѣмъ только и оканчивается задушевная бесѣда съ товарищемъ, что по старому посмѣешься надъ уродливымъ нѣмцемъ, надъ которымъ у насъ хохочутъ всѣ гимназии, да развѣ еще крѣпко ругнешь кое-кого. И только!

Но и сквозь все это тяжелое и безотрадное, я готовъздѣсь повторить слова моего героя: «великая связь наша школьная жизнь!»—Въ дѣтяхъ, какъ мы ни давимъ ихъ нашей искусственной жизнью, все таки пробивается *своя*, вѣчно живущая, естественная жизнь человѣка. Не смотря на наши сословныя перегородки

на наше крайнее богатство одного и нищету другого — дѣти наши не находятъ большой разницы въ себѣ! Они горячо привязываются къ товарищамъ, любя другъ-друга высокой безкорыстной любовью. Какъ ни скверно моему бѣдному Раскату, а все-таки онъ прожилъ съ товарищами семь лѣтъ! Онъ привыкъ къ ихъ лицамъ, манерамъ, обращенію, поступкамъ. Онъ зналъ ихъ привычки, характеры и даже приемы въ наукахъ и фарсахъ. Онъ чуждъ, откуда посыплется нападки и остроты, и умѣлъ отразить выходку cadaго. Въ среднихъ классахъ на него перестали нападать: никто не дѣлалъ намека на его низкое происхождение и никто не острилъ надъ его смѣшными манерами и обращеніемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Раскату, помирившись съ Сомовымъ и перешедши къ нему въ домъ, окончательно выправилъ въ себѣ все рѣзкое и угловатое, — на него взглянули, какъ на товарища вполне. А въ старшихъ, когда Раскату, вмѣсто дѣвственности и прежде приторно-дѣтской стыдливости, проявилъ въ себѣ новыя ухорскія манеры и откровеннаго на пошлости товарища — все готово было подать ему руку дружбы! И мѣшало, какъ намъ извѣстно, только одно — его глубокой и скрытый характеръ.

Теперь онъ все всѣмъ простилъ: теперь онъ тяжело грустилъ о своихъ прожитыхъ семи годахъ.

— Не одного привѣтнаго лица! выговорилъ горько юноша, при поворотѣ домой, и такъ досадно плюнулъ, что едва было не попалъ въ самое привѣтное и ласковое лицо барыни, своей прежней благодѣтельницы, которая чуть не съ распростертыми объятіями неслась къ нему на встрѣчу и издали еще вричала съ улыбкой.

— Ахъ, Александръ Васильевичъ? Какими судьбами?.. Вы развѣ еще не въ университетѣ?

— Нѣтъ, Анна Петровна, не въ университетѣ.

— Чтожь это значитъ?

— Просто значитъ: денегъ нѣтъ.

— Ахъ, Боже мой, какъ это ужасно! Въ университетъ, въ университетъ, молодой человекъ, непременно въ университетъ! — вибрировала, какъ нѣжная скрипка, барыня. Дайте мнѣ благородное слово, что уѣдете?..

— Уѣду, уѣду, Анна Петровна.

— Непременно уѣзжайте! Миша писалъ ужъ ко мнѣ. Какое

у него прекраснѣйшее начальство! Онъ успѣлъ ужъ познакомиться коротко съ профессорами: такъ и подчеркнул въ нисемѣ: «всѣ, всѣ высокоблагородные люди».

— Да гдѣ онъ ихъ такъ коротко узналъ. Лекціи, я думаю, еще не начинались?

— А они въ первый же день были у брата. Братъ имъ представлялъ Мишу, какъ новаго студента. Вы конечно знаете моего брата: онъ прокуроромъ!

— Да, слыхалъ.

— Такъ, до свиданія, Уѣзжайте непременно!..

Раскатовъ молча раскланялся.

— Ахъ! еще одно слово. Хотя на минуточку передъ отъѣздомъ забѣгите ко мнѣ. Можно васъ, по старой дружбѣ, обременить маленькой просьбой: я бѣлье пошлю съ вами Мишѣ?..

— Извольте, извольте, хотъ конфетъ.

— И такой же веселый, шутникъ. Вамъ непременно надо быть студентомъ. Ну, прощайте, прощайте, заболталась.

— Чертъ-бы тебя дралъ, скотину! подумалъ будущій студентъ, вовсе не по-аристократически и чтобы не встрѣтить еще подобнаго сожалѣнія, вруто повернулъ домой.

VI.

На завалинкѣ сидятъ братъ съ сестрой: мать и дядя Расватова. Разговоръ ихъ старъ и глухъ, какъ изъ могилы; но чуткое молодое ухо слышитъ его ясно и чувствуетъ глубоко, особенно съ тѣхъ поръ, какъ гимназистъ вадумчиво обловотился на окно.

— Все вишь тоскуеть про своихъ, бурчить проспавшаяся мать.

— Нешто; молодое, знать, зелено: не о чемъ охать о своемъ, такъ дай охнемъ о чужомъ.

— Вчерась такъ и залился горячими: «безпримѣнно бы, говорить, надо ѣхать, маменька, а денегъ нѣтъ!»

— А чортъ мѣшаетъ деньги-то имѣть! Примѣрно хоша-бы мои теперича тысячи, куда ихъ? съ собой не возьмешь? Не сегодня, завтра умремъ—все прахомъ пойдетъ! Срѣжетъ вонъ съ шеи-то стряпка вмѣстѣ съ крестомъ.

— Ну, у тебя другъ, *свой* — ему вопи.

— Охъ, свой!.. Свой-то, сестра, тоже такой, какъ твой. Третій годъ бурлачить по Волгѣ, а къ отцу родному нейдетъ. Имъ, знать, лампа-матушка милѣе родимаго-батюшки. Они вишь оба вышли у насъ съ норовомъ, что мой, что твой. Вѣрно не нашего поля ягоды, и не нашего знать приходу молеельщивы? Поглядѣла бы ты, третьеводни какъ твой-то брыкнулъ мои денежки. На силу самъ-отъ ушолъ отъ него, со стыда!

— Какъ брыкнулъ? спросила сердито мать.

— Да такъ, какъ брыкаютъ вонъ лошади. И меня-то, дурака, чортъ понесъ въ нему. Пришолъ было, какъ въ путному, говорю: что? — А ничего-ста, говоритъ, дядя: трудно живется.—Отчего жъ, говорю, въ эздакiя лѣта теперича трудно тебѣ живется? Въ наше время, говорю, мы, молоде-то бывши, только и дѣлали, что бражничали? — А оттого, говоритъ, дядя, что время ваше не похоже на наше. — Слышишь, куда загибаетъ? Вы, дескать, были дураки, а мы, дескать, стали умники.

— Ну, дураки-то, слава Богу, прожили свой дурацкiй вѣвъ, посмотримъ, какъ умники-то будутъ жить!..

— А ты слушай, что выйдетъ дальше: чтожъ, говорю, это значить? Нельзя-ли какъ этому дѣлу пособить? — Да какъ, говоритъ, пособить: ѣхать вотъ надо, да денегъ нѣтъ.—Ага, думаю, сказался наконецъ человекъ! Я, знаешь, не говоря ни слова за мошну: вытянулъ оттуда за хвостъ бѣленькую, растопырилъ этакъ примѣрно на столѣ да и говорю: «бери да помни Шашка, что я тебѣ дядя родной, а не чужой; ты отъ меня рыло не вороти.

— Ну что же онъ?

— Да ничего. Спасибо даже не сказалъ! Взялъ да и отодвинулъ бумагу назадъ. Этого, говоритъ нечего и брать: съ этимъ я ничего не сдѣлаю. Онъ вишь мѣтилъ на то, что я возьму да и вывалю ему заразъ цѣлую тысячу.

— Ну, этакъ, жирно съѣсть!

— А коли такъ говорю: нечего тебѣ брать, такъ нечего и дѣлать. Взялъ зайчива-то со стола да я засунулъ опять въ мѣшокъ. Баста!

— Они все такъ, пока материно-то молово на губахъ не обсохло. Думаютъ: тысячи-то легко наживаются!..

— Помятно, сестра: человекъ, собираючи вѣкъ копѣйка-ми, копѣйка-ми-же и выпускать должны!

Раскатовъ съ отчаяніемъ бросился внизъ и засучилъ даже на темной лѣстницѣ рукава. Но при его появленіи старикъ и старуха уже молчали.

— А пойдѣмъ-ко, сестра, поѣдимъ засвѣтло?..

— Охъ, что-то поясница опять... отжаловалась мать.

— Ну, бодрешку пропусти.

— Эхъ, вы!.. вскрывалъ имъ вслѣдъ гимназистъ, сжимая кулакъ—да такъ и не прибралъ къ этому никакого прилагательнаго.—Точно мальчишку, точно школяра оставляютъ безъ ужина за непослушаніе!.. Ужинъ вашъ не нуженъ! Мнѣ нужно только слово утѣшенія, одно родное, теплое слово, котораго вы не умѣете сказать! Вонъ отсюда сейчасъ же! Жить больше не хочу подъ одной кровлей съ вами ...

Гимназистъ отчаянно кинулся на улицу, пробѣжалъ городъ и очутился на мокрой, росной травѣ въ горахъ.

Ночь была чудная, теплая, ароматная. Точно золото, брызжутъ звѣзды по синему небу. Крепкій юноша вытянулся во всю мочь и свободно вздохнулъ.

— А легко здѣсь, подъ этой высокой кровлей! Отчего же тамъ тяжело съ людьми?.. Вѣдь разбойникъ счастливѣе меня! Эхъ, ты гнетущая сила, съ которой не борись человекъ! — За чтожъ она меня гнететъ?..И жалкій Раскатовъ громко зарыдалъ.

А кругомъ, точно ласковая мать, шепчется надъ нимъ наша сѣверная природа, вѣчно подлаженная да подстроенная подъ наши охи, вздохи, да стонъ. Деревья грустно качаютъ восматую головой; ручей надъ ухомъ журчитъ такую грустную и монотонную пѣсню, что кажется всю душу вытянетъ изъ юноши. Слушалъ, слушалъ его Раскатовъ, думая: вотъ возвыситъ ногу, или падетъ—нѣтъ! тотъ же вѣчно-скучный ропотъ, вплоть до утра! Надъ Волгой затянулъ—было кто-то пѣсню, и кажется ей бы только разгуляться на такомъ широкомъ просторѣ, но и пѣсня полилась словно тотъ же ручеекъ—тоскливая, тяжелая и безотрадная!—«Эхъ, ты, доля, моя доля, доля горькая моя!..» тянулъ какой-то бѣдняга посередь рѣки, а звонкое эхо вторитъ тоже на обоихъ берегахъ!..

— Что-жь, убить себя что ли изъ проказъ?.. — Надъ этой мыслию Раскатовъ захохоталъ.—Нѣтъ, не убью! Такъ и напишу Ивану: «перочиннаго ножа не было, не чѣмъ рѣзаться гимназисту.»—Бей меня жизнь! но самъ я въ могилу не лягу, пока не перевѣдаюсь съ той горькой долей, которую прочитъ тамъ рыбаць! Вздорь!—Что дѣлать—скажутъ обстоятельства! А теперь надо работать.

VII.

— Работать, работать! твердилъ рѣшительно юноша, спускаясь съ горы.

Но что такое работа гимназиста? Его приглашаетъ товарищъ въ деревню, на вакантъ, приготовить себя въ экзамену, а ласковый папенька говорить обворожительно: «у насъ поживете, отдохнете, у насъ веселая деревня, на горѣ» — и вотъ вамъ вся награда гимназисту за трудъ. Его приглашаетъ чиновникъ приготовить сынишку въ гимназію, по урокамъ въ 25 копѣекъ, и пишетъ еще дерзости на билетахъ, какъ землемѣръ Оита: «са сегодня учитель опоздалъ 17 минутъ!» Его приглашаетъ купецъ-прогрессистъ поучить дочку грамоткѣ, и докучливо толкуетъ о томъ, какъ правильнѣе учить дѣтей: «буки-азба,» или «бе-аба?». А платитъ конечно копѣйками, или заборомъ изъ лавки—сигарами да табакомъ. Словомъ за четвертакъ, или просто такъ, за ничто! — вотъ за что продаетъ гимназистъ знанія свои и труды. Но Раскатовъ былъ не гимназистъ; планы его были пошире. У него уже были два урока, у чиновника и купца, значить, оставалось сходить и попросить: чтобъ тѣ рекомендовали его въ другіе дома.

— Устроюсь, пойдетъ! говоритъ настойчиво юноша, и тутъ же отправился искать квартиру.

Квартира нашлась. Въ тотъ же день Раскатовъ перешелъ въ какой-то доброй старушкѣ Волчихѣ, у которой внукъ ходилъ въ гимназію. — «Вотъ и ему будетъ съ вами веселѣе» прибавила бабушка, вовсе не зная весело-ли будетъ Раскатову самому. — «А иной разъ еще и покажете что нибудь.»—А о томъ, что она за это сбавитъ за квартиру, опять ничего!—Раскатовъ впрочемъ согласился на все.

Новое положеніе героя едва-ли было легче стараго. Здѣсь, правда, мать не сердила его выходками и грубою бранью;

здѣсь не слыхалъ онъ ея дикаго хохоту и нелѣпныхъ сужденій, основанныхъ на поношенной пословицѣ, или на томъ дикомъ смыслѣ, который исказили въ ней рабство, пьянство и безотрадная нищета. Хозяйка была старушка привѣтливая, добрая на видъ и большая говоруня. По ея словамъ она много жила и много видала. Но слушая ея вѣчно-новую болтовню, Раскатовъ приходилъ къ заключенію старому: чертъ знаетъ, за чѣмъ эти люди много жила и видала? Никакой отъ этого нѣтъ пользы никому! Я было обратился къ ней, какъ къ человѣку опытному, думалъ что замѣнить мать, дать совѣтъ или утѣшить живымъ и теплымъ словомъ, а она только мелеть свою чепуху!»

— Вотъ, молодой человѣкъ, мужъ мой, покойникъ, очень служилъ хорошо, начнетъ она за обѣдомъ. *Пинсіончикъ* мнѣ оставилъ, царство ему небесное, я и живу съ нимъ припѣваючи, да говорю: «спасибо.» Изъ этого она дѣлала какой-то выводъ: что если старухи живутъ припѣваючи, то молодымъ людямъ стыдно и грѣхъ жить не припѣваючи. А потомъ она уже составляла себѣ какую-то родительскую обязанность: что ей, какъ бабушкѣ, непременно нужно заняться молодыми людьми, словомъ надоѣдать имъ такъ, чтобъ они тоже жили припѣваючи. Съ внукомъ она не церемонилась и говорила сердито: «А ты, мой батюшка, не задумывайся: это не хорошо!» А съ Раскатовымъ была приторно любезна и, подавая тарелку, замѣчала съ улыбкой:

— А вы, молодой человѣкъ, опять не въ своей тарелкѣ?

— Трудно живется, Анисія Алексѣевна.

— А авось! утѣшить вдругъ старуха.

— Авось ничего не значить! Отхватить сердито Раскатовъ.

— А Богъ, батюшка, на что? Охъ, великое слово Богъ!

Старуха привяжется къ ея любимому слову и пустится преподавать на эту тему, словно законоучитель. Заговорится иной разъ до того, что спросить: «А на чемъ бишь я остановилась?» а въ концѣ все таки выведетъ заключеніе: что намъ, рабамъ, стоитъ только помолиться, Богъ всѣмъ дастъ даровые пинсіончики по смерти.

— Ну, съ этимъ я не согласенъ!

— А коли не вѣрите словамъ моимъ, значить вы не вѣрите писанію Божію.

— Да въ писаніи-то именно такъ не сказано; вотъ я и вамъ не вѣрю! Отвѣтите рѣшительно постоялецъ.

— Ну, вольному воля, спасеному рай, заключить ласново бабушка.

А между тѣмъ старуха всполошится не шутя, не спать всю ночь, думаетъ: какой такой новыи постоялецъ? Ужь не ма-сонъ-ли онъ, какой грѣхъ? Какъ-бы со всѣмъ не развратилъ ея внука? А на другой день примется еще увѣщевать постояльца, прибавляя въ каждому слову *молодой* человѣкъ, такъ что «молодой человѣкъ» превратится у нея наконецъ въ какую-то ругань, въ родѣ молокососа или фуфлыги.

А всенедельная житейская канитель тянулась еще досаднѣе и скучнѣе. Утромъ гимназистъ въ гимназін, старушка у обѣдни, а Раскатовъ уйдетъ на урокъ. Соберутся къ двумъ часамъ, пойдутъ да тѣмъ и кончатъ всѣ заботы на этотъ день! Страхъ досадно Раскатову, что такъ много свободного времени. Съ жаромъ примется читать, писать, допишется даже до стиховъ, а все не легче—ничѣмъ не наполнить эту бездну — жизненную пустоту!

— Что вы все сидите, да надъ книгами корпите, молодой человѣкъ? Я, въ ваши лѣта, какъ бабочка порхала. Грѣхъ по моему не гулять въ такіе дни. Весь городъ ходитъ по улицѣ.

Раскатовъ очнется отъ болтовни. Улетитъ порхать бабочкой по закоулкамъ, осмотритъ соборы, заборы и плетни—все пустота. А къ этому еще томить надежда: едва достаетъ деньжонокъ на одежду да на хлѣбъ.

— Когда же копить? спроситъ себя серьезно мотылекъ и пойдетъ опять повторять свою покорнѣйшую просьбу чиновнику и купцу.

— Да вотъ все, какъ-то недосужно, въ лавчонѣ торчу, поврежете, похлопочу, утѣшаетъ купецъ. А чиновникъ прямо отговаривается службой: Не вижуся, батинька, ня съ кѣмъ, по горло заваленъ работой.

«Тоска!» написалъ наконецъ Раскатовъ Зороастрову. А тотъ хохочетъ да отвѣчаетъ сердито: «баба ты, баба! Хоть бы Тредьяковскаго читалъ отъ скуки и тотъ бы тебѣ посовѣто-

валъ: «плюнь на скуку, держись черни»... Пора тебѣ перестать быть мечтателемъ и ожидать какихъ-то цвѣтиковъ; вздѣлывай почву... Хлѣба, намъ надо, другъ, хлѣба, а не цвѣтиковъ—хлѣба! Европа просить его...

Гимназистъ вѣрно задумался надъ послѣдней фразой; перечиталъ еще подчеркнутыя въ письмѣ слова: «чернь», «просить», «хлѣба», и проговорилъ глухо: Чертъ знаетъ, что это за ключье? Ничего не понимаю. Какой-то намекъ на что-то, точно отрывокъ мысли глубокой?.. Со всѣмъ заучился шельмецъ Ванька! — Онъ скомкалъ письмо съ досады и бросилъ въ огонь. А самъ принялся опять читать да мечтать о работѣ болѣе возвышенной.

Теперь, когда горе поглубже воснулось души, самая музыка и пѣніе перестали быть для Раскатова игрушкой и забавой. Юноша вспомнилъ, что тамъ гдѣ-то на чердакѣ валяется его скрипка, сдунулъ пылъ съ своей прежней подруги, прилегъ въ ея одушевленнымъ струнамъ и выплакался весь съ своей скорбной душой. Правда, что Раскатовъ не былъ музыкантъ по ремеслу; доказательствомъ служитъ то, что онъ годъ не видалъ своей скрипки и не вспомнилъ объ ней. Но когда этотъ грубый, матеріальный и чернорабочій человѣкъ, не зная свѣта и не умѣя бороться съ нуждой, забралъ въ себя все и почувствовалъ, что ему не легко: о! тогда его безотвѣтная и скромная пучина-душа, вѣчно молчаливая подъ бременемъ, издала такіе жалобные звуки, что въ нихъ отразился весь процессъ угнетеннаго человѣка. Страшная сила выходила изъ-подъ пальцевъ и струнъ! — «Эхъ, Ваня, Ваня, шепталъ юноша, вспоминая свое бывшее: когда то любилъ ты мою музыку, послушалъ-бы ты ее теперь!» И точно опьянѣлый весь опять опрокидывался на скрипку, обливалъ ее горячими слезами, а скрипка такъ и выговариваетъ самую отчаянную жалобу на жизнь!

— Полноте вамъ пилить, молодой человѣкъ! закричить изъ другой комнаты бабушка. Душу всю изъ меня вытянули. Съ играйте-во что-нибудь веселенькое?

— Самому не весело, Анисья Алексѣвна.

— А жали не весело, такъ къ Богу надо прибѣгать. Онъ развеселитъ человѣка.

— Не прибѣгается еще, Анисья Алексѣвна — молодъ.

— Это худо, коли не прибѣгается. Ну, настроили-бы себя какъ нибудь: спѣли-бы что-нибудь божественное.

Раскатовъ замолчить и задумается надъ мыслию бабушки.

— А потѣшу я бабушку хоть разъ. Пойду отъ скуки пѣть божественное!—Сказалъ онъ однажды и дѣйствительно ушелъ съ внукомъ пѣть въ гимназическомъ хору.

Голосъ человѣческой имѣеть громадное преимущество передъ бездушною струной; это голосъ жизни, между тѣмъ какъ та только звукъ искусства или ремесла. Человѣкъ, истинно понимающій жизнь, готовъ лучше слушать простую, задушевную лѣспю мужичка, чѣмъ отличнѣйшую музыку виртуоза по ремеслу. Пѣсня мужика хоть груба, но за то нелицемѣрна и нежива ни въ чемъ! Она вполне передаетъ внутреннее настроеніе человѣка. Пѣсня не забава наша, а потребность души.

Ту же потребность почувствовалъ въ себѣ и Раскатовъ, когда онъ побывалъ раза два-три въ хору. Его манило туда не просто искусство, а внутреннее состояніе души. Точно съ какой-то отрадой ожидалъ онъ субботняго вечера, точно отдыхалъ онъ на пѣвческой, и веселый приходилъ домой.

«Вотъ и слава Богу, тотчасъ замѣтитъ старушка, вы теперь похожи на человѣка; даже лицо-то на васъ какое-то новое, точно праздничное? А когда Раскатовъ на другой день объявить неожиданно, что онъ сегодня пѣлъ даже въ церкви, всю обѣдню,—бабушка приходитъ въ какой-то дѣтскій восторгъ и изо всѣхъ силъ хлопочеть, чтобы какъ можно больше наговорить и доказать Раскатову: какъ это все умилительно!

— «Нѣтъ, нѣтъ, онъ не масонъ,» думаетъ старушка, подмигивъ слезу, и тутъ же примется рассказывать маіору Дѣлову: какой прекрасный молодой человѣкъ — ея постоялецъ. Самъ Богъ послалъ мнѣ, батюшка, этакаго. Какой до церкви охотникъ. Теперь ужъ, кажется, ни его начальство гимназическое, никто не заставляеть, а все ходитъ съ моимъ-то пѣвчимъ въ церковь, — самъ охотится, поеть. Думаетъ вишь, дя Бога все это!

Словомъ, до самага порога разсыпается старушка въ похвалахъ Раскатову. Маіоръ зайдетъ къ маіоршѣ накушаться чаю. А Раскатовъ, самъ-же и разрушить всѣ бабушкины похвалы.

— Что помолился, батюшка? спросить умиленно бабушка, желая выставить богомольца на показъ.

— Плохо, Анисья Алексѣевна.

— Какъ это? Что вы говорите, молодой человекъ, Господь съ вами?

— Да не о чемъ было-съ.

— А! Молодому человеку да не о чемъ молиться?—У Бога милостей просить.

— А вотъ молодому-то онъ и не дастъ милостей, скажетъ: самъ добывай, трудись, работай!

— Штъ, этого вы не говорите, извините, начинается степенно заступаться маіоръ. Бываютъ случаи, я самъ вамъ о собѣ доложу. Въ молодости я, знаете; тоже былъ рѣзовъ на языкъ, да разъ мы стояли въ Польшѣ... И пойдетъ, и пойдетъ.

А Раскатовъ не дослушаетъ да уйдетъ.

VIII.

А время все шло впередъ. Вотъ и лѣто къ концу.

— Ну, погоди, подожди зимы: прїѣдутъ наши бары изъ деревень, вотъ тогда и уроки, утѣшаетъ какой-то утѣшитель, гимназистъ. Раскатовъ скрѣпя сердце ждетъ зимы.

А между тѣмъ и сѣренькіе деньки начали набѣгать. Охъ, эти сѣренькіе деньки бѣдному человеку! Раскатову еще скучнѣе въ эти сѣренькіе деньки. Придетъ маіоръ въ маіоршѣ, захочетъ непременно побесѣдовать съ молодымъ человекомъ и начнетъ опять тоже: Разъ мы стояли въ Польшѣ, жидъ каналья... и пр. А Раскатовъ еще чаще сталъ бѣгать отъ маіорскихъ бесѣдъ, даже въ сѣренькіе дни.

Пройдетъ Раскатовъ городъ, осмотритъ соборы, заборы, капустные огороды и очутится въ полѣ. Моціонъ кажется хорошій, а все не легче. Молодая и сильная кровь-злодѣйка такъ и мечется въ голову и сердце: юношѣ двадцать лѣтъ, юношѣ хочется любви, дружбы и прочихъ молодыхъ бѣснованій. А кого тутъ любить?—на лицо старуха да кухарка; съ кѣмъ быть дружнымъ?—собесѣдники маіоръ-деревяшка

да звукъ-болванъ; кому высказаться и выплакаться влонецъ? Иванъ далеко... И вотъ все опять спирается въ груди!

А въ головѣ хаосъ какой, Богъ ты мой!

— Уйду никакъ на Кавказъ и сдѣлаюсь маіоромъ, какъ Дѣловъ, мечтаетъ юноша. А лучше какъ-бы уроки достать, да за ними махнуть въ Казань? То-то поцѣловалъ бы Ванька! Похвалить, скажетъ: «молодецъ, работнивъ лихой!»—Примусь никакъ коробки клеить да балясы точить? по моему, лишь-бы деньги добыть, а какъ, это все равно!

Но изъ этихъ думъ юноши не выходило ничего дѣльнаго и плодотворнаго. По здоровомъ обсужденіи тотчасъ оказывалось, что на Кавказъ ѣхать—надо деньги; уроки имѣть—надо случай, а игрушки клеить — некому въ нихъ играть! Все это такъ и влонить Раскатова, какъ полный наливной колосъ непогодью или серпомъ! Очутится онъ гдѣ нибудь въ горахъ, не весело взглянетъ на широкую Волгу-кормилицу, съ которой несется унылая пѣсня и, подперши голову руками, проговорить тяжело: «нейдетъ, нѣтъ, нейдетъ!»

Такъ молодой и крѣпкій юноша, еще такъ недавно щеголявшій тѣмъ, что «самъ достанетъ хлѣба», теперь отъ надлома и ненастья жизни начинаетъ чувствовать истому и слабость во всемъ!

Но Раскатову нечего беспокоиться о здоровьи. Не успѣеть охнуть, какъ смотришь—старушка захопоталась вся: и съ глазу умыть предложить, и опотельдову съ летучей мазью принесть, и сотни совѣтовъ наговорить, и съ испаринкой въ постель уложить.

— А по-моему вамъ бы купаться да обществомъ развлекаться полезнѣе всего, совѣтуетъ маіоръ. Я тоже съ молоду былъ, знаете, самъ, какъ вы: любилъ читать, мечтать и прочее все этакое...

— И видно! думаетъ Раскатовъ сердито и тотчасъ уидеть.

Разъ, въ хорошей вечеръ подъ осень, юноша сидѣлъ въ темной аллеѣ александровскаго сада, одинъ. Отливъ розоваго заката на стволахъ березъ былъ очарователенъ. Зелень, утомленная лѣтомъ, по все еще свѣжая и крѣпкая отъ здороваго воздуха, глядѣла ясно, какъ добрый старикъ. Словомъ, безъ

описаній, это была пора грусти, прощанія и мечты. Раскатовъ дѣйствительно прощался съ лѣтомъ и мечталъ.

Передъ нимъ пробѣжалъ и сѣлъ господинъ въ ярко-синемъ плащѣ съ бархатной подкладкой. Соломенная шляпа закрывала половину его лица; бѣлокुरые волосы раскинулись по плечамъ, плащъ разметнулся небрежно...

— И бородка напоминающая Вандива! Это непременно художникъ, заключилъ Раскатовъ,—по всѣмъ приемамъ и даже бѣготнѣ.

Оказалось что-то похожее на то. Господинъ, откинувъ голову назадъ, пристально посмотрѣлъ на закатъ и даже прищурилъ глазъ. Яркій лучъ солнца, прорѣзавшись сквозь рошу, заигралъ весело на его простодушномъ лицѣ. Глядѣлъ онъ долго и съ особеннымъ восхищеніемъ. Наконецъ, живо вытащилъ изъ-подъ полы альбомъ и еще живѣе набросалъ рошу, закатъ и, какъ видно, самого, сидящаго въ тѣни Раскатова.

— А что, не сдѣлаться ли художникомъ? мелькнула у Раскатова мысль. На Кавказъ — нужны деньги, а художникомъ можно быть и безъ денегъ. Здѣсь есть, кажется, чья-то школа?..

Художникъ опять взглянулъ на Раскатова и что-то поправилъ.

— Не принять-ли живописнѣ позу? спросилъ Раскатовъ.

— Нѣтъ, не беспокойтесь, хорошо, сидите! Я вѣ-скоро... художникъ поклонился слегка, швырнулъ шляпу и принялся опять что-то рисовать.

— Извините, что безъ позволенія... обратился онъ къ Раскатову, кончивъ свое дѣло.

— А съ вашего позволенія, можно посмотрѣть?

— Извольте, съ большимъ удовольствіемъ!

Восторженный художникъ, какъ привѣтливое дитя, бросился на встрѣчу Раскатову съ альбомомъ. Раскатовъ взялъ и рассмотрѣлъ безалаберно-набросанный ландшафтъ, однако замѣтилъ, что его единственная живая фигура очерчена тщательно; въ ней можно было узнать кое-кого и даже поза придана, какъ мечтателю.

— Мило? Что-жь это будетъ: акварель или масляными?

— Ничего, я думаю, не будетъ—такъ набросалъ только... И художникъ при этомъ такъ взерошилъ волосы, какъ буд-

то хотѣлъ сказать: «мы все такъ небрежно набрасываемъ, какъ волосы и плащъ».

— А жаль. Это миленькій пейзажъ.

— Вы развѣ художникъ? спросилъ вдругъ господинъ, слышавъ знакомые звуки.

— Рисовалъ когда-то. Но признаюсь, смотря на это, совѣстно назваться художникомъ.

Художникъ самодовольно засмѣялся. Раскатовъ любезно предложилъ папиросъ.

— Это что-съ!... началъ артистъ опять свое: со всѣмъ не то-съ! . Тутъ есть кое-что другое-съ... Позвольте, я покажу... Художникъ сильно зашумѣлъ листами альбома и представилъ Раскатову образчикъ своего творчества.

— Ну-да! Это не то, заключилъ Раскатовъ, въ видѣ знака, и предложилъ опять курить.

— Нѣтъ, благодарю-съ, я вѣдь не курю-съ, отвѣтилъ стыдливо юноша и такъ покраснѣлъ, какъ будто ему предлагали и богъ знаетъ что.

— Ахъ, чертъ возьми! Гдѣ же я возьму огня?

— Спичка, вѣжета, есть. Позвольте, сейчасъ пощупаю... Художникъ гдѣ-то пощупалъ, досталъ и зажегъ.

— Настоящій аркадскій пастушокъ, подумалъ гимназистъ, довольный новымъ знакомствомъ.

Сѣли рядомъ...

Оказалось, что этотъ милый и привѣтливый господинъ-мушкетеръ былъ ученикъ живописной школы Иванини, тутъ же въ городѣ; юноша самый простодушный и до того опозтегизированный, какъ само искусство. Звали его Алексѣй Ивановичъ Лыско. Раскатовъ тоже сказалъ свое имя.

Разговорились о томъ о семъ, а больше ни о чемъ: художникъ отъ кого-то слышалъ, что въ Петербургъ привезли картину Иванова, и безпрестанно повторялъ: «вотъ бы посмотреть, чертъ возьми! Эхъ, я думаю, хороша!.. «А гимназистъ зналъ наизусть Гоголя, память имѣлъ огромную и началъ отхватывать цѣликомъ: «да-съ, непостижна судьба этого чело-вѣка! Картина его, это явленіе небывалое. Ивановъ, говорятъ, умеръ для всего въ мірѣ. Шутка сказать: двадцать лѣтъ сидѣть въ мастерской и писать одно и тоже, — можно вообра-

зять: какъ она написана! «Эхъ, чортъ меня подери, пѣшкомъ удеру въ Петербургъ!» подхватывалъ художникъ и даже размашисто разсѣвалъ воздухъ кулакомъ.

Перешли въ карриатурамъ Ѳедотова, и тутъ оказалось, что гимназистъ читалъ о Ѳедотовѣ и зналъ, что его звали Павломъ Андреичемъ. Зналъ даже, что Ѳедотовъ написалъ «Маюра» извѣстнаго тогда въ провинціи, и зналъ самага «Маюра» наизусть. Новый знакомецъ хохоталъ до упаду, слушая поэму Ѳедотова, и въ концѣ заключилъ въ видѣ какого-то удивленія: «да-съ, вотъ какіе бываютъ таланты у насъ: и художникъ былъ человѣкъ и стихи теперича писалъ-съ!»

Словомъ задѣтый за живое, художникъ залепеталъ весело и увлекательно, а по мнѣнію Раскатова даже вѣрно и основательно. Слушая его, гимназистъ тоже понатужился, какъ бы витіеватѣе пустить свою звонкую рѣчь. Непремѣнно нужно было, чтобъ она соотвѣтствовала: и поэтическому настроенію природы, и веселому расположенію собесѣдника, и вмѣстѣ съ тѣмъ ловко поддерживала разговоръ. Извѣстно, что споръ легче всего поддерживаетъ разговоръ. Раскатовъ началъ подъ конецъ спорить:

— Нѣтъ, Алексѣй Ивановичъ, извините, я съ вами несогласенъ, что природа однообразна. По моему это не такъ: нѣтъ деревца похожаго на деревцо, сучка на сучекъ, цвѣтка на цвѣтокъ...

— Я не говорю вообще-съ, я говорю о нашей природѣ сѣверной. Конечно тамъ, въ Италіи гдѣ нибудь, въ Швейцаріи, что и говорить—тамъ дѣйствительно пейзажъ, а у насъ что-съ!.. заключилъ художникъ грустно.

— Какъ что, помилюйте? Природа вездѣ природа. Это необъятно-широкая и глубокосозерцательная картина. Это многодумная поэма, полная жизни и бытія... и т. д. Раскатовъ даже подумалъ про себя: «о-го-го! какія я великолѣпныя выдвигаю фразы.»

— Вотъ она! кричалъ гимназистъ, торжественно указывая на закатъ. Это цѣлая поэма, пишете здѣсь какую угодно картину! Я въ этомъ отношеніи даже завидую вамъ, господа избранники и счастливыцы! Вы все это, прекрасное, можете еще расписывать игривымъ воображеніемъ художника. Здѣсь

выгода на вашей сторонѣ! Между тѣмъ какъ въ нашей средѣ, заключилъ гимназистъ тоскливо,—въ наукѣ, напримѣръ, воображеніе бесплодно! Оно жертвуетъ науку; оно затмѣваетъ истину; оно мѣшаетъ развиваться идеямъ! А въ художникѣ гра воображенія—великое дѣло!

Бѣднѣйшій Алексѣй Ивановичъ, едва понимая выпреннюю чепуху гимназиста, замѣтилъ было просто: что наука, по его понятіямъ, стоитъ выше искусства.

— Ну, не всегда-съ, извините, возражаетъ опять горячій и стойкій гимназистъ. Я кончилъ курсъ въ гимназіи, выучилъ много наукъ и самъ на себѣ испыталъ всю ихъ чепуху! Охъ, знаю-съ твердо, какъ воснулись ума и сердца моего всѣ эти проклятыя латинскія да греческія грамматики! Повѣрьте, милый Алексѣй Ивановичъ: кончить курсъ, положимъ хоть въ гимназіи, по-моему прямо значить — сдѣлаться книгоѣдомъ, челоуѣкомъ динимъ!..

Послѣднее Раскатовъ проговорилъ съ горечью и даже посмотрѣлъ на собесѣдника; какое впечатлѣніе произведетъ вся эга чепуха? Алексѣй Ивановичъ однако ничего не отвѣтилъ, да ему и въ голову неприходило, что корень ученія горекъ. Онъ, какъ большая часть нашихъ художниковъ, особенно въ провинціи, былъ порядочный невѣжда и вовсе не думалъ учиться ничему, никогда!

Гимназистъ странно былъ настроенъ въ этотъ вечеръ. Ему непремѣнно хотѣлось разбранить свое прошлое и доказать, что художники, живущіе воображеніемъ и бредомъ, все-таки счастливѣе его, и опять ему задался вѣчно-томившій его вопросъ: что дѣлать наконецъ? А мысль сдѣлаться художникомъ, такъ и вертится въ головѣ.

— Ну, прощайте, пора! заговорилъ пріятный теноръ.

— А не по дорогѣ-ли? я тоже иду.

Оказалось, что Раскатову одной только улицей было не по-дорогѣ, да и то онъ нашель какой-то прямой переулочекъ и проводилъ художника до воротъ.

— Да зайдите, что за церемоніи! У насъ вѣдь просто-съ!.. увѣщевалъ Алексѣй Ивановичъ, таща просто Раскатова за рукавъ.

— Ей богу не могу, топырился гимназистъ. Это не цере-

монія, а наконецъ вотъ что... Видите не могу! Раскатовъ распахнулъ шинель и тоже безъ церемоніи показалъ художнику: какъ онъ одѣтъ въ старый халатъ безъ галстука и подпоясанъ носовымъ платкомъ.

— Эхъ, вы какіе! выговорилъ грустно художникъ.

— Завтра, завтра, или послѣ завтра, милѣйшій Алексѣй Ивановичъ, я непременно вашъ!

И Раскатовъ скоро убѣжалъ.

IX.

Дня черезъ два Раскатовъ отправился къ Алексѣю Ивановичу и мечталъ всю дорогу, что изъ этого выйдетъ? Ему впередъ было сказано и указано, какъ войти и пройти. На право дверь съ зеленой клеенкой; есть, говорятъ, и колокольчикъ, можно позвонить, мы тутъ же отворимъ и пр. А пришель, ничего ни нашель!

Двери настезь, въ комнатахъ ни души, кругомъ мертвое молчаніе, какъ будто въ этихъ покояхъ никто не жилъ, кромѣ Демокрита, смѣющагося надъ ракомъ, да еще какого-то чудака, во всю мочь зѣвающаго отъ скуки, изъ золотой рамы. Раскатовъ застучалъ ногами, кашлянулъ, успѣлъ даже разсмотреть чудаковъ—все никто не является—та же мертвая тишина. Онъ прошелъ другую комнату, наполненную картинами, прошелъ третью, въ которой картины были еще лучше — и здѣсь никого! Юноша отъ скуки принялся разсматривать какое-то богатое тѣло Вирсавіи или Сусанны.

— Саша, дай рюмочку! раздался удушливый, хриплый голосъ, и опять все замкнуло.

Раскатовъ вздрогнулъ отъ этого признака жизни.—«Точно отецъ покойникъ просить меня?» мелькнула мысль, а безобразное прошлое такъ и встало въ головѣ! Юноша бросилъ разсматривать богатое тѣло красавицы и весь превратился въ слухъ.—Та же тишина.

— Христа-ради дай рюмочку! молилъ удушливый и хриплый голосъ, и такъ близко, точно въ самое ухо.

Раскатовъ не выдержалъ, заглянулъ въ сосѣднюю комнату.

На постелѣ лежалъ старикъ въ старомъ дырявомъ халатѣ съ заплатою на рукавѣ. Борода не брита, волосы всклокочены; лицо правильное, доброе и умное, но крайне-суровое, какъ у человѣка, спившагося съ кругу. Старикъ тяжело дышалъ.

— Точно онъ! сравнилъ Раскатовъ настоящее съ прошлымъ, и не выдержалъ — убѣжалъ.

Въ первой комнатѣ гость такъ громко кашлянулъ, что котъ бросился отъ него черезъ сѣни, а съ противоположной стороны улицы дѣвушка пугливо выглянула изъ окна и вѣроятно подумала: ужъ не выстрѣлили-ли кто?—Опять никого! Раскатовъ обратился къ послѣднему средству, звонку—и во локольчикъ безъ языка.

— Чортъ знаетъ, что это такое! куда я попалъ?

Такъ и не могъ разрѣшить Раскатовъ этого вопроса. Дикая фантазія бросить весь домъ не запертымъ, даже съ улицы, и уйти неизвѣстно куда, дивила его болѣе всего. Глазъ между тѣмъ сталъ привыкать къ такому безтолковому беспорядку, котораго онъ никогда еще въ жизни не видалъ. Здѣсь диванъ, на немъ пара сапогъ и раскинутая въ растяжку жилетка съ засаленной и грязной коленчоровой спинкой; тутъ кровать, ничѣмъ непокрытая, на ней аккуратно свернутое и уложенное щегольское платье, прикрытое соломенной шляпой, въ которой щеголялъ въ саду Алексѣй Ивановичъ. Тамъ въ беспорядкѣ стулья посерединѣ комнаты, а на нихъ висятъ штаны да копошенныя, надвязанные веревками и сыромятью, помочи. Двинется гость посмотреть картину, подъ ноги падается туфля, обернется назадъ, тамъ на пьедесталѣ, вмѣсто бюста, стоитъ валеный сапогъ. Раскатовъ, чтобы не разбить чегонибудь въ этомъ хаосѣ, принялся разсматривать грязные и хилые ломберные столы. Нитки, резина, колбаса, циркуль, Венера, ворка выгладаннаго хлѣба, бюстъ Сократа, хвостикъ селедки, подсвѣшникъ, изображающій черта съ загнутымъ къверху хвостомъ, краски, папироски, тряпки, треугольники, зола, окурки, лакъ и масло,—все это точно хотѣло сказать: «насъ вѣдь также набрасываютъ небрежно, какъ волосы и плащъ.»

— Ужъ не кутать-ли? подумалъ Раскатовъ, встрѣчавшій та-

кой безпорядокъ только у холостежи-чиновниковъ, послѣ перваго числа. Но недопитый ставанъ чаю былъ точно изъ женскаго монастыря, безъ малѣйшаго запаха рому; даже вмѣсто лимона плавали въ немъ только двѣ, растопырившія крылья, мухи. Самый лирическій безпорядокъ здѣсь былъ вовсе не тотъ, что у чиновника послѣ перваго числа. Здѣсь не было ни полштофовъ, ни мелковъ, ни вартъ, ни соленыхъ огурцовъ;—здѣсь былъ просто поэтическій безпорядокъ художниковъ, безпорядокъ дѣтскій, сквозь который было видно, какъ съ утра порядокъ и чистота водвориться здѣсь хотѣли, да не успѣли. Вотъ щетка, которая мела комнату да не домела, остановилась на половинѣ; вотъ даже одинъ сапогъ вычищенный, какъ серебро, только пары къ нему нѣтъ; вотъ даже вакса и щетки, свидѣтели того, что кто-то хотѣлъ вычистить и другой сапогъ, но...

— Гдѣ жъ они? спросилъ Раскатовъ и пошелъ рѣшительно искать.

Сквозь темный корридоръ, засоренный углями, мѣшками, дровами, щепками и всякой чепухой, раздалась всплески воды.

— Часъ отчасу не легче: тамъ кто-то спитъ, здѣсь кто-то моется!..

Раскатову даже пришла въ голову Вирсавія и вопросъ: «идти-ли?» Но онъ не выдержалъ, прошелъ сквозь эту тьму и вышелъ въ какой то новый свѣтъ, точно на задній дворъ. На коротычкахъ сидитъ баба и усердно моетъ боченокъ, какъ свое собственное дитя.

— Эй, ты, лебедка, послушай!..

— О, штобъ-те, лѣшій, какъ напужалъ! Баба вскочила. Извини, батюшка, я думала Шашка-шалить...

— Гдѣ ваши?

— Да хозяинъ, чай, тамъ, въ дому. Развѣ ужъ не годится опять?

— Мнѣ Алексѣя Иваныча...

— А робяты, поди въ сараѣ? Вотъ идите прямо на право по этой дорожкѣ, въ огородъ. Тамъ и посмотрите къ верху,—они мотаются...—Баба показала даже пальцемъ на небо.

— Ничего не понимаю!..—Раскатовъ однако пошелъ по дорожкѣ.

Въ самомъ дѣлѣ передъ нимъ очутился тотъ сарай, о которомъ говорила баба, но и въ немъ царило тоже мертвое молчаніе. Разница была въ томъ, что здѣсь потемнѣе комнаты. Непривычный къ такому могильному покою, гимназистъ даже оробѣлъ, однако оправился и тихо вошелъ въ потемки...

Что видѣлъ Раскатовъ въ сараѣ, намъ съ тобой, читатель простой, никогда не видать. Мы живемъ въ такое холодное и голодное время, что кажется скоро и ничего не будемъ видѣть, кромѣ куска насущнаго хлѣба. Но Раскатовъ жилъ еще въ тотъ вѣкъ очарованія и мечты, когда художники и поэты видѣли небо на землѣ, а въ сараяхъ дѣйствительныя чудеса. Значить, нѣтъ никакого повода сомнѣваться, что Раскатовъ, по его словамъ, видѣлъ тамъ дѣйствительное чудо.

Передъ нимъ встала колоссальная картина аршинъ девять въ высоту, изображающая снятіе со креста и компонованная какимъ то повымъ художникомъ, котораго Раскатовъ въ литографіяхъ не видалъ. Крыша сарая была разкрыта въ самомъ удобномъ мѣстѣ и яркій столбъ свѣта падалъ на картину сверху. Фигуры выдались изъ рамы впередъ; крестъ былъ точно деревянный; полотно, на которомъ спускали Спасителя, шевелилось, и Раскатовъ въ эту минуту видѣлъ впередъ; собой живыхъ людей, снимающихъ съ креста мертвое тѣло. Раскатовъ замеръ отъ восторга: такую картину видѣлъ въ первый разъ! Сейчас нашлись и синія жилы, и зеленоватость кожи, и багровыя кисти рукъ и ногъ, и зіяющія раны, свѣжія, красныя, изъ которыхъ сейчасъ только выдернули гвозди; это видно было потому, что изъ нихъ теперъ еще сочилась влага. Все это видѣлъ очарованный юноша! Видѣлъ онъ и омертвѣлыя повисшіе члены, и небрежно распустившіеся волосы, и полуоткрытыя запекшія губы, и скатившуюся на бокъ голову съ терніемъ—все было для него поразительно ново, все мертво, но жило и говорило подъ красками. Раскатовъ сдѣлалъ шагъ впередъ и снялъ даже шляпу. Вотъ мощная рука Іосифа держитъ и спускаетъ полотно. Какіе могучіе мускулы, какъ натянуты подъ тяжестью, какую напряглись силою и какъ цвѣтущи здоровьемъ. Грустное лицо Аримафейскаго это: не образъ печали и унынія, само горе глубокое и тяжелое, горе несказанное и неописанное! А другая фигура спускающая-

яся съ лѣстницы и поддерживающая на груди всю тяжесть покойника; да это живой человѣкъ, это самъ Никодимъ! Можно понять послѣ того, что чувствовалъ Раскатовъ, считающій себя уже и опытнымъ, и знающимъ, и отчасти уже желающимъ вступить въ этотъ заманчивый мiръ очарованія и мечты. Въ положеніи Никодима ему показалось даже осторожность и заботливость, а во всей фигурѣ такая правильность, плавность, живость и натура, что онъ не выдержалъ, прошепталъ—«судивительно!» Но и это все было ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что изобразилъ художникъ у подножія креста. Три наклоненныя женскія головки были такой очаровательной красоты, что юноша опровинулся на нихъ весь. Кожа бѣлая, какъ мраморъ, кровь живая, какъ востокъ, румянецъ очаровательный, какъ заря, и все это еще полно такой высокой непорочности и чистоты, что гимназистъ, взглянувъ на нихъ сквозь голубой туманъ бокового освѣщенія, шепталъ: «у! какая страшная красота! Вотъ художникъ-то былъ.»

Такъ мечталъ юноша надъ картиной, которую видѣлъ въ первый разъ. Картина, судя по провинціи, была въ самомъ дѣлѣ не дурна. Но на Раскатова, какъ на новичка, она произвела впечатлѣніе страшное, потрясающее... Окидывая взглядомъ всю, онъ опять останавливался на трехъ красавицахъ и притягиваясь къ нимъ какою-то сверхъестественною магическою силой, чувствовалъ даже, что кровь мечется въ голову, бьетъ въ виски, а надъ ухомъ слышится какъ кто-то говоритъ: отчего ты не художникъ: вотъ и ты создавалъ бы такихъ!

— Хоть прокляни Зороастровъ, а въ художники я уйду! хотѣлъ было вскрикнуть разгоряченный юноша.

Но въ эту минуту надъ головой его раздался громкій чихъ, а толстый грубый басъ выговорилъ вмѣсто поздравленія: «брысь!»

Раскатовъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на верхъ и тутъ только понялъ ясно, что баба дѣйствительно говорила правду. Алексѣй Иванычъ, какой-то господинъ Мишель-басъ, или другой Мишель-маленькій безъ басу и еще два-три господина голенькихъ и стриженныхъ, какъ школяры—всѣ висѣли вверхъ

ху на какихъ-то дѣтскихъ качеляхъ и мазали висточками по другому полотну, которое было одной мѣры съ картиной.

— Здравствуйте, Алексѣй Иванычъ! такъ вотъ вы гдѣ! всеричаль наконецъ обрадованный Раскатовъ, нашедши въ темнотѣ своего пріятеля.

— Ахъ, это вы! Здравствуйте, здравствуйте! раздалось сверху, и всѣ полетѣли внизъ, какъ летучія мыши, даже съ палитрами въ рукахъ.—Извините, что въ такомъ видѣ насъ застали.

Видъ былъ въ самомъ дѣлѣ крайне оригинальный. Алексѣй Иванычъ сегодня еще больше былъ похожъ на художника: голова завита въ папильотки, на шеѣ узенькій галстухъ, завязанный узелкомъ, вѣроятно только для того, чтобъ не слишкомъ разбѣвался воротъ канаусовой рубашки, шелковый халатъ подпоясанъ сахарной бичевкой и одна нога въ валенкѣ, будто съ мозолью, а другая въ сапогѣ, будто безъ мозоли. Алексѣй Иванычъ отрекомендовалъ Раскатову друга своего Мишеля-баса, до того обросшаго бородой, что едва были видны глаза. Тотъ былъ одѣтъ еще художественнѣе: въ одной сорочкѣ, на босую ногу калоши и на головѣ великолѣпная ермолка, питаая золотомъ.

— А я хотѣлъ было одѣться, какъ слѣдуетъ, забасилъ густо Мишель, да вотъ ушелъ сюда, занялся и забылъ. А который часъ?

Раскатовъ сказалъ.

— Кстати пришли; пойдемте обѣдать. Въ субботу никто не сказалъ, что надо ѣсть, такъ и просидѣли до всенощной, не ѣвши.

— Изъ любви къ искусству? Признаюсь, стоитъ работы!

Раскатовъ остановился передъ картиной. Всѣ цѣнили по своему, никто никого не слушалъ.

— А кто писалъ? Копія или оригиналь?

— *Нашъ* писалъ! отвѣтилъ Алексѣй Иванычъ и даже пріосанился.

— А кто тамъ старпчекъ? Неужели это онъ?..

— Онъ самый и есть! А васъ не ругаль? спросилъ нежданно Мишель.

— Какъ?

— Тамъ. У него ужь манера такая: какъ зашьетъ, такъ и пойдетъ всёхъ крошить, особливо, если человекъ новый да хорошо одѣтъ.—«А, ты, говорить, баринъ вѣрно?—вонъ!.. да такъ и махнетъ на прямикъ, вдоль по-матушкѣ по Волгѣ, по широкому раздолью. Пьяный онъ бѣдовый; смерть не любить баръ...

— Чтожь это значить? Развѣ его обидѣлъ кто?

— Нѣтъ, не то. А было тамъ кое-что въ этомъ родѣ...

— Не понимаю, господа.

— Это впрочемъ длинная исторія. Пойдемте ѣсть.

Х.

— Нашъ старикъ большой чудакъ, какъ всё талантливые люди, началъ Мишель за обѣдомъ. Картина, которую вы видѣли была писана еще въ то время, когда онъ не валялся такъ грязно. Теперь онъ что?—Человѣкъ-тряпка. Нѣтъ, посмотрѣли бы его въ то время, когда онъ жилъ!

— Что онъ семейный?

— Да, у него была жена, сынъ и дочь, и всё трое умерли въ одинъ мѣсяць, отъ горячки. Тамъ есть у него семейная картина: старушка съ чулкомъ, рядомъ дѣти, альбомъ...—замѣтили, чай?—Идемте, я вамъ покажу!..—Мишель бросилъ обѣдъ и утащилъ Раскатова за рукавъ.—Онъ у насъ странный человекъ, прячетъ, что лучше; не любитъ жить напоказъ. Вонъ въ какой темный, уголь забилъ ее. Отсюда вотъ посмотрите.—Ну, что? каково?..

— Да, да, шепталъ новый знатокъ.

— А рука-то, а? Живая сидитъ старушка, какъ теперь на нее смотрю. Хорошая была покойница, истинная мать для всёхъ. Да и оба были друзья человечества, въ свое время. Онъ рубашку готовъ отдать съ себя и теперь. Меся-то подъ заборомъ нашли гдѣ-то: приютили, тоже образовали кое-какъ, дали нюхнуть кое-чего. Спасибо имъ. Это вотъ дочь Соничка, съ медальономъ на шеѣ, вотъ ея и работа, а это Фошпнъ-сынъ, карячится съ рейсфедеромъ—тоже былъ-бы талантъ! Теперь всё въ могилѣ!

Раскатовъ вспомнилъ что-то бывшее дѣтское: какъ будто дѣтей этихъ онъ гдѣ-то видалъ или знавалъ. Показались ему знакомыми черты дѣвушки — только на *портретъ* она была старѣе. А особенно была памятна вругленькая игрушка, которая висѣла у ней тогда на шеѣ. Какъ ему хотѣлось эту игрушку отнять.... Какой-то маленькій домикъ.... глухая улица....

— А какъ зовутъ вашего старика?

— Лаврентій Ивановичъ.

— «И отецъ пьяный ругалъ Лаврентья маляра, что онъ его обижаетъ, въ себѣ не принимаетъ?.. Что это значитъ?» подумалъ смутно Раскатовъ.

— Теперь вотъ третій годъ, какъ пьеть, такъ мало ужъ и смотреть на эту картину. А бывало, сердце надрывается глядя на него. Особливо въ первый годъ: какъ подойдетъ, такъ и зарыдаетъ! Только и слышишь бывало: «эхъ, дѣти, дѣти! оставили вы меня, старика, погибну я, погибну я!..

— Чтожь, онъ съ горя сталъ кутить?

— Не знаю, какъ вамъ сказать, онъ чудакъ какой-то, его не поймешь. У него свое горе, особенное. Повойники, какъ видно, только подбавили его. Надобно вамъ сказать — онъ даже не пилъ года съ два послѣ нихъ и такъ работалъ — просто чудо! Дивныя выходили вещи! Я вамъ покажу когданибудь, бывало, возьметъ лоскутокъ, оборвышь, карандашъ у Алеши — онъ былъ тогда ученикомъ — да и набросаетъ какуюнибудь фигуру или ландшафтикъ — просто прелесть! — «На-те, говорить, ребята, дорисовывайте, коли хотите.» А чего дорисовывать: сидишь, сидишь цѣлый вечеръ, глаза всѣ просмотришь! Страшная сила была въ карандашѣ! Брюловская замашка въ рисунокѣ: быстро работалъ, мигомъ. Небось, не поправить, не сотреть, нѣтъ, шалишь-съ! Какъ цапнулъ, такъ и готово? Ученикъ былъ Егорова, слышали, чай? — Академія держится на старикѣ.

А про обѣдъ такъ и забыли.

— Ну скажите пожалуйста, а картина?

— Вотъ она-то кажется и сгубила его. Картину онъ началъ еще до смерти жены. Она была писана на заказъ, для новой церкви, въ имѣніе Сомова, — тутъ есть какой-то ба-

ринъ, и теперь кажется въ городѣ. Картина не понравилась, какъ видно больше изъ того—деньжонокъ не было, расплатиться не чѣмъ! Но какъ скажешь человѣку прямо: «не беру—я вѣдь баринъ!» Надобно же вывинуть какуюнибудь штуку? Приѣзжаетъ къ намъ въ мастерскую. Это было тогда при мнѣ: прилетѣлъ по-барски, фарсисто; двери распахнули, встрѣчаемъ съ почетомъ; посвистываетъ, съ хлыстомъ; глазъ тоже прищурилъ; стеклышко тутъ, чертъ его знаетъ гдѣ мотается, ну и въ вулакъ тоже смотритъ какъ знатокъ. А потомъ: и пошолъ молотъ! Такъ и натягиваетъ: то не такъ, это не эдакъ! Старикъ все слушаетъ, молчитъ,—думаю: что-то будетъ?—покрываешь, значить, сердится.—«Рува, говоритъ, Юсифа что-то больно жилиста, не нравится мнѣ она». — Ну, а вы видѣли-вѣдь руку Юсифа, чего ужъ еще?.. Академія наахаетъ, если выставить на показъ! Да теперь у насъ, сколько не есть въ городѣ мастеровъ, никто не сдѣлаетъ такой руки живой! Начто самъ Александръ Егорычъ—три года съ нее писалъ, и тотъ сказалъ: «не напишешь, ребята, шевелится, говоритъ, очень.» Вотъ она какова рука Юсифа! — Ну, знаете, какъ баринъ сказалъ это, *манъ* и осерчалъ, и пошло у нихъ!.. Нашъ подходитъ къ тому прямо да и бацъ на-прямикъ: «Рука, говоритъ, сдѣлана рукой, да ты-то, баринъ, сдѣланъ не по-барски. Поди-ко отсюда вонъ!» Тотъ было, знаете, оцетенился: «какъ вы смѣете, да я дворянинъ» и пр., а нашъ и захохоталъ, такъ захохоталъ, что я и не слыхивалъ, чтобы кто такъ хохоталъ.—«У меня, говоритъ, на такихъ дворянъ есть палка: вотъ она стоитъ въ углу. Вонъ, пока цѣль!» Да такъ на него, батюшка, посмотрѣлъ, что даже мнѣ страшно стало;—думаю: хватить онъ его непременно Тотъ видитъ дѣло плохо, давай улепетывать. На другой день прислалъ камердинера съ деньгами (картина была писана за двѣ тысячи) и людей, взять ее.—«Кланяйся, говоритъ, барину, скажи: картину не дамъ! Тотъ прислалъ было записку и опять человѣка съ деньгами—онъ и записку нечитавши изорвалъ!—Такъ и не далъ картину!—Потомъ вскорѣ приѣзжалъ каковой-то помѣщикъ Касперо,—этотъ когда-то еще ученикомъ былъ *нашего*, и толкъ зналъ, и цѣну надбавлялъ—четыре подъ вонецъ давалъ,—и эту не

отдать! Такъ и уперся на томъ: пусть дома стоитъ! Послѣ какъ простылъ не много, придумалъ поставить ее въ малый соборъ,—тамъ дѣйствительно было хорошее для нея освѣщеніе: окна сбоку, свѣту немного. Бывало, жалко на него смотрѣть: какъ только праздникъ—плетется въ мастерскую.

— А кто. говоритъ, ребята, пойдеть сегодня со мной картину смотрѣть? — Ну, знаете, чтобы угодить, не разсердить—согласимся всѣ. И какъ вѣдь обрадуется старинашка! Доходило иной разъ до того: обѣдня кончится, народъ уйдетъ, дьячки тоже, сторожъ гремитъ ключами, пора зашарать соборъ, а онъ все стоитъ да смотритъ на картину и до того забудется, что съ мѣста не стащить. Мы выманимъ его какънибудь изъ церкви-то обманомъ. А домой придетъ, не ѣстъ не пьетъ, сидитъ, молчитъ да думаетъ! Только и утѣхи—скрипка одна!

— Это ужасно!

— А вотъ съ тѣхъ поръ, какъ испортили у него картину, еще хуже сталъ! И пьетъ, и ругается, и дерется наконецъ!

— Какъ испортили?

— Да такъ, не добрались какъ. Это случилось по самоурству одного лица. Говорятъ, умный былъ человекъ, а чортъ знаетъ, что ему въ голову взбрѣло: увидалъ онъ картину—«неси да неси въ большой соборъ! — Здѣсь, говоритъ, никто не бываетъ, а тамъ все дворянство бываетъ—неси!» Ну и отнесли. А старику тамъ страхъ не нравилось освѣщеніе.... Но это все-бы еще ничего. Да, вообразите, какое несчастіе: не только не сказали старику, что ее перенесутъ, а даже отдали еще какому-то ослу почистить да лакомъ покрыть, тотъ ее и почистилъ!—Старикъ приходитъ въ соборъ, а картины нѣтъ. Сторожъ что-ли ему сказалъ: — «такой-то велѣлъ». — А у кого, говоритъ, онъ спросилъ? нашъ-то хватилъ, да тутъ же пошелъ, снялъ ее съ рамы и унесъ домой. Въ этотъ же годъ и въ отставку вышелъ, съ директоромъ что-ли побранился. Пансіонъ слѣдовалъ—и пансіону лишился. Такъ съ тѣхъ поръ и пошелъ вуролѣсить!

— И часто вутить?

— Да нынче особенно часто; точно добить себя хочетъ до конца.

Цѣлый мѣсяць теперь безъ просыпу. Какъ откроешь глаза—опять травничку!

— Миша, дай рюмочку!... раздался тотъ же молящій голосъ.

— Ахъ, я думаю, слышалъ все?

— Не безпокойтесь! и глухъ, и слѣпъ, и глупъ становится. Чисто трупъ: откроешь ротъ—проглотить и—спать опять!

— Христа-ради, Миша, дай...

— Ну-ну-ну! Слышу! чего еще тебѣ?.. заревелъ бассъ и пошелъ.

— Такъ вотъ судьба твоя художникъ!—подумалъ юноша. Чтожъ буду я? Что ждетъ меня? Ну, говори-же горькая доля Раскатова: быть или не быть ему художникомъ?

— Что съ вами? спросилъ Мишель, кончившій свое дѣло.

— Раздумье беретъ. Прощайте, иду домой.

И Раскатовъ тотчасъ ушелъ домой.

ХІ.

Вѣтряна наша молодость. Черезъ недѣлю Раскатовъ шель къ художникамъ, уже съ твердымъ намѣреніемъ познакомиться покороче и, если можно, вступить въ ихъ среду.

Было воскресенье. У художниковъ нашихъ въ праздникъ и жизнь, какъ праздникъ: непохожа она на будничную; даже изъ комнатъ, вмѣсто мертвой тишины, раздается громкій хохотъ. Алексѣй Ивановичъ, раздушенный, завитой, въ узенькой модной жакетѣ и широчайшихъ панталонахъ, встрѣтилъ Раскатова на крыльцѣ, потрясъ обѣ руки и крайне развязно и встроляиво ввелъ въ общій залъ, или мастерскую, гдѣ была вся компанія.

— А, мое почтеніе! Не хотите-ли просфоры? оралъ Мишель и опять разразился громкимъ хохотомъ. Мишель одѣтъ по-людски.

— Откуда вы промыслили такую?—Въ самомъ дѣлѣ просфора была большая; гимназистъ смотрѣлъ съ удивленіемъ...

— Самъ батюшка даль—лихо сегодня оралъ. Мы вѣдь тоже басимъ-съ, у Михайла-архангела, знайте насъ!

— Такъ съ праздникомъ васъ.

— Ну, нѣтъ, съ двумя-съ, извините: сегодня воскресеніе христово да возстаніе хозяина.

— Какъ-такъ?

— Да вѣрно бросить пить. Сегодня ужъ поплакалъ, какъ услыхалъ обѣдню. Худо, говорить, я дѣлаю Миша; пора перестать. Одѣнь меня да побрей для праздника. Вотъ я ужъ и мадеру почалъ съ радости. Хотите закусите, вотъ вамъ сыръ.

— Ну, пошелъ ты съ сыромъ! Не хотите-ли чаю? предложилъ Алексѣй Ивановичъ и потащилъ Раскатова къ своей кровати. На столѣ стоялъ самоваръ. Гимназистъ согласился на чай.

Мастерская тоже приняла праздничный видъ. Тамъ выметены окурки; тутъ унесенъ хвостикъ селедки отъ Сократа; тамъ отнята выгладанная корка у Венеры; здѣсь циркуль пристроенъ въ видѣ вѣшалки и на немъ повѣшенъ шарфъ. Саша, который въ сараѣ былъ въ фартухѣ и рубахѣ съ курантомъ, теперь въ зеленой курточкѣ, съ тарелкой, носится, какъ вертлявый половой и быстро продуваетъ чубуки да подаетъ огонь. У Алѣксѣя Ивановича, вмѣсто сахарной бичевки, толстая цѣпь на шеѣ и маленькіе часы, а у Мишеля, вмѣсто валось на босую ногу, лакированные сапоги съ остренькимъ коблуккомъ. Словомъ праздникъ, какъ слѣдуетъ.

— Эй, Алексисъ, покажи, братецъ, имъ нашу мастерскую. Здѣсь есть кое-что-съ, — знатокъ кинется въ носъ! Вотъ это, напримѣръ. — Мишель махнулъ гимназисту рукой.

Раскатовъ подошелъ къ картинѣ, изображающей молящуюся мать.

Гимназистъ тутъ же распространился объ извѣстности художника и его школы. Онъ припомнилъ, что гдѣ-то видалъ его картины, два портрета въ домѣ Сомова и цѣлый вѣнокъ въ какомъ-то уѣздномъ городѣ. — «Его, его, это все его работы!» подтвердилъ Мишель-басъ, — а гимназистъ такъ и заливается, говорить много, бѣгло и хоть мало смыслу и толку, но за то самыя великолѣпныя фразы.

— О, да вы художникъ наконецъ! вскричалъ молодецъ Мишель, и такъ встаетъ, что Раскатовъ тутъ же почувствовалъ себя дѣйствительно художникомъ и у него мелькнула мысль написать къ Ивану: «въ дѣйствительные, братъ, произвели».

Такъ неопромѣтчивымъ взглядомъ, смѣлой оцѣнкой, увлеченностью, а еще пуще восклицаніемъ: «ахъ, какъ это хо-

рошо, живая натура!» и пр. — Раскатовъ понравился художникамъ. Ихъ простодушныя улыбки, безцеремонное обращеніе и наивныя рѣчи, выраженныя простымъ словомъ — чрезвычайно понравились ему. — Какія богатая природы, думалъ гимназистъ, въ нихъ нѣтъ ни лукавства, ни жеманства, ни скрытности, ни отчужденія — и онъ тутъ же почувствовалъ себя въ самомъ близкомъ кружкѣ. А стоило ему очутиться въ близкомъ кружкѣ, онъ тотчасъ развертывался. Раскатовъ тоже развернулся, выжалъ нѣсколько кочгарныхъ гимназическихъ остротъ,—а надъ ними такъ и разразились хохотомъ! Это конечно подало поводъ отхватить еще нѣсколько остротъ дубоватыхъ, и бесѣда пошла самая веселая и игривая. А передъ глазами такъ и мечутся Вирсавіи да Сусанны, эти полногрудыя красавицы, которыхъ хочется съ одного маху скопировать. У Раскатова тутъ же родилась мысль, что при такой богатой школѣ ему совѣстно и стыдно оставаться холоднымъ зрителемъ и не воспользоваться случаемъ—попробовать свои силы?

— Чудное это искусство — живопись! распиѣваетъ восторженный юноша, а кровь такъ и кипитъ, рука зудитъ, въ головѣ шепчется само: «съ одного взмаху отхватаю рисунки и съ одного присѣсту у меня краски заговорятъ!»

— Чудные это люди — художники! мечтаетъ очарованный юноша. Точно пропетаны они поэтическимъ настроеніемъ, вѣчно несутся туда, гдѣ витаетъ ихъ божественное искусство! Вотъ къ кому можно броситься на шею: здѣсь не оттолкнуть, не спросятъ: кто ты? что за съ умасшедшій?..

И Раскатовъ часа черезъ два вышелъ самымъ короткимъ знакомымъ и прекрѣпно пожалъ руку всѣмъ.

— Завтра я непременно попрошу скопировать Вирсавію или Сусанну. Сегодня какъ-то время быстро летѣло, сами сыпались остроты и смѣхъ принималъ всѣхъ, а завтра!...— и юноша поторопился къ холодному обѣду, къ Волчихѣ.

Однако Раскатовъ не дождался завтра. Въ тотъ же вечеръ онъ прошелъ мимо школы съ цѣлью выманить художниковъ гулять.

— Мы и здѣсь погуляемъ хорошо, идите сюда, манилъ Мишель въ окно, уже безъ сюртука.

Гимназистъ отговаривался, что ему совѣстно. Но за нимъ

высланъ былъ Сашка—тащить насильно. Очутившись въ объятіяхъ мальчика, Раскатовъ тутъ же почувствовалъ, что художники въ самомъ дѣлѣ гуляютъ хорошо. Зашелъ.

Тотъ же, конечно, самоваръ и чай—художники вѣчно пьютъ чай, у нихъ какъ у купцовъ нѣтъ на это времени. Та же веселая компанія съ громкимъ хохотомъ и буйствомъ толстяка и простяка Миши. Въ углу три гостя разсуждаютъ о чудесахъ новооткрытой фотографіи и кто-то утверждаетъ рѣшительно: что теперь живопись, баста! погибнетъ вся. Фотографія—шельма доконаетъ ее совсѣмъ.

— Нѣтъ, господа, это дудки! возражаетъ человѣкъ среднихъ лѣтъ съ пріятной улыбкой: какъ возможно живопись доконать, что пустяки болтать. А вотъ портретной живописи такъ до-станется,—эту допекуть!

— А вотъ тотъ Александръ Егорычъ, который писалъ три года руку, отрекомендовалъ Мишель Раскатову господина съ пріятной улыбкой.

— Я ихъ знаю немножко, отозвался гость смотря на Раскатова.—Я васъ видалъ, когда писалъ портреты у Севрюгина.

— Да, я тамъ даю уроки, отвѣтилъ гимназистъ съ достоинствомъ.

— Однакожъ, батинька, чортъ васъ побери, какую вы славную ученицу поддѣпили, о-го-го!.. Душенька, вается?

— Она.

— Аппетитная дѣвушка, да-съ? И тутъ у ней этакъ ужъ тово... сформировывается кое-что?—Натурицивъ ощупалъ жилетъ съ той же пріятной улыбкой, а гимназистъ еще пуще почувствовалъ прелести искусства.

— А мы безъ васъ тутъ пили квась! похвалился неожиданно Мишель, уазывая Раскатову въ уголь. Тамъ въ самомъ дѣлѣ лежали пустыя бутылки изъ-подъ мадеры.

— А что вашъ хозяинъ? спросилъ Раскатовъ, котораго старикъ занималъ.

— Теперь молодецъ. Сейчасъ пошьемъ за его здоровье—несутъ. А пока слушайте, я скажу многолѣтіе.—Мишель-басъ заревѣлъ многолѣтіе. Алексисъ остановилъ:

— Полно ревьтъ, вели лучше самоваръ подогрѣтъ. А ты, Сашка, живо спровадь эти проклятыя бутылки. Хозяинъ, господа, идетъ сюда.

При словѣ хозяинъ, на лицахъ всѣхъ выразилась непри-
творная радость, точно ждали чего-то новаго... Раскатова это
тронуло.

Въ дверяхъ показался старикъ. Онъ былъ одѣтъ просто и
даже бѣдно, но смотря на его величественную осанку и умное
лицо, всякій изъ присутствующихъ точно хотѣлъ сказать: «эхъ,
когда-то жилъ хорошо!»—Алексисъ бросился его поддержать
и подвести, Мишель заботливо подставилъ кресло и усадилъ,
а прочіе съ особеннымъ удовольствіемъ окружили старика.

— А Раскатовъ не спускаетъ глазъ со старика; ему даже
становится страшно:—И этого я видѣлъ гдѣ-то, точно въ ви-
дѣніи или во снѣ.

— Ну, давай сюда, чаю! обратился хозяинъ къ Мишѣ съ
самой привѣтливой улыбкой.

— Сію минуту, дѣдушка, все закипитъ! — Толстякъ бро-
сился самъ за самоваромъ и для потѣхи мимоходомъ лягнулъ
кота.

Старикъ ласково спросилъ всѣхъ, какъ идутъ дѣла, по-
радовался ихъ радости, погоревалъ съ горемъ и также при-
вѣтливо и радушно обратился къ незнакомцу Раскатову.

— Давно вы смотрите на меня, молодой человѣкъ, а я васъ
къ сожалѣнію не знаю. Позвольте ваше имя-отечество?

— Александръ Василічъ Раскатовъ, прогремѣлъ скорого-
воркой Мишель.

— Какъ, какъ фамилія?

— Раскатовъ.

— Гм!..—Старикъ нахмурился и подумалъ.—Я зналъ одного
Раскатова коротко. Кто вашъ батюшка?

— Онъ ремесломъ здѣсь занимался... такъ... началъ скон-
фуженный гимназистъ.

— Говорите прямо, лучше будетъ. Шорникъ онъ былъ?

— Да.

— Василій Фомичъ?

— Да!

— Такъ идите сюда, сюда, я васъ поцѣлую! Вы мнѣ сродни
приходитесь: не много, не мало—сынъ только...

— Раскатовъ поблѣднѣлъ.

— Э, нѣтъ молодой человѣкъ! это напрасно. Я никого такъ
не пугалъ! Я просто васъ крестилъ.

Гимназистъ бросился обнимать старика.

— Такъ вотъ какъ, вотъ какъ! крестничекъ мой Саша нашелся! повторялъ старикъ, точно обезумѣвшій. Этавой вотъ былъ крошка, а теперь?.. Сядьте-ка, другъ, ко мнѣ поближе. Вѣдь вспоминая васъ, мнѣ вспоминается многое.... Старикъ дружески потрепалъ юношу по плечу, а крупныя слезы такъ и покатались изъ глазъ.

Всѣ въ глубокомъ молчаніи вокругъ.

— Ну, а ты, другъ, что сдѣлалъ для жизни? учился чему?..

— Онъ, дѣдушка, кончилъ курсъ въ гимназіи! забасилъ опять Мишель.

— Ого! Въ нашей?

— Да, да!

Старикъ самъ всталъ съ кресла и поцѣловалъ юношу въ лобъ.

У Раскатова заструились слезы — въ первый разъ этотъ бѣдный человѣкъ чувствовалъ на себѣ ласку.

— Ну, я отниму теперь его у васъ, это мой гость? Мнѣ хочется съ нимъ поворооче познакомиться. Дай твою руку!... Бывало я водилъ тебя къ мамѣ, а теперь поведу ко мнѣ!... И голосъ старика надломился.

Раскатовъ молча пошелъ за нимъ.

ХІІ.

— Ну, садись, другъ Саша, будешь гость. Вотъ тебѣ и почетное стариковское кресло. А я прилягу на постель. Ты меня извини!.. говоритъ старикъ, какъ отецъ.

Раскатовъ сѣлъ.

— А ты похожъ на отца. Я твоего батюшку, охъ! хорошо зналъ. Когда еще «учителемъ» звалъ—онъ меня и наставилъ вотъ въ этой наукѣ (старикъ указалъ на травникъ). Друзья мы съ нимъ были, задушевные друзья, царство ему небесное! не этимъ будь помянуть (старикъ опять указалъ на графинъ). Часто онъ у меня бывалъ и при обществѣ я его не забывалъ—подъ конецъ только сталъ больно блажить. Разъ на мои нямнины директора здѣсь такъ пугнулъ, что и я то съ нимъ струхнулъ. Съ тѣхъ поръ мы ужъ съ нимъ и поссорились: думаю: «ну тебя въ яду, лучше со всѣмъ не ходи!»—Скажи-ка, а я думаю онъ тебѣ: мы-вѣдь одного сусека зернышки—

оба отпущенники князя Чудодѣя, Ивана Лаврентича... Знаешь это?

— Подробностей не знаю.

Мы и ребятами жили дружно, въ школу даже бѣгали вѣстѣ, только мало, вѣрно, учились тамъ добру. Я-то къ живописи пристрастился, а онъ и совсѣмъ не учился ничему, и грамоту послѣ забылъ! Меня отдали въ живописцы, а его въ свое ремесло,—такъ мы пока съ нимъ и разстались. Меня тутъ вскорѣ увезли въ Петербургъ; потомъ выпалъ случай побывать съ княземъ за границей—тамъ я и получилъ отъ него свободу—царство ему небесное! прекраснѣйшій былъ человекъ. Онъ меня и на мѣсто опредѣлилъ сюда въ гимназію. Тутъ я и прослужилъ безъ малаго тридцать лѣтъ!—Да ты, чай, помнишь хоть немножко мой старенькій домикъ въ Шталаиноу? Ты ходилъ тогда къ намъ съ матушкой. И моихъ, чай, помнишь покойниковъ, игралъ съ ними? Фошиньку въ коляскѣ возилъ, а Соничка была ужъ порядочная дѣвочка?..

— Я помню дѣвочку съ медальономъ... сказалъ Раскатовъ нерѣшительно.

— Ну, да, да! Вотъ съ этимъ.

Старикъ указалъ къ иконамъ, и Раскатовъ тотчасъ узналъ ту самую кругленькую игрушку, которая всегда висѣла на шеѣ памятной ему дѣвушки.

— Сестра твоя Соня и ходила всегда съ нимъ. Я самъ этого желалъ, чтобъ старшій въ моемъ родѣ носилъ этотъ образъ на себѣ. Этотъ медальонъ много значитъ въ моей семьѣ. Въ моемъ домѣ онъ всегда будетъ занимать это почетное мѣсто!..

Старикъ самъ пошелъ въ передній уголъ, снялъ, перекрестился и поцѣловалъ свой медальонъ.

— Вотъ онъ.

— Это самъ князь? спросилъ Раскатовъ, рассматривая профиль, которой былъ чрезвычайно похожъ на самого старика.

— Это баринъ мой, Иванъ Лаврентичъ Чудодѣй.

— Какая прекрасная голова.

— А еще важнѣе: прекрасное сердце! Какъ теперь я смотрю на него въ послѣдній разъ передъ смертію, въ Ниццѣ. Подзываетъ меня къ постелѣ и говоритъ: ну, Лаврентій, прощай! Я долженъ скоро умереть, моя болѣзнь невазлѣчима.

А чтобы ты не жаловался на меня, что я образовалъ тебя и оставилъ въ неволѣ—вотъ тебѣ воля. Поѣзжай на родину, будь счастливъ и вспоминай меня. Я заплакалъ, подошелъ было руку цѣловать,—а онъ крѣпко обнялъ меня.—«Не плачь, говоритъ, Лавруша, безъ слезъ знаю, какъ ты меня любишь, возьми вотъ это на память обо мнѣ... И онъ самъ мнѣ надѣлъ это на шею!..

Старикъ, какъ ребенокъ, надѣлъ на шею свой медальонъ.

— Ты знаешь, другъ, продолжалъ онъ умирая, какъ она меня любила, помнишь, какъ она звала меня Иванини?.. Возьми же на память объ *ней* себѣ эту фамилію. Я писалъ объ этомъ въ президенту академіи—онъ для меня это сдѣлаетъ. Ну я отвѣтилъ: «считаю за честь» и пр. А потомъ извѣстно: положилъ моего покойника-барина, тамъ же рядомъ съ княгиней, о которой онъ такъ тосковалъ. Въ Петербургѣ, изъ Иванова меня передѣляли въ итальянца Иванини. Я попросился служить на родину,—къ сожалѣнію не въ Италію. И вотъ тебѣ, другъ, вся моя исторія!

Настало длинное и тяжелое молчаніе.

— Ну, а ты, что хочешь выкроить изъ твоей жизни?

— Я хотѣлъ бы въ художники... отвѣтилъ гимназистъ робко и посмотрѣлъ искоса на папеньку.

— Ого! вонъ оно куда хватило. Въ художники мой другъ нельзя хотѣть: въ художники нуженъ талантъ, а не одно хотѣніе. Да что такое и талантъ у насъ въ провинціи? Развѣ ихъ мало гибнетъ отъ нищеты, отъ неразвитія, отъ непониманія, наконецъ, самаго общества! Александръ Егорычъ не маленькій талантъ, а посмотри ты на его будничную жизнь: что такое Александръ Егорычъ? Я былъ, другъ, тоже талантъ, а теперь?... Вотъ что я...

Лаврентій Ивановичъ съ горечью откинулъ одѣяло и показалъ собесѣднику такую грязь и черноту, что Раскатова передрнуло.

Опять настало длинное и тяжелое молчаніе.

— А по моему ты стоишь на прекраснѣйшей дорогѣ. Тебѣ широкій путь—махнуть въ университетъ.

— Денегъ нѣтъ, отвѣтилъ горько Раскатовъ.

— Охъ, знаю и это! У Катерины Михайловны твоей теперь ужъ, чай, ни бола ни двора? Сама-то хоть жива-ли?

— Жива, у брата.

— Это у Егора, тамъ за мостомъ, постоянный?.. Что-жь не съ тобой?..

— Да какъ бы вамъ связать... Раскатовъ замылся.

— Ну, другъ недоговаривай! къ несчастью знаю и это!— Старикъ махнулъ рукой.—Скажи лучше: что она постарѣла, подурнѣла? А когда-то красавица была женщина, весь городъ звалъ ее «королемъ». Я еще помню, какъ пріѣхавши изъ-за границы, съ нее съ первой писалъ дѣвушку-крестьянку—чудо, не оригиналь была!

— Теперь ужъ постарѣла.

— Да и много ужъ годовъ прошло! А что по прежнему, покучиваетъ?

— Теперь еще хуже.

— Такъ, такъ, другъ, это ядъ такой? И сила съ нимъ не борясь, утопить все: и разумъ, и волю, и талантъ? Не пей, другъ Саша, Христа-ради не пей!—Старикъ крѣпко стиснулъ руку юноши и зарыдалъ.

Раскатовъ упорно молчалъ.

— Ну, извини, дружекъ, я вается ужъ лишнее связалъ. У тебя теперь свой царь въ головѣ. Нагналъ я на тебя скуку; прости.—Иди туда, тамъ веселѣй съ молодежью.

Раскатовъ вышелъ въ залъ, но и тамъ ему не было веселѣе—душно, жарко, накурено, и страшно тоскливо и тяжело. Онъ очутился въ темной аллеѣ александровскаго сада, одинъ. Ночь осенняя, сильно звѣздная, мѣсяцъ такъ и сыплетъ серебромъ въ рѣку. Въ воксалѣ гремитъ музыка, веселые танцуютъ; на колокольнѣ бьютъ мѣрно одиннадцать часовъ; въ сосѣднемъ домѣ яркій свѣтъ, пріѣхали веселые молодые; съ гауптвахты раздается звонкій окликъ часоваго; въ сосѣдней темной аллеѣ раздался звонкій поцѣлуй, еще счастливецъ; надъ Волгой стонетъ пѣсня, а тамъ, гдѣ-то въ городской труппѣ, несчастный кричитъ караулъ.

— И всюду жизнь! Кому же лучше?.. А какъ жить мнѣ?..

И Раскатовъ отъ скуки принялся смотрѣть на звѣзды.

РАЗВИТІЕ РАБСТВА ВЪ АМЕРИКѢ.

I.

Когда американская война кончилась и послѣдствія ея начинаютъ взвѣшиваться, болѣе дальновиднымъ людямъ представляются результаты ея въ самомъ жалкомъ видѣ. Гдѣ же то *дѣйствительное* благодѣяніе, спрашиваютъ многіе американцы, которое она обѣщала и котораго были въ правѣ ожидать отъ нея, какъ негры, такъ и защитники ихъ? Гдѣ эта гражданская и личная свобода рабовъ, во имя которой принесено въ жертву около милліона солдатъ и болѣе десяти милліардовъ денегъ? Правительство Соединенныхъ Штатовъ, одержавъ полную матеріальную побѣду надъ плантаторами, остановилось въ странномъ недоумѣніи передъ рѣшеніемъ задачи, къ которому оно стремилось. Оно только теперь начинаетъ убѣждаться, что задача была гораздо труднѣе, чѣмъ думалъ объ этомъ Линкольнъ и вообще сѣверные аболиціонисты. Что же касается негровъ, то настоящее положеніе ихъ еще хуже прежняго. Какъ друзья, такъ и враги ихъ, одинаково отталкиваютъ ихъ отъ себя и, заняты другими вопросами, равнодушно смотрятъ на ихъ будущее положеніе. Негры принуждены толпами выселяться изъ одного штата въ другой и, въ ожиданіи своей свободы, скитаться безъ дѣла и безъ куска хлѣба. Съ одной стороны ихъ преслѣдуетъ месть разоренныхъ рабовладѣльцевъ, а съ другой, презрѣніе и ненависть массы сѣвернаго населенія. Филантропы видимо сбиты съ толку, и сторонники войны считаютъ свое дѣло оконченнымъ, когда оно только начинается. И еще разъ, на горькомъ опытѣ, человечеству приходится убѣдиться, что соціальные вопросы нашего времени требуютъ болѣе рациональнаго разрѣшенія, чѣмъ филантропія и война. Поэтому мы намѣрены посмотреть въ этой статьѣ на факты съ ихъ объективной стороны и прослѣдить связь между причинами и послѣдствіями. Уродливое явленіе рабства, также какъ и всякое дру-

гое явленіе, должно было слагаться путемъ органическимъ, имѣть свой *raison d'être*, свою исторію, которая лучше официальныхъ прокламацій о свободѣ и филантропическихъ причитаній объяснить намъ развитіе и результаты этого явленія.

1782 годъ, въ который независимость Соединенныхъ Штатовъ была признана Англіей, засталъ молодую республику далеко не въ томъ цвѣтущемъ состояніи, въ какомъ она является намъ слишкомъ полстолѣтія спустя. Населеніе ея, состоявшее изъ трехъ безъ малаго миллионovъ челоvѣкъ (въ томъ числѣ полуиллиона невольниковъ) было разсѣяно преимущественно вдоль побережья Атлантическаго океана на протяженіи тысячи миль, отъ устья Пенабскота до устья Альтамаги. Въ глубь страны эти колоніи врѣзывались не болѣе, какъ миль на сто; да и эта узкая полоса пересѣкалась во многихъ точкахъ дѣвственными лѣсами, доходившими вплоть до океана. Правда, номинальныя владѣнія Соединенныхъ Штатовъ простирались гораздо далѣе на западъ къ Миссисипи и на сѣверъ къ «великимъ озерамъ», занимая такимъ образомъ плоскость въ восемьсотъ тысячъ квадратныхъ миль. Но не счастливилось тѣмъ не многимъ поселенцамъ, которые отваживались заходить въ эти дальнія области. Устье Миссисипи ревниво оберегалось Испаніей, которой въ то время принадлежала Луизиана, такъ что съ этой стороны молодыя колоніи были отрѣзаны отъ сообщенія съ моремъ; отсутствіе путей сообщенія, плачевное состояніе рѣчной навигаціи—все это не благоприятствовало развитію производительныхъ силъ страны; наконецъ, конкуренція привозныхъ товаровъ, пользовавшихся въ то время правомъ беспошлиннаго ввоза, окончательно подрывало туземную промышленность, находившуюся еще въ младенческомъ состояніи.

Не многимъ чѣмъ отрадиѣе было положеніе и тринадцати первоначальныхъ или Атлантическихъ Штатовъ. Дорого купили они свою независимость. Семь лѣтъ войны опустошили страну; цѣлыя селенія были превращены въ груды развалинъ; поля оставались невоздѣланными; отъ повальныхъ болѣзней, этихъ вѣчныхъ спутницъ войны, погябло еще большее число жертвъ, чѣмъ отъ меча. Звонкая монета вся ушла за океанъ въ обмѣнъ на оружіе. Производительность страны находилась въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Соединенные Штаты были странкою по преимуществу земледѣльческою,

а между тѣмъ, запросъ на ихъ продукты, за исключеніемъ индиго и табаку, былъ въ старомъ свѣтѣ крайне незначительный. Мансъ и картофель въ то время почти не употреблялись въ Европѣ. Единственнымъ мѣстомъ сбыта для туземныхъ произведеній служила Вестъ-Индіа; но и этотъ рынокъ отбивали у Соединенныхъ Штатовъ тѣ націи, которымъ принадлежала Вестъ-Индіа, и которыя стремились монополизировать ея торговлю. Земледѣіе было въ самомъ плачевномъ состояніи; воздѣлыванье пшеницы, которую почва ростила сначала въ большомъ изобиліи, производилось самымъ нерациональнымъ образомъ, такъ что почва вскорѣ истощилась. Цѣлая треть рабочихъ рукъ страны была занята вырубкою лѣсовъ, а между тѣмъ не имѣлось даже порядочныхъ орудій, приспособленныхъ къ этой цѣли. Наконецъ, отсутствіе сколько нибудь сносныхъ дорогъ дѣлало доставку продуктовъ къ портамъ крайне затруднительною. Прибавьте къ этому деморализующее вліяніе, которое продолжительныя войны неизбѣжно оказываютъ на характеръ населенія. Война приучала народъ къ праздности и разгульной жизни. Цѣлыя тысячи людей, смотрѣвшихъ на войну, какъ средство удовлетворить своей алчности и честолюбію, по заключеніи мира оказались ни на что не пригодными. Плохое состояніе курса влекло за собой безчисленныя банкротства. Простой народъ, изнемогая подъ бременемъ долговъ, доведенный до послѣдней крайности разоренія, то и дѣло приступалъ къ правительству, требуя выпуска новыхъ ассигнацій; мѣра эта принося временное облегченіе, все болѣе и болѣе запутывала дѣла. Въ 1786 году, въ Новомъ Гампшейрѣ толпа недовольныхъ окружила зданіе, въ которомъ засѣдали мѣстныя власти, и съ угрозами требовала выпуска бумажныхъ денегъ. Въ томъ же году происходило возстаніе въ западномъ Массачусетсѣ: до полуторы тысячи человекъ, доведенныхъ до отчаянья требованьями должниковъ, удовлетворить которымъ они не имѣли никакихъ средствъ, собрались съ цѣлью уничтожить всѣ суды и остановить ходъ судебной процедуры, грозившей оставить ихъ и семейство ихъ безъ крова и безъ куска хлѣба.

Въ эту мрачную пору возникновенія молодой республики, мы находимъ учрежденіе невольничества пустившемъ въ ней уже глубокіе корни. Рабство въ Америкѣ ведетъ свое начало издавна. Великое имя Колумба позорнымъ образомъ связано съ порабощеніемъ туземцевъ, неправильно названныхъ индейцами. Извѣстно, что два года

спустя послѣ его славнаго открытія, онъ похитилъ нѣсколько десятковъ этихъ туземцевъ, препроводилъ ихъ въ Испанію и продалъ ихъ тамъ въ неволю. Его примѣръ нашелъ себѣ многочисленныхъ подражателей. Побуждаемые непасытною жаждою пріобрѣтенія, первые европейцы, отправлявшіеся искать счастья въ Америкѣ, безпощадно эксплуатировали несчастное туземное населеніе, которое быстро вымирало подъ гнетомъ непосильнаго труда. Въ 1500 г., испанская Изабелла повелѣла освободить индійскихъ невольниковъ, находившихся въ ея европейскихъ владѣніяхъ; но мѣра эта видимо была внушена тѣмъ мимолетнымъ чувствомъ состраданія, которое спѣшить на помощь къ несчастнымъ, находящимся на виду и забываетъ объ остальныхъ. Американскіе невольники остались въ прежнемъ положеніи. Вскорѣ понадобилось замѣнить вымершее почти совершенно индейское племя другою расою, болѣе способною выносить всякія невзгоды, лишенія и труды. Этою расою оказалось населеніе западнаго берега Африки. Люди, заинтересованные негро-торговлею хотѣли придать своему дѣлу всевозможную благовидность и съ этою цѣлью, всячески старались выхлопотать ему папскую санкцію; при этомъ они указывали на существовавшую будто бы необходимость избавить индейцевъ отъ ярма рабства, забывая, что смерть уже предупредила ихъ въ этомъ отношеніи. Но на этотъ разъ, по крайней мѣрѣ, католическая религія не сдѣлалась орудіемъ гнуснаго учрежденія; нѣтъ никакихъ положительныхъ доказательствъ, чтобы папы уступили настояніямъ неготорговцевъ, а съ другой стороны, положительно извѣстно, что Павелъ III предалъ проклятію всѣхъ европейцевъ, которые поработятъ индейцевъ или какое бы то ни было другое племя. Пришлось удовольствоваться избитою ссылкой на библейское преданіе о Хамѣ. Но и при этихъ условіяхъ новая форма невольничества быстро распространилась по всѣмъ европейскимъ владѣніямъ въ Америкѣ. Въ теченіе двухъ или трехъ вѣковъ, торговля африканскими невольниками была самой выгодной спекуляціей, она становилась предметомъ ревниво оспариваемыхъ монополій, и государственные люди, философы и короли не стыдились участвовать въ ея барышахъ. Такъ, въ 1713 году составила компанія, съ цѣлью производить торгъ африканскими невольниками: одну четверть паевъ въ этой компаніи взялъ Филиппъ испанскій, другую выговорила себѣ Великобританская королева Анна, а остатки раздѣлили между собою подданные послѣдней.

Когда въ 1607 году была основана первая англійская колонія, Виргинія, вошедшая впоследствии въ составъ Соединенныхъ Штатовъ, невольничество, поддерживаемое привозомъ негровъ изъ Африки, уже цѣлое столѣтіе существовало въ испанской и португальской Америкѣ, и около пятидесяти лѣтъ тому назадъ было введено и въ англійской части Вестъ-Индіи. Англійскіе, испанскіе, португальскіе и голландскіе промышленники покупали или похищали обманомъ молодыхъ негровъ на берегу Гвинеи и перепродавали ихъ въ Америкѣ. Цѣлыя стада негровъ сгонялись къ портамъ, поступали въ собственность разныхъ эксплуататоровъ и отправлялись за океанъ въ вѣчную неволю.

Первые выходцы, поселившіеся въ Виргиніи, принадлежали большому частью къ самому безнравственному слою общества. То были банкроты, промотавшіеся барячи, несправимые негодяи, и многіе изъ нихъ принуждены были оставить свое отечество въ угоду настоятельнымъ требованьямъ судей, присяжныхъ и шерифовъ. Подобный сбродъ возникающей колоніи служилъ плохимъ задаткомъ ея процвѣтанія въ будущемъ и она, безъ сомнѣнія, погибла бы въ самомъ началѣ своего существованія, если бы ее не поддерживала богатая компанія въ Лондонѣ, пользовавшаяся долгое время особеннымъ покровительствомъ правительства. Къ тому же климатъ Виргиніи благодатный; почва отличается необыкновеннымъ плодородіемъ; трудно было найти мѣсто болѣе благопріятное для новыхъ поселеній. Табакъ, росшій на поляхъ Виргиніи въ изобиліи, сдѣлался предметомъ выгодной торговли съ Европою; денегъ, выручаемыхъ за продажу его, было достаточно на покрытіе всѣхъ нуждъ поселенцевъ; запросъ на рабочія руки въ англійскихъ колоніяхъ былъ очень великъ, и виргинскіе поселенцы, воспользовавшись, при первой же возможности, заручиться подспорьемъ невольничьяго труда. Тринадцать лѣтъ спустя по основаніи колоніи, въ ней уже былъ введенъ торгъ неграми; на покупку невольниковъ пошли, вѣроятно, первыя деньги, которыя колонистамъ удалось скопить.

Введеніе невольничества въ нынѣшнихъ Соединенныхъ Штатахъ не встрѣтило, сколько извѣстно, во все продолженіе послѣдующаго столѣтія ни одного серьезнаго возраженія. На первыя торговыя суда, появившіяся въ приморскихъ городахъ съ невиданнымъ до того грузомъ чернокожихъ людей, смотрѣли съ какимъ-то празднымъ лю-

бопытствомъ, въ родѣ того, какое въ насъ возбудила бы попытка замѣнить выючныхъ животныхъ слонами или гиппопотамами. Не разъ, правда, возникалъ вопросъ о справедливости рабовладѣнія съ точки зрѣнія права. Первое формальное судебное рѣшеніе по этому вопросу говоритъ, что «такъ какъ негры обыкновенно продаются и покупаются между купцами, какъ товаръ, да и въ тому же они не христіане, то и слѣдуетъ разсматривать ихъ, какъ обыкновенную собственность».

Лордъ Гольтъ выразилъ было мнѣніе, что, такъ какъ въ англійскомъ законодательствѣ нигдѣ ни слова не сказано о невольничествѣ, то слѣдуетъ, чтобы каждое лицо, ступающее на почву Англіи, становилось по этому свободнымъ. Какъ видно, невольники, пріѣзжавшіе съ своими хозяевами, плантаторами, въ Англію, предъявляли свои права на свободу, основываясь на вышесказанномъ доводѣ, а также и на томъ, что они христіане. Чтобы избавить плантаторовъ отъ подобныхъ непріятностей, лица, заинтересованныя въ рабовладѣніи, заручились письменнымъ мнѣніемъ двухъ знаменитыхъ юристовъ тогдашняго времени, Юрка и Тальбота. Въ этомъ мнѣніи, сохранившемъ въ теченіи цѣлыхъ сорока лѣтъ силу закона, прямо говорилось, что, ни крещеніе, ни пребываніе въ Англіи не избавляютъ невольника отъ его подчиненности господину. Любопытенъ силлогизмъ, приводимый учеными мужами въ оправданіе этого мнѣнія. Если допустимъ, говорятъ они, что пребываніе въ предѣлахъ Англіи даруетъ свободу невольнику, то почему бы не допустить того же самаго въ отношеніи Ямайки или любой другой англійской колоніи! Всѣ наши колоніи управляются англійскими законами; слѣдовательно, если невольничество несогласно съ духомъ англійскаго законодательства, то никакія мѣстныя постановленія не могутъ придать ему силу закона въ колоніяхъ. А потому, для подтвержденія невольничества въ колоніяхъ, необходимо признать его и въ предѣлахъ самой Англіи.

Казалось бы, что демократическій духъ и суровая нравственность пуританъ должна была сдѣлать ихъ заклятыми врагами невольничества. Но, при всемъ непримиримомъ антагонизмѣ, который господствовалъ между послѣдователями Кальвина и учениками Лойолы, между тѣми и другими существовали нѣкоторыя родственныя черты. Какъ тѣ, такъ и другіе были готовы умереть за свои религіозныя убѣжденія; они питали равно беспощадную, слѣпую ненависть къ

тѣмъ, кого считали врагами своего Бога, а въ эту категорію включали они, какъ дикія племена Америки, такъ и невращенныхъ африканскихъ негровъ. Первые пуританскіе поселенцы Новой Англїи должны были выдержать ожесточенную борьбу съ туземнымъ населеніемъ; собственнымъ опытомъ извѣдали они коварство и жестокость этихъ племенъ и привыкли смотрѣть на нихъ, какъ на дѣтей дьявола, которыхъ имъ надобно истребить или поработить подобно тому, какъ израильяне истребляли и поработали филистимлянъ во времена Іисуса Навина. Возрѣніе это незамѣтнымъ образомъ распространилось и на остальные дикія племена. Въ самую раннюю эпоху исторїи Новой Англїи, мы уже встрѣчаемъ тамъ невольничество индейцевъ въ числѣ учрежденій терпимыхъ, если не законодательнымъ, то общественнымъ мнѣніемъ и обычаемъ. А отсюда, до поработенія другихъ языческихъ племенъ одинъ шагъ.

Тѣмъ не менѣе, число невольниковъ въ восточныхъ колоніяхъ было очень незначительно; причину этого слѣдуетъ искать отнюдь не въ большомъ развитіи чувства гуманности въ обитателяхъ этихъ колоній, а просто въ особыхъ экономическихъ условіяхъ, въ которыя они были поставлены самою природою. Суровый климатъ Новой Англїи, каменистая, неровная почва страны, пересѣкаемая лишь тамъ и сямъ узкими полосами плодородной земли,—все это дѣлало невольничій трудъ малопроизводительнымъ. Для того чтобы извлечь хоть какую нибудь пользу изъ этой неблагоприятной почвы, мало было одного ручного труда; тутъ требовалась инициатива мыслящаго существа; поселенецъ, которому приходилось быть по очередно то хлѣбопашцемъ, то механикомъ, то рыбакомъ, много, много, что могъ держать при себѣ одного невольника; пять, шесть невольниковъ разорили бы его. Вотъ почему рабство въ сѣверныхъ Штатахъ оставалось не болѣе какъ роскошью, отличительнымъ признакомъ аристократичности и нѣкотораго достатка.

Совсѣмъ иное дѣло было въ южныхъ Штатахъ, преимущественно въ Южной Каролинѣ, гдѣ воздѣлыванье индиго и риса издавна занимало значительное количество невольничьихъ рукъ. Южная Каролина вконецъ была тѣмъ же рабовладѣльческимъ, аристократическимъ штатомъ, какъ и теперь.

Единственнымъ исключеніемъ изъ этого повсемѣстнаго потворства земледѣльческому ялу представляется штатъ Георгія, по крайней мѣрѣ въ первый періодъ его существованія. Объясняется это тѣмъ, что ко-

лонія эта возникла при совершенно иныхъ условіяхъ, чѣмъ другія. Основателемъ ея былъ Джеймсъ Ольторпъ, личность во многихъ отношеніяхъ очень замѣчательная. Молодость свою Ольторпъ провелъ сражаясь подъ начальствомъ то герцога Мальборо, то принца Евгенія Савойскаго; но въ 1722 году онъ возвратился въ Англію; нѣсколько времени спустя наследовалъ помѣстье отъ брата и былъ избранъ представителемъ мѣстечка Газельмира; въ этомъ званіи онъ оставался тридцать два года. Парламентская дѣятельность Ольторпа была преимущественно направлена къ тому, чтобы облегчить положеніе несостоятельныхъ должниковъ, къ которымъ тогдашнее англійское законодательство относилось самымъ безчеловѣчнымъ образомъ, и дать имъ возможность снова стать на свои ноги. Съ этою цѣлью онъ составилъ проектъ основанія колоніи, въ которую предполагалъ приглашать несостоятельныхъ должниковъ, а также угнетенныхъ протестантовъ Германіи и другихъ странъ континента. Ольторпъ сумѣлъ заинтересовать въ этомъ проектѣ многихъ вліятельныхъ людей; онъ исходатайствовалъ у парламента сумму въ 10,000 фунтовъ, открылъ подписку, которая дала до 16,000 фунтовъ, и основалъ компанію, въ директоры которой были избраны большею частью нобльмены и члены парламента. Уставъ компаніи запрещалъ директорамъ принимать какое бы то ни было вознагражденіе. Правительство отвело, для предполагаемой колоніи, пространство земли на западномъ берегу Атлантическаго океана, между устьями Саванны и Альтамаги. Ольторпъ былъ избранъ губернаторомъ новой колоніи, названной въ честь царствовавшего тогда короля—Георгіей, и въ январѣ 1733 года, первый транспортъ переселенцевъ высадился въ Чарльстонѣ. Мѣсяцъ спустя былъ основанъ первый городъ Георгія и названъ Саванною. Ольторпъ былъ заклятый врагъ невольничества и, во все продолженіе своего губернаторства, неутомимо боролся противъ этого зла. Однимъ изъ основныхъ узаконеній, постановленныхъ имъ для созданной имъ колоніи, было запрещеніе рабовладѣнія въ ея предѣлахъ; подобное же запрещеніе наложилъ онъ и на продажу и потребленіе рома. Понятно, что ни одно изъ этихъ постановленій не могло принести по вкусу такому отпугнутому населенію, каковы были новые поселенцы; они видѣли, что рядомъ съ ними, по ту сторону рѣки, люди невольнично пользуются и даровымъ невольничьимъ трудомъ и соблазнительнымъ наплетомъ; обстоятельство это безъ сомнѣнія еще болѣе растравляло ихъ недовольство. Въ до-

вершеніе бѣдствія, въ 1739 году, между Англіей и Испаніей вспыхнула война, и Георгія, какъ пограничной англійской колоніи, пришлось перевѣдаться со смежными испанскими владѣніями. Ольторпъ, во главѣ милиціи Каролины и Георгія, предводительствовалъ нападеніемъ на одинъ изъ испанскихъ фортвъ; но экспедиція эта неудалась; за то испанцы отплатили взятіемъ форта св. Симона и, по всѣмъ вѣроятіямъ покорили бы всю колонію, если бы Ольторпъ не принудилъ ихъ удалиться, обманувъ ихъ военною хитростью. Вскорѣ за тѣмъ, Ольторпъ возвратился въ Англію; учрежденная имъ компанія возвратила дарованныя ей грамоты правительству, и Георгія въ 1752 году сдѣлалась королевской колоніей. Зараза невольничества, не встрѣчая болѣе энергическаго противодѣйствія, быстро приняла въ ея предѣлы, и Георгія вскорѣ стала на равнѣ съ Южною Каролиной, самымъ богатымъ разсадникомъ этого учрежденія.

Мы дошли до того періода въ исторіи Соединенныхъ Штатовъ, который по самому свойству ознаменовавшихъ его событій, неизбежно долженъ былъ выдвинуть вопросъ о невольничествѣ на первый планъ. Періодъ этотъ—американская революція.

Война съ Англією, которую сѣверо-американскія колоніи купили себѣ независимость, была не внезапною вспышкой; прежде чѣмъ взяться за оружіе, сѣверо-американцы цѣлыхъ одиннадцать лѣтъ протестовали мирнымъ путемъ противъ тиранніи и эксплуатаціи метрополи. Въ теченіе этихъ одиннадцати лѣтъ, вопросъ о естественныхъ и неотъемлемыхъ правахъ человѣка на самоуправленіе, на пользованіе продуктами своего труда и пр., былъ вполне разработанъ теоретически, и слѣдовало бы ожидать, что люди протестовавшие за себя во имя этихъ правъ, поймутъ тѣсную связь между своими и подобными же правами другихъ людей. Но на дѣлѣ оказалось, что ни одинъ изъ бойцовъ за американскую независимость и не думалъ примѣнять свои принципы къ вопросу о невольничествѣ. Были люди, незамѣчавшіе или не желавшіе замѣтить своей неослѣдовательности; но лучшіе люди революціи, безъ сомнѣнія, понимали къ чему обязываетъ ихъ въ этомъ вопросѣ логика исповѣдуемой ими политической вѣры. Самымъ яркимъ выраженіемъ этихъ убѣжденій служитъ знаменитое объявленіе «независимости» Джефферсона, въ которомъ авторъ сформулировалъ не только свои убѣжденія, но и убѣжденія огромнаго большинства тогдашняго американскаго общества. — За несомнѣнную истину, го-

ворится въ этомъ объявленіи независимости, признаемъ мы сѣдующія положенія: что всѣ люди созданы равными и одарены отъ Творца извѣстными неотъемлемыми правами, каковы — право на жизнь, на свободу и на стремленіе къ счастью, что для охраненія этихъ правъ учреждены правительства, полномочіе которыхъ вытекаетъ изъ согласія управляемыхъ: какъ скоро правительства не удовлетворяютъ этимъ цѣлямъ, мы имѣемъ право измѣнить ихъ и т. д. — Манифестъ этотъ, безспорно и въ настоящемъ своемъ видѣ служить достаточнымъ обличеніемъ рабства, которое конфедерация терпѣла въ средѣ своей; но еще осязательнѣе является разладъ, господствовавшій въ самомъ стрѣѣ американскаго общества изъ параграфа, вставленнаго Джефферсономъ въ первоначальный проектъ манифеста и выкинутого имъ впоследствии, какъ слишкомъ обиднаго для цѣлаго класса общества, съ которымъ ему приходилось дѣйствовать заодно. Упомянувъ о потворствѣ, которое Георгъ III оказывалъ неготорговлѣ вначалѣ, онъ продолжаетъ: «теперь же онъ возбуждаетъ этихъ самыхъ людей къ вооруженному возстанію противъ насъ; онъ наущаетъ ихъ купить ту самую свободу, которой онъ ихъ лишилъ убійствомъ тѣхъ людей, которымъ самъ же онъ навязалъ ихъ; такимъ образомъ, за преступленіе совершенное имъ противъ свободы одного народа, онъ думаетъ расплатиться новымъ преступленіемъ, совершеннымъ по его наущенію противъ жизни другого народа.» Въ автобіографіи своей, Джефферсонъ говоритъ, что мѣсто это было выпущено впоследствии въ угоду Южной Каролинѣ и Георгіи, а также для того, чтобы не задѣть и сѣверянъ, которые, хотя и не держали невольниковъ сами, но за то были усердными поставщиками ихъ въ другіе штаты.

Дальнѣйшій ходъ революціи показалъ весь вредъ невольничества не только въ нравственномъ отношеніи, но и съ чисто-практической точки зрѣнія. Южные штаты, служившіе главнымъ его разсадникомъ, оказались величайшимъ тормазомъ для успѣха войны. Какъ уже было говорено выше, политика Англіи во время этой войны заключалась въ томъ, чтобы всѣми способами возстановлять невольниковъ противъ ихъ господъ. Перебѣжчикамъ изъ невольниковъ въ англійскій лагерь была обѣщана; свобода плантаторовъ, опасаясь за жизнь своихъ женъ и дѣтей, принуждены были остаться дома и не могли присоединиться къ дѣйствующей арміи.

Между историческими памятниками того времени, то и дѣло встрѣчаются жалобы плантаторовъ на критическое положеніе, въ которое ставятъ ихъ невольничество. Югъ нѣсколько разъ подвергался нападению со стороны такихъ непріятельскихъ колоній, которыя не отважились бы напасть на Сѣверные Штаты и не могли бы продержаться тамъ долѣе мѣсяца. Обстоятельство это, быть можетъ, было самымъ ощутительнымъ урокомъ, раскрывшимъ глаза сѣверянамъ на вредъ невольничества.

По заключеніи мира, Соединеннымъ Штатамъ предстояло рѣшить различные вопросы, касавшіеся внутренней ихъ организаціи и отношеній отдѣльныхъ штатовъ къ конфедерации. Въ числѣ этихъ вопросовъ, на первомъ планѣ стоялъ вопросъ о томъ, какъ поступить съ пустопорожными землями, дарованными въ прежнія времена различнымъ отдѣльнымъ штатамъ королевскими грамотами. Земли эти, сѣзнова пріобрѣтенныя во время недавней борьбы общими усилиями всего союза, не могли долѣе оставаться собственностью отдѣльныхъ штатовъ; по всей справедливости онѣ принадлежали всему союзу. Штаты, владѣвшіе ими до сихъ поръ, почти единодушно согласились уступить ихъ въ пользу конфедерации, при чемъ положено было раздѣлить эти незаселенныя земли на участки, долженствовавшіе, по мѣрѣ ихъ заселенія, вступать на правахъ штатовъ въ составъ союза. Джефферсонъ, представлявшій въ конгрессѣ штатъ Виргинію, требовалъ назначенія комитета, который составилъ бы планъ какъ временной, такъ и постоянной организаціи этихъ будущихъ штатовъ. Комитетъ состоялся, и вскорѣ Джефферсонъ представилъ на утвержденіе конгресса составленный имъ проектъ. Въ этомъ проектѣ границы территорій, уступленныхъ или *имѣющихъ быть уступленными* отдѣльными штатами въ пользу конфедерации, были обозначены между 31-мъ и 47-мъ градусомъ сѣверной широты, включая такимъ образомъ и то пространство земли, которое занимаютъ теперь штаты Тенесси, Алабама и Миссисипи, но которое въ то время Георгія и Сѣверная Каролина еще удерживали за собою, хотя и предполагалось, что онѣ не замедлятъ послѣдовать примѣру остальныхъ штатовъ и отказаться въ пользу союза отъ этихъ пустопорожныхъ земель. Въ основаніе организаціи этихъ территорій проектъ положилъ слѣдующія условія:

1) Чтобы онѣ на вѣки оставались въ составѣ Соединенныхъ Штатовъ.

2) Чтобы онѣ подчинялись федеративному правительству, представляемому конгрессомъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ будутъ подчиняться ему первоначальные штаты.

3) Чтобы онѣ участвовали въ уплатѣ какъ настоящихъ, такъ и будущихъ долговъ союза по той разверсткѣ, которая будетъ сдѣлана для остальныхъ штатовъ.

4) Чтобы образъ правленія въ этихъ будущихъ штатахъ былъ непременно республиканскій и чтобы лица, имѣющія наследственный титулъ, не были принимаемы ими въ число ихъ гражданъ.

5) Чтобы съ 1800 года невольничество было въ нихъ отмѣнено.

Когда проектъ этотъ поступилъ на обсужденіе конгресса, одинъ изъ представителей Сѣверной Королины потребовалъ, чтобы послѣдній параграфъ былъ изъ него вычеркнутъ. При подачѣ голосовъ, это предложеніе было отвергнуто большинствомъ шестнадцати голосовъ противъ семи; но, считая не по числу голосовъ, а по числу штатовъ, шесть штатовъ было за сохраненіе пятого параграфа Джефферсонова проекта и три противъ, такъ какъ депутатъ отъ поваго Джерзея не случилось на этотъ разъ на лицо; законъ же требовалъ для принятія предложенія, чтобы оно было поддерживаемо большинствомъ всѣхъ штатовъ. И такъ, пустая случайность, отсутствіе одного изъ депутатовъ, который могъ бы поддержать предложеніе Джефферсона, было виною того, что проектъ этотъ явился на свѣтъ божій въ искаженномъ видѣ, лишеннымъ самой существенной своей части. Безъ этой случайности, многихъ бѣдствій и кровопролитныхъ распрей избѣжали бы соединенные штаты въ будущемъ.

Въ 1787 г. составился новый комитетъ для окончательнаго обсужденія устава для управленія территорій, лежащихъ на сѣверо-западъ отъ Огіо. Уставъ этотъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, представляетъ довольно вѣрный сколокъ съ вышеупомянутаго Джефферсоновскаго устава 1784 г. Лишняго противъ него онъ имѣетъ только заключительный параграфъ, которымъ невольничество положительно отмѣняется въ означенныхъ территоріяхъ. Но, такъ какъ новый уставъ этотъ касался только территорій, лежащихъ на сѣверо-западъ отъ Огіо, то земли, лежащія на югъ отъ этой рѣки, сохранили устройство, которое было имъ дано Джефферсоновскимъ уставомъ, подтѣмъ предположъ, что онѣ еще не были уступлены въ пользу союза

тѣмъ штатами, которымъ принадлежали. Отиѣненіе невольничества въ сѣверо-западной территоріи не встрѣтило на этотъ разъ оппозиціи, со стороны южныхъ штатовъ, и было принято съ тою прочею оговоркою, чтобы бѣглецы невольники, которые будутъ искать убѣжища въ этой территоріи, были выдаваемы своимъ хозяевамъ.

Изъ всего что сказано выше, читатель уже могъ усмотрѣть, что устройство союза въ самомъ корнѣ своемъ носило зародышъ будущихъ раздоровъ. Интересы сѣвера и юга были слишкомъ противоположны: значительная доля самостоятельности, предоставленная каждому изъ отдѣльныхъ штатовъ съ одной стороны, лихорадочное желаніе сохранить цѣлость союза съ другой,—все это, при коренномъ антагонизмѣ стремленій, ставило сѣверные и южные штаты въ самое фальшивое положеніе относительно другъ друга и заставляло внутреннюю политику союза блуждать въ безвыходномъ лабиринтѣ противорѣчій. Многія изъ неудобствъ, связанныхъ съ этимъ устройствомъ, были до того ощутительны, что въ 1787 г. былъ созванъ конвентъ изъ депутатовъ отъ различныхъ штатовъ, имѣвшій цѣлью пересмотрѣть и исправить различныя статьи конституціи. Въ число вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію конвента, входилъ конечно и вопросъ о невольничествѣ. Большинство членовъ были противники каждаго этого учрежденія; но роковая политика уступокъ, о которой было говорено выше, парализировала ихъ энергію и дала перевѣсъ интересамъ рыбовладельцевъ. Поставленные въ необходимость выбирать между уничтоженіемъ рабства и цѣлостью союза, они предпочли послѣднее и, чтобы примирить требованія справедливости съ внушеніями своей робости, прибѣгли къ компромису, въ силу котораго конгрессу представлялось право отиѣнить торговлю невольниками по истеченіи двадцатилѣтняго срока. Но конвенту представлялась еще одна дилемма, которую онъ долженъ былъ рѣшить во что бы то ни стало. Какъ должно было законодательство относиться къ невольничьему населенію страны въ дваѣхъ распредѣленія налоговъ и представительства? Должно ли оно было разсматривать ихъ, какъ людей? Въ такомъ случаѣ, по чему бы имъ не имѣть представителей своихъ интересовъ наравнѣ съ остальнымъ населеніемъ? Или же оно должно было разсматривать ихъ, какъ вещи? Въ такомъ случаѣ ни что имъ были представители? Этотъ гордіевъ узелъ конвентъ разрубилъ довольно оригинальнымъ способомъ. Онъ принялъ исходный пунктъ какъ для представительства въ конгрессѣ, такъ и для

распределенія прямыхъ налоговъ, все свободное населеніе страны «и три пятыхъ остального населенія».

Труды конвента по пересмотру конституціи были уже почти окончены, когда депутатъ отъ южной Каролины, Ботлеръ представилъ добавочный билль: онъ требовалъ постановленія конвента о выдачѣ невольниковъ, которымъ вѣдуется бѣжать изъ одного штата въ другой. Притязательность этого требованія была тѣмъ очевиднѣе, что оно не могло быть даже оправдываемо обоюдностью обязательства; ни одному изъ сѣверныхъ штатовъ, смежныхъ съ южными, не приходило и въ голову требовать выдачи своихъ бѣглыхъ изъ южной Каролины или Георгіи; ничего подобнаго этому постановленію не существовало въ прежнихъ узаконеніяхъ, которыми опредѣлялись отношенія одного штата къ другому. Тѣмъ не менѣе предложеніе Ботлера было принято, послѣ слабаго сопротивленія. Единственная уступка, сдѣланная имъ щекотливости сѣверянъ заключалась въ томъ, что онъ выкинулъ изъ своего билля слова «невольники и невольничество» и замѣнилъ ихъ выраженіемъ «лица, находящіеся въ обязательномъ служеніи». Въ этомъ новомъ видѣ, билль подалъ поводъ въ послѣдствіи къ ложнымъ толкованіямъ; многіе утверждали, что онъ вовсе не касается выдачи невольниковъ и что въ немъ говорится только о выдачѣ бѣглыхъ учениковъ и другихъ лицъ, которыя, запродавъ свой трудъ, вѣдуютъ избавиться бѣгствомъ отъ принятаго ими обязательства. Но несостоятельность этого толкованія явствуетъ уже изъ того, что не было никакой причины именно южнымъ штатамъ хлопотать о выдачѣ подобнаго рода бѣглецовъ.

Губительныя послѣдствія, измѣненія, сдѣланнаго въ Джефферсоновомъ уставѣ, въ угоду рабовладѣльцамъ, не замедлили выравиться надѣлѣ. Уставъ этотъ, какъ помнитъ конечно читатель, насался преимущественно земель, *имѣющихъ быть уступленными* союзу отдѣльными штатами; другими словами—территорій, лежащихъ на югѣ отъ Огіо и принадлежавшихъ сѣверной Каролинѣ и Георгіи, такъ какъ изъ сѣверо-западной территоріи невольничество было изгнано уставомъ 1787 г. Два года спустя по изданіи послѣдняго устава, сѣверная Каролина уступила свою территорію въ пользу союза, а въ 1802 г. Георгія послѣдовала ея примѣру; какъ та, такъ и другая напредѣннымъ условіемъ при этой уступкѣ поставили, чтобы конгрессъ никогда не принималъ никакихъ мѣръ къ уничтоженію невольничества въ этихъ территоріяхъ. Такимъ образомъ, при всемъ добромъ желаніи

лучшей части федеральнаго правительства ограничить распространіе невольничества, по крайней мѣрѣ между тѣми коренными штатами, въ которыхъ оно существовало искони, пришлось поддерживать его впродъ и въ дѣвственной почти территоріи, не успѣвшей окончательно организовать по образцу остальныхъ штатовъ. Впрочемъ, и въ сѣверозападной территоріи дѣло не обошлось безъ попытокъ ввести невольничество; населеніе этой территоріи, состоявшее болшею частью только изъ выходцевъ южныхъ штатовъ, не однократно обращалось къ конгрессу съ просьбою отменить хотя на время тотъ параграфъ устава 1787 года, которымъ невольничество отиѣнялось въ сѣверозападной территоріи.

Въ 1803 году, въ конгрессъ поступила первая петиція по этому поводу; но комитетъ, которому поручено было рассмотреть этотъ вопросъ, высказался за сохраненіе запретительнаго параграфа устава, между прочимъ на томъ основаніи, что невольничій трудъ, какъ самый убыточный способъ производства, можетъ быть съ кѣкотою выгодой употребляемъ только при вадѣлываніи такихъ продуктовъ, которые сами по себѣ имѣютъ большую цѣнность; почва же сѣверозападной территоріи такихъ продуктовъ не производитъ. Несмотря на это, въ теченіе послѣдующихъ пяти лѣтъ, колонисты, заселявшіе эту территорію не переставали обращаться къ конгрессу съ петиціями подобнаго же содержанія; но конгрессъ упорно стоялъ на своемъ и отвергъ эти петиціи всѣ до одной. Между тѣмъ, въ исторіи Соединенныхъ Штатовъ совершались два великіе переворота, имѣвшіе несомненное роковое вліяніе на вопросъ о невольничествѣ; перевороты эти — присоединеніе Луизианы и изобрѣтеніе машины для очистки хлопчатника.

Устье Миссисипи, съ 1682 г., находилось во владѣніи французовъ, которые первые проникли въ эту область, назвали ее Луизианою, въ честь царствовавшего тогда Людовика XIV, и основали городъ Новый Орлеанъ. Въ 1762 г. Луизиана была уступлена Испаніи; но новое правительство не умѣло развить производительныя силы страны и не пользовалось особенною популярностію между населеніемъ колоніи, состоявшимъ почти исключительно изъ французовъ. Еще замѣтнѣе было испанское владычество Соединеннымъ Штатамъ: территорію, по географическому положенію своему, были поставлены отъ него въ нѣкотораго рода зависимость. Дѣло въ томъ, что единственными нѣдетомъ сбыта для произведеній колоній, оставшихъ

по ту сторону Аппалачскаго хребта, было устье Миссисипи, и различные постановленія, которыми испанское правительство стѣсняло торговлю своихъ сосѣдей, естественнымъ образомъ возбуждало недовольство послѣднихъ. Но вскорѣ дѣла приняли еще болѣе неблагопріятный оборотъ для Соединенныхъ Штатовъ.

Въ 1802 году Наполеонъ Бонапартъ, бывший тогда еще первымъ консуломъ, склонилъ безсильное испанское правительство снова уступить Луизиану Франціи. Новое могущественное сосѣдство возбуждало серьезныя опасенія въ Соединенныхъ Штатахъ. Стѣсненія, возбуждавшія такое негодованіе, когда ихъ налагадо испанское правительство, еще усилились при французскомъ, и былъ поводъ опасаться еще худшихъ стѣсненій въ будущемъ.

Тогдашній президентъ Джефферсонъ, въ лицѣ котораго сосредоточивались лучшія силы юной и могущественной партіи, управлявшей страной, оцѣнилъ всю опасность положенія. Обновленная республиканская Франція была естественной союзницей молодой республики Новаго Свѣта; аристократическая же Англія естественнымъ врагомъ ея. Съ переходомъ Луизианы во владѣніе Франціи, это отношеніе грозило нарушиться. Франція, владѣющая своимъ укрѣпленіемъ на порогѣ Соединенныхъ Штатовъ, должна была неизбежно стать къ нимъ во враждебныя отношенія; неизбежна эта также неизбежно должна была отозваться и на внутреннемъ ходѣ дѣлъ страны. Республиканская или демократическая партія, во главѣ которой стоялъ Джефферсонъ, терзала выгодное положеніе, въ которое ставилъ ее союзъ съ Франціей, и всѣ преимущества переходили на сторону партіи федералистовъ. Джефферсонъ, горячій патриотъ и человекъ партіи, понималъ опасность и, чтобы устранить ее, открылъ черезъ посланника Соединенныхъ Штатовъ въ Парижѣ переговоры съ французскимъ правительствомъ о продажѣ Луизианы. Отдаленная колонія, только что приобретенная такою дешевою цѣною, была непосильнымъ бременемъ для Франціи, и безъ того уже истощенной продолжительными войнами. Для удержанія ея потребовался бы сильный флотъ и армія; съ другой стороны, двѣнадцать милліоновъ, предложенныя Джефферсономъ, пришлось какъ польза болѣе кетати въ обнищавшемъ французскомъ казначействѣ, и торгъ былъ вскорѣ заключенъ къ обоюдной выгодѣ. Такимъ образомъ, Соединенные Штаты, не проливъ ни одной капли крови, приобрѣли въ свое владѣніе обширное пространство дѣйственной почвы

и столь важное для нихъ устье Миссисипи. Но покуша эта, какъ мы уже сказали, имѣло роковое значеніе для дѣла невольничества. Луизиана, въ теченіе многихъ поколѣній, какъ при испанскомъ, такъ и при французскомъ правительствѣ, была рабовладельческою страной; бѣлое населеніе ея свыклось съ этимъ учрежденіемъ и считало его опорой своего благосостоянія; однимъ изъ условій при передачѣ Луизианы Соединеннымъ Штатамъ было постановлено, чтобы колонія эта въ возможно скорѣйшемъ времени была принята въ составъ союза и допущена къ пользованію всѣми правами и привилегіями, которыми пользовались граждане Соединенныхъ Штатовъ; а чтобы до тѣхъ поръ населенію ея было ограждено пользованіе свободою, *собственностью* и исповѣданіемъ религіи. Эти слова договора буквально поняты, должны были бы включать и чернокожее населеніе страны, хотя конечно самъ Бонапартъ и не придавалъ имъ этого значенія; но этимъ толкованіемъ не заблагоумысли воспользоваться, и привольныя поля Луизианы вскорѣ покрылись хлопчатобумажными плантаціями и невольничьими хижинами. Рабство распространилось въ ней тѣмъ быстрѣе, что рой поселенцевъ, наводнившихъ ее тотчасъ по приобрѣтеніи ея, союзомъ состоялъ преимущественно изъ выходцевъ южныхъ штатовъ, какъ наиболѣе къ ней близкихъ.

Къ этому же времени относится изобрѣтеніе машины Уитни (Whitney) для очистки волоконъ хлопчатника отъ семянъ въ немъ смѣсчекъ, изобрѣтеніе, которое играло такую громадную роль въ увеличеніи благосостоянія южныхъ штатовъ, но которому подобно другимъ великимъ изобрѣтеніямъ ума человѣческаго суждено было, благодаря настоящему несовершенному общественному устройству, сдѣлаться новымъ орудіемъ для угнетенія и базъ того уже угнетенныхъ классовъ. Хлопчатобумажное производство стояло, до начала минувшаго столѣтія, на очень низкой степени развитія въ Соединенныхъ штатахъ. Количество хлопковъ, получавшееся со всего пространства Соединенныхъ Штатовъ врядъ ли равнялось тому, которое въ настоящее время даетъ одна какая нибудь плантація. Такъ, въ числѣ предметовъ, вывезенныхъ изъ Чарльстона въ 1748 году, упомянуто семь тюковъ хлопка; въ 1790 году было всего на все вывезено восемьдесятъ одинъ тюкъ. А между тѣмъ хлопчатникъ родился въ изобиліи во всей южной и югозападной части союза: причины же пренебреженія, въ которомъ такъ долго находилась эта

отрасль производства, заключалась въ чрезвычайной прочности работы, требовавшейся для очистки его волоконъ отъ заключающихся въ нихъ сѣмечекъ; чтобы очистить такимъ образомъ фунтъ хлопчатника нуженъ былъ для одного человѣка цѣлый день работы. Изобрѣтеніе Уитни устранило эту трудность и произвело громадный переворотъ въ экономическомъ быту Южныхъ Штатовъ. Жизнь Уитни, хотя она и не составляетъ исключительнаго явленія въ ряду другихъ явленій американской жизни, заключаетъ въ себѣ много интереснаго и поучительнаго для европейца; все въ ней такъ оригинально, такъ мало подходитъ подъ уровень установившихся между нами понятій и нашего окостенѣвшаго общественнаго строя, что читая эту біографію воздаешь невольную дань уваженія народу, который выводитъ изъ среды своей такихъ энергичныхъ, самостоятельныхъ дѣятелей. Сынъ бѣднаго массачусетскаго фермера, онъ провелъ свое дѣтство и первую молодость, помогая отцу своему лѣтомъ въ полѣ, а зимою въ небольшой лавкѣ, въ которой Уитни, отецъ торговалъ колесами и стульями собственного издѣлья. Съ самой ранней молодости, мальчикъ выказывалъ замѣчательную ловкость и изобрѣтательность въ изготовленіи разныхъ мелочныхъ издѣлій, которыя, благодаря этому обстоятельству, находили себѣ хорошій сбытъ. Образование молодого Уитни ограничивалось тѣми немногими свѣдѣніями, которыя онъ могъ почерпнуть въ асемтарной школѣ своего округа. Девятнадцати лѣтъ отъ роду, онъ рѣшился расширить кругъ своихъ познаній, посредствомъ научнаго образованія; но планъ этотъ ему удалось исполнить не ранѣе, какъ черезъ четыре года. Двадцати трехъ лѣтъ, онъ поступилъ въ Іэльскій университетъ (college). Тутъ ему пришлось бороться съ денежными затрудненіями; работая въ качествѣ то простаго ремесленника, то учителя, онъ добывалъ деньги, необходимыя для продолженія учебныхъ занятій, и такимъ образомъ кончилъ курсъ. Въ бытность свою въ университетѣ, онъ нерѣдко имѣлъ случай выказывать свои природныя дарованія въ дѣлѣ механики: такъ однажды, одинъ изъ наставниковъ выразилъ ученикамъ своимъ сожалѣніе, что не можетъ показать имъ одного опыта, такъ какъ аппаратъ, требовавшійся для этого опыта былъ попорченъ и могъ быть исправленъ только въ Европѣ. Уитни вызвался починить его и дѣйствительно починилъ, какъ нельзя лучше.

По выѣздѣ изъ университета, Уитни былъ приглашенъ, въ напе-

ствѣ домашняго учителя, въ одно семейство, жившее въ Георгіи. Отправляясь къ мѣсту своего назначенія, онъ познакомился со вдовою революціоннаго генерала, мистрисъ Гринъ, возвращавшеюся съ дѣтьми своими изъ Сѣверныхъ Штатовъ въ Саванну. Доѣхавъ до Саванны, Уитни занемогъ и нашелъ гостепрѣимство въ домѣ своей сестры. Тутъ имъ вскорѣ было получено извѣстіе, что семейство, въ которое онъ готовился поступить, взяло другого наставника и не нуждается болѣе въ его услугахъ. Изъ настоящаго его затруднительнаго положенія вывела его мистрисъ Гринъ; она предложила ему оставаться въ ея домѣ сколько ему будетъ угодно и продолжать подъ ея кровомъ изученіе юриспруденціи, которому онъ въ то время думалъ себя посвятить. Это случайное стеченіе обстоятельствъ имѣло важныя послѣдствія, какъ для самого Уитни, такъ и для того края, въ который занесла его судьба. Въ домѣ мистрисъ Гринъ собралось однажды многочисленное общество сосѣднихъ плантаторовъ и разговоръ, между прочимъ, зашелъ о плачевномъ состояніи земледѣлія и о трудностяхъ, сопряженныхъ съ обработкою хлопчатника. Мистрисъ Гринъ посовѣтовала своимъ гостямъ обратиться къ Уитни, котораго она знала за искуснаго механика. Плантаторы такъ и сдѣлали. Уитни, отъ роду невидавшій хлопчатника, не безъ труда раздобылся образчикомъ этого растенія и принялся за дѣло. Запершись въ своей комнатѣ, неутомимо работалъ онъ надъ задуманной имъ машиной; такъ какъ необходимыхъ орудій у него не было подъ рукою и ихъ негдѣ было достать, то онъ долженъ былъ изготовлять ихъ самъ. Предпріятіе свое онъ хранилъ въ глубочайшей тайнѣ отъ всѣхъ, кромѣ мистрисъ Гринъ и друга ея дома, Миллера, сдѣлавшагося впоследствии ея мужемъ. Наконецъ, машина была готова; испытаніе, произведенное ея въ присутствіи нѣсколькихъ землевладѣльцевъ, которыхъ нарочно съ этою цѣлью пригласила мистрисъ Гринъ, показало, что одинъ человекъ можетъ съ помощью этой машины очистить въ день такое количество хлопчатника, съ которымъ ему, при ручной работѣ, не справиться бы и въ мѣсяцъ.

Изобрѣтеніе обѣщало громадныя выгоды. Миллеръ предложилъ изобрѣтателю войти съ нимъ въ долю и заключилъ съ Уитни контрактъ, которымъ обязывался доставлять нужныя деньги для сооруженія машинъ. Уитни отправился въ Коннектикутъ хлопотать о патентѣ и заручиться заказами; но прежде чѣмъ онъ успѣлъ устро-

ить это дѣло, обстоятельства приняли самый неблагоприятный для него оборотъ. Слухъ о его изобрѣтеніи быстро распространился и возбуждалъ, какъ и слѣдовало ожидать, сильное волненіе по всей окрестности. Отовсюду являлись толпы любопытныхъ посмотрѣть машину, обѣщавшую поднять производительность страны до такихъ несмысленныхъ размѣровъ. Но, такъ какъ патентъ еще не былъ выданъ, то машину никому не показывали. Не долго думая, любопытные взломали ночью то строеніе, въ которомъ она хранилась, и высмотрѣли все, что имъ было нужно. Не успѣлъ Уитни возвратиться изъ своей поѣздки, какъ всюду появились подражанія его машинѣ, отличавшіяся отъ нея только въ нѣкоторыхъ мелочныхъ подробностяхъ, во избѣжаніе ответственности передъ закономъ. Отсюда начинается рядъ неудачъ, преслѣдовавшихъ Уитни почти до самой его смерти. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ неудачъ онъ былъ впрочемъ самъ виноватъ. Такъ, вмѣсто того, чтобы продавать въ другія руки право на сооруженіе машины, полученное имъ по патенту на тринадцать лѣтъ, онъ удерживалъ его исключительно за собою. Не имѣя достаточно ни времени, ни капитала, чтобы удовлетворять безчисленнымъ заказамъ, являвшимся отовсюду, онъ этимъ самымъ ставилъ плантаторовъ въ необходимость покупать контрафакціи. Напрасно затѣвалъ онъ процессы; общественное мнѣніе было противъ него, какъ обладателя патента; съ трудомъ находилъ онъ даже свидѣтелей, готовыхъ давать показанія въ его пользу. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ говоритъ, что разъ ему большого труда стоило доказать передъ судомъ, что машина его дѣйствительно была въ употребленіи въ Георгіи, между тѣмъ какъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ вѣданія суда работало цѣлыя три машины подобнаго рода и шумъ отъ нихъ былъ явственно слышенъ съ крыльца зданія. Тѣ немногіе плантаторы, которые покупали машину прямо отъ него, платили неисправно, и приходилось разсылать въ разныя стороны агентовъ для полученія денегъ, которыя между тѣмъ получались такъ туго, что ихъ иногда не хватало на покрытіе путевыхъ издержекъ агентовъ. Къ этому присоединилось предубѣжденіе европейскихъ бумажныхъ фабрикантовъ противъ изобрѣтенія Уитни; они утверждали, что процессъ очистки волоконъ отъ сѣмечекъ посредствомъ этой машины портитъ качество хлопка и отказывались отъ выкупа, очищеннаго этимъ способомъ. Предубѣжденіе это впоследствии исчезло; но все же оно прoderжалось довольно долго, чтобы

причинить Уитни значительные убытки. Видя разрушеніе своихъ блестящихъ надеждъ и думая извлечь хоть какую нибудь пользу изъ своего изобрѣтенія, онъ принялъ мысль, поданную ему нѣкоторыми плантаторами южной Каролины, и продалъ право своего патента правительству этого штата за пятьдесятъ тысячъ долларовъ, изъ которыхъ двадцать тысячъ были выплачены ему немедленно, а остальные тридцать разсрочены по контракту на три года. Но слѣдующее же законодательное собраніе уничтожило этотъ контрактъ и требовало даже возвращенія выплаченныхъ двадцати тысячъ на томъ основаніи, что всякаго рода монополіи составляютъ зло и подъ тѣмъ предлогомъ будто машины подобнаго же устройства были въ употребленіи за долго до изобрѣтенія Уитни. Рѣшеніе это было впрочемъ отмѣнено въ слѣдующемъ году, и Уитни получилъ деньги, слѣдовавшія ему по контракту. Около того же времени правительство сѣверной Каролины установило въ пользу его сборъ съ каждой машины, употреблявшейся въ предѣлахъ этого штата. Сборъ этотъ вимался наравнѣ съ прочими податями и честно выплачивался изобрѣтателю; но размѣры хлопчатобумажнаго производства въ сѣверной Каролинѣ, были очень незначительны, и Уитни врядъ ли много выигралъ черезъ эту сдѣлку. Наконецъ, въ 1807 году, за годъ до истеченія срока его патента, Уитни удалось добиться судебнаго рѣшенія противъ контрафакторовъ, присвоившихъ себѣ его изобрѣтеніе. При этомъ судья Джонсонъ, участвовавшій въ рѣшеніи этого дѣла, отдалъ полную справедливость благодѣтельному значенію этого изобрѣтенія для южныхъ штатовъ. Въ своей рѣчи онъ выставилъ на видъ плачевное состояніе, въ которомъ находилась внутренняя производительность страны, когда изобрѣтеніе Уитни оживило ее, утроило цѣнность земель и дало работу тысячамъ и тысячамъ незанятыхъ рукъ. Но поднятая справедливость эта была плохимъ вознагражденіемъ для виновника великаго экономическаго переворота. Въ 1808 году окончился срокъ патента; Уитни пробовалъ было обратиться къ конгрессу съ просьбою о выдачѣ новаго патента, выставивъ на видъ различныя неблагопріятныя обстоятельства, препятствовавшія ему извлечь надлежащую выгоду изъ первой дарованной ему привилегіи, — не получилъ отказъ. Еще за нѣсколько времени передъ кончиной, потерявъ всякую надежду извлечь что нибудь изъ своего изобрѣтенія, Уитни пустился въ новое предпріятіе; онъ принялся за оружейное дѣло, и на этотъ разъ природныя его дарованія, въ

связи съ неутомимымъ трудолюбіемъ, не пропали даромъ; введенны имъ усовершенствованія много способствовали къ развитію этой отрасли промышленности въ Америку и подготовили тѣ блестящіе результаты, которыми Америка гордится въ настоящее время; фабрика его процвѣтала и доставила ему подъ старость обезпеченное положеніе; онъ умеръ въ 1826 году, шестидесяти лѣтъ отъ роду.

Не думалъ и не гадалъ, конечно, гениальный труженникъ, живнъ, котораго мы только что рассказали, о томъ вліяніи, какое его машина будетъ имѣть на судьбу чернокожаго населенія страны. Съ изобрѣтеніемъ этой машины, обработка хлопчатника стала самою выгодною отраслью производства. Совпавшее съ этимъ изобрѣтеніемъ присоединеніе Луизианы открыло плантаторамъ новое широкое поле для разведенія хлопчатника; а мигдѣ невольничій трудъ не принимается съ такою выгодною, какъ въ обработкѣ хлопчатника. Во всей почти югозападной части Соединенныхъ Штатовъ, поля жадъ это растеніе начинаютъ пахать въ январѣ; затѣмъ слѣдуетъ посѣвъ; послѣ посѣва, выдергиванье сорныхъ травъ; а тамъ уже начинаютъ соврѣвать болѣе ранніе всходы и можно приступать къ собиранью хлопка. Въ уборкѣ полей и въ очисткѣ волоконъ отъ сѣмянъ проходитъ время до Рождества; а тамъ снова настаетъ время приниматься за пашню. Такимъ образомъ рабочія руки не гуляютъ ни одного мѣсяца въ году; а это соображеніе имѣло большую важность для рабовладѣльцевъ. При этихъ обстоятельствахъ, вывозъ невольниковъ изъ Африки, запрещенный въ 1808 году, не могъ оказывать никакого существеннаго вліянія на фактъ негроторговли. Мэрилэндъ, Виргинія и Сѣверная Каролина, мстоценная почва которыхъ не позволяла имъ воздѣлывать хлопчатника у себя дома, стали рынкомъ, на которомъ лѣсистый, нездоровый Югъ запасался невольниками для своихъ хлопчатобумажныхъ плантацій. Цѣлыя толпы предпримчивыхъ людей переселялись изъ Европы и изъ другихъ невольничьихъ штатовъ на югозападъ. Здѣсь они разводили хлопчатникъ, на вырученныя деньги покупали негровъ, а съ помощью ихъ засѣвали хлопчатникомъ новыя поля; оборотъ этотъ продолжался *ad infinitum*. Негроторговля стала дѣломъ не только прибыльнымъ, но и дававшимъ извѣстнаго рода политическое и общественное вліяніе. На людей, занимавшихся этой торговлею, смотрѣли, правда, долгое время съ отвращеніемъ; но сила обстоятельствъ брала

свое. Большая часть южных плантаторовъ была въ рукахъ у этого класса людей.

Нерасчетливые и безпечные плантаторы привыкли смотрѣть на неготорговца, продававшаго имъ невольниковъ въ долгъ, какъ на какое-то провидѣніе; въ тому же, какъ люди бывалые и услышавшіе въ теченіе своихъ странствованій понабраться военныхъ свѣдѣній, неготорговцы импонировали невѣжественныхъ сельскихъ жителей, мало смыслившихъ въ общественныхъ дѣлахъ.

Между тѣмъ цѣна на невольниковъ возрастала пропорціонально съ повышеніемъ цѣны на хлопковъ, такъ что здоровый негръ, отъ семнадцати до тридцати лѣтъ, зачастую стоилъ 1,500 долларевъ. При такомъ повышеніи цѣны на рабочія руки не мудрено, что разведеніе негровъ сдѣлалось самою прибыльною операціею. Еще не далѣе, какъ въ прошломъ столѣтіи, выкорчить негра, съ минуты его рожденія до взрослыхъ лѣтъ, становилось гораздо дороже, чѣмъ купить его уже взрослымъ и способнымъ къ работѣ. Но съ запрещеніемъ вывоза невольниковъ изъ Африки и съ размноженіемъ хлопчато-бумажныхъ плантацій все это измѣнилось. Разведеніемъ негровъ занялись, какъ мы уже сказали, тѣ штаты, истощенная почва которыхъ не позволяла имъ заняться хлопчато-бумажнымъ производствомъ, но которые, взамѣнъ того, обладали здоровымъ климатомъ, позволявшимъ имъ съ успѣхомъ заниматься инымъ оригинальнымъ промысломъ. Негровъ, выращенныхъ въ Мэрилэндѣ или въ Виргиніи, продавали потомъ въ юго-западные штаты. При такомъ положеніи дѣлъ, когда стоимость новорожденнаго ребенка простиралась до ста долларевъ, само собою разумѣется, женское цѣломудріе ставилось ни во что; хозяева не только поощряли рожденіе дѣтей внѣ брака, но и продавали мужа и жену порознь, при чемъ требовалось, чтобы каждый изъ супруговъ вступалъ въ новый бракъ. Духовные, благословлявшие браки между чернокожими, измѣняли для нихъ форму брачнаго обѣта, требуя отъ нихъ только обѣта въ вѣрности, пока ихъ не разлучитъ смерть или *неужимая необходимость*. Въ объявленіяхъ о продававшихся негрятянахъ, выставлялась на видъ необыкновенная изодовитость продаваемаго субъекта, какъ обстоятельство, увеличивающее его стоимость. Чтобы дать понятіе о размѣрахъ зла, достаточно будетъ сказать, что сумма, вырученная Виргиніею за проданныхъ ею негровъ, со дня присоединенія Луизианы, пре-

вынааетъ всю стоимость самого штата, во время его отпаденія отъ Союза.

Слабою попыткою противодѣйствовать злу является колонизація освобожденныхъ негровъ въ Африкѣ. Первая мысль объ этомъ принадлежитъ Самюэлю Гопкинсу, духовному изъ Ньюпорта. Живя въ самомъ центрѣ неготорговли и рабовладѣнія, онъ проникся глубокою ненавистью къ этимъ учрежденіямъ и сдѣлался дѣятельнымъ противникомъ ихъ еще до начала революціи. Великія событія политическаго міра препятствовали ему нѣкоторое время приступить къ осуществленію завѣтной его мечты — образованію колоній освобожденныхъ негровъ на африканскомъ побережьи. Но, по заключеніи мира, онъ дѣятельно принялся за дѣло и вступилъ по этому случаю въ сношенія съ нѣкоторыми англійскими филантропами. Его стараніями нѣсколько молодыхъ негровъ было воспитано въ Новой Англии и отправлено миссіонерами въ Африку. Въ 1815 году, было основано колонизаціонное общество; но дѣятельность этого общества имѣла ничтожные результаты; число негровъ, переселенныхъ имъ въ Америку, въ теченіе сорока лѣтъ, не превышало девяти тысячъ. Мѣстность, приобретенная имъ подѣ эти населенія на западномъ берегу Африки ¹⁾ не отличалась особенно здоровымъ климатомъ, такъ что никто кромѣ чернокожихъ, успѣвшихъ освоиться съ этимъ сырмъ, тропическимъ климатомъ, не выносилъ его. Къ тому же, самая мысль помочь рабству такою полумѣрою была ложна въ самомъ основаніи. Съ той поры, какъ цѣна невольниковъ, вслѣдствіе вышеизложенныхъ обстоятельствъ, возвысилась до такихъ неслыханныхъ размѣровъ, выкупъ ихъ на волю становился все затруднительнѣе и затруднительнѣе. Къ этому присоединилось новое возрѣніе, изобрѣтенное пошлыми моралистами и быстро распространившееся среди того класса общества, которому оно было съ руки: невольничество было объявлено учрежденіемъ въ высшей степени благотвѣльнымъ для чернокожаго племени и наиболѣе благоприятствующимъ нравственному развитію и матеріальному благосостоянію этого племени. «Неграмъ, гласило это ученіе, лучше живетъ въ неволѣ у южныхъ плантаторовъ, чѣмъ на свободѣ гдѣ

¹⁾ Колонія эта, въ которой первые прибывшіе въ нее поселенцы заложили городъ Монровію, объявила себя въ 1847 году независимой республикой, подѣ именемъ Либерія.

бы то ни было». Наконецъ, упомянемъ еще объ одномъ обстоятельстве, помѣшавшемъ успѣху колонизаціоннаго дѣла; обстоятельство это—двоедушный и уклончивый образъ дѣйствія, котораго придерживались колонизаторы. Противникамъ невольничества они представляли выселеніе освобожденныхъ негровъ въ Африку, какъ самый вѣрный способъ постепенно уничтожить зло; въ тоже время они доказывали плантаторамъ, что мѣра эта избавитъ страну отъ безпокойнаго революціоннаго элемента, представляемаго свободнымъ чернокожимъ населеніемъ. Это двоедушіе, какъ и слѣдовало ожидать, лишило ихъ довѣрія какъ той, такъ и другой партіи и общественное мнѣніе вскорѣ совсѣмъ охладѣло къ дѣлу колонизаціи. Въ тому же рабовладѣльцы нашли гораздо удобнѣйшій способъ избавиться отъ опаснаго для нихъ элемента, забавливъ снова свободныхъ негровъ въ неволю. Мѣра эта, многократно предложенная въ различныхъ штатахъ, была окончательно принята и приведена въ исполненіе въ Арканзасѣ. Въ 1858 и 1859 г. состоялся законъ, повелѣвавшій, чтобы всѣ свободные негры, которые не выселятся изъ этого штата къ слѣдующему 4-му іюля, были проданы въ неволю съ публичнаго торга. Большая часть негровъ успѣшила оставить предѣлы штата; тѣ же которые остались, шли на встрѣчу незавидной участи быть схваченными первымъ попавшимся шерифомъ и проданными съ молотка.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ):

ШКОЛА И ЖИЗНЬ.

I.

Представьте себѣ, что вы входите въ москотильную лавку и требуете какого нибудь снадобья для истребленія таракановъ и клоповъ; вамъ подаютъ стьяланку, наполненную жидкостью неопредѣленнаго цвѣта; вы спрашиваете, какъ употребляется эта жидкость? Надо, отвѣчаетъ вамъ купецъ, поймать таракана или клопа и капнуть ему изъ этой стьялани на голову. Черезъ полчаса, послѣ этой операціи, онъ непременно издохнетъ.—Выслушавъ эту инструкцію, вы, вѣроятно, подумаете, что купецъ принимаетъ васъ за вѣдота и смѣется надъ вами въ глаза. Вы, вѣроятно, сообразите, что жидкость, дѣйствующая такимъ образомъ, совершенно бесполезна, потому что когда тараканъ пойманъ, тогда его можно истребить безо всякой жидкости.—Не знаю, существуютъ ли на свѣтѣ москотильщики, способные давать своимъ покупателямъ подобныя наставленія, но знаю навѣрное, что очень многіе добродушные писатели, стремящіеся обновить и возродить общество силою великихъ идей, преподають своимъ читателямъ точь-въ-точь такіе совѣты касательно этого будущаго обновленія и возрожденія. Если вы хотите провести въ жизнь ваши плодотворныя идеи, говорятъ эти писатели, старайтесь реформировать воспитаніе; если хотите искоренить въ обществѣ вредныя предразсудки, старайтесь, прежде всего, охранить отъ этихъ предразсудковъ подрастающее поколѣніе. Словомъ, дѣйствуйте на школу для того, чтобы подѣйствовать на жизнь. Именно такъ: поймите таракана, облейте ему голову вашей жидкостью, и тогда онъ навѣрное издохнетъ черезъ полчаса. Добродушные писатели, мечтающіе о торжествѣ новыхъ идей посредствомъ школы, упускають изъ виду только одно вросечное обстоятельство, именно то,

что школа вездѣ и всегда составляетъ самую крѣпкую и непреступную цитадель всемогущихъ традицій и предрасудковъ, мѣшающихъ обществу мыслить и жить сообразно съ его действительными потребностями. Всѣ члены общества, питающіе искреннюю или притворную вѣжность къ традиціямъ и къ предрасудкамъ, охраняютъ школу отъ вліянія новыхъ идей такъ же старательно, какъ старая нянька охраняетъ своего питомца отъ дурного глаза. Всѣ безкорыстные или корыстные приверженцы укоренившихся заблужденій понимаютъ какъ нельзя лучше, что если новая идея заберется въ школу и успѣетъ въ ней утвердиться, тогда эта новая идея, по прошествіи двухъ-трехъ десятилѣтій, а можетъ быть и раньше, охватитъ своимъ вліяніемъ всѣ жизненные отправления и стремленія общества. Этому они, разумѣется, будутъ сопротивляться всѣми силами, и ихъ сопротивление будетъ неодолимо до тѣхъ поръ, пока численный перевѣсъ будетъ находиться на ихъ сторонѣ, то есть, пока пассивное и безгласное большинство будетъ, по старой привычкѣ, считать ихъ союзны за выраженія чистѣйшей истины. Такимъ образомъ, не трудно понять, что овладѣть школою и перестроить воспитаніе можетъ только та идея, которая давно перенесла въ наступательное положеніе и одержала рѣшительную побѣду въ сознаніи самого общества, а совсѣмъ не та идея, которая, по своей крайней молодости, принуждена еще бороться за свое собственное существованіе. Когда взята уже школа, тогда борьба кончена, побѣда упрочена, тараканъ пойманъ. Взятіе школы составляетъ важнѣйшій результатъ и драгоцѣннѣйшій плодъ побѣды, а никакъ не первый актъ борьбы. Взять школу—значитъ упрочить господство своей идеи надъ обществомъ. Но мечтать о томъ, чтобы черезъ школу пробить себѣ дорогу въ жизнь, — черезъ воспитаніе пересоздать общество, — это значитъ принимать окончательный результатъ за вспомогательное средство, компрометировать свою идею безтактными попытками, обрекать самого себя на вѣчное безсіліе и тратить жизнь на макиавелловскія фацтави о великолѣпныхъ мостахъ съ каменными лавками. Это еще нелѣзье, чѣмъ истреблять таракановъ по рецепту моего вымышленнаго москотильщика. Поймать таракана все-таки возможно, хотя и нелѣпо ловить его для того, чтобы мочить ему голову; а перестраивать воспитаніе, не передѣлавши предварительно основныхъ понятій общества, — нѣтъ даже ни малѣйшей возможности.

Само собою, разумеется, что со временемъ послѣдовательный реализмъ, то есть, строго-научный и совершенно трезвый взглядъ на природу, на человѣка и на общество, силою своей собственной разумности одержитъ непремѣнно рѣшительную побѣду надъ всѣми произвольными построениями праздной фантазій. Фантастическій элементъ, вытѣсненный изъ жизни и міросозерцанія общества, конечно не удержится и въ школѣ. Система воспитанія сложится по тому же принципу, которымъ будутъ пронинуты всѣ остальные отправления общественной жизни. Въ такому порядку вещей идетъ вся образованная Европа; вслѣдъ за нашими европейскими учителями, мы также волей или неволей тянемся къ тому же самому результату, по известной пословицѣ: куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней. Этотъ окончательный результатъ неизбеженъ, но мы придемъ къ нему еще не очень скоро. Невѣжество, умственная робость, неповоротливость и вялость нашихъ, такъ называемыхъ образованныхъ соотечественниковъ окружаютъ насъ со всѣхъ сторонъ такими непроницаемыми дѣйственными лѣсами, въ которыхъ могутъ гнѣздиться совершенно безпрепятственно, въ теченіе цѣлаго столѣтія, всевозможныя фантастическія нечѣлости. При существованіи этихъ нетронутыхъ лѣсовъ, въ которые не заглядывалъ до сихъ поръ ни одинъ лучъ строго-научнаго, положительнаго мышленія, печего и думать о томъ, чтобы проводить въ общественное воспитаніе принципъ послѣдовательнаго реализма. Если бы даже само правительство, при всѣхъ своихъ громаднхъ средствахъ дѣйствовать на общество, взялось за эту задачу, то и тогда задача оказалась бы неразрѣшимою. Попавши въ наши учебныя заведенія, послѣдовательный реализмъ быстро принялъ бы въ себя такое множество нереальныхъ погрѣдѣнтовъ самаго сомнительнаго достоинства, что въ общемъ итогѣ получилась бы такая же безсмысленная смѣсь *французскаго съ нижегородскимъ*, какая господствовала въ свѣтскихъ манерахъ высшего общества «временъ Очакова и покоренья Крыма». Второстепенные и третьестепенные исполнители реальтѣйшихъ предписаній оказались бы, въ большей части случаевъ, такъ же хорошо приготовленными къ своей новой роли, какъ хорошо приготовлены чины земской полиціи къ собиранію статистическихъ матеріаловъ и къ заведенію въ статистическихъ международныхъ конгрессахъ. Имѣя въ виду эти печальныя истины, въ которыхъ могутъ сомнѣваться только очень наивные оптимисты, «Русское Слово», какъ известно нашимъ

читателями, созерцало съ невозмутимымъ равнодушіемъ великую и славную борьбу нашихъ классиковъ съ нашими такъ называемыми реалистами, которыхъ «Русское Слово», по правдѣ сказать, даже и не признаетъ за настоящихъ реалистовъ. Въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ, когда эта борьба находилась въ самомъ разгарѣ, «Русское Слово» всего только два раза коснулось вопроса о нашемъ общественномъ образованіи: въ первый разъ въ 1863 году, посредствомъ статьи: «Наша университетская наука»; во второй разъ, въ 1865 году, посредствомъ статьи: «Педагогическіе союзы». Обѣ эти статьи держатся на чисто отрицательной точкѣ зрѣнія и посвящены систематическому разоблаченію педагогическаго шарлатанства и доморощенной бездарности. Обѣ клоняются не къ тому, чтобы исправить существующіе недостатки—такая наивная претензія заключала бы въ себѣ слишкомъ много младенческой неопытности и самонадеянности,—а къ тому, чтобы предостеречь отъ этихъ недостатковъ тѣхъ юныхъ и довѣрчивыхъ людей, которые способны восхищаться шарлатанами и благоговѣть передъ бездарностями.

Еще въ 1863 году, «Русское Слово» выразило очень опредѣленнымъ образомъ то мнѣніе, что наши учебныя заведенія очень плохи, и очень долго останутся еще въ своемъ неудовлетворительномъ положеніи, потому что ихъ недостатки зависятъ не отъ какихъ нибудь частныхъ несовершенствъ гимназическаго устава, а отъ невѣрности того основнаго понятія, которое общество составляетъ себѣ о цѣли общаго образованія. Въ послѣдніе два года это основное понятіе не могло измѣниться и дѣйствительно нисколько не измѣнилось. Поэтому и «Русское Слово» естественнымъ образомъ остается при своемъ прежнемъ убѣжденіи. Нисколько не сочувствуя классицизму, мы однако нисколько не сокрушаемся о томъ, что гимназическій уставъ рѣшилъ вопросъ о нашемъ общественномъ образованіи въ пользу классическихъ гимназій. Если бы вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу реальныхъ гимназій, то эти гимназій во великомъ случаѣ были бы реальными только по своему названію, и ихъ реализмъ могъ бы показаться вполне удовлетворительнымъ только для странныхъ и невзысательныхъ публицистовъ «Голоса». Намъ такой реализмъ нисколько не прельщаетъ; а такъ какъ реализмъ болѣе чистой пробы долге еще не проникнетъ въ наши школы, то мы считаемъ совершенно лучшимъ дѣломъ ратовать противъ неизбежнаго хода вещей; лучший можетъ быть исправленъ только дѣятелими и добросовѣстными

работою мысли, направленною не на специальный педагогическій вопросъ, а на общіе вопросы общественнаго міросозерцанія. Намъ, очень жаль, что наша учащаяся молодежь можетъ тратить, пожалуй, непроизводительнымъ образомъ значительную часть того времени, которое она проводитъ въ школѣ или употребляетъ на заучиваніе уроковъ. Но съ этою тратой времени мы готовы помириться. Мы видимъ и знаемъ, что очень многіе молодые люди, по окончаніи полнаго учебнаго курса, принимаются очень серьезно за свое самообразование, начинаютъ свою работу, если не съ алфавита, то во всякомъ случаѣ съ ариметики, и, благодаря усерднымъ трудамъ, успѣваютъ дѣлаться мыслящими людьми, последовательными реалистами и полезными гражданами. Значить, заплативши въ своемъ отрочествѣ и въ своей первой молодости тяжелую дань неравному обществу, то есть, истративъ лѣтъ десять на бесполезныя учебныя занятія, человѣкъ еще сохраняетъ въ себѣ достаточное количество энергіи и умственной свѣжести на то, чтобы выработать себѣ самостоятельныя понятія о жизни. Значить, школа не убила въ человѣкѣ ни здраваго смысла, ни любознательности, ни трудолюбія. И за то спасибо. За немилѣишемъ лучшимъ, и въ ожиданіи этого лучшаго, съ существующими школами можно совершенно помириться на слѣдующемъ простомъ и скромномъ условіи: пусть школа поглощаетъ время воспитанниковъ, не давая имъ за это время прямо полезныхъ знаній, но пусть она, по крайней мѣрѣ, не посягаетъ на ихъ здоровье. — Неприкосновенность здоровья — вотъ, по моему мнѣнію, то единственное условіе, на исполненіи котораго есть возможность настаивать въ настоящее время, имѣя дѣло съ нашими учебными заведеніями. Пожалуй, можно было бы придумать очень много другихъ требованій, но навѣрное можно сказать, что большая часть ихъ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, можетъ остаться неисполненною.

Вы смущены, мой читатель, и, быть можетъ, даже разсержены. *Неприкосновенность здоровья* — это требованіе до такой степени кратко и скромно, что вы даже никакъ не рѣшаетесь принять его за чистую монету. Въ моихъ тротвизхъ и скромныхъ словахъ вы подозреваете или дерзкую насмѣшку, или отчаянный парадоксъ, или вообще какую-нибудь затаенную пакость. Развѣ, размышляете вы съ негодованіемъ, теперешнія школы посягаютъ на здоровье воспитанниковъ? И съ какою же стати, продолжаете вы, ставить такое требованіе,

которое и безъ того исполняется всѣми школами безъ исключеній? Нѣтъ, рѣшаете вы, это не просто. Тутъ что нибудь да не такъ. Наверное тутъ какой нибудь «крокодилъ на днѣ лежитъ» *). Успокойтесь, читатель. Въ требованіи моемъ нѣтъ никакихъ злокачественныхъ фокусовъ, и требованіе это, къ сожалѣнію, не можетъ считаться анахронизмомъ, не только у насъ, но даже и въ западной Европѣ. Выдвигая это требованіе на первый планъ, я повторяю только слова европейскихъ медиковъ. Мало того: напирая на эту мысль, я поддерживаю такія мнѣнія, которыя очень опредѣленнымъ образомъ были выражены даже въ нашей литературѣ, но которыя, по непростительной небрежности нашихъ толстыхъ журналовъ и ежедневныхъ газетъ, были оставлены до сихъ поръ безъ вниманія всѣми наиболѣе распространенными органами нашей печати. «Давно уже, пишутъ въ «Учитель», замѣченъ тотъ фактъ, что школа имѣетъ на дѣтей особенное вліяніе, рѣче выказывающееся въ физическомъ отношеніи. Вліяніе это выражается въ томъ, что прежняя свѣжесть, бодрость и цвѣтущее здоровье дѣтей смѣняются вялостью, истощенностью и болѣзненностью. Нѣкоторые даже перестаютъ рости; большинство теряетъ свою прежнюю беззаботную веселость и смотритъ какъ-то угрюмо и боязливо. Вліяніе это нерѣдко отражается и въ умственномъ отношеніи: дѣти тупѣютъ, теряютъ прежнюю даровитость и взамѣнъ ея приобрѣтаютъ какую-то болѣзненную нервную раздражительность, признакъ слабосилія. Поэтому не совсѣмъ неправы тѣ, которые говорятъ о вырожденіи человѣческаго рода подъ губельнымъ вліяніемъ школы и воспитанія. («Учитель». 1865 г. № 9 стр. 316). Картина нарисована чрезвычайно вѣрно. Она пугаетъ насъ, когда мы встрѣчаемся съ нею въ книгѣ; но, къ сожалѣнію, въ дѣйствительной жизни мы такъ приглядѣлись къ ея уродливымъ подробностямъ, что почти совершенно потеряли способность чувствовать и понимать ея глубокую и возмущительную ненормальность. Случается очень часто, что рѣзвый и веселый ребенокъ, помѣщенный въ учебное заведеніе, скучаетъ, тоскуетъ и плачетъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль послѣ своего поступленія. Мы находимъ, съ свойственнымъ намъ философскимъ глубокомысліемъ, что эта продолжительная грусть, противорѣчащая всему основному характеру юнаго субъекта, совершенно естественна; мы гово-

*) См. также Басюковъ, стр. 100.

рмнъ, что иначе и быть не можетъ, что ребенокъ тоскуетъ о своихъ родителяхъ, о своихъ ребяческихъ забавахъ; о всей обстановкѣ своей домашней жизни, съ которою ему, во всякомъ случаѣ, необходимо разстаться рано или поздно. Мы соображаемъ, крохъ того, что ребенокъ лѣнится, и что, вслѣдствіе этого, на его преступныя слезы не должно обращать ни малѣйшаго вниманія. Во время нашихъ глубокомысленныхъ соображеній насъ нисколько не смущаетъ то обстоятельство, что ребенокъ не былъ лѣнивъ въ родительскомъ домѣ, и что учебное заведеніе, приводящее ребенка въ соприкосновеніе съ дѣтми его лѣтъ, должно было бы, при нормальныхъ условіяхъ, пробуждать въ ребенкѣ соревнованіе, вмѣсто того, чтобы погружать его въ плаксивую апатію. Философуя о похвальныхъ или предосудительныхъ причинахъ дѣтскихъ слезъ, мы также не задаемъ себѣ вопроса о томъ, естественна ли, со стороны ребенка, упорная и продолжительная грусть, и можетъ ли здоровый ребенокъ оставаться, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, печальнымъ и неутѣшимымъ, въ томъ случаѣ, если новая обстановка его жизни не причиняетъ ему тяжелыхъ ощущеній, постоянно и ежеминутно подпояляющихъ въ немъ воспоминаніе о сдѣланной утратѣ. Само собою разумѣется, что наши глубокомысленныя соображенія не находятъ себѣ никакого отпора; на всѣ наши назидательныя внушенія ребенокъ отвѣчаетъ намъ молчаніемъ или слезами; этотъ послѣдній языкъ достаточно краснорѣчивъ, но краснорѣчивъ только для того, кто умѣетъ или желаетъ его понимать. Болѣе обстоятельныхъ объясненій мы не дождемся, и не въ правѣ требовать отъ ребенка. Во-первыхъ, ребенокъ не способенъ анализировать свои ощущенія; онъ чувствуетъ вообще, что ему скверно жить на свѣтѣ; но изъ какихъ отдѣльныхъ частей слагается этотъ скверный итогъ, этого онъ, разумѣется, не знаетъ. Во-вторыхъ, ребенокъ видитъ очень хорошо, что мы относимся къ его страданіямъ недовѣрчиво и недоброжелательно; потому что усматриваемъ въ этихъ страданіяхъ симптомы его позорныхъ наклонностей къ праздности, знаменитой матери всѣхъ пороковъ. — Вслѣдствіе этого, ребенокъ, разумѣется, старается отдѣлаться отъ нашихъ распросовъ; которые, какъ ему извѣстно по горькому опыту, не приводятъ за собою ничего, крохъ утѣмительныхъ нравоченій и обидныхъ упрековъ. Наконецъ, въ третьихъ, если бы намъ удалось возбуждать въ ребенкѣ откровенность, которую мы систематически подавляемъ въ немъ нашими глупо-сентиментическими взглядами на его

огорченія, и если бы, сверхъ того, у ребенка достало умѣнья описать намъ подробно все, что онъ чувствуетъ, то и тогда наше постыдное невѣжество помѣшало бы намъ извлечь изъ откровеннаго признанія несчастнаго ребенка какую бы то ни было пользу. Ребенокъ объяснилъ бы намъ, что ему по утрамъ ужасно хочется спать, что его утомляютъ уроки, что безконечное сидѣнье въ классѣ наводитъ на него тоску, что ему хотѣлось бы побѣгать и поиграть. Спрашивается, какое заключеніе вывели бы мы изъ этихъ словъ маленькаго страдалца?—Разумѣется, мы немедленно отдали бы должную дань почтительнаго удивленія нашей собственной необыкновенной проницательности. Такъ и есть, сказали бы мы; мы такъ и знали заранее. Ты, мальчуганъ, просто лѣнивъ, и это съ твоей стороны весьма непохвально. — Затѣмъ полились бы изъ нашихъ устъ нравоученія и упреки, которые, по всей вѣроятности, внушили бы безответной жертвѣ нашего краснорѣчія сильнѣйшее желаніе исправиться навсегда отъ неумѣстной откровенности со взрослыми.

Въ естественныхъ требованіяхъ дѣтскаго организма, по нашему остроумію и по совершенному отсутствію самыхъ элементарныхъ физиологическихъ познаній, мы видимъ обыкновенно порочныя наклонности, съ которыми необходимо вести упорную, истребительную войну. Дѣйствительно, эта курьезная война ведется неутомимо и добросовѣстно; въ большей части случаевъ, наши воинственные усилія увѣнчиваются полнымъ успѣхомъ, потому что обезсилить, изломать и изуродовать нѣжный организмъ ребенка вовсе не трудно. Но, странное дѣло! наша блистательная побѣда надъ дѣтскимъ организмомъ нисколько не удовлетворяетъ и не радуетъ насъ. Созерцая прямые результаты нашихъ систематическихъ трудовъ, мы даже вовсе не замѣчаемъ того, что мы дѣйствительно одержали побѣду; напротивъ того, мы, въ подобныхъ случаяхъ, готовы даже признать себя побѣжденными. Когда мы смотримъ на слабого, блѣднаго, вялаго и притупленнаго юношу, мы имѣемъ полное право сказать съ законною гордостью: вотъ дѣло рукъ нашихъ. Мы заставляли его учиться, когда ему хотѣлось спать; мы заставляли его сидѣть на мѣстѣ, когда ему хотѣлось бѣгать; мы держали его въ четырехъ стѣнахъ, когда ему необходимо было дышать чистымъ воздухомъ; мы мужественно боролись со всѣми естественными стремленіями этого стропаго организма, и, какъ видите, мы достигли того, что этотъ организмъ, утративъ всю свою стропчивость, въ настоящую минуту

не стремится рѣшительно ни къ чему.— Вотъ что мы имѣемъ право сказать; но обыкновенно мы говоримъ совсѣмъ не то. Почти всегда мы чувствуемъ себя чѣмъ-то обиженными; мы думаемъ и говоримъ, что получилось совсѣмъ не то, чего мы желали; намъ кажется, что какой-то враждебный и неумолимый рокъ уничтожилъ всѣ плоды нашихъ усилій; мы погружаемся въ сентиментальную задумчивость, произносимъ какой нибудь бессмысленно-покорный афоризмъ, и потомъ, не выпеса изъ полученнаго результата никакого практическаго урока для будущаго, съ удвоеннымъ усердіемъ принимаемся истреблять порочныя наклонности слѣдующаго поколѣнія, которое также имѣетъ дерзость ненавидѣть длинные уроки и любить крѣпкій сонъ, веселую бѣготню и чистый воздухъ. «Педагоги, говоритъ *«Учитель»*, большею частью пропитанные неизлечимымъ спиритуализмомъ, видѣли въ ученикѣ только духъ; а вѣдь духъ, говорили они, безконеченъ; онъ нестоимъ въ своихъ силахъ; устаетъ только тѣло, а тѣло что такое? тѣло просто дрянь, нестоющая вниманія. На этомъ основаніи, почтенные педагоги считали священною обязанностью своею безпрестанно понукать, подгонять и подстрекать ученика, не давая ему времени на отдыхъ; самая мысль объ отдыхѣ почиталась чѣмъ-то постыднымъ, какъ недостойная духа.» (Ж 9. Стр. 316). Если исходная точка понукательной системы заключается въ спиритуализмѣ, то надо будетъ сознаться, что спиритуализмъ *почтенныхъ педагоговъ* никакъ не выдержитъ сравненія съ спиритуализмомъ *домовыхъ извозчиковъ*. Эта послѣдняя категорія гражданъ заходитъ въ своемъ спиритуализмѣ такъ далеко, что даже къ безсловесной твари примѣняетъ педагогическое ученіе о нестоимыхъ силахъ духа и о дрянности тѣла. Эти крайніе спиритуалисты также считаютъ своей обязанностью безпрестанно *подстрекать* своихъ четвероногихъ учениковъ, смотря по обстоятельствамъ, то сапогомъ по мордѣ, то веревочными возжами по спинѣ. Такъ какъ не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что общій уровень образованія въ средѣ *домовыхъ извозчиковъ* стоитъ даже еще ниже, чѣмъ въ средѣ *почтенныхъ педагоговъ* понукательной школы, то нетрудно будетъ додуматься до того заключенія, что необузданный спиритуализмъ составляетъ естественный и неизбежный продуктъ глубокаго невѣжества. Чѣмъ глубже невѣжество, тѣмъ чище и самоувѣреннѣе спиритуализмъ. Можно, разумеется, умозаключать отъ столь же безошибочно и наоборотъ: чѣмъ чище и самоувѣреннѣе спиритуализмъ, тѣмъ глубже невѣжество.

Это желает повѣрить это правило на отдѣльных примѣрахъ, тому я предлагаю заняться изученіемъ нашихъ великихъ спиритуалистовъ, гг. Николая Соловьева, Каткова, Аверькіева, Юркевича, Страхова, Incognito, Косицы и многихъ другихъ, имъ подобныхъ, ученыхъ мыслителей. — Понукательная система, выработанная вѣковой дѣятельностью педагогическаго *спиритуализма*, пустила такіе глубокіе корни во всѣ отрасли общественнаго преподаванія, что уничтожить эту систему могутъ только самыя радикальныя реформы, далеко превышающія силу единичныхъ дѣятелей педагогическаго міра. Вредное вліяніе школы на здоровье воспитанниковъ обуславливается не излишнею строгостью начальствующихъ лицъ, не придирчивостью отдѣльныхъ учителей или надзирателей, не частными и мелкими злоупотребленіями недобросовѣстныхъ экономовъ. Это все — второстепенныя неудобства; это — произвольныя уклоненія отъ основнаго принципа, уклоненія, за которыя отвѣтственность падаетъ на отдѣльныя личности нарушителей, и которыя будутъ постоянно становиться болѣе рѣдкими и случайными, по мѣрѣ того, какъ общество будетъ обращать больше и больше вниманія на свои собственные интересы. Героическій періодъ кровопролитнаго сѣченія, педагогическихъ зуботычинъ, петопленныхъ дортуаровъ и гнилой пици очевидно приходитъ, и, быть можетъ, даже пришелъ къ концу. Но остается другой источникъ вреднаго вліянія, источникъ гораздо болѣе глубокой, который никакъ не можетъ изсякнуть самъ собою, и передъ которымъ окажутся безсильными самыя блестящія умственные качества и самыя трогательныя нравственныя совершенства новѣйшихъ педагоговъ, не увлекающихся *спиритуализмомъ* ломовыхъ извозчиковъ. Ни учитель, ни инспекторъ, ни директоръ не могутъ измѣнить основной программы заведенія: число учебныхъ часовъ для нихъ неприкосновенно; а это число чрезмерно велико и совершенно не сообразно съ физическими и умственными силами малолѣтнихъ учениковъ. «Стоитъ только взглянуть, говорить «Учитель», на недѣльную роспись учебныхъ часовъ любого учебнаго заведенія нашего времени, чтобы убѣдиться, что педагоги далеко еще не отстали отъ своей привычки гнать учениковъ, какъ почтовыхъ лошадей. Эта недѣльная роспись для семи классовъ какойнибудь гимназіи, представила бы намъ сверхъ того много еще другихъ любопытныхъ вещей. Такъ, напр., наши педагоги воображаютъ, что въ этомъ отношеніи нѣтъ никакой разницы между одинадцатилѣт-

внмъ мальчикомъ и семнадцатилѣтнимъ юношей, и что отъ одного можно требовать столь же продолжительнаго умственнаго напряженія, какъ и отъ другого. Четыре часа въ сутки (по моему расчету выходитъ больше: отъ 9 до 2 $\frac{1}{2}$,—пять съ половиною часовъ; полчаса уходитъ на завтракъ, отъ 12 до 12 $\frac{1}{2}$; и того остается на классныя занятія пять часовъ) на классныя занятія положено одинаково во всѣхъ семи классахъ нашихъ гимназій, какъ въ первомъ, такъ и въ послѣднемъ, т. е. въ седьмомъ. Вѣроятно, тѣ, которые составляли программу классныхъ занятій, руководились здѣсь началомъ симметріи. Для учениковъ седьмого класса, то есть, для молодыхъ людей лѣтъ 17 и 18, рассуждали они, ни сколько не тяжело будетъ просидѣть въ классѣ какіе нибудь четыре часа въ день (при чемъ имъ приходило въ голову, что люди въ разныхъ канцеляріяхъ сидятъ и больше). А если такъ, то необходимо и для всѣхъ другихъ классовъ назначить столько же: иначе выйдетъ разнокалиберщина, путаница; а главное, такъ на бумагѣ выходитъ какъ то красивѣе, аккуратнѣе, когда во всѣхъ классахъ одинаковое число уроковъ. Но, по настоящему, слѣдовало бы рассуждать совсѣмъ иначе, именно вотъ какъ: если я для перваго класса, то есть, для дѣтей 11 лѣтъ, кладу въ день 4 часа на занятія, то сколько же придется положить для взрослыхъ, 17-лѣтнихъ юношей седьмого класса? По крайней мѣрѣ 16 часовъ. А сколько придется назначить часовъ на слушаніе лекцій студентамъ, людямъ, въ которыхъ еще болѣе предполагается силы выдерживать продолжительное умственное напряженіе? Ужъ никакъ не меньше 24 часовъ въ сутки. Дойдя до этого, можно бы было убѣдиться, какъ неудобно назначать 4 часа въ сутки на классныя занятія, и что, кромѣ того, у тѣхъ же дѣтей бываютъ каждый день занятія внѣ класса (то есть, приготовленіе уроковъ), которыя и отнимаютъ у нихъ почти цѣлый день. Тутъ мы ужъ окончательно падаемъ ницъ передъ нашей педагогической практикой, ибо совершенно не понимаемъ ее. Какъ? До поступленія въ училище дитя ничему не учится, или учится, какъ извѣстно, очень мало; и вдругъ, поступивъ въ школу, оно должно цѣлый день сидѣть за книгою!! Гдѣ же тутъ знаніе дѣла, за которое берутся педагоги-практики??» («Учитель» № 9 стр. 317 и 318). Если бы русскіе журналисты сколько нибудь понимали свои обязанности въ отношеніи къ русскому обществу, они непременно удостоили бы этотъ фактъ своего вниманія. Но нашимъ пишущимъ и печатающимъ *спиритуалистамъ* некогда зани-

нѣтъ такихъ ничтожныхъ предметовъ, какъ здоровье подрастающихъ поколѣній. Имъ, этикъ *великимъ спиритуалистамъ*, надо подавать законодательной власти драгоцѣнные совѣты на счетъ особаго представительства крупной помещельной собственности; имъ надо воевать за русскую народность, которую безъ нихъ непремѣнно обидѣли бы некто рижскіе булочника и три съ половиною ревельскіе башмачника; имъ надо собирать сплетни всѣхъ убаюанныхъ старухъ о причинѣ частыхъ пожаровъ; имъ надо прислушиваться, не заговорилъ ли какой нибудь обыватель черниговской или полтавской губерніи на малороссійскомъ нарѣчій. При такомъ множествѣ разнообразныхъ занятій, достойныхъ трудолюбивой мартышки, наши спиритуалисты, которымъ, вромѣ того, приходится еще отстаивать чистое искусство и классическую древность, не имѣютъ, разумѣется, ни малѣйшей возможности сказать родителямъ и опекунамъ серьезное слово о томъ, что подрываетъ и губитъ несложившіяся силы духъ дѣтей и питомцевъ.

III.

Извѣстно, что лучшіе изъ современныхъ медиковъ ненавидятъ медицину въ узкомъ смыслѣ этого слова; они чувствуютъ глубокое недовѣріе къ разнымъ доктамъ, микстурамъ, пилюлямъ и всякимъ другимъ героическимъ средствамъ такъ называемой латинской кухни; они полагаютъ, что леченіе во всякомъ случаѣ составляетъ зло, и что всѣ усилія благоразумнаго человѣка должны направляться не къ тому, чтобы чинить и конопатить свой организмъ, какъ утлую и дырявую ладью, а къ тому, чтобы устроить себѣ такой рациональный образъ жизни, при которомъ организмъ какъ можно рѣже приходилъ бы въ разстроенное положеніе, и, слѣдовательно, какъ можно рѣже пуждался бы въ починкѣ. Гигіена или изученіе тѣхъ условій, которыя необходимы для сохраненія здоровья, приобретаетъ себѣ въ настоящее время преобладающее значеніе въ глазахъ cadaго мыслящаго и свѣдущаго человѣка. Совершенное игнорированіе гигиены съ каждымъ годомъ становится менѣе возможнымъ для всѣхъ разнообразнѣйшихъ отраслей государственнаго хозяйства. Медики совершенно основательно присвоиваютъ себѣ совѣщательный голосъ во всѣхъ вопросахъ, относящихся до народнаго продовольствія, до про-

неводства общественных работ, до устройства мастерских, фабрик и разных других промышленных заведений. Само собою разумеется, что и школа не может увернуться изъ подъ контроля медиков-гигиенистов; зародыши очень многих, тяжелых, мучительных, и, отчасти, даже неизлечимых болѣзней прививаются къ организму во время дѣтства, отрочества и первой молодости; чтобы разъяснить себѣ причины этихъ болѣзней, и чтобы открыть противъ нихъ рациональныя предохранительныя средства, медики очевидно должны были подвергнуть самому тщательному анализу всю жизнь ребенка отъ самого ея рожденія до ея окончательной эманципации изъ подъ власти родителей, опекуновъ, воспитателей и учителей. Мнѣнія гигиенистовъ на счетъ школьнаго обученія оказались въ высшей степени единодушными. Всѣ сѣдующіе медики, безъ исключенія, твердятъ въ одинъ голосъ, на пространствѣ всей цивилизованной Европы, что заботливые педагоги начинаютъ учить своихъ питомцевъ слишкомъ рано и учатъ ихъ слишкомъ много. Пока эти мысли медиковъ формируются въ общихъ выраженіяхъ, до тѣхъ поръ существуетъ еще нѣкоторая возможность пропускать ихъ мимо ушей и видѣть въ нихъ маловажныя проявленія излишней медицинской мнительности. Но что вы станете говорить тогда, когда медики начнутъ выставлять вамъ статистическіе факты, и когда онъ перечислитъ вамъ по пальцамъ цѣлый рядъ специфическихъ болѣзней, развивающихся именно въ школѣ, именно вслѣдствіе неестественной продолжительности классныхъ занятій? Что вы скажете, когда медики заговорятъ съ вами объ искривленіи позвоночнаго столба, о школьномъ зобѣ, о хронической головной боли, о періодическомъ кровотеченіи изъ носа, о разстройствѣ пищеваренія, о неизлечимомъ приглушеніи всѣхъ умственныхъ способностей?— Чѣмъ отравите вы аргументы медика, когда онъ начнетъ объяснять вамъ процессъ происхожденія и развитія всѣхъ этихъ болѣзней такъ наглядно и осмыслительно, что вы, профанъ въ анатоміи и въ физиологіи, не смотря на все ваше невѣжество, вникнувъ и вдумавшись въ его объясненія, поймете вполне роковую связь этихъ болѣзней съ тѣми условіями, въ которыя вы ставите вашихъ дѣтей и воспитанниковъ? Угодно вамъ знать, напримѣръ, почему продолжительность классныхъ занятій искривляетъ позвоночный хребетъ? Извольте. Докторъ Вильдбергеръ, специально изучившій эти искривленія, немедленно удовлетворитъ вашу любознательность. Когда человекъ сидитъ, тогда онъ

не находится въ положеніи полнаго покоя; туловище его поддерживается въ равновѣсіи мускулами спины, а голова мускулами затылка; напряженіе тѣхъ и другихъ мускуловъ довольно значительно, и черезъ нѣсколько времени даетъ себя знать ломотою въ спинѣ и въ шеѣ даже взрослому человѣку, которому приходится сидѣть на одномъ мѣстѣ въ теченіе трехъ или четырехъ часовъ. Ребенокъ, у котораго кости тонки и мягки, а мускулы слабы, въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, утомляется гораздо скорѣе взрослога. Что же дѣлаетъ утомленный ребенокъ? Онъ или отваливается назадъ, или прислоняется грудью къ столу, или сгорбливается, или кладетъ локоть на столъ и подпираетъ голову рукой. Первый случай сравнительно безвреденъ, но онъ не всегда возможенъ, потому что многіе остроумные педагоги, усердно заботятся о сидѣнціи на вытяжку, нарочно устрояютъ скамейки такъ, чтобы ученику не къ чему было прислониться. Такимъ образомъ, педагоги, въ простотѣ души своей, насильно заставляютъ несчастнаго ребенка принять одну изъ тѣхъ позъ, которыя непременно поведутъ за собою вредныя послѣдствія для его здоровья. Прислоняясь грудью къ столу, ребенокъ сдавливаетъ себѣ грудную клетку и растрояетъ себѣ органы дыханія, то есть, навиваетъ себѣ грудную боль, одышку, кровохарканье и, можетъ быть, чахотку. Сгорбливаясь, ребенокъ приобретаетъ себѣ сутуловатость; это искривленіе позвоночнаго столба подѣйствуетъ на ребра, и, приводя ихъ въ ненормальное положеніе, повредитъ всѣмъ органамъ, лежащимъ въ полости груди и живота. Такъ какъ правая рука почти у всѣхъ людей развита болѣе лѣвой, то, подпирая голову рукою, ребенокъ обыкновенно будетъ класть на столъ правый локоть и будетъ при этомъ выворачивать наружу весь правый бокъ. Вслѣдствіе этого, получатся со временемъ искривленіе позвоночнаго столба въ правую сторону. Вильдбергеръ замѣтилъ, что на двадцать случаевъ искривленія позвоночнаго столба въ правую сторону приходится только одинъ случай искривленія въ лѣвую сторону, и эти послѣдніе, исключительные случаи встрѣчаются у тѣхъ людей, которые называются *мощами*. Значитъ искривленіе находится въ тѣсной связи съ тѣми обычными позами, которыя обуславливаются преобладающимъ развитіемъ той или другой руки. Но само собою разумѣется, что ребенку не предстало бы ни малѣйшей надобности принимать эти уродующія позы, если бы усердные педагоги не навучивали его слишкомъ продолжительнымъ сидѣніемъ. — Теперь

вы, быть можетъ, желаете узнать, что такое *школьный зобъ*?— Докторъ Гильиомъ объяснить вамъ, что это—застой крови въ щитовидной железѣ, находящейся въ верхней части шеи; этотъ застой крови происходитъ отъ продолжительнаго вертикальнаго положенія головы, сопровождаемаго утолщеніемъ мускуловъ; эта болѣзнь поражаетъ именно тѣхъ учениковъ, которые радуютъ сердца педагоговъ безукоризненнымъ сидѣніемъ на вытяжку; такимъ образомъ, ученикамъ представляется пріятная альтернатива: или искривленіе позвоночнаго столба, какъ наказаніе за противузаконныя позы, или школьный зобъ въ видѣ награды за привѣрное повиновеніе всѣмъ законамъ педагогическаго этикета.—Гильиомъ производилъ свои наблюденія въ Нефшательѣ, гдѣ масса народонаселенія вовсе не страдаетъ зобомъ; оказалось, что въ Нефшательскомъ Collège municipal, изъ 731 ученика, 414 успѣли отрастить себѣ очень замѣтные школьные зобы.—Вы скажете, можетъ быть, что въ Россіи ничего не слышно о школьномъ зобѣ; я отвѣчу вамъ, что вы совершенно правы; дѣйствительно ничего не слышно; но я осмѣлюсь предложить вамъ вопросъ: въ какомъ положеніи находится наша медицинская статистика? Существуетъ ли она? Кажется мнѣ, что объ ней слышно такъ же мало, какъ и о школьномъ зобѣ. Кромѣ школьнаго зоба, продолжительное сидѣніе въ классѣ производитъ еще хроническія головныя боли, происходящія отъ приливовъ крови къ головѣ. Эти приливы крови ведутъ за собою частыя кровотеченія изъ носа, которыя доставляютъ пациенту минутное облегченіе, но которыя, въ всякомъ случаѣ, расслабляютъ его организмъ, и расслабляютъ именно въ то время, когда онъ еще растетъ, и слѣдовательно нуждается во всѣхъ своихъ силахъ. Наблюденіе Гильиома надъ учениками Collège municipal дали ему слѣдующія цифры:

Всѣхъ учениковъ 731.

Искривленій позвоночнаго столба	218
Школьныхъ зобовъ	414
Хроническая головная боль	296
Періодическія кровотеченія	155
Итого болѣзненныхъ случаевъ	1083

Если бы раздѣлить эти болѣзни поровну между всѣми учениками Collège municipal, то на cadaго пришлось бы почти полторы болѣзни. Результатъ педуренъ, особенно если принять въ соображе-

но, что все эти болѣзни привиты къ дѣтямъ именно господствующею педагогическою системою, и замѣтны, не злоупотребленіями, не нарушеніями принципа, не небрежностью воспитателей, а именно безукорыненнымъ усердіемъ, примѣрною добросовѣстностью и неусыпною бдительностью. Какъ вы думаете, что сказалъ бы древній грекъ, если бы вы привели его въ этотъ великолѣпный распадникъ слѣпыхъ, хромыхъ, калѣкъ и чающихъ движенія воды?! — Вообразивши себѣ изумленіе и негодованіе этого древняго грека, вы можете составить себѣ легкое понятіе о томъ, какъ глубоко наши педагоги внимаютъ въ духъ той классической древности, которую они начинаютъ головы своихъ изуродованныхъ питомцевъ. — Чтобы положить конецъ этому непростительному нурганію челоуѣческаго образа, чтобы предохранить образованнѣйшую часть челоуѣчества отъ неминуемаго вырожденія, докторъ Гейеръ считаетъ необходимымъ обуздать пламенное усердіе педагоговъ слѣдующей нормою учебныхъ занятій.

Для дѣтей отъ 7 до 9 лѣтъ. До обѣда—2 часа занятій. Послѣ обѣда—ничего.

Для дѣтей отъ 9 до 12 лѣтъ. До обѣда 3 часа. Послѣ обѣда—ничего.

Отъ 12 до 15 лѣтъ. До обѣда 3 часа. Послѣ обѣда 2 часа.

Отъ 15 до 18 лѣтъ. До обѣда 4 часа. Послѣ обѣда отъ 3 до 4 часовъ.

Въ это росписаніе, способное привести въ неписанный ужасъ ревностныхъ педагоговъ, включены не только классныя занятія, но и тѣ часы, которые ученики должны употреблять на приготовленіе заданныхъ уроковъ. Такъ какъ приготовленіе уроковъ происходитъ всегда послѣ обѣда, то изъ росписанія Гейера видно, что онъ допускаетъ уроки только начиная съ 12 лѣтъ, то есть, только съ третьяго класса нашихъ гимназій. Раньше этого возраста, все учебныя занятія должны происходить исключительно въ классѣ, подъ руководствомъ самого учителя. Другой специалистъ, докторъ Шреберъ, идетъ въ этомъ отношеніи еще дальше Гейера. Онъ требуетъ, чтобы дѣти до десятилѣтняго возраста учились въ сутки не болѣе 2 часовъ, а послѣ 10 лѣтъ не болѣе трехъ часовъ. Кроме того, онъ замѣчаетъ, что ни одно дитя, какого бы возраста оно ни было, не должно сидѣть въ школѣ болѣе двухъ часовъ сряду. Но мѣтчикъ двухъ часовъ ученія, долженъ непременно и во всякомъ

слухай! следовать антракту по крайней мѣрѣ въ полчаса. Кто желаетъ подробнѣе ознакомиться съ идеями и наблюдениями Вальдбергера, Гильбома, Гейера и Шребера, тому я предлагаю прочесть въ 9, 10 и 11 номерахъ «Учителя» статьи подъ заглавіемъ: «Гигиеническія условія воспитанія».

IV.

Цѣла вышеозначенные факты лежали тихо и мирно въ брошюркахъ нѣмецкихъ и французскихъ медиковъ, до тѣхъ поръ наши журнальные и газетные мудрецы имѣли полное право не знать о ихъ существованіи. Гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, намъ добираться собственнымъ умомъ до специальныхъ изслѣдованій? — Когда эти факты перѣхали изъ французскихъ и нѣмецкихъ брошюръ въ столбцы «Учителя», тогда наши мудрецы все еще не утратили возможности игнорировать и отмалчиваться. — «Учитель» — ничто иное, какъ огромный, специально-педагогическій журналъ, въ который, по всей вѣроятности, никогда не заглядываютъ журнальные и газетные исполныи, постоянно витающіе въ эмпирахъ высшихъ политическихъ и полицейскихъ соображеній. Но теперь я переношу интересные факты на страницы «Русскаго Слова», и съ этой минуты всякое игнорированіе становится невозможнымъ и бессмысленнымъ. «Русское Слово» одарено такимъ значительнымъ количествомъ внивающихъ и печатающихъ враговъ; оно пользуется такою адюкующею и пламенной ненавистью журнальных и газетныхъ мудрецовъ; оно читается этими мудрецами такъ пристально и внимательно, что, чрезъ недѣлю послѣ выхода каждой новой книжки «Русскаго Слова», всѣ изложенныя въ ней мысли и даже всѣ отдѣльныя выраженія уже соотены, взвѣрены, взвѣшены, обнюханы, прочувствованы и приняты къ свѣдѣнію. Принимая въ расчетъ это обстоятельство, которое не можетъ подлежать сомнѣнію ни для кого изъ читателей русскихъ журналовъ и газетъ, я могу сказать въ настоящую минуту, что вопросъ о вредномъ вліяніи школы на здоровье подростающихъ поколѣній встанетъ на очередь, и что всѣ тѣ журнальные и газетные дѣятели, которые будутъ теперь, по прежнему, отвертываться и отмалчиваться отъ этого вопроса, — обнаружатъ, передъ лицомъ всей читающей публики, свое незоркое, воплѣ сознательное и во всѣхъ отношеніяхъ непростительное равнодушіе къ самымъ важнымъ и су-

публичнымъ интересамъ общества. Въ этомъ вопросѣ нѣтъ иста ни для личнаго самолюбія, ни для вражды литературныхъ или какихъ бы то ни было другихъ партій. Я-ли, другой-ли, поддержалъ и воспроизвелъ мысль «Учителя», это рѣшительно все равно; если эта мысль въ настоящее время имѣетъ практическое значеніе, то она всестороннимъ обсужденіемъ и повсемѣстнымъ распространеніемъ обязана, положительно *обязана* заняться всѣ органы русской печати. О борьбѣ противоположныхъ общественныхъ тенденцій здѣсь также не можетъ быть рѣчи. Къ чему бы вы ни предназначали людей нашихъ подростующихъ поколѣній, къ какой бы дѣятельности вы ихъ ни готовили, какія бы различныя понятія вы ни составляли себѣ о ихъ будущихъ человѣческихъ и гражданскихъ обязанностяхъ и интересахъ, — во всякомъ случаѣ, вы всѣ, консерваторы и прогрессисты, радикалы и ретрограды, должны желать одинаково сильно, чтобы эти будущіе русскіе люди были здоровыми, свѣжими и сильными людьми. Въ этомъ последнемъ пунктѣ разногласіе, кажется, невозможно и невысказуемо. Но было бы въ высшей степени смѣшно и нелѣпо надѣяться, что этотъ послѣдній пунктъ уже совершенно обезпеченъ въ настоящее время, или что онъ достанется намъ самъ собою, не требуя съ нашей стороны никакихъ трудовъ и усилій. Мы знаемъ въ какомъ положеніи находится наша педагогическая практика; мы знаемъ, какъ рѣзко противорѣчитъ она самымъ элементарнымъ началамъ гигиенической науки; мы знаемъ, какіе плоды приноситъ за границей совершенно такія же нарушенія гигиеническихъ предписаній; не трудно кажется умозаключить, что точно также плоды постоянно развиваются и ежеминутно созреваютъ у насъ на родинѣ. Скажите пожалуйста, что можете вы противопоставить этому неотразимому умозаключенію? Кажется ровно ничего, кромѣ вашего непомернаго невѣжества, вашей непробудной апатія да извѣстной и остроумной поговорки: что русскому здорово, то нѣмцу смерть. Эта поговорка состоитъ въ самомъ близкомъ родствѣ съ столь же остроумнымъ изрѣченіемъ на счетъ закидыванія нашихъ враговъ шапками, которыя, однако, оказались, какъ извѣстно, весьма неудовлетворительнымъ оружіемъ въ сравненіи съ цилиндрическими пулями и штуцерами Минье. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что первая поговорка каждый день играетъ съ нами по мелочамъ такую же скверную штуку, какую вторая поговорка сыграла съ нами гуртомъ, во время крымской

войны. Чтобы убедиться въ этомъ, стоить только обратить вниманіе на такіе факты, которые каждому извѣстны и бросаются въ глаза. Подумайте, напримѣръ, много ли вы найдете въ высшихъ и среднихъ классахъ общества молодыхъ людей, которые, уже къ двадцати-пяти годамъ, не страдали бы отъ гемороя. Это такое обыкновенное явленіе, что оно даже перестало считаться болѣзью. У насъ и даже у нашихъ медиковъ составилось убѣжденіе, что геморой есть неизбежное слѣдствіе нашего климата. Легко можетъ быть, что климатъ сѣверной и средней Россіи дѣйствительно предрасполагаетъ человѣка къ геморю; но согласитесь сами, что разсуждать о непреодолимомъ дѣйстви климата мы имѣли бы право только въ томъ случаѣ, когда бы мы, съ своей стороны, всѣмъ образомъ нашей жизни, старались бы противодѣйствовать развитію этой болѣзни. А мы что дѣлаемъ? Мы являемся самыми постоянными и добросовѣстными союзниками того вреднаго климата, на который мы ежеминутно жалуемся и очень часто клеветимъ. Мы воспитываемъ геморой всевозможными искусственными средствами; мы лечимъ его и въ нашихъ канцеляріяхъ, и дома за письменнымъ столомъ, и въ гостяхъ за пульками преферанса, и въ оперѣ, и въ балетѣ, и въ концертѣ, за высокими наслажденіями глазъ, ушей и души. Это все еще куда ни шло. Наши канцеляріи необходимы, для процвѣтанія государства и для воплощенія идеи справедливости; наши письменные столы обогащаютъ міръ великими истинами. Пулька преферанса не даетъ поводъ къ гениальнымъ комбинаціямъ и порождаетъ въ духѣ партнеровъ трепетное волненіе; опера, балетъ и концертъ представляютъ собою «нѣкоторую игру облагороженнаго вкуса». Кто способенъ предаваться такимъ возвышеннымъ мыслямъ и ощущеніямъ, тому ни почемъ идти на встрѣчу геморю, ибо тотъ способенъ стически презирать страданія брэннаго тѣла. Но наше усердіе въ воздѣлываніи гемороя этимъ не ограничивается. Мы самымъ систематическимъ образомъ вводимъ его въ наши школы; мы обрекаемъ на служеніе геморю десятилѣтнихъ мальчишекъ, которые, по своей совершенной незрѣлости, еще не способны заниматься ни воплощеніемъ идеи справедливости, ни гениальными комбинаціями преферанса, ни даже «нѣкоторою игрою облагороженнаго вкуса». Мы насильно тянемъ этихъ безответныхъ страдальцевъ туда, куда они совсѣмъ не хотятъ идти, и куда имъ совсѣмъ не слѣдуетъ идти. Потому, продѣлавши великое множество систематич-

челюсти гдуостей пады собою и нады нмнн, мы вѣстѣ съ нмнн намчаемъ жаловаться на климатъ. А когда анжюціе люди говорить нажъ, что значительная доля этого, такъ называемаго климата составляетъ дѣло нашихъ собственныхъ, неукажнихъ рукъ, и нашего собственнаго неразвитаго ума, тогда мы отмалчиваемся отъ этихъ неслестныхъ рѣчей или отвѣчаемъ на нихъ съ самодовольною улыбкой, которая, вѣроятно, также обязана своимъ происхожденіемъ нѣстному климату, что все это — нѣмецкія теоріи, не имѣющія для нашей русской жизни никакаго практическаго значенія. — Мы можемъ взять еще другой примѣръ: поговорите съ любымъ психіатромъ, и вы услышите отъ него, что количество людей, лишающихся разсудка, съ каждымъ годомъ быстро увеличивается, какъ въ западной Европѣ, такъ и въ тѣхъ мѣстахъ Россіи, гдѣ существуютъ по этому предмету какія нибудь статистическія наблюденія. Это увеличеніе оказывается, по своей быстротѣ, совершенно несоразмѣрнымъ съ ежегодною приблѣью народонаселенія. Возрастающая цифра ежегодныхъ самоубійствъ наводитъ насъ также на довольно поучительныя размышленія о крайней неудовлетворительности общественнаго здоровья. Многіе медики сильно сомнѣваются въ томъ, чтобы вполнѣ здоровый человѣкъ могъ побѣдить въ себѣ чувство самосохраненія. Конечно, было бы въ высшей степени несправедливо и нелѣпо сваливать на школу всю вину этихъ печальныхъ проявленій физической дряблости. Самая значительная доля отвѣтственности падаетъ, разумѣется, на жизнь, которая идетъ за предѣлами школы. Собственно говоря, даже вся отвѣтственность должна обрушиться на эту жизнь, потому что школа составляетъ ея пассивный продуктъ; школа не имѣетъ безъ нея никакаго самостоятельнаго значенія, и школа, во всякую данную минуту, можетъ быть совершенно обновлена и переформирована во всѣхъ своихъ частяхъ благотворнымъ вліяніемъ развивающейся жизни. Но, какъ пассивный продуктъ, созданный и сръпленный дѣйствіемъ извѣстныхъ житейскихъ обстоятельствъ, школа все-таки, изъ году въ годъ, вноситъ свою, во все не ничтожную лепту въ общую сокровищницу физическаго и умственнаго расслабленія; кости, мускулы и нервы, высота роста и физическая сила, красота и живучесть, смѣлость и веселость, умъ и характеръ — все это съезжвается, вянетъ, линяетъ и искажается отъ мертвящаго, притупляющаго, обезцвѣчивающаго и обезсиляющаго прикосновенія тѣнерешней школы. И что же даетъ намъ

школа взаимно́й ве́сьхъ эти́хъ тяжелы́хъ утратъ? — Обши́рыя зна́нія? Широ́кое умственное разви́тіе? — Да гдѣ-жъ она, наша широ́кая и си́льная умственная дѣятельность? Покажите ее: вѣдь это не та́кая незамѣтная вещьца, которую надо искать днемъ съ огнемъ, если она дѣйствительно существуетъ въ данномъ обществѣ. И развѣ-жъ могутъ обши́рыя и дѣйствительно плодотворныя зна́нія уложиться въ та́комъ мозгу, котораго естественное и здоровое разви́тіе нарушено вмѣшательствомъ понукательной педагогикки? Развѣ способна къ широ́кой и упорной умственной дѣятельности́ю та́кая голова, которая сидитъ на кривомъ туловищѣ, и ежеминутно страдаетъ то приливами, то отливами крови? — Наша школа не можетъ похвалиться громкими именами тѣхъ дѣятелей, которыхъ она до сихъ поръ подарила нашему обществу; но, еслибы даже наша школа могла доказать, что изъ каждой сотни ея бывшихъ учениковъ формировалось по десяти Ньютоновъ, то весь этотъ рядъ блестящихъ именъ не могъ бы убѣдить безпристрастнаго наблюдателя въ томъ, что наше общественное воспитаніе устроено раціонально. Геній людей, подобныхъ Ньютону, рождается вмѣстѣ съ этими людьми; онъ, разумѣется, зависитъ не отъ школы, а отъ счастливаго стеченія благопріятныхъ условій эмбриологическаго развитія и самаго первоначальнаго, чисто физическаго воспитанія. Но для того, чтобы Ньютонъ дѣйствительно сдѣлался Ньютономъ, то есть, для того, чтобы онъ совершилъ въ области мысли все тѣ великіе подвиги, до которыхъ могъ возвыситься его геній, для этого ему необходимо было имѣть въ своемъ распоряженіи значительную массу времени, то есть, необходимо было прожить очень долго. Гениальность безъ долговѣчности возбуждаетъ много блестящихъ надеждъ; и вслѣдъ затѣмъ, еще больше страстныхъ сожалѣній; но она даетъ людямъ мало существенной пользы. Такіе геніи, которые, подобно Паскалю и Биша, умираютъ въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, не могутъ сдѣлаться великими преобразователями ни въ области зна́нія, ни въ области общественной жизни. Если же мы зададимъ себѣ вопросъ: каки́мъ образомъ дѣйствуетъ школа на долговѣчность своихъ питомцевъ? — то, разумѣется, отвѣтъ получится самый неутѣшительный. Ослабляя здоровье воспитанниковъ, школа, конечно, сокращаетъ ихъ жизнь, то есть, во первыхъ, приближаетъ минуту ихъ смерти; а во вторыхъ, заставляя ихъ тратить много времени на леченіе различныхъ благопріобрѣтенныхъ немощей, значительно уменьшаетъ

то число дней и часов, которое может быть употреблено на полезный труд или на здоровое наслаждение жизнью. Медицинская статистика до сих поръ собрала еще немного матеріаловъ, относящихся къ учебнымъ заведеніямъ; но не смотря на то, въ подирѣпленіе моихъ словъ, я могу привести изъ книги Мишеля Деви: «*Traité d'hygiène publique et privée*» слѣдующія цифры, заимствованныя этимъ извѣстнымъ гигиенистомъ изъ архивовъ политехнической школы. Въ теченіе 1850, 1851 и 1852 годовъ въ политехнической школѣ перебывало—586 воспитанниковъ.—Изъ этого общаго числа лечилось въ лазаретъ—425 человекъ, то есть, почти 72½ процента. — А нездоровыми чувствовали себя, въ продолженіе этихъ трехъ лѣтъ, не имѣя надобности лечиться въ лазаретъ—650 человекъ, то есть, 111 процентовъ; или другими словами, всѣ 586 воспитанниковъ прихворнули слегка по одному разу, а человекъ 60 изъ нихъ даже по два раза. — Умершихъ въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ оказалось трое. «Такъ какъ гигиеническія условія соблюдены въ политехнической школѣ превосходно, прибавляетъ Деви, то эти результаты выражаютъ собою только: во 1-хъ, вліяніе индивидуальных особенностей тѣлосложенія у молодыхъ людей, слабыхъ отъ природы или разстроившихъ свои силы предварительными работами; и во 2-хъ, вліяніе школьныхъ занятій.» (*Traité d'hygiène*. Tome II. p. 874). Если школьныя занятія дѣйствуютъ такъ сильно даже на взрослыхъ студентовъ политехнической школы, то не трудно понять, что эти занятія должны дѣйствовать еще гораздо разрушительнѣе на дѣтей, которымъ воздухъ и движеніе необходимы для здоровья и для полнаго развитія физическихъ силъ.

У.

Съ одной стороны, гигиена запрещаетъ школѣ обременять дѣтей непосильными учебными занятіями; съ другой стороны, общество совершенно справедливо требуетъ отъ школы, чтобы она выпускала въ жизнь не олуховъ, а образованныхъ и развитыхъ людей, способныхъ и желающихъ сдѣлаться полезными работниками. Школа, разумѣется, обязана мирить требованія общества съ предписаніями гигиены; это—задача очень трудная; но нѣтъ нисколько основанія считать эту задачу не исполнимую. До сихъ поръ, школа ду-

мала только о томъ, чтобы угодить обществу; и въ слѣдствіе этого, общество было постоянно недовольтю школою, которая, увлекаясь порывами своего усердія, постоянно выпускала въ жизнь вальхъ и дряблхъ людей, лишенныхъ всякой энергіи и провиннутыхъ глубокимъ отвращеніемъ къ полезному труду. Видя безуспѣшность ея усилій, общество дѣлало школѣ строжайшій выговоръ; озадаченная этимъ выговоромъ школа удваивала свои губительныя старанія, и, разумѣется, результатъ оказывался вдвое хуже прежняго, по той простой причинѣ, что гигиеническая сторона воспитательнаго дѣла тѣмъ сильнѣе и рѣшительнѣе отгѣснялась на задній планъ, чѣмъ напряженнѣе становились добросовѣтныя усилія заблуждающихся педагоговъ. Этотъ рядъ неудачъ, возраставшихъ вмѣстѣ съ усиліями, доказалъ наконецъ тѣмъ людямъ, которые способны чему нибудь научиться изъ опыта, что задача воспитанія не допускаетъ одностороннихъ рѣшеній, и что ученикъ, въ которомъ школа старается развить умственныя способности въ ущербъ физическому здоровью, оказывается, обыкновенно, не только болѣзненнымъ человекомъ, но еще, кромѣ того, очень плохимъ мыслителемъ. Въ теоріи, между современными педагогами не существуетъ уже разногласія насчетъ того пункта, что гигиеническая точка зрѣнія имѣетъ преобладающую важность въ дѣлѣ воспитанія. Но, когда дѣло доходитъ до примѣненія теоретическихъ началъ къ жизни, тогда начинаются еженинутныя отступленія отъ гигиеническихъ правилъ, отступленія, которыя или извиняются существующими потребностями общества, данными обстоятельствами мѣста и времени, или даже ничѣмъ не извиняются, потому что гигиеническая точка зрѣнія обыкновенно забывается тотчасъ послѣ того, какъ ея существенная необходимость оказалась прилично оговоренною въ теоретическомъ вступленіи. Эти нерѣшительныя отношенія педагогика къ гигиенѣ, и вообще практической рутинны къ разумной теоріи, кладутъ свою печать на все устройство современной школы. Слѣды этихъ нерѣшительныхъ отношеній можно найти въ новомъ уставѣ гимназій и прогимназій. Такъ, на примѣръ, обязанности гимназическаго врача опредѣляются слѣдующимъ образомъ въ § 36 этого устава. «Обязанности врача, кромѣ пользованія воспитанниковъ и постоянной заботливости объ ихъ здоровьи, заключаются въ наблюденіи: а) чтобы въ гимназію и прогимназію не поступали воспитанники, имѣющіе тѣлесныя недостатки или болѣзни, препятствующіе вступленію въ общественное

заведеніе; б) чтобы въ помѣщеніи учебнаго заведенія и въ распре-
дѣленіи времени занятій воспитанниковъ соблюдались по возможно-
сти гигиеническія условія, и в) чтобы упражненія воспитанниковъ
въ гимнастикѣ соображались съ требованіями правльнаго развитія
и укрѣпленія физическихъ силъ юношества. Врачъ обязанъ замѣча-
нія свои по снмъ предметамъ представлять начальству учебнаго за-
веденія и предьявлять оныя педагогическому совѣту для обсужденія
и внесенія въ протоколъ его засѣданій:» — Этотъ параграфъ имѣетъ,
очевидно, чисто-теоретическое значеніе, подобно всѣмъ остальнымъ
статьямъ закона, опредѣляющимъ обязанности различныхъ должно-
стныхъ лицъ. Чтобы оцѣнить практическую силу подобныхъ статей,
надо посмотрѣть на сколько и какимъ образомъ онѣ приводятся въ
исполненіе. Хорошо или дурно гимназическіе врачи будутъ испол-
нять свои обязанности—этого, разумѣется, никто не можетъ знать
заранѣе; это такой вопросъ, котораго рѣшеніе всегда будетъ зави-
сѣть въ очень значительной степени отъ личныхъ особенностей то-
го или другаго врача; но, совершенно оставляя въ сторонѣ личные
особенности будущихъ исполнителей, мы, на основаніи текста са-
маго устава, можемъ высказать то предположеніе, что § 36 врядъ
ли гдѣ нибудь и когда нибудь будетъ исполняться совершенно удо-
влетворительно. Мы заглядываемъ въ штаты гимназій и прогимназій
и находимъ тамъ, что врачу полагается 300 рублей годового со-
держанія. Эта цифра доказываетъ очевидно, что законъ обязываетъ
гимназическаго врача заниматься постороннею практикою, и изъ этой
практики извлекать себѣ самую значительную часть своего годового
дохода. Можно сказать навѣрное, что порядочный медикъ, живущій
въ столицѣ или въ губернскомъ городѣ, захочетъ получать къ годѣ,
по меньшей мѣрѣ—1500 рублей. Слѣдовательно, къ 300 рублямъ,
получаемымъ изъ гимназій, ему придется еще присоединить 1200
рублей изъ различныхъ постороннихъ источниковъ; а чтобы зара-
ботать эти 1200 рублей практикою, ему надо будетъ, въ теченіе
года, сдѣлать не менѣе 400 визитовъ. Кромѣ того, порядочный ме-
дикъ, если желаетъ оставаться порядочнымъ медикомъ, долженъ не-
премѣнно употреблять очень много времени на серьезное чтеніе
для того, чтобы постоянно слѣдить за быстрыми успѣхами различ-
ныхъ медицинскихъ наукъ. При такихъ условіяхъ, гимназическій
врачъ, живущій на рукахъ значительную городскую практику, бу-
детъ, разумѣется, заглядывать въ гимназію въ видѣ любезнаго го-

сти, и *постоянная заботливость* о здоровьи воспитанниковъ, которую вѣнчаетъ ему въ обязанность буква устава, будетъ существовать только на бумагѣ. При такихъ условіяхъ, врачъ, конечно, не сдѣлается регуляторомъ всей внутренней жизни учебнаго заведенія; врачъ останется тѣмъ, чѣмъ онъ былъ до сихъ поръ: онъ будетъ щупать пульсы, осматривать бѣлые языки и прописывать микстуры и промывательныя; собственно гигиеническое его значеніе едва ли можетъ сдѣлаться полнымъ; намекъ на это послѣднее обстоятельство мы видимъ даже въ томъ самомъ 36-мъ параграфѣ, который опредѣляетъ обязанности врача. Мы читаемъ въ этомъ параграфѣ: «б) чтобы въ помѣщеніи учебнаго заведенія и въ распредѣленіи времени занятій воспитанниковъ соблюдались по возможности гигиеническія условія».

Слова *по возможности* составляютъ чрезвычайно сильное и выразительное ограниченіе. Законъ не знаетъ и не допускаетъ такихъ ограниченій въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ признаетъ необходимымъ то или другое распоряженіе. Законъ не говоритъ, наприимѣръ, что виновные въ такомъ то проступкѣ сажаются *по возможности* подъ арестъ; онъ просто приказываетъ сажать ихъ подъ арестъ непременно, потому что тутъ не можетъ быть и не предполагается никакихъ невозможностей; значитъ, если въ дѣлѣ гигиеническихъ соображеній употреблена оговорка «*по возможности*», то ее слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что гигиеническая точка зрѣнія считается умѣстной только тогда, когда она не противорѣчитъ педагогическимъ, или хозяйственнымъ, или вообще какимъ нибудь другимъ, высшимъ и болѣе важнымъ расчетамъ. Эта ограничительная оговорка даетъ директору гимназіи вѣрнѣйшее средство довести врача до молчанія всякій разъ, какъ только замѣчанія врача покажутся ему почему нибудь неприятными или неумѣстными. Врачъ говоритъ директору: въ такомъ то дортуарѣ несоблюдены гигиеническія условія. — Илюстинный государь, отвѣчаетъ ему директоръ, они соблюдены *по возможности*. Стало быть, по закону мы съ вами оба правы: вы правы потому, что замѣтили существующій недостатокъ, а я потому, что соблюдаю гигиеническія условія... не вполнѣ, но *по возможности*. Въ *распредѣленіи времени занятій воспитанниковъ* врачъ, по всей вѣроятности, совсѣмъ не будетъ вѣшиваться. Если этотъ врачъ одаренъ кротостью нрава и придерживается похвальнаго правила: отъ дѣла не бѣгай, а дѣла не дѣлай, то онъ будетъ огра-

начиваться смотрѣніемъ бѣлыхъ языковъ во возбужденіе всякихъ неприятныхъ столбцовъ съ педагогическими властями. Если же онъ действительно знаетъ и любитъ свое дѣло, то онъ также не будетъ ни во что вмѣшиваться, потому что увидитъ тотчасъ свое совершенное безсиліе. Онъ увидитъ, что уроковъ слишкомъ много, что число ихъ неприкосновенно, не только для него, но даже и для директора, и что, слѣдовательно, какъ ихъ ни распредѣляй, а все-таки будетъ чересчуръ много, и правила гигиены все-таки окажутся нарушенными. Размысливъ такимъ образомъ, несчастный врачъ вздохнетъ, пожметъ плечами и поневолѣ примется каждый день чинить аптечными снадобьями молодые организмы, которые каждый день будутъ скрипѣть и расшатываться. Вліяніе врача на гимнастическія упражненія воспитанниковъ, конечно, могло бы принести очень много пользы, если бы врачъ былъ въ состояніи изучить вниматель-но индивидуальную организацію каждаго отдѣльнаго воспитанника, и если бы онъ имѣлъ возможность присутствовать каждый день при гимнастическихъ упражненіяхъ. Тогда врачъ назначилъ бы каждому воспитаннику такой комплектъ гимнастическихъ движеній, который совершенно соответствовалъ бы его тѣлосложенію и въ должныхъ размѣрахъ упражнялъ и развивалъ бы его силы по всѣмъ направленіямъ. Тогда врачъ могъ бы подмѣтить въ самомъ зародышѣ всякую ненормальность тѣлосложенія и могъ бы совершенно успѣшно противодѣйствовать развитію этой ненормальности цѣлесообразнымъ устройствомъ гимнастическихъ упражненій. Но, такъ какъ врачу, очевидно, некогда будетъ заниматься специальнымъ изученіемъ гимназистовъ, то, разумѣется, его вліяніе на гимнастику ограничится тѣмъ, что онъ посоветуетъ въ общихъ выраженіяхъ учителю этого предмета избѣгать такихъ движеній, при которыхъ воспитанники могутъ переломать себѣ руки и ноги или свихнуть себѣ шею. Кроме того, гимнастика не можетъ имѣть серьезнаго вліянія на здоровье воспитанниковъ уже и потому, что она не обязательна. Въ § 49 присоединено въ уставѣ слѣдующее примѣчаніе: «къ числу учебныхъ предметовъ принадлежатъ также пѣніе и гимнастика для желающихъ».

Гимнастика поставлена такимъ образомъ на одну доску съ дѣніемъ, которое предполагаетъ въ учащемся присутствіе особеннаго таланта, которое не можетъ имѣть никакого серьезнаго гигиеническаго значенія, и которое, слѣдовательно никакъ не можетъ считаться необходимымъ для всѣхъ. Приведенное мною примѣчаніе позво-

ляеть уклоняться отъ гимнастики всѣмъ тѣмъ воспитанникамъ, которые, обладая флегматическимъ тѣлосложеніемъ, чувствуютъ расколосженіе въ сядячей жизни и непремѣнно превратится въ 25 лѣтнему возрасту въ Обломовыхъ, если только рациональное физическое воспитаніе не будетъ сильно и постоянно противодействовать развитію ихъ квіетистическихъ наклонностей. Мы видимъ такимъ образомъ, что въ теоріи новый уставъ выражаетъ очень строгія гигиеническія требованія, но что, въ практическихъ подробностяхъ того же устава, гигиена, по прежнему, занимаетъ очень скромное мѣсто. Къ тому же самому заключенію приводятъ насъ исторія новаго устава изложенная довольно подробно въ прошлагодной декабрьской книгѣ «журнала министерства Народнаго Просвѣщенія».

Уставъ выработывался специалистами педагогическаго дѣла въ продолженіе *восьми* лѣтъ; онъ прошелъ черезъ *четыре* редакціи; каждая изъ этихъ редакцій печаталась и подвергалась самому разностороннему обсужденію, какъ въ педагогическихъ совѣтахъ, такъ и въ періодической литературѣ; вторая редація была переведена на англійскій, французскій и нѣмецкій языки и отправлена за границу на разсмотрѣніе извѣстнѣйшимъ иностраннымъ педагогамъ и ученымъ. Всѣ замѣчанія, полученныя министерствомъ какъ отъ нашихъ, такъ и отъ заграничныхъ педагоговъ, были собраны и изданы въ нѣсколькихъ объемистыхъ сборникахъ. Одинъ изъ этихъ сборниковъ былъ разосланъ «въ учебныя заведенія и въ разнымъ лицамъ» въ числѣ 2,200 экземпляровъ, другой—въ числѣ 658 экземпляровъ; третій—въ числѣ 1,912 экземпляровъ; четвертый—въ числѣ 1,943 экземпляровъ. Министерство очевидно не жалѣло ни времени, ни денегъ, ни трудовъ на то, чтобы довести провѣтъ устава до возможной степени зрѣлости и всесторонняго совершенства. Мы не можемъ отказать гг. составителямъ устава въ глубокомъ уваженіи къ добросовѣстности и неутомимости ихъ усилій; но мы не можемъ также не отиѣтить того факта, который бросается въ глаза безпристрастному наблюдателю: въ составленіи новаго устава не участвовала и не имѣла даже совѣщательнаго голоса наука о физической природѣ и о нормальныхъ потребностяхъ человѣческаго организма. Составителями и судьями министерскихъ проектовъ были преимущественно и почти исключительно педагоги, то есть, такіе дѣятели, новорые, превосходно умѣя водворять и поддерживать въ учебныхъ заведеніяхъ благонравіе и прилежаніе учащихся, въ тоже время обладаютъ очень

недостаточными свѣдѣніями касательно тѣхъ условій, при которыхъ сохраняется и укрѣпляется человеческое здоровье. Прозвѣты не посылались на разсмотрѣніе анатомамъ, медикамъ и гигиенистамъ, и отсутствіе ихъ вліянія даетъ себя чувствовать во всѣхъ частяхъ и подробностяхъ новаго устава. «У насъ же, говоритъ, журналъ министерства Народнаго Просвѣщенія,» «нѣзвичное развитіе учащихся до сихъ поръ было въ полномъ пренебреженіи.» (1864 декабрь. стр. 44). Съ этой мыслью я совершенно согласенъ; но я рѣшительно не понимаю, какимъ образомъ новый уставъ можетъ произвести въ этомъ отношеніи какую нибудь существенную перемену?

VI.

Въ реальныхъ гимназіяхъ новый уставъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ число еженедѣльныхъ уроковъ.

П Р Е Д М Е Т Ы .	К л а с с ы .							Всего недѣльн. уроковъ по часу съ $\frac{1}{4}$ на кажды.
	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	
Заповѣдь Божій	2	2	2	2	2	2	2	14
Русскій языкъ съ церковно-славянскимъ и словесность	4	4	4	4	3	3	3	25
Французскій языкъ	3	3	3	4	3	3	3	22
Нѣмецкій языкъ	3	3	3	3	4	4	4	24
Математика	3	4	4	4	4	3	3	25
Исторія	—	—	2	3	3	3	3	14
Географія	2	2	2	2	—	—	—	8
Естественная исторія и химія	3	3	3	3	3	4	4	23
Физика и космографія	—	—	—	—	3	3	3	9
Чистописаніе, рисованіе и черченіе	4	4	4	2	2	2	2	20
Итого	24	25	27	27	27	27	27	184

Замѣчаніе «Учителя» на счетъ того, что педагоги, составляя росписанія учебныхъ занятій, руководствуются началомъ симметріи, — очевидно, совершенно непримѣнимо къ приведенной мною таблицѣ новаго устава. Симметрія нарушена въ двухъ отношеніяхъ: во первыхъ, число уроковъ въ различныхъ классахъ не одинаково, а во вторыхъ, во всѣхъ классахъ, кромѣ перваго, положено въ недѣлю такое число уроковъ, которое не дѣлится на цифру дней, то есть, на шесть. Вслѣдствіе этого, у воспитанниковъ втораго класса на пять дней въ недѣлѣ приходится по четыре урока, а на шестой день — пять уроковъ; у остальныхъ же пяти классовъ, начиная съ третьяго, приходится на три дня по четыре урока, и на три дня

не яти. Но, отступая такимъ образомъ отъ безплодной симметріи прежнихъ расписаній, новый уставъ нисколько не приближается къ требованіямъ гігіены.—Въ первомъ классѣ, десятилѣтніе мальчики должны будутъ учиться по пяти часовъ въ день, не считая того времени, которое имъ придется употреблять на выучиваніе заданныхъ уроковъ и на разныя письменныя работы.—Во второмъ классѣ, одиннадцатилѣтніе мальчики должны будутъ, одинъ разъ въ недѣлю, просиживать за ученіемъ шесть часовъ съ четвертью. Начиная съ третьяго класса, то есть, для двѣнадцатилѣтнихъ мальчиковъ, эти сеансы въ шесть часовъ съ четвертью будутъ повторяться уже по три раза въ недѣлю. Посмотримъ, на сколько расходятся между собою, съ одной стороны, предписанія новаго устава, а съ другой стороны, гігіеническія требованія доктора Гейера.

По уставу, ученики I класса будутъ учиться въ недѣлю 30 часовъ.

По Гейеру, они должны учиться 3 часа въ день, то есть въ недѣлю 18 часовъ. Разница 12 часовъ.

По уставу, ученики II класса будутъ учиться въ недѣлю $31\frac{1}{4}$ часовъ.

По Гейеру, они должны учиться въ недѣлю 18 часовъ. Разница $13\frac{1}{4}$ часовъ.

По уставу, ученики III класса будутъ учиться въ недѣлю $33\frac{3}{4}$ часа.

По Гейеру, они должны учиться въ недѣлю 18 часовъ. Разница $15\frac{3}{4}$ часа.

По уставу, ученики IV класса будутъ учиться въ недѣлю $33\frac{3}{4}$ часа.

По Гейеру, они должны учиться въ недѣлю 18 часовъ. Разница $15\frac{3}{4}$ часа.

По уставу, ученики V класса будутъ учиться въ недѣлю $33\frac{3}{4}$ часа.

По Гейеру, они должны учиться въ недѣлю 18 часовъ. Разница $15\frac{3}{4}$ часа.

По уставу, ученики VI класса будутъ учиться въ недѣлю $33\frac{3}{4}$ часа.

По Гейеру, они должны учиться въ недѣлю 24 часа. Разница. $9\frac{3}{4}$ часа.

По уставу, ученики VII класса будут учиться въ недѣлю 33 $\frac{3}{4}$ часа.

По Гейеру, они должны учиться въ недѣлю 24 часа. Разница 9 $\frac{3}{4}$ часа.

Складываю всё разницы и получаю:

$$12 + 13 \frac{1}{4} + 15 \frac{3}{4} + 15 \frac{3}{4} + 15 \frac{3}{4} + 9 \frac{3}{4} + 9 \frac{3}{4} = 92$$

То есть, уставъ и Гейеръ расходятся между собою на 92 часа. Уставъ требуетъ для осуществленія своей программы по 230 часовъ въ недѣлю, а Гейеръ отпускаетъ на классныя занятія только 138 часовъ въ недѣлю. Читателю можетъ показаться страннымъ, что числа 18 повторятся у Гейера, начиная отъ I класса и кончая V-ымъ, и что, такимъ образомъ, десятилѣтніе дѣти уравниваются съ пятнадцатилѣтними отроками. Я напоминаю читателю, что это уравниваніе относится только къ класснымъ занятіямъ, то есть, къ ученію до обѣда. Для десятилѣтнихъ и одиннадцатилѣтнихъ дѣтей, Гейеръ не допускаетъ никакихъ занятій внѣ класса; а начиная съ двѣнадцати лѣтъ, онъ отводитъ имъ послѣ обѣда по два часа на приготовленіе заданныхъ уроковъ. Это обстоятельство составляетъ замѣтную раздѣлительную черту между учениками первыхъ двухъ классовъ и трехъ слѣдующихъ. Такъ какъ я разбираю разницу между уставомъ и Гейеромъ, а не между нашею педагогическою практикою и Гейеромъ, то я допустилъ для первыхъ двухъ классовъ то предположеніе, что преподаватели не задаютъ ни какихъ уроковъ. Если бы не было этого предположенія, то, разумѣется, разница вышла бы еще гораздо значительнѣе. Однако и теперь, какъ же намъ управиться съ разницею въ 92 часа? Есть ли возможность соблюсти требованія гигиены, и, въ тоже время, выпустить изъ гимназій дѣльныхъ и развитыхъ молодыхъ людей? Я полагаю, что возможность есть; но, разумѣется, нечего и думать о томъ, чтобы въ 138 часовъ сдѣлать точь-въ-точь ту работу, на которую положено по уставу 230 часовъ. Если держаться той основной программы, которую даетъ уставъ, тогда, конечно, надо будетъ плевать на Гейера и на всю его гигиену; до сихъ поръ мы такъ и дѣлали, и нельзя сказать, чтобы такой смѣлый образъ дѣйствій доставлялъ намъ, въ какомъ бы то ни было отношеніи, особенно большія выгоды и удобства. Такимъ образомъ, мы видимъ, что основная программа должна быть измѣнена, не во имя чьихъ нибудь вѣчныхъ предубѣжденій въ пользу классицизма или реализ-

ма, а просто во имя нашей общей и единодушной заботливости о здоровьи учащихся поколѣній.—Измѣнить основную программу можно двоякимъ образомъ. Во первыхъ, можно оставить неприкосновенными всѣ учебные предметы, но проходить каждый изъ нихъ въ сокращенномъ объемѣ. Во вторыхъ, можно совершенно выкинуть нѣсколько учебныхъ предметовъ. Второй методъ, по моему мнѣнію, во всѣхъ отношеніяхъ лучше перваго. Гимназическій курсъ и безъ того уже даетъ намъ только жалкіе остовы многихъ разнородныхъ предметовъ. Мы дотрогиваемся въ гимназій слегка до всего и не звучимъ основательно ровно ничего. Новый уставъ направленъ именно противъ этого недостатка нашего гимназическаго образованія; но мнѣ кажется, что онъ, съ большою пользою для дѣла, могъ бы пойти въ этомъ направленіи гораздо дальше. Система сокращенія и упрощенія курсовъ нигуда не годится. Если мы изъ краткихъ гимназическихъ учебниковъ составимъ учебники еще болѣе краткіе, то, разумеется, въ этихъ жалкихъ эстрактахъ не останется уже рѣшительно никакой образовательной силы. Надо, напротивъ того, сосредоточить вниманіе учениковъ на самомъ незначительномъ числѣ предметовъ и сдѣлать преподаваніе этихъ немногихъ предметовъ на столько глубокимъ и основательнымъ, насколько это возможно безъ нарушенія гигиеническихъ условій. Какъ это сдѣлать? спрашиваетъ любопытный и недоувѣрчивый читатель. Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, я представляю слѣдующую таблицу еженедѣльныхъ уроковъ.

К Л А С С Ы.

Предметы	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	Всего недѣльныхъ уроковъ по часу на каждый.
Законъ Божій	2	2	2	2	2	2	2	14
Математика	6	6	6	6	6	6	6	42
Русскій языкъ	4	4	4	4	4	6	6	32
Французскій языкъ	2	2	2	3	2	2	2	15
Нѣмецкій языкъ	2	2	2	3	2	2	2	15
Числосчисленіе	2	2	2	—	—	—	—	6
Физика и космографія	—	—	—	—	2	6	6	14
Итого	18	18	18	18	18	24	24	133

Эта таблица требуетъ, конечно, очень многихъ комментаріевъ.—Преподаваніе закона Божія, какъ предмета совершенно неприкосновеннаго, оставлено въ томъ самомъ объемѣ, въ какомъ оно опредѣлено уставомъ. Преподаваніе математики усилено на 17 уроковъ, преподаваніе

даванію русскаго языка на 7 уроковъ, и преподаванію оежки и космографіи на 5 уроковъ. За то французскій и нѣмецкій языки ослаблены, первый на 7, а второй на 9 уроковъ. Чистописаніе, которое по уставу соединяется съ рисованіемъ и черченіемъ, сведено съ 20 уроковъ на 6, при чемъ, разумѣется, рисованіе и черченіе откинуты прочь. Наконецъ,—о ужась, о позоръ!—четыре предмета подвергнуты полному изгнанію. И какіе же предметы, Боже мой, какіе очаровательные предметы?! Отправлены въ изгнаніе исторія, географія, химія и естественная исторія. Такъ какъ мои мысли подвергаются очень часто различнымъ печатнымъ перетолкованіямъ и искаженіямъ, то я тотчасъ спѣшу оговориться, что исключая исторію, географію, химію и естественную исторію изъ гимназическаго курса, я вовсе не думаю подвергать сомнѣнію необходимость этихъ предметовъ въ кругу званій каждаго образованнаго человѣка. Я только твердо увѣренъ въ томъ, что ни гимназія, ни университетъ, ни какое-либо другое учебное заведеніе не могутъ и никогда не будутъ въ состояніи выпускать въ свѣтъ совершенно образованныхъ людей, то есть, такихъ людей, которымъ больше нечего было бы трудиться надъ собственнымъ развитіемъ, и пріобрѣтать новыя знанія собственными усиліями. Полное банкротство всѣхъ существующихъ системъ общественнаго воспитанія объясняется въ значительной степени тѣмъ обстоятельствомъ, что изобрѣтатели и распространители этихъ системъ желали и надѣялись рѣшить посредствомъ школы тѣ задачи, которыя могутъ быть рѣшены только посредствомъ упорной, продолжительной и сознательной работы каждой отдѣльной, уже созрѣвшей и возмужалой личности надъ своимъ собственнымъ образованіемъ. Когда школа хочетъ замѣнить челоуѣку самообразование, тогда она берется совѣтъ не за свое дѣло, и, стараясь сдѣлать для учащагося юношества черезчуръ много, не дѣлаетъ даже и того, что составляетъ ея пряную и естественную обязанность. Самообразование составляетъ необходимую и въ высшей степени законную фазу здороваго человѣческаго развитія. Школа должна стремиться не къ тому, чтобы избавить челоуѣка отъ трудовъ самообразования, а къ тому, чтобы сдѣлать эти труды возможными и плодотворными. Школа должна, во первыхъ, разбудить въ челоуѣкѣ любовательность, и во вторыхъ, развернуть и уврѣпить силы его ума настолько, чтобы челоуѣкъ, выходя изъ школы въ жизнь, могъ безъ постороннихъ руководителей искать и находить

разумное удовлетвореніе для своей пробудившейся любознательности. Если школа имѣетъ какое нибудь спеціально-практическое значеніе, то, разумѣется, она должна, кромѣ того, научить своихъ воспитанниковъ тому ремеслу, ради котораго она сама существуетъ. Науки, преподающіяся въ каждой школѣ, можно такимъ образомъ раздѣлить на два разряда: 1) науки образовательныя, и 2) науки прикладныя. Тѣ предметы, которые не входятъ ни въ тотъ, ни въ другой разрядъ, можно смѣло считать совершенно бесполезными. — Что ни химія, ни географія, ни естественная исторія, ни всеобщая исторія не могутъ сдѣлаться для гимназистовъ прикладными науками, въ этомъ, надѣюсь, не можетъ быть никакого сомнѣнія. На химію основаны, конечно, очень многія, въ высшей степени важныя отрасли заводской промышленности; но для того, чтобы приступить къ которой нибудь изъ этихъ отраслей, надо, разумѣется, знать химію всесторонне подробнѣе и основательнѣе, чѣмъ будутъ знать ее воспитанники реальныхъ гимназій. Посмотримъ теперь, можно ли приписать этимъ наукамъ образовательное значеніе, при тѣхъ условіяхъ, которыми неизбежно будетъ обставлено ихъ преподаваніе въ гимназіяхъ. На химію вмѣстѣ съ естественною исторіею положено по уставу 23 урока. Подъ именемъ естественной исторіи здѣсь подразумѣется цѣлая, обширная группа наукъ; сюда входятъ минералогія, ботаника, зоологія, анатомія и физиологія; быть можетъ, сюда придется еще присоединить геологію и палеонтологію; такимъ образомъ, гимназистамъ предстоитъ обнять, посредствомъ 23 недѣльныхъ уроковъ, шесть, а можетъ быть, и восемь громадныхъ и сложныхъ наукъ. На каждую науку приходится, въ первомъ случаѣ, не много меньше *четыре*, а во второмъ, не много меньше *три* ежедневныхъ уроковъ. Всѣ же шесть, или восемь наукъ въ своей совокупности считаются не много труднѣе французскаго, и не много легче нѣмецкаго языка; это послѣднее заключеніе вытекаетъ изъ того обстоятельства, что уставъ опредѣляетъ на изученіе французскаго 22 урока, на изученіе шести или восьми естественныхъ наукъ 23, а на изученіе нѣмецкаго 24 урока. Эта изумительная быстрота и легкость изученія составляетъ первый изъ тѣхъ подводныхъ камней, на которыхъ разобьется предполагаемое образовательное значеніе естественной исторіи и химіи. Второй подводный камень можно усмотрѣть въ томъ, что преподаваніе есте-

ственной исторіи начинается съ перваго класса. Скажите пожалуй-ста, какого рода естественную исторію можно преподавать десяти-лѣтнимъ ребятамъ? Одно изъ двухъ: или суровый учитель заставитъ ихъ зубрить классификацію, или же добродушный учитель станетъ увеселять ихъ рассказами о смысленности животныхъ, о вѣрныхъ собачкахъ, о хитрыхъ лисичкахъ и о трудолюбивыхъ пчелкахъ. Въ томъ и другомъ случаѣ, овчинки не будутъ стоить выдѣлки, т. е., образовательное вліяніе такой естественной исторіи будетъ равняться нулю, и дѣти будутъ совершенно напрасно просиживать въ классѣ ежедневно по $3\frac{3}{4}$ часа, которые они съ громадною пользою для своего здоровья и физическаго развитія могли бы истратить на гимнастическія упражненія, на бѣганіе, на прыганіе, и вообще на всякія игры, свойственныя и необходимыя ихъ возрасту. Образовательное вліяніе всѣхъ естественныхъ наукъ состоитъ исключительно въ томъ, что онѣ укореняютъ въ человѣкѣ понятіе о вѣчныхъ и неизблемыхъ законахъ, управляющихъ всѣмъ мірозданіемъ и господствующихъ съ одинаковою силою надъ всѣми явленіями, доступными нашему изученію, начиная отъ самыхъ простыхъ и кончая самыми сложными. Это понятіе вѣчныхъ и неизблемыхъ законовъ, очевидно, можетъ имѣть интересъ и значеніе только для зрѣлаго или, по крайней мѣрѣ, для созрѣвающаго человѣка, въ умѣ котораго уже шевелются вопросы и тревожныя сомнѣнія; кому еще ни разу не случалось вглядываться и вдумываться въ явленія окружающей природы, кого никогда не волновалъ и не мучилъ нелѣпый разладъ между смысломъ естественныхъ явленій и фантастическими понятіями немыслящаго большинства, — тому еще не вачѣмъ отырывать книгу естествознанія, и для того слова *законъ* и *произволь*, *необходимость* и *личная воля*, *естественное развитіе* и *необъяснимая катастрофа* оказываются еще одинаково пустыми и безцвѣтными словами, которыя ничего не затрогиваютъ, ничему не противорѣчатъ, ни съ чѣмъ не гармонируютъ и ни на что не даютъ отвѣта. Чтобы возвыситься до понятія о *законѣ*, надо пожить хоть немного жизнью мысли и чувства, надо выдти изъ того міра непосредственныхъ ощущеній, въ которомъ прозябаютъ ребенокъ, и надо, наконецъ, серьезно и основательно познакомиться съ тѣмъ порядкомъ явленій, въ которомъ естественные законы обнаруживаются въ самой простой и элементарной формѣ. Свойства чиселъ, свойства величинъ, линій, плоскостей и тѣлъ — вотъ тѣ

естественныя явленія, на которыхъ прежде всего должны сосредото- чиваться и изощряться умственныя способности ребенка. Математика есть лучшее и даже единственное возможное введеніе къ изученію природы. Безъ геометріи и алгебры невозможно изученіе механики; безъ геометріи, алгебры и механики невозможно изученіе астрономіи; безъ геометріи, алгебры, механики и астрономіи невозможно изуче- ніе физики и физической географіи; безъ физики нельзя вѣяться за химию; безъ физики и химіи нѣтъ возможности приступить къ фи- зіологіи животныхъ и растений. Разумное и плодотворное изученіе природы возможно только при соблюденіи самой строгой постепен- ности; надо непремѣнно начинать съ самаго начала и переходить къ сложнымъ явленіямъ только тогда, когда уже вполне усвоено знаніе всѣхъ, болѣе простыхъ явленій; прыгнуть разомъ на выс- шую ступеньку естествознанія, не побывавъ предварительно на всѣхъ низшихъ, нѣтъ никакой возможности, и всякая попытка на- рушить такимъ образомъ естественный порядокъ изученія ведетъ за собою только размноженіе фразеровъ и верхоглядовъ. Поэтому тѣ люди, которымъ дорого распространеніе реальныхъ знаній въ Россіи, должны желать особенно сильно, чтобы естественная исторія вмѣстѣ съ химією была совершенно исключена изъ гимназическаго курса и чтобы изученіе математики въ гимназіяхъ было доведено именно до тѣхъ колоссальныхъ размѣровъ, которые опредѣлены для нея въ моей таблицѣ. Неумѣтность естественной исторіи въ гимназиче- скомъ курсѣ обнаруживается особенно ярко въ томъ обстоятель- ствѣ, что многія, чрезвычайно важныя подробности изъ жизни рас- теній и животныхъ совершенно умалчиваются учебниками и препо- давателями, потому что считаются неприличными и вредными для нравственности и даже для здоровья учащагося юношества. Всѣ половыя отношенія органическаго міра, всѣ факты эмбриологіи и дѣ- торожденія блистаютъ своимъ отсутствіемъ; вслѣдствіе этого въ зна- ніяхъ ученика оказывается огромный пробѣлъ, котораго онъ самъ, конечно, не можетъ не замѣтить и который, однимъ голымъ фак- томъ своего существованія, непремѣнно будетъ направлять его не- скромную любознательность именно туда, куда по соображенію пе- даогоговъ эта нескромная любознательность совсѣмъ не должна за- глядывать. Кромѣ того, что цѣлая масса фактовъ выкидывается та- кимъ образомъ вонъ изъ преподаванія, даже то, что остается на мѣ- стѣ, оказывается, во многихъ отношеніяхъ, изуродованнымъ и обез-

смысленныхъ. Известно, напримеръ, что самую рациональную классификацію животнаго царства считаетъ въ настоящее время классификація по эмбриологическимъ даннымъ; но такъ какъ эмбриологія составляетъ для гимназистовъ слишкомъ скоромное кушанье, то, разумѣется, и рациональная классификація становится невозможною. Но и это еще не все. Преподавая малолѣтнимъ ребятамъ жалкія лохмотья великой науки, учитель въ большей части случаевъ будетъ еще располагать и подрашивать эти лохмотья такъ, чтобы они дѣйствовали на чувство и на воображеніе учениковъ именно съ той стороны, съ которой желательно на нихъ подѣйствовать. То, что должно было, по буквѣ устава, быть изученіемъ природы, превратится такимъ образомъ въ шатобриановскія и ламартиновскія сахарно-сладивыя медитаціи. Образовательнаго вліянія нечего ожидать отъ этихъ медитацій, потому что, какъ бы онѣ ни были умилительны, однако можно поручиться за то, что ученики отнесутся къ нимъ недоувѣрчиво и насмѣшливо, такъ какъ обыкновенно относятся дѣти ко всякой хитрой и замысловатой мистификаціи, направляемой противъ нихъ тенденціозною педагогикою. Математика не требуетъ никакихъ цѣломудренныхъ умолчаній и не допускаетъ никакихъ благодравныхъ тенденціозностей. Эти важныя преимущества еще болѣе упрочиваютъ за математикою ту роль, которую она по своему естественному положенію въ ряду другихъ наукъ, неизбежно должна занимать въ первоначальномъ образованіи юношества. — Для естественной же исторіи подобная роль немисляма.

VII.

Если естественная исторія и химія не годятся для гимназическаго курса, то тѣмъ болѣе неумѣстны въ немъ политическая географія и всеобщая исторія. Научное значеніе политической географіи очевидно состоитъ въ изслѣдованіи той связи, которая существуетъ между землею и человѣкомъ. Научное значеніе всеобщей исторіи также очевидно состоитъ въ изслѣдованіи тѣхъ законовъ, по которымъ живутъ, развиваются и дѣйствуютъ другъ на друга идеи и учрежденія различныхъ человѣческихъ обществъ. Достаточно взглянуть внимательно на эти два опредѣленія для того, чтобы совершенно убѣдиться, до какой степени изученіе всеобщей исторіи и политической географіи не соответствуетъ ни умственнымъ силамъ, ни

предварительно приобретеннымъ знаніямъ нашихъ гимназистовъ. Преподаваніе политической географіи начинается по уставу въ первомъ классѣ и оканчивается въ четвертомъ, между тѣмъ какъ преподаваніе физики и космографіи начинается съ пятаго класса; гимназистамъ приходится, такимъ образомъ, разсматривать вѣдніе земли на челоуѣка въ то время, когда они не имѣютъ еще ни малѣйшаго понятія о различныхъ свойствахъ и особенностяхъ земли, какъ физическаго тѣла. Такъ какъ это разсматриваніе при такихъ условіяхъ совершенно невозможно, то политическая географія, преподаваемая въ гимназіяхъ, неизбежно должна превратиться и дѣйствительно всегда превращалась до сихъ поръ, или въ каталогъ государствъ, городовъ, рѣкъ, горъ и всякихъ достопримѣчательностей, или въ собраніе правоучительныхъ рассказовъ о лапландцахъ и о сѣверномъ оленѣ, о бедуинахъ и о верблюдѣ, объ англичанахъ и о паровой машинѣ. Каталогъ собственныхъ именъ и цѣрь окончателно подвергнуть опалѣ всѣми современными педагогами; къ правоучительнымъ же рассказамъ педагоги, напротивъ того, питаютъ до сихъ поръ и вѣроатно долго еще будутъ питать глубокую нѣжностъ. Въ этихъ правоучительныхъ рассказахъ дѣйствительно нѣтъ ничего особенно вреднаго; дѣтямъ не мѣшаетъ читать подобные рассказы, когда у нихъ пробуждается охота къ чтенію и когда гигиеническія соображенія не заставляютъ взрослыхъ противоудѣствовать этой пробудившейся наклонности. Но держать дѣтей въ классѣ и сидѣть передъ ними на кафедрѣ для того, чтобы рассказывать имъ, какими образомъ бедуины ѣздятъ верхомъ на верблюдахъ, значитъ превращать невинное развлеченіе въ важную и серьезную работу, которая однако, не смотря на всю торжественность обстановки, неспособна дать никакихъ важныхъ и серьезныхъ результатовъ. Когда учитель превращается въ рассказчика, тогда онъ немедленно становится безполезнымъ, потому что роль рассказчика можетъ съ величайшимъ удобствомъ играть хорошая книга, написанная яснымъ и правильнымъ языкомъ и незагроможденная мудрыми научными терминами. Обязанность учителя состоитъ совсѣмъ не въ томъ, чтобы рассказывать ученику тѣ факты, которые ученикъ долженъ запомнить, а въ томъ, чтобы постоянно укрѣплять и развивать умственныя способности ученика такими упражненіями, которыя во всякую данную минуту соотвѣтствовали бы размѣрамъ его наличныхъ силъ, и которыя съ теченіемъ времени становились бы по-

стоянно болѣе трудными и болѣе сложными. Ни въ географіи, ни въ исторіи нѣтъ мѣста для подобныхъ упражненій. Въ этихъ предметахъ, на сколько они доступны гимназистамъ, нечего понимать; въ нихъ надо рѣшительно все запоминать; поэтому работа учителя становится въ нихъ совершенно излишнею, и усвоеніе тѣхъ историческихъ и географическихъ фактовъ, которыхъ знаніе необходимо для образованнаго человѣка, можетъ быть цѣликомъ предоставлено личной и самостоятельной дѣятельности каждаго отдѣльнаго ученика. — Куда какъ все это хорошо! замѣтитъ огромное большинство моихъ читателей. Ученикъ выйдетъ изъ гимназіи и не будетъ имѣть понятія о томъ, кто былъ Наполеонъ I; онъ не будетъ знать, что Рейнъ течетъ въ Германіи; услыхавъ въ разговорѣ слово Европа, онъ будетъ спрашивать, что это за штука. На что же это въ самомъ дѣлѣ похоже! Вѣдь въ этихъ словахъ сформулировано самое сильное возраженіе, какое только можетъ быть придумано противъ моихъ размышленій о необходимости исключить изъ гимназическаго курса исторію и географію. Это возраженіе нисколько не кажется мнѣ неопровержимымъ. Я полагаю, что если молодой человѣкъ, вышедшій изъ гимназіи, чувствуетъ очень глубоко, ежеминутно и на каждомъ шагѣ, крайнюю недостаточность своихъ знаній и паразитальную незаконченность своего образованія — это не совсѣмъ пріятное ощущеніе не можетъ принести этому молодому человѣку ничего, кромѣ самой существенной пользы. Къ восемнадцатилѣтнему возрасту образованіе человѣка никакимъ образомъ не можетъ и даже не должно быть закончено; восемнадцатилѣтній юноша еще растетъ, какъ въ физическомъ, такъ и въ умственномъ отношеніи и было бы въ высшей степени не нормально и даже вредно, если бы постоянно расширяющійся и усиливающійся умъ былъ принужденъ пробавляться тою пищею, которая была имъ усвоена и удовлетворяла его потребностямъ во время одной изъ предыдущихъ фазъ его развитія. Новыя нарастающія силы требуютъ себѣ новой работы. Гимназическое образованіе, по самой сущности своего назначенія, должно быть непремѣнно неполнымъ и незаконченнымъ; эта неполнота и незаконченность нисколько не составляетъ для него недостатка, и всякія заботы объ устраненіи этихъ необходимыхъ и естественныхъ свойствъ гимназическаго образованія оказываются совершенно безплодными или даже наносятъ школѣ существенный вредъ. Если неполнота и незаконченность составляютъ нормальное

свойство гимназическаго образованія, то спрашивается теперь, что лучше для молодого человѣка, окончившаго курсъ въ гимназій: чтобы онъ ясно понималъ и глубоко чувствовалъ недостаточность своихъ знаній, или же, чтобы эта недостаточность была искусно и тщательно замаскирована отъ него самого и отъ окружающаго общества разными обмащивыми подобіями знаній? Само собою разумѣется, что первое несравненно лучше втораго, потому что человѣку всегда выгодно и полезно имѣть ясное и вѣрное понятіе о своемъ положеніи, какъ бы ни было это положеніе хорошо или дурно, утѣшительно или безотраднo. Если я бѣденъ, то нивагъ не долженъ считать себя богачемъ, потому что въ такомъ случаѣ я запутаюсь въ долгахъ и доведу себя до окончательнаго раззоренія. Если я — недоучившійся школьникъ, то отнюдь не долженъ принимать себя за образованнаго человѣка, потому что въ такомъ случаѣ я рискую успокоиться на лаврахъ моего невѣжества и сохранить при себѣ это невѣжество до конца моей жизни. Воспитанники нашихъ тенерешнихъ гимназій знаютъ, что Наполеонъ I былъ французскимъ императоромъ, что Рейнъ течетъ по Швейцаріи, по Германіи и по Голландіи, что Европою называется та часть свѣта, въ которой мы живемъ; они знаютъ кромѣ того множество другихъ собственныхъ именъ и отрывочныхъ фактовъ; они не осрамятся въ обществѣ какими нибудь поразительнымъ проявленіемъ невѣжества; но развѣ же можно, въ самомъ дѣлѣ, сказать о нихъ, что они знаютъ всеобщую исторію и политическую географію? Развѣ, въ самомъ дѣлѣ, позволительно оставаться по этимъ предметамъ на всю жизнь съ тѣми знаніями, которыхъ не могутъ сообщить даже превосходные гимназическіе учебники? А между тѣмъ именно то полужнаніе, которое спасаетъ молодого человѣка отъ полезнаго посрамленія, именно это полужнаніе, говорю я, и даетъ юношѣ возможность обходиться въ жизни безъ серьезнаго чтенія и останавливаться въ своихъ знаніяхъ и въ своемъ развитіи на той скромной ступени, на которую поставила его ферула школьнаго учителя. Напротивъ того, кто не вынетъ изъ школы даже элементарныхъ понятій о Наполеонѣ, о Рейнѣ и о Европѣ, тотъ рѣшительно не можетъ обойтись безъ чтенія; пробѣлы его образованія такъ очевидны, что они пугаютъ его и не даютъ ему покоя до тѣхъ поръ, пока онъ ихъ не наполнитъ результатами собственныхъ занятій. А для наполненія этихъ ужасныхъ пробѣловъ онъ возьмется, конечно, не за гимназическіе учебники,

а за научныя сочиненія по той простой причинѣ, что для взросло-го молодого человѣка гораздо легче и пріятнѣе прочитать десять толстыхъ томовъ серьезной книги, чѣмъ одинъ тощій томикъ учебника. Однако это оригинально! возразить мнѣ читатель. По вашему мнѣнію, задача школы состоитъ въ томъ, чтобы не давать своимъ питомцамъ знаній и чтобы подвергать этихъ питомцевъ полезнымъ, какъ вы говорите, посрамленіямъ. Тогда лучше всего совсѣмъ уничтожить всѣ школы; тогда ужъ навѣрное подрастающія поколѣнія не будутъ получать никакихъ знаній; полезное посрамленіе ихъ будетъ самое полное, и гигиена окончательно восторжествуетъ, потому что дѣти будутъ бѣгать и кувыркаться съ утра до вечера. Если бы я самъ не привелъ противъ себя этого остроумнаго возраженія, то его навѣрное измыслилъ бы противъ меня кто-нибудь изъ нашихъ остроумныхъ журналистовъ, хоть бы напримѣръ, кто-нибудь изъ атлетовъ, подвизающихся въ «Отечественныхъ Запискахъ». Я отвѣчу на это возраженіе, что школа должна давать своимъ воспитанникамъ такіа знанія, которыя она можетъ сообщить имъ въ полномъ объемѣ, которыя развиваютъ и укрѣпляютъ ихъ умы, и которыя, притомъ, воспитанникамъ было бы трудно приобрести собственными усиліями, безъ содѣйствія и руководства преподавателя. По моей программѣ школа даетъ ученикамъ основательное знаніе математики и умѣнье превосходно владѣть отечественнымъ языкомъ. Кто приобрѣлъ навыкъ обращаться легко и свободно со всевозможными алгебраическими и геометрическими выкладками и кто кромѣ того приобрѣлъ умѣнье выражать всѣ оттѣнки своихъ мыслей яснымъ и точнымъ языкомъ, тотъ можетъ смѣло взяться за какую угодно отрасль самостоятельныхъ занятій. Фактическихъ знаній у него не много, но фактическія знанія усвоятся очень легко такимъ человѣкомъ, у котораго умъ развитъ и закаленъ въ строгой школѣ математическаго образованія. Значитъ, я требую отъ школы, чтобы она давала своимъ питомцамъ *основательныя* знанія, и чтобы, оставивъ окончательно заботы о разносторонности и обширности своей программы, она направляла всѣ силы воспитанниковъ на глубокое и добросовѣстное изученіе немногихъ, но строго и рационально подобранныхъ предметовъ. Подумайте, въ самомъ дѣлѣ, давали ли наши гимназіи до сихъ поръ основательныя знанія по какому бы то ни было предмету? Нѣтъ, не давали, отвѣтитъ вамъ каждый знающій человѣкъ, и правительство отвѣчаетъ на этотъ вопросъ точно также,

потому что оно признает необходимымъ произвести въ гимназіяхъ полное преобразование.—Почему не давали?—Потому, отвѣтитъ вамъ каждый знающій человекъ, что за всёѣмъ хотѣли угоняться.—Стало быть, что же надо сдѣлать?—Надо ограничить претензіи гимназій, надо точнѣе опредѣлить ихъ назначеніе, и избавить ихъ программу отъ вредной и безплодной многосторонности.—Именно такъ разсуждаютъ наши классики, и въ основномъ принципѣ, въ области чистой отвлеченности, я съ ними совершенно согласенъ. Но когда они хватаются за древніе языки, какъ за волшебный талисманъ, тогда я рѣшительно перестаю ихъ понимать. Ихъ нѣжность къ древнимъ языкамъ, при всей своей громадности, все таки не внушаетъ имъ такой храбрости, которая побудила бы ихъ отказаться отъ русскаго языка, отъ математики, отъ физики, отъ новыхъ языковъ, отъ исторіи и отъ географіи. Всѣ эти предметы оказываются, по ихъ мнѣнію, необходимыми, и, кромѣ того, необходимы еще языки латинскій и греческій. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы избавиться отъ многопредметности, которую они сами ежеминутно проклинаятъ, наши классики своими усиліями только увеличиваютъ эту многопредметность, ведущую за собою непремѣнно безплодную трату силъ и умственную деморализацію учащейся молодежи. Кто хочетъ дѣйствительно устранить вредную многопредметность, тотъ долженъ выбрать изъ массы гимназическихъ предметовъ самыя необходимыя, и на этихъ необходимыхъ предметахъ сосредоточить все преподаваніе. Какіе же предметы самыя необходимыя? Я думаю, отвѣчать не трудно: математика и отечественный языкъ. На этихъ двухъ предметахъ и слѣдуетъ сосредоточиться. Чѣмъ меньше будетъ посторонняя прихвѣсь, тѣмъ успѣшнѣе пойдетъ умственное развитіе учащихся. Я осмѣливаюсь думать, что въ моей программѣ посторонняя прихвѣсь доведена до возможнаго minimum'a. Кромѣ того, я напомню читателю, что общій итогъ и распредѣленіе учебныхъ часовъ соответствуетъ буквально гигиеническимъ требованіямъ доктора Гейера.

VIII.

Программа моя можетъ вызвать еще нѣсколько возраженій, на которыя я постараюсь отвѣтить заранѣе.

1) Читатель можетъ изумиться и ужаснуться тому случаю,

что русская исторія исключается, повидимому, изъ гимназій, вмѣстѣ со всеобщю. Русская исторія, въ настоящее время, считается такимъ необходимымъ предметомъ, что она преподается даже въ уѣздныхъ училищахъ, и чуть ли даже не въ приходскихъ. Съ легкой руки «Московскихъ Вѣдомостей», люди, неспособные размышлять собственнымъ умомъ, усвоили себѣ даже тотъ странный предрассудокъ, будто бы преподаваніе русской исторіи можетъ имѣть важное политическое значеніе, и будто оно совершенно необходимо для поддержки и укрѣпленія нашего патриотизма. Если бы этотъ предрассудокъ не былъ результатомъ самой безотвѣтной наивности, то онъ былъ бы въ высшей степени оскорбителенъ для нашей національной чести, не говоря уже о томъ что онъ находится въ самомъ вопіющемъ разладѣ съ самыми очевидными и знаменательными фактами нашей же собственной исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, хорошъ былъ бы тотъ народъ, котораго патриотизмъ нуждался бы въ искусственномъ подогрѣваніи, и основывался бы на изученіи архивныхъ документовъ. Патриотизмъ для народа есть тоже самое, что инстинктъ самосохраненія для отдѣльной личности; человѣку свойственно любить и защищать собственное тѣло; точно также ему свойственно любить и защищать тѣхъ людей, ту землю, тотъ складъ жизни и понятій, къ которымъ онъ привыкъ и привязался съ первыхъ дней своего дѣтства. Это стремленіе любить и защищать совокупность тѣхъ предметовъ, которые составляютъ родню, — слабѣетъ и даже совершенно исчезаетъ только въ тѣхъ, сравнительно рѣдкихъ случаяхъ, когда человѣку нѣтъ никакой возможности привыкнуть и привязаться къ тому, что его окружаетъ. Эта невозможность привыкнуть и привязаться является очевидно тогда, когда сумма страданій постоянно и въ очень значительной степени превѣшиваетъ сумму пріятныхъ ощущеній. Тогда, разумѣется, вмѣсто привязанности развивается, смотря по обстоятельствамъ и по особенностямъ народнаго характера, или тупое равнодушіе, или затаенная ненависть къ даннымъ условіямъ жизни. Для рабовъ и для народовъ, притупленныхъ долговременнымъ угнетеніемъ, не существуетъ отечества и не можетъ быть патриотизма, потому что человѣкъ не можетъ любить то, что отравляетъ его жизнь ежеминутными физическими или нравственными мученіями. Впрочемъ, надо замѣтить, что природа человѣка чрезвычайно невысказательна въ этомъ отношеніи и умѣетъ помириться съ такими условіями существованія,

которыя, въ глазахъ безпристрастнаго наблюдателя, оказываются непрерывною цѣпью лишеній, неблагоприятныхъ трудовъ и тяжелыхъ страданій. Со временъ Бориса Годунова, наприимѣръ, положеніе нашихъ крестьянъ, прирѣпленныхъ къ землѣ и превращенныхъ въ собственность, было, конечно, такъ плохо, что трудно даже представить себѣ что нибудь худшее, а между тѣмъ, эти же самые крестьяне съ величайшимъ воодушевленіемъ поднимались два раза на защиту того отечества, которое такъ неудовлетворительно исполняло въ отношеніи къ нимъ свои священныя обязанности. Крестьяне ходили съ Мининымъ подъ Москву, крестьяне шли толпами въ ополченіе 1812 года; конечно, ихъ воодушевленіе поддерживалось не учебниками русской исторіи и, конечно, было бы въ высшей степени безразсудно и несправедливо ожидать, чтобы внутренніи психологическія причины этого воодушевленія утратили свою силу теперь, когда положеніе крестьянъ улучшилось во многихъ отношеніяхъ. Чѣмъ легче и вольнѣе живетъ на свѣтѣ какому нибудь народу, тѣмъ сильнѣе любитъ онъ свою родину и свои учрежденія. Единственное средство усилить патріотизмъ состоитъ въ томъ, чтобы содѣйствовать правильному, здоровому и успѣшному развитію народныхъ силъ и народной производительной дѣятельности. Школа, конечно, можетъ принести въ этомъ отношеніи, значительную долю пользы; но для этого она должна превращать своихъ воспитанниковъ въ здоровыхъ и мыслящихъ людей, а не въ говорунцовъ, почерпающихъ свой патріотизмъ изъ параграфовъ историческаго учебника. Мыслящій человекъ, выбравшій себѣ какую нибудь отрасль труда и пристрастившійся къ своей дѣятельности, любитъ свою родину особенно сильно потому, что чувствуетъ себя полезнымъ для нея и лишнимъ во всякой другой странѣ. Трудъ составляетъ самую крѣпкую и надежную связь между тѣмъ человекомъ, который трудится, и тѣмъ обществомъ, на пользу котораго направленъ этотъ трудъ. Поэтому, развивая въ своихъ воспитанникахъ рабочія силы и любовь къ труду, школа готовитъ изъ нихъ превосходныхъ патріотовъ, хотя бы даже эти патріоты не имѣли никакого понятія о томъ, кто такой былъ Рюрикъ и что такое онъ сдѣлалъ 1003 года тому назадъ. Впрочемъ, даже эта послѣдняя опасность устраняется сама собою. Я замѣтилъ уже въ самомъ началѣ этой главы, что русская исторія исключена изъ моей программы только *повидимому*. На самомъ же дѣлѣ, преподаваніе этого предмета

только соединено съ преподаваніемъ словесности, и это соединеніе въ высшей степени выгодно для обоихъ предметовъ. Когда исторія и словесность преподаются отдѣльно, тогда преподаваніе того и другого предмета рискуетъ впасть и дѣйствительно впадаетъ очень часто въ односторонность, свойственную каждому изъ этихъ двухъ предметовъ. Исторія, въ подобныхъ случаяхъ, сосредоточивается на выѣшней сторонѣ событій и, упуская изъ виду умственную жизнь народа, превращается въ перечень битвъ, осадъ, мирныхъ договоровъ и смертныхъ случаевъ; исторія словесности, въ свою очередь, переполняется или мелкими біографическими фактами, неимѣющими никакого общаго интереса, или туманными эстетическими разсужденіями, неимѣющими въ себѣ никакого осязательнаго смысла. Соединеніе обоихъ предметовъ естественнымъ образомъ предохраняетъ преподавателя отъ этихъ нелѣпыхъ и печальныхъ крайностей; въ случаѣ соединенія, преподаватель долженъ будетъ сосредоточить все свое вниманіе на тѣхъ сторонахъ и проявленіяхъ народной жизни, посредствомъ которыхъ исторія и словесность соприкасаются между собою и дѣйствуютъ другъ на друга. Изъ исторіи преподаватель принужденъ будетъ выбирать только такіе факты, которые такъ или иначе видоизмѣняли собою народную жизнь, и, вслѣдствіе этого, налагали свою печать, на словесныя и письменныя выраженія общественнаго самознанія. — Такимъ образомъ, факты внутренней жизни отгѣснять далеко на задній планъ утомительныя и безплодныя перечисленія войнъ, трактатовъ, собственныхъ именъ, личныхъ пороковъ и личныя достоинства. Съ другой стороны, изъ груди литературныхъ памятниковъ преподаватель принужденъ будетъ выбирать только такія произведенія, которыя отражаютъ себя въ умственную фазіономію своей эпохи. При такихъ условіяхъ, ниѣя постоянно въ виду историческое значеніе разбираемыхъ произведеній, преподаватель, очевидно, неможетъ удариться ни въ біографическую анекдотичность, ни въ эстетическую туманность. При такомъ методѣ преподаванія, ученики узнаютъ изъ русской исторіи немногіе важнѣйшіе моменты, но узнаютъ ихъ по сырымъ матеріаламъ, во всей ихъ типической неподраженности; изъ словесныхъ памятниковъ они прочитаютъ также только кое-что; но за то въ этихъ немногихъ памятникахъ они найдутъ ключъ къ пониманію цѣлыхъ историческихъ эпохъ. Главная же цѣль всѣхъ этихъ чтеній и историческихъ толкованій будетъ конечно заключаться въ томъ, чтобы овладѣть

вполнѣ всѣми богатствами русскаго языка. Знаніе нашего языка для насъ безусловно необходимо; мы до сихъ поръ очень сѣверно пишемъ, и со всѣмъ не умѣемъ говорить. Наше неумѣнье говорить уже чувствуется теперь въ нашихъ земляныхъ собраніяхъ и обнаружится во всей своей красотѣ въ нашихъ будущихъ гласныхъ судахъ. Гимназистамъ надо непремѣнно много читать и много писать по русски. — Вмѣсто того, чтобы читать какіе-нибудь пустяки, и описывать «восходъ солнца» или «морскую бурю», имъ, конечно, всего лучше, читать и комментировать письменно такіе памятники, которые, своею величественною историческою физиономіею, могутъ совершенно успокоить и умротворить пылкія сердца самыхъ ревностныхъ патриотовъ.

2) Второе возраженіе относится къ географіи. — Въ нашихъ теперешнихъ гимназіяхъ, разсуждаетъ читатель, мальчикъ съ десяти лѣтъ выучивается обращаться съ географическими картами. Если же онъ не будетъ учиться географіи, то легко можетъ быть, что онъ до самаго конца гимназическаго курса не увидитъ ни одной географической карты. Когда онъ примется за свое географическое самообразование, тогда это неумѣнье обращаться съ картами можетъ сдѣлаться для него серьезнымъ препятствіемъ. — При тѣхъ колоссальныхъ размѣрахъ, отвѣчу я, до которыхъ доведено въ моей программѣ преподаваніе математики, существуетъ полная возможность и даже настоятельная необходимость отвести въ этомъ преподаваніи очень видное мѣсто различнымъ практическимъ упражненіямъ. Въ числѣ этихъ упражненій должны играть довольно важную роль различныя геодезическія и топографическія операціи; ученикамъ высшихъ классовъ, начиная съ пятаго, было бы очень полезно, въ лѣтнее и въ осеннее время, заниматься подъ руководствомъ учителя математики, съемкою плановъ въ окрестностяхъ того города, въ которомъ находится гимназія. Вниманіе учителя должно здѣсь сосредоточиваться, конечно, не на красотѣ отдѣлки, а на вѣрности размѣровъ и контуровъ. Когда ученики выучатся наносить на планъ главные особенности небольшой мѣстности, тогда учителю уже не трудно будетъ объяснить имъ совершенно осязательно, какимъ образомъ наносятся на планъ цѣлыя обширныя земли и части свѣта, и какимъ образомъ на этихъ планахъ изображаются различныя мѣстныя особенности: моря, материка, острова, рѣки, озера, горы и города.

3) Третье возраженіе относится къ преподаванію новыхъ языковъ.

Читатель может замѣтить совершенно справедливо, что на них отведено слишкомъ незначительное число уроковъ. Я сознаю вполне, что число уроковъ дѣйствительно недостаточно, но мнѣ кажется, что эта недостаточность не причинитъ ученикамъ чувствительнаго вреда. Знаніе иностранныхъ языковъ необходимо каждому, кто хочетъ серьезно заниматься какою нибудь отраслью науки; въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, но извѣстно также, что знаніе иностранныхъ языковъ полезно только тогда, когда оно даетъ возможность читать иностранныя книги легко и бѣгло, *à livre ouvert*. Кому приходится отыскивать въ лексиконѣ по пятидесяти словъ на каждую страницу, тотъ, конечно, не можетъ извлечь себѣ никакой пользы изъ своихъ лингвистическихъ знаній, потому что, читая въ день по пяти или по десяти страницъ, не скоро сдѣлаешься начитаннымъ и свѣдущимъ человекомъ. О людяхъ, читающихъ такимъ образомъ иностранныя книги, говорятъ даже обыкновенно, что они совсѣмъ не знаютъ языка, не смотря на то, что они, быть можетъ, усвоили себѣ вполне всѣ грамматическія правила и даже исключенія. Гимназіи наши до сихъ поръ, давали обыкновенно, въ самыхъ лучшихъ случаяхъ, такое знаніе иностранныхъ языковъ, которое, въ практическомъ отношеніи, равняется отсутствію всякаго знанія. При выходѣ изъ гимназіи владѣютъ иностранными языками только тѣ ученики, которые выучились имъ дома, и которые уже поступили въ гимназію, умѣя говорить на этихъ языкахъ. Конечно, кто очень сильно желаетъ выучиться языку, и кто понимаетъ вполне пользу такого знанія, тотъ можетъ выучиться и въ гимназіи, но, признаюсь, я не видалъ такихъ примѣровъ, и я полагаю, что они должны быть очень рѣдки, потому что обыкновенно ясное пониманіе собственной пользы пробуждается у молодыхъ людей довольно поздно, при первыхъ серьезныхъ столкновеніяхъ съ дѣйствительною жизнью. И такъ, кто желаетъ выучиться, тотъ успѣетъ это сдѣлать и при 15 урокахъ; а кто не желаетъ, тому не помогутъ въ этомъ отношеніи лишніе 8 или 9 уроковъ. Но, такъ какъ равнодушные или нежелающіе составляютъ огромное большинство, то, разумѣется, не мѣшало бы придумать такое средство, которое влило бы въ ихъ головы практическое знаніе языковъ помимо ихъ собственнаго желанія. Мнѣ кажется, что такое средство существуетъ, но только исполнять его слѣдуетъ не въ гимназіяхъ, а въ воспитаніи ребенка до его поступления въ учебное заведеніе. Маленькіе дѣти, отъ 3 до 10

дѣтъ, съ изумительной легкостью запоминають слова и обороты рѣчи; въ этомъ возрастѣ они могутъ въ полгода, много въ годъ, выучиться говорить на иностранномъ языкѣ. Поэтому, ихъ слѣдуетъ учить языкамъ именно въ этомъ возрастѣ. Но какъ учить, когда дѣтъ средствъ нанять для ребенка французиню или нѣмку, и когда сами родители не знаютъ языковъ? Мнѣ кажется, было бы очень возможно и удобно воспользоваться, для практическаго изученія языковъ, дѣтскими садами, которые, по всей вѣроятности, будутъ размножаться у насъ довольно быстро. Въ одномъ саду пусть господствуетъ, во всѣхъ играхъ дѣтей, нѣмецкій языкъ, въ другомъ англійскій, въ третьемъ—французскій. Устроить это господство языковъ очень не трудно, если дѣтскій садъ помѣщается въ большомъ городѣ. Для этого не нужно даже никакихъ принудительныхъ мѣръ, никакихъ приказаній говорить именно на томъ, а не на другомъ языкѣ. Кто хочетъ устроить, наприимѣръ, французскій садъ, тому надо, для перваго начала, отыскать подожницу маленькихъ французиковъ, которые не знали бы никакого языка, кромѣ своего роднаго. Потомъ надо показать этимъ французикамъ нѣсколько забавныхъ игръ, въ которыхъ необходимо вести нѣкоторые разговоры. Потомъ, когда эти игры будутъ въ полномъ разгарѣ, надо открыть пріемъ русскихъ дѣтей; но открывать надо не вдругъ; принимать дѣтей надо сначала поодиначкѣ для того, чтобы русскіе не могли завести своихъ отдѣльныхъ игръ, и для того, чтобы они, поневолѣ присоединяясь къ веселой компаніи французовъ, поневолѣ выучивались господствующему языку. Плата за посѣщеніе сада будѣтъ конечно доступна даже и тѣмъ семействамъ, которые не въ состояніи нанять иностранныхъ нянекъ или гувернантокъ. Когда же дѣти выучатся говорить на томъ или другомъ иностранномъ языкѣ, тогда 15-ти гимназическихъ уроковъ въ недѣлю будетъ совершенно достаточно для того, чтобы поддержать и систематизировать ихъ лингвистическія знанія, пріобрѣтенныя практическимъ путемъ.

Д. Шисаревъ.

ЖИТЕЙСКАЯ ШКОЛА.

VIII.

На другой день утромъ Гребцовъ въ послѣдній разъ посѣтилъ знакомый невзрачный домикъ. Онъ рассчитывалъ застать сестеръ однѣхъ, но ошибся въ своемъ расчетѣ. Слухъ объ отъѣздѣ Катерины Александровны привлекъ къ невзрачному домику нѣсколькихъ болтливыхъ сосѣдокъ, и шли теперь тамъ безконечные рассказы о различныхъ поѣздкахъ, путешествіяхъ и дорогахъ, приключеніяхъ съ разными дружескими совѣтами, охами и вздохами. Досадно стало Гребцову на этихъ сосѣдокъ.

При его появленіи Катерина Александровна не могла скрыть ни удивленія, ни радости своей отъ этого неожиданнаго посѣщенія; она быстро встала и пошла на встрѣчу учителю.

— Здравствуйте, Степанъ Андреичъ,—сказала она, съ глубокой радостью взглянувъ на Гребцова и вѣжливо пожавъ его руку... Какъ вы чувствуете себя сегодня?..

— Очень сносно,—отвѣчалъ учитель спокойно, но тихо, какъ будто придумывая выраженія. Вчерашнее болѣзненное состояніе почти совершенно прошло... Я почти здоровъ...

— Выздоровливайте-же скорѣе: вамъ не годится хворать,—сказала Катерина Александровна, задумчиво и нѣжно посмотрѣвъ на него.

Съ полчаса посидѣвъ учитель въ кружкѣ болтливыхъ провинціальныхъ дамъ, рассказалъ своей обыкновенною живою, увлекательною рѣчью нѣсколько случаевъ изъ собственныхъ путешествій, но чувствовалъ, что сквозь ѣдкій юморъ его рассказовъ все-таки пробивается тяжелая грусть, правда, не за-

мѣтная для изящныхъ слушательницъ, но понятная для уѣзжающей хозяйки, которой, по убѣжденію Гребцова, меньше всѣхъ нужно бы было видѣть гнетущую его тоску.

— Очень нужно было наводить тоску и на другихъ, — думалъ Гребцовъ, сердясь на самого себя.

Взявъ онъ сигару, захватилъ спички и вышелъ въ полисадникъ. На дорожкахъ полисадника и на травѣ играли, смѣялись и кричали дѣти; въ дальнихъ вустахъ пѣли птицы, а учитель сѣлъ на скамью, закурилъ сигару, устало опустилъ голову на руки и весь отдался нахлынувшимъ на него горькимъ мыслямъ.

Думалось ему о его прошлой трудовой жизни, полной самыхъ горькихъ разочарованій въ любимѣйшихъ надеждахъ; думалось о будущемъ, также тяжеломъ, трудовомъ, полнымъ самыхъ непредвидимыхъ случайностей, а поэтому безотрадно мрачномъ...

— О чемъ вы думаете?.. спросили его...

Гребцовъ вздрогнулъ и поднялъ голову. Передъ нимъ съ письмомъ въ рукахъ стояла Катерина Александровна и съ глубокой любовью смотрѣла на учителя. При видѣ письма у Гребцова кровь бросилась въ голову. У него вдругъ явилась какая-то отчаянная надежда на то, что любимая женщина не уѣдетъ...

— Мнѣ принесли письмо, — тихо проговорила Катерина Александровна, — и я воспользовалась этимъ, чтобы хоть немного переговорить съ вами на прощаньи...

Гребцовъ тяжело вздохнулъ...

— Вы сегодня уѣзжаете? спросилъ онъ, машинально развертывая письмо...

Сегодня... Мнѣ слишкомъ тяжело было бы оставаться здѣсь...

— Правда, — сказалъ учитель...

— Я буду писать къ вамъ, — сказала въ видѣ утѣшенія Катерина Александровна...

— Нѣтъ, пожалуйста не пишите, — быстро заговорилъ учитель.

— Отчего?..

Гребцовъ поднялъ голову...

— Оттого, что я очень еще люблю васъ, — сказалъ онъ

глухо. — Катерина Александровна грустно посмотрѣла на него.

— Къ чему растравлять свѣжую рану, — угрюмо продолжалъ учитель. Придетъ время, я узнаю у Вѣры Александровны вашъ адресъ и напишу... Пойдемте въ комнаты, — прибавилъ онъ, увидѣвъ, что у молодой женщины готовы слезы брызнуть изъ глазъ.

IX.

Описываемыя въ этой главѣ происшествія происходили недѣли черезъ двѣ послѣ отъѣзда Катерины Александровны. Гребцовъ только что воротился изъ поѣздки къ своему компаньону, деревенскому учителю, Саввѣ — и вѣсть объ его благополучномъ прибытіи быстро разнеслась по всему «забытому городу». Прежде чѣмъ успѣлъ Гребцовъ снять въ своей комнатѣ фуражку и вытереть пыль и потъ съ своего лица, уже половина прекраснаго пола знала, что учитель воротился не то печаленъ, не то серъезенъ и во всякомъ случаѣ сильно похудѣлъ. Гребцовъ въ послѣднее время сильно возбудилъ общественное любопытство, во первыхъ своей таинственной исторіей съ Катериной Александровной, которой особенно интересовался прекрасный полъ, — во вторыхъ своей ссорой съ педагогами мѣстнаго училища. Теперь всѣ уже знали, что Гребцовъ удаленъ отъ должности учителя. Не зналъ объ этомъ только самъ Гребцовъ.

Результатомъ этого возбужденнаго любопытства было то, что не успѣлъ еще пріѣзжіи передѣться съ дороги, какъ къ нему ужъ направлялся съ одной стороны нѣкто лекарь Свендицкій, а съ другой нашъ знакомецъ Володька.

Гребцовъ дѣйствительно былъ и серъезенъ и печаленъ — глубокая тоска овладѣла имъ и рѣзко отпечатлѣлась на его молодомъ, выразительномъ лицѣ. Ыхалъ онъ отъ своего Саввы верхомъ, ѣхалъ тихо, и пятьдесятъ верстъ пустынной дороги, невысокіе однообразные холмы, далекія отъ всякаго жилья нивы, неподвижныя озера, окруженныя грязью, — вся эта безлюдная пустыня навѣяла на него невеселыя мысли. Молоды ли еще былъ онъ, не завалился ли еще во всякихъ непогодахъ до такой степени, чтобы съ горемъ въ пиру быть съ

веселымъ лицомъ, или еще лучше, чтобы самое горе встрѣчать какъ обыкновеннаго и неизбежнаго въ наше прекрасное время гостя, болѣзненное ли состояніе было здѣсь главной причиною, только теперь чувствовалъ себя учитель совершенно одинокимъ и невыносимо тяжело было ему сознаніе этого одиночества. Трудно рассказывать подобное невеселое состояніе, и я чувствую себя вынужденнымъ обратиться въ помощи самого читателя и попросить его припомнить: не случилось ли и съ нимъ когда нибудь такое настроеніе мысли, когда вдругъ, безъ всякой видимой причины, нападаетъ полнѣйшая безотраднѣйшая апатія, когда совершенно перемѣняется самый взглядъ на вещи, когда по поводу даже самыхъ обыкновенныхъ привычныхъ дѣйствій являются мучительные вопросы—къ чему все это творится? Изъ чего здѣсь биться? Какая радость въ достиженіи всего этого? Не вспомнить ли читатель такихъ минутъ въ своей жизни, когда самыя дорогія, завѣтныя цѣли вдругъ лишались своего привлекательнаго вида и возбуждали только апатическую улыбку или не менѣе апатическіе вопросы,—что тутъ хорошаго? стоитъ ли жить ради подобнаго будущаго?—Если читатель найдетъ въ своей прошлой жизни подобныя минуты, то онъ койметъ настроеніе Гребцова.

— И что это за глупость такая, что за ребячество, думалъ Гребцовъ, подъ вѣяніемъ своей тоски. — Откуда брались у меня эти позолоченныя юношескія мечтанія о борьбѣ, о созданіи жизни иной? Какая тутъ борьба? гдѣ она? Нѣтъ ее; а существуетъ на самомъ дѣлѣ какое то вычерпываніе дырявымъ ковшомъ цѣлаго моря и страстное желаніе вычерпать и осушить это море! И наконецъ, что я такое? Дѣятель что-ли?.. Нѣтъ не дѣятель, потому что на меня замѣтно вліяетъ та же жизнь, противъ которой я силюсь бороться... И изъ чего же тутъ послѣ этого надрываться, когда вся то эта многоактная комедія кончится тѣмъ, что обивши себѣ бова отъ разныхъ толчковъ, свалишься наконецъ какъ пласть вакой, не зная что дѣлать и куда идти дальше?

Такъ думалъ Гребцовъ, проѣзжая долгую пустынную дорогу, да это же думалъ онъ и теперь, сидя въ своей квартирѣ у окна, обращеннаго въ степь. Ставанъ съ чаемъ стоялъ на окнѣ нетронутымъ, только что закуренная папироса погасла

и упала на полъ; аппетита не было, курить не хотѣлось, мысли приходили въ высшей степени горькія и безотрадныя...

Скоро пришли Свенцицкій и Володыкинъ.

О Володыкинѣ я уже говорилъ, а о Свенцицкомъ, какъ о лицѣ, являющемся въ этой повѣсти мелькомъ, нахожу нужнымъ сказать только то, что это былъ человекъ хорошій, безукоризненно честный, но чрезвычайно мягкій, до того мягкій, что всѣ человѣческія мерзости и подлости онъ означалъ очень снисходительнымъ названіемъ глупостей и тупоумія. Было ли это слѣдствіемъ сильно развитой гуманности или просто сдержанною осторожностью, я не берусь рѣшить и прибавлю еще то, что лекарь особенно коротко не сходился въ забытомъ городѣ ни съ кѣмъ; переписку же велъ только съ братомъ, занимавшимся очень тяжелой работой въ одномъ изъ сибирскихъ рудниковъ.

— Здравствуйте, — привѣтствовалъ Гребцовъ вошедшихъ, протягивая имъ руки.

— Здравствуйте и вы — сказалъ Свенцицкій, не выпуская его руки. *Здравствуйте*, тѣмъ болѣе что теперь вы, какъ видно, не совсѣмъ здоровы... Похудѣли, блѣдны и пульсъ очень не хорошъ.

— Пустяки докторъ, отвѣтилъ учитель, — голова немного болить.

— Какъ же вы всѣ поживаете?

— По старому братъ,—отвѣчалъ Володыка, принявшійся за чай. Только у насъ и новостей бываетъ, что по твоей милости. По милости твоего отъѣзда, я дня три уже чаю не пилъ, это первая новость; а вторая животрепещущая новость состоитъ въ порѣшеніи вашей педагогической дѣятельности.

Гребцовъ пристально поглядѣлъ на Володыку.

— Разстригли, братъ, тебя — сказалъ Володыка, кивнувъ головой.

Гребцовъ посмотрѣлъ на него и за тѣмъ вопросительно перенесъ свой взглядъ на Свенцицкаго.

— Это вѣрно—повторилъ лекарь.

Гребцовъ закусилъ губы, скрестилъ на груди руки и откинулся на спиннѣ стула, продолжая смотрѣть на лекаря.

— Я слышалъ, что отъ зрителя было въ губернію письмо, въ которомъ высказывалось мнѣніе, что ваше преподава-

не может действовать на умы воспитанниковъ очень зло- вредно, — сказала Свенцицкій тихо и съ удареніями на сло- вахъ *письмо и зловредно*.

Гребцовъ всталъ и прошелся по комнатѣ.

— Прекрасно, — говорилъ онъ желчно, очень хорошо!..

— Скажите пожалуйста, — сдержанно заговорилъ онъ, оста- новившись противъ Свенцицкаго, — когда будетъ напечатана въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» ваша статья?

Свенцицкій улыбнулся.

— Вотъ она, отвѣчалъ онъ, подавая рукопись.

Рукопись была возвращена съ припиской редактора, «на- печатано быть не можетъ».

Гребцовъ положилъ на столъ рукопись и началъ ходить по комнатѣ. Видно было, что апатія его исчезла, потому что дрожанье его губъ, лихорадочный блескъ глазъ и быстрыя рѣшительныя движенія далеко нельзя было принять за выра- женія апатіи человѣка.

— Борьба слишкомъ не ровная, замѣтилъ лекаръ. Ваше положеніе можно теперь сравнить съ положеніемъ человѣка, связаннаго по рукамъ и ногамъ.

— Нѣтъ не то, — заговорилъ Гребцовъ, садясь къ столу и зажигая свѣчу. Если вы непременно хотите найти какое ни- будь сравненіе, такъ возьмите положеніе человѣка, которому подъ носомъ закрываютъ дороги, правда самыя удобныя, но не всё еще.

Лицо его и отъ боли и отъ волненія было очень блѣдно, глаза горѣли, но ударъ онъ вынесъ повидимому хладнокровно, и голосъ его былъ ровень.

— Какой же вы отыщете исходъ? спросилъ Свенцицкій.

— Тотъ, что у моихъ ребятъ я все таки останусь учите- лемъ, хоть и неофициальнымъ.

Свенцицкій посмотрѣлъ на него и покачалъ головой.

— Да кто же можетъ мѣшать мнѣ быть знакомымъ съ тѣми или другими изъ здѣшнихъ обывателей и видѣться съ ними каждый день?.. спросилъ улыбнувшись Гребцовъ.

Свенцицкій засмѣялся.

— Имѣете вы средства посвятить свое время этому заня- тію? спросилъ онъ.

— Всѣ средства имѣю.

— Въ такомъ случаѣ попробуйте...

Свенцицкій задумался на минуту.

— А славныя у васъ, Степанъ Андреичъ, есть питомцы, — сказалъ онъ потомъ. Нѣсколько дней назадъ приходилъ ко мнѣ нѣкто Игнатъевъ.

— Сила Игнатъичъ? Быстро вскричалъ Гребцовъ... Ну что же?...

— Правда ли, спрашиваетъ, что нашего учителя Степана Андреича отъ должности отставляютъ? Правда, говорю. Такъ прощайте, говорить, простите, что беспокоилъ... Нужно... А у самого губы и глаза такъ и подергиваются.

Гребцовъ улыбнулся и грустно и весело.

— Хорошій парень, сказалъ онъ задумчиво улыбаясь.

Было часовъ десять. Душный тяжелый день разыгрывался наконецъ вѣтромъ и дождемъ. Крупныя частыя капли застучали въ стекла. Въ комнатахъ раздавались только тяжелые шаги учителя, расхаживавшаго по комнатахъ съ заложеными за спину руками и опущенной головой... Апатіи не было въ немъ и слѣда, и опять съ глубокимъ интересомъ смотрѣлъ учитель въ свое темное будущее, взвѣшивалъ различныя обстоятельства и обдумывалъ свои новыя отношенія къ питомцамъ.

— Да, заговорилъ Свенцицкій, закуривъ папиросу, — я имѣлъ случай видѣть одного изъ вашихъ школьныхъ товарищей.

— Кого это?

— Недоброво.

— Недоброво? что же онъ? какъ сюда попалъ?

— Проводилъ партію ссыльныхъ въ Сибирь и просилъ меня передать вамъ поклонъ; «а кромѣ поклона передайте, говорить, Гребцову, въ какомъ положеніи вы видѣли меня и чѣмъ я теперь занимаюсь...» Что онъ за человѣкъ былъ прежде?

— Былъ человѣкъ хорошій и со свѣтлой головой, такъ что можно было ожидать отъ него много дѣльнаго.

— Большія надежды подавалъ, — пояснилъ Володька, отодвигаясь отъ стола и тоже закуривая сигару.

— Теперь онъ не подаетъ уже надеждъ никому кромѣ нашего брата лекаря, сказалъ Свенцицкій съ задумчивой улыбкой. У него лицо совершенно блѣдное, страшно исхудав-

шее, но все еще красивое; глаза впалые, блестящие и какой то глухой голосъ. Раза три я видѣлъ его мертвецки пьянаго. Можно сказать утвердительно, что прежде онъ былъ очень уменъ, потому что и теперь еще во всемъ этомъ безобразіи являются у него временами проблески удивительно сильной и самобытной мысли.

— За скорую его кончину, — угрюмо сказалъ учитель, наливая вино въ стаканы.

— Что это вы сегодня гулять вздумали? — спросилъ Свенцицкій.

— Много очень радостей видѣлъ въ послѣднее время; Робертъ Александровичъ; всѣ заразъ хочу отпраздновать..

— Зло брать, какъ вспомнишь, по поводу подобныхъ личностей, нашу школу воспитательную, — заговорилъ Гребцовъ, — вспомнишь безчисленные ночи, проведенныя за игрой, за пьянствомъ и за иными прелестями... Въ нихъ то вѣдь, въ этихъ ночахъ разгуля и заключалась та прелестная чашечка, изъ которой развернулся теперь въ Недоброво таной цвѣтокъ благоухающій. Что сотворило эту чашечку?.. Школа и мертвая наука школьная: Кто холилъ эту чашечку, орошалъ ее и росту ея способствовалъ? Воспитатели.

Гребцовъ еще выпилъ стаканъ.

— Въ первые же школьные годы этотъ Недоброво получилъ непреодолимое отвращеніе ко всей школьной мертвечинѣ. Ну и драли его, драли такъ, что мы изъ его мяса куски прутьевъ вынимали, такъ драли, что въ одинъ вечеръ онъ было платкомъ шею себѣ закрутилъ, — помѣшали; рассудилъ лучше съ лѣстницы броситься. Ну и бросился.

Свенцицкій и Володька вздрогнули.

— Затѣмъ онъ впалъ въ тихую меланхолю, а передумавши, почувствовавши все, что можетъ почувствовать терзаемый человѣкъ, началъ искать утѣшенія въ книгахъ. Книжки читать запретили. — Ну и бросился человѣкъ во всѣ тяжкія.... О, воспитатели, воспитатели! Кровь выпить отъ злости, какъ вспомнишь этихъ милыхъ людей... Точно толпятся они вокругъ каждаго изъ насъ и вопіютъ: «и я въ твоей душѣ былъ, — носъ свой туда совалъ. И я забросилъ въ тебя частичку моей глупости. И я влилъ въ кровь твою не малую

долю моей пошлости!..» Скверно! Злость забирает!. Безъ ихъ насмѣя не такіе бы мы вышли...

— Правда, тихо сказала Свенцицкій.

— Это разсужденіе первое... второе вытекаетъ изъ перваго и состоитъ въ томъ, что настоящихъ людей у насъ и не можетъ быть много, и что не всякій человѣкъ при такихъ отцахъ, воспитателяхъ, сродникахъ, пріятеляхъ и благожелателяхъ можетъ сохранить свою человѣческую натуру. Вотъ что обидно и гадко...

Володьба уронилъ сигару и широко раскрылъ глаза.

Гребцовъ замолчалъ и всталъ изъ за стола.

— Правда ваша,— тихо сказала Свенцицкій, пожимая ему руку...

Х.

Учитель, вадъясь на одного изъ своихъ лучшихъ друзей, великолѣпнаго бульдога, никогда не запиралъ двери въ свою комнату, и онъ нисколько не удивился, когда проснувшись на другой день утромъ, часовъ въ семь, услышалъ въ сосѣдней комнатѣ шелестъ перебираемой книги... Не торопясь, одѣлся Гребцовъ, умылся и затѣмъ уже отправился въ раннему гостю.

— Сила Игнатьичъ, милый человѣкъ! вскричалъ онъ увидѣвъ его.

— Съ благополучнымъ прѣвдомъ, Степанъ Андрейчъ, — степенно заговорилъ, поднимаясь изъ-за книги Сила Игнатьичъ, некрасивый, но коренастый парень лѣтъ пятнадцати съ маленькими, умными глазками и громаднѣйшей головой, остриженной въ кружокъ. Какъ ваше здоровье, Степень Андрейчъ?..

— Прекрасно, Сила Игнатьичъ, превосходно, — весело заговорилъ учитель, вѣжливо пожимая руку своего питомца. Бѣтъ хочю какъ собака, — чаю хочю тоже Богъ знаетъ какъ, — а потому подождите немного — пойду хлопотать насчетъ самовара.

И учитель въ сопровожденіи весело прыгающей собаки отправился черезъ дворъ во флигель къ хозяевамъ, а ученикъ бережно положилъ на мѣсто книгу и не торопясь началъ собирать на столъ подносы, стаканы, чайникъ и прочіе атрибуты любезнаго ему чаепитія...

— Ну, Сила Игнатьичъ, рассказывайте, что вы подѣлываете,—говорилъ учитель, возвращаясь съ кипящимъ самоваромъ.

— Да что подѣлывать, Степанъ Андреичъ,—рассказывалъ не торопясь почтенный Сила Игнатьичъ. Книжки ваши всѣ прочиталъ...

— Прекрасно...

— Да вотъ дня три что ли этакъ точно обухомъ пристукнули: Степана Андреича, говорятъ, изъ училища отставили..

— Это вѣрно,—сказалъ Гребцовъ, кивнувъ головой.

— Что жъ это такое, Степанъ Андреичъ, что же это такое будетъ, точно жалуясь и недоумѣвая, говорилъ Сила Игнатьичъ, сладкая рука.

— Ничего, ничего, все къ лучшему,—отвѣчалъ учитель по возможности спойной и сдерживая свою горечь. Я ужъ говорилъ вамъ, что въ случаѣ чего нибудь дурного стану васъ учить у себя на дому, и теперь не откажусь отъ своего обѣщанія.—Поучимся годива два, а тамъ и ступайте съ Богомъ въ гимназію и въ университетъ.—Средства будутъ.

— Мнѣ какъ-то все совѣстно, Степанъ Андреичъ,—сказалъ Сила Игнатьичъ.

— Напрасно,—задумчиво продолжалъ учитель. Живу я, какъ видите одиноко, семьи у меня нѣтъ, заботиться не о комъ,—говорилъ Гребцовъ и сильно задрожалъ при этомъ его голосъ. Всякому порядочному человѣку слѣдуетъ что нибудь дѣлать, а что мнѣ дѣлать? Только я и могу, что проложить другимъ хорошую дорогу. А что вашъ отецъ говорилъ?

— Да ему что, Степанъ Андреичъ... Только и спросилъ: что, говорить, изъ тебя этотъ учитель сдѣлать хочетъ, чиновника, что ли?..

Гребцовъ засмѣялся...

— Что же вы ему сказали?

— Такъ и сказалъ, что сперва нужно поучиться, а ужъ послѣ этого и посмотрѣть за какое дѣло сподручнѣе взяться.

— Прекрасно,—сказалъ Гребцовъ.

Учитель задумался и наступило молчаніе.

— Такъ вотъ что, Сила Игнатьичъ,—заговорилъ Гребцовъ: надо бы намъ завтра же приниматься за наши уроки. Вы уже увѣдомьте пожалуста другихъ, поговорите съ ними, да и извѣстите меня, когда вамъ будетъ удобнѣе ко мнѣ приходиться..

— Хорошо,—замѣтилъ улыбаясь Сила Игнатьичъ.

Гребцовъ сидѣлъ облокотившись на столъ и задумчиво, полугакрывъ глаза, курилъ папиросу. Тяжелую грусть разбудилъ онъ въ себѣ своими словами о семьѣ и о своемъ одиночествѣ.

Сила Игнатьичъ видѣлъ эту грусть.

— У васъ, Степанъ Андреичъ, родныхъ-то никого нѣтъ? спросилъ онъ тихо.

— Мать есть, Сила Игнатьичъ...

— Далеко?..

— Очень.

— Вы бы съѣздили какъ нибудь къ ней.. Радости то сколько было бы.

— Некогда, Сила Игнатьичъ.

— Какъ же некогда?..

— Да такъ; куда ни повернись, дѣла вездѣ пропасть. Здѣсь напримѣръ начато много дѣла, а начать можно было бы и еще больше. Въ деревню пріѣхалъ—тамъ только и нужно, что знающихъ да предприимчивыхъ людей... Кругомъ, подъ носомъ дѣла столько, что въ двѣ жизни не передѣлаешь.

— Ну, а что, какъ вамъ понравилось въ деревнѣ? спросилъ Сила Игнатьичъ...

— Плохо въ этой деревнѣ дѣла дѣлаются... Бѣдность ужасная.. А отчего? Вѣчные дѣлежи; одинъ домъ другого знать не хочетъ; бѣдному на сходкѣ нѣтъ голоса, да и обѣднѣетъ онъ, такъ его еще больше стараются ободрать. Потому, говорятъ, что бѣдный—всякому батракъ.

— Вездѣ вѣдь это,—замѣтилъ Сила Игнатьичъ.

— Ну, нѣтъ... Верстъ за сорокъ отъ этой деревни есть другая, населенная хохлами. Въ ней семейства не дѣлятся, живутъ дружно и если обѣднѣетъ кто, такъ сейчасъ же общество даетъ ему вола, лошадь, деньги. Потому, говорятъ, что если онъ обѣднѣетъ, такъ намъ же тяжело будетъ. Ну, тамъ и нѣтъ бѣдныхъ.

— Нѣтъ? вскричалъ Сила Игнатьичъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Гребцовъ и пошла лекція о междулическихъ отношеніяхъ.

Такимъ образомъ начала свое существованіе домашняя школа

Гребцова. Часовъ въ пять утра, учитель вставалъ и отправлялся черезъ городъ и мостъ, соединяющій цивилизованный «забытый городъ» съ его школами, управами, думами и судами, съ нецивилизованной, безлюдной степью, въ которой Гребцовъ любилъ пошляться утромъ часа два, взбираясь на береговья скалы, пострѣливая изъ револьвера въ чаеиъ, рассматривая попадающіеся ему незнакомые камни и вмѣстѣ съ тѣмъ обдумывая предстоящую ему вечеромъ въ его домашней школѣ лекцію. Иногда прогулка начиналась раньше, а кончалась позже. Съ ночи еще нанималъ молодой учитель у знакомаго купца лошадь и часовъ съ двухъ утра до жаркаго восточнаго полдня отправлялся верстъ за тридцать въ степь. Вообще молодой человѣкъ тепло и неподдѣльно любилъ степь, и въ ней, вдали отъ своихъ уѣздныхъ согражданъ, сотоварищей и благожелателей, вдали отъ ихъ непривлекательной жизни, сплетень, подглядываній, подслушиваній и подымавшася за тѣмъ безтолковаго вопля по поводу его задуманныхъ дѣйствій, вдали отъ всего этого свѣтлѣе и шире становились его мысли, и спокойнѣе обдумывалъ онъ здѣсь свое положеніе, планы и лекціи. Остальное время учитель посвящалъ чтенію и своему собственному ученью, продолжавшемуся часовъ до пяти вечера, а затѣмъ начинали собираться его ученики, въ числѣ пяти человѣкъ, — и поднимались въ квартирѣ учителя таковой говоръ, смѣхъ, горячіе споры, что ни одинъ премудрый педагогъ не согласился бы удостоить это собраніе названіемъ школы. Но смѣю увѣрить премудраго педагога, что трое изъ этихъ учениковъ Гребцова, недавно выдержавшіе экзаменъ на уѣзднаго учителя, полагаютъ, что эти шумныя лекціи въ нѣсколько мѣсяцевъ дали имъ столько мыслей и научныхъ знаній, сколько не пришлось бы имъ достигнуть и въ цѣлые годы офиціально-школьныхъ упражненій. Четвертый ученикъ рано умеръ, а исторію пятаго ученика, Силы Игнатьича, мнѣ хотѣлось бы разсказать когда нибудь болѣе подробно и въ особомъ очеркѣ.

XI.

Ночь, тихая, лѣтняя ночь. Тишина стоитъ въ воздухѣ невозмутимая, не повѣетъ вѣтеръ, не колыхнется пламя свѣчи,

вынесенной на улицу, не шелохнется пыль на улицахъ, не слышится ни одинъ крикъ. Полнымъ блескомъ сияютъ звѣзды, блеститъ рѣва подъ свѣтомъ мѣсяца, мрачно обозначаются по ея берегамъ утесы и бросаютъ на свѣтлую воду свои громадные, зубчатые тѣни. Черезъ отворенныя окна заглянуть мѣсяцъ въ грязную берлогу Володьки и освѣтилъ ея углы, освѣтилъ кучу сора, разбросаннаго на столѣ и пересыданнаго табачнымъ пепломъ и заигралъ лучами на разбитомъ полушторѣ.

А Володька, тоже облитый мѣсячнымъ свѣтомъ, сидѣлъ съ глазу на глазъ съ нѣкимъ почтеннымъ Макарушкой. Макарушка былъ мѣщанинъ, по призванію художникъ: поэтъ и живописецъ. Въ юности своей онъ былъ увезенъ въ Петербургъ какъ-то меценатомъ-золотопромышленникомъ, заподозрившимъ въ Макарушкѣ геній Рафаэля; года два обучался онъ тамъ благородному искусству, а затѣмъ, по случаю смерти мецената, очутился на петербургской мостовой, откуда и отправился искать пристанища въ кабакахъ и тавернахъ. Потомъ, безпокойный мечтами о родимомъ очагѣ и ведомый могучимъ путеводителемъ, голодомъ, отправился онъ пѣщечкомъ и подъ покровомъ Христова имени въ свой родной городъ, прибывши куда, узналъ о смерти своихъ родителей, попладалъ и скромно обрѣкъ себя въ маляры. Теперь онъ краситъ заборы и кровли, пишетъ иногда стихи о «домѣ», а больше находится въ мертвецки пьяномъ состояніи.

— Имѣю, милый человѣкъ, новость, говоритъ бѣдный малый ѣдкимъ и рѣзкимъ голосомъ, видимо стараясь поддѣлаться подъ ироническій тонъ Болотова и Гребцова, которыхъ онъ выдавалъ за своихъ друзей и сотрудниковъ. Сегодня мнѣ сдѣлала ради праздника сюрпризъ.

— А какой еще сурпризъ? угрюмо спросилъ, сидѣвшій быкомъ Макарушка, и отъ глухой октавы его хриплаго голоса точно вздрогнули окна и столъ.

— Сюрпризъ, милый человѣкъ. У Лыкова отъ уроковъ отказали.

— Во! рывнулъ Макарушка. Что такъ?..

— Послѣдуетъ, говоритъ, вольнодумныя идеи въ умахъ маляхъ сихъ.

— Хо, хо, хо, занялся гомерическимъ хохотомъ художникъ,

распахивая свой засаленный халатъ и упираясь руками въ бока. Во младенцѣ-то вольнодумныя идеи посѣвляешь?... Хо, хо, хо! Какъ же теперь жить-то будешь, Владиміръ Алексѣичъ? Жалованья изъ таможни, пожалуй, и на водку не хватитъ...

— Это вѣрно.

— Ну такъ какъ же?...

— Съ голоду не помремъ-съ.

— Извѣстно. А все-таки?...

— И милости у нихъ просить не стану-съ. Это тоже вѣрно. Стану вотъ вмѣстѣ съ Гребцовымъ ребятъ учить, да въ пику этимъ Лыковымъ да Рогожинымъ хорошихъ людей стану создавать... Это вотъ нашъ человѣкъ, Гребцовъ; этотъ по нашему дѣйствуетъ—что съ нимъ подѣлали? Ничего... Отъ учительства отказали—все-таки учить и бровью не ведетъ...

— А какъ же все-таки, Владиміръ Алексѣичъ? Гребцовъ-то вѣдь не беретъ съ учениковъ денегъ: на другія, говорятъ, средства живетъ.

— На другія и мы будемъ жить; голова-то вѣдь есть на плечахъ,—отвѣтилъ Володька и невольно призадумался.

— Да и что этотъ Гребцовъ, по правдѣ сказать,—заговорилъ онъ какъ будто про себя. Встрѣтилъ я его сегодня въ таможнѣ.—Что, говоритъ, ты съ мальчишкой-то Лыковыхъ?

— А что? говорю. — Молодецъ, говоритъ. Да такъ это злобно, ядовито сказалъ и спиной ко мнѣ повернулся. Господь его знаетъ, что это такое, только взглянуть на него страшно было: губы сжались, кулаки стиснулись, а глаза такъ и горятъ какъ у звѣря.

— Кто его разберетъ, сказалъ Володька, махнувъ рукой.

— Этакъ-то пожалуй онъ не согласится учить вмѣстѣ съ вами? Какъ вы полагаете? спросилъ Макарушка.

— Ну его къ Богу, отвѣчалъ бѣдный малый, больше и больше впадая въ уныніе...

Онъ облокотился на столъ и задумался.

— Давай лучше самоваръ ставить: холодно, сказалъ онъ, наконецъ.

Натащили углей, нащепали лучины. Макарушка притащилъ со двора воды и начали пріятели ставить въ комнатѣ передъ печкой самоваръ. Горѣла-горѣла на столѣ свѣча, мигая и угасая, да наконецъ мигнула въ послѣдній разъ и погасла.

Пріятели оглянулись.

— Извини ужъ милый человекъ, другой-то свѣчи нѣтъ... А впрочемъ свѣтло и такъ, проговорилъ Володька.

Пригрѣло его огнемъ, подѣйствовало на него мирное вниманіе самоваромъ, и ему стало веселѣе. Мѣсяцъ какъ будто свѣтлѣе сталъ свѣтить въ комнату и ярче освѣтилъ онъ измученныя лица полупьяныхъ пріятелей, сидѣвшихъ на вортонкахъ около самовара...

Володька вдругъ вздрогнулъ, отклонилъ голову и пугливо осмотрѣлся. Ему что-то померещилось. Еще разъ осмотрѣлъ онъ свою берлогу, и какъ-то рѣзко бросилась ему въ глаза вся эта темень, грязь, отрешье и одиночество... Ярко горѣли его глаза и дико искривлены были черты его лица подъ вѣдніемъ мелькнувшаго видѣнія..

Онъ потупился.

— Живешь, живешь, проговорилъ онъ въ раздумьи... Другіе на тебя только-что собакъ не спускаютъ, хохочутъ тебѣ въ рожу, — а у самого висятъ лохмотья, свѣчи купить не на что, въ берлогѣ лягушки да черви скоро заведутся, живешь какъ собака и умрешь какъ собака, подъ заборомъ гдѣ нибудь.

Онъ опять потупился.

— Другимъ ни на грошъ уваженія, ни на копейку удовольствія, такъ хоть себѣ-то было-бы всего всласть, жри-не хочу... Грабить пойду... По большимъ дорогамъ...

— Не пойдешь...

— Пойду.

— Не сможешь.

— Смогу... Отчего не смочь. Мягокъ что ли? Совѣсть что ли завѣсть? Это братъ, дудни, потому что я ужъ былъ воршмой...

— Ты, Володька?

— Былъ, милый человекъ, былъ... Хочешь, скажу на душко изъ за какой великой вещи я сдѣлался такимъ художникомъ.

— Изъ за какой?

— Изъ за любви. А хочешь покажу тебѣ ангельскій ликъ моего предмета?

Володька зажегъ лучину, снялъ съ полки книгу, а изъ книги вынулъ варточку и мастерски освѣтилъ ее своимъ импровизированнымъ факеломъ.

— Умиляйся, братъ...

Маварушка увидѣлъ молодое, красивое лицо. Было въ этомъ лицѣ все, что привыкли считать красотою, было и нѣжное очертаніе каждой линіи, и глаза были велики и выразительны, и выраженіе лица умно и спокойно...

Долго смотрѣлъ Маварушка на это чистое, нѣжное и умное лицо, и наконецъ вопросительно посмотрѣлъ на пріятеля. Володька усмѣхался.

— Она, она! сказалъ онъ, кивнувъ головой.

Онъ выше поднялъ догоравшую лучину.

— Вотъ человѣкъ! провозгласилъ онъ протяжно и бросилъ съ потрясающею злобой догоравшую лучину въ лицо своего предмета... Искры и тлѣющіе уголья запрыгали по столу, потемнѣла комната и какъ будто вздрагивала отъ хохота Володьки.

— Она, ей богу, братъ, она! говорилъ Володька и снова разражался хохотомъ.

Зажигѣлъ самоваръ.

— Было, милый человѣкъ, время, когда я ходилъ во вретичахъ и опоркахъ, заговорилъ бѣдный малый, стараясь придать своему разсказу проническій тонъ; былъ я вшивъ и грязень тѣломъ, но душой былъ чистъ, какъ голубица... Питался я тогда грошевыми кондиціями, перепиской бумагою и много было у меня ликованія; когда я выработывалъ въ мѣсяцъ цѣлковыхъ четыре или пять. Голодное и трудовое было тогда время. Переписывалъ я, милый человѣкъ, одну проклятую зиму бумаги барину, имѣвшему и лошадей въ конюшнѣ, и перчатки французскія на рукахъ, и лондонское платье на кожѣ, и самоновѣйшія идеи на *чердакѣ* своемъ. Удостоилъ этотъ баринъ залѣсть въ мою плебейскую душу... «Отчего, говорить, вы, Владиміръ Алексѣевичъ, блѣдны такъ ужасно?» — Съ голода, говорю. «Отчего, говорить, вы, Владиміръ Алексѣевичъ, оборваны такъ?» — По безденежью, говорю. «Какъ, говорить, вы свою жизнь намѣрены устроить?» — Въ солдаты пойду. Послѣ этого разговора онъ, спасибо ему, пристроилъ меня къ нѣкому заводскому дѣлу, пускай, говорить, не пропадетъ человѣческая сила задаромъ... Дали мнѣ пятнадцать рублей въ мѣсяцъ; посадили меня къ конторкѣ и началъ я работать съ утра до ночи. Дѣло повелъ я *блеста-*

тельнымъ образомъ, завелъ новые порядки, и пошла моя слава по всѣмъ окрестностямъ, стали сходиться къ заводу и старые и малые, лишь бы видѣть всѣ заведенныя мною диковинки. Вотъ пришла однажды и сія отроковица юная, голубица нѣжная... Какъ увидѣлъ я ее, да поговорилъ съ нею, вспыхнула кровь моя юношеская, до того вспыхнула, что все заводское дѣло мое въ чорту пошло... У голубицы и отроковицы чистой оказались долги тысячныя, оказались просьбы неотравимыя и опытность въ денежныхъ дѣлахъ, оказались вкусы изящныя; не устоялъ я противъ ея просьбъ, и пошла у меня въ дѣло касса заводская, пошли на вѣтеръ чужія тысячи... Потому я бѣжалъ, спасался: ну и снался: цѣлъ до сихъ морь...

Володька замолчалъ.

— Гдѣ ты за тѣмъ проживаешь? спросилъ Манарушка.

— Вездѣ, братъ.

— А чѣмъ больше занимался?

— Всѣмъ занимался, нырялъ во всякіе омуты, переплывалъ всякія моря бурныя, продирался черезъ всякія лѣса непроходимыя и пришелъ таки теперь въ этому тихому пристанищу.. Загнѣзъ я теперь въ свою могилу пьяную, какъ свинья въ грязь по уши—и не выгнѣзу больше... Гуляй, значить, душа....

— А вѣдь не весело, братъ, тебѣ....

— Ничего — весело, отрывисто отвѣтилъ Володька.

Долго лежалъ онъ, молча и съ закрытыми глазами, и наконецъ тихо зашѣлъ: «Не гулялъ съ кистенемъ я въ дремучемъ лѣсу, я свой вѣкъ загубилъ за дѣвицу — красу.» Не дошѣлъ онъ однако пѣсню, скучна она показалась ему....

ХІІ.

Черезъ нѣсколько дней, послѣ описанной сцены, часовъ въ шесть вечера, Гребцовъ съ иллюстрированной «русской флорой» подъ мышкой шелъ по улицѣ.

— Здравствуй, воскликнулъ попавшійся ему на встрѣчу Володька. А я къ тебѣ.

При видѣ Володьки у Гребцова замѣтно сдвинулись брови.

— Здравствуй, — отвѣтилъ онъ угрюмо. А я отъ себя.

— Куда?

— За городъ.

— А это что за штука, — спросилъ Володька, ткнувъ пальцемъ въ пальмы и бананы, нарисованные на переплетѣ «флоры».

— Ботаника.

— Это еще за чѣмъ?

— Нужно.

Володька искоса взглянулъ на него, задумался немного, но все-таки пошолъ съ Гребцовымъ.

— Должно быть все ради своихъ учениковъ подвизаешься? спросилъ онъ за городомъ.

— Именно, — законически отвѣтилъ учитель.

— Эка охота отдавать себѣ комарамъ на съѣдене, — замѣтилъ Володька, оскорбляясь насмѣшливымъ тономъ Гребцова.

— Это братъ не твоего ума дѣло, — тихо и сдержанно сказалъ Гребцовъ, кладя на траву книгу, ложась и вынимая папиросы.

— Боленъ ты, или злишься? спросилъ Володька, поблѣднѣвъ.

— Очень золь, братъ, сказать правду.

— Ужь не на меня-ли?

— Именно.

— Въ самую, значить, центру я попалъ... Смѣю васъ спросить, за что такая не милость?

— А позволъ тебя спросить, что ты за дѣятель? — Чѣмъ занимаешься? переспросилъ Гребцовъ.

— Дѣятель?! повторилъ съ гримасой Володька. Я, съ вашего позволенія, поденщикъ—писецъ въ таможи и учитель домашній тоже.

— Умственнымъ трудомъ, видишь, занимается, — сказалъ Гребцовъ саркастически. Да на кой же прахъ идетъ у тебя эта наука? Наука говоритъ, что пьянствовать не слѣдуетъ; я это и воспринимаю со всѣми научными доказательствами, которыми убѣждаюсь въ вредности пьянства, а пить и пьянствовать все таки продолжаю. Наука говоритъ, что человѣку слѣдуетъ жить вотъ такъ-то и такъ-то, поступать относительно всякихъ жизненныхъ комбинацій и цотребностей такъ-то и такъ-то; я и убѣждаюсь въ правдивости ея изысканій, — а! говорю,

вотъ оно въ чемъ дѣло-то, а жить и дѣйствовать продолжаю все-таки по слотски...

— Вотъ оно что,—насмѣшливо протянулъ Володька.

— Вы «проповѣдники и апостолы науки!»—съ глубокимъ презрѣніемъ продолжалъ Гребцовъ. Вы «представители новой жизни».

— Вотъ оно что! опять протянулъ Володька.

— Ты, братъ, подсмѣиваться намѣренъ; а я все-таки вѣмся въ тебя сегодня.

— Ну-ко, вызвалъ его Володька.

— Ну-ко, саркастически повторилъ Гребцовъ. Жалѣть вѣдь не стану.

— Чего жалѣть, вставилъ опять Володька. Голосъ его, однако, дрожалъ и былъ глухъ.

Гребцовъ помолчалъ, немного подумалъ, и потомъ пристально и насмѣшливо началъ смотрѣть на Володьку.

— Ты, братъ, — заговорилъ онъ рѣзко и угрюмо, за чѣмъ толкуешь съ разными господами въ такомъ родѣ, что мы де, наша партія и т. п.? Кто вы? какая ваша партія?

Володька закусилъ губы.

— Куда ты, спрашивается, съ твоимъ пьянымъ рыломъ лѣзешь! Какія имена ты съ своимъ оплеваннымъ именемъ связываешь? Мерзавецъ, братъ, ты послѣ этого. Тѣ люди всю свою жизнь работали, дѣло дѣлали и ради этого дѣла здоровья своего не жалѣли, отъ личныхъ радостей и всякихъ жизненныхъ прелестей отказывались, умирали или рано или не своей смертью. Ихъ вѣдь здѣсь не видали и по этому объ нихъ могутъ по тебѣ судить. А ты что?

— Я никогда и не причислялъ себя публично къ ихъ категоріи, рѣзко и глухо сказалъ Гребцовъ.

У него губы судорожно подергивались.

— И съ какой стати ты позволяешь себѣ говорить это?

— Съ пьяна,—отрывисто сказалъ Володька.

— За чѣмъ же ты пьешь? Отчего ты не бросишь пить?

— Не могу.

— Такъ глотку перерѣжь себѣ что-ли.

— Я ужь много разъ думалъ объ этомъ.

Гребцовъ кусалъ губы.

— «Дѣятели и проповѣдники новой жизни», заговорилъ онъ горько. Да чѣмъ ты лучше какихъ нибудь тупоумныхъ моралистовъ? Что на нашей сторонѣ наука, а на ихъ сторонѣ какое-то мракобѣсіе? Этимъ что ли? Такъ врешь, братъ. Надъ твоею жизнью наука смертный приговоръ должна произнести, потому что ты плюешь на нее, позоришь ее, выставивъ ее какъ фирму надъ твоимъ оповореннымъ лбомъ. Гдѣ она у тебя, наука-то? Жизнь твоя развѣ лучше и дѣльнѣе ихъ жизни? Внешь, братъ. Моралисты здѣшніе гаже тебя дѣйствительно, но гадости свои они подъ маску прячуть, тогда какъ ты гнушаешься этимъ харжествомъ, и дѣйствуешь открыто; ну въ результатѣ и выходитъ, что жизнь моралистовъ является на глазахъ массы чище твоей. Еще что? Инстинктивная потребность всѣхъ въ иной жизни что ли заставитъ уважать тебя. Не заставитъ... Потому что идеи, представителемъ которыхъ ты выдаешь себя, опошлены твоею жизнью, честныя имена, которыя связываешь съ своимъ именемъ, оплеваны ради твоего имени. Ливуй братъ... Гребцовъ злобно взглянулъ на Володьку.

— Видишь ты эти бѣлыя стѣны, спросилъ Гребцовъ, протягивая руку по направленію къ кладбищу, на вѣсторомъ виднѣлись монастырскія кельи.

— Вижу.

— Ну вотъ. Кому тошно сдѣлается отъ окружающей жизни, тотъ и пойдетъ за эти бѣлыя стѣны, а не пойдетъ въ нашу жизнь, потому что не видалъ въ нашей жизни ничего хорошаго.

Оба замолчали. Гребцовъ угрюмо барабанилъ по книгѣ, а Володька кусалъ губы.

— Ну что ты скажешь? спросилъ Гребцовъ.

— Во мнѣ съ нѣкоторыхъ поръ переворотъ совершается.

— Послѣ теперешней руготни?

— Нѣтъ. Съ самаго начала нашего знакомства.

— Не видно.

— Я началъ яснѣе понимать жизнь.

— Узналъ, въ какомъ кабакѣ соленый огурецъ и закуску къ водкѣ даютъ добросовѣстнѣе? Это что-ли?

Володька молчалъ.

— Можетъ быть и яснѣе. Благоразумнѣе твоего нельзя

дѣйствовать. Ты-бы братъ попросилъ полицейское начальство о выдачѣ тебѣ залованья за твою многополезную дѣятельность. Жизнь легче будетъ.

Володька всталъ.

— Въ кабакъ? холодно и презрительно сказалъ Гребцовъ.

— Домой.

— Что денегъ забрать, или заложить что нибудь? А потомъ въ кабакъ?

— Въ кабакъ я не пойду, сказалъ Володька, и сильное волненіе слышалось въ его голосѣ. Глаза смотрѣли и грустно, и рѣшительно.

— На домъ, значить, велишь носить. Это кажется на выность?

Володька грустно улыбнулся.

— Нѣтъ, Степанъ Андреечъ... Я честнымъ гражданиномъ попробую сдѣлаться, тѣмъ болѣе, что изъ таможи меня выгнали, отъ уроковъ вездѣ отказываютъ. Приходится ремесленникомъ сдѣлаться. Вещи завладывать не буду. Платье носить буду хоть бѣдное, но чистое. Водку стану употреблять только предъ обѣдомъ и то въ умѣренномъ количествѣ

Володька смѣялся, но губы его передергивались, и въ голосѣ слышалась грустная, болѣзненная нота. Единственный человѣкъ, котораго онъ любилъ, который и въ немъ принималъ участіе, отнесся къ нему съ глубокимъ, холоднымъ презрѣніемъ. Страшное уныніе овладѣло имъ.

— Ну, такъ до свиданія, сказалъ Гребцовъ и крѣпко сжалъ ему руку. Дерзай Владиміръ Алексѣичъ, прибавилъ онъ дружески. А о смерти нечего помышлять, потому что здоровому и работающему человѣку есть наслажденіе и въ самыхъ обыкновенныхъ вещахъ и занятіяхъ.

XIII.

Грустенъ шелъ отъ Гребцова бѣдный Володька, но чѣмъ дальше шелъ онъ, тѣмъ мягче и добрѣе становилось выраженіе его исхудалаго, истаскавагося лица, и наконецъ задумчивая, мечтательная улыбка заиграла на его тонкихъ губахъ.

Почувствовалъ въ себѣ Володька небывалую силу. Пришелъ

онъ въ свою грязную берлогу, сѣлъ на кровать, закрылъ лицо руками и долго сидѣлъ такъ. Потомъ принядся онъ за очистку своей берлоги, вымелъ изъ нея соръ, стеръ густо пасѣвшую всюду пыль, зашилъ платье, поставилъ мастерскую заплату на прорвавшійся сапогъ, взглянулъ на нее и звучно запѣлъ веселую пѣсню. Засіяло солнце на вымытыхъ и вытертыхъ стаканахъ; защебетали надъ окномъ птицы раскатыстымъ, потрясающимъ звукомъ, загудѣлъ колоколъ и могучею грудью пѣлъ въ тактъ его звона Володька, работая щеткой надъ платьемъ и сапогами.

Глубокимъ упованіемъ дышала голосъ Володьки и глубоко вѣровалъ бѣдняга, что не сломится въ немъ эта надежда и рѣшимость, что съ успѣхомъ выйдетъ онъ изъ послѣдней и трудной борьбы съ своими прежними привычками.

Очистилась понемногу берлога, выдвинулись изъ какихъ-то угловъ переплетные снаряды и съ уваженіемъ были избавлены отъ пауковъ, пыли и паутины. Отецъ Володьки, занимаясь между прочимъ переплетнымъ мастерствомъ, выучилъ этому мастерству и его, Володьку, и бѣдняга съ наслажденіемъ смотрѣлъ теперь на свое полезное ремесло, радовался, что не пропадетъ безъ куска хлѣба.

Осмотрѣлся Володька, полюбовался на свою будущую мастерскую; раздѣлся и вѣриво, сладко заснулъ. Здоровъ былъ его сонъ, отрадны были его сновидѣнія...

А съ восходомъ солнца онъ лежалъ уже на берегу рѣки, возлѣ невзрачнаго домика и ждалъ смуглую Машу, съ которой разошелся уже съ мѣсяцъ назадъ. Показалась Маша, и весело забилося его сердце.

Маша! слышу я—радается его голосъ: слышу я, какъ цѣлуетъ онъ руки любимой женщины и видятся мнѣ слезы, текуція по его щекамъ, сладкія, живительныя слезы.

XIV.

Въ первыхъ числахъ сентября Гребцовъ получилъ письмо отъ Саввы, приглашавшаго учителя къ себѣ переговорить на счетъ устройства мельницы, арендованія новой земли и еще кое о какихъ дѣлахъ.

Гребцовъ уѣхалъ изъ забытаго города и пробылъ у Саввы около двухъ недѣль.

Беззаботно и весело возвращался онъ оттуда поздно ночью и удивился весьма сильно, увидя свѣтъ въ окнахъ своей квартиры.

Въ своей рабочей комнатѣ онъ увидѣлъ сидящихъ за столомъ двухъ джентльменовъ и съ перваго же взгляда догадался, какого рода были эти гости. Гребцовъ нахмурился.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ, снявъ плащъ и фуражку.

— Вы господинъ Гребцовъ? спросилъ очень вѣжливо джентльменъ.

— Къ вашимъ услугамъ...

— Я слышалъ, что вы вернетесь сегодня, и потому ожидалъ васъ. Я имѣю къ вамъ кое-какія бумаги... относительно лекаря Болотова, — тихо и спокойно сказалъ онъ.

— Очень радъ... съ самаго отъѣзда я не получалъ о немъ никакихъ извѣстій.

— Не угодно ли вамъ будетъ прочесть, — также тихо и вѣжливо продолжалъ гость, вынимая изъ бокового кармана бумагу.

Гребцовъ взглянулъ на бумагу и рука его вздрогнула. За тѣмъ онъ закурилъ папиросу и принялся за чтеніе.

— Я къ вашимъ услугамъ, сказалъ онъ наконецъ, возвращая бумагу.

Долго ходили они по комнатѣ, отрывисто разговаривая, наконецъ визитъ по видимому кончился.

Гребцовъ задумчиво смотрѣлъ на одѣвающихся гостей и покуривалъ папиросу.

XV.

Володька работалъ усердно, но не долго. Не привыкъ онъ къ такой серьезной и сосредоточенной жизни, и неудержимо звала и тянула его прежняя жизнь, на дорогѣ, на улицѣ, въ кабакахъ, постоянныхъ дворахъ, жизнь бродячая, пьяная, тревожная, но привычная и родная... Томился его организмъ,

слабѣли силы, вопилась злоба, хмурились брови, и наконецъ рухнула таки прежняя рѣшимость. Налетѣла и слоюмъ легла опять грязь въ берлогу, и пошла ночь за ночью, дѣнь за дѣнь пьяные, исчезли переплетные снаряды, безъ вѣсти пропала бѣдная Маша, и страшень, блѣднень, угрюмъ и одиноко сдѣлался Володька.

Рухнула свѣтлая сила... И стоитъ надъ забытымъ городомъ, какъ надъ гробомъ, задвинутымъ свинцовою крышкою, темная ночь съ свинцовымъ небомъ, разодранными тучами, молніями, вѣтромъ и упорнымъ дождемъ. Свистить въ овно берлоги вѣтеръ, стучить въ нее дождь, колеблется въ ней пламя свѣчи и пробѣгаетъ своимъ трепетнымъ свѣтомъ по желтому лицу Володьки, освѣщаетъ морщины глубоко прошедшія по его лицу, освѣщаетъ полосы грязи, залегшей въ морщины. Не спитъ Володькѣ. Легъ онъ было на свое сгнившее ложе и всталъ. Ему становится страшно, его пугаютъ галлюцинаціи, первые признаки бѣлой горячки.

По стѣнѣ медленно прошла тѣнь. Володька пошатнулся назадъ и сдержалъ дыханіе. Онъ ясно увидѣлъ предметъ своей первой любви, женщину, о которой онъ сказалъ недавно:— Вотъ человекъ! и бросилъ ей въ лице лучину.

Володька сидѣлъ неподвижно и глазъ не могъ оторвать отъ ея улыбающагося, нѣжнаго, красиваго лица. Она засмѣялась. Ненависть заходила въ Володькѣ, судорожно поднялся онъ и все пропало.

Опять стучитъ дождь, течетъ вода, свистить вѣтеръ и опять неподвижно сидитъ Володька и холодный потъ выступаетъ у него на лбу, тревожно стучитъ сердце и кружится голова. Среди свиста, вѣтра, и шума воды раздается болѣзненный крикъ и разомъ видитъ Володька свою сестру, упавшую на полъ, видитъ отца съ сжатыми кулаками, разомъ являются братья съ суровыми, злыми лицами... Какъ ударъ за ударомъ рушатся на Володьку видѣнія.

— Подай намъ сестру, отецъ!.. глухо раздаются угрожающіе голоса братьевъ, и слышитъ Володька въ этомъ крикѣ и свой голосъ...

Опять пуста комната и опять тишина. По дѣтницѣ раздаются шаги... Володька апатично прислушивается... Вошелъ Гребцовъ...

— Ты, братъ, живой человѣкъ или мифъ? глухо спросилъ Володька,

— Что съ тобой? отвѣтилъ Гребцовъ, обрасывая мокрый плащъ и беря за руку пріятеля.

— Видѣнія, братъ, вижу...

— Какія еще у тебя видѣнія явились? равнодушно спросилъ Гребцовъ, закуривая папиросу.

— Явились, братъ... Сейчасъ видѣлъ отца, братьевъ и сестру.

— Сейчасъ?

— Сейчасъ.

— Испугался ты?

— Не очень...

Гребцовъ задумался.

— Чтожъ это? спросилъ Володька.

— Галлюцинаціи... Лѣчиться нужно; это значитъ, что у тебя нервы разстроены.

— Чѣмъ это можетъ кончиться?

— Если ты будешь пить?

— Ну, конечно...

— Помѣшательствомъ, милый человѣкъ?

— Цлевать,—апатично отвѣтилъ Володька.

— Ну, это какъ хочешь,—угрюмо сказалъ учитель. Я пришелъ тебя извѣстить, что сейчасъ уѣзжаю отсюда..... и на всегда.

— Сейчасъ? спросилъ Володька, приподнявшись.

— Да, на улицѣ ждетъ повозка.

— Что такъ?

Гребцовъ наклонился къ нему и тихо шепнулъ нѣсколько словъ.

Володька пристально посмотрѣлъ на него.

— Да, лаконически повторилъ Гребцовъ.

— Значитъ школа, питомцы, гимназія—все это рухнуло,—громко спросилъ Володька, вставая и скрестивъ на груди руки.

— Нѣтъ, милый человѣкъ.—Сила Игнатъичъ ждетъ меня въ повозкѣ, онъ ѣдетъ со мной, а черезъ годъ будетъ въ гимназіи, хоть бы меня къ тому времени на сто частей разорвали, звучно отвѣтилъ учитель.

— Не на животь, значитъ, а на смерть,—подумалъ Володька,

взглянувъ на похудѣвшее лицо Гребцова, на морщины, легшія на его молодомъ лбѣ.

Гребцовъ заговорилъ о своемъ положеніи, объ отношеніяхъ своихъ съ согражданами—и вышелъ бѣднѣй и горькѣй монологъ, въ которомъ слышалось столько любви къ человѣку, столько кровавой ненависти къ старымъ воспитателямъ чело- вѣчества, что Володька съ каинъ-то благоговѣніемъ посмо- трѣлъ на учителя

— Не на животъ, а на смерть,—думалось ему.

И великъ же былъ контрастъ между молодыми людьми. Одинъ какъ будто закалился, окрѣпъ и выросъ, дышало отъ него несокрушимой энергіей; а другой въ тѣхъ же лѣтахъ уже прощался со всей своей бесплодно прожитой жизнью. Подумавъ бѣдный Володька объ этомъ контрастѣ, упалъ на постель и зарыдалъ.

— Что съ тобой? вскричалъ Гребцовъ.

— Убъжай, пожалуйста,—простоналъ Володька.

— Да что ты, Владиміръ Алексѣичъ? опомнись!...

— Уходи, ради Бога,—повторилъ Володька.

— Ну, прощай... Богъ съ тобой...

Володька махнулъ рукой...

И. Холодовъ.

ВИНОВАТА—ЛИ ОНА?

ГЛАВА XXV.

Планъ лэди Монкъ.

Въ ночь бала у лэди Монкъ Борго Фицджеральдъ исчезъ; когда гости разѣхались и комнаты опустѣли, тетка хватилась его и обратилась съ распросами въ слугамъ, но никто не могъ сказать ей куда онъ дѣвался. Лэди Монкъ не пожалѣла своихъ старыхъ усталыхъ костей и сама пошла на верхъ, чтобы заглянуть въ его комнату; но въ открытую дверь она ничего не увидѣла, кромѣ различныхъ принадлежностей туалета, небрежно разбросанныхъ по комнатѣ. Отъ Борго и слѣдъ простылъ. — А можетъ онъ и впрямь уладилъ дѣло, порѣшила она сама съ собою, возвращаясь въ свою спальню.

Но читатель знаетъ, что Борго ничего не уладилъ. Когда мистеръ Пализеръ возвратился съ шарфомъ жены въ столовую, Фицджеральда уже не было съ нею. Онъ понялъ, что, по крайней мѣрѣ, на этотъ вечеръ все для него пропало. Бѣдный безумецъ, сбитый съ толку совѣтами тетки, заранѣе позаботился нанять карету, дожидавшуюся его не подалеку отъ дома лэди Монкъ. У него былъ заказанъ и номеръ въ новой гостиницѣ близъ Дуврской станціи желѣзной дороги, откуда онъ предполагалъ отправиться на слѣдующее утро съ поѣздомъ, долженствовавшимъ доставить его въ Дувръ ко времени отхода парохода въ Булонь. Изъ денегъ, данныхъ ему теткой, онъ истратилъ двадцать пять гиней на покупку дорожной сумки; кромѣ того онъ запасся всевозможными мелкими принадлежностями дамскаго туалета, которыя, по его соображеніямъ, мо-

вась теперь—поцѣлуя. — Я дамъ тебѣ шиллингъ, это будетъ лучше, замѣтилъ Борго. — А поцѣлуй вы мнѣ все таки дайте, настаивала дѣвушка. Онъ началъ съ поцѣлуя, потомъ далъ ей шиллингъ и пошелъ своей дорогой. — А чортъ возьми! подумалъ онъ про себя, я бы желалъ быть на ея мѣстѣ. — И что у него такое за горе? недоумѣвала дѣвушка. Онъ и въ тотъ разъ жаловался на свою судьбу. А чего бы, казись, я не сдѣлала для таковаго человѣка.

Борго направилъ свои шаги къ Гросвеноръ-скверу и прокрался въ домъ своей тетки какими то путями, по всѣмъ вѣроятіямъ, невѣдомыми его теткѣ и ужъ положительно неизвѣстными его дядѣ. Прежде чѣмъ лечь спать, онъ сосчиталъ оставшіяся у него деньги: оказалось всего сто тридцать фунтовъ. Лэди Гленнора дала ему слово, что снова увидится съ нимъ. Но что пользы будетъ отъ этого свиданья, если всѣ его деньги будутъ до этого времени истрачены? А онъ зналъ, что беречь деньги для него дѣло рѣшительно невозможное. Затѣмъ ему вспомнилась тетка. Какъ-то встрѣтится онъ съ нею на слѣдующій день? Нельзя ли ему совсѣмъ избѣжать этой встрѣчи?

На слѣдующее утро онъ еще лежалъ въ постели и завтракалъ небольшимъ *paté de foi gras*, читая французскій романъ, когда къ нему вошла горничная его тетки и объявила, что она желаетъ его видѣть. — Скажи-ка, Льюси, спросилъ онъ, въ какомъ расположеніи духа старая вѣдьма?

И, мистеръ Борго, и не спрашивайте: и рветъ, и мечетъ. Нѣтъ, мистеръ Борго, не приставайте, ей богу мнѣ некогда растабаривать съ вами. Она меня дожидается. — Изъ этого разговора читатель можетъ видѣть, что и Льюси питала маленькую слабость къ влополучному Борго паравнѣ съ остальными субъектами своего пола.

Дѣлать было нечего: Борго принялся за свой туалетъ. Но въ продолженіе этой процедуры, для приданія себѣ бодрости, онъ заглядывалъ отъ времени до времени въ свой романъ и подкрѣплялся нѣсколькими глотками изъ бутылки бюрасо, которую держалъ у себя въ комнатѣ.

Хотя онъ и одѣвался по призыву своей тетки, но онъ еще не рѣшилъ, идти ему къ ней или нѣтъ? Что толку будетъ въ этомъ свиданьи? Вѣдь денегъ она ему больше не дастъ, а по всѣмъ вѣроятіямъ задастъ ему порядочную голову-

мойку. Очень легко могло статься, что она выгонитъ его изъ дома, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлаетъ попытку выгнать. Но онъ, съ своей стороны, твердо рѣшилъ, что ни въ какомъ случаѣ не оставитъ ея дома, потому что оставаться тутъ ему было удобно. И такъ, рассчитавъ, что свиданье съ теткой не принесетъ ему ровно никакой пользы, онъ рѣшился, не являясь на ея зовъ, отправиться въ клубъ.

Но не подъ силу ему было тягаться съ такимъ тактикомъ, какъ его тетка. Онъ сошелъ внизъ черною лѣстницею, но все же ему показалось несовсѣмъ ловкимъ бѣжать съ задняго крыльца, а въ передней онъ какъ разъ наткнулся на тетку, выходившую въ эту минуту изъ столовой.

— Развѣ Льюси не передала тебѣ, что я желала тебя видѣть? спросила лэди Монкъ строгимъ голосомъ.

Борго отвѣчалъ, нисколько не конфузясь, что онъ шелъ къ куаферу и черезъ четверть часа былъ бы назадъ. Лэди Монкъ очень хорошо видѣла, что онъ лжетъ, но уличить его она не могла, а потому принуждена была спустить ему эту ложь.

— О прическѣ своей можешь послѣ позаботиться, проговорила она. Миѣ нужно переговорить съ тобою, войди-ка сюда на минутку.

Всѣ пути къ отступленію были отрѣзаны, и ему ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ послѣдовать за теткой въ столовую.

— Борго, говорила она, усѣвшись и посадивъ его противъ себя, я право начинаю отчаяваться, будетъ ли изъ тебя когда нибудь прокъ.

— Я и самъ думаю, тетушка, что ничего не будетъ.

— Скажи же миѣ, что ты думаешь дѣлать?

— Право не знаю; я никогда объ этомъ собственно и не думалъ.

— Оставаться здѣсь ты долѣе не можешь: сэръ Казмо еще вчера утромъ говорилъ миѣ объ этомъ.

— Я вовсе не прочь отправиться въ Монкшэдъ, если сэръ Казмо находитъ это болѣе удобнымъ. Только вотъ дайте немножко пройти самому разгару сезона.

— Онъ не хочетъ, чтобы ты и въ Монкшэдъ ѣхалъ. Онъ вообще не желаетъ болѣе видѣть тебя въ своемъ домѣ. Ты нарочно обращаешь слова мои въ шутку.

— Право нѣтъ, тетумка.

— Полно пожалуйста, какъ будто я не вижу! Въ жизнь свою не видала я такого неблагодарнаго, бездушнаго созданья, какъ ты. Говорю тебѣ еще разъ, ты долженъ оставить нашъ домъ.

— Куда же сэръ Казмо думаетъ отпратить меня?

— Да хоть въ рабоній домъ ступай, ему-то какое дѣло?

— Ну да, конечно, ему нѣтъ до этого ни малѣйшаго дѣла. — И Борго уставился на тетку съ такимъ выраженіемъ лица, какъ будто онъ впрямь имѣлъ право считать себя жестоко обиженнымъ.

Но выгнать Борго изъ дома вовсе не было ближайшею цѣлью lady Монкъ. Она знала, что до окончанія сезона ей отъ него не отвязаться. Потому, конечно, она пустилъ его въ себѣ въ томъ только случаѣ, если ему удастся одно предпріятіе. Вотъ для того-то, чтобы выпытать у него, есть ли какая-нибудь надежда на успѣхъ этого предпріятія, она и подпарадила его въ передней. — А потому она оставила его negotiando безъ вниманія и перешла къ другому предмету разговора. — Ну что за сумасшедшимъ ты показалъ себя, Борго, вчера!

— А что? Развѣ болѣе сумасшедшимъ, чѣмъ обыкновенно?

— Тебѣ, что ни говори, ты все шутками отдѣлываешься. Зачѣмъ ты такъ вальсировалъ, когда ты знаешь, что всѣ на васъ смотрятъ?

— Какъ же мнѣ было не вальсировать, когда это ей нравилось.

— Ну да, теперь ты сваливаешь вину на нее. Куда какъ благородно!

— Послушайте, тетумка! Я вовсе не намеренъ сидѣть и выслушивать отъ васъ оскорбленія. Не могъ же я схватить ее въ охапку и бѣжать съ нею, куда попало.

— Кто желаетъ, чтобы ты бѣжалъ съ нею?

— Да ужъ, если на то пошло, то вы этого, вѣроятно, сильно желаете.

— Нѣтъ, я этого не желаю.

— Ну, такъ я желаю.

— Ты? Въ тебѣ нѣтъ достаточно ума для этого, да и для чего бы доди было. Ты настоящій ребенокъ; тебѣ бы только позабавиться минуту, а о дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ

ты и не думаешь. Ты просто скомпрометировалъ себя вчера, да и не себя одного, а и меня, и ее... Ну да тебѣ что до этого за дѣло!

— У меня все было готово: только онъ помѣшалъ. Нужно же было ему воротиться.

— Еще бы онъ не воротился, когда ему дали знать, какъ вы съ нею отличаетесь на балѣ. А теперь онъ навѣрное простилъ ее и послѣ этаго, конечно, все дѣло пропало.

— Я вамъ вотъ что скажу, тетушка: она бы охотно бѣжала со мною, если бы только знала, какъ это устроить. Когда я принужденъ былъ оставить ее вчера, она общалась мнѣ еще разъ со мною повидаться. Вы обвиняете меня, что я сижу сложа руки и ничего не дѣлаю: а между тѣмъ вчера, когда вы уже спали, я ходилъ въ Паркъ-Лэнъ.

— Что же изъ этого вышло?

— Случилось такъ, что ничего не вышло. Но вѣдь успѣхъ не всегда бываетъ въ нашей власти. Мнѣ кажется, что въ деревнѣ это было бы легче устроить, особенно теперь, когда ему вздумалось присматривать за нею.

Лэди Монкъ просидѣла нѣсколько минутъ молча, потомъ проговорила, понизивъ голосъ:

— Что она сказала тебѣ на прощаньи? Передай мнѣ ея подлинныя слова.

— Она сказала мнѣ, что еще увидится со мною. Она два раза повторила это обѣщанье.

— И только?

— Что же больше она могла сказать, когда ее увезли?

— Сказала ли она тебѣ, что готова бѣжать съ тобою?

— Я нѣсколько разъ заводилъ съ ней рѣчь о бѣгствѣ и она ни разу не отвѣтила мнѣ отказомъ. Я знаю, что она согласна на это, только не знаетъ, какъ взяться за дѣло. Она его терпѣть не можетъ, это вѣрно. Ну, а положительнаго отвѣта въ такомъ дѣлѣ вы, конечно, не дождетесь отъ женщины, пока самое дѣло не будетъ безвозвратно сдѣлано.

— Если бы она дѣйствительно думала бѣжать съ тобою, то она такъ бы тебѣ и сказала.

— Не думаю, чтобы она могла дать мнѣ еще болѣе прямой отвѣтъ. Она сказала мнѣ, что еще увидится со мною, она повторила это два раза.

Лэди Монкъ снова призадумалась. Въ головѣ ея созрѣлъ планъ, но она не совсѣмъ еще рѣшилась сообщить Борго подробности этого плана. До сихъ поръ она только молча потворствовала сношеніямъ племянника съ женою мистера Паллизера. Но теперь ей представлялась необходимость взять все дѣло въ свои руки, или совсѣмъ отказаться отъ успѣха своихъ замысловъ. Даже у нея не хватило духу прямо высказаться передъ племянникомъ: ее пугала мысль, что онъ выдастъ ее передъ свѣтомъ. Но она скорѣе все готова была поставить на карту, чѣмъ потерпѣть, чтобы мистеръ Паллизеръ безмятежно наслаждался своимъ супружескимъ счастьемъ.

— Я постараюсь помочь тебѣ, проговорила она наконецъ сильнымъ голосомъ; достанетъ ли только у тебя смѣлости на то, что я хочу тебѣ предложить?

— Смѣлости! повторилъ онъ. Ужъ не думаете ли вы, что я боюсь мистера Паллизера? Да я готовъ хоть сейчасъ съ нимъ драться, если только это къ чему нибудь поведетъ.

— Ты все пустяки городишь. Никакой тутъ дуэли не нужно, какъ ты самъ прекрасно знаешь. Эти вещи теперь не въ модѣ. А вотъ что я тебѣ скажу: если ты можешь уговорить ее пріѣхать какъ нибудь сюда, скажешь... ну хоть скажешь въ четвергъ, въ три часа, то я буду дома и приму ее. Только вмѣсто того, чтобы вернуться домой въ своей каретѣ, она уѣдетъ съ тобою въ кэбъ, который будетъ дожидаться васъ гдѣ нибудь не подалеку.

— Въ кэбѣ?

— Ну да, и пусть она пробѣдетъ въ кэбѣ, отъ этого она не распадется, а кэбъ не такъ легко выслѣдить, какъ карету.

— Куда же мы поѣдемъ?

— Въ четыре часа отходить ноѣздъ Соугамптона, а въ половине седьмого пароходъ въ Джерси и вы какъ разъ встанете пароходъ, отходящій въ Сентъ-Мало, такъ что вы можете прямо пересѣсть съ одного парохода на другой, если только ея силы и мужество не измѣнятся.

Ну, кто послѣ этого не скажетъ, что лэди Монкъ была не тетка, а сущій владѣ?

— Да, это было бы великодушнѣе! проговорилъ Борго въ восхищеніи.

— Трудность въ томъ, какъ она выйдетъ изъ моего дома.

Я, конечно, не скажу ей ни слова объ этомъ и сдѣлаю видъ, что ничего не знаю. Пускай она отошлетъ кучера домой, или ведетъ ему куда нибудь, за кѣмъ нибудь заѣхать. Отъ меня, она можетъ дойти до того мѣста, гдѣ ты будешь дожидаться съ кэбомъ, пѣшкомъ. Швейцару она можетъ сказать, что хочетъ прогуляться до своей кареты. Понялъ ты?

Борго объявилъ, что понялъ.

— Тебѣ непременно надо пробраться къ ней въ домъ, поглядѣться съ нею и условиться на счетъ всего этого.

За тѣмъ она освѣдомилась, сколько у него осталось денегъ и отобрала у него всю уцѣлѣвшую сумму, съ обѣщаніемъ возвратить ее пополненною въ четвергъ утромъ, но онъ съ ласковымъ видомъ попросилъ оставить ему хоть пятифунтовую ассигнацію, которую и получилъ. Затѣмъ Борго рассказывалъ ей обо всемъ, что онъ закупилъ для лэди Гленнора и тетушка съ племянникомъ разговорились самымъ дружескимъ, задушевнымъ образомъ.

— Скажи ей, чтобы она пріѣхала въ плотномъ, дорожномъ платьѣ. Сверху она можетъ накинуть что нибудь кружевное, такъ что слуги не обратятъ на нее вниманія; я тоже сдѣлаю видъ, что ничего не замѣчаю.

Ну, не владѣ ли такая тетушка?

ГЛАВА XXVI.

последній поцѣлуй.

По возвращеніи изъ Уэстморленда, Алиса прямо отправилась въ Паркъ-Лэнь, куда лэди Гленнора и мистеръ Паллизеръ возвратились еще до нея. Она должна была пробыть съ ними цѣлыя сутки въ Лондонѣ, а на слѣдующій день отправиться съ ними въ Парижъ. У Паллизеровъ въ домѣ она застала совсѣмъ иные порядки, чѣмъ тѣ, которые она привыкла видѣть въ Мэтчингѣ.

Мистеръ Паллизеръ самъ вышелъ къ ней на встрѣчу и повелъ ее на верхъ, къ женѣ, не давъ ей даже снять дорожной шляпы.

— Какъ мы вамъ благодарны, миссъ Вазазеръ, прогово-

рить онъ. И я, и Гленкора вполне умѣемъ цѣнить вашу дружбу.

— Помилуйте, отвѣчала она, я должна быть вамъ благодарна за то, что вы меня берете съ собой.

Онъ только улыбнулся и повачалъ головою. На лѣстницѣ онъ снова заговорилъ съ ней:

— Вы должны мнѣ простить мою рѣзкую выходку въ ту ночь, когда вы гуляли въ развалинахъ.

Алиса пробормотала какую-то невинную ложь въ родѣ того, что она давно забыла объ этомъ и оба пришли въ комнату леди Гленкоры. На Алису Паллизеръ произвелъ впечатлѣніе, какъ будто онъ сталъ какъ-то меньше и утратилъ то, что внушало ей страхъ передъ нимъ въ Мѣтчингѣ. Изъ кандидата въ канцлеры казначейства, онъ сдѣлался обыкновеннымъ, внимательнымъ супругомъ и эта перемена, казалось, отзывалась въ его голосѣ, въ походкѣ, во всемъ его обращеніи.

— Милая Алиса! не знаю, право, какъ мнѣ и благодарить васъ. Вы застаете меня въ страшныхъ хлопотахъ. Я укладываюсь, и Пантагенетъ помогаетъ мнѣ.

Пантагенетъ поморщился при этихъ словахъ также какъ древній герой долженъ былъ поморщиться, когда его застали съ заступомъ. Къ тому же въ словахъ его жены звучала чуть замѣтная струйка ироніи и, какъ ни легка была эта иронія, мистеръ Паллизеръ, быть можетъ, подумалъ, что можно бы было воздержаться отъ нея.

— У васъ уже все уложено, продолжала леди Гленкора, и я право не знаю, чѣмъ бы вамъ заняться, чтобы не скучать.

— Я буду помогать вамъ, отвѣчала Алиса.

— Но мы уже почти вончили. По моему мнѣнію, намъ всего лучше было бы повытаскать всѣ вещи изъ ящиковъ и съязнова приняться за укладку, чтобы какънибудь скоротать время до послѣ-завтра. Отчего бы намъ, Пантагенетъ, не ѣхать завтра? — Какъ ты думаешь?

— Это было бы не совсѣмъ удобно, потому что я даль знать въ Парижъ, чтобы комнаты для тебя были готовы къ назначенному дню.

— Какъ будто мы не найдемъ комнату въ любой гостиницѣ по дорогѣ! По моему, всего лучше путешествовать такъ, чтобы не знать напередъ ни гдѣ остановишься, ни когда вы-

Идешь. Я бы желала возить съ собою все, что мнѣ можетъ понадобится просто въ корзинѣ.

Алиса поглядѣла на груды вещей, которыя ея пріятельница брала съ собою и подумала при этомъ, что всего этого не втискаешь ни въ какую корзину.

— И ужь если путешествовать, по моему, то только не по христіанскимъ гоеударствамъ. Куда не поѣзжай среди христіанскихъ народовъ, всюду они носятъ шляпы цилиндрической формы. Вотъ я прошу Пантагенета свозить насъ къ курдамъ, а онъ не хочетъ.

— Не думаю, чтобы миссъ Вавазоръ была намъ за это особенно благодарна, вмѣшался мистеръ Паллизеръ.

— Не сваливай, пожалуйста, вину на нее, проговорила лэди Гленнора. Женщины всегда, на всякое смѣлое дѣло, бываютъ готовы. Ну скажите, Алиса, вѣдь вы не прочь были бы ѣхать къ курдамъ?

— Я не совсѣмъ хорошо знаю, гдѣ они живутъ, отвѣчала Алиса.

— А я развѣ знаю? Я не имѣю ни малѣйшаго понятія о томъ, какъ къ нимъ попасть. Вотъ вы раскусили мою шутку, а мужъ нѣтъ. Но я знаю, что курды живутъ на Востокѣ, а Востокъ—такая поэтическая страна.

— Ну, я думаю, что мы на этотъ разъ удовольствуемся Римомъ; или много, много, что посмотримъ Неаполь, проговорилъ мистеръ Паллизеръ.

Лэди Гленнора хоть и сказала, что сама укладывается, но, по всѣмъ вѣроятіямъ, сказала только ради шутки, также какъ и о курдахъ. Но она ходила изъ комнаты въ комнату и объявляла, что хочетъ взять съ собою то-то и то-то. Алиса не могла надивиться количеству предметовъ, которые они забирали съ собою. Такъ, лэди Гленкоръ должна была сопутствовать ея собственная варета.

— Она мнѣ, конечно, ни разу и не понадобится, пояснила она Алисѣ, но онъ настаиваетъ, чтобы я взяла ее съ собою, чтобы кто нибудь не подумалъ, что меня увозятъ въ опалѣ. О, онъ такъ добръ! не правда ли?

— Правда, отвѣчала Алиса. Я не знаю человѣка, который могъ бы сравниться съ нимъ въ этомъ отношеніи.

— И такъ скученъ, добавила лэди Гленнора. Впрочемъ, я

полагаю, что всё мужья, по самому своему положению, должны быть скучные. Еслибы я была мужемъ молодой женщины, я не умѣла бы сказать ей ни одного слова, отъ котораго не вѣяло бы скукой.

Паллизеры брали съ собою двухъ лакеевъ и двухъ горничныхъ. Алисъ было разрѣшено взять свою собственную горничную.

— Если хотите, можете забрать ихъ хоть цѣлую дюжину, сказала ей лэди Гленнора;—мистеръ Паллизеръ теперь въ такомъ расположеніи духа, что не знаетъ чѣмъ и угодить вамъ. Стоило бы вамъ сказать слово, и онъ повезъ бы насъ въ курдамъ.

Но такъ какъ горничная Алисы не говорила по французски, то послѣдняя предпочла пользоваться услугами одной изъ горничныхъ своей кузины.

— Одна изъ моихъ горничныхъ будетъ совершенно въ вашемъ распоряженіи, объявила ей лэди Гленнора. Если я беру двухъ, то по тѣмъ же причинамъ, по которымъ беру и карету. Ну точь въ точь какъ когда пожурили ребенка и потомъ, чтобы утѣшить его, позволяютъ ему нарядиться въ лучшее его платье для прогулки.

Алиса пожелала знать, почему ея кузина думаетъ, что мистеръ Паллизеръ нитаетъ къ ней такое особенное расположеніе?

— А потому, милочка, что я ему все рассказала. Я всегда ему все говорю. Ужь вотъ меня нельзя упрекнуть въ недостаткѣ чистосердечія! Онъ знаетъ, что вы не захотѣли пустить меня къ себѣ въ домъ—помните? Тогда, давно... экъ, Алиса, не правы вы были тогда; я всегда это говорила. Ну, да это уже дѣло прошлое и его не воротить, а потому всякое сожалѣніе неумѣстно. Потомъ я передала ему все, что вы говорили... Ну вы знаете о чемъ. Мнѣ вѣдь за послѣдніе десять дней рѣшительно нечего было дѣлать, такъ я все больше занималась признаніями. А разъ женщина ступила на эту дорогу, то чѣмъ больше она признается, тѣмъ лучше. Я сказала ему такъ же, что вы отказали Джефри Паллизеру.

— Нѣтъ, вы глупите?

— Право, сказала; и онъ еще больше жалуется васъ за это. Мнѣ кажется, что если бы теперь вы захотѣли выйти замужъ

за Джеффа, онъ ничего бы не имѣлъ противъ этого. И вдругъ, представьте себѣ! у васъ родился бы сынъ и мы бы усыновили его!

— Кора! если вы будете говорить такія глупости, я не останусь съ вами.

— Ну, нѣтъ; теперь вы волей неволей должны остаться съ нами, т. е. теперь-то еще вы можете убѣжать, а вотъ, когда мы будемъ въ Парижъ, тогда — конецъ! Вы должны извинить мнѣ мои маленькія шалости. Если бы вы знали, какая я была скромная всѣ эти дни! Я научилась править Дэнди и Бокеттѣ, такъ что они у меня дѣлали не менѣе шести миль въ часъ. Я увѣрена, что бѣдныя животныя воображали, что они постоянно слѣдуютъ за похоронною процессіей. Бѣдный Дэнди, бѣдная Коветта! Я ихъ цѣлый годъ не увижу!

На слѣдующее утро они позавтракали рано; мистеръ Паллизеръ объявилъ, что необходимо распредѣлить день такъ, чтобы пораньше вставать и пораньше ложиться.

— Но почему это необходимо, онъ мнѣ не хочетъ сказать, замѣтила лэди Гленнора.

— Мнѣ кажется, что вообще такой порядокъ дня пріятнѣе во время путешествія, проговорила Алиса — Ничего въ немъ пріятнаго нѣтъ, возразила лэди Гленнора; но дѣлать нечего; рѣшено, что мы должны вести себя, какъ умныя дѣтя.

Послѣ завтрака всѣ трое занялись ничего недѣланнымъ. И смѣшно и жалко было смотрѣть на миссера Паллизера, какъ онъ шатался изъ комнаты въ комнату, считая ящики, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ изъ этого могъ выйти какойнибудь црѣкъ. Въ эту критическую минуту его жизни ему ненавистны были любимыя его газеты, цѣвры и статистическія выкладки. Человѣкъ этотъ, никогда не знавшій устали въ трудѣ, не могъ теперь ничѣмъ заняться. Не было еще и часу, какъ всѣ они принялись за чтеніе романа. Лэди Гленнора и Алиса рѣшили весь этотъ день просидѣть дома.

— Хотя между вами и не слова объ этомъ не было сказано, но я считаю однимъ изъ условій нашей сдѣлки, чтобы я нигуда не выходила, а то, чего добраго, можетъ случиться, что я какънибудь забреду въ Глостеръ-скверъ.

Но такъ какъ собственно не было никакой необходимости мистеру Паллизеру оставаться безотлучно при нихъ, то омоло

трекъ часовъ онъ собрался прогуляться. Въ парламентѣ онъ не хотѣлъ идти; парламентъ утратилъ для него всякій интересъ. Не хотѣлъ онъ заходить и къ кому бы то ни было изъ своихъ знакомыхъ. Всѣ въ городѣ были въ полной увѣренности, что онъ уже уѣхалъ. Онъ умеръ для цѣлаго свѣта, и могъ явиться снова только въ качествѣ призрака. О немъ говорили, какъ о покойникѣ, или, вѣрнѣе, и говорить о немъ перестали. Только бѣдный герцогъ Сентъ-Бонгай вспоминалъ о немъ иногда съ сожалѣніемъ, когда ему не вмочь надоѣдали вѣчныя его столкновенія съ мистеромъ Файнспономъ. Но даже и герцогъ начиналъ мириться съ необходимостью. Мистеръ Паллизеръ былъ слишкомъ благоразуменъ, чтобы нарушить своимъ появленіемъ мирное теченіе дѣлъ, а потому онъ избралъ цѣлью для своей прогулки Кенсингтонскіе сады.

Онъ только-что надѣлъ шляпу въ передней и собрался надѣть перчатки, какъ въ парадную дверь раздался ударъ молотка. Швейцаръ, толстый и полнокровный малый, не отличавшійся большою словоохотливостью, стоялъ передъ нимъ съ его зонтикомъ въ рукахъ и, выражая на своей физиономіи желаніе быть полезнымъ, на сколько это совмѣстимо съ занимаемою имъ должностію. Звонокъ раздавался въ ту самую минуту, когда зонтикъ былъ еще у него въ рукѣ и на лицѣ его изобразилось затрудненіе, причиняемое многосложностью настоящихъ его обязанностей.

— Отдай мнѣ зонтикъ, Джонъ, сказалъ мистеръ Паллизеръ.

Джонъ отдалъ зонтикъ и отперъ дверь. На порогѣ стоялъ Борго Фицджеральдъ.

— Дома лэди Гленнора? спросилъ Борго, прежде чѣмъ замѣтилъ присутствіе мужа. Швейцаръ съ растеряннымъ видомъ оглянулся на своего господина.

— Не знаю на вѣрное, отвѣчалъ мистеръ Паллизеръ, выходя на улицу. Швейцаръ вамъ скажетъ.

И онъ пошелъ своей дорогой, ни разу даже не оглянувшись, чтобы удостовѣриться—вошелъ ли Борго въ домъ или нѣтъ.

— Лэди Гленнора дома, отвѣчалъ швейцаръ, не трогаясь съ мѣста. Онъ разсуждалъ, что не его дѣло отказывать этому посетителю, если ужъ самъ мистеръ Паллизеръ ничего не имѣетъ противъ его появленія. Онъ привелъ Борго безъ даль-

нѣвшіежъ околичностей въ ту воннату, гдѣ сидѣла лэди Гленнора. Случилось такъ, что Алиса въ этой воннатѣ не было, и лэди Гленнора сидѣла одна, закрывъ лице руками, думая о немъ и о томъ; какъ могла бы сложиться ея жизнь, если бы добрые люди не вмѣшались въ ея дѣло.

Она поспѣшно встала при его появленіи.

— Попросите сюда миссъ Вавазоръ, обратилась она къ ушедшему слугѣ, и затѣмъ сдѣлала нѣсколько шаговъ на встрѣчу своему любовнику.

— Кора, заговорилъ онъ, прямо приступая къ дѣлу, хотя и не надѣясь на успѣхъ, я пришелъ, чтобы уговорить васъ бѣжать со мною.

— Я не хочу бѣжать съ вами, отвѣчала она.

— Не торопитесь такъ отвѣчать мнѣ, подумайте прежде. Все устроено уже...

— Да, все устроено, проговорила она... Но мистеръ Фицджеральдъ, прошу васъ, оставьте меня и будьте великодушны. Все уже устроено. Вы можете видѣть, что всѣ наши вещи уложены. Мистеръ Паллизеръ, я и моя пріятельница уѣзжаемъ завтра. Пожелайте мнѣ счастливаго пути и ступайте съ Богомъ.

— И это вашъ послѣдній отвѣтъ?—Кора, продолжалъ онъ, дайте мнѣ руку.

— Нѣтъ, я вамъ никогда болѣе не протяну руки. Будьте же великодушны, уйдите. Другого отвѣта вы отъ меня не услышите; между нами все кончено.

— Кора! любили ли вы меня когда нибудь?

— Да, я васъ любила; но насъ разлучили, и любви между нами не осталось болѣе мѣста.

— Но вы и теперь мнѣ по прежнему дороги, дороже чѣмъ когда либо; не глядите на меня такъ. Не вы ли сами обѣщали мнѣ, въ послѣднее наше свиданіе, снова увидѣться со мною? Развѣ мы дѣти, что другіе могутъ стать между нами и разлучить насъ?

— Да, Борго, мы дѣти. Вогъ моя вузина идетъ, и вы должны меня оставить.

Въ эту минуту отворилась дверь и вошла Алиса.

— Миссъ Вавазоръ, мистеръ Фицджеральдъ, представила ихъ другъ другу лэди Гленнора.

— Я сказала ему, чтобы онъ оставилъ меня, продолжала она; надѣюсь, что теперь, когда вы пришли Алиса, онъ послушается меня.

Алиса стояла, какъ громомъ пораженная; она совсѣмъ растерялась и не знала что сказать; передъ нею стоялъ человекъ, о которомъ ей столько говорили, и она невольно должна была сознаться, что ни разу въ жизни еще не видала такого красиваго лица. Когда лэди Гленнора представила ихъ другъ другу, она только молча кивнула головою и остановилась, не говоря ни слова, какъ бы выжидая, чтобы онъ ушелъ.

— Мистеръ Фицджеральдъ, что же вы не уходите? продолжала лэди Гленнора.

Не легко было и бѣдному Борго.

— Я было надѣялся, проговорилъ онъ, глядя на Алису, хотя слова его относились къ лэди Гленноръ,—я было надѣялся, что мнѣ можно будетъ сказать вамъ слова два на-единѣ.

— Нѣтъ, мистеръ Фицджеральдъ, это невозможно. Алиса, не уходите. Я послала за моей кузиною, какъ только увидѣла васъ, потому что не желала остаться съ вами съ глазу на глазъ. Я просила васъ уйти...

— Вы, быть можетъ, не поняли меня?

— Я поняла васъ, какъ нельзя лучше.

— Въ такомъ случаѣ, мистеръ Фицджеральдъ, вѣшались Алиса, отчего же вы не повинуетесь желанію лэди Гленноры? Вы знаете, вы не можете не знать, что вы здѣсь не безопасны.

— Ну, этого я не знаю, отвѣчалъ онъ, не трогаясь съ мѣста.

— Алиса, проговорила лэди Гленнора, мистеръ Фицджеральдъ, кажется, хочетъ насъ выжить изъ этой комнаты; дѣлать нечего, уйдемъ.

При подобнаго рода столкновеніяхъ пережъсь всегда остается на сторонѣ женщины.

— Нѣтъ, лэди Гленнора, перебилъ ее Борго, я не хочу выживать васъ изъ комнаты. Такъ какъ кому нибудь изъ насъ непременно надо уйти, то ужъ лучше уйду я. Признаюсь, я все-таки не ожидалъ, что вы такъ жестоко обойдетесь со мною. И онъ направился къ двери, отвѣсивъ Алисѣ легкій поклонъ.

Онъ уже былъ на порогѣ, когда голосъ лэди Гленноры заставилъ его снова воротиться.

— О, Боже мой, воскликнула она, знаю, что я жестока, безопасно жестока, Борго!

И въ мгновение ока, онъ снова вернулся въ ней и взялъ ее за руку.

— Гленкора! упрашивала ее Алиса, не удерживайте его, пускай онъ идетъ.

— Онъ уйдетъ, только мнѣ надо еще сказать ему одно слово, отвѣчала лэди Гленкора.

— Борго, продолжала она, повторяя его имя со всею страшною нѣжностью, какую только могла вложить въ это слово, — Борго, изъ всего этого, добра не выйдетъ. Вы должны меня оставить, вы должны уйти. Я остаюсь съ своимъ мужемъ. Изъ-за того, что я дурно поступила съ вами, я не хочу такъ же дурно поступить и съ нимъ. Я любила васъ, вы знаете, что я васъ любила. Она не выпускала его руки изъ своей и глядѣла ему въ лице полными слезъ глазами.

— Сэръ, вмѣшалась Алиса, вы услышали отъ нея все, что для васъ важно было услышать. Если въ васъ осталась хоть капля чести, вы должны уйти.

— Я ни за что не уйду, пока она говоритъ мнѣ, что любить меня.

— Нѣтъ, Борго, идите, идите. Того, что я связала вамъ теперь, вы отъ меня никогда болѣе не услышите. Дѣлайте то, что она вамъ велитъ, ступайте... Но я не могла равнодушно слышать, какъ вы обвинили меня въ жестокости.

— Да вы жестоки, безопасно жестоки, какъ вы сами сейчасъ связали.

— Богъ вамъ судья за эти рѣчи! Пойдемте Алиса!

Но онъ не далъ ей уйти и удержалъ ее, обвинивъ ее талью рукою. Какъ ни быстро это случилось, все же мнѣ сдается, что лэди Гленкора успѣла бы ускользнуть, если бы на то было ея положительное желаніе. Онъ прижалъ ее къ себѣ и, наклонившись, поцаловалъ ее въ губы. Потомъ онъ выпустилъ ее изъ объятій и вышелъ изъ комнаты.

— Слава Богу, что онъ ушелъ, проговорила Алиса.

— Вамъ хорошо такъ говорить, отвѣчала лэди Гленкора; вы ничего не потеряли.

— А вы все выиграли.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ну, этого я что-то не вижу! Един-

стевенный человекъ, котораго я любила, которому я отдала все свое сердце, ушелъ отъ меня, потерявъ для меня на вѣки... а вы мнѣ велите благодарить за это Бога. Не вижу я тутъ повода къ благодарности; вижу я одно безысходное горе. Конечно, я на въ какомъ случаѣ не бѣжала бы съ нимъ; у меня нѣтъ мужества на это. Я могу мечтать объ этомъ, желать этого, но на исполненіе у меня не хватаетъ силъ. Мистеръ Паллизеръ можетъ быть совершенно спокоенъ. Напрасно онъ хлопочетъ задобривать меня; я и такъ съ нимъ останусь.

Лэди Гленкора снова опустилаась на низенькую скамеечку возлѣ окна, и Алиса старалась успокоить ее, лаская и глядя по головѣ, какъ ребенка.

— Конечно, я знаю, что мое мѣсто въ домѣ мужа, продолжала лэди Гленкора, почти съ вступленіемъ. Или, вы думаете, что я въ особенно розовыхъ краскахъ рисую себѣ жизнь, которая ожидала бы меня, если бы я послѣдовала за этимъ человекомъ и сдѣлалась его любовницей? Но за чѣмъ довели меня до этого? Толкуютъ о цѣломудріи, о нравственности! Нечего связать хорошо понимали цѣломудріе и нравственность тѣ, которые принудили меня выйти замужъ за постылаго чужбца!

— Кора, Кора, замолчите!

— Я не хочу молчать! Вамъ хорошо; вы устроили свою жизнь какъ хотѣли, и никто не вмѣшивался въ ваши дѣла. Вамъ тоже пришлось извѣдать много горя, но вы, по крайней мѣрѣ, можете уважать себя. Но будетъ, я слышу шаги мистера Паллизера, пойдемте... или вѣтъ! Вы лучше останьтесь и займите его разговоромъ, пока я немного оправлюсь.

Алиса находилась въ большомъ затрудненіи, какъ ей поступить въ настоящемъ случаѣ: упомянуть ли о посѣщеніи Борго Финджералда, или же промолчать? Но мистеръ Паллизеръ разомъ разрѣшилъ всѣ ея сомнѣнія.

— У васъ былъ безъ меня гость, проговорилъ онъ.

— Да, отвѣчала Алиса.

— Я встрѣтился съ нимъ, выходя изъ дому. Онъ, конечно, былъ не правъ, что явился сюда, такъ не правъ, что заслужилъ наказаніе, если только существуетъ наказаніе за подобныя вину.

— Онъ уже былъ, кажется, достаточно наказанъ, проговорила Алиса.

— Что же касается Гленкору, продолжалъ онъ, не обращая, по видимому, вниманія на слова Алисы, я счелъ за лучшее, предоставить ей рѣшить самой: принять его или нѣтъ.

— У нея не могло быть выбора въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ слуга провелъ его къ ней безъ доклада. Она тотчасъ же послала за мною и, по моему мнѣнью, очень хорошо сдѣлала.

— Гленгора была одна, когда онъ пришелъ?

— Всего какую-нибудь минуту, пока я не подошла.

— Я не стану вамъ предлагать никакихъ вопросовъ, проговорилъ онъ, помолчавъ съ минуту. Я радъ за Гленкору, что вы случились подъ рукою, иначе ея положеніе могло бы быть тягостно для нея. Что же касается до него, то я, право, не знаю, что и подумать объ его поведеніи. Я могу извинить то, что человѣкъ дѣлаетъ въ увлеченіи страсти, но чтобы человѣкъ обдуманно стремился разрушить ея и мое счастье, этого я, признаюсь, не понимаю!

Не знаю, припомнилъ ли мистеръ Паллизеръ, говоря эту тираду, имя лэди Домбелло и одинъ давно минувшій вечеръ въ его собственной жизни, когда онъ осмѣлился назвать эту лэди Гризельдою.

ГЛАВА XXVII.

ОТЪ ЛОНДОНА ДО ВАДЕНА.

На слѣдующее утро весь домъ былъ чуть свѣтъ на ногахъ, и мистеръ Паллизеръ уже болѣе не зѣвалъ, какъ наканунѣ. Сборы въ дальнюю дорогу всегда имѣютъ въ себѣ что-то возбуждающее энергію, и чѣмъ сложнѣе эти сборы, тѣмъ болѣе въ нихъ этого возбуждающаго элемента. Лэди Гленгора съ своей стороны не преминула усложнить процедуру отправления въ дорогу своей неаккуратностью. Она не явилась въ урочный часъ къ завтраку; когда же мистеръ Паллизеръ разворчался по этому поводу, то она замѣтила, что бѣда не велика, можно будетъ отправиться и съ слѣдующимъ поѣздомъ. На это мистеръ Паллизеръ возразилъ, что такъ они не по-

сѣдутъ въ тотъ же день въ Парижъ, но она объявила, что гораздо удобнѣе употребить на переездъ изъ Лондона въ Парижъ цѣлую недѣлю, чѣмъ скакать туда сломя голову.

— Мнѣ же кстати давно хотѣлось посмотрѣть Фолькстонъ, добавила она.

— За чѣмъ же ты мнѣ этого раньше не сказала, проговорилъ мистеръ Паллизеръ съ недовольнымъ видомъ. Я ушадь Ричарда съ каретою еще вчера, и въ настоящую минуту они уже на пароходѣ.

— Ну, въ такомъ случаѣ, дѣлать нечего, надо отложить посѣщеніе Фолькстона до другого раза, отвѣчала лэди Гленнора. А замѣтили вы, Алиса, что во время путешествія вами всегда управляетъ какою нибудь Ричардъ и какая нибудь карета, такъ что наконецъ это становится рабствомъ?

Во время переезда черезъ каналъ, лэди Гленнора и Алиса, какъ водится, страдали морскою болѣзною; обѣ горничныя, какъ и быть надлежало, страдали и того пуще; мужская прислуга, какъ водится, отлынивала отъ дѣла и потягивала грөгъ въ компаніи буфетчика внизу. Лэди Гленнора объявила, что дальше Булоня въ этотъ день не поѣдетъ, но, конечно, принуждена была уступить. Словомъ, все шло своимъ чередомъ. У мистера Паллизера было хлопотъ полны руки; врядъ ли бы ему пришлось больше работать, если бы даже осуществилось его завѣтное желаніе—попасть въ канцлеры вазначейства.

Въ Парижѣ они пробыли недѣлю и въ эту недѣлю Алиса очень близко сошлась съ мистеромъ Паллизеромъ. Въ Мэтчингѣ она видѣла его слишкомъ рѣдко; теперь она начинала лучше понимать его характеръ и научилась съ нимъ разговаривать. Она выслушивала его, когда онъ говорилъ ей о такихъ вещахъ, въ которыхъ лэди Гленнора относилась совершенно безучастно. Она привела его въ восторгъ, записавъ въ свою памятную книжку количество яицъ, ежедневно съѣдаемыхъ въ Парижѣ, на что лэди Гленнора замѣтила, что подобнаго рода свѣденія еще не Богъ знаетъ какая находка и что слѣдовало бы разузнать, сколько въ этомъ количествѣ свѣжихъ яицъ, и сколько тухлыхъ. Алиса не оставила такъ же безъ вниманія тотъ фактъ, что въ Парижѣ числится сто пятьдесятъ тысячъ рабочихъ, по поводу чего лэди Гленнора воскликнула, что это стыдъ и срамъ и что всѣхъ этихъ женщинъ

слѣдовало бы пристроить замужъ. Когда мистеръ Паллизеръ объяснилъ ей, что это невозможно, такъ какъ женское население имѣетъ количественный перевѣсъ надъ мужскимъ, то она вывела его изъ терпѣнья, объявивъ, что все это вздоръ, что по улицамъ слоняется множество мужчинъ, за которыхъ она поручиться готова, что у нихъ нѣтъ женъ.

— А жаль, право, что не вы его жена! сказала она въ этотъ вечеръ Алисъ. Вы бы вѣчно носились съ записною книжкою и дѣлали бы видъ, что интересуетесь количествомъ потребляемыхъ яицъ, бутылокъ вина, и прочею дрянью. А я этого не умѣю. Если я увижу голодную женщину, я отдамъ ей свой кошелекъ; встрѣтятся мнѣ больная, я, пожалуй, буду ходить за ней. Когда мы говоримъ о какомъ нибудь страшномъ злодѣѣ, я могу его ненавидѣть. Но нищета и порокъ огуломъ недоступны моему пониманію. Мнѣ просто не совсѣмъ вѣрится имъ. Умъ мой не умѣетъ справиться съ этимъ понятіемъ.

Наши путешественники вели въ Парижѣ жизнь очень уединенную и по прошествіи недѣли были рады радешеньки изъ него выбраться.

— Въ Баденѣ тоже, пожалуй, не лучше будетъ, сказала леди Гленнора. Ну, да намъ никто не мѣшаетъ пойти тамъ немножко и опять вѣхать дальше. Такимъ образомъ, мы доберемся и до вурдовъ.

Мистеръ Паллизеръ терпѣливо сносилъ: разбалмошныя выходки жены и, надо отдать ему справедливость, велъ себя приличнымъ образомъ. Но, при всемъ томъ, во всѣхъ разногласіяхъ ему удавалось поставить на своемъ. Бѣдная же леди Гленнора вела себя далеко не приличнымъ образомъ, парочила мѣлу на каждомъ шагу и все же въ концѣ концовъ принуждена была ему уступить. Въ одномъ только случаѣ ей удалось поставить на своемъ: мистеръ Паллизеръ хотѣлъ изъ Парижа проѣхать въ Кельнъ, и оттуда спуститься Рейномъ до Бадена. Но леди Гленнора объявила, что терпѣть не можетъ хваленый Рейнъ и будетъ несчастливѣйшимъ созданіемъ въ мірѣ, если эта поѣздка состоится. Обратились за рѣшеніемъ спора въ Алисъ, и Алиса, видѣвшая Рейнъ въ послѣдній разъ въ обществѣ кувинъ Кэтъ и Джоржа, выразила желаніе вѣхать въ Баденъ черезъ Страсбургъ.

— Ну такъ мы поѣдемъ на Страсбургъ, объявилъ мистеръ Паллизеръ, какъ вѣжливый кавалеръ.

— Нечего сказать, тоже куда какъ весело будетъ опять увидѣть этотъ противный соборъ, отовалась лэди Гленкора.

— Тебѣ, кажется, все въ одинаковой мѣрѣ противно, замѣтила мужъ. Ты напередъ рѣшила ничѣмъ не быть довольной, а потому рѣшительно все равно, какой дорогой мы ни поѣдемъ.

— Вотъ это сущая правда, отвѣчала лэди Гленкора, какой бы дорогой мы ни поѣхали, для меня рѣшительно все равно.

Въ Страсбургъ впервые пригодилась карета, взятая изъ Англии, и хозяйка кареты выразила желаніе выписать Дэнди и Кокетку. Мистеръ Паллизеръ, при которомъ зашла объ этомъ рѣчь, пресерьезно замѣтилъ женѣ, что лошади страдаютъ отъ этого переѣзда, такъ что на нихъ мѣсяца два нельзя будетъ ѣздить.

— Но я только въ томъ случаѣ попросила бы ихъ выписать, если бы ихъ можно было доставить на аэростатѣ, отвѣчала лэди Гленкора.

Это разсердило мистера Паллизера, у котораго было прѣмелькнула мысль и впрямь исполнить желаніе жены.

— Алиса, сказала лэди Гленкора какъ-то за завтракомъ, не знаете вы, сколько яицъ съѣдается въ Баденѣ каждое утро до десяти часовъ?

Мистеръ Паллизеръ, который въ эту самую минуту ѣлъ яйца, бросилъ ложку и оттолкнулъ отъ себя тарелку.

— Что съ тобой, Плантагенетъ? спросила она.

— Что со мной? О, ничего, ровно ничего. Дуракъ я, что обращаю вниманіе на такія вещи.

— Ей богу я не знаю, что я такого дурного сказала. Понимаете ли вы тутъ что нибудь, Алиса?

Алиса отвѣчала, что понимаетъ.

— Еще бы она не понимала, проговорилъ мистеръ Паллизеръ. Я, право, не нахожу словъ, миссъ Ваваторъ, чтобы выразить вамъ мое сожалѣніе, что вамъ приходится выносить все это.

— Что ей такое приходится выносить? воскликнула лэди Гленкора. Я, напротивъ, нахожу, что ей живется какъ нельзя

лучше. Никто не журить ее, никто не говорить ей, что она дурочка; она никогда не глушить, никогда не говорить того, что не слѣдуетъ говорить, за то ей никогда и недостается.

Въ тотъ же день вечеромъ наши путешественники отправились въ курзалъ. Такъ какъ ни Алиса, ни Гленгора не хотѣли танцовать, то онѣ пошли бродить по другимъ комнатамъ.

— А что, я думаю, большой бѣды не будетъ, если я разокъ попытаю счастья за этими столами? проговорила лэди Гленгора, проходя мимо игорныхъ столовъ.

— Напротивъ, будетъ большая бѣда, возразила Алиса. И что вамъ въ этомъ? Не хотите же вы присвоить себѣ деньги этихъ отвратительныхъ людей.

— Я скажу вамъ, чего я хочу: я хочу какого нибудь интереса въ жизни, какихъ ни на есть сильныхъ ощущеній. Ну, не обидно ли видѣть, что всѣ вокругъ меня веселятся, а я одна скучаю. Нѣтъ, право, брошу на столъ одинъ золотой, для пробы.

— Если вы это сдѣлаете, я уйду отъ васъ, проговорила Алиса.

— Что вы за святоша! Вы присматриваете за мною, не хуже мистрисъ Маршамъ и мистера Ботта. Но я сама васъ и избрала, а потому мнѣ не такъ-то легко будетъ отъ васъ отвязаться.

— А вамъ хочется отъ меня отвязаться, Кора?

— Цорой, да. Вы знаете, на меня находятъ минуты, когда я готова бываю очертя голову пуститься во вся тяжкая. Мужчинамъ хорошо: мужчина можетъ играть и пить, и дѣлать все, что ему угодно, и никто его не презираетъ за это. Стария тетушки, если онъ попадетъ имъ на глаза, читаютъ ему проповѣди, но онъ не такъ же глупъ, чтобы попадаться. Все, что нужно мужчинѣ, это деньги; есть у него деньги, онъ и идетъ своей дорогой, и живетъ въ свое удовольствіе. А я? Денегъ у меня много, или, по крайней мѣрѣ было много; а я еще ни разу не испробовала, что значить пожить въ свое удовольствіе. Меня такъ и подбиваетъ взбунтоваться и пуститься во вся тяжкая.

— Но одна ставва не утолитъ эту жажду сильныхъ ощущеній.

— Вы думаете, что я, какъ дикое животное, отвѣдавши крови, не буду знать удержу? Но поглядите на этихъ людей. Здѣсь есть мужья, играющіе безъ вѣдома своихъ женъ, и жены, играющія безъ вѣдома своихъ мужей. Хотѣлось бы мнѣ знать, случилось ли Плантагенету поддаваться искушенію игры? То-то бы весело было его накрыть!

— Ну, въ этомъ-то отношеніи вамъ, кажется, нечего опасаться.

— Опасаться! Да онъ бы мнѣ черезъ это сталъ несравненно милѣе, чѣмъ теперь. Если бы онъ пришелъ ко мнѣ въ одно прекрасное утро и объявилъ, что проигралъ сто тысячъ фунтовъ, я бы освободилась отъ всякаго неловкаго чувства въ его присутствіи,

— Въ такомъ случаѣ вамъ на это плоха надежда.

— Я и сама такъ думаю. Посмотрите, вонъ тамъ очностилось свободное мѣсто. Нѣтъ, право поставлю одинъ наполеонъ.

— Если вы это сдѣлаете, я тотчасъ же оставлю васъ. Посмотрите на этихъ играющихъ женщинъ. Есть ли хоть одна между ними, привосновеніе которой не осквернило бы васъ? Хороши и мужчины, подвизающіеся здѣсь, но женщины смотрятъ настоящими демонами.

— Напрасно вы думаете запугать меня такими страшными изображеніями. Ничего я особеннаго въ этихъ людяхъ не вижу.

Въ эту минуту толпа разступилась и открыла доступъ къ самому столу. Лэди Гленкора оставила Алису и, подойдя къ столу, положила на него золотую монету. Потомъ она отошла съ пылающимъ лицомъ и схватила Алису за руку.

— Ну вотъ, проговорила она, теперь дѣло сдѣлано.

Между тѣмъ одинъ изъ крупьеровъ продолжалъ метать банкъ; другой крупьеръ провозгласилъ игру и тихонько придвинулъ три или четыре золотыхъ монеты къ тому мѣсту, гдѣ лежала ставва лэди Гленкоры. Кто-то изъ толпы знавомъ показалъ ей, чтобы она подошла и взяла деньги. Она стояла въ нерѣшимости. Тогда крупьеръ обратился къ ней и тихимъ, рав-

нодушнымъ голосомъ спросилъ, не желаетъ ли она оставить деньги на столѣ? Лэди Гленкора кивнула головою. Снова игра пошла своимъ чередомъ и черезъ минуту крупьеръ придвинулъ къ ней цѣлую кучку золота. Она схватила Алису, которая буквально дрожала, стоя возлѣ нея, и снова пробовала заежбяться. Кто-то подставилъ ей стулъ и она въ смущеніи своемъ, не зная что дѣлать, опустилась на него.

— Пойдемте, проговорила Алиса, стараясь увлечь ее, вамъ не мѣсто здѣсь; я не дамъ вамъ здѣсь оставаться.

— Постойте, отвѣчала лэди Гленкора, дайте мнѣ отвязаться отъ этихъ денегъ, и тогда я уйду. Крупьеръ снова спросилъ, желаетъ ли она оставить свои деньги на столѣ и получилъ въ отвѣтъ новое наклоненіе головы. Она успѣла сдѣлаться предметомъ общаго вниманія. Особенно пристально смотрѣли на нее женщины съ нарумяненными щеками, въ шляпкахъ, нахально сидящихъ на половинѣ головы и бѣлыхъ перчаткахъ, подъ которыми скрываются грязныя руки. Алиса видѣла все это и внутренно содрогалась.

Снова счастье повезло лэди Гленкорѣ; она выиграла.

— Оставьте эти деньги, проговорила Алиса и пойдите прочь.

— Не могу я ихъ оставить, отвѣчала лэди Гленкора, изъ-за этого подымется шумъ.

И снова крупьеръ повторилъ свой неизмѣнный вопросъ, и снова она кивнула ему головою. На этотъ разъ передъ ней очутилась цѣлая груда золота. Алиса ухватила за спинку стула, чувствуя, что ноги у нея подкашиваются. Она поняла не имѣла о правилахъ игры, но была убѣждена, что всѣ эти крупьеры мошенники, готовые пустить въ кодъ всевозможныя средства, чтобы залучить лэди Гленкору въ свои сѣти.

— Пойдемте, проговорила она, не то я уйду одна.

Въ эту минуту крупьеръ сгребъ всю кучку золота и унесъ ее прочь, но Алиса въ своемъ волненіи и не замѣтила этого.

Чья-то рука опустилась ей на плечо, она обернулась и встрѣтила взглядъ мистера Паллизера.

— Ну вотъ и прощай мое золото, смѣясь проговорила лэди Гленкора.

Въ эту минуту она тоже оглянулась и замѣтила своего мужа.

— За чѣмъ вы ее привели сюда? проговорилъ онъ рѣзкимъ голосомъ, обращаясь къ Алисѣ. Онъ взялъ жену подъ руку и увелъ ее съ собою, оставивъ Алису одну. Онъ направился прямо къ выходу, а оттуда въ гостиницу. Алиса была глубоко возмущена его рѣзкой выходкой противъ нея; хотя бы ей пришлось воротиться одной въ Англію, она рѣшилась высказать ему свое мнѣніе въ глаза. Она послѣдовала за Паллизерами въ гостиницу и вошла въ ту самую минуту, какъ лэди Гленнора бросилась на диванъ и разразилась притворнымъ смѣхомъ.

— И есть изъ-за чего поднимать шумъ! проговорила она, изъ-за пустой случайности.

— Это по твоему случайность, сказалъ мистеръ Паллизеръ.

— Конечно случайность. Ужь не воображаешь ли ты, что я сѣла съ цѣлію выиграть деньги?

Вмѣсто отвѣта, онъ только бросилъ на нее взглядъ полной презрѣнія.

— Мистеръ Паллизеръ, проговорила Алиса, вы сегодня обошли со мною такъ, какъ я не ожидала отъ васъ. Вы видимымъ образомъ находите, что я была виновата.

— Я не говорилъ ни слова, миссъ Вавазоръ.

— Это такъ, но вы и безъ словъ умѣете показывать свой гнѣвъ. А такъ какъ я не желаю подвергать себя вашему неудовольствію, то я намѣрена возвратиться въ Англію одна.

— Алиса! Алиса! воскликнула лэди Гленнора, вскакивая съ мѣста, это что за глупости? Неужели вы меня оставите изъ-за того только, что ему угодно сердиться за пустяки?

— Я застаю свою жену за игорнымъ столомъ, въ обществѣ всего, что есть презрѣннаго и гнуснаго въ мірѣ, съ грудями золота передъ нею, — и это ты называешь пустяками?

— Ты клеветашь на меня, Пантагенеть, воскликнула лэди Гленнора. Передо мною всего на всего лежала одна кучка золота, да и та оставалась не долго; Алиса свидѣтельница.

— Тебя, какъ видно, ничѣмъ не пристыдишь, проговорилъ онъ.

— Конечно, я не люблю, чтобы меня стыдили, отвѣчала

она, да и не вижу, чего бы мнѣ стыдиться въ настоящемъ случаѣ.

— Позвольте вамъ пожелать, мистеръ Палливеръ, покойной ночи, проговорила Алиса, завтра вы, можетъ, будете въ состояніи хладнокровнѣе обсудить это дѣло, да и я тоже. Прощайте, Гленнора.

И Алиса вышла изъ комнаты съ полнымъ чувствомъ собственного достоинства.

ЖЕНСКОЕ БЕЗДЪЛБЕ.

(Посвящается прекрасному полу.)

V.

Въ прошлой статьѣ я старался навести моихъ прекрасныхъ читательницъ на ту прозаическую и очень горькую для нихъ истину, что экономическая независимость есть первая и главная независимость общественнаго положенія женщины. Обыкновенно принято говорить, что историческія обстоятельства помѣщали женщинъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ она можетъ быть. Такое выраженіе очень удобно въ практикѣ по своей краткости; но оно не удобно по своей эластичности, потому что каждый, придаетъ ему смыслъ, какой ему нравится. Историческое положеніе женщины совершенно однородно съ экономическимъ положеніемъ теперешняго европейскаго пролетарія. Что онъ находится въ условіяхъ довольно печальныхъ—винить некого, потому что порядокъ, изъ котораго явился наконецъ современный экономическій бытъ массъ, установился очень давно, еще во времена Робинзона Крузо и Пятницы. Тогда человѣчество находилось въ такомъ положеніи, какъ если бы всѣхъ людей побросали въ воду, въ которой кое-гдѣ плавали плоты и бревна и изъ которой мѣстами выдавались острова. У кого была сила и ловкость, тѣ взобрались на острова, плоты и бревна; у кого нѣтъ—остались въ водѣ, чтобы бороться въ ней цѣлый свой вѣкъ съ волнами. Поэтому вы совершенно правы, когда они сравниваютъ жизнь чело-^{вѣка}въ плываніемъ въ безбрежномъ океанѣ; но только они не предвидятъ, что останется вамъ

желаютъ увѣрить публику, что они и ихъ добрые знакомые, вла- дѣющіе разными матеріальными житейскими благами, преимущественно въ видѣ вкусныхъ яствъ и питей, изображаютъ своими особами этихъ пловцовъ. Это больше ничего какъ красивыя слова, пораженныя иллюзіями большого воображенія. Пловцы не тѣ, кто сидитъ на островахъ и на бревнахъ, а кто дѣйствительно плаваетъ Первымъ сухо и тепло; вторымъ мокро и холодно. По отсутствію самостоятельности и по зависимости, женщины такіе же пловцы, какъ пролетаріи; для тѣхъ и другихъ существуетъ одно общее средство выльзть изъ воды — достигнуть экономической независимости. Если все, что дѣлалось людьми, во времена Робинзона и Пятницы и потомъ, называется историческими обстоятельствами, то и пусть будутъ историческія обстоятельства; только дѣло совсѣмъ не въ нихъ, а въ томъ, чтобы люди выучались плавать и стоять на собственныхъ ногахъ. Какъ достигнуть того и другого, люди прежде не знали и окрестили собственное невѣжество деликатнымъ и безобиднымъ для себя именемъ «историческихъ обстоятельствъ». Пока будетъ существовать незнанье и неумѣнье — будутъ существовать и такъ называемыя историческія обстоятельства, представляющія то великое удобство, что люди обходятъ весьма ловко щекотливый вопросъ о качествѣ своей мыслительной способности и обвиняютъ какое-то идеальное, вымышленное ими «нѣчто», неосязаемое и неизмѣющее никакого опредѣленнаго, реального образа. Происходило это просто потому, что люди, по весьма естественной любви къ самимъ себѣ, полагали, что всякую собственную глупость, приносящую имъ только вредъ, непременно нужно считать чѣмъ-то очень умнымъ только потому, что эту глупость они придумали собственнымъ умомъ. Подобную ошибку повторяютъ нынче провинціальныя патриоты. Нѣтъ такой нелѣпости, которой бы они не защищали, добродушно полагая, что этимъ они проявляютъ какое-то возвышенное отчизнолюбіе.

Но съ тѣхъ поръ, какъ умные люди поняли, что отчизнолюбіе заключается вовсе не въ воскуреніяхъ фимиана своей нравственной гордости, — съ тѣхъ поръ, какъ умные люди поняли, что въ жизни нельзя плавать, безъ умѣнья плавать, и нельзя ходить, не умѣя ходить, — замысловатыя историческія обстоятельства потеряли весь свой мистическій смыслъ и фаталистическій и сдѣлалось всемъ понятно, что подъ хитрымъ скрывалась очень простая и незамысловатая

штука. Въ этотъ моментъ развитія и вступаетъ теперь женщина. Но она только вступаетъ, т. е. собирается забрать въ свои руки тѣ орудія, которыя помогутъ ей выучиться плавать и ходить. Сначала конечно выучатся только тѣ, которыя болѣе способны, т. е., по качествамъ организма и свойствамъ своихъ средствъ, располагающія наибольшей возможностью овладѣть необходимыми для того орудіями, которыя въ свою очередь давно уже, но бесплодно, преподносятъ имъ надежнѣйшій кормчій человѣка въ океанѣ жизни — наука, знаніе.

Къ этому кормчему женщина относилась до сихъ поръ весьма равнодушно, потому что, имѣя видъ довольно суровый, онъ не предлагалъ прекрасному полу ароматическихъ букетовъ салоннаго краснорѣчія, на которое такъ изобрѣтательны краснощекіе юноши, возбуждающіе себя мотыльками, а женщинъ благоухающими цвѣтами. Оттого, что женщинѣ постоянно преподносились букеты, въ то время, какъ ей былъ необходимъ здоровый, хорошо испеченный хлѣбъ, она получала ввусъ къ вещамъ легкимъ, кондитерскаго свойства, и отвыкла переваривать здоровую, крѣпительную пищу. Въ такомъ положеніи и находятся дѣла нынче. Если въ вашемъ уѣздномъ или губернскомъ городѣ есть публичная библіотека, то обратите вниманіе на то, что читается въ журналахъ дамами и дѣвками, и если вы человѣкъ желчнаго нрава, смотрящій на міръ въ закопченное стекло, то вы выведете заключеніе о неспособности женщинъ понимать серьезныя мысли и усваивать серьезныя знанія. Но это будетъ несправедливо. То, что вамъ кажется справедливымъ, въ сущности не только нисколько не головоломно, но доступно пониманію всякаго ребенка. Здѣсь все дѣло въ одной непривычкѣ и въ отсутствіи навыка дѣлать заключенія, выводы и примѣненія, а съ другой стороны, — въ избалованномъ, испорченномъ ввусѣ, для удовлетворенія котораго нужно даже жаренную телятину посыпать сахаромъ и украшать цукатами и вареньемъ. Укажите мнѣ въ «Исторіи цивилизаций» Бёкля, хоть одну мысль, которая была бы недоступна женскому пониманію; покажите мнѣ у Шлоссера, Дарвина, Лайбля, Фохта, Гексли, Фейербаха, что нибудь такое, надъ чѣмъ могла затрудниться женщина? Такихъ мыслей нѣтъ, потому что по сущности ихъ совѣтъ нѣтъ на свѣтѣ, такъ что каждый можетъ понимать то, что понимаетъ и другой, если оба будутъ подготовлены одинаково. Почему же женщины читаютъ и не понимаютъ? Останется вамъ

вѣсти и романы, а изъ такъ называемыхъ серьезныхъ статей только то, что преподносится имъ авторами въ видѣ жареной телятины, изукрашенной разными сладостями и фигурами на манеръ кондитерскаго пирога?—Происходитъ это просто оттого, что предварительная умственная подготовка женщинъ не позволяетъ имъ приниматься за сконцентрированную умственную нишу и имъ нуженъ жиденькій бульонъ, приготовляемый изъ одной крупницы питательнаго вещества, распушенной въ мисѣ сахарной воды. Этимъ распусканіемъ и занимаются по преимуществу популяризаторы, превращающіеся такимъ образомъ въ дамскихъ писателей. Еслибы серьезный элементъ входилъ въ женское воспитаніе въ большемъ количествѣ, чѣмъ онъ входитъ нынче, и еслибы вмѣсто того, чтобы направлять ихъ способности въ сторону развитія изящнаго вкуса, т. е. изощренія изобрѣтательности располагать разноцвѣтные бантики, ленточки и тесемочки такъ, чтобы этимъ легкимъ средствомъ уловлять сердца легкомысленныхъ мужчинъ, упражнялись бы и укрѣплялись ихъ умственные способности, то разумѣется и женщины, прочитавъ Бекка и Дарвина, сумѣли бы сдѣлать необходимыя имъ выводы, сближенія и параллели, не хуже популяризаторовъ, специально занимающихся своимъ дѣломъ. Этого между тѣмъ нѣтъ, потому что женское воспитаніе лишено главнѣйшаго элемента всякаго воспитанія, безъ котораго его совершенно напрасно называть такимъ громкимъ именемъ, потому что это не воспитаніе, а дрессировка, направленная къ одной специальной и весьма односторонней цѣли. Непривычка думать и отсутствіе навыка мысли, — главнѣйшая причина почему даже женщины, по природѣ вовсе не глупыя, всю свою жизнь изживаютъ очень глупо.

Экономическая наука принадлежитъ тоже къ знаніямъ весьма простымъ, доступнымъ пониманію всякаго человѣка. И въ женщинахъ лежитъ стремленіе къ этому знанію, потому что въ нихъ живетъ стремленіе къ улучшенію своего экономическаго и социальнаго положенія. Всякій вопросъ, имѣющій болѣе близкое отношеніе къ тому, что ихъ занимаетъ наиболѣе и можетъ разяснить то, что не совсѣмъ для нихъ ясно и что знать имъ необходимо, сейчасъ же останавливается на себя. Онѣ не отказываются ни отъ какихъ вопросовъ, лишь выходящихъ въ нихъ тѣ отвѣты, какіе имъ нужны. Главнѣйшій и коренной вопросъ, вытѣсняющій всѣ про-

че, есть вопросъ о положеніи женщины въ семьѣ, объ отношеніи ея къ мужчѣнѣ. Романтизмъ прежнихъ писателей не удовлетворяетъ уже теперешнихъ женщинъ: онѣ очень хорошо понимаютъ, что ихъ отуманивали одурѣвающимъ куревомъ и рисовали въ водѣ идеалы, какія-то неправдоподобности, не бывающія никогда и невозможныя въ жизни. Это идеальное одуреванье себя привело женщину къ тому, что у нея разстроились только нервы и она иннулась въ сентиментализмъ и въ галлюцинаціи разстроеннаго воображенія, которыми и жила много лѣтъ, воображая, что она живетъ высшей жизнью. Но отдѣлаться отъ земли человѣку нельзя. Это поняла и женщина, когда галлюцинаціи довели ее до кризиса. Очнувшись она поняла, что никакое, даже самое большое облако, не сдержитъ на себѣ самой тоненькой и маленькой женщины, и что человѣку глупо воображать себя живущимъ въ волшебномъ замкѣ, когда въ дѣйствительности онъ обитаетъ въ северномъ домишкѣ и что мечтателей подобнаго рода сажаютъ въ сумасшедшій домъ. Поворотъ къ реальности обратилъ, разумѣется, вниманіе женщины снова на тотъ же коренной и старый вопросъ, который она, не будучи въ состояніи разрѣшать реальнымъ путемъ, вздумала разрѣшать идеальнымъ. Идеальный способъ оназася неудачнымъ и женщина снова обратилась къ реальному. На этотъ разъ путь Избранный не только вѣренъ самъ по себѣ, но онъ вѣренъ еще и потому, что теперь женщина найдетъ и возможность практическаго разрѣшенія своихъ вопросовъ. Эту практическую возможность представляютъ именно тѣ положительныя знанія, которыхъ прежде не было и по недостатку которыхъ женщина кидалась въ мистику и въ идеализмъ, чтобы успокоиться хотя на чемънибудь.

Было бы разумѣется лучше, если бы женщина обладала собственной достаточной силой, для самобытнаго разрѣшенія своихъ вопросовъ, не получая готовыхъ рецептовъ, приготавливаемыхъ для нея другими. Но неразумно требовать отъ человѣка, въ первый разъ вступившаго въ воду, чтобы онъ поплылъ или отъ человѣка, только что вставшаго на ноги, чтобы онъ пошелъ. Точно также понятно почему женщина обратила все свое вниманіе на самый ближайшій для нея вопросъ — вопросъ объ отношеніяхъ къ ближайшимъ — и почему все остальное знаніе и всѣ остальныя мысли и мнѣнія мыслителей и публицистовъ, не находятъ себѣ мѣста въ ея сознанин.

лицъ. Но хотя это и понятно, тѣмъ не менѣе все таки очевидно, что женщина въ этомъ случаѣ ошибается, потому что не обладаетъ еще достаточной дальноркостью, чтобы найти связь между ближайшими и отдаленными причинами, и чтобы понять, что близкія причины зависятъ отъ далекихъ. И это явится со временемъ, когда окрѣпнетъ женская мысль и когда женщины перестанутъ думать афоризмами.

Къ чему же вы наговорили все это и какая тутъ связь съ обѣщанными «Экономическими очерками», спросить меня читательница? Связь очень большая, милостивая государыня, отвѣчаю я почтительно. Если бы вы читали хотя когонибудь изъ экономистовъ, то неужели вы полагаете, что я рѣшился бы предлагать вамъ эти очерки, и тѣмъ болѣе въ той формѣ, въ какой я ихъ пишу? Я очень хорошо знаю, что кромѣ кажущейся вамъ сухости самой экономической теоріи, васъ пугаетъ еще и научная сухость ея изложенія. Я знаю также, что болѣе широкое обобщеніе нѣкоторыхъ экономическихъ теоремъ и отысканіе связи между ними и занимающими васъ социальными вопросами для васъ не всегда доступно. Вотъ почему мнѣ хотѣлось разъяснить, почему существуетъ фактъ подобныхъ отношеній читающихъ и прогрессивныхъ женщинъ къ одной изъ важнѣйшихъ наукъ нашего времени, а вмѣстѣ съ тѣмъ и показать, почему я вздумалъ говорить о такомъ, повидимому всѣмъ извѣстномъ и даже модномъ знаніи. Кромѣ того, мнѣ хотѣлось бы говорить строже о предметѣ въ сущности весьма серьезномъ, не прибѣгая къ иллюстраціямъ и разнымъ неумѣстнымъ украшеніямъ и вольностямъ, которыя я позволялъ себѣ въ первой статьѣ и которыми едва ли помогутъ ясности вашего пониманія, моя многоуважаемая читательница.

VI.

Прежде чѣмъ говорить объ ассоціаціи, считаю необходимымъ изъяснить тѣ теоретическія положенія экономической науки, которыми опредѣляются условія успѣшности труда. Когда читательница извѣстна эти основныя условія, когда она усвоитъ общія частности и приложенія, конечно, выяснятся для нея са-

уже тѣхъ благословенныхъ странъ, гдѣ «зрѣють

ананасъ или растеть финиковая пальма, хлѣбное дерево, хлопчатка, сахарный тростникъ, или такихъ печальныхъ сторонъ, какъ наша Камчатка, вы знаете на сколько климатическія и почвенныя условія важны въ отношеніи естественной производительности разныхъ мѣстностей.

Чѣмъ климатъ лучше и почва плодороднѣе, тѣмъ человекъ получаетъ больше матеріальныхъ удобствъ для своего развитія экономическаго, а слѣдовательно и умственнаго. Чѣмъ дальше и дальше станемъ мы опускаться къ югу отъ звѣролововъ эскимосовъ, тѣмъ встрѣтимъ болѣе и болѣе богатую растительность и способность почвы давать обильныя жатвы разнообразныхъ хлѣбовъ. Напримеръ, самыя сѣверныя мѣста Архангельской губерніи представляютъ только тундру съ ея такъ называемымъ оленьимъ мохомъ; южнѣе явдается уже возможность разведенія ячменя; еще южнѣе растеть овесъ, ленъ, конопля; еще южнѣе рожь, и наконецъ появляется уже пшеница. Если мы представимъ населеніе, живущее въ такой суровой мѣстности, гдѣ не растеть ничего кромѣ ячменя и довольно бѣдныхъ травъ, то какъ бы населеніе ни было трудолюбиво, оно все-таки ни выроститъ ни финиковъ, ни ананасовъ, а произведетъ только свой скудный ячмень и больше ничего. Слабая травяная растительность будетъ тоже не богъ-вѣсть какииъ благополучіемъ для скота. Слѣдовательно очевидно, что перерабатывая только тѣ произведенія, которыя даетъ мѣстная почва, жители никогда не будутъ имѣть особенно разнообразныхъ предметов матеріальнаго благосостоянія и должны будутъ держаться на уровнѣ весьма ограниченныхъ потребностей, потому что изъ ячменя не придумаешь ничего, кромѣ похлебки, каши и, пожалуй, еще ячменныиъ лепешекъ. Домашнія и дикія животныя, по недостатку пищи, не будутъ тоже отличаться ни разнообразіемъ породъ, ни качествами получаемыхъ отъ нихъ продуктовъ. Разумѣется все это было бы неважно, потому что если на мѣстѣ не растутъ ананасы, финики и овинки, то можно бы привести ихъ изъ Сициліи, Бразиліи Аравіи; если нѣтъ шелковицы, то можно привести коконы изъ Персіи чай изъ Китая, кофе изъ Турціи. Все это конечно возможно. Видь бразильцу въ вамѣнъ ананаса надобно предложить Мюмбуди, салиліицу также, аравіицу, персу, китайцу, слаете же. Предположимъ даже, что всѣ они любятъ ячменную команную лепешку и что всѣмъ имъ очень нравится предельно останется вамъ

ныхъ, легкихъ шелковыхъ и льняныхъ своихъ матерій носить одежды изъ грубой овечьей и коровьей шерсти, получаемой въ ячменной сторонѣ. Дѣло однако вотъ въ чемъ: достанетъ ли у жителей суровой страны столько ячменя и шерсти, чтобы можно было вымѣнать ихъ на шелковыя, бумажныя и другія матеріи, на чай, сахаръ и такъ называемые колониальные товары? Конечно нѣтъ. И что тамъ пахарь ни дѣлай, какъ онъ ни трудись, его ячмень ни за что не превратится въ пшеницу и шелкъ, и можетъ быть только первѣйшій богатъ страны, эксплуатирующій все населеніе, будетъ стоять нѣсколько выше общаго жалкаго экономическаго уровня мѣстныхъ обитателей. А обитатели эти по быту будутъ похожи на нашихъ забайкальцевъ или архангельскихъ и вологодскихъ крестьянъ бѣдныхъ уѣздовъ.

Но въ другомъ положеніи находится житель плодородной страны. Нашъ крестьянинъ, каковаго нибудь сольвыгодскаго уѣзда, осрабатываетъ свою пашню съ тѣмъ же усердіемъ и съ той же потратой силъ, какъ и крестьянинъ ставропольскаго уѣзда Самарской губерніи; но у одного родится только ячмень, да и то самъ-другъ, а у другого пшеница самъ—15. Но культура пшеницы и просо требуетъ тоже одинаковаго труда, а между тѣмъ просо родится самъ—30. За то и нашъ ставрополець, имѣющій такое справедливое основаніе гордиться благословеннымъ климатомъ своей губерніи, долженъ будетъ позавидовать египтянину или китайцу, у котораго рисъ родится самъ—100. И чѣмъ ближе будемъ подвигаться мы къ экватору, тѣмъ роскошнѣе станетъ природа, тѣмъ разнообразнѣе ея произведенія. У жителя сѣверной стороны кромѣ, ячменя, нѣтъ ничего; у самарца является уже ячмень, овесъ, рожь, пшеница; просо. Еще дальше пойдутъ, кромѣ, кукурузы, шелковица, виноградъ; еще дальше—рисъ; за тѣмъ пойдутъ разныхъ сортовъ пальмы, бананъ, сахарный тростникъ, чай, кофе, корица, ваниль и т. д.; и всѣ произведенія растительнаго царства даются человѣку съ меньшей тратой силъ съ его стороны, чѣмъ въ мѣстности суровой.

Климатъ важенъ не только въ томъ отношеніи, что силы природы проявляются, въ благорастворенныхъ мѣстностяхъ, въ массѣ громаднаго размѣра и тѣмъ сберегается трудъ человѣка при предметовъ нища, но и во всемъ другомъ. На сѣверѣ, гдѣ и перемѣнявъ, человѣку нужно болѣе разнообразныхъ постройкахъ болѣе солидности и прочности. Ар-

хангельскому крестьянину совершенно невозможно имѣть несложный, легкій лѣтній гардеробъ бедуина пустыни или итальянскаго лаццарони. Въ Архангельской губерніи, за исключеніемъ немногихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, неудобно ходить даже по шотландски, что впрочемъ неудобно и во всей Россіи. Слѣдовательно очевидно, что для доставленія крестьянину одинаковыхъ удобствъ, нужно на сѣверѣ потратить больше силъ, чѣмъ на югѣ. Но и этимъ не ограничиваются выгоды теплыхъ мѣстностей предъ холодными. Дожди, грязь, слякоть дѣйствуютъ на одежду и обувь такъ разрушительно, что то и другое носится въ переменномъ суровомъ климатѣ вдвое скорѣе, чѣмъ въ климатѣ сухомъ, тепломъ, постоянномъ. Вы, обитательница русскаго сѣвера, можете замѣтить тоже влияние и на себя, хотя по изящному образу жизни вы носите и одежды легкія и изящныя, немнѣющія ничего общаго съ грубой мужицкой лапачью. Во Франціи, въ Италиі, Испаніи вамъ ненужно брать съ собой непромылаемые плащи, дождевые зонтики, калоши и разные другіе предметы, предохраняющіе противъ бурь и непогодъ, если вы вздумаете сдѣлать загородную праздничную прогулку съ своими пріятелями и пріятельницами. Почему же вамъ не нужны тамъ все эти снаряды, которыми, напротивъ, на сѣверѣ каждый членъ вашего веселаго общества нагружается точно верблюдъ? А не нужно по той простой причинѣ, что въ тѣхъ мѣстахъ вамъ придется идти по сухимъ мѣстамъ, не рискуя встрѣтить на пути какое нибудь трудноодолимое препятствіе въ видѣ лужи, промочнъ, кочекъ, низменныхъ лужаекъ, съ встоявшейся болотной красной водой, или просто нарытыхъ и грязныхъ дорогъ, дорожекъ и тропинокъ. А попробуйте обратиться за городъ, хотя въ Петербургской или Олонецкой губерніяхъ, не говоря уже про наши климатическія перлы, какъ губерніи Архангельская, Вологодская, Костромская, Пермская, Вятская! Въ мѣстахъ теплыхъ, сухихъ хорошихъ, вы благополучно воротитесь домой и ваши легкія платья и ваши, съ позволенія сказать, юбки, послужатъ вамъ еще на нѣсколько прогулокъ, сохраняя постоянно свою первобытную чистоту; тогда какъ въ одну загородную экскурсію нѣшькнѣтъ, въ окрестностяхъ какой нибудь Мезени, Холмогоръ и подобныхъ имъ благословенныхъ трущобъ, вы отдѣлаете все свои платья и юбки на поларшина всякой грязью, отъ которой не спасутъ васъ ни калоши, ни даже предупредительная любезность вашихъ сѣверныхъ кавалеровъ, и достанется вамъ

прѣнито отъ вашей бабушки, знающей лучше васъ неблагопріятное вліяніе сѣверной природы на платье, бѣлье и обувь, потому что не вы, а ваша бабушка рассчитывается съ прачками, банничниками и продавцами матерій для платья. Жилища на сѣверѣ подвергаются тоже сильнѣе порчѣ и требуютъ не только большей солидности при первоначальномъ своемъ возведеніи, но болѣе усиленнаго ремонта. А вѣдь все это лишній трудъ. Деревянный домъ въ сѣверной губерніи простоятъ, конечно, лѣтъ 10 — 15 менѣе, чѣмъ въ мѣстности сухой. На сѣверѣ дождь изъ хорошаго тесоваго лѣса продержится меньше, чѣмъ въ Тульской губерніи дождь изъ осины. Если вы бывали въ сѣверныхъ губерніяхъ, взгляните въ дома, непокрытые тесомъ, и васъ поразитъ ихъ мрачный, темнокоричневый цвѣтъ съ сѣверной стороны. Выражался огуально—это печать, которую накладываетъ суровый климатъ, придающій всему печальный видъ и скоро подтачивающій всякую жизнь. Ни одна русская постройка не можетъ сравняться въ долговѣчности съ подобной же постройкой въ западной Европѣ. Это узнали у насъ и французскіе инженеры, строившіе Варшавскую желѣзную дорогу. Способъ постройки мостовъ, превосходный на западѣ, оказывался у насъ нигуда негоднымъ; и мостъ, который стоитъ тамъ безвредно десять лѣтъ, разрушается у насъ въ годъ. Хотя по части инженеровъ мы составили себѣ весьма завидную извѣстность, совершенно недостижимую для запада; но безпристрастіе заставляетъ сказать, что константинопольскіе турки оставили насъ въ этомъ отношеніи далеко за собой. Если Константинополю вздумается горѣть, то онъ свершаетъ это самымъ грандіознымъ манеромъ, т. е. сгораетъ до тла и съ одного конца до другаго. И что же! Черезъ мѣсяць взорамъ изумленнаго европейца представляется новый Константинополь такой же живописный, какъ прежде, съ такими же какъ прежде оригинальными и красивыми зданіями. Такая необычайная быстрота происходитъ просто оттого, что дома въ Турціи строятся изъ хворосту, щепочекъ, палочекъ и тому подобныхъ легкихъ строительныхъ матеріаловъ, которые въ нашихъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ не возьметъ никто даже на растопки, и за тѣмъ прутьяной домъ, обыкновенно двух-этажный, обмазывается глиной или известью и окрашивается въ веселенькій цвѣтъ. Гдѣ же успѣшнѣе трудъ—тамъ ли, гдѣ суровый климатъ велитъ громоздить цѣлый и массивный материалъ, по способу постройки египетскихъ пирамидъ, или тамъ, гдѣ

раствореніе воздуха позволяет людям помѣщаться съ тѣми же или даже съ большимъ удобствомъ, въ прутяныхъ домахъ? Читательница отвѣчаетъ, что трудъ успешнѣе тамъ, гдѣ климатъ хорошъ.

Къ естественнымъ богатствамъ страны, способствующимъ усилению труда, принадлежатъ еще и минеральные продукты. Вообразите себѣ, что въ вашей Пермской или Вятской губерніи, открываются удивительныя копи желѣзной и мѣдной руды, или еще лучше богатые золотые прииски и алмазныя мѣсторожденія. Думаете ли вы, что вашъ знаменитый Слободской, снабжающій всю восточную и сѣверную Россію и Сибирь зажигательными спичками, отличающимися отъ всѣхъ остальныхъ спичекъ земнаго шара тѣмъ, что хуже спичекъ и сдѣлать невозможно, сталъ бы заниматься по прежнему этимъ не приносящимъ ему особенной чести дѣломъ? Конечно нѣтъ. Слободскіе граждане превратились бы въ золотопромышленниковъ, желѣзныхъ и мѣдныхъ заводчиковъ, устроили бы вмѣсто спичечныхъ, граняльныя фабрики алмазовъ и вообще принялъ бы видъ индѣйскихъ набобовъ и англійскихъ джентльменовъ. Отнимите отъ Слободского это идеальное богатство, и онъ опять тотъ же жалкій, спичечный производитель и та же жалкая экономическая неразвитость, какая представляется нынче. Если бы въ Бельгій и Англіи не было тѣхъ богатыхъ угольныхъ копей и желѣзныхъ рудъ, какія въ нихъ имѣются, то конечно эти страны не достигли бы до теперешняго своего промышленнаго развитія. Тоже самое можно сказать и про нашъ Уральскій хребетъ и про восточную Сибирь. Естественныя богатства важны тѣмъ, что они служатъ защитой или пополненіемъ тѣхъ лишеній, на которыя обрекается человѣкъ, живущій въ суровой, неплодородной мѣстности. Если въ такой мѣстности и не растетъ шелковица, виноградъ, финикъ, то человѣкъ все таки можетъ пріобрѣсти ихъ и вообще развить свой экономическій бытъ все больше и больше, потому что приготовляя разныя желѣзныя, стальныя и чугуныя издѣлія и вообще такіе предметы, приготовленіе которыхъ возможно по роду сыраго матеріала, онъ измѣняетъ свои произведенія на то, чего ему не дала скудная природа. Англичане носятъ шелковыя матеріи, индѣйскія ткани, пьютъ виноградныя вина, хотя у нихъ не водятся ни шелковичныхъ чѣрвей, ни вигопей, ни виноградниковъ. Всю эту роскошь они пріобрѣтаютъ за свои ножи, ножницы, машинны и другія издѣлія изъ мѣстнаго желѣза. Если бы исконицы имѣли желѣзные

рудники, россыпное золото и богатые копи каменного угля, то и они могли бы развить свой экономическій бытъ до положенія, въ которомъ находятся теперь цивилизованные народы. Но какъ у эскимосовъ нѣтъ никакихъ естественныхъ богатствъ, то они и ходятъ въ сырыхъ кожахъ и питаются сырой рыбой.

Къ естественнымъ богатствамъ принадлежитъ и вода, если ея много и если она удобно можетъ быть превращена въ двигательную силу или служить средствомъ снабженія. Знаменитыя Пинскія болота не смотря на все обиліе воды, годятся только для произведенія лихорадокъ; тундры и болота Архангельской и Вологодской губерній, при всемъ своемъ богатствѣ водой, хороши только для того, чтобы мѣшали возному путевому сообщенію и увеличивать ужь и безъ того слишкомъ тяжкій трудъ земледѣльца. Но другое значеніе имѣютъ рѣки, особенно въ холмистыхъ и гористыхъ мѣстностяхъ. Здѣсь вода является по преимуществу какъ двигательная сила и можетъ разыгрывать ту же экономическую роль, какъ минеральные богатства въ странѣ съ суровымъ климатомъ. Это значитъ, что если одна страна, богатая земледѣльческимъ сырьемъ, не имѣетъ средствъ и возможности переработки ихъ, то этимъ дѣломъ можетъ заняться другая мѣстность, въ которой, вслѣдствіе суроваго климата, развитіе земледѣлія невозможно; но за то обиліе рѣчной воды позволяетъ явиться фабричнымъ и заводскимъ производствамъ. Въ этомъ случаѣ одна страна будетъ производить сырье, а другая его переработывать.

Еще большее значеніе имѣетъ вода, какъ средство передвиженія. Железныя дороги, не смотря на всѣ удобства, представляемыя ими для путешествующихъ джентльменовъ, далеко не могутъ сравниться съ водой. Чтобы оцѣнить важность воды, какъ средства сообщенія, пусть читательница обратитъ вниманіе на значеніе и развитіе приморскихъ городовъ. Посмотрите на нашу Одессу, даже на отдаленный сѣверный Архангельскъ; посмотрите на города, расположенные на большихъ рѣкахъ, служащихъ торговыми центрами для сбыта произведеній изъ мѣстностей континентальныхъ. Таковую роль играютъ, напримѣръ, у насъ Самара, Саратовъ, пожалуй, даже Великій Устюгъ, одолженный своимъ значеніемъ — впрочемъ уже упадающимъ — положенію при трехъ рѣкахъ: Сухонѣ, Югѣ и сѣверной Двигѣ. Какъ бы ни развились железныя дороги, но экономическое значеніе воднаго сообщенія никогда не утратится ужь только потому, что

океаны и моря останутся всегда океанами и морями, а пароходы не зашѣнятся желѣзными дорогами.

Чтобы представить себѣ яснѣе огромное вліаніе естественныхъ богатствъ на успѣшность труда вообразите двѣ идеальныя страны; въ одной есть рѣки и моря, какъ двигательныя силы и какъ средства передвиженія; растутъ пшеница, мансъ, рисъ, сахарный тростникъ, хлопчатникъ, шелковца, виноградъ, водятся разнообразныя виды овецъ, возъ и разныхъ другихъ домашнихъ животныхъ; а въ другой, лежащей на дальнемъ сѣверѣ, гдѣ нибудь въ тундрахъ, родится только слабый ячмень, да итландскій мохъ и, кромѣ оленей, собакъ и бѣлыхъ медвѣдей, не водятся другихъ животныхъ. Первая страна создаетъ разумѣется промышленное и развитое экономически населеніе, а вторая эскимосовъ.

Но однихъ естественныхъ произведеній еще не достаточно, чтобы явилось у людей матеріальное благосостояніе: земля можетъ быть очень плодородна для чая или для хлопчатника; климатъ можетъ быть очень благоприятенъ тутовымъ деревьямъ, винограду; въ землѣ могутъ лежать неизслѣваемые запасы желѣзной руды и каменнаго угля; а люди при всемъ томъ не будутъ пить чай, не будутъ шить шелковыхъ и бумажныхъ тканей и желѣзныхъ или стальныхъ издѣлій. Въ то время, какъ бриты обитали Англію, страна эта имѣла почти ту же почву, почти тотъ же климатъ и заключала въ своихъ нѣдрахъ тѣ же сокровища, какъ и нынче; но бриты жили далеко не такъ; какъ нынѣшніе англичане. Франція, во времена Карла Великаго, по естественнымъ своимъ богатствамъ была тою же, что и теперь; но развѣ въ экономическомъ отношеніи она въ 1865 г. тоже, что была въ 800 году? Недостаточно, чтобы въ странѣ могла произрастать тутовая деревья и виноградъ; отъ одного ихъ произрастенія еще не явятся лионскія шелковыя матеріи, венеціанскій бархатъ и шампанское; значить и шелковыя матеріи и бархатъ и шампанское нужно еще сдѣлать, потому что природа даетъ для нихъ только матеріалъ и разныя вспомогательныя силы, а сдѣлать все, что нужно человѣку долженъ самъ человѣкъ. Нѣкоторыя индейскія племена живутъ въ мѣстностяхъ богатыхъ всеми естественными богатствами, необходимыми для сильнаго экономического развитія, и не смотря на то, они живутъ вообще гораздо хуже, чѣмъ Робинзонъ Крузо въ первый день поселенія своего на необитаемомъ островѣ. Слѣдовательно, для развитія матеріальнаго благос-

стоянія нужно еще что-то такое, безъ чего оно явиться не можетъ. Вы скажете—трудъ; да,—но чтобъ явился трудъ нужна двигательная сила, называемая энергіей. Въ энергій вся сущность вопроса; а энергій въ свою очередь является изъ стремленія человѣка къ улучшенію своего быта, т. е. изъ постоянно и прогрессивно развивающейся потребности жить все лучше и лучше. Если въ людяхъ нѣтъ этой потребности, они будутъ находиться цѣлыя вѣка на одномъ экономическомъ уровнѣ. Я не стану касаться вопроса, отъ какихъ обстоятельствъ зависитъ стремленіе къ улучшенію своего быта, потому что это вопросъ не экономическій; замѣчу только, что такъ называемыя политическія обстоятельства играютъ здѣсь главнѣйшую роль. Изъ европейскихъ національностей наименьшую экономическую энергію обнаруживаютъ—угадайте кто?—вашъ папенька, служащій въ уѣздномъ судѣ, или въ полицейскомъ управленіи, или въ какомъ нибудь другомъ уѣздномъ (и непременно уѣздномъ) присутственномъ мѣстѣ, подскажетъ вамъ навѣрно: «англичане», потому что всѣмъ русскимъ отчизнолюбцамъ извѣстно, какъ лейтенантъ Лукинъ сконфузилъ одного англичанина, хваставшагося, что онъ можетъ слѣсть двѣнадцать селедокъ и выпить одну рюмку водки; Лукинъ выпилъ двѣнадцать рюмокъ и слѣлъ одну селедку. Точно также имъ извѣстно, что одинъ тульскій мастеръ приготовилъ разъ ружье, отличавшееся отъ англійскаго, лучшей работы, только тѣмъ, что у тульскаго былъ лопнувшій казенный винтъ; чтобы не пускаться въ технику ружейнаго дѣла, я доложу вамъ, моя многоуважаемая читательница, что изъ подобнаго ружья стрѣлять нельзя, потому что оно убьетъ прежде всего самого стрѣлка. Но какъ этими двумя фактами была доказана несомнѣнность нашего экономическаго превосходства предъ англичанами и нашей находчивости, то вашъ суфлеръ будетъ совершенно правъ, если поставитъ русскихъ выше англичанъ. Но я полагаю, что буду правъ, если скажу, что наименьшей экономической энергіей отличаемся мы, русскіе. Хотите доказательства? Первый фактъ, опровергающій мнѣніе вашего папеньки, заключается въ томъ, что экономическій бытъ массы нашего престоноародья во времена Герберштейна, посѣщавшаго Россію въ первой четверти XVI столѣтія, почти нисколько не измѣнился; а съ 1517 года, когда Герберштейнъ былъ въ первый разъ въ Россіи, а до 1865 года, въ которомъ мы благополучно проживаемъ съ вами, прошло ровно 348 лѣтъ. Я не говорю, что экономическій бытъ ни

столько не измѣнился; я говорю, что онъ почти не измѣнился. Что же касается до сельской архитектуры того и нашего времени, то вы подумаете, что Герберштейнъ рисовалъ русскіе деревенскіе домики въ 1865 году. Теперь не угодно ли обратить ваше вниманіе на Англію при королевѣ Викторіи. Конечно, Англія тѣхъ временъ была экономически развитѣе тогдашней Руси; но было бы весьма самообольстительно полагать, что мы въ эти 348 лѣтъ обнаружили такую же экономическую энергію, какъ англичане. Для читательницы экономическая параллель будетъ понятнѣе, если она обратитъ вниманіе на послѣднія, ей короче извѣстныя, времена, когда свершился переломъ, давшій всей экономической жизни нашего гѣна небывалый до того характеръ. Въ главѣ этого движенія стояла Англія и Америка, изобрѣвшія паровую прядильную и другія машины, желѣзныя дороги, пароходы, телеграфъ.—До изобрѣтенія паровой и прядильной машинъ, въ Англіи была такая же экономическая тишь и благодать патріархальныхъ отношеній, какъ въ какомъ нибудь Бахчисараѣ. Простой человѣкъ жилъ мирно и покойно, не зная, что дѣлается не только на бѣломъ свѣтѣ, но даже и въ сосѣднемъ городѣ. И вдругъ, точно громъ съ неба, явились внезапно машины и всѣ прежнія экономическія отношенія оборвались и начался новый порядокъ вещей. Цѣлыя графства, славившіяся прежде болотами, необработанными землями и непроходимыми дорогами, покрылись шоссе, селеніями, городами, которые росли какъ грибы; почву вездѣ осушили; вѣсто болотъ явились пашни и луга. Лондонъ, въ которомъ около этого времени считалось 676,000 жителей, имѣетъ теперь 3,000,000; въ Манчестерѣ считалось въ 1801 г. 94 т., а теперь 450 т. въ Ливерпулѣ 82,000, а теперь 400 т.; въ Брайордѣ, гдѣ было 13 т., теперь 100 т. Англія забрала въ свои руки промышленный міръ и превратилась въ мануфактуру, работающую на всѣ пять частей свѣта. Нельзя сказать, чтобы все это время мы почивали мирнымъ экономическимъ сномъ; но будетъ также патріотическимъ заблужденіемъ полагать, что мы шли тѣмъ же быстрымъ (конечно относительно) шагомъ, какъ шла Англія. Въ 1780 году, мы были въ экономическомъ отношеніи ближе къ Англіи, чѣмъ стоимъ къ ней теперь. И происходитъ это совсѣмъ не потому, чтобы у насъ было мало энергій, а потому что въ передовомъ русскомъ населеніи, стоявшемъ въ главѣ политической жизни, энергія эта имѣла другое направленіе, а въ массѣ населенія она

проявлялась больше въ силѣ отрицательнаго свойства, меведущей къ особенно блестящимъ экономическимъ результатамъ. Только съ освобожденіемъ крестьянъ явилась большая возможность экономической прогрессивности и, конечно, мы прибавимъ теперь шагъ. Но только если вашъ папенька будетъ доказывать, что мы и прежде и теперь бѣжимъ безъ удержу, то возьмите его за фалды и скажите, что людямъ солидныхъ лѣтъ слѣдуетъ смотрѣть на вещи здраво и говорить разсудительно, потому что неприлично обнаруживать въ пятьдесятъ лѣтъ наблюдательность и наивныя самоуверенныя мысли десятилѣтняго ребенка.

Въ каждомъ человѣкѣ есть энергія; но дѣло не въ силѣ, а въ томъ, на что она идетъ. Монголы, временъ Чингисъ-Хана, тоже обнаруживали огромную энергію; но она шла на порабощеніе народовъ. У человѣка неразвитаго порывистой силы гораздо больше, чѣмъ у человѣка, дѣйствующаго сознательно; но эта порывистость обрушивается вся и сразу на ближайшій предметъ и за тѣмъ упадаетъ. Подобной энергіей двигаетъ страсть и если умѣть возбудить энергію неразвитаго народа, то на короткое время можно произвести ея чудеса. Такая энергія дѣйствуетъ, какъ стремительный горный потокъ, сдвигающій камни; но за то и вода изсыхаетъ сразу и за тѣмъ обнаруживается сухое русло. Обратите вниманіе на исторію гунновъ, монголовъ и вы увидите, что сравненіе это вѣрно. Громадная страстность двигала ихъ полчищами и дѣйствительно ничто не могло устоять противъ ихъ силы. Но порывъ прошелъ и затѣмъ не оказалось никакой настойчивости, способной двигать людей, хотя и не съ той временной силой, но постоянно, по немногу, къ одной отдаленной и твердой цѣли. Между развитымъ и неразвитымъ человѣкомъ разница заключается въ томъ, что первый смотритъ далеко впередъ и располагаетъ всѣ свои дѣйствія соответственно своему отдаленному идеалу; второй же смотритъ близко и дѣйствуетъ хотя сильнымъ, но короткимъ ударомъ, послѣ котораго ослабѣваетъ, чтобы опять накопить запасъ новыхъ силъ и произвести новую вспышку. Въ отношеніи своихъ общественныхъ учреждений, народы, находящіеся въ моментъ порывистости, поступаютъ точно также; они не способны придумать и обезпечить себѣ тѣ порядки, которые называются хорошими политическими учрежденіями, потому что, увлекаясь короткими цѣлями, страстнаго моментаго характера, они безпрестанно теряютъ изъ виду цѣли бо-

дѣла существеннымъ, и оттого ихъ общественные порядки мало обезпечиваютъ собственность, трудъ и его результаты. При слабости обезпеченіи собственности, экономическое развитіе не можетъ идти быстро; а при недостаткѣ экономической свободы, становится не возможнымъ скорое увеличеніе матеріальнаго благосостоянія. Чтобы человѣкъ могъ богатѣть, ему прежде всего нужно быть увѣреннымъ, что отъ него не отнимутъ того, что онъ наработаетъ и, кромѣ того, ему нужно имѣть развязанныя руки и ноги. Безъ этихъ двухъ условій не можетъ быть экономической энергіи и не возможенъ усѣбный трудъ. У восточныхъ народовъ, какъ напримѣръ турки; гдѣ какой нибудь правосудный яди можетъ опростать сундукъ любого своего кліента, никому не расчетъ хлопотать о наполненіи своего сундука. Ужъ если неизбежно сундуку быть пустымъ, то пусть онъ будетъ пустымъ; хозяинъ предпочитаетъ кейфъ всякому труду, чѣмъ трудиться и все-таки не имѣть ничего. Вѣдь вы не станете работать, если знаете, что все, что вы ни надѣлаете, будетъ отъ васъ отнято; также поступаютъ и турки. Измѣнятся у нихъ общественные порядки—явится и экономическій прогрессъ; а до тѣхъ поръ остроумные политики могутъ доставлять себѣ удовольствіе безплодными сѣтованіями о турецкой неразвитости и предсказывать цѣлымъ дѣсяти милліонамъ людей смерть отъ застоя и гніенія, точно это стружки или опилки, насыпанные въ кучу для образованія садоваго чернозема.

Чтобы энергія привела къ дѣйствительному матеріальному благосостоянію, нужно, чтобы она дѣйствовала постоянно, съ неослабляющею силой. Иначе человѣкъ будетъ работать только въ моменты крайней неизбежной нужды, т. е. ровно столько, чтобы не умереть съ голоду и когда грозитъ ему голодная смерть, и будетъ находиться на самомъ низкомъ уровнѣ экономического быта. Посмотрите на обыкновеннаго, такъ сказать средняго, русскаго мастерового, служащаго типомъ русскаго ремесленнаго человѣка. Я не буду говорить о причинахъ, по которымъ русскій мастеровой вышелъ тѣмъ, что онъ есть. Здѣсь же объ этомъ рѣчь, а о томъ, что экономическая энергія людей проявляется особеннымъ образомъ и что, при такомъ проявленіи ея, экономическое благосостояніе невозможно. Нашъ мастеровой, какъ извѣстно, весьма способенъ и понятливъ, хотя способности его больше подражательныя, какъ и у всѣхъ способныхъ, но неразвитыхъ людей. Энергіи у него

тоже много. Когда ему необходимо работать, онъ принимается съ такой силой за дѣло, съ какой не работаетъ никогда ни одинъ нѣмецъ или англичанинъ. Въ два часа онъ дѣлаетъ то, на что другому нужно два дня. Но вотъ необходимыя средства добыты и человекъ бросается со всею силой на удовлетвореніе своей нормивстой натуры, точно вся цѣль его жизни заключается именно въ подобныхъ удовлетвореніяхъ. Удовлетворивъ свою страстность, человекъ опять берется за работу, добываетъ небольшія средства и затѣмъ опять повторяетъ ту же исторію, и въ этихъ переходахъ отъ страстности къ энергическому труду проходитъ вся его жизнь, жизнь можетъ быть веселая и счастливая, но во всякомъ случаѣ жалкая и бѣдная. Развѣтой человекъ живетъ и дѣйствуетъ иначе. Его рабочая энергія проявляется въ немъ не вспышками, а идетъ впередъ ровно, постоянно. Трудъ его непрерывенъ; оттого и совокупная энергія подобныхъ людей, если они составляютъ главную массу населенія, ведетъ въ скоромъ времени ко всѣмъ выпуклымъ экономическимъ результатамъ и къ тому, что называется народнымъ благосостояніемъ. Нашихъ земледѣльцевъ въ недостаткѣ энергіи упрекнуть, конечно, нельзя, и неуспѣшность ихъ труда зависитъ отъ другихъ причинъ. Но нельзя сказать также, чтобы эта энергія была того же характера, какъ энергія англійскаго или американскаго земледѣльца. Наши мѣщане иное дѣло. Повидимому въ народѣ одного общаго происхожденія и составляющемъ одну національность должна бы быть повсюду и односортная энергія; этого между тѣмъ не бываетъ. Каждая отдѣльная мѣстность имѣетъ свои особенныя экономическія условія и обстоятельства, а потому проявляетъ разную экономическую силу. Энергія забайкальскаго жителя совсѣмъ не та, что жителя Иркутска; энергія провинціала совсѣмъ не та, что обитателя столицы, и у каждаго уѣднаго города свой размѣръ или градусъ экономической энергіи. Думаю, что ошибусь не много, если скажу, что энергія почтенныхъ тамошнихъ обитателей составляетъ минимумъ русской экономической энергіи. Конечно не одна Тотьма составляетъ этотъ минимумъ, и найдется у насъ множество уѣдныхъ городковъ, принадлежащихъ съ Тотьмой къ одной категоріи экономической безмятежности.

Потребность—единственная сила возбуждающая въ человекѣ сначала временную энергію, а потомъ, по мѣрѣ развитія народа, дающая его энергію болѣе постоянную и упорную силу. Изъ всѣхъ по-

требностей; развивавшихъ экономическую энергію, дѣйствуетъ побудительнѣе всего щегольство. Конечно, стремленіе къ щегольству — достоинство не особенно высокое, ведущее даже отдѣльныхъ людей къ разоренію и къ убыточному употребленію своихъ силъ и способностей; но съ другой стороны только щегольство, т. е. стремленіе къ виѣшнему украшенію, по суетнымъ побужденіямъ, являлась до сихъ поръ главной силой, заставлявшей людей выходить на дорогу экономического развитія, потому что возбуждало въ нихъ новыя потребности и, дѣйствуя постоянно прогрессивно, воспитывало въ людяхъ энергію продолжительнаго характера. И мы русскіе не страдали въ этомъ случаѣ исключенія. Европейскіе обычаи, одѣжаніе и европейскій образъ жизни прививались, въ прошедшемъ столѣтіи, къ нашимъ образованнымъ сословіямъ по побужденіямъ тщеславія и щегольства; да и нынче новодеревенскія женщины и прекрасный полъ Путилова и многихъ другихъ селъ и деревень, не считая петербургскихъ и московскихъ кухарокъ и горничныхъ, начинаютъ носить кринолины, зонтики и даже шляпку, по тѣмъ же самымъ побужденіямъ, по которымъ наряжались и наши прабабушки, посѣщавшія петровскія ассамблеи. Но пора суетнаго щегольства, наконецъ, проходитъ и тогда является въ людяхъ истинная экономическая энергія, которая выводитъ на настоящую дорогу сначала отдѣльныхъ людей, а потомъ и цѣлый народъ. Въ васъ, моя читательница, экономическая энергія является, разумеется, не изъ побужденій щегольства а изъ тѣхъ причинъ и стремленій, которыя руководятъ развитіемъ человѣкомъ, считающимъ первымъ благомъ жизни свободу, нравственную независимость и экономическую самостоятельность.

Предположите страну неисполненную всякихъ естественныхъ богатствъ. Есть въ ней и золотыя росыпи, и желѣзная руда, моря и рѣки, богатая растительность, и живетъ въ таковой странѣ народъ весьма энергичный, т. е. сильно желающій быть богатымъ и способный трудиться постоянно и неутомимо. Будетъ ли достаточно этихъ двухъ экономическихъ факторовъ, чтобы народъ дошелъ, дѣйствительно, до благосостоянія? Предположите, что тамъ, гдѣ вы знаете, есть превосходная желѣзная руда, есть дрова, а въ васъ сидитъ сильное желаніе имѣть стальные кошицы и полная готовность работать ихъ собственными руками; достаточно ли этого, чтобы кошицы явились дѣйствительно, если вы не умѣете ни извлекать желѣза изъ руды, ни превращать желѣзо въ сталь, ни дѣлать

пожаниць? Значит одного желанія еще не достаточно, а нужно владѣть умѣньемъ удовлетворить ему. Такимъ образомъ знаніе является третьимъ необходимымъ факторомъ успѣвшности труда. Но и польза знанія опредѣляется размахомъ его и степенью производительной ловкости и способности. Не все равно быть ли такимъ столяромъ, какъ крестьянинъ Тепляковъ, учившійся у Гамбса, или какъ отставной солдатъ Григорій. Оба они столяры, и оба они работаютъ вещи для людей съ болѣе развитыми потребностями, и оба они берутъ за свою работу одинаково дорого; но только вещи выходятъ у нихъ не одинаковыя. Одинъ работаетъ быстро, такъ что дѣло кипитъ въ рукахъ, другой тихо; одинъ работаетъ чисто и сообщаетъ всему вѣрный рисунокъ, соблюдая точную пропорцію въ частяхъ; другой скоблить и выходить у него издѣлія не истиннѣ удивительныя. Правда, что одинъ человекъ натуры сырой, стремительной и потому пропиваетъ все до копѣйки; другой тоже натуры сырой, но не стремительной и выпиваетъ больше на чужой счетъ. Но это не относится къ настоящему вопросу, потому что теперь нашъ вопросъ въ томъ, на сколько знаніе помогаетъ успѣвшности труда.

Промышленная прогрессивность народа виднѣе всего въ его изобрѣтеніяхъ. Ни одно изъ промышленныхъ производствъ не возможно безъ вспомогательныхъ орудій, и въ нихъ-то обнаружилось первое приложеніе промышленной смысленности человека. Эта вспомогательныя средства служатъ только для того, чтобы облегчить трудъ и сдѣлать его успѣшнѣе. Пока люди еще довольно близки къ первоначальному дикому быту, пока ихъ потребности ограничены, и способности мало развиты, они обходятся очень немногими и несложными вспомогательными орудіями. Первый дикарь конечно ловилъ дикаго оленя или быка способомъ самымъ простымъ; онъ гонялся за нимъ и старался вбодѣть его силой. Способъ этотъ хотя и простъ, но бѣгать много и дикому человеку трудно, и единоборство опасно. И вотъ дикарь началъ придумывать способы болѣе легкіе ловить вѣблей и придумалъ пращу, лукъ и стрѣлы, снаки и т. д. Превратившись въ земледѣльца, дикарь началъ тоже необходимымъ облегчить себѣ трудъ, и вотъ явились лопаты, заступы, соха, плугъ, борона и т. д. Все это также инструменты, облегчающіе трудъ и, съ меньшей затратой силъ, дающіе человеку большую выгоду. Не берусь утверждать, были ли когда нибудь такія времена, когда люди обходились совершенно безъ орудій, употреб-

дѣла дѣло непосредственно руки. Но если такія времена и бывали, то это не особенно важно, во-первыхъ потому, что они были вѣроятно лѣтъ 10,000 назадъ; а во-вторыхъ, что нынче нѣтъ ни одного производства, которое было бы возможно безъ инструментовъ и орудій. Какъ бы ни было ничтожно промышленное дѣло, хорошее исполненіе его требуетъ непременно инструментовъ. Нельзя выстроить дома безъ топора, нельзя имѣть дровъ безъ топора или лопы, нельзя имѣть хлѣба, не обработавъ земли, хотя лопатой и не сжавъ растеній, хотя простымъ ножомъ. Безъ вспомогательныхъ средствъ и орудій перевозки, какъ лодки, барки, корабли, телеги, сани, нельзя было бы имѣть сношеній съ отдаленными странами и пользоваться ихъ произведеніями, или достигать тѣхъ выгодныхъ результатовъ, которыхъ достигаютъ нынче помощью перевозочныхъ средствъ. «Но помощью грубыхъ, несовершенныхъ орудій достигаются и несовершенные результаты. Вы не разрѣжете хорошо матерію дурными, тупыми ножницами; не разрѣжете хорошо хлѣба тупымъ ножомъ; не обработаете соответственнымъ образомъ землю палкой, лопатой; даже наша сека и наша барона достигаетъ весьма плохо цѣли. Чѣмъ человѣкъ становится развитѣе и сообразительнѣе, тѣмъ охотѣе придумываетъ болѣе разныхъ улучшеній въ орудіяхъ, служащихъ къ сохраненію труда и сокращенію издержекъ производства, потому что не все равно, работать ли какую нибудь вещь: одинъ часъ или два часа. Улучшеніе орудій ведетъ не только къ сокращенію труда, при одинаковомъ техническомъ совершенствѣ производства, но и къ возвышенію добротности производимаго продукта. Этого свѣдѣнія достигать въ последнее время машинами. Машины не только позволяютъ человѣку совершать трудъ, превышающій его силы, какъ напримѣръ при употребленіи паровой машины, замѣняющей одновременный трудъ иногда нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, но и совершать такія работы, которыя слишкомъ нѣжны для человеческихъ рукъ. Посмотрите на англійскіе машинные чулки и перчатки; очень можетъ быть, что не найдется искусницы, которая руками свяжетъ вещи такой же тонкой работы; но во-первыхъ такихъ мастерицъ найдется очень мало; даже между нѣмками. а во-вторыхъ, машина ткать такъ быстро, какъ не сработаетъ ни одной самой сворой вязальщицы. Но это производство еще не такъ особенно тонкимъ. Замѣчательнѣе гораздо производство часовъ, цѣль которыхъ части такъ тонки и нѣжны, что руками ихъ пригото-

нить рѣшительно невозможно. Рассмотрите желѣзныя колеса, шестерни, 10-ти часовую пружину, и вы найдете такую отчетливость и правильность работы, какой можете достигнуть весьма несомнѣнный мастеръ только въ теченіе многолѣтнихъ упражненій. Въ этомъ заключается главнѣйшая польза машинъ. Облегчая механизмъ труда въ отношеніи силы и техники, онѣ уравниваютъ способности людей и то, для чего требовался прежде талантъ и особенная ловкость, могутъ производить нынче люди посредственныхъ силъ и механическихъ способностей. Въ прилѣръ послѣдняго приведу ткацкій механический станокъ. Весь трудъ человѣка при этой машинѣ заключается въ томъ, чтобы наложить основу и намотать утокъ и за тѣмъ соединить станокъ съ приводомъ паровой машины; ткацкій станокъ приметъ тотчасъ же шумѣть и стучать, дѣлая свое дѣло съ такой быстротой и отчетливостью, какія совершенно невозможны для человѣческихъ рукъ. Но не въ этомъ замысловатость машины. Самое удивительное въ ней то, что какъ только какая нибудь нитка основы лопнетъ — машина останавливается и, въ такомъ случаѣ, обязанность женщины, представленной къ станку, заключается въ томъ, чтобы пойдти и связать лопнувшую нитку. Затѣмъ машина опять пускается въ ходъ. Лопнетъ нитка опять, и опять свяжутъ ее и опять пустятъ машину. Такимъ образомъ трудъ ткача сведенъ здѣсь къ простому надзору за машиной и къ связыванію нитокъ, что можетъ сдѣлать почти каждый ребенокъ. Известная вамъ швейная машина — штука тоже довольно замысловатая и шьетъ она, конечно, не хуже и не тише швей. Впрочемъ именно это обстоятельство и навлекло на нее неудовольствіе швей. Швейная машина работаетъ съ такой быстротой, что если бы она могла замѣнить вполне ручную работу, то конечно оставила бы безъ хлѣба девять десятыхъ работницъ.

Вопросъ о голодной смерти швей, поставленный теоретически, разрѣшается, повидному, очень просто: швей создадутъ себѣ новое дѣло и зацвѣтутъ здоровьемъ и красотой, наслаждаясь обильными надами своей изобрѣтательности. Но не такъ легко разрѣшается этотъ вопросъ практической жизнью. Придумать новое занятіе нѣсколько труднѣе, чѣмъ сходить на рынокъ и купить копѣчный валакъ. Вы личнымъ опытомъ знаете, что одного желанія быть хорошо одѣтой еще не достаточно, что бы быть одѣтой хорошо въ дѣйствительности. Вы знаете хорошо, что одного желанія быть

экономически-независимы еще мало, чтобы иметь полный бу-
 лажник денег. Вы знаете, что вопрос о куске насущнаго хлѣба
 самый важный вопрос и нѣтъ вопроса важнѣе его. Вы пересчитыва-
 лие и передумали хорошо и со всѣхъ сторонъ все то, что касается лич-
 ности; вы знаете отчего вамъ дурно и что вамъ нужно для счастья,
 и когда пришлось вамъ осуществить свои стремленія въ дѣятельности,
 то предъ вами возникла стѣна, которую ни пробить, ни перескочить
 для васъ невозможно, и опустили у васъ руки, и вы спрашиваете и
 себя и другихъ «что дѣлать?», и ни одна живая душа не дала вамъ
 отвѣта, какой вамъ нуженъ. Нѣтъ ничего легче, какъ относиться
 теоретически къ вопросамъ жизни и нѣтъ ничего труднѣе, какъ раз-
 рѣшать ихъ практически. Конечно шевелить придется создать себѣ
 новый родъ занятій; не позволяйте узнать, сколько изъ нихъ умрутъ
 голодной смертью, прежде чѣмъ остальными, истощенными нуждой и
 великими лишениями, добьются наконецъ до куска хлѣба такой вели-
 чины, что наконецъ будутъ наѣдаться до сыта? Мыслители разсуж-
 даютъ совершенно правильно, когда говорятъ, что о тѣхъ, кто легъ
 мертвыми на пути жизни, сокрушаться совершенно бесполезно.
 Они разсуждаютъ правильно, когда не считаютъ всѣхъ тѣхъ, на
 чьихъ востяхъ строился прогрессъ человѣчества. Да и кто ихъ
 сосчитаетъ и къ чему поведетъ знаніе—милліонъ ли или десят-
 ки милліардовъ человѣческихъ труповъ нужны были для того, что-
 бы мы съ вами, читательница, могли бы наслаждаться, наконецъ,
 плодами европейской цивилизаціи, а американцы могли бы создать
 свои превосходныя учрежденія? Ну, положимъ,—десять милліардовъ.
 Что же изъ этого? Дѣло совсѣмъ не въ томъ, сколько убито людей;
 умерли вѣдь и тѣ, кто ихъ убивалъ. Умерли всѣ, кто жилъ; одни
 раньше, другіе позже; въ этомъ вся и разница. Тамъ разсуждаютъ
 мыслители, запрещающіе вамъ сокрушаться о томъ, чему никакое
 сокрушеніе въ мірѣ помочь уже не въ состояніи. И взглядъ этотъ
 совершенно вѣренъ, тѣмъ болѣе, что онъ отвлекаетъ ваши силы
 отъ бесплодной траты ихъ на дѣло, котораго воротить невозможно;
 и заставляетъ ихъ направляться на то, въ чемъ они необходимы.
 Кто умеръ, тотъ умеръ; ну, и пусть онъ спитъ мирно на лонѣ
 своей пращцы, сдѣлавшихъ вѣкогда тоже подобную же штуку.
 Все это правильно, правильно что исторію человѣчества создала ни
 одна тѣ, кто умерла съ голоду, но и тѣ, кто допался отъ жиру.
 Но только это не дѣла этого! Пусть бесполезно сокрушаться о тѣхъ,

кто умереть отъ голоду и дохнуть отъ жару; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы вамъ или мнѣ нужно было относиться совершенно равнодушно къ этому вопросу, если онъ касается лично насъ. Я не желаю ни сохнуть отъ недостатка пищи, ни расплываться на счетъ хлѣба своего сосѣда; вы тоже. Значить намъ весьма позволительно думать о томъ, чтобы достигнуть матеріальнаго и нравственнаго довольства. Историкъ и мыслитель могутъ, какъ имъ угодно, относиться къ тому факту, что намъ съ вами холодно и голодно; онъ можетъ равнодушно отнести даже и къ тому, если увидитъ, наконецъ, насъ умершими во двѣхъ лѣтъ оттого, что на свѣтѣ не нашлось для насъ лишняго куска хлѣба и порѣшать, какъ Мальтусъ, что мы умерли потому, что на паву природы мы лишніе люди. Но размышленія историковъ не обязываютъ насъ пріиниматься таковой же объективностью относительно самихъ себя. Швейц, оставшаяся безъ работы, рассуждаетъ весьма правильно, что если природа забыла приготовить для нея обѣдъ, то зачѣмъ же она призвала ее жить? Пригласивши—дай ѣсть; а если нечего ѣсть,—не приглашай. Но другіе мыслители утверждаютъ, что природа въ этомъ насколько не виновата. Да, и въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ виновата природа, если одни люди умираютъ на улицахъ Лондона съ голоду и, въ тоже время, выбрасываютъ собакамъ остатки обѣда какіе нибудь лорды, остатки которые бы конечно спасли несчастныхъ отъ смерти? Почему же эти остатки отданы собакамъ? Отчего умершій съ голоду человѣкъ, желая изъ всѣхъ силъ работать и на столько гордый, чтобы не просить милостыни, не нашелъ себѣ дѣла? Кто же сдѣлалъ за него то дѣло, которое реализировалась въ видѣ остатковъ обѣда, отданнаго собакамъ? Ясно, что кто-то работалъ слишкомъ много, такъ что другимъ пришлось сидѣть сложа руки; ясно также, что кто-то съѣлъ слишкомъ много, потому что другому досталось слишкомъ мало. Мыслители, наблюдавшіе факты этого рода не съ объективной точки зрѣнія, а какъ вопросы современной жизни, пришли къ тому убѣжденію, что лишенія, которымъ подвергается люди, происходятъ исключительно оттого, что въ устройствѣ общественнаго порядка есть еще многое, нарушающее гармонію экономическихъ отношеній и что въ природѣ и въ самомъ человѣкѣ ровно столько силъ, сколько нужно, чтобы имъ не претендовать другъ на друга и чтобы человѣкъ имѣлъ все необходимое ему для жизни. Значить въ чемъ же дѣло, если люди умираютъ съ голоду?

Въ такъ же дѣло, если швейная машина оставляетъ тысячи швей или се воить безъ хлѣба, или на хлѣбѣ черствомъ; если ткацкій станокъ и прядильная машина заставила голодать ткачей и прядильщицъ; если желѣзныя дороги превратили въ лишннихъ презнхъ возчиковъ и ящичковъ; если пароходы оставляютъ безъ дѣла матросовъ и судорбочихъ; если земледѣльческія орудія отнимаютъ хлѣбъ отъ земледѣльцевъ? Тѣ, кто смотритъ на явленія съ точна зрѣнія ихъ ближайшихъ послѣдствій, пришли нѣкогда къ тому, что проклали машины и обвинили ихъ въ томъ злѣ, отъ котораго такъ страдаетъ современный пролетарій. Пролетарій съ подобной же беззавустью накинулся на машины и по своей активности, недовольствуясь одними бранными словами и угрозами, принялся бить и ломать. Нѣсколько машинъ было точно изломано; но въ замѣнъ одной изломанной машины, явились десятки новыхъ и пролетарій, паюнацъ, увидѣвъ, что онъ борется не съ машинами, а съ гениемъ челоѣчества, съ тѣмъ гениемъ, часточка котораго сидитъ и въ немъ самомъ. Этотъ гений, выражаясь по просту, есть стремленіе свойственное каждому челоѣку, улучшать свое положеніе и придумать то, что дѣлаетъ жизнь легче и пріятнѣе. Только это стремленіе и привело къ изобрѣтенію машинъ, желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ и т. д. Если пролетарій не выигралъ ничего отъ этихъ изобрѣтеній, то въ этомъ виноваты не желѣзныя дороги и пароходы; точно также, если швей лишилась хлѣба, то виновата въ томъ не швейная машина. Напротивъ, машины выѣютъ приной цѣлью облегчить трудъ рабочаго, и швейная машина назначена для того, чтобы швей не сидѣла по 16 часовъ за работой, наживая себѣ чухотку. Будущее значеніе машинъ поняли лучше всего тѣ мыслители, которые за собой стремленіе къ отдаленному общественному идеалу прозвали утопистами, мечтателями, энтузіастами и другими подобными именами. Не смотря однако на эту недрость въ названіяхъ, энтузіасты смотрѣли въ будущее вѣрно и видѣли въ немъ то, къ чему челоѣчество идетъ и должно придти. Было время и очень недавно, когда половина Франціи стремилась къ идеальному счастью, наризованному ей однимъ изъ этихъ мечтателей и хотѣла его осуществить. И то были вовсе не безумцы, полагавшіе, что можно паться враспирными словами и одѣваться въ увлекательныя фразы. Стремившись къ осуществленію лучшаго люди наиболѣе практическіе, вторичная вся жизнь была рядомъ лишній и заботъ, выдѣлываю-

щихъ, какъ извѣстно, превосходнѣйшихъ реалистовъ. Если эти люди, потерпѣвъ неудачу, такъ только потому, что были воспитаны въ вѣрныхъ началахъ и свои лучшія стремленія не умѣли примирить съ дурными привычками, въ которыхъ выросли. Вообразите себѣ такую жизнь, гдѣ трудъ человѣка доведетъ до minimum'a, а нравственное развитіе человѣка до maximum'a. Земледѣлецъ не изображаетъ изъ себя бѣлаго негра, изнемогающаго подъ палящими солнечемъ отъ чрезвычайнаго труда. Бѣдныя женщины не губятъ свое здоровье, работая въ полѣ съ утра до вечера, согнувшись въ три погибели и срѣзывая серпомъ хлѣбъ. — Кстати замѣчу, что ни одно изъ знаній не стоитъ такъ далеко назадъ, какъ агрономія, и ни въ одномъ экономическомъ производствѣ нѣтъ такихъ допотопныхъ техническихъ прѣемовъ, какъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Что можетъ быть важнѣе жатки въ томъ видѣ, какъ она существуетъ хотя бы у насъ! Попробуйте, ради шутки, пожать въ лѣтній зной часа два, и конечно васъ изумитъ то воловье терпѣніе, съ какимъ люди изъ года въ годъ занимаются этимъ тяжкимъ, убійственнымъ дѣломъ, ни сколько не стараясь придумать что нибудь попроще, т. е. полегче. — Всѣ работы свершаются машинами: паханіе, сѣвъ, жатва, молотѣба. Человѣкъ только управляетъ ходомъ машинъ, заставляя ихъ дѣлать то, что ему нужно и именно такъ, какъ ему нужно. То что дѣлается нынче въ день и достигается тяжкимъ трудомъ, убивающимъ въ человѣкѣ всѣ умственныя способности и уподобляющимъ его волю, дѣлается при машинномъ трудѣ въ часъ. Теперь земледѣлецъ не имѣетъ времени не только для эстетическаго развитія, въ недостатокъ котораго его укоряютъ любители мясныхъ салонныхъ разговоровъ и либеральныхъ модныхъ фразъ, но у него едва достаетъ время на отдыхъ и на ѣду. Тогда же, отдѣлавъ свое дѣло въ часъ и получивъ вдвое противъ того, что онъ получаетъ отъ своего нынѣшняго наторжнаго труда, земледѣлецъ посвящаетъ остальное время, частью, другимъ экономическимъ занятіямъ, частью удовлетворенію своихъ духовныхъ потребностей. Онъ гуляетъ, читаетъ, занимается музыкой, отправляется въ театръ, однимъ словомъ, дѣлаетъ все то, что доступно нынче только людямъ, пользующимся большимъ матеріальнымъ благосостояніемъ. — Я не хочу въ своихъ предположеніяхъ идти такъ далеко, чтобы совершенно отвергнуть земледѣліе и замѣнить его химической работой въ лабораторіяхъ; можетъ быть человечество дойдетъ когда нибудь до этого; можетъ быть оно

станеть получать и шерсть не съ барановъ, а добывать ее хиничо-они изъ той травы, которой питаются бараны. Но не смѣйтесь, моя читательница и надъ такими, повидному черезъ чуръ утопическими мечтами. Только подобными мечтами люди и приходятъ къ изобрѣтеніямъ и открытіямъ. То, что вы уже привыкли видѣть, съ чѣмъ вы сложились съ молоду, васъ конечно не удивляетъ и не кажется вамъ ничѣмъ особеннымъ. Отъ этого вы совершенно равнодушно проходите мимо прядильной машинны и ткацкаго станка, не затрудняя себя вопросами, какинъ образомъ явился на свѣтъ, эти, повидному, простые и ни для кого неудивительныя вещи. А между тѣмъ, чтобы итъ явиться на свѣтъ изобрѣтателю ихъ нужно было задаться вопросомъ: какъ бы заимѣнить человека машиной, т. е. придумать такой снарядъ, который бы работалъ какъ существо со смысломъ. Если бы Аркрайтъ—изобрѣтатель прядильной машинны, нанесшей первый и ужасный ударъ всѣмъ прежнимъ экономическимъ отношеніямъ—вздумалъ бы до своего изобрѣтенія напечатать въ газетахъ, что онъ хочетъ придумать машинну, которая будетъ работать не только за человека, но даже лучше его, то конечно его сочли бы всѣ сумасшедшимъ. А оказались бы сумасшедшими напротивъ тѣ, кто считалъ себя великими умниками, а умникомъ вышеле тотъ, кого считали безумцемъ. Точно также были бы удивлены люди, считающіе себя вообще очень разсудительными и мудрыми и призванными учить другихъ, если бы Джефферсонъ сказалъ итъ, что изобрѣтеть машинну, на которой могутъ ѣхать, съ быстротой ста верстъ въ часъ сразу тысячи человекъ, или что придумается корабль, который будетъ плавать и въ шталь, и по вѣтру, и противъ вѣтра, безъ парусовъ, или что можно въ полчаса переслать письмо изъ Парижа въ Петербургъ. Химія, такое великое знаніе, что смѣлонъ покажется не тотъ, кто засядетъ теперь за добываніе сливокъ и молока прямо изъ той травы, которой питаются коровы, а тотъ, кому покажется утопией или безуміемъ подобная попытка. Филистеры, находящіе все утопическимъ и безумнымъ, чего они не въ состояніи переварить своими деревянными мозгами, не изобрѣли ничего, кромѣ того, что съ развитіемъ цивилизаціи постоянно уничтожается и уничтоженіе чего именно и служить признакомъ и масштабомъ прогресса; тогда какъ тѣ, кого они считали безумцами, придумывали постоянно то, чѣмъ возвышалось матеріальное благосостояніе общества и что ведетъ человѣчество къ счастью. Поэтому нужно отно-

снётся весьма деликатно къ тому, что называется утопией и безуміемъ, потому что можете ли вы утверждать, что вы не нашли бы безуміемъ стремленій Колумба, Джефферсона, Фульга, Аркрайта, Уатта, и что если бы подобные люди, съ подобными же стремленіями явились бы теперь передъ вами, то вы сьумѣли бы оцѣнить ихъ лучше, чѣмъ оцѣнили ихъ современные эмилстеры? Не думайте, что глухо все то, чего мы не понимаемъ и только мы одни судимъ безошибочно. При такомъ порядкѣ, когда земледѣлецъ явился только надсмотрщикомъ машинъ и всѣ сельско-хозяйственныя операции совершаетъ помощію ихъ, егo трудъ терзаетъ свой низкій и изнурительный, изнурительный характеръ и становится уже не дѣломъ, разрушающимъ здоровье и сокращающимъ жизнь, а только занятіемъ гигиеническаго свойства, въ родѣ тѣхъ прогулокъ, которыя вы, читательница, предпринимаете вскорѣ въ городскомъ саду. Весь остальной механический трудъ облегченъ точно также: сапоги, чулки, шляпы, вебеде; однимъ словомъ все, на что тратится нынче такъ много человѣческой силы, изготовляется машинами, а человѣкъ только наблюдаетъ за ними. А какъ машины работаютъ въ 10—50 разъ скорѣе человѣка, то очевидно, что и продуктивности машиннаго труда должны быть во столько же больше. Все остальное время люди посвящаютъ уже высшимъ наслажденіямъ жизни, и простому сапожнику, портному и т. д. становятся они также недоступны, какъ нынче англійскимъ лордамъ. Въ чемъ же заключаются эти высшія наслажденія? Конечно не въ любовныхъ прогулкахъ дѣвицъ и неоперившихся юношей въ номеранцевыхъ рошакъ, а въ нравственномъ развитіи и совершенствованіи людей и въ стремленіи ихъ улучшить жизнь еще болѣе и достигнуть большаго и большаго счастья. Васъ, челоѣка нуждающагося, встрѣчающаго на каждомъ шагѣ неприятности и рядышекъ родовъ оскорбленія, спрошу я: хороша такая жизнь или нѣтъ? можно ли ей стремиться или не слѣдуетъ? Вы отвѣтите: хороша и слѣдуетъ. Если такъ, то отчего же и не стремиться къ ней. И къ ней стремятся одинаково всѣ люди, съ той только разницей, что одни знаютъ куда они идутъ, другіе нѣтъ и все-таки идутъ туда же; одни знаютъ, что нужно для достиженія этого идеала и дѣйствуютъ такъ, чтобы время егo наступало какъ можно скорѣе; другіе же, не отвергая возможности того же самого идеала, стремятся впередъ своимъ путемъ, валяющимся имъ единственно непогрѣшимымъ, какъ и первымъ; и борьба между этими двумя лагерями, преслѣдующими

разными путями: одну и ту же цѣль, составляетъ исторію человечества. Истинно прогрессивный человѣкъ нашего времени тотъ, кто знаетъ куда должно идти человечество; кто знаетъ, что оно подвигается впередъ свободнымъ совокупнымъ стремленіемъ всѣхъ, и кто дѣлаетъ съ своей стороны все что нужно, чтобы это стремленіе осуществлялось. Тѣ же, кто погружались въ міръ мечтаній и рисунъ въ кругу себя картины идеальнаго счастья — когда машины, оцѣнивъ челоука окружать его матеріальными доволствами, а досугъ дастъ ему возможность развиться умственно въ такой степени, что всякій земледѣлецъ будетъ превывать знаніями вынѣшнихъ передовыхъ людей, что въ каждомъ центрѣ промышленно-экономической ассоціаціи — деревнѣ, селѣ, городѣ, — будутъ и свои первоклассные артисты и разные утонченныя наслажденія доступныя, нынче жителямъ только нѣкоторыхъ столицъ — ограничивается одними мечтами, не дѣлая для осуществленія своихъ стремленій ни одного шага, тотъ или большой челоукъ и потому долженъ мечтаться или челоукъ ни на что не способный. Люди эти хуже тѣхъ, кто противодѣйствуетъ прогрессу активно, потому что послѣдніе двигаютъ общество все-таки впередъ, хотя и отрицательнымъ путемъ, а слабодушныя ревмази вредятъ всему общественному дѣлу. Косность слабодушныхъ людей тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что они считаютъ себя очень хорошими и добрыми существами и весьма щедры на слезы сожалѣнія. Но знаете ли вы, слабонервные люди, что тѣмъ, кому вы помогаете слезами, нужны не ваши слезы; имъ нужна возможность выйдти изъ своего труднаго положенія, чтобы идти самостоятельно по пути экономического развитія; имъ нужны не вздохи добродушныхъ людей а та дѣятельная помощь, которая бы обезпечила имъ новыя условія экономического положенія. Вамъ жалко нищихъ и подавая имъ Христовымъ именемъ, вы совершенно счастливы въ надеждѣ получить со временемъ награду. Но знаете ли вы, что истинно бѣдные не тѣ, кто проситъ, а тѣ, кто не проситъ. Знаете ли вы, что личной помощью, благотворительнаго характера, вы не уменьшаете, а увеличиваете зло. Извѣстно ли вамъ, что значить бѣдность и какъ велика масса бѣдняковъ и какое печальное настоящее создаютъ имъ машины, тѣ самыя машины, которыя вашему правдному воображенію даютъ такое праздное занятіе. Если бы вы знали это, вы увидѣли бы, что самый лишній челоукъ нынче тотъ, кто ограничивается одними пустыми фразами сожалѣтельнаго свойства

о страданіяхъ челоуѣчества, не шевеля за тѣмъ ни однимъ пальцемъ, чтобы облегчить эти страданія въ дѣйствительности, Тотъ не гражданинъ, кто обнаруживаетъ одно пассивное мужество и подобно многотерпѣливымъ устюжнамъ, жалуясь, что въ домахъ много клоповъ, или по мѣстному—гада, не сходитъ въ аптеку, чтобы купить персидскаго порошку, хоть на копѣйку, или сидя въ квартирѣ, которую пробиваетъ самый слабый дождь, только оттерпливается, но крыши не чинитъ. Вы никогда не испытывали чихотки, не знаете, что значить голодъ и что значить сидѣть безъ работы. Вся ваша жизнь была лѣпью, школой пассивнаго мужества и олицетвореніемъ мудраго афоризма, который дѣлаетъ васъ несчастными и въ супружеской жизни — «стерпится слюбится». То, что вы считаете въ себѣ добротой, больше ничего, какъ неспособность дѣлать ни вреда, ни пользы. Вы просто не въ состояніи быть активнымъ, и свою безчувственность къ холоду, теплу, и къ нравственнымъ страданіямъ переносите на другихъ, полагая, что и всѣ такіе же деревянные, какъ вы. Но въ тоже время вы очень любите себя и, вслѣдствіе этой любви, вы ухитрились дать своей деревянности красивое названіе и серьезно воображаете, что ваша инерція есть доброта. Трудно сказать, на что годны люди этого сорта и какой толкъ отъ нихъ обществу. Они пользуются обыкновенно репутаціей хорошихъ семьяниновъ, но и это несправедливо. Они и въ семьѣ годятся только для того, чтобы исполнять должность ненужной мебели, не принося никакой пользы ни себѣ, ни другимъ, и дѣйствуя вредно на воспитаніе своихъ собственныхъ дѣтей, которыхъ они приучаютъ къ подобной же операціи, выдаваемой ими за житейскую мудрость и блаженную безмятежность, которую они съ радостью навязали бы всѣмъ.

Экономическая теорія не занимается психологическими вопросами, и ей вѣтъ дѣла до причинъ, создающихъ инертныхъ и активныхъ людей; но если вопросъ касается экономическихъ бѣдствій и вреднаго вліянія машинъ на бытъ пролетарія и фабричныхъ рабочихъ, то нельзя умолчать, что одно изъ важнѣйшихъ вліяній, задерживающихъ экономическій прогрессъ, обнаруживаютъ инертные люди своей неподвижностью и неспособностью понять всю великую важность этого вопроса. Только съ машинами явилось то бѣдствіе, съ которымъ борется девятнадцатое столѣтіе. Прежде былъ пауперизмъ, а теперь къ пауперизму, который сталъ одною меньше, присоединился

пролетаріатъ, ало неувѣстное въ предшествовавшія столѣтія. Никто не отвергаетъ, что промышленный геній человѣчества выразился въ машинахъ самымъ блистательнымъ образомъ; никто не отвергаетъ, что машины удешевили производство и дали бѣднымъ возможность имѣть то, чего прежде не имѣли и богатые; никто не отвергаетъ, что машины создадутъ человѣчеству блистательную экономическую будущность; но никто также не отвергаетъ и того, что въ настоящемъ, плодами изобрѣтенія машинъ рабочій пользуется только косвеннымъ образомъ, и всѣ выгоды, приносимыя ими, достаются не ему. Ситецъ, бархатъ, всякія бумажныя матеріи и множество предметовъ обыкновеннаго быта, стали теперь значительно дешевле и простой человѣкъ облачается въ ткани фабричнаго издѣлія; но этимъ и ограничивается вся выгода, доставляемая ему машинами. Невыгодная же сторона машинъ заключается въ развитіи системы мануфактурной, фабричной промышленности, подавляющей совершенно фабричнаго рабочаго, работающаго не на себя, а на хозяина. Если бы сами рабочіе были бы и хозяевами фабрикъ, на которыхъ они работаютъ, то положеніе ихъ не было бы такъ печально. Но рабочіе только рабочіе, получающіе плату, размѣръ которой определяется минимумомъ ихъ потребностей. Противъ рабочаго стоитъ хозяинъ-капиталистъ, изобрѣдающій собой другой элементъ производства; т. е. рабочій есть представитель труда; хозяинъ — представитель капитала. Двѣ эти силы, стоятъ враждебно одна противъ другой и, какъ представители той и другой, живые люди, то вражда ихъ принимаетъ страстный характеръ и между рабочими (пролетаріями) и фабрикантами (капиталистами) являлись и являются столкновенія, которыя не только вызывали военныя вмѣшательства правительствъ, но вели къ катастрофамъ революціоннаго характера и къ формальнымъ битвамъ. Въ этихъ случаяхъ на одной сторонѣ стояли пролетаріи, на другой представители капитала. До изобрѣтенія машинъ ничего подобнаго не было, хотя завѣсность рабочаго отъ хозяина и была велика, такъ что во многихъ случаяхъ хозяинъ бывалъ похожъ на плантатора, а рабочій на бѣлаго негра, но слабое развитіе производствъ не позволяло скопленію большихъ капиталовъ. Съ машинами же, изготовленіе фабричныхъ предметовъ усилилось въ такой степени, что и барыши, снѣжившіеся въ немногихъ рукахъ или соединеніи небольшихъ капиталовъ на одно общее дѣло (акціонерныя предпріятія) образовали громадную силу и сконцентри-

ровати на фабрикахъ огромныя массы рабочаго народа, работавшаго прежде въ разбродъ. Тутъ только и обнаружилось къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ можетъ вести разьединеніе капитала отъ труда, когда они сконцентрируются въ двѣ отдѣльныя, независимыя огромныя силы. Какъ рабочій не пользуется выгодами машинъ мануфактурныхъ, такъ точно онъ не пользуется выгодами и отъ всѣхъ другихъ машинъ и промышленныхъ изобрѣтеній. Рабочій, конечно, ѣздитъ по желѣзнымъ дорогамъ и для него строятся даже особые вагоны III класса; но вѣдь онъ и прежде ѣздилъ въ телегахъ, когда другіе разѣзжали въ коляскахъ и каретахъ; слѣдовательно отношеніе осталось тоже; телеграфомъ рабочему конечно тоже не запрещено пользоваться; только къ сожалѣнію ему нечего телеграфировать; а между тѣмъ все большее и большее развитіе машинныхъ производствъ ставитъ рабочаго въ большую подчиненность отъ того, кто даетъ ему работу. До чего можетъ доходить бѣдствіе рабочихъ видишь всего при промышленныхъ взривсахъ, когда десятки, а иногда и сотни тысячъ людей остаются буйвально безъ куска хлѣба. А голодный человѣкъ, какъ извѣстно, сердать и потому нечего удивляться, что пролетарій не всегда бываетъ расположенъ смотрѣть на свое экономическое положеніе въ розовыя стекла, и при извѣстныхъ обстоятельствахъ, учиняетъ даже буйство, за которое впрочемъ ему всегда порядочно достается. Если рабочій въ прошедшемъ столѣтіи жилъ хуже, какъ увѣряютъ многіе экономическіе писатели; если онъ щеголяетъ нынче въ сапогахъ и въ плюсовыхъ кафтанахъ, то это еще не много. Прежде онъ все-таки былъ довольнѣе и счастливѣе, даже при низшемъ уровнѣ удовлетворенія своихъ потребностей; а теперь у него явилось много стремленій, удовлетворятъ которыми онъ не въ состояніи, и эта не возможность удовлетворенія и дѣлаетъ его несчастнымъ.

Конечно существующія теперь машины были изобрѣтены и построены не сразу; въ этомъ дѣлѣ была своего рода постепенность, при которой, по мѣрѣ того какъ изобрѣтались и распространялись машины, оставались безъ дѣла сначала одни рабочіе, потомъ другіе. И нашъ XIX вѣкъ тѣмъ и отличается, что во все его продолженіе рабочіе руки постоянно вытѣснялись машинами и, слѣдовательно, постоянно являлись люди, которымъ нужно было пріискивать новый родъ занятій. Дѣло это совсѣль не такъ легко. Положимъ, пароходы вытѣсняли бурлаковъ и судорбочихъ, спрашивается за

какое дѣло принятъ этимъ людямъ, когда они и прежде не могли быть ничѣмъ, какъ бурлаками и судорбочими? Ясно, что въ первый же годъ появленія пароходовъ, извѣстное число судорбочихъ и бурлаковъ должны были или совсѣмъ остаться безъ хлѣба, пока не нашли себѣ другого дѣла или очутиться на половинной порціи, т. е. жили въ-полсыта, что разумѣется нездорово. По мѣрѣ развитія пароходства, убивавшаго прежнюю систему плаванія, извѣстное число прежнихъ рабочихъ оставались не при чемъ. И то же самое повторялось и повторяется изъ года въ годъ. Потомъ явились желѣзныя дороги, которыя по мѣрѣ своего развитія повторяли, повторяютъ и будутъ повторять подобную же исторію съ ямщиками и возчиками тяжестей и т. д. Теперь же наступила очередь швей. До сихъ поръ грозила имъ чахотка, потому что бѣдняжкамъ, особенно въ зимній сезонъ или когда появится плѣнительная для прекраснаго пола мода, приходилось работать отъ 16 до 18 часовъ въ сутки; при горячей же работѣ даже до 20. Положимъ, что трудъ былъ тяжкій, а главное мало обезпечивающій существованіе работницъ; но какъ бы мало онъ ни обезпечивалъ ихъ, у нихъ былъ хлѣбъ,—хлѣбъ дурной, а все-таки хлѣбъ. Швейная же машина стала отнимать отъ нихъ даже и эту жалкую краюшку, что разумѣется хуже чахотки. Теперь стали устраивать уже швейныя машины, работающія совсѣмъ на фабричный ладъ, посредствомъ пара. Одни Соединенные Штаты продаютъ швейныхъ машинъ ежегодно на 400,000,000 руб. сер. На одной фабрикѣ въ Нью-Йоркѣ изготовляется каждую недѣлю 100 машинъ, или 5000 штукъ въ годъ, и занято приготовленіемъ ихъ нѣсколько тысячъ человекъ. Считаютъ, что во всемъ свѣтѣ находится теперь въ дѣйствиіи 300,000 швейныхъ машинъ. Сколько же швей оставили онѣ совсѣмъ безъ дѣла и у какого числа ихъ онѣ убавили на половину ихъ насущный хлѣбъ? Когда человекъ рассуждаетъ чисто теоретически, онъ совершенно правъ, говоря, что такъ какъ швейныя машины вытѣсняють ручное производство, то швеямъ слѣдуетъ измѣнить родъ занятій, т. е. найти себѣ такое дѣло, при которомъ бы имъ грозила наименьшая конкуренція или опасность остаться безъ средствъ существованія. Нельзя придумать ничего разсудительнѣе подобнаго заключенія, и швея конечно съ нимъ согласна вполне. Но какъ нельзя же лишать права дѣлать свои умозаключенія и швею, которой этотъ вопросъ касается ближе всего, то и приходится выслушать

отъ нея не менѣе разсудительный отвѣтъ: «что же дѣлать?».— Мало ли на свѣтѣ дѣлъ! отвѣчаетъ ей съ удивленіемъ умозаключитель, пишущій теоретическія сочиненія. «Однако?» отвѣчаетъ ему неотвязчивая швея. Теоретикъ пожимаетъ плечами и даже начинаетъ сердиться, потому что это «однако» ставитъ его находчивость и практическій смыслъ въ конфузное положеніе; но, владѣя большимъ запасомъ экономической логики и разными бывшими примѣрами, теоретикъ предлагаетъ швеѣ завести самой швейную машину и устроить собственную мастерскую. Въ отвѣтъ на такой разумный совѣтъ швея выворачиваетъ свой карманъ и теоретикъ не усматриваетъ въ немъ ничего, кромѣ дыры. Конечно, если какое нибудь дѣло не дастъ вамъ средствъ существованія, вамъ нужно приняться за другое, болѣе выгодное и, самое лучшее, если бы вы могли завести нѣчто вполне самостоятельное. Но вѣдь въ томъ-то и весь вопросъ, какъ быть сытымъ тому, у кого нѣтъ хлѣба и какъ завести швейную машину тому, у кого нѣтъ ни копѣйки денегъ. Персидскій шахъ не обратится къ вамъ съ вопросомъ: что ему дѣлать? потому что онъ самъ знаетъ это лучше. Ну, а какой же другой совѣтъ вы можете дать швеѣ, кромѣ указанія работы, которая должна дать ей средства существованія. Укажите! Я не говорю, что вопросъ этотъ похожъ на заколдованный кругъ, изъ котораго нѣтъ выхода; я хочу только сказать, что обыкновенные способы помощи, заключающіеся въ предлаганіи глубокомысленныхъ совѣтовъ никуда не годятся; а еще хуже то равнодушіе, съ какимъ общество и преимущественно современные люди относятся къ печальному положенію рабочихъ, остающихся безъ дѣла. Вы не пройдете мимо рѣки, если видите утопающаго человѣка? Можетъ быть, вы сами и не броситесь въ воду; но вы крикнете помощь, подадите веревку, толкнете бревно, доску, однимъ словомъ, сдѣлаете что возможно въ вашемъ положеніи. Дѣлайте тоже и относительно людей, остающихся безъ средствъ существованія; протяните имъ руку, помогите имъ встать на ноги, обезпечьте ихъ хорошими, гарантирующими ихъ учрежденіями, вотъ и все. Никто не проситъ у васъ для этого ни вашихъ денегъ, ни вашего обѣда; желаютъ только, чтобы вы поняли наконецъ сущность вопроса и сдѣлали бы то, что вы сдѣлать въ состояніи.—Въ томъ, что положеніе рабочаго ухудшалось, машины, какъ я уже сказалъ, невиноваты; въ машинахъ все-таки выразилась сила человѣческаго стремленія къ облегченію труда и промыш-

шленная изобрѣтательность. Машинны будутъ появляться все болѣе и болѣе, вытѣсняя ручной трудъ и подготавливая человѣчеству то блестящее экономическое будущее, осуществленіе котораго въ настоящемъ пока еще невозможно. Зло экономическое нашего времени не въ томъ, что существуютъ машины; а въ томъ, что промышленныя способности людей развитѣе ихъ другихъ способностей; отъ этого люди, идя свободно по пути промышленной изобрѣтательности, въ то же время задерживаютъ сами себя въ другихъ социальныхъ вопросахъ, и является тотъ разрывъ, который выступаетъ выпуклѣе всего въ формѣ современнаго пролетариата.

Въ числу обстоятельствъ, имѣющихъ вліяніе на успѣшность труда, нужно причислить еще нравственныя качества производителей, или по просту честность. Не все равно—имѣть ли дѣло съ мошенниками и плутами, которымъ ни въ чемъ нельзя вѣрить, или съ людьми заслуживающими полного довѣрія. Безчестность мѣшаетъ производительному труду тѣмъ, что отвлекаетъ у общества известную часть его силъ для наблюденія за обманщиками и для предупрежденія обмановъ. Если бы всѣ работники были честны, какъ Гарунъ-Аль-Рашидъ, то жить бы на свѣтѣ еще можно. Къ сожалѣнію это не такъ, и между европейскими націями есть такія, у которыхъ обманъ и ложь играютъ весьма значительную задерживающую роль при ихъ сношеніяхъ съ другими народами и въ ихъ собственныхъ домашнихъ дѣлахъ. Положимъ, что вамъ нужно купить хлѣбъ у такого человѣка, которому не представляется никакого нравственнаго затрудненія подмѣшать къ муку песокъ и известь, и вы знаете, что это человѣкъ весьма способный и рѣшительный въ подобныхъ дѣлахъ. Какъ же вы должны поступать при покупкѣ отъ него муки? Вамъ нужно изслѣдовать доброту товара или самому или пригласить для того какого нибудь эксперта. Занявшись сами этимъ дѣломъ, вы, разумѣется, тратите время на проверку чужой честности, тогда какъ при иныхъ обстоятельствахъ, силы ваши могли бы израсходоваться болѣе выгоднымъ образомъ. То же самое и относительно эксперта. Будь продавецъ человѣкъ честный, вы вмѣсто того, чтобы заниматься испытаніемъ добротности его муки, могли бы сдѣлать дѣйствительное дѣло, — ну хоть бы сшить пару сапоговъ—и тогда у общества было бы двѣ вещи, мука и сапоги. Теперь же ваши силы ушли на изслѣдованіе муки, и общество лишилось другой полезной вещи или все равно, какъ если бы вы при-

ложили свой трудъ къ труду земледѣльца или мельника. Очевидно, что мука отъ этого новаго, дополнительнаго труда, должна сдѣлаться дороже. Теперь предположите, что во всѣхъ торговыхъ операціяхъ приходится изслѣдовать покупаемый товаръ, потому что продавцы не отличаются честностью. Очевидно, что на провѣрку тратится много силъ, которыя могли бы быть употреблены болѣе выгоднымъ образомъ и что товаръ долженъ дорожать. Такимъ образомъ, невыгодная сторона безчестности заключается въ томъ, что общество должно платить лишнее за увѣренность, что его не обманываютъ. Другая экономическая невыгода безчестности заключается въ излишнихъ расходахъ на полицію и судъ. Почти всѣ обманы и плутни, разбираемые полиціею и судомъ, имѣютъ экономическій характеръ. Слѣдовательно и всѣ расходы на дѣла этого рода падаютъ убыткомъ на общество. Чѣмъ меньше въ обществѣ лжи, обмана и являющихся вслѣдствіе того промышленнаго и торговаго недоувѣрія и разныхъ полицейскихъ и слѣдственныхъ дѣлъ, тѣмъ обществу выгоднѣе и тѣмъ дешевле оно приобретаетъ необходимые ему предметы. Обратные случаи ведутъ и къ обратнымъ результатамъ. Вообще ложь и обманъ, какъ бы ни смотрѣли на нихъ—съ точки ли отвлеченнаго нравственнаго принципа или другимъ образомъ—имѣютъ въ своемъ ближайшемъ или болѣе отдаленномъ результатѣ экономическую невыгоду, т. е. падаютъ на общество денежнымъ убыткомъ, потому что всѣ мѣры, принимаемыя противъ нихъ, составляютъ трудъ или отвращеніе рабочихъ силъ отъ производительнаго труда къ труду болѣе или менѣе предупредительнаго полицейскаго характера или карательно-судебнаго. Если бы общество состояло изъ честныхъ людей, то не было бы нужды ни въ полиціи, ни въ судѣ. Между тѣмъ какъ теперь, когда повсюду масса людей, живущая плутнями и надувательствами всякаго рода, полиція и судъ завалены всякими мошенническими дѣлами, и общественная и частная жизнь отравлена ложью всякихъ сортовъ. Только привычна съ молодю встрѣчать на каждомъ шагу неправду и ложь въ семьѣ, въ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ, дѣтей къ родителямъ, родителей между собой, прислуги къ господамъ, господъ къ прислугѣ, въ обществѣ, въ торговлѣ, въ промышленности, въ важныхъ случаяхъ и незначительныхъ и не всегда только въ не официальныхъ отношеніяхъ—все это притупляетъ наконецъ чувствительность нашихъ нервовъ до того,

что мы относимся равнодушно въ 30—40 лѣтъ къ тому, что доводить до негодованія и выводить изъ себя молодого, свѣжаго, необтерпѣвшагося еще человѣка.

Изъ всего сказаннаго въ этой статьѣ слѣдуетъ вотъ что: чтобы человѣкъ могъ трудиться и чтобы трудъ его былъ успѣшенъ, нужно, чтобы онъ находилъ около себя предметы, необходимыя для переработки, чтобы онъ имѣлъ необходимыя для труда свѣденія, способности и орудія и чтобы онъ былъ честный человѣкъ. Чѣмъ эти условія будутъ по своему качеству выше—тѣмъ будетъ успѣшнѣе трудъ, чѣмъ они ниже—тѣмъ трудъ будетъ менѣе выгодонъ.

Н. Шелгуновъ.

СКРОМНОЕ ЖЕЛАНЬЕ.

Промчался день; торжественно и стройно
Мерцают звѣзды и горитъ луна;
Смолкъ шумъ дневной; на улицахъ спокойно,
Вездѣ безмолвіе, покой и тишина.

Кругомъ все крѣпко спитъ, и всей душою
Я одного желаю въ этотъ часъ,
Чтобъ спали вы, — несчастные судьбою,
Чтобъ грезы мирныя сошли на васъ!

Вы испытали горькія мученья
И горе новое предвидите вдали...
Такъ спите же!... Узнайте въ сновидѣньи,
Чего узнать вы въ жизни не могли!

Пусть сонъ поможетъ вамъ забыть кручину,
И горести, и тяжелой жизни гнеть, —
Пусть онъ рисуетъ свѣтлую картину,
И хоть во снѣ вамъ счастье принесетъ!

Ф. Орловъ.

СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ.

РАЗСКАЗЪ ФАНИИ ЛЕВАЛЬДЪ.

Въ самомъ сердцѣ Германіи лежитъ небольшой университетскій городокъ, окаямленный со всѣхъ сторонъ отлогими холмами, защищающими его отъ сѣверныхъ и восточныхъ вѣтровъ, а со стороны рѣки лежитъ передъ нимъ далекая перспектива. Нигдѣ такъ хорошо не родится виноградъ, нигдѣ розы не растутъ такъ пышно, какъ въ этомъ городкѣ; за то вы и не встрѣтите въ немъ почти ни одного дома, который не красовался бы въ роскошномъ убранствѣ изъ зелени и цвѣтовъ. На человѣка, привыкшаго къ казарменному однообразію и полицейскому благочинію столицъ, этотъ городокъ, пріютившійся въ долину, долженъ былъ производить впечатлѣніе какой-то непривычной уютности.

У самаго входа его стояли полуразвалившіяся ворота, напавшія своею наружностью стараго война, который, сложивъ оружіе, отдыхаетъ въ кругу своихъ домашнихъ. Эти ворота давно уже отслужили свою службу; изъ разсѣвшихся камней повыросли деревья изданіе каждую минуту грозило рухнуть. Но граждане такъ привыкли къ нему, что не рѣшались его уничтожить. Всѣ въ одинъ голосъ утверждали, что безъ этихъ воротъ ихъ городокъ былъ бы самъ не по себѣ.

Сохраняя свои старыя ворота, граждане, лѣтъ тридцать тому назадъ, такъ же бережно сохраняли и порядки, завѣщанные имъ стариной. Такъ же какъ и встарь единственнымъ источникомъ доходовъ для цѣлаго города были студенты. Студентами кормились не только профессора, но домовладѣльцы

и ремесленники. О торговлѣ, о большихъ фабрикахъ не было въ то время и помину въ такихъ захолустьяхъ, какъ нашъ городъ. Даже политикой интересовались мало. Правда и здѣсь французское владычество оставило глубокіе слѣды, какъ и въ остальной Германіи; правда и отсюда люди, способные носить оружіе, шли биться за родину. Но эти времена давно миновали. Поколѣніе студентовъ, нѣкогда оставившихъ городъ, чтобы стать подъ знамена, давно уже подвизалось на государственной службѣ; его смѣнило новое поколѣніе студентовъ, продолжавшее старую университетскую рутину, и какъ профессора, такъ и бюргеры не могли не нарадоваться, что старый, студентическій духъ остался все тотъ же, на зло всѣмъ революціямъ и войнамъ.

Лишь немногіе въ городѣ осмѣливались не раздѣлять этихъ позрѣній. Къ числу этихъ немногихъ принадлежалъ садовникъ герръ Ганзенъ. Еще отецъ его владѣлъ домомъ, что стоитъ на самомъ валу, на солнечной сторонѣ, и былъ садовникомъ такъ же, какъ и дѣдъ его. Ремесло переходило въ ихъ семьѣ изъ рода въ родъ, вмѣстѣ съ трудолюбіемъ и бедностью.

Герръ Ганзенъ былъ участникомъ во всѣхъ походахъ. Двадцатилѣтнимъ юношею онъ оставилъ городъ вмѣстѣ съ первыми отрядами волонтеровъ и вернулся не ранѣе, какъ по вторичномъ возвращеніи побѣдоносныхъ союзныхъ войскъ изъ Парижа. Подъ Линьи онъ заслужилъ офицерскіе эполеты, подъ Монмартромъ получилъ желѣзный крестъ, и многіе изъ согражданъ его спрашивали себя: что-то выйдетъ изъ молодого Ганзена, не будетъ ли онъ гнушаться отцовскимъ и дѣдовскимъ ремесломъ? Но ни молодому человѣку, ни родителямъ его и въ голову не приходила подобная мысль. Съ недѣлю пощеголялъ онъ въ своемъ офицерскомъ мундирѣ, какъ бы желая дать родителямъ до сыта нарадоваться на него, а сосѣдямъ крѣпко запомнить его заслуги отечеству; за тѣмъ въ одно прекрасное утро его застали въ фартукѣ и съ заступомъ въ рукѣ, среди другихъ работниковъ его отца, и разнесся слухъ, что онъ изъявилъ желаніе записаться въ число гражданъ города.

Пока носилъ мундиръ, онъ оставался все тѣмъ же, какимъ знали его прежде; за то, сложивъ его, онъ высоко поднялъ

голову, и, какъ ни просто и обходительно онъ держалъ себя съ людьми одного съ нимъ званія, но аристократамъ давалъ чувствовать, что не позволить обходиться съ собою свысока. При этомъ онъ обыкновенно говаривалъ, что нѣтъ человѣка, котораго бы онъ считалъ ниже себя, но за то и падъ собою онъ не признаетъ никого выше.

Въ маленькомъ городкѣ всякая новость быстро разносится; независимое мнѣніе и образъ жизни Ганзена подали поводъ въ толкамъ о его высокоуміи.

Старые профессора съ зловѣщимъ выраженіемъ качали головою: въ его поведеніи имъ мерещился страшный образъ демагога. Молодые доценты дразнили профессорскихъ дочекъ, предсказывая имъ, что въ одно прекрасное утро явится къ нимъ *сермяжный лейтенантъ* и будетъ просить ихъ руки. Но предсказанія эти не сбылись. Молодой садовникъ остался въ своей средѣ, въ свое время женился на дочери бочара, приходившагося ему съ родни, и всякій долженъ былъ сознаться, что въ цѣломъ городѣ не было человѣка почтеннѣе молодаго Ганзена, который шелъ себѣ своей дорогой, ни отъ кого ничего не требуя и никому ни въ чемъ не мѣшая.

Съ одними только студентами онъ никакъ не могъ поладить послѣ своего возвращенія съ войны. Еще въ началѣ, когда между ними находились молодые люди, бывшіе товарищами молодаго Ганзена по оружію, дѣло шло довольно спосно; хотя они по видимому и забывали постепенно товарищескія отношенія, но садовникъ не особенно принималъ это въ сердце.

Но когда выступило другое поколѣніе, въ свою очередь много наслышавшееся о гордости *сермяжнаго лейтенанта* (это прозвище такъ за нимъ навсегда и осталось), то начались всевозможныя школьническія преслѣдованія; дошло наконецъ до того, что одинъ молодой дворянинъ прилѣпилъ къ двери садовника карриатуру, изображавшую офицера во всеоружіи изъ рѣпы и капусты. Голова была накрыта артишокомъ, съ боку вмѣсто сабли болтался огурецъ.

Не понравилась эта глупая шутка нашему садовнику. Какъ только ему удалось отыскать ея виновника, онъ одѣлся въ полный мундиръ, чего съ нимъ не случалось съ самаго дня его свадьбы, и отправился въ студенту требовать отъ него удовлетво-

ренія. Но нахальный мальчишка съ презрѣніемъ отказался дать садовнику удовлетвореніе.

Тогда Ганзенъ обратился съ жалобою въ сенатъ, но прежде чѣмъ сенатъ успѣлъ произнести приговоръ, дѣло приняло другой оборотъ. Насмѣшки студентовъ надъ филистеромъ, осмѣливающемся требовать удовлетворенія и являться самолично въ полномъ мундирѣ для вызова противника, день ото дня становились назойливѣе. Студенты сочиняли на него пѣсни, распѣвали ихъ по кабакамъ и однажды вечеромъ дошли до того, что одну изъ этихъ пѣсень затагнули передъ самымъ его домомъ. Садовникъ рѣшительнымъ голосомъ велѣлъ имъ замолчать и идти своею дорогою. Но они не обратили вниманія на это предостереженіе. Тогда онъ вышелъ на улицу и далъ почувствовать главному зачинщику, что съ нимъ шутить не совсѣмъ удобно. Внѣ себя отъ бѣшенства, студенты кинулись на него; рабочіе и подмастерья выскочили на улицу къ своему хозяину; къ нимъ присоединились сосѣди и другіе ремесленники. Между тѣмъ къ студентамъ тоже подоспѣло подкрѣпленіе. Кривъ: «выручайте, друзья!» обѣжалъ улицы, и, прежде чѣмъ блюстители порядка успѣли вмѣшаться въ дѣло, между студентами и бюргерами произошло такое побоище, какого давно не бывало въ мирномъ городкѣ. Бой былъ для обѣихъ сторонъ кровопролитный. Многіе изъ студентовъ были жестоко избиты; главный зачинщикъ получилъ довольно серьезную рану въ голову; за то и герръ Ганзенъ былъ принужденъ носить руку въ перевязи.

Но когда наконецъ удалось возстановить тишину на улицахъ, и бюргеры, разойдясь по домамъ, начали чувствовать боль отъ полученныхъ ранъ, въ особенности же когда на слѣдующій день разнесся слухъ, что студенты собираются оставить городъ, тогда въ общественномъ настроеніи произошла крутая перемена, и весь гнѣвъ гражданъ обрушился на Ганзена.

Профессора, съ давнихъ поръ косившіеся на него, считали его главнымъ виновникомъ уличной схватки. Бюргеры и ремесленники заговорили о томъ, что нельзя же всякое лыко ставить въ строку, надо же дать молодости перебѣситься: дѣлать нечего, мы-де живемъ въ университетскомъ городѣ и свой хлѣбъ добываемъ по милости студентовъ. А если кто

изъ нихъ и подшутить надъ бюргеромъ, такъ отъ этого у бюргера чести не убудеть. Что Ганзенъ былъ офицеромъ, ну и честь ему и слава. А все же онъ теперь не болѣе, какъ простой садовникъ и бюргеръ, ничѣмъ не лучше всякаго другого; съ той поры, какъ университетъ стоитъ, ни разу еще бюргеръ не позволялъ себѣ вызывать студента на дуэль. Нечего грѣха таить: ужъ больно много этотъ Ганзенъ о себѣ думаетъ и по дѣломъ ему, коли судъ съ него строго взыщеть. Вѣдь такъ родители, пожалуй, стануть бояться своихъ дѣтей въ университетъ посылать, если студентамъ будетъ доставаться отъ ихъ же домохозяевъ.

Желаніе добрыхъ гражданъ исполнилось. На слѣдующее же утро было назначено слѣдствіе. Студентъ, правда, былъ присутственъ къ варцеру, но и герру Ганзену пришлось высидѣть въ тюрьмѣ, и профессора за одно съ бюргерами утверждали, что онъ еще дешево отдѣлался.

Но садовникъ иначе смотрѣлъ на это дѣло. Онъ былъ того мнѣнія, что и студенты, и сограждане его, и судьи—всѣ вмѣстѣ поступили съ нимъ отвратительно. Онъ утверждалъ, что если всѣ люди равны тамъ, гдѣ идетъ дѣло о защитѣ страны отъ виѣшнихъ враговъ, то и между собою они должны считаться равными тамъ, гдѣ идетъ дѣло о собственной чести. До этого несчастнаго происшествія Ганзенъ былъ уживчивымъ сосѣдомъ, услужливымъ и добродушнымъ человѣкомъ, но съ этой поры онъ сдѣлался нелюдимымъ и раздражительнымъ.

Съ ожесточеніемъ онъ относился къ дворянамъ за то, что они думали, будто честь у нихъ не такая же, какъ и у остальныхъ добрыхъ людей; онъ былъ дурнаго мнѣнія о профессорахъ, потому что и они тоже считали себя отдѣльною и привилегированною кастою; презиралъ онъ и бюргеровъ, которые ради матеріальной выгоды позволяли каждому оскорблять себя. Богатство, наслѣдованное имъ отъ отца и увеличенное его собственными трудами и бережливостью, заставляло его еще болѣе держаться особнякомъ отъ цѣлаго свѣта. Тотъ, кто ни въ комъ не нуждается, ни въ комъ и не заискиваетъ, а герръ Ганзенъ полагалъ всю свою гордость въ томъ, чтобы ни въ комъ не нуждаться.

Домъ его, на горѣ, былъ однимъ изъ лучшихъ въ цѣломъ

городѣ. При домѣ находился большой садъ, спускавшійся вплоть до рѣки. Но въ этотъ домъ и въ этотъ садъ не такъ-то легко было найти доступъ. Герръ Ганзенъ помѣщался съ своимъ семействомъ въ заднихъ комнатахъ нижняго этажа, потому что ему пріятнѣе было смотрѣть на зелень сада, чѣмъ на улицу. Верхній этажъ стоялъ пустой.

Тщетно пытался, отъ времени до времени, какойнибудь профессоръ или герихтсратъ нанять этотъ верхній этажъ. Имъ постоянно отвѣчали отказомъ, потому что герръ Ганзенъ не могъ выносить въ своемъ домѣ присутствіе челоувѣка, который сталъ бы смотрѣть на него сверху внизъ. Скорѣе, чѣмъ пустить къ себѣ въ жильцы студента, герръ Ганзенъ повывставилъ бы всѣ рамы въ окнахъ и пустилъ бы воробьевъ и ласточекъ вить гнѣзда въ пустыхъ комнатахъ.

Подобное упорство возстановило противъ него всѣхъ почетныхъ лицъ города. Если прежде ему проходу не было отъ насмѣшекъ студентовъ, то теперь еще съ большимъ ожесточеніемъ стали на него нападать люди почтенныхъ лѣтъ; обвиняя его въ стремленіи держать себя отъ цѣлаго свѣта особнякомъ. У него по всѣмъ вѣроятіямъ не осталось бы ни одного покупца, если бы его цвѣты, плоды и овощи не были лучшими въ цѣломъ околдѣ. Но когда являлись въ его садъ покупатели изъ городскихъ жителей, онъ самъ никогда не выходилъ, а посылалъ жену или когонибудь изъ своихъ помощниковъ; этого особенно не хотѣли простить ему бюргеры; но Ганзенъ не измѣнялъ своей привычкѣ. Такимъ образомъ, онъ и самъ мало по малу началъ смотрѣть на себя, какъ на отшельника, потому что мнѣніе окружающихъ, такъ же незамѣтно, но неизбѣжно дѣйствуетъ на насъ самихъ, какъ свѣтъ, который постоянно видимъ, какъ воздухъ, которымъ постоянно дышемъ.

Напрасно жена Ганзена расхваливала его въ кругу своихъ родныхъ, какъ добрѣйшаго, снисходительнѣйшаго изъ мужей; напрасно его работники и бѣдные, которымъ онъ помогалъ, превозносили его до небесъ; во мнѣніи большинства онъ все-таки оставался высокомернымъ чудакомъ и челоувѣконенавистникомъ. Бюргеръ-блудъ, въ который онъ по вечерамъ ходилъ пить свое пиво, подконецъ и онъ опротивѣлъ ему. Ганзена всѣ стали бояться, какъ людоѣда, а между тѣмъ онъ

былъ вынужденъ постоянно сохранять оборонительное положеніе. И вотъ, постоянно сидя дома, въ кругу своей семьи, онъ пристрастился къ книгамъ, сталъ и работниковъ своихъ приучать къ чтенію и къ домашней жизни, и не прошло пяти лѣтъ послѣ его исторіи съ студентами, какъ герръ Ганзенъ сталъ отмѣннымъ домохозяиномъ и выходилъ изъ дому только тогда, когда этого требовала настоятельная необходимость.

Изъ дѣтей Ганзена только одинъ, старшій сынъ, остался въ живыхъ. Сильный, какъ отецъ, веселый и любящій, какъ мать, онъ становился бойкимъ, красивымъ мальчикомъ. Но одиночество, въ которомъ жилъ отецъ, отзывалось и на его сынѣ. Его школьные товарищи вовсе были бы не прочь дѣлать его игры, но рѣзвость ихъ внушала опасенія Ганзену, боявшемуся за растенія своего сада. Впрочемъ онъ такъ умѣлъ наполнять досуги своего сына, что тотъ не особенно тяготился своимъ одиночествомъ.

Такимъ образомъ мальчику исполнилось двѣнадцать лѣтъ. Однажды жаркимъ лѣтнимъ днемъ, въ ту минуту, какъ Конрадъ возвращался изъ школы, передъ домомъ остановилась карета. Какой-то незнакомецъ выглянулъ изъ окна кареты и спросилъ: не отдается ли здѣсь квартира въ наймы?

— Нѣтъ, отвѣчала Конрадъ.

— Но въ верхнемъ этажѣ, кажется, никто не живетъ, замѣтилъ незнакомецъ.

— Онъ всегда стоитъ пустой, отвѣтилъ мальчикъ.

— Это почему?

— Мой отецъ не хочетъ, чтобы въ немъ были жильцы, съ чувствомъ собственнаго достоинства отвѣчала мальчикъ и, прежде чѣмъ дернуть за звонокъ двери, заглянулъ во внутренность кареты, въ которой, не смотря на жаркую погоду, одно окно было поднято. Тамъ, рядомъ съ незнакомцемъ, сидѣла дама, а напротивъ ея помѣщались двое дѣтей, мальчикъ, по

видимому ровесникъ Конрада, и дѣвочка, казавшаяся нѣсколькими годами моложе.

Пока Конрадъ былъ занятъ этими наблюденіями, незнакомецъ перекинулся съ сидѣвшею возлѣ него дамою нѣсколькими словами на иностранномъ языкѣ, послѣ чего сказалъ снова по-нѣмецки:

— Отчего не попробовать?

Съ этими словами онъ вышелъ изъ экипажа и пошелъ за мальчикомъ, которому мать въ эту минуту отпирала дверь дома.

— Не хлопчите поназрасну, прокричалъ ему кучеръ въ догонку; здѣшній хозяинъ ни за какія сокровища не пуститъ къ себѣ жильца.

Но незнакомецъ не унывалъ. Онъ былъ высокій мужчина лѣтъ сорока, но съ виду казался старше. Станъ его былъ нѣсколько согорбленъ, грудь впала, волосы совсѣмъ посѣдѣли. Въ чертахъ его лица выражалась усталость и только въ большихъ свѣтлоглубыхъ глазахъ свѣтился какой-то теплый лучъ, привлекавшій къ нему всякаго. Одѣтъ онъ былъ довольно старомодно. Мѣшковатый, свѣтлобурый сюртукъ не шелъ ни ко времени года, ни къ бѣлой войлоковой шляпѣ, но при всемъ томъ въ наружности незнакомца не было ничего смѣшнаго; напротивъ, она производила пріятное впечатлѣніе своей оригинальнію.

Подобное же впечатлѣніе произвела она, по видимому, и на хозяйку дому: вмѣсто того, чтобы разсматривать незнакомца, госпожа Ганзенъ посмотрѣла на свои руки и передникъ, достаточно ли они чисты для пріема такого гостя: когда же Конрадъ обратился къ ней съ словами: не правда ли, что нашъ верхъ не отдается въ наймы?—она отвѣчала съ видимымъ желаніемъ смягчить отказъ:—къ сожалѣнію нѣтъ, но вонъ тамъ на углу, если не ошибаюсь, есть свободная квартира.

— Мы уже смотрѣли ту квартиру, отвѣчалъ незнакомецъ, она довольно велика; но выходитъ окнами на сѣверъ, да и шумъ отъ сосѣдней кузницы невыносимъ. Жена моя и я, оба не можемъ похвастаться крѣпкимъ здоровьемъ, вотъ почему намъ такъ и приглянулся этотъ домъ съ окружающей его зеленью.

Фрау Ганзенъ заглянула въ карету. Спокойное, блѣдное

лицо незнакомой дамы и красота дѣтей тронули ее. Она знала, что вывести ихъ изъ настоящаго затрудненія не въ ея власти, но все же она не могла отказать себѣ въ удовольствіи поболтать съ ними.

— Да, продолжала она, на той квартирѣ точно что шумно, а здѣсь у васъ было бы и солнца, и тишины, и свѣжаго воздуха въ волю. Но что же дѣлать! Ганзенъ не хочетъ пускать къ себѣ жильцовъ; самъ онъ...

— Ганзенъ! перебилъ ее незнакомецъ. Хозяина этого дома зовутъ Ганzenомъ.

— Да, это наше имя, отвѣчала жена садовника. А вы развѣ знаете моего мужа?

На лицѣ незнакомца отразилась видимая радость.—Скажите, продолжалъ онъ, вашъ мужъ садовникъ? Онъ участвовалъ въ походахъ противъ французовъ?

— Какъ же! участвовалъ во всѣхъ походахъ въ званіи офицера.

— Такъ скажите ему, что старый товарищъ желаетъ съ нимъ повидаться.

Госпожа Ганзенъ, въ которой шевельнулось сильное любопытство, пожелала было узнать, какъ зовутъ незнакомца, но тотъ отказался назвать себя; между тѣмъ Конрадъ стрѣлой полетѣлъ къ отцу и рассказалъ ему о случившемся.

Незнакомецъ высадилъ жену и дѣтей и точно у себя дома прошелъ въ отвернутую дверь. Госпожа Ганзенъ провела его въ парадную комнату съ темносиними обоями, находившуюся направо отъ сѣней. Въ этой комнатѣ, надъ краснымъ диваномъ, накрытымъ бѣлымъ чехломъ, висѣлъ портретъ Фрау Ганзенъ въ парадномъ темномъ шелковомъ платьѣ, а рядомъ портретъ ея мужа въ полномъ офицерскомъ мундирѣ. На столѣ въ красивыхъ вазахъ стояли цвѣты; комната благоухала запахомъ розъ и жасминовъ, высокія липы, росшія подъ окномъ, давали тѣнь и прохладу. Радужная хозяйка суетилась около своихъ гостей, стараясь доставить имъ всевозможныя удобства, какъ вдругъ дверь открылась и вошелъ Ганзенъ, съ фуражкой и связкою ключей въ рукѣ.

Незнакомецъ кинулся къ нему на встрѣчу.

— Ганзенъ! воскликнулъ онъ, раскрывая объятія; но садовникъ ошеломленный отступилъ назадъ. Онъ узнать этотъ

голосъ, эти глаза, но тѣмъ болѣе поразилъ его этотъ старчески сгорбленный станъ, эта сѣдина; и голосомъ, въ которомъ слышалось душевное волненіе, онъ проговорилъ:—Герръ фонъ-Варбекъ! васъ ли я вижу? Какъ вы измѣнились.

Онъ поспѣшно положилъ фуражку и связку ключей на стулъ возлѣ двери. Но вмѣсто того, чтобы кинуться въ распростертыя объятія своего гостя, онъ только крѣпко пожалъ ему обѣ руки, а самъ продолжалъ пристально глядѣть на полнившееся лицо фонъ-Варбега. Послѣдній, повидному, не замѣчалъ этого взгляда. Съ нервною торопливостью бросился онъ садовнику на шею. Вотъ онъ, воскликнулъ онъ, обращаясь къ своимъ, вотъ тотъ человѣкъ, который спасъ мнѣ жизнь въ сраженіи при Линни, человѣкъ, про котораго я вамъ такъ часто рассказывалъ, — мой честный, добрый Ганзенъ. Видите ли этотъ шрамъ? Онъ получилъ его за вашего отца.

И съ этими словами, заворотивъ у Ганзена правый рукавъ рубашки, онъ обнажилъ на рукѣ его широкій рубецъ. Дѣти фонъ-Варбега обступили друзей; госпожа Ганзенъ поднесла передникъ къ глазамъ, Конрадъ, въ сторонѣ, съ гордостью глядѣлъ на отца; госпожа фонъ-Варбекъ встала и, протягивая садовнику руку, проговорила съ акцентомъ, по которому легко было узнать англичанку:

— Мой мужъ часто говорилъ о васъ. Дайте же мнѣ отъ всей души пожать вашу руку.

Въ прекрасныхъ чертахъ этой женщины было что-то болѣзненное; горе и заботы успѣли уже избородить глубокими морщинами этотъ красивый лобъ.

На восторженное привѣтствіе мужа и на изъявленія благодарности жены, Ганзенъ отвѣчалъ дружески, но сдержанно и прямо перешелъ къ дѣлу. Вы ищите квартиру герръ фонъ-Варбекъ? Стало быть, вы намѣрены здѣсь поселиться? Но какъ же это? Я читалъ въ газетахъ, что вы отправляетесь въ Англію.

— Нѣтъ, другъ мой, я остаюсь здѣсь. Мы пріѣхали сюда сегодня утромъ; хозяинъ гостиницы далъ намъ списокъ тѣхъ немногихъ квартиръ въ городѣ, которыя отдаются въ наймы; но твоего дома въ этомъ спискѣ не было и...

— Я обыкновенно не отдаю своей квартиры въ наймы, проговорилъ Ганзенъ съ нерѣшительнымъ видомъ, и лице его омрачилось.

— Но насъ ты не прогонишь отъ себя, неправда ли? ласкалась маленькая дѣвочка, успѣвшая уже окончательно подружиться съ госпожею Ганзенъ; у тебя здѣсь столько цвѣтовъ и такія славныя розы!

Госпожа Ганзенъ и Конрадъ съ умоляющимъ выраженіемъ взглянули на главу семейства. Самъ онъ быстрымъ взглядомъ окинулъ Варбека и его жену. Передъ нимъ былъ человекъ, которому онъ когда-то спасъ жизнь; но теперь эта самая жизнь, повидимому, приближалась къ концу, и въ немъ шевельнулось желаніе продлить ее, на сколько это будетъ въ его силахъ. Но не легко ему было разстаться съ предубѣжденіемъ, которое вошло у него въ привычку; ему казалось, что, пустявъ постороннихъ въ свой домъ, онъ навяжетъ себѣ тяжелую обузу и потому былъ готовъ отвѣчать отказомъ, на зло лучшимъ внушеніямъ своего сердца. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали его отвѣта; онъ поглядѣлъ на дѣтей своего товарища и наконецъ, послѣ трудной борьбы съ самимъ собою, промолвилъ: осмотрите комнаты; въ нихъ давно никто не жилъ; впрочемъ я все содержалъ тамъ въ порядкѣ. Если онѣ вамъ понравятся, то милости просимъ.

— Да, милости просимъ! воскликнула госпожа Ганзенъ, у которой при этомъ тяжелое бремя спало съ души и, ведя маленькую Фебе за руку, послѣдовала за мужемъ, который быстрыми шагами отправился на верхъ показывать будущимъ жильцамъ ихъ квартиру.

Прибытіе новаго семейства въ маленькомъ городкѣ составляетъ событіе, о которомъ идутъ безконечныя толки во всѣхъ слояхъ общества. Въ особенности же появленіе такого человека, какъ Варбекъ, должно было произвести сильное впечатлѣніе. Онъ долгое время былъ профессоромъ санскритскаго языка въ одномъ изъ сосѣднихъ университетовъ; но впоследствии онъ былъ замѣшанъ въ полицейскіе розыски противъ демагоговъ и хотя никакихъ уликъ противъ него не оказалось, его оставили отъ должности съ пенсіей. Такъ какъ по оконча-

ни войны съ Франціей, онъ долгое время жилъ въ Оксфордѣ и даже женился на дочери тамошняго профессора, то и распространился слухъ, будто онъ теперь хочетъ исвать убѣжища въ Англии. Послѣ этого понятно, что появленіе его въ маленькомъ городкѣ произвело на всѣхъ впечатлѣніе неожиданности; но еще болѣе изумились, когда узнали, что профессоръ поселился въ домѣ садовника Ганзена. Никто не хотѣлъ вѣрить этому слуху; и хотя на слѣдующій день вслкій могъ видѣть, какъ герръ Ганзенъ сомнительно осматривать крючки и задвижки оконъ въ верхнемъ жильѣ, а госпожа Ганзенъ отрядила служанку вымыть рамы и вычистить и безъ того уже достаточно чистыя комнаты, добрые граждане терялись въ догадкахъ, стараясь объяснить себѣ это чудо. Конрадъ разказалъ своимъ товарищамъ въ школѣ, какъ было дѣло; но истина бываетъ подчасъ слишкомъ проста и по этому самому не находитъ себѣ вѣры.

Съ переѣздомъ новыхъ жильцовъ для всѣхъ началась новая жизнь. Дока продолжались хлопоты, соединенныя съ этимъ переѣздомъ, герръ Ганзенъ былъ такъ сумраченъ, какъ никогда не видали его домашніе. Онъ самъ на себя сердился, что уступилъ порыву своего сердца и представлялъ себѣ всѣ неудобства, которыя повлечетъ за собою присутствіе новыхъ жильцовъ; его пугали гости, которые, конечно, будутъ ходить къ Варбеку. Самая задушевность обращенія профессора была ему въ тягость. Добрые люди во время оно слишкомъ грубо дали почувствовать Ганзену всю рѣзвость словныхъ различій, и садовникъ когда-то ревностный поборникъ равенства, становился теперь защитникомъ этихъ самыхъ различій, потому что опытъ научилъ его смотрѣть на нихъ какъ на грани, за которыми онъ могъ оградить себя отъ всякихъ посягательствъ на свою собственную личность, если только самъ не переступалъ ихъ.

Товарищеское «ты», съ которымъ Варбекъ обращался къ нему по старой привычкѣ, было ему въ тягость, и онъ такъ настоялъ на томъ, чтобы профессоръ оставилъ эту фамильярность. Варбекъ сначала былъ тягостно пораженъ этимъ требованіемъ стараго товарища по оружію; но, какъ скоро Ганзенъ поставилъ въ этомъ отношеніи на своемъ, онъ сталъ

спокойнѣе, и мало по малу къ нему возвратилось его обычное ровное расположеніе духа.

Когда человѣкъ долгое время прожилъ подъ гнетомъ ложнаго положенія, онъ доходитъ до того, что отрицаетъ въ самомъ себѣ тягость этого гнета, хотя въ сущности и не перестаетъ его чувствовать. Подобно тому какъ рука, долгое время занятая грубою работою, покрывается мозолями и твердѣетъ, такъ и человѣкъ старается закалить себя противъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій. Онъ принужденъ самого себя обманывать, чтобы устоять въ борьбѣ съ обстоятельствами, и это-то чувство самосохраненія побуждало Ганзена, въ теченіе столькихъ лѣтъ, избѣгать всякаго общенія съ людьми. Но теперь, когда случай привелъ въ его домъ людей, которымъ онъ имѣлъ возможность оказать одолженіе, въ Ганзенѣ произошла крутая перемѣна. Какъ ни крѣпко онъ завѣрялъ себя, что ему хорошо живется въ его одиночествѣ, все же новая забота о спокойствіи Варбека была для него источникомъ истиннаго наслажденія. Ему пріятно было думать, что вотъ онъ можетъ предложить другу своей молодости такой укромный уголокъ, какого ему бы не найти въ цѣломъ городѣ; онъ отдыхалъ чувствомъ, припоминая со старымъ товарищемъ общую ихъ молодость, прежнюю смѣлыхъ надеждъ и стремленій. Герръ фонъ-Варбекъ съ своей стороны былъ радъ возобновленію старой пріязни.

Но глядя на своего жильца, Ганзенъ не узнавалъ въ немъ прежняго Варбека. Раны, полученныя имъ на войнѣ, разстроили его здоровье; усидчивая кабинетная работа окончательно доконала его. Не находя въ дѣйствительности осуществленія того, чего онъ такъ пламенно желалъ для своего отечества, онъ весь ушелъ въ свои ученые занятія и искалъ забвенія настоящаго въ фантастической поэзіи древне-индійскаго прошлаго. Тутъ разразилось надъ нимъ политическое преслѣдованіе. Длинный рядъ непріятностей, которыя ему пришлось вытерпѣть, заставилъ его еще глубже сосредоточиться въ себѣ. Отставка съ пенсіей уменьшила его и безъ того ограниченныя средства; забота о будущемъ удручила его гораздо болѣе, чѣмъ онъ самъ въ томъ сознавался.

Съ первыхъ же дней, которые семейство Варбековъ про-

вело подъ кровомъ Ганзеновъ, послѣдніе убѣдились, что не одно физическое здоровье ихъ жильцовъ требуетъ заботливаго ухода. Госпожа фонъ-Варбекъ выросла въ роскоши, привыкла къ англійскому образу жизни; поставленная впослѣдствіи въ инныя обстоятельства, она не умѣла найдтись въ нихъ, не умѣла вести домашнее хозяйство съ тою строгой расчетливостью, которая, при стѣсненномъ положеніи ея мужа, была необходима. Ей отъ природы не доставало практичности; при всемъ ея добромъ желаніи, при всей готовности ограничить себя лично, ей не удавалось сводить концы съ концами; мелкіе долги накоплялись все болѣе и болѣе и дѣла запутывались все хуже и хуже.

Съ грустью смотрѣлъ Варбекъ, какъ глаза его жены, когда-то столь полныя жизни, потускнѣли отъ бессонныхъ ночей, а руки загрубѣли отъ непривычной работы. Онъ видѣлъ, какъ гнетущая забота о насущныхъ потребностяхъ убивала въ ней то участіе, которое она когда-то принимала въ его ученыхъ занятіяхъ. Ей только въ пору было справляться съ самой собою. Онъ уже болѣе не отваживался искать у нея утѣшенія, когда его одолѣвали мрачныя мысли; она съ своей стороны не рѣшалась ему жаловаться на то, что не въ его власти было измѣнить. Оба они щадили другъ друга и такимъ образомъ, сохраняя въ сердцахъ своихъ неизмѣнную любовь другъ къ другу, расходились все далѣе и далѣе, пока наконецъ Варбекъ не ушелъ весь въ свое изученіе языковъ, а жена его погрузилась въ религіозный квіетизмъ.

Дѣти этой печальной четы росли, какъ весенніе цвѣты, которые распускаются на зло непогодѣ. Прирожденная сила брала свое; но имъ не доставало веселости, свойственной ихъ возрасту. Эмилій, развитой не по лѣтамъ, угадывалъ заботу, сокрушавшую его родителей; онъ былъ серьезенъ и разсудителенъ. Онъ зналъ цѣну деньгамъ и нерѣдко, слушая жалобы матери, утѣшалъ ее тѣмъ, что придетъ время, когда онъ будетъ доставать кусокъ хлѣба для своихъ родителей. Маленькая Фебе, неотлучно находившаяся при матери, усвоила себѣ ту тихую сдержанность, которая замѣчается въ дѣтяхъ, выросшихъ около нервныхъ людей. Не смотря на свой нѣжный возрастъ, она умѣла, какъ никто, угадывать желанія и потребности хворыхъ родителей и ее всегда можно было встрѣтить

тихую, спокойную и дѣятельную тамъ, гдѣ ея услуги всего были нужнѣе.

Госпожа Ганзенъ первая вызвалась пособить этой четвѣ въ ея затруднительномъ положеніи. Подъ тѣмъ предлогомъ, что госпожа фонъ Варбекъ въ ихъ городкѣ человѣкъ новый и не можетъ такъ хорошо знать всѣ особенности мѣстной жизни, какъ коренные жители, она мало по малу взяла на себя всѣ хлопоты по хозяйству Варбековъ, и вскорѣ, безъ вѣдома профессорши, бразды домашняго правленія очутились въ ея рукахъ. Точно также мало по малу она приручила къ себѣ маленькую Фебе, и какъ ни дико показались дѣвочки сначала шумные, веселые приемы садовницы, она скоро къ нимъ привыкла и всюду слѣдовала за нею.

Съ прибытіемъ новыхъ жильцовъ, домъ Ганзена нисколько не сдѣлался шумнѣе прежняго. По утрамъ профессоръ задумчиво прогуливался по саду; госпожа фонъ-Варбекъ, сидя въ бесѣдкѣ, давала уроки маленькой Фебе, а госпожа Ганзенъ хлопотала по своему двойному хозяйству. Когда наставалъ вечеръ, Ганзенъ отводилъ душу, выспрашивая профессора о научныхъ вопросахъ, всегда возбуждавшихъ въ немъ живой интересъ.

Когда настала зима, сношенія между сосѣдями стали еще рѣже; не смотря на всѣ изъявленія признательности, которыми Варбеки осыпали своихъ хозяевъ, послѣдніе имѣли слишкомъ много такта, чтобы искать съ ними короткости, которой, при неровности ихъ образованія, не доставало бы настоящей почвы. За то дѣти сосѣдей были неразлучны, и каждая сторона приобрѣтала черезъ общеніе съ другою то, чего ей самой недоставало. Въ Конрадѣ знакомство съ дѣтьми Варбека возбудило охоту къ умственнымъ занятіямъ, развило въ немъ чувство прекраснаго, придало болѣе утонченности его виѣшнему обращенію; съ другой стороны Эмилій и Фебе позаимствовались отъ него практичностью, которой они не могли научиться у родителей. Послѣ тишины родительскаго жилища, дѣтямъ какъ-то особенно свободно дышалось въ обществѣ бодрыхъ, веселыхъ хозяевъ и ихъ довольныхъ рабочихъ. Никогда не слышали они, чтобы Ганзены закручинились о завтрашнемъ днѣ или пожаловались на нездоровье. Конраду никто не внушалъ, чтобы онъ думалъ о будущемъ, когда ему приходилось самому зарабатывать свой хлѣбъ и служить опорой родителямъ. Его

посылали въ школу, потому что скоро ему надлежало поступить въ ученѣе къ отцу; но ни о какихъ опасеніяхъ за будущее, ни о какихъ сожалѣніяхъ о прошломъ не было и рѣчи. Въ домѣ профессора все дышало унылою покорностью судьбѣ; въ семействѣ же садовника всѣ были довольны и веселы. Никто здѣсь не гонялся за роскошью; за то все необходимое находилось въ изобиліи. Дѣти же, побуждаемые инстинктомъ самосохраненія, всегда ищутъ веселой обстановки, которая такъ же необходима имъ для развитія, какъ солнце цвѣтамъ.

Такимъ образомъ въ дѣтяхъ Варбека невольно укоренялось убѣжденіе, что только физическій трудъ дѣлаетъ людей довольными и богатыми, что тѣ, которые вѣчно коптятъ надъ книгами, бываютъ бѣдны и печальны. Это впечатлѣніе еще болѣе усиливалось въ Эмилиіи выходками садовника противъ кастовой исключительности, которой придерживаются студенты, жалобами профессора на плохое вознагражденіе, получаемое имъ за его ученые труды и разсказами рабочихъ объ ихъ веселыхъ странствованіяхъ по бѣлому свѣту. Фебе, правда, съ раннихъ лѣтъ раздѣляла страсть матери къ чтенію и рисованью; но и для нея настоящимъ праздникомъ было, когда госпожа Ганзенъ брала ее съ собою въ кухню или въ биткомъ набитую кладовую.

Такъ прошли многіе годы. Заботливость, съ которою госпожа Ганзенъ взялась за устройство домашнихъ дѣлъ Варбековъ, принесла свои плоды; самые крупные долги были оплачены, заботъ объ удовлетвореніи насущныхъ потребностей стало меньше, и благодарность съ одной стороны, признаніе оказанной услуги съ другой создали между обоими семействами дружескія отношенія, которыя съ каждымъ днемъ пріобрѣтали для всѣхъ новую цѣну. Никто не думалъ, а всѣхъ менѣе дѣти, чтобы этотъ порядокъ вещей могъ когда нибудь измѣниться.

Между тѣмъ мальчики достигли того возраста, когда имъ надо было рѣшить, какую профессію они себѣ изберутъ. Для Конрада вопросъ этотъ рѣшался легко; ему по сердцу приходилась жизнь на открытомъ воздухѣ; онъ любилъ садъ, съ которымъ для него было связано столько семейныхъ преданій, и хотя ему и жаль было покинуть школу, потому что черезъ это онъ лишался возможности быть постоянно съ своимъ

другомъ, но онъ утѣшалъ себя мыслию, что ему тѣмъ чаще придется видѣться съ Фебе, которая выказывала къ нему гораздо болѣе привязанности, чѣмъ къ брату.

Герръ фонъ-Варбекъ съ своей стороны, не принимая въ соображеніе наклонностей сына, рѣшилъ, что онъ пойдетъ въ университетъ. Въ школѣ на мальчика не жаловались, а потому родители оставляли безъ вниманія то обстоятельство, что онъ въ свободные часы занимался разнаго рода ручными работами. А между тѣмъ этого рода занятія поглощали всѣ его помыслы. Онъ чувствовалъ неудержимое влеченіе къ такой дѣятельности, которая давала бы немедленные, ощутительные результаты. Онъ заглядывался на работу каждаго ремесленника и старался подражать ей. Что бы ни попадалось ему подъ руку, картонъ ли, воскъ ли, дерево или глина, онъ тотчасъ же принимался что нибудь мастерить, пока наконецъ издѣлья изъ глины не приковали къ себѣ окончательно его вниманья.

Пока его опыты въ этомъ направленіи не удавались, учебныя его занятія еще шли довольно сносно. Но послѣ того, какъ ему посчастливилось сдѣлать маленькую вазу, онъ только и бредилъ этого рода занятіями и присталъ къ родителямъ, чтобы они его взяли изъ школы и отдали въ ученіе на какую нибудь фабрику. Родители смотрѣли на это желаніе, какъ на капризъ; но видя, что мальчикъ настаиваетъ на этомъ требованіи и все болѣе и болѣе отстаетъ отъ своихъ школьныхъ занятій, начали оказывать ему серьезное сопротивленіе. На всѣ доводы родителей Эмиль молчалъ, и это молчаніе принималось за знакъ согласія; а между тѣмъ въ вечеръ того-же дня, когда у него съ родителями было рѣшительное объясненіе, Эмиль отправился внизъ на квартиру садовника исвать у него утѣшенія и совѣта.

На дворѣ было холодно; дождь и градъ хлестали въ окна; ночь настала рано; рабочій день садовника былъ коротокъ въ эту пору года. У ярко пылавшей желѣзной печки сидѣлъ Герръ Ганзенъ въ своемъ старомъ кожаномъ креслѣ. Могучія, загорбѣлыя руки покоились на книгѣ, которую онъ читалъ. Конрадъ съ другимъ ученикомъ сидѣли у стола; передъ ними были большія деревянные чашки съ сѣмянами, которыя они

по лотамъ развѣшивали на вѣсахъ, между тѣмъ какъ мать рѣзала и складывала имъ бумажки для укладки сѣмянъ.

Появленіе Эмиля нисколько не помѣшало семьѣ въ ея занятіяхъ.

Онъ былъ обычнымъ гостемъ въ эту пору. Герръ Ганзенъ спросилъ, что подѣлываетъ отецъ и, получивъ въ отвѣтъ, что онъ здоровъ, продолжалъ свое чтеніе. Госпожа Ганзенъ освѣдомилась, не придетъ-ли Фебе, для которой она отложила двѣ прекрасныхъ груши.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Эмиль, да я самъ къ вамъ только на минуту.

— Это почему? спросилъ Конрадъ.

— Нельзя, надо, вѣдь я ни въ чемъ не воленъ.

Тонъ, которымъ были сказаны эти слова, поразилъ молодого Ганзена. Онъ поглядѣлъ на своего друга, лице котораго было мрачно.

— Что съ тобою? спросилъ онъ его въ пол-голоса...

— Э... старая исторія! отвѣчалъ Эмиль. Вишь, я непременно долженъ кончить курсъ въ школѣ.

— А ты сказалъ, что не хочешь оставаться?

— Да.

— Сегодня?

— Да.

— И тебѣ все-таки велятъ оставаться?

— Да. Говорятъ, что средства наши слишкомъ ограничены, что больше дѣлать нечего.

Тихій и отрывистый шопотъ, которымъ происходилъ этотъ разговоръ, обратилъ на себя вниманіе садовника. Не ускользнулъ отъ него и глубокій вздохъ Эмиля. Но онъ не сказалъ ни слова, Конрадъ тоже промолчалъ.

Эмиль посидѣлъ еще нѣсколько времени, помогая своему другу въ его работѣ; потомъ со стола все убрали. Мать вынула изъ массивнаго буфета орѣховаго дерева скатерть и стала накрывать ужинъ. Пришли работники, служанка внесла дымящуюся миску съ супомъ, и Эмиль отправился въ своимъ, давъ слово вернуться послѣ чая.

Когда онъ снова пришелъ, въ семействѣ садовника уже отужинали. Ганзенъ сидѣлъ съ трубкою въ зубахъ за кружкой пива. Жена его вязала шерстяную фуфайку; но, одолѣ-

ваемая дремотой, тихо кивала отъ времени до времени головою. Въ эту пору дня Ганзенъ всего охотнѣе бесѣдовалъ съ молодыми людьми. Онъ и теперь собирался по заведенному порядку начать:

— А ну-ка, ребята, расскажите-ко мнѣ что нибудь,— но Эмиль предупредилъ его неожиданнымъ вопросомъ. — А что, герръ Ганзенъ, дорого стоитъ изучить фабричное дѣло?

— Да, отвѣчалъ Ганзенъ, посѣщеніе ремесленной школы требуетъ денегъ; потомъ фабриканту нужны различныя вспомогательныя науки, да и наконецъ самая плата, за ученіе взносимая, на нѣкоторыхъ фабрикахъ бываетъ очень высокая...

Эмиль молчалъ.—Что это тебѣ вздумалось спросить, допытывался Ганзенъ, угадывавшій впрочемъ какъ нельзя лучше, въ чемъ было дѣло.

— Такъ, мнѣ хотѣлось знать, отвѣчалъ Эмиль съ свойственною ему скрытностью; но Конрадъ спросилъ:

— А что, отецъ, если-бы я захотѣлъ идти въ университетъ, пустилъ-ли-бы ты меня?

— Неохотно, отвѣчалъ отецъ, потому что тогда садъ, надъ которымъ трудились и я, и отецъ мой, и дѣдъ мой, перешелъ бы въ чужія руки.

— Но ты все-же бы пустилъ меня?

— Если-бы у тебя была особая охота или особенная способность къ ученію, то волею или неволею долженъ бы былъ пустить.

Эмиль и Конрадъ переглянулись между собою.

— Вы-то, другое дѣло, воскликнулъ Эмиль, за то вы и не дворянинъ и не ученый, и вашъ дѣдъ не былъ генералъ-майоромъ или ректоромъ въ какомъ нибудь Оксфордѣ.

— Что это значить Эмиль? съ удивленіемъ спросилъ савоннигъ.

— Вы чужды этихъ глупыхъ предрасудковъ, продолжалъ юноша еще съ большимъ жаромъ. Вы не находите, что человѣку стыдно сдѣлаться простымъ ремесленникомъ, когда у него нѣтъ денегъ, чтобы быть фабрикантомъ.

— Стыдно? перебилъ его Ганзенъ.

Эмиль былъ до того возбужденъ, что не слыжалъ его.—А между тѣмъ, продолжалъ онъ, я бы, ей-Богу, охотнѣе по-

шелъ странствовать по свѣту съ сумкою за плечами и пробивать себѣ дорогу какъ тысячи другихъ, чѣмъ коптѣть надъ книгами, которыя мнѣ тошнѣ смерти и изъ которыхъ я, все равно, никогда ничего путнаго не вычитаю.

Сорвавъ сердце въ этой вспышкѣ, онъ застыдился и притихъ.

Но щеки его пылали, и онъ провелъ рукою по глазамъ, чтобы скрыть проступившія на нихъ слезы.

Громкій разговоръ заставилъ госпожу Ганзенъ стряхнуть дремоту; по своей чисто-нѣмецкой добротѣ она не могла не жалѣть мальчика, но первая ея забота была о госпожѣ фонъ-Варбекъ.

— А что, спросила она съ участіемъ, развѣ у васъ дома вышло что нибудь неладное?

Ей никто не отвѣчалъ. Эмиль сидѣлъ въ смущеніи. Садовникъ всталъ съ своего мѣста, снялъ съ гвоздя зеленую выцвѣвшую отъ непогоды бархатную шапочку, которую обыкновенно надѣвалъ, когда выходилъ изъ дому, и, съ сердитымъ движеніемъ надвинувъ ее себѣ на брови, принялся расхаживать взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Это у нихъ видно въ крови, проговорилъ онъ въ полголоса, снова сѣлъ, отпилъ длинный глотокъ изъ своей кружки и, съ шумомъ захлопнувъ крышку, проворчалъ: что-же! вольному воля!— Госпожѣ Ганзенъ было не по себѣ каждый разъ, какъ вокругъ нея не всѣ были веселы. Она поправила на головѣ простенькій домашній чепчикъ, который обыкновенно носила по вечерамъ, перевязала потуже вокругъ своего полнаго стана шерстяной фартукъ, сняла со свѣчей; но все это не помогло ей выдумать средство какъ-бы возратить всѣмъ ихъ обычное свѣтлое настроеніе. Въ душѣ она находила, что Эмиль не совсѣмъ правъ, да и мужъ ея могъ бы вести себя разсудительнѣе; но она знала, что есть вещи, въ которыхъ Герръ Ганзенъ не терпитъ противорѣчій.

И такъ она просидѣла нѣкоторое время молча, задумчиво разводя спицею по столу каплю пролитаго пива; наконецъ она не совсѣмъ смѣло замѣтила.

— Ну, да и ихъ винить тоже нельзя.

— Кого винить и въ чемъ? переспросилъ ее мужъ.

— Я только хотѣла сказать, проговорила она, уклоняясь

отъ прямаго отвѣта, что взятому желательно, чтобы его дѣти оставались въ его званіи; да оно и попятно, вѣдь всѣ мы мѣтимъ выше, а не ниже.

— Вотъ какъ! и ты тоже, небось, мѣтишь выше для своего сына? воскликнулъ отецъ.

Госпожа Ганзенъ поняла, что тутъ чего добраго и до приказанія молчать не далеко.

— О насъ тутъ не можетъ быть и рѣчи, отвѣчала она; у, насъ, слава Богу, всего довольно, и съ Конрада будетъ довольно да и съ дѣтей его, если онъ только пойдетъ по нашимъ слѣдамъ. Про насъ, стало быть, что и говорить; отъ добра добра не ищутъ. Совсѣмъ иное дѣло, коли родители не могутъ оставить дѣтямъ большаго достатка: тутъ по-неволѣ станешь думать, чтобы, по крайней мѣрѣ, поддержали честь своего званія....

— Такъ и ты тоже находишь, что ремесло позорить человѣка! закипятился Ганзенъ; но, совладѣвъ съ собою, онъ продолжалъ спокойнѣе: не толкуй, Христина, о томъ, чего ты не понимаешь. Знай свое дѣло, и въ чужія дѣла не суйся.

Онъ снова всталъ и прошелся по комнатѣ.

— Поздно, проговорилъ онъ, взглянувъ на часы. Пора спать, дѣти.

Молодые люди встали. Госпожа Ганзенъ свернула свою работу и отдала Эмилю груши, принесенныя ею для Фебе.

Конрадъ проводилъ своего друга за дверь.

— Что же ты думаешь дѣлать? спросилъ онъ.

— Что бы ты сдѣлалъ на моемъ мѣстѣ, возразилъ тотъ.

— Объ этомъ я никогда не думалъ, отвѣчалъ Конрадъ; вѣдь я зналъ, что отецъ меня ни къ чему не станетъ неволить.

— Ну, а если бы онъ вздумалъ тебя неволить?

— Тогда.... Конрадъ остановился; тогда, проговорилъ онъ вдругъ скороговоркой, тогда, мнѣ кажется, я сдѣлалъ бы тоже, что тысячи другихъ,—ушелъ бы изъ дому.

На это Эмиль не отвѣчалъ.—Завтра я зайду къ вамъ, проговорилъ онъ, прежде чѣмъ отправлюсь въ эту провлятую школу. Покойной ночи. Благодарю Бога, что ты не дворянинъ.

Двѣнадцатилѣтняя Фебе давно ужъ спала. Эмиль тоже удалился. Профессоръ сидѣлъ, погруженный въ чтеніе газеты, какъ вдругъ его поразилъ вздохъ, вырвавшійся изъ груди его жены. Онъ поднялъ глаза и замѣтилъ, что лице ея было очень печально.

— Что съ тобою? спросилъ онъ.

— Да грустно мнѣ, отвѣчала она, какъ подумаю, что успѣхъ нашихъ дѣйствій не въ нашихъ рукахъ, что мы сами же готовимъ себѣ бѣду тамъ, гдѣ поступаемъ по нашему лучшему разумѣнію. Конечно, я утѣшаю себя тѣмъ, что сила вещей и провидѣніе устриваетъ все къ лучшему и обращаетъ наши печали въ радости, но все же...

— Скажи, милая, перебилъ ее профессоръ, что навело тебя именно нынче на эти мысли?

— Всего печальнѣе становится близорукость человѣка тамъ, гдѣ идетъ дѣло о счастіи дѣтей, ввѣренныхъ намъ Богомъ, продолжала она. Ты не повѣришь, какое тяжелое впечатлѣніе оставилъ на меня разговоръ съ Эмилемъ.

Профессоръ сложилъ газеты и подсѣлъ поближе къ женѣ. — Ты слишкомъ серьезно принимаешь это дѣло, утѣшалъ онъ ее. У молодыхъ людей рѣдко бываетъ такое рѣшительное влеченіе къ одному какому нибудь занятію, чтобы увѣщанія и совѣты не могли повліять на ихъ выборъ.

— Но у Эмиля проглядываетъ рѣшительная воля, непреодолимая склонность, отвѣчала госпожа фонъ-Варбекъ, и мы сами виноваты, что его выборъ палъ на такое низкое занятіе. Вотъ это-то меня и печалитъ.

— Какъ! подхватилъ профессоръ, ужъ отъ насъ-то съ тобою онъ не могъ заразиться такою страстью къ техникумъ. Мнѣ казалось бы, что напротивъ, отъ насъ онъ бы могъ научиться, что однѣ умственные занятія, одна духовная дѣятельность поддерживаетъ человѣка среди жизненныхъ испытаній. Онъ мало по малу научится это понимать. Я постараюсь сблизить его съ собою, и все пойдетъ отлично. Его пугаетъ усидчивый трудъ; онъ боится студенческой жизни. Ему бы хотѣлось, какъ Конраду, проводить большую часть дня на открытомъ воздухѣ; въ его годы это естественно. Мало по малу все это пройдетъ.

Госпожѣ фонъ-Варбекъ хорошо была знакома привычка ея мужа закрывать глаза на все непріятное въ жизни. Обыкновенно она ему не противорѣчила; но на этотъ разъ, видя, что онъ снова хочетъ приняться за газеты, она остановила его, замѣтивъ, что онъ ошибается въ Эмиль.

— Но Эмиль добръ и правдивъ, возразилъ профессоръ.

— Да, благодареніе Богу, онъ добръ и правдивъ, воскликнула мать, но онъ упрямъ и погнуть его мудрено; ты его не знаешь. Твоего идеализма въ немъ нѣтъ; мечтать и, слѣдовательно, бездѣйствовать онъ не любитъ; бѣдность ему не по сердцу, и теперь уже всѣ его помыслы сосредоточились на матеріальномъ обезпеченіи.

Профессоръ отвѣчалъ не вдругъ.—Онъ слишкомъ рано видѣлъ, проговорилъ онъ наконецъ со вздохомъ,—какъ могутъ давить матеріальныя заботы.—Въ словахъ его слышалось самообвиненіе; жена его испугалась и продолжала, ласкаясь къ нему:

— Полно, оставь эти мысли; вѣдь уже самыя трудныя времена миновались. Въ настоящемъ стало свѣтлѣе, благодаря добрымъ Ганзенамъ; отъ того меня такъ и печалитъ необходимость держаться намъ всѣмъ на будущее время подальше отъ этихъ добрыхъ людей. Отъ нихъ дѣти научились ставить ни во что всѣ сословныя преимущества, презирать всякій идеализмъ. Эти почтенные люди, конечно, дѣйствуютъ безъ злого умысла, но они портятъ намъ дѣтей. У дѣтей является какое-то низкое стремленіе къ наживанью добра. Нѣтъ, нѣтъ, я вижу, что все это надо перемѣнить. Пора прекратить эту короткость.

— А между тѣмъ если бы у насъ былъ практическій смыслъ нашихъ друзей, наше положеніе было бы иное, замѣтила ему жена спокойнымъ тономъ.

На глазахъ ея выступили слезы. Профессоръ обнялъ ее и поцѣловалъ. Горе супругамъ, если совѣсть упрекаетъ ихъ въ обоюдныхъ ошибкахъ: каждое слово принимаетъ тогда значеніе намека и, изъ опасенія причинить другъ другу боль, является какое-то ложное великодушіе, какая-то половичатость, которая немногимъ лучше лжи. Наконецъ госпожа фонъ-Варбекъ оправилась немного отъ своего волненія.

— Надо же наконецъ на что нибудь рѣшиться, проговорила она со вздохомъ. Мы должны оставить этотъ домъ.

— Оставить этотъ домъ! испуганно проговорилъ профессоръ, что за дикая мысль? Гдѣ найдемъ мы другую такую квартиру? Вѣдь ты ожила здѣсь совсѣмъ. Подумай, милая Эми, какъ ты обойдешься безъ сада? А моя бібліотека! Сколько хлопотъ, сколько расходовъ съ ея перевозкой! да и какъ мы будемъ въ глаза глядѣть этимъ почтеннымъ людямъ послѣ такого поступка, добавилъ онъ, немного помолчавъ. Ты знаешь, что за вѣрная душа этотъ Ганзенъ. Нѣтъ, что это за дикая мысль!

Лице профессора разгорѣлось, глаза его сверкали, онъ былъ въ сильномъ волненіи.—Вѣдь это неблагодарность, воскликнулъ онъ,—не ожидалъ я отъ тебя этого, Эми.

— Я мать, съ твердостью отвѣчала госпожа фонъ-Варбекъ, и долгъ велитъ мнѣ прежде всего заботиться о дѣтяхъ. Тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ ихъ интересахъ, мои личные чувства должны замолчать. Неужели моему Эмилю сдѣлаться простымъ работникомъ, неужели допустить, чтобы внукъ моего отца торговалъ и скопидомствовалъ, какъ жидъ? Неужели допустить, чтобы молодой человѣкъ, носящій имя фонъ-Варбекъ странствовалъ по свѣту съ сумкою за плечами?

— Охота тебѣ вдаваться въ преувеличенія, отвѣтилъ профессоръ и отошелъ къ окну.

Нѣсколько минутъ длилось тягостное молчаніе.

— О чемъ ты думаешь? спросила наконецъ госпожа фонъ-Варбекъ.

— У Эмиля видимо замѣчательныя техническія способности, задумчиво проговорилъ профессоръ.

— Ради Бога, другъ мой, испуганно воскликнула жена, неужели ты поддашься этому?

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ онъ и снова погрузился въ прежнее молчаніе. Рѣшено! воскликнулъ онъ наконецъ. Эмиля надо удалить отсюда. Намъ самимъ нечего переѣзжать; я завтра же напишу моему брату. Мы пошлемъ Эмиля въ столицу къ дядѣ. Времени терять нечего.

— Самъ Богъ внушилъ тебѣ эту мысль, воскликнула мать. Какъ ни тяжела была для нея мысль разстаться съ сыномъ, это внезапное рѣшеніе мужа облегчило ея заботы о будущности дѣтей.

На слѣдующій же день было приступлено къ исполненію задуманнаго дѣла. Мечтательная нерѣшительность профессора всегда переходила въ какую-то лихорадочную дѣятельность тамъ, гдѣ обстоятельства вынуждали его принять какое-нибудь рѣшеніе. Въ одно прекрасное утро Эмилю объявили безъ всякой подготовки, что онъ долженъ оставить родительскій домъ и отправиться къ дядѣ въ столицу. Не успѣлъ онъ опомниться, какъ онъ уже былъ далеко отъ семьи, отъ роднаго крова, отъ друзей.

Съ отъѣздомъ Эмиля стало пусто въ домѣ. Конрадъ сталъ уже рѣже приходитъ на верхъ, куда ему теперь собственно не къ кому было ходить. Фебе тоже не пускали внизъ къ ея старимъ друзьямъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что она теперь слишкомъ уже велика, чтобы бѣгать безъ дѣла по всему дому. Когда она просила, чтобы Конрадъ пришелъ къ ней, мать возражала ей, что у Конрада теперь много другого дѣла и что мальчикъ ей не товарищъ. Къ ней стали приглашать то ту, то другую дѣвочку ея возраста. Госпожа фонъ Варбекъ сошлась съ семействами нѣкоторыхъ профессоровъ. Герръ фонъ Варбекъ продолжалъ вести свой прежній уединенный образъ жизни; но жена его принимала гостей и сама выходила изъ дому, выбирая для этого преимущественно тѣ часы, когда мужъ ея работалъ у себя въ кабинетѣ. Ганзены все знали и видѣли, и не могли надивиться перемѣнѣ, которая у нихъ совершалась передъ глазами.

Отношенія госпожи фонъ-Варбекъ къ семейству садовника съ каждымъ днемъ становились все болѣе натянуты. Прежнее ея дружелюбное обращеніе уступило мѣсто церемонной вѣжливости: она видимо тяготилась услугами, которыя прежде принимала съ откровенной благодарностью. Въ прежнее время она давала Конраду вмѣстѣ съ своимъ сыномъ уроки французскаго и англійскаго языковъ. Уроки эти продолжались

и по отъѣздѣ Эмиля; но она уже болѣе не приглашала Конрада остаться по окончаніи класса. Да и самъ Конрадъ теперь уже не рѣшался ходить въ семейство профессора безъ приглашенія. Ему становилось въ этомъ семействѣ какъ-то тяжело и неловко. Даже веселое и задушевное обращеніе Фебе было ему не на радость; онъ зналъ, что ей изъ-за него достанется.

Такъ прошло два года, и Фебе минуло 14 лѣтъ. Рожденіе ея пришлось въ воскресенье. Уже съ давнихъ поръ было заведено, что садовница въ этотъ день дарила своей любимицѣ огромный тортъ своего печенія, а Конрадъ нѣсколько позднеѣ приносилъ ей букетъ цвѣтовъ. И на этотъ разъ тортъ былъ врученъ по принадлежности, и Конрадъ рѣзалъ въ теплицѣ цвѣты для букета, когда мать принесла ему извѣстіе, что на этотъ разъ рожденіе хотятъ справлять съ небывалою пышностью и что въ завтраку будетъ цѣлое общество молодыхъ дѣвушекъ. Извѣстіе это смутило почему-то Конрада. Онъ торопливо связалъ букетъ, чтобы отнести его Фебе до прихода гостей. Но отецъ удержалъ и послалъ его открывать ставни вмѣстѣ съ другими садовниками. Работа у него не спорилась; наконецъ, кое-какъ справившись съ нею, онъ одѣлся въ лучшее свое платье и отправился съ букетомъ на верхъ. Еще въ сѣняхъ до него донесся смѣхъ и говоръ нѣсколькихъ голосовъ. Онъ остановился въ нерѣшимости войти ему или нѣтъ? Общество молодыхъ дѣвушекъ было ему не по душѣ и особенно въ эту минуту онъ ихъ просто ненавидѣлъ.

— Ну да, авось, они меня не съѣдятъ, сказалъ онъ самому себѣ, приободрясь, и вошелъ въ комнату.

Всѣ глаза съ любопытствомъ устремились на него. Госпожа фонъ-Варбекъ кивнула ему головою. Фебе бросилась къ нему на встрѣчу и поцѣловала его, какъ это у нихъ изстари было заведено въ подобныя торжественныя случаи. — Онъ до того растерялся, что даже не отвѣчалъ на поцѣлуй. Солнечныя пылинки искрились передъ его глазами, точно свѣтятся жуки, въ ухахъ у него жужжало.

— Какой великолѣпный букетъ! воскликнула госпожа фонъ-Варбекъ. Но мнѣ, право, совѣстно, Конрадъ! Вѣдь вы должны были положительно ограбить теплицы вашего отца.

Конрадъ все еще держалъ Фебе за руку и сжалъ ее такъ крѣпко, что та вскрикнула и шуга хлопнула его по рукѣ.

— Фи, Фебе! какъ тебѣ не стыдно? что подумаютъ о тебѣ твои пріятельницы, остановила ее мать.—Что же вы не сядете къ намъ, продолжала она, обращаясь къ Конраду. Выпейте чашку шоколаду. На столько-то у васъ времени навѣрное есть.

— Нѣтъ, благодарствуйте, мнѣ надо домой,—это было все, что онъ могъ выговорить. Онъ былъ блѣденъ, какъ полотно, и Фебе съ испугомъ глядѣла на него.

— Маменька, проговорила она, что это значитъ? Конрадъ, не уходи! останься-же, Конрадъ, молила она. И вдругъ, залившись слезами, воскликнула:—За чѣмъ ты ему, мама, говоришь «вы», точно онъ чужой человѣкъ?

— За тѣмъ, что онъ уже больше не ребенокъ, спокойно отвѣчала мать и налила ему чашку шоколаду.

Но Конрадъ уже ничего больше не слышалъ и не видалъ; какъ угорѣлый бросился онъ изъ комнаты, бѣгомъ спустился съ лѣстницы и очутился на дворѣ.

— Куда ты Конрадъ? окликнула его мать, выходявшая изъ журатника, но онъ ей не отвѣчалъ и продолжалъ бѣжать, куда глаза глядѣли, наконецъ онъ увидѣлъ передъ собою отворенную дверь теплицы и кинулся въ нее. Яркій и жаркій солнечный свѣтъ, врывавшійся въ стекла и выгонявшій влажное благоуханіе изъ тропической растительности, тишина, царствовавшая въ теплицѣ, поразили его въ первый разъ въ жизни, быть можетъ, потому, что они слишкомъ мало согласовались съ его настоящимъ настроеніемъ. Сердце его казалось готово было выскочить изъ груди. Въ немъ проснулась какая-то дикая потребность разрушенія. Въ слѣпомъ бѣшенствѣ онъ хватилъ рукою по первымъ попавшимся ему цвѣтамъ. Нѣсколько горшковъ опрокинулось и разбилось въ дребезги. Это заставило его опомниться. Ему стало жаль растеній, за которыми самъ-же онъ ходилъ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Онъ свинулъ сюртукъ, досталъ нѣсколько новыхъ горшковъ и принялся пересаживать растенія. Но онъ въ нѣсколько пріемовъ отрывался отъ этой работы и въ раздумьи качалъ головою.

— Эмиль, Эмиль! воскликнулъ онъ наконецъ, если бы ты

зналъ все это! Онъ присѣлъ на ящикъ, стоявшій въ углу, и горько заплакалъ.

За обѣдомъ мать спросила у него, какъ справлялось роженіе у профессора, но онъ не умѣлъ ей толкомъ отвѣтить, конфузился, раздражался ея вопросами и наконецъ воскликнулъ, чтобы она къ нему не приставала, что право говорить объ этомъ не стоить.

— Что съ тобою? проговорила мать, я тебя въ жизнь такимъ не видала.

Конрадъ молчалъ. Отецъ, рѣзавшій въ эту минуту жаркое, поглядѣлъ на него, но не сказалъ ни слова. Конрадъ покраснѣлъ до ушей; онъ не могъ проглотить куска. Какъ скоро обѣдъ кончился, и работники встали изъ-за стола, онъ поспѣшилъ уйти съ ними. Старики остались одни. Ганзенъ набилъ свою трубку, взялъ съ полки книгу и помѣстился у окна. Жена подошла къ нему, подперла голову рукою и припалась глядѣть на улицу, по которой сосѣди съ женами и дѣтьми отправлялись на гулянье за городъ.

— Вѣдь. вѣшь какъ разрядилась, проговорила она, просто ума помраченіе! Вотъ уже вторую новую шаль покупають въ какія нибудь двѣ, три недѣли.—Ганзенъ не отвѣчалъ, да она и не ожидала отъ него отвѣта. У нея у самой вовсе не то было на душѣ.

— Какъ видно у всѣхъ теперь пошло на мотовство, проговорила она, немного помолчавъ. Вонъ и у нашихъ тоже на верху затѣваются небывалые порядки. Намедни, когда профессорша съ Фебе отправлялась пить кофе къ Совѣтницкимъ, я ее просто не узнала. Все на ней было новое, съ иголки, да и дѣвочка ростеть не по днямъ, а по часамъ. Особенно теперь ее водять въ длинныхъ платьяхъ—ну просто невѣстой смотреть.

— Да, она ростеть и хорошееть не по днямъ, а по часамъ, подтвердилъ Ганзенъ, не отрываясь отъ своего чтенія.

Но не того хотѣлось женѣ. Видя, что ей не удастся достигнуть своей цѣли обивками, она прямо приступила къ дѣлу.

— Ужь какъ ты дорвешься до своихъ книгъ, воскликнула она, ты какъ есть ничего не видишь и не слышишь, что вокругъ тебя дѣлается.

— А что мнѣ такое видѣть? что случилось? спросилъ Ганзенъ съ недовольнымъ видомъ, опуская книгу на колѣни.

— Да, Господи Боже мой, ничего особеннаго, отвѣчала жена; только Конрадъ какой-то чудной сталъ. Ужь какъ хочешь, а тамъ наверху что-то неладное затѣвается.

— Что затѣвается? воскликнулъ садовникъ, вѣдь ты знаешь, что я терпѣть не могу, когда со мною говорятъ и не договариваютъ. Выскажись наконецъ прямо, чего тебѣ хочется? что ты такое особенное замѣтила за сыномъ?

— Гмъ! проговорила жена, пожимая плечами, въ томъ-то и бѣда, что я сама хорошенько не знаю, что съ нимъ. А что съ нимъ что-то неладное дѣлается, такъ это вѣрно. Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ онъ безъ того и не пойдетъ брать урокъ у профессорши, чтобы я ему не напомнила. Бывало прежде, не дождется какъ бы попасть на верхъ; а теперь не пошлешь его, такъ онъ и совсѣмъ не пойдетъ....

— Эмиля нѣтъ, перебилъ ее мужъ, что ему тамъ дѣлать?

— Нѣтъ, нѣтъ, это не то, возразила жена; бывало онъ прежде водился по цѣлымъ часамъ и съ Фебе....

— Ну да вѣдь то было, а теперь онъ изъ дѣтскихъ лѣтъ выходитъ, замѣтилъ Ганзенъ.

Но ее не такъ-то легко было успокоить.

— Эхъ, не видишь ты ничего, закипятилась она, или вѣрнѣе, ты не хочешь ничего видѣть, даромъ что во всякомъ иномъ дѣлѣ ты уменъ за троицъ. Говорю тебѣ, что верхніе жилыцы стали не тѣмъ, чѣмъ были. За чѣмъ они посылаютъ ее къ пастору готовиться къ конфирмаціи, когда прежде рѣшено было подтвердить ее только на тотъ годъ? Все для того, чтобы у нея было поменьше досугу ходить къ намъ. Они надѣваются ей длинное платье и рядятъ какъ куклу, чтобы она не могла бѣгать и лазить въ саду. А съ какой стати имъ вдругъ загорѣлось дѣлать визиты всѣмъ профессорамъ и герихтератамъ? повѣрь мнѣ, все это не даромъ, все это что нибудь да значить, и ужь я знаю, что у нихъ на умѣ.

Пока она говорила, Ганзенъ всталъ и началъ прохаживаться по комнатѣ. Наконецъ онъ остановился передъ женою и спросилъ:

— Развѣ Конрадъ тебѣ что нибудь сказалъ?

— Таковскій онъ, чтобы сказать! да онъ себя дастъ скорѣе на части изрѣзать, чѣмъ скажетъ хоть слово противъ Варбековъ. А что съ нимъ что-то такое случилось, и именно нынче, такъ я голову даю на отсѣченіе. Того и гляди, что имъ скоро покажется зазорно знаться съ садовницкимъ сыномъ....

Лице Ганзена омрачилось. — Ну, пошла, сердито промычалъ онъ на жену. Но она продолжала, не обращая вниманія: — И помяни ты мое слово, и со всѣми нами они скоро перестанутъ знаться. Ну да я этого такъ не оставлю; я все выведу на свѣжую воду....

— Ничего-то ты не выведешь, строго прививнуль на нее садовникъ. Слышишь ты? ничего, какъ есть ничего. Я не хочу этого. И сохрани тебя Богъ наговаривать что-нибудь мнѣ или сыну. Чтобы не было ни подсматриванія, ни подслушванія — ну какъ есть ничего. Слышишь-ли?

— Да какъ же такъ мальчика-то оставить, снова начала было мать.

— Мальчику, слава Богу 18-ый годъ пошелъ, онъ и самъ съ собою справится.

— Но отъ него и слова не добьешься.

— Такъ молчи-же и ты, скомандовалъ Ганзенъ и вышелъ изъ комнаты. — бѣда съ этими бабами, проворчалъ онъ за дверью, не терпитъ имъ, чтобы во все носу не совать.

Госпожа фонъ-Варбекъ лежала больная на постели, и Фебѣцкіе дни проводила у нея въ комнатѣ. Каждый разъ, когда госпожа Ганзенъ приходила на верхъ провѣдать больную, ее осыпали любезностями; но при всемъ томъ ей чувствовалось какъ-то не по себѣ, тѣмъ болѣе, что Фебе держала себя еще страннѣе, чѣмъ Конрадъ.

— Что же ты, дитяtko, совсѣмъ не сходишь внизъ? спросила она ее однажды. Сбѣгай въ садъ, поразомнись немножко,

а то и сама, чего добраго, заболѣешь, все сидя въ комнатѣ. Я пока посижу у матери, а ты ступай.

Фебе хотѣла что-то отвѣтить, но грудь у нея судорожно задрожала, какъ будто она собиралась плакать. Она подавила это движеніе и проговорила: — Я пойду, только не теперь, какъ нибудь въ другой разъ. Можетъ быть, завтра.

Но прошелъ и слѣдующій день и много другихъ дней. Фебе иногда выходила изъ дому въ обществѣ своихъ подругъ, съ которыми вмѣстѣ брала уроки изъ закона Божія; но въ садъ она никогда не заглядывала. Ганзепъ дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ, Конрадъ тоже, а мать, волею или неволею, должна была молчать, такъ какъ ей было запрещено высказывать свое удивленіе.

Такъ прошелъ апрѣль и май, и настали первые дни іюня. Ганзепъ обыкновенно присылалъ госпожѣ фонъ-Варбекъ букетъ изъ первыхъ розъ, распукавшихся у него въ саду. Онъ и этотъ годъ не хотѣлъ отступить отъ изстари завѣденнаго обычая. Онъ хотѣлъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, съ его стороны все было соблюдено.

Госпожа фонъ-Варбекъ еще спала, и одна Фебе была въ комнатѣ, когда принесли цвѣты. Она поднесла букетъ еще обрызганный росой къ лицу и нѣсколько капель осталось у нея на щекахъ.

— Вотъ, теперь можно подумать, что я плакала, мелькнуло у нея въ головѣ, — да и въ самомъ дѣлѣ есть о чемъ плавать, когда вспомнишь, что я не смѣю сойдти внизъ. — Она поставила цвѣты на столъ и, опустившись на колѣни возлѣ овна, принялась глядѣть въ садъ.

— Когда я была маленькая, принялась она разсуждать сама съ собою, когда я могла, дѣйствительно, что нибудь напалить, тогда мнѣ была полная воля; а теперь, когда я выросла, со мною обходятся какъ съ ребенкомъ. Вѣдь никто вѣрить не хочетъ, что меня держатъ на привязи. Всѣ мои подруги убѣждены, что я по прежнему бѣгаю съ Конрадомъ въ садъ. А все маменька виновата; мы съ Конрадомъ тутъ ровно не при чемъ.

— Ужъ онъ-то въ особенности, какъ есть не виноватъ, вдругъ вырвалось у нея вслухъ. — Что долженъ былъ опдумать о

ней Конрадъ, что она допускаетъ все это? Нѣтъ, она должна объясниться съ нимъ; вѣдь уже почти цѣлый мѣсяць она не говорила съ нимъ ни слова. Должна-же она ему сказать, что ей запрещено ходить къ Ганzenамъ въ садъ, запрещено говорить ему «ты».

Съ мгновенно созрѣвшею рѣшимостью она направилась къ двери, быстрыми шагами спустилась съ лѣстницы и, какъ птичка, вырвавшаяся изъ клѣтки, побѣжала въ садъ. Она готова была громко вскригнуть отъ радости. Ей хотѣлось окликнуть Конрада по имени, чтобы онъ зналъ, что она тутъ.—Но, можетъ быть, онъ и самъ придетъ, разсудила она, сегодня они посылаютъ розы для продажи въ городъ. Онъ, вѣрно, придетъ ихъ рѣзать. Если онъ придетъ самъ собою, то я, по крайней мѣрѣ, не попаду въ отвѣтъ. А что я пошла прогуляться въ такой чудный день, то противъ этого маменька ничего не можетъ сказать. Но Конрадъ не приходилъ. Куда-бы онъ могъ дѣваться? подумала она и пошла далѣе. Она заглянула въ теплицы, по его и тамъ не было. Тогда она вспомнила про небольшую теплицу, построенную Ганzenомъ года два тому назадъ для воздѣлыванія орхидій. Безъ шума скользнула она въ незапертую дверь. Ее обдало одуряющимъ запахомъ экзотическихъ растений, зеленые листья блестѣли на солнцѣ, причудливыми узорами ниспадали орхидеи съ потолка и расгачивали въ воздухѣ свои фантастическіе цвѣты.

— Точно они радуются, что я пришла, подумала Фебе, и приподнявшись на цыпочки, стала нюхать великолѣпную стапию, только-что начинавшую распускаться. Въ эту самую минуту съ другого конца теплицы послышался голосъ, окликнувшій ее: «Фебе!»

Фебе вздрогнула, тоненькій стебель цвѣтка, который она придерживала рукою, сломался, и цвѣтокъ остался у нея въ рукѣ. Испуганная этимъ несчастьемъ, она бросилась къ Конраду, который шелъ къ ней на встрѣчу, и схватила его за руку.

— Фебе! повторилъ онъ съ удивленіемъ. Откуда ты пришла, что съ тобою, отчего ты дрожишь? — Онъ и самъ едва могъ говорить отъ волненія. Фебе стояла, какъ окаменѣлая, и вдругъ начала горько плакать.

— Да полно, полно-же, Фебе, что за ребячество! повто-

рялъ онъ, не то досадуя, не то стараясь ободрить ее, а самъ еще болѣе терялся. Говори-же толкомъ, что мнѣ съ тобою дѣлать, Фебе? допрашивалъ онъ ее.

— Что тебѣ дѣлать? рыдала она, да ровно ничего! я сломала станопію.

— Фебе! воскликнулъ Конрадъ, что скажетъ отецъ?

— Вотъ то-то и есть, что онъ скажетъ? но я невиновата, Конрадъ, право невиновата! Я хотѣла только понюхать цвѣтокъ, въ эту минуту ты позвалъ меня, и я испугалась. А надо же мнѣ было сойдти и сказать тебѣ, что я ни въ чемъ невиновата, что это они мнѣ все приказываютъ. И что я не смѣю...

— Чего ты не смѣешь?

— Сходить внизъ.

— Такъ вотъ какъ, ты не смѣешь сходить внизъ? переспросилъ Конрадъ такимъ голосомъ, какого она отъ него еще не слыхала.

— Не смѣю, повторила она, и они не велятъ мнѣ говорить тебѣ «ты», это вишь неприлично, потому-что ты простой садовникъ, а я уже взрослая дѣвушка и ты....

Она вдругъ замолчала, смущенная неподвижностью Конрада. Онъ вдругъ показался ей какъ-то больше и старше. Она застыдилась его и не знала, что говорить.

— И ты тоже стала такой большой, замѣтила она ни къ селу ни къ городу.

— Такъ идите-же съ Богомъ, большая барышня! воскликнулъ онъ насмѣшливо. Ступайте-же, а то вы еще чего добраго запачкаете ваше бѣлое платьице о мой рабочій фартукъ.

Онъ повернулся къ ней спиною и крѣпко стиснулъ зубы, чтобы не вскрикнуть или не зарыдать отъ внутренняго бѣшенства. Фебе схватила его за руку, онъ оттолкнулъ ее и пошелъ далѣе. Она побѣжала за нимъ и крѣпко ухватилась за него.

— Конрадъ! твердила она, милый, добрый Конрадъ, неужели ты думаешь, что меня и днемъ и ночью не мучить это запрещеніе? Какъ могъ ты подумать, чтобы я была такая скверная! Клянусь тебѣ, Конрадъ, я васъ ни на кого не промѣняю, и тебя менѣе, чѣмъ кого либо. Въ этомъ тебѣ я клянусь!

Ея щеки горѣли, губы дрожали, она всхлипывала, какъ дитя.

Конрадъ безъ словъ стоялъ передъ нею и глядѣлъ на нее съ изумленіемъ, какъ на чудо. Онъ не узнавалъ ни ея, ни себя. Передъ нимъ стояла словно другая Фебе, да и самъ онъ сталъ словно другой. Онъ всегда ее такъ крѣпко любилъ, и вдругъ была минута, когда онъ ее готовъ былъ ненавидѣть, готовъ былъ убить ее. И эта минута тоже миновалась, все миновалось, все было такъ ново, такъ непонятно! Фебе глядѣла на него своими большими голубыми глазами.

— Я только хотѣла передъ тобою оправдаться, твердила она. Конрадъ, будь-же добръ ко мнѣ!

И вдругъ, точно лучъ какой озарилъ все его существо, онъ схватилъ ее обѣими руками.—И какъ еще буду добръ! проговорилъ онъ и убѣжалъ.

Фебе стояла, какъ окаменѣлая, и глядѣла ему вслѣдъ. Добѣжавъ до выхода теплицы, онъ остановился и обернулся назадъ.

— Ступай на верхъ, проговорилъ онъ, и никому не говори ни слова про станопію, я все возьму на себя. Слышишь! ступай-же, Фебе. И Фебе пошла, и никто не догадался, какой чудный цвѣтокъ распустился въ обонхъ молодыхъ сердцахъ.

Нѣсколько недѣль спустя, когда госпожа фонъ-Варбекъ оправилась на столько, что могла выходить изъ комнаты и гулять въ саду, Конрадъ и Фебе стали чаще видѣться, и тутъ только старики Ганзенъ замѣтили, что госпожа фонъ-Варбекъ и Фебе не говорятъ уже болѣе Конраду «ты», какъ прежде, и что мать всѣми силами старается удалить отъ него молодую дѣвушку.

Это жестоко оскорбило госпожу Ганзенъ. Она принялась проклинать неблагодарность и высокоуміе знатныхъ и давала себѣ слово никогда ничего болѣе не дѣлать для этихъ людей. Если они передъ Конрадомъ носъ поднимаютъ, то и

мать его не поденщица имъ далась: — Что я для нихъ дѣлаю, гнѣвно говорила она Ганзену, того я для себя самой не стала бы дѣлать; а вотъ мнѣ и благодарность за это. Ганзенъ давалъ ей до сыта наворчаться, а потомъ начиналъ выставлять ей на видъ, что Фебе уже не ребенокъ, что она и Конрадъ принадлежатъ къ различнымъ сословіямъ, что, конечно, всѣ сословія равны — но, добавлялъ онъ; сама-же ты какъ-то разъ сказала Эмилю, что нельзя ставить въ вину человѣку, что онъ хочетъ остаться въ своемъ званіи. Я доволенъ своимъ званіемъ и моему сыну другого не желаю. Они любятъ свое и хотятъ, чтобы и дѣти ихъ оставались въ немъ. За это я еще обвинять ихъ не могу.

Жена поглядѣла на него съ изумленіемъ:—Обвинять ихъ ты не можешь, но я не вижу, почему-бы ты долженъ терпѣть такія вещи въ своемъ домѣ.

— Какія такія вещи?

— Да что все это дворянское отродье изо-дня въ день таскается къ нимъ въ нашемъ же домѣ, а насъ они и знать не хотятъ.

— Ну пошла тараторить, перебилъ ее Ганзенъ.

— Такъ ты намѣренъ дождаться, чтобы они и передъ тобою начали носъ задирать? Небось съ молоду ты былъ умиѣе, попробовалъ бы кто тогда съ тобою такую штуку удрать? Тогда ты оставлялъ верхній этажъ стоять пустымъ, чтобы только не имѣть дѣло съ этими чванными профессорами. Ну да ужъ я же, какъ Богъ святъ, до тѣхъ поръ не успокоюсь, пока не выживу изъ дома этихъ Варбековъ, которымъ вишь съ нашею плотью и кровью заorno знаться.

Ганзенъ зналъ, что когда его жена раздражена, съ ней никакими доводами ничего не подѣлаешь. Между тѣмъ и самъ онъ начиналъ задумываться. Онъ еще прежде жены угадалъ намѣреніе Варбековъ, порицать ихъ онъ не хотѣлъ, но ему было больно и обидно. Всего пріятнѣе было бы ему, если бы Варбеки сами догадались оставить его домъ; отказать же имъ отъ квартиры, въ которой больному Варбеку было такъ удобно, у него не доставало духу. Онъ питалъ къ Варбеку то же вѣжное чувство, какое внушали ему вырощенныя имъ растенія, съ

тою только разницей, что привязанность его къ другу была еще безкорыстнѣе.

Между тѣмъ профессоръ таялъ, какъ свѣчка. Онъ уже не могъ съ прежнимъ рвеніемъ предаваться своимъ ученымъ занятіямъ и большую часть дня проводилъ въ саду. Характеръ его сталъ еще мягче, чѣмъ прежде, и онъ, повидимому, съ удовольствіемъ видѣлъ, что жена его, изъ любви къ дочери, не такъ безучастно, какъ прежде, относится къ жизни, съ которою онъ съ своей стороны собирался покончить счеты.

Однажды вечеромъ, когда госпожи Варбекъ и Фебе не было дома, профессоръ сидѣлъ, по своему обыкновенію, въ саду на пригоркѣ, освѣщаемомъ послѣдними лучами заходящаго солнца. Сѣрый домашній сюртукъ сталъ ему слишкомъ широкъ и сидѣлъ на немъ мѣшкомъ; шитая шапочка охватывала его впавшіе виски. Онъ полулежалъ на скамьѣ, подперевъ голову руками. Вдругъ послышались быстрые шаги, и къ нему подошелъ садовникъ.

— Какъ поживаете, любезнѣйшій профессоръ? спросилъ онъ его, ставя на землю корзину съ абрикосами и подавая большому нѣсколько отборныхъ плодовъ.

— О, мнѣ въ сущности хорошо, отвѣчалъ Варбекъ. Я все болѣе и болѣе перехожу въ то сладостное, полудремотное созерцаніе, которое всегда такъ заманчиво казалось мнѣ въ индійской поэзіи. Съ жизнію, какъ ее понимаютъ люди настоящаго времени, оно, конечно, ничего не имѣетъ общаго, но должна же быть въ немъ какая-то, особенная прелесть, когда оно такъ неудержимо влечетъ меня къ себѣ. Я чувствую, какъ мое существо распадается на составныя свои элементы и съ какимъ-то страннымъ наслажденіемъ начинаю прислушиваться къ послѣднему замирающему дрожанію жизненныхъ струнъ. Если бы не забота о семьѣ, на душѣ у меня было бы легко.

Ганзенъ покачалъ головою.—Это болѣзненное настроеніе, проговорилъ онъ. Настанутъ дни, когда вы будете думать иначе. Самъ я не боюсь смерти; не даромъ мы съ вами въ молодости нашей видѣли смерть лицомъ къ лицу; мы успѣли съ нею освоиться. Но все же это не мѣшаетъ ей оставаться печальною необходимостью.

— Да, для здоровыхъ, для тѣхъ, чья жизнь сложилась хорошо.

— А ваша развѣ не хорошо сложилась?

— Нѣтъ, другъ мой, нѣтъ, не хорошо, отвѣчалъ профессоръ съ видомъ глубокаго убѣжденія.

Ганзенъ былъ пораженъ и молчалъ. Профессоръ продолжалъ:— конечно, отъ такого рода мыслей мало бываетъ проку, и потому всего лучше имъ, по возможности, менѣ предаваться. Но когда наконецъ приходишь до той точки, что самъ становишься только пассивнымъ зрителемъ того, что въ тебѣ происходитъ, тогда ужъ ничто не мѣшаетъ сознаться самому себѣ... Потому что чувствуешь себя слишкомъ усталымъ даже для раскаянья.

— Но вамъ-то въ чемъ раскаяваться? Именно вамъ? спросилъ садовникъ съ участіемъ и, взявъ стулъ, подселъ къ больному.

— Совѣсть меня ни въ чемъ не упрекаетъ кромѣ слабостей и ошибокъ, продолжалъ Варбекъ, но онѣ роковымъ образомъ отозвались на судьбѣ моего семейства. Я ли не любилъ мою жену? а она была несчастлива со мною. Я долженъ бы былъ заранѣе предвидѣть это; мнѣ не слѣдовало вовлечь ее въ борьбу, которая была ей не по силамъ. Эгоизмъ моей любви заставилъ молчать мой разумъ, и бѣдной Фебе тоже придется за это поплатиться. Горе дѣвушка изъ высшаго сословія, если у нея, какъ у моей дочери, ничего нѣтъ.

— Но вкусы у Фебе самые простые, утѣшалъ его садовникъ.

— Они не долго останутся такими подъ руководствомъ ея матери, отвѣчалъ отецъ. За Эмиля я не боюсь; онъ сдалъ экзаменъ, онъ теперь студентъ, только бы онъ ясно увидѣлъ передъ собою дорогу, по которой ему придется идти, онъ съ нея не своротитъ.

— Но отвращеніе его къ ученымъ занятіямъ остается, повидному, неизмѣнно, замѣтилъ Ганзенъ. Въ письмахъ къ Конраду слышится все тотъ же старый тонъ; его все манить на волю, на широкій просторъ божьяго свѣта.

— У вакого молодого человѣка въ восемнадцать лѣтъ не

было подобныхъ желаній? проговорилъ профессоръ; кто не робѣлъ передъ размѣреннымъ, правильнымъ ходомъ жизни? Быть можетъ, ему дѣйствительно легче бы жилось, если бы онъ пошелъ тою дорогою, которую самъ себѣ избралъ, но онъ не вправѣ ринуться въ жизнь, полную приключеній. Ему предстоитъ современемъ быть опорой матери и сестры, я ему выставилъ это на видъ въ послѣднемъ письмѣ, и изъ его отвѣта я вижу, что онъ понялъ всю важность обязательства, которое я на него налагаю. Его письмо совсѣмъ успокоило меня.

Ганзенъ не захотѣлъ лишать отца послѣдняго его утѣшенія, его позвали, и онъ ушелъ.

На слѣдующее утро, въ квартирѣ профессора чѣмъ свѣтъ поднялась суматоха. Фебе растерянная прибѣжала внизъ; она искала Конрада и побѣжала за нимъ въ садъ.

— Что такое случилось? спросила госпожа Ганзенъ.

— Баринъ запеломогъ, отвѣчала служанка.

Конрадъ, какъ былъ, безъ сюртука, побѣжалъ за докторомъ.

— Ея отецъ умираетъ, отвѣчалъ онъ матери, когда она спросила у него, куда онъ такъ спѣшитъ.

Госпожа Ганзенъ отправилась на верхъ; мужъ послѣдовалъ за нею.

Наканунѣ, поздно вечеромъ, было получено письмо, горничная, по-обыкновенію, оставила его у себя и на слѣдующее утро передала своему господину. Едва успѣлъ Варбекъ пробѣжать это письмо, какъ онъ безъ чувствъ упалъ на полъ.

Профессорша плакала и хлопотала около больного. Фебе— то стояла на колѣняхъ у постели отца, то смотрѣла въ окно, — не идетъ ли Конрадъ съ докторомъ. Напрасно допытывались Ганзенъ и его жена, что такое было въ письмѣ.

— Не спрашивайте, молила профессорша, теперь я не въ состояніи объ этомъ думать; послѣ, послѣ...

Но едва Конрадъ вошелъ въ комнату, какъ Фебе подошла къ нему и тихо проговорила:

— Эмиль бѣжалъ.

Конрадъ перемѣнился въ лицѣ.

— И оттого-то умираетъ твой отецъ? спросилъ онъ.

Она могла отвѣчать ему только слезами.

— Боже мой, боже мой! воскликнулъ Конрадъ и бросился вонъ изъ комнаты.

Никто не обратилъ на это вниманія; всѣ были заняты вокругъ больного. Докторъ объявилъ, что состояніе его опасно. Пока Фебе и госпожа Ганзенъ ухаживали за нимъ, госпожа фонъ-Варбекъ подала Ганзену письмо, надѣлавшее такую бѣду. Оно было отъ ея сына.

«Милый отецъ, писалъ Эмиль, чѣмъ болѣе я сознаю важность возложенной тобою на меня обязанности—заботиться современемъ о благосостояніи матери и сестры, тѣмъ сильнѣе чувствую я необходимость избрать такое поприще, которое облегчило бы мнѣ эту обязанность. Я исполнилъ твою волю, сдалъ экзаменъ и изъ полученнаго мною свидѣтельства ты могъ видѣть, что я выдержалъ его удовлетворительно. Но далѣе я не могу идти. Не даромъ я учился исторіи: я узналъ изъ нея, что только тотъ могъ приносить пользу на занимаемомъ имъ мѣстѣ, чьи способности соотвѣтствовали этому мѣсту. Я не родился для кабинетной дѣятельности, изъ меня выдѣтъ плохой ученый и еще болѣе плохой чиновникъ. Я здѣсь прилежно занимался рисованьемъ и пріобрѣлъ еще кое-какія другія познанія, которыя помогутъ мнѣ проложить себѣ дорогу. Дядя обѣщался послать меня для отдохновенія прокатиться въ Гамбургъ и подарилъ мнѣ нужныя для того деньги. Завтра я уѣзжаю и болѣе не вернусь. Одинъ изъ моихъ друзей доставилъ мнѣ деньги, нужныя для переѣзда въ Америку. Тамъ я буду жить уроками, если тотчасъ же не найду возможности поступить на какую нибудь фабрику и пройти полный курсъ техническаго образованія, къ которому меня издавна влекло. Если мнѣ суждено возвратиться, то я буду опорой твоей старости. Простите мнѣ, дорогіе родители, мое бѣгство;

другого выхода не было. Дай богъ, чтобы я по возвращеніи всѣхъ васъ засталъ здоровыми. За меня не бойтесь; когда человѣкъ всюю душою отдался какому нибудь дѣлу, онъ не можетъ не успѣть. Прощайте и живите счастливо. Когда вы получите это письмо, я уже буду на пути въ Америку. Еще разъ прощайте!»

Герръ Ганзенъ нѣсколько разъ перечиталъ это письмо. Зная характеръ Варбека, онъ могъ себѣ представить, какое дѣйствіе оно должно было имѣть на его друга; но самъ онъ не находилъ ничего дурного въ поступкѣ Эмиля. Что молодой человѣкъ рѣшился пробить себѣ дорогу собственными своими силами тамъ, гдѣ ему не хотѣли помочь другіе, это было совершенно въ духѣ Ганзена.

Онъ старался, какъ могъ, утѣшить госпожу фонъ-Варбекъ. Пробовалъ онъ сказать нѣсколько успокоительныхъ словъ и самому Варбеку, но тотъ былъ слишкомъ боленъ, чтобы внимать какимъ бы то ни было утѣшеніямъ. Мысль, что сынъ для него пропалъ, что самъ же онъ довелъ его до такого отчаяннаго рѣшенія, не давала ему покоя, то и дѣло прорывалась въ его горячешномъ бреду.

Весь домъ принималъ участіе въ положеніи Варбека, но ни-кого болѣзни его такъ не тревожила, какъ Конрада. Имъ овладѣлъ какой-то безумный страхъ, какое-то непонятное отчаянье, которое нельзя было объяснить даже его привязанностью къ семейству Варбекъ.

Къ ночи Варбеку стало хуже и госпожа Ганзенъ осталась наверху. Мужъ ея прилежъ, не раздвѣваясь, на постель, чтобы быть готовымъ явиться по первому зову. Конраду не спалось. Вдругъ надъ головами его раздались торопливые шаги; онъ вскочилъ, не помня себя отъ испуга.

— Отецъ, онъ умираетъ! вскрикнулъ онъ отчаяннымъ голосомъ.

Ганзенъ сталъ прислушиваться. Его тоже беспокоила эта внезапная суматоха. Онъ пошелъ на верхъ, Конрадъ бросился за нимъ. На лѣстницѣ имъ встрѣтилась госпожа Ганзенъ.

— Доктора, скорѣе доктора! воскликнулъ онъ. Какъ стрѣла, выпулся Конрадъ за докторомъ и въ скоромъ времени возвратился съ нимъ въ комнату больного.

Варбекъ дышалъ тяжело. Жена поддерживала его голову, Фебе держала его руки. Ганзенъ сидѣлъ въ креслѣ у его ногъ и съ грустью вглядывался въ блѣдное лице умирающаго товарища. Докторъ взглянулъ на Варбека и пощупалъ его пульсъ.

— Опустите ему голову пониже, проговорилъ онъ въ полголоса. Всѣ вздрогнули; они поняли, что это значило. Ганзенъ самъ приподнялъ голову больного и осторожно вытащилъ изъ подъ нея подушки; но дѣлая это, руки его дрожали; то была послѣдняя услуга, которую онъ оказывалъ своему другу. Послышались еще два, три вдоха, все слабѣе и слабѣе—и Варбека не стало.

Громко вскрикнувъ, упала жена; ее снесли въ другую комнату. Ганзенъ остался у покойника. Онъ снова опустился въ кресло и отъ времени до времени поглядывалъ на Фебе, которая неподвижно безъ слезъ, безъ словъ стояла у кровати. Она видимо не могла взять въ толкъ случившагося; она еще ни разу не видѣла смерти въ лице, и надо же было, чтобы первый человѣкъ, умершій на ея глазахъ, былъ ея отецъ!

Наконецъ ея неподвижность стала беспокоить Ганзена.

— Милая Фебе, что съ тобою? проговорилъ онъ съ участіемъ. Она не отвѣчала. — Фебе! повторилъ онъ, или ты меня не слышишь, дитя мое?

Она вздрогнула, точно очнувшись отъ сна, поглядѣла на Ганзена, обвела комнату глазами и тутъ только замѣтила присутствіе Конрада. Вотъ и не стало у меня больше отца! проговорила она съ тихою жалобою, отъ которой надрывалось сердце.

— Да, не стало, воскликнулъ Конрадъ, бросаясь передъ нею на землю и обнимая ея колѣна; не стало, и я его убійца!

Фебе вскрикнула и отшатнулась отъ него. Ганзенъ схватилъ ее за руку и поднялъ на ноги. Что это значить, Конрадъ? что ты такое говоришь? спросилъ онъ строгимъ голосомъ.

— Я, я его убійца! повторилъ юноша. Я далъ Эмилю деньги, чтобы онъ могъ уѣхать въ Америку. Фебе! это я погубилъ твоего отца.

— Ты? проговорила госпожа фонъ-Варбекъ, которая въ эту минуту вошла въ комнату и услышала его послѣднія слова.

Ты, повторяла она, съ судоржнымъ движеніемъ хватая его за руку.—Такъ живи же ты на горе своимъ родителямъ, какъ ты на наше горе на свѣтъ родился, воскликнула она, и съ содроганіемъ выпустила его руку.

Конрадъ опустился на стулъ. Фебе бросилась къ матери на шею.—Нѣтъ, нѣтъ, милая маменька, вскрикнула она; нѣтъ, возьми свои слова назадъ! Но госпожа фонъ-Варбекъ, обезумѣвъ отъ горя, не обращала на нее вниманія.

Ганзенъ поблѣднѣлъ.—Вы, сударыня, сами не знаете, что говорите, сказалъ онъ рѣшительнымъ тономъ. Ступай внизъ, Конрадъ! Мать, уведи его, добавилъ онъ, обращаясь къ женѣ, которая плакала и ломала руки, стоя передъ сыномъ. Ступайте же! повторилъ онъ. Но Конрадъ не трогался съ мѣста; онъ не сводилъ глазъ съ Фебе. Она почувствовала этотъ взглядъ и обернулась къ нему.

— Бѣдный Конрадъ, ступай! кротко проговорила она, подошла къ нему и протянула ему руку. Оба они заплакали. Но госпожа фонъ-Варбекъ схватила дочь и увела ее, какъ бы опасаясь, что прикосновеніе его осквернитъ ее. По удаленіи Фебе, Конрадъ вмѣстѣ съ матерью вышелъ изъ комнаты и Ганзенъ остался одинъ.

Проклятіе, вырвавшееся у госпожи фонъ-Варбекъ противъ его сына въ минуту отчаянья, нисколько не тревожило его; но онъ опасался того дѣйствія, которое оно могло имѣть на его жену и на самого Конрада. Да и кромѣ того было ему надъ чѣмъ призадуматься.

У госпожи фонъ-Варбекъ, по смерти ея мужа, ничего не оставалось кромѣ небольшой вдовьей пенсіи, едва достаточной для покрытія самыхъ необходимыхъ расходовъ. Ганзену и прежде приходила мысль о томъ, что она станетъ дѣлать въ случаѣ смерти мужа, и онъ каждый разъ порѣшалъ, что предоставить ей квартиру даромъ, такъ какъ оба семейства уже привыкли другъ къ другу, а постороннихъ жильцовъ онъ пускать не хотѣлъ. Но отчужденіе, явившееся между ними въ послѣднее время, заставило его призадуматься. Теперь настала минута рѣшить, какъ ему поступить, и онъ колебался не долго. Принятое имъ рѣшеніе клонилось въ пользу какъ его сына, такъ и осиротѣвшаго семейства.

Онъ тихо всталъ, отворилъ окно, подошелъ еще разъ къ провату, долго глядѣлъ въ лице умершаго друга и, пожалвъ его безчувственную руку, тихими шагами удалился.

Воротившись къ себѣ, онъ засталъ жену и сына вмѣстѣ.

— Оставь насъ однихъ, обратился онъ къ госпожѣ Ганзенъ, мнѣ нужно съ Конрадомъ поговорить.

Госпожа Ганзенъ остановилась въ нерѣшимости. Она боялась съ его стороны строгихъ упрековъ сыну; но онъ снова повторилъ свое приказаніе.

— Конрадъ, не сироясь моего совѣта, отважился на рискованный шагъ, проговорилъ онъ, а потому онъ долженъ считать себя способнымъ и постоять за себя, какъ слѣдуетъ мужчине. Вотъ объ этомъ-то мы и должны поговорить. Въ такія дѣла бабамъ нечего соваться. Оставь насъ.

Жена повиновалась. Когда она удалилась, Ганзенъ нѣсколько разъ прошолся по комнатѣ.

— Конрадъ, заговорилъ онъ наконецъ, останавливаясь передъ сномъ, ты получалъ отъ Эмиля другія письма, кромѣ тѣхъ, которыя ты мнѣ показывалъ. Ты отдавалъ ему, — вѣдь другихъ денегъ у тебя нѣтъ, — ту сумму, которую мать отдавала для тебя и которую она вручала тебѣ не въ полное твое распоряженіе, а только на сохраненіе. И то, и другое нечестно; не ожидалъ я отъ тебя этого.

— Отецъ, перебилъ его Конрадъ, если бы ты зналъ, какія письма мнѣ писалъ Эмиль, какъ убѣдительно онъ выставлялъ мнѣ на видъ, что мы на то и друзья, чтобы помогать другъ другу въ нуждѣ, что долгъ...

— Въ твой годъ первый долгъ — откровенность съ родителями. Но не объ этомъ теперь рѣчь. Сегодня, стоя у смертнаго одра безутѣшнаго отца, будучи свидѣтелемъ отчаянья и слезъ осиротѣвшаго семейства, ты долженъ былъ допустить знаніе своего поступка.

— Отецъ, проговорилъ Коирадъ въ сильномъ волненіи, твои слова мнѣ нѣтъ острый, точно чѣ проклятіе, что я онъ не могъ договорить; по тѣлу у него пробѣжала морозъ. Будетъ съ меня того раскаянья, которое я испытываю, добавилъ онъ чуть слышно.

— Раскаянья? повторилъ отецъ. Раскаянье—дешёвый товаръ. Тотъ, кто подобно тебѣ становится соучастникомъ въ дѣлахъ, рѣшающихъ участь другихъ людей, тотъ не въ правѣ рассчитывать однимъ раскаяньемъ. Ты почти убилъ семейство Варбей; теперь твое дѣло поправить это зло, на сколько можешь. Такъ какъ же ты думаешь быть?

Юноша молчалъ. — Что же ты не отвѣчаешь? продолжалъ отецъ. До сихъ поръ ты руководился только своимъ собственнымъ умомъ, такъ рѣшай же и теперь самъ. — Юноша не могъ ничего сказать. — (Вонъ быкъ: вдале только, идѣ отиснуть. Эмиля! проговорилъ Коирадъ. — Такъ ты не знаешь, гдѣ онъ? — Коирадъ отвѣчалъ отрицательно; произошла пауза, которую отецъ нарочно не хотѣлъ прерывать. — Я въ глаза не могу взглянуть матери Эмиля, проговорилъ наконецъ Коирадъ.

— Вѣрно тебѣ. Вѣдь ты отчасти виноватъ, ученою такъ рано потеряла своего кармилла, а Фоботца. — Онъ выйдя, какъ дня господа Фобъ-Варбей и воя доль стали понти днцн. — Вино, вѣваю, воскликнула юноша, и изъ глазъ его брызнули слезы. Цѣлый день и цѣлая ночь это опасеніе не давало мнѣ покоя; а какъ помонъ бѣдѣ, не знаю! Единственное средство, которое я смоль бы предложить. Да, ты ерд не хочешь. — Какое же это средство?

Юноша колебался. — Оставь эти вещи не предану въ домъ, проговорилъ онъ наконецъ. — Спросъ моего ученичества, кончася будущее. Уволь же! теперь же, отецъ, выладу войду что отви. — Ты не знала бѣдснудно радостью, но онъ полонилъ се, чтобы еще полнѣе ее вкусить. Онъ оставилъ на сына спокойный

взглядъ, какъ бы вызывая его говорить далѣе. Конрадъ понималъ значеніе этого взгляда.

— Я пойду, повторилъ онъ и, не сомнѣваясь уже болѣе теперь въ согласіи отца, онъ продолжалъ съ большимъ одушевленіемъ. Я здоровъ и крѣпокъ и могу работать не хуже другого. Мнѣ ничего не нужно. Я буду пробиваться своими собственными силами; вѣдь пробивается же такъ Эмиль. Мою долю отдай мнѣ, отецъ, отдай ее Фебе, а я уйду...

На этихъ словахъ голосъ его оборвался и онъ отвернулся. Старикъ Ганзенъ тоже былъ взволнованъ. Онъ схватилъ руку сына, и пожалъ ее съ рѣдкою въ немъ нѣжностью. — Пусть такъ и будетъ, проговорилъ онъ твердымъ голосомъ. Ты отправишься странствовать, и нечего это откладывать въ дальній ящикъ; ты отправишься, не дожидаясь зимы.

Конрадъ бросился къ отцу на шею. Чѣмъ рѣже были между ними изліянія нѣжности, тѣмъ задушевнѣе и горячѣе выходили эти рѣдкіе порывы.

Но отецъ не далъ Конраду долго предаваться этому мягкому настроенію. — Ну, а теперь, иди работать, проговорилъ онъ; это успокоиваетъ.

Когда Конрадъ былъ уже у двери, онъ его снова воротилъ и сказалъ ему: не говори ни матери, ни кому бы то ни было о томъ, что между нами произошло. То, что ты хочешь сдѣлать, должно дѣлать молча и не на половину.

Вскорѣ начались приготовленія къ его отъѣзду. Сначала госпожа Ганзенъ никакъ не могла свыкнуться съ мыслью, что она такъ скоро должна разстаться съ своимъ единственнымъ дѣтищемъ; не понимала она также, съ какой стати его, садовника, усылаютъ въ чужую сторону именно зимою; но скорѣ она успокоилась, потому ли, что она сама догадалась, въ чемъ дѣло, или потому, что мужъ объяснилъ ей свои намеренія.

Дѣятельно принялась она снаряжать сына въ путь; она окружала его всевозможными заботами и ласкала его, какъ въ пору его дѣтства. Но, при всемъ томъ, въ ея обращеніи съ нимъ была замѣтна какая-то робость, какъ будто, съ той поры, какъ рѣшено было предоставить его самому себѣ, онъ сталъ ей чужой и болѣе приблизился къ отцу.

Съ Фебе Конрадъ видѣлся очень рѣдко. Но достаточно было и этихъ рѣдкихъ встрѣчь, достаточно было нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ мимоходомъ, чтобы оживить радостью молодыхъ людей на цѣлый день.

Но по мѣрѣ того, какъ приближался день отъѣзда, на душѣ Конрада становилось все мрачнѣе и мрачнѣе. Свѣтъ представлялся ему необозримой пустыней, время разлуки — переходомъ въ вѣчность, и онъ не могъ себѣ вообразить, чѣмъ наполнится эта вѣчность, какъ пройдутъ дни, въ которые онъ не будетъ видѣть Фебе, не будетъ знать, что она дѣлаетъ.

Вечеромъ, наканунѣ отъѣзда, когда всѣ его вещи были уложены, ему показалось, что ему уже ничего болѣе не осталось дѣлать въ жизни. Мать все еще хлопотала около поклажи, осматривая, все ли въ порядкѣ; отецъ давалъ ему указанія, къ кому изъ его товарищей по ремеслу онъ долженъ прежде всего обратиться. Онъ снабжалъ Конрада различными образцами сѣмянъ, чтобы ему не съ пустыми руками явиться къ садовникамъ, съ которыми отецъ его находился въ сношеніяхъ. Онъ самъ уложилъ ему эти пакеты въ футляръ съ садовничими инструментами, который нарочно выписалъ для него изъ Солингена, а между дѣломъ рассказывалъ ему о своей собственной молодости, о Франціи, Голландіи и Англіи, въ которыхъ онъ тогда побывалъ, и съ которыми Конраду въ свою очередь предстояло познакомиться.

— Года два пройдетъ въ этихъ странствованіяхъ, говорилъ онъ; ну, да я больше скитался на чужой сторонѣ, да еще въ военное время. А теперь такая отлучка что? Пустяки! Чѣмъ дальше заберешься отъ дому, тѣмъ скорѣе пройдетъ время; только на первыхъ порахъ будешь тосковать, а тамъ свыкнешься. Но, главное, если хочешь, чтобы странствованія пошли тебѣ въ прокъ, держи ухо востро и ничего не пропусти безъ вниманія. — Онъ говорилъ спокойно и съ дѣловымъ видомъ, а между тѣмъ и у него на душѣ было не легко.

Когда смерклось и настало время ужина, всѣ притихли. Мать была рада-радешенька, что у нея было дѣло въ кухнѣ; отецъ закурилъ свою трубку, хотя еще урочный для того часъ не насталъ.

Дорого бы далъ Конрадъ, чтобы кто нибудь въ эту минуту пришелъ и заговорилъ съ нимъ, чтобы ему не слышать докучливое постукиванье маятника, такъ рѣзко раздававшееся у него въ ушахъ.

— Если вы узнаете что нибудь про Эмиля, проговорилъ онъ наконецъ, то напишите мнѣ.

Отецъ утвердительно кивнулъ головой и усердно принялся раскуривать трубку. Снова настала томительная тишина, отъ которой такъ болѣзненно сжималось молодое сердце.

— Ходилъ ты на верхъ проститься? спросилъ наконецъ отецъ, захлопывая проволочную крышку трубки.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Конрадъ, и кровь застучала у него въ вискахъ.

— Такъ сходи же теперь, проговорилъ отецъ. А то завтра утромъ, когда ты отправишься изъ дому, онъ еще будутъ спать. — Цѣлый вечеръ съ возрастающимъ, мучительнымъ страхомъ готовился Конрадъ услышать эти слова.

И вотъ они были сказаны, и ему болѣе не оставалось, какъ идти. Онъ сдѣлалъ усиліе надъ собою и вышелъ изъ комнаты.

На верху профессорша и Фебе сидѣли за работой. Маленькая кабинетная лампа слабо освѣщала комнату. На столѣ передъ обѣими женщинами стоялъ небольшой чайникъ. Вся эта обстановка произвела на Конрада впечатлѣніе какой-то бѣдности, когда онъ сравнилъ ее съ богато-устроеннымъ и ярко-освѣщеннымъ чайнымъ столомъ, которымъ когда-то такъ гордилась Госпожа фонъ-Варбекъ.

— Вы пришли проститься? проговорила она, такъ рѣшено, завтра въ путь?

Юноша отвѣчалъ утвердительно.

— Вотъ и у вашихъ родителей станетъ теперь пусто въ домѣ, проговорила она. И какъ ни естественно было это за-

мѣчаніе, оно произвело на Конрада впечатлѣніе тяжелаго упрека.

Госпожа фонъ-Варбекъ не просила его остаться, не приглашала его даже съѣсть. Фебе не поднимала глазъ съ работы, хотя рука ея дрожала и не могла сдѣлать ни одного шва. Но онъ продолжалъ стоять, не трогаясь съ мѣста. Ему все еще казалось, что произойдетъ какая нибудь перемѣна; онъ никакъ не могъ вообразить, что ему придется такимъ образомъ разстаться.

— Въ которомъ часу вы завтра отправляетесь въ путь? спросила госпожа фонъ-Варбекъ послѣ томительной паузы.

— Въ шесть часовъ, сударыня. Отецъ проводитъ меня за городъ; ему еще надо рано вернуться домой.

— Такъ прощайте-же, проговорила профессорша вставая, желаю вамъ счастливаго пути.

Она не протянула ему руки; онъ стоялъ, не зная, что ему говорить, что дѣлать. Онъ взглянулъ на Фебе, ожидая, что она его выручитъ изъ этого тягостнаго положенія; но ей самой было не легче его.

— Прощай Фебе! проговорилъ онъ наконецъ, не видя никакой возможности долѣе оставаться.

— Прощайте! отвѣчала она чуть слышно и долго удерживаемыя слезы полились изъ ея глазъ. Она закрыла лице руками и бросилась въ сосѣднюю комнату.

Конрадъ уже не помнилъ болѣе, какъ онъ вернулся къ родителямъ, какъ прошелъ остатокъ вечера, какъ онъ на слѣдующее утро покинулъ родной кровъ и какъ простился съ отцемъ.

Только вечеромъ на первомъ ночлегѣ, прежде чѣмъ отойти ко сну, онъ вынулъ свой бумажникъ и пересмотрѣлъ еще разъ заключавшіяся въ немъ письма. Видъ этихъ писемъ и денегъ, данныхъ ему отцемъ на дорогу, привелъ его въ удивленіе.

Отъ сна онъ перенесся мыслями въ родительскій домъ. Ему уже казалось, что онъ богу знаетъ сколько лѣтъ, прождать его, что онъ уже никогда къ нему не вернется. Напрасно повторялъ онъ себѣ, что пройдетъ три года, и онъ снова будетъ дома. Три года кажутся цѣлою вѣчностью, тамъ гдѣ и десять часовъ равны и помнятъ, какъ нѣчто необычайное.

Чувство собственной покинутости привело ему на мысль далекаго друга, который еще болѣе покинутый, еще болѣе одинокій пробивалъ себѣ дорогу по ту сторону океана. Эта мысль придавала ему бодрости; онъ сказалъ себѣ, что не имѣетъ права быть малодушнѣе Эмилля. Собралъ деньги, письма и другія бездѣлушки, онъ положилъ ихъ въ бумажникъ и хотѣлъ быдо сунуть въ карманъ, какъ вдругъ ему подъ руку попалась маленькая, плотно сложенная бумажка, которую онъ до сихъ поръ не замѣчалъ. Полагал, что это какой нибудь подарокъ матери, который та потихоньку сунула въ карманъ его платья, онъ торопливо развернулъ бумажку; изъ нея выпалъ мягкій, бѣлокурый доконъ. Печаль разлуки, охвативъ его съ новою силою, и съ именемъ Фебе на языкѣ онъ заснулъ, одоливаемый усталостью.

Утро освѣжило его. Новизна обстановки и сознание, что теперь онъ стоитъ на своихъ собственныхъ ногахъ, помогли ему преодолѣть доску разлуки. Благодаря рекомендательнымъ письмамъ отца, онъ вскорѣ нашелъ себѣ работу. Ему приходилось трудиться усерднѣе и серьезнѣе, чѣмъ прежде, а иный образъ Фебе, возникавшій передъ нимъ въ часы свободныя отъ занятій, служилъ ему могущимъощреніемъ въ его трудахъ. Въ письмахъ, которыя онъ получалъ отъ отца, никогда не упоминалось имени Фебе; но мать была сообщительнѣе. Отъ нея онъ узналъ, какихъ трудовъ стоило старикамъ уговорить господу фонъ-Барбекъ, принять отъ нихъ даровую квартиру. Уступила она только настойчивому, деланію Фебе остаться въ этомъ домѣ. Далѣе, въ письмахъ матери, говорилось о вступленіи Фебе въ свѣтъ, о успѣхахъ ея между студентами и доцентами, о лиценціяхъ, на которыя госпожа фонъ-Барбекъ обрела себя и дѣчь, что бы прилично являлась въ обществѣ. Вскорѣ за тѣмъ госпожа Гаузенъ стала упоминать въ своихъ письмахъ и о немъ.

клоникахъ, увивавшихся вокругъ красавицы Фебе. При этомъ у матери былъ свой умыселъ; ей хотѣлось предохранить сына отъ обманчивой надежды. А между тѣмъ, безъ ея вѣдома и воли, тамъ и сямъ прорывалась строка, показывающая, что Фебе все еще помнить Конрада и справляется о немъ. Этого было довольно, чтобы поддерживать любовь и спокойную увѣренность въ сердцѣ юноши.

Прошло уже почти три года со времени отъѣзда Конрада; онъ находился въ Англіи, какъ вдругъ къ нему пришло письмо отъ Эмиля. Оно было писано изъ дома Ганзена.

Возвращеніе Эмиля было тоже неожиданно, какъ и его отъѣздъ.

Въ Америкѣ его искусство въ рисованьи вскорѣ доставило ему мѣсто на одной фарфоровой фабрикѣ; при его способности къ практическому искусству онъ постарался изучить дѣло. Ему жилось хорошо, онъ зарабатывалъ болѣе, чѣмъ ему было нужно, для удовлетворенія личныхъ его потребностей. Въ будущемъ ему улыбалась надежда стать компаньономъ своихъ хозяевъ и онъ вернулся домой, чтобы сообщить родителямъ о своемъ счастливомъ житіи, бытіи и попросить себѣ прощенія. Заставъ отца въ могилѣ, сестру и мать въ бѣдности, онъ было упалъ духомъ; но вскорѣ оправился и взглянулъ на дѣло своимъ толковымъ, разсудительнымъ взглядомъ. Теперь его дѣло было помочь имъ и загладить прошлое. Новая его американская отчизна полюбилась ему; въ ней повезло честному труженнику; онъ имѣлъ тамъ возможность содержать мать и сестру и, справившись съ первыми своими грустными ощущеніями, онъ сталъ звать ихъ туда съ собою.

Но то самое, что привязывало его къ Америкѣ — стража личной свободы, умѣющей цѣнить только личные заслуги и трудъ, оскорбляло аристократическіе предрасудки его матери. Ей больно было слушать, какъ Эмиль съ гордостью называлъ себя работникомъ, объяснялъ сестрѣ, что въ Америкѣ ей самой можно будетъ поддерживать себя трудами рукъ своихъ, и порицалъ ее за то, что она тотчасъ-же послѣ смерти отца не принялась за какой нибудь прибыльной трудъ. Три года, проведенные въ Америкѣ, укрѣпили Эмиля въ его прежнихъ воззрѣніяхъ и придали еще болѣе силы его характеру;

онъ не привыкъ уступать тамъ, гдѣ дѣло шло объ убѣжденіяхъ. Онъ надѣялся мало по малу привести мать и сестру къ тому рѣшенію, необходимость котораго онъ, съ своей стороны, ясно сознавалъ. Какъ ни высоко онъ цѣнилъ Ганзена и его высокую преданность, онъ не хотѣлъ, чтобы мать и сестра принимали отъ него милостыню. Онъ высказалъ свое мнѣніе самому Ганзену, и тотъ понялъ и оцѣнилъ, какъ нельзя лучше его побудительныя причины.

Эмиль настаивалъ, чтобы мать позволила его сестрѣ жить и работать, какъ того требовали ихъ ограниченныя средства. Онъ вызвался выдать имъ ежегодную сумму, съ помощью которой онѣ могли-бы оплачивать небольшую квартиру и которой вмѣстѣ съ пенсією, получаемой послѣ смерти отца, было-бы совершенно достаточно для покрытія всѣхъ ихъ издержекъ; но для этого надо было конечно отказаться отъ свѣтскихъ удовольствій. Фебе должна была дѣйствовать и трудиться на свой собственный пай.

Пока шли эти переговоры, Эмиля вдругъ потребовали въ военную службу, такъ какъ онъ оставилъ свое отечество, не заплативъ еще этой повинности. Какъ громомъ поразило его это извѣстіе. Онъ пустилъ въ ходъ всѣ зависящія отъ него средства, чтобы избавиться отъ этого обязательства; но всѣ его усилія остались тщетными. Второе бѣгство было невозможно, если онъ не хотѣлъ подвергнуться преслѣдованію въ отечествѣ, какъ дезертеръ, и загородить себѣ навсегда возвращеніе въ отчизну.

Мать была въ отчаяніи; самъ Ганзенъ жалѣлъ о немъ; одинъ Эмиль не падалъ духомъ. Суммы, которыя онъ предназначалъ себѣ для возвращенія въ Америку, было достаточно, чтобы какъ-нибудь обезпечить его въ продолженіи года. Трудности не пугали его, онъ привыкъ съ ними бороться и почерпнуть терпѣніе и мужество въ извѣстномъ лозунгѣ американцевъ: «не робей и впередъ!» Всего болѣе тяготило его вынужденное бездѣйствіе, сопряженное съ военною службою. Но не долго оставался онъ въ этомъ бездѣйствіи. Однажды веч ромъ, когда онъ гулялъ съ сестрою за городомъ, ему кинулась въ глаза новая фабрика, выстроенная въ его отсутствіе, недалеко отъ заставы. Онъ спросилъ, кому она принадлежитъ.

— Нашему прежнему сосѣду горшечнику, отвѣчала Феба. Онъ разшился и теперь ведетъ свое дѣло въ большихъ размѣрахъ.

Горшечникъ былъ старый знакомый Эмиля; еще въ дѣтствѣ выпрашивалъ онъ у него пригоршню, другую глины для выдѣлки своихъ любимыхъ фигуръ. Эмиль поспѣшилъ возобновить старинное знакомство. Хозяинъ принялъ его ласково по старой памяти и повелъ его въ свои мастерскія; осматривая ихъ, Эмиль выказалъ большое знаніе дѣла и далъ, какъ хозяину, такъ и работникамъ его, новыя полезныя указанія. Хозяинъ поблагодарилъ его и попросилъ приходить почаще. Эмиль не заставилъ себя долго ждать. Онъ вспомнилъ, что не далеко отъ города находится въ изобиліи пласты красной глины и мелкаго песку, и сообразилъ, что не худо бы было воспользоваться этою глиною для усовершенствованія обыкновеннаго горшечнаго искусства, а мелкій песокъ употреблять для фаянсоваго производства. Онъ сообщилъ свои предположенія горшечнику и вызвался управлять работами. Не прошло и восьми недѣль по возвращеніи Эмиля домой, какъ онъ переѣхалъ на фабрику, въ качествѣ распорядителя новыми работами. Въ городѣ только и рѣчи было о томъ, что герръ фонъ-Варбекъ, сынъ профессора, связался съ обыкновеннымъ горшечникомъ, да еще за особенное счастье считаетъ возможность работать на него. Насмѣшки, нѣкогда сыпавшіяся на «сермяжнаго лейтенанта», обратились теперь на дворянина-горшечника. Но Эмилю до нихъ не было дѣла. Между тѣмъ онъ вдругъ былъ пораженъ переимѣною, происшедшею въ характерѣ сестры. Во всемъ существѣ ея, проглядывала какая-то сосредоточенность, какая-то покорность судьбѣ. Она по видимому обрекла себя провести всю свою жизнь въ нуждѣ, ухаживая за вѣчно больною матерью. Мать съ своей стороны гоняла о томъ, что такъ безрадостно проходитъ молодость ея дочери; обѣ налагали себѣ тяжелыя лишенія, тщательно скрывая ихъ отъ глазъ свѣта, и обѣ чувствовали себя несчастными, подъ обманчивою вышностью мирной и веселой жизни. Не одно семейство обречено предрасудками, тщеславіемъ и ханжествомъ на такое растительное прозябаніе.

Пріѣздъ Эмиля, мужественная рѣшительность его характе-

да, его бодрость и любовь къ труду освѣжающимъ образомъ подѣйствовали на сестру. Видя, какъ мало онъ обращаетъ вниманія на мнѣшя другихъ, какъ онъ цѣнитъ довольство самимъ собою и смотритъ на него, какъ на высшее благо, она все болѣе и болѣе раскрывала глаза на свое собственное прошлое. Въ первое время послѣ своего возвращенія, такъ какъ онъ рассчитывалъ пробыть не долго, онъ ограничивался только самыми необходимыми визитами. Впослѣдствіи, занятый военною службою и работою на фабрикѣ, онъ совершенно отступился отъ общества, которое смотрѣло на него свысока и о которомъ онъ вовсе не хотѣлъ и думать.

Однажды госпожа фонъ-Варбекъ и Фебе, возвратившись домой съ большаго вечера, застали Эмиля, который, покончивъ работу на фабрикѣ, пришелъ ихъ провѣдать. Фебе весело кинулась къ нему на шею; но госпожа фонъ-Варбекъ видимо была не въ духѣ. На вопросы Эмиля о причинѣ ея дурного расположенія, она отвѣчала неохотно, ссылаясь на усталость, на головную боль и, наконецъ, удалилась къ себѣ въ комнату, оставивъ дѣтей однихъ.

— Скажи, Фебе, спросилъ Эмиль, что съ матушкой?

Фебе пожала плечами и молчала. Эмиль повторилъ свой вопросъ, и Фебе, вся вспыхнувъ, проговорила: маменькѣ снова пришлось испытать разочарованіе.

— Разочарованіе! какое это?

— Ей опять рассказали про новую помолвку. Дочь попечителя выходитъ за профессора Талебрехта.

— Да матушкѣ-то что до этого за дѣло?

— Да уже видно ей есть дѣло до каждой помолвки, отвѣчала Фебе улыбаясь. Но вдругъ лице ее омрачилось, и она съ жаромъ подхватила: — Ахъ, ты не знаешь, да никто не можетъ знать, что я вытерпѣла изъ-за этого.

— Фебе, что такое случилось, что съ тобою, Фебе?

— Толкуютъ объ униженіи, продолжала она, содрагаются, слушая объ невольничьихъ рынкахъ, на которыхъ рабьши, убранныя въ пестрое тряпье, дожидаются своего покупателя, какъ будто у насъ не тѣ же рынки и не тѣ же рабы!

Глаза ея искрились, она вся точно выросла. Днѣвъ придавалъ ей силы, и Эмиль едва узнавалъ сестру! — Ну, вотъ,

продолжала она, на душѣ у меня будто стало легче, когда я высказалась перелѣ тобою. Все это время, слушая твои рассказы о самостоятельности, которую предоставляютъ дочерямъ въ Америкѣ, я порывалась всею душею въ такой же свободѣ. Ты не знаешь, что я здѣсь виношу.

— Но что такое случилось, допытывался Эмиль, что съ тобою дѣлаютъ?

— Ничего, ровно ничего, отвѣчала она, какъ будто не имѣя силъ далѣе высказываться.

— Фебе! проговорилъ Эмиль, обвиняя ее, за чѣмъ ты таишься отъ меня, или ты мнѣ не довѣряешь?

Она обвила его шею обѣими руками и, положивъ голову въ нему на грудь, начала тихо плакать. Эмиль гладилъ ее по лицу, цѣловалъ ее въ голову. Мало по малу она успокоилась.

— Не обвиняй меня въ ребячествѣ, проговорила она, и въ неблагодарности къ тебѣ, что я такъ неохотно довѣряю тебѣ то, что мнѣ давно бы слѣдовало тебѣ рассказать.—Она помолчала съ минуту, потомъ продолжала съ видимымъ усиліемъ: — Ты знаешь, какъ умеръ нашъ бѣдный отецъ, какъ мать прокляла Конрада. Это было здѣсь, вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ!—Она опять остановилась.—Никогда я этого не забуду, потому что мы съ Конрадомъ крѣпко любили другъ друга. Мать лучше насъ самихъ понимала наши чувства; гдѣ намъ тогда было понимать ихъ—вѣдь мы оба были дѣти. Еще при жизни отца, мнѣ почти не позволяли видѣться съ Конрадомъ, почти совсѣмъ не пускали къ добрымъ Ганзенамъ. Когда-же отецъ умеръ, Конрадъ совсѣмъ пересталъ ходить къ намъ. Мать не могла его видѣть; на меня тоже нападалъ страхъ каждый разъ, когда я съ нимъ встрѣчалась. У меня такъ и раздавалось въ ушахъ провлятіе матери. Я не понимала ее, она стала мнѣ словно чужая.

— Потомъ Конрадъ ушелъ; въ присутствіи матери мы простились молча; мать хотѣла переѣхать на другую квартиру, не желая жить на этой даромъ; госпожа Ганзенъ позвала меня однажды внизъ и рассказала мнѣ то, что сама она узнала только случайно. Конрадъ оставилъ родной домъ для того, чтобы облегчить нашей матери пребываніе въ домѣ его родителей. Тѣ деньги, которые отецъ предназначалъ ему прежде

на дорогу, онъ просилъ употребить такъ или иначе въ нашу пользу. — Последнія слова она проговорила съ видимою радостью.

— И вы остались въ домъ? спросилъ Эмиль.

— Да, отвѣчала она, я упросила мать, вѣдь я же знаю, что онъ этого хотѣлъ. — Она по видимому ожидала отъ брата выраженія одобренія, но, видя, что Эмиль молчитъ, продолжала: — Съ той поры, какъ я узнала, что Конрадъ трудится для насъ, во мнѣ самой проснулось страстное желаніе не отставать отъ него. Я просила у матери позволеніе продавать мое рукодѣлье; но она и слышать этого не хотѣла. Она увѣряла, что такое открытое сознаніе нашей бѣдности повредитъ намъ во мнѣнїи общества и помѣшаетъ мнѣ найти себѣ приличную партію. А выдать меня замужъ была цѣль ея жизни. И что мнѣ изъ-за этого пришлось вытерпѣть! Дома мы отъазывали себѣ даже въ необходимомъ, чтобы только не уронить въ обществѣ честь нашего званія. Честь нашего званія! ненавижу я это званіе, изъ-за котораго мать лишаетъ себя удобствъ, необходимыхъ при ее слабомъ здоровьѣ, чтобы только купить мнѣ какую нибудь тряпку. Я ненавижу его, потому что оно мѣшаетъ мнѣ быть помощницею матери и поддерживать ее трудами рукъ моихъ.

— И что же этимъ достигается? спросилъ ее братъ.

— Ничего, отвѣчала Фебе, ничего, кромѣ ненужныхъ мученій. Конечно, видя, что мы до смерти отца продолжаемъ жить на большой квартирѣ, всѣ стали думать, что у насъ есть деньги и мать, съ своей стороны, не отвергала предположенія, что мы получаемъ ренту изъ Англїи. Но отъ этого намъ было не легче; мнѣ не жилось свободнѣе. На каждаго молодаго человѣка, приближавшагося ко мнѣ, смотрѣли, какъ на жениха, и заставляли меня заискивать въ немъ.

— Правился тебѣ кто нибудь изъ этихъ молодыхъ людей? перебилъ ее братъ.

— Объ этомъ никто и не спрашивалъ, отвѣчала Фебе. Съ утра ранняго до вечера поздняго мнѣ твердила мать, что я обязана выйдти замужъ, какъ только представится приличная партія, что это мой долгъ въ отношеніи ея и меня самой. Она выставяла мнѣ на видъ обезпеченную будущность, жи-

давшую меня въ супружеской жизни. Какъ будто я съ дѣтства не могла убѣдиться, что бракъ не всегда бываетъ такою счастливою пристанью! Когда же я осмѣливалась напоминать ей объ этомъ, то она каждый разъ сердилась. Она объявляла мнѣ, что знаетъ причину моего упорства, но что она не потерпитъ, чтобы Конрадъ, который свелъ отца нашего въ преждевременную могилу и былъ причиною, что ты ушелъ за море и отрекся отъ своего званія, погубилъ меня въ придачу. Она сердилась на меня, какъ будто я, впрямь, уже отказала кому нибудь изъ этихъ жениховъ, которыхъ она мнѣ подставляла. Когда же кто нибудь изъ нихъ женился, то она выказывала мнѣ состраданіе, еще болѣе оскорбительное, чѣмъ всѣ ея упреки...

— Отвѣть мнѣ на одинъ вопросъ, проговорилъ братъ, любишь ли ты Конрада?

— Съ той поры, какъ я его помню, онъ всегда былъ одинъ и тотъ же, всегда кроткій и добрый, любящій и снисходительный къ моимъ дѣтскимъ капризамъ, за которые ты меня такъ бранилъ, отвѣчала она, уклоняясь отъ прямого отвѣта.

— Любишь-ли ты его? повторилъ Эмилъ.

— Ахъ, не спрашивай меня о томъ, о чемъ самъ онъ меня никогда не спрашивалъ, молла Фебе, и спрятала плающее лице на плечъ брата.

— И ты не дорожишь такъ называемою знатностью?

— Я-то? проговорила Фебе, и по тону ея ясно можно было угадать ея мысль.

— Такъ я же знаю, какъ пособить бѣдѣ! воскликнулъ Эмилъ, вставая. Ступай теперь спать, скоро все переѣмнется и переѣмнется въ лучшему, въ этомъ я тебѣ ручаюсь.

На слѣдующій день Эмилъ зашелъ къ Ганзену. Онъ повелъ съ нимъ рѣчь не о сердечной склонности между Фебе и

Конрадомъ, а взялъ дѣло съ практической стороны. Онъ выставилъ ему на видъ всю гадость того образа жизни, который Фебе вела въ домъ своей матери. Онъ изобразилъ ему, какъ изъ ложно, понимаемаго чувства чести, ей навязывалось праздность, лицемеріе и кокетство. Ганзенъ согласился съ нимъ; онъ и самъ былъ всегда того же мнѣнія, но замѣтилъ Эмилю, что не видитъ никакой возможности измѣнить положеніе дѣлъ.

— А между тѣмъ нѣтъ ничего легче, возразилъ Эмиль; для этого достаточно одного вашего слова. Откажите матери отъ квартиры.

Ганзенъ смутился; такой поступокъ казался ему жестокостью. Онъ такъ и сказалъ Эмилю.

— Какая тутъ жестокость, возразилъ тотъ; неужели вы думаете, что матери моей, въ самомъ дѣлѣ, уютно живется въ этой длинной амфиладѣ пустыхъ и неотапливаемыхъ комнатъ?

— Но она любитъ эту квартиру, возразилъ Ганзенъ.

— Развѣ больной не любитъ иной разъ такого кушанья, въ которомъ ему все-же приходится отказываться? Моя бѣдная мать больна предрасстройствами отживающаго вѣка. Откажите ей отъ квартиры.

Ганзенъ колебался; ему трудно было вдругъ прекратить разъ начатое доброе дѣло.

— Позвольте мнѣ сдѣлать вамъ одинъ вопросъ, продолжалъ Эмиль: когда Конрадъ вернется, когда онъ наконецъ женится, вѣдь мы же должны будемъ очистить квартиру?

— О возвращеніи Конрада мнѣ давно хотѣлось переговорить съ тобой, продолжалъ Ганзенъ.

— Погодите заводить объ этомъ рѣчь, перебилъ его Эмиль; сдѣлайте лучше то, о чемъ я васъ прошу. Я люблю мать, люблю сестру, я знаю, чѣмъ все мы вамъ обязаны и никогда этого не забуду. Уступите мнѣ, а въ остальномъ положитесь на меня.

Между опытнымъ старикомъ и смѣлымъ юношей установилось внезапное пониманіе; они безъ словъ заключили между собою союзъ.

Нѣсколько дней спустя, Ганзенъ отказалъ профессорнѣ отъ квартиры. Онъ не далъ ей никакихъ объясненій, да она и

не требовала ихъ. Она ожидала, что рано или поздно, это такъ и будетъ, если Фебе не выйдетъ въ скоромъ времени замужъ. Но все же она надѣялась, что ударъ не такъ скоро разразится, и необходимость быстрого рѣшенія была ей тягостна.

Въ тѣсной квартирѣ, которую она наняла послѣ долгихъ поисковъ, вся ея мебель не могла помѣститься. Она была принуждена половину ея распродать. Пришлось ограничить себя во всемъ, не было уже никакой возможности поддерживать должный видъ благосостоянія и отношенія госпожи фонъ-Варбекъ къ ея знакомымъ потерпѣли черезъ это существенное измѣненіе.

Вслухъ всѣ соболѣзновали о бѣдственномъ положеніи матери и дочери; но въ тайнѣ ихъ безпощадно порицали за то, что онѣ жили выше своихъ средствъ. Раскаивались въ томъ, что частыми посѣщеніями вводили эту бѣдную госпожу фонъ-Варбекъ въ лишніе расходы и давали себѣ слово ѣздить къ ней на будущее время рѣже. Каждый поступокъ, каждое слово семейства фонъ-Варбекъ со дня его водворенія въ городѣ сдѣлались предметомъ строгой критики. Все это раздражало госпожу фонъ-Варбекъ, и она стала избѣгать общества, въ которомъ ее не принимали съ прежнею предупредительностью. Когда настала зима, мать и дочь вели тихую жизнь на своей новой квартирѣ, и теперь-то стало сказываться вліяніе Эмиля на мать.

Срокъ службы Эмиля приближался къ концу, и онъ имѣлъ возможность скоро возвратиться въ Америку; но онъ уже болѣе не думалъ объ этомъ. Горшечникъ, на котораго онъ работалъ, предложилъ ему сдѣлаться его компаньономъ, и онъ съ радостью принялъ это предложеніе. Онъ былъ полонъ плановъ, полонъ надеждъ на будущее и неутомимаго стремленія впередъ. Прежде всего онъ хотѣлъ приобрѣсти деньги и однѣ только деньги, говаривалъ онъ. Сначала эта страсть къ приобрѣтенію смущала его мать. Она представлялась ей низкою алчностью; но Эмиль твердо стоялъ на своемъ.

— Въ Европѣ, говаривалъ онъ, люди хотятъ быть идеалистами; въ Германіи люди, въ особенности поэты и ученые, возводятъ идеализмъ прямо въ профессію; но они позабываютъ,

что при дѣйствительной обстановкѣ весь ихъ идеализмъ нигу-да не годится? Что толку въ идеальной любви къ свободѣ для человѣка, котораго нужда приковываетъ къ ненавистной ему службѣ? Что толку для дѣвушки въ идеальномъ понятіи о любви, когда она для своего обезпеченія должна продаться первому встрѣчному? Что толку поэту въ его идеалѣ, когда онъ, какъ поденщикъ, долженъ работать на своего книгопродавца? Можетъ-ли человѣкъ жить широко и составлять великіе планы для будущаго, когда его тормозитъ забота о завтрашнемъ днѣ? Можетъ-ли онъ любить другихъ людей, принимать участіе въ общихъ интересахъ, когда онъ каждую минуту долженъ думать о самомъ себѣ? Что создалъ бѣднѣй, отрѣшенный отъ міра, идеализмъ въ Германіи? Болѣзненныхъ ученыхъ, меланхолическихъ мечтателей, свирѣпыхъ министровъ, ни на что негодныхъ филистеровъ и недовольный, задавленный нуждою народъ. Мало по малу вліяніе Эмиля стало обнаруживаться на матери; она стала принимать участіе въ его утилитарныхъ стремленіяхъ и наконецъ перестала перечить дочери въ томъ же стремленіи.

Эмиль далъ сестрѣ взаймы небольшую сумму, на которую она закупила полотно и начала шить бѣлье. Въ городѣ до сихъ поръ не было лавки, гдѣ бы продавалось готовое бѣлье. Такую-то лавку устроила Фебе въ небольшой комнаткѣ смежной съ ихъ жилищемъ. Этотъ образъ дѣйствія съ ея стороны находили достойнымъ всякаго уваженія, но въ то же время порицали его, какъ нѣчто неприличное и странное. Прежнія ея пріятельницы стали покупать у нея бѣлье изъ любопытства, изъ состраданія, а также ради собственнаго удобства; но черезъ это самое свѣтскія отношенія между ними окончательно рушились. Поклонницы Фебе тоже запасались у нея бѣльемъ. Но дѣвушка, которая стояла за прилавкомъ, которой онѣ платили деньги, была имъ уже болѣе неровня, не годилась имъ въ жены. Про нее говорили, что она эманципировалась и воображали, что ввели на нее, такимъ образомъ, Богъ знаетъ, какое обвиненіе. Люди жили въ то время, да и до сихъ поръ еще живутъ въ глупой увѣренности, что они имѣютъ нѣкоторое превосходство надъ тѣмъ, чьими услугами они пользуются, и овазываютъ благодареніе тому, чей

трудъ или чей товаръ они покупаютъ. Европѣ еще предстоитъ научиться, что между господиномъ и слугою, между продавцемъ и покупщикомъ отношенія равны, и оба они одинаково нуждаются другъ въ другѣ.

На Эмиля и на Фебе смотрѣли въ маленькомъ городкѣ, какъ на исключительныя существа. О нихъ не знали, что подумать, а потому предпочитали бросать въ нихъ камнями. Но никогда еще мать не видала Фебе такую довольною, какъ теперь, когда по окончаніи рабочаго дня, она считала свой маленькій барышъ. Никогда Фебе не являлась такою веселою въ обществѣ, какъ въ кругу бѣдныхъ дѣвушекъ, которымъ она давала работу. При такихъ обстоятельствахъ Ганзенъ и его жена стали снова самыми дорогими гостями въ домѣ Варбековъ, и даже госпожа фонъ-Варбекъ стала чувствовать всѣ преимущества своего новаго образа жизни и мириться съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ. Только возвращеніе Конрада причиняло ей беспокойство. Объ этомъ возвращеніи говорили не часто, и хотя уже нѣсколько разъ день его пріѣзда былъ назначенъ, но самъ Конрадъ все еще откладывалъ его на неопредѣленное время.

Конраду было уже 23 года, когда онъ наконецъ собрался въ возвратный путь. Онъ видѣлъ свѣтъ и людей; основательно изучилъ свое дѣло; жадно пользовался каждымъ представляющимся случаемъ, чтобы идти далѣе на пути умственного развитія и, полный сознанія своей силы, не робѣлъ ни передъ кѣмъ изъ постороннихъ. Но непонятная робость овладевала имъ по мѣрѣ того, какъ приближался срокъ его возвращенія на родину. Еще юношей, вполне зависящимъ отъ отца, покинулъ онъ родной кровъ. Это чувство зависимости страшило

его, тѣмъ болѣе, что онъ сознавалъ, что изъ подъ нея выйдетъ. Всѣ маленькія униженія, которыя онъ испыталъ въ дѣтствѣ, въ качествѣ сына ремесленника, всѣ оскорбленія, вынесенныя его отцомъ и роковымъ образомъ отъывавшіяся на характерѣ послѣдняго — все это обрисовалось мрачными красками въ его воспоминаніи. И не разъ онъ задумывался надъ желаніемъ никогда болѣе не возвращаться въ родной городъ. Это чувство робости усиливалось по мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ родинѣ. По тѣлу у него пробѣжалъ морозъ, когда онъ на послѣднемъ переходѣ увидѣлъ гостиницу, въ которой слишкомъ пять лѣтъ тому назадъ провелъ ночь внѣ дома. Онъ вспомнилъ горькія слезы, пролитыя имъ тогда, вспомнилъ ту минуту, когда ему въ-первыя попался подъ руку локонъ Фебе. Свѣтло-русый локонъ до сихъ поръ хранился у него въ томъ же листѣ бѣлой бумаги; но собственные его волосы, когда-то совсѣмъ бѣло-курые, потемнѣли. Самъ онъ сталъ уже не тотъ, могъ-ли онъ надѣяться, что Фебе не измѣнилась?

Наирасно повторялъ онъ себѣ, что родители его ожидаютъ, что ему обезпечено спокойное безбѣдное существованіе, что онъ увидитъ друга, увидитъ Фебе. Точно темница, пугалъ его этотъ мѣщанскій покой. Недвижимая собственность, домъ его отцевъ, привязывавшіе его къ этому мѣсту, казались ему ненавистными оковами. То видѣлъ онъ себя отверженнымъ своею возлюбленной и все же принужденнымъ жить возлѣ нея; то пугался онъ исполненія своихъ пламенныхъ желаній. Воспоминаніе о далекой милой было свободнымъ, живымъ чувствомъ, а бракъ съ нею вдругъ представился ему тяжелой цѣпью, которая еще неподвижнѣе прикуетъ его къ одному мѣсту. Все внутри его колебалось, и это состояніе становилось нестерпимымъ, какъ вдругъ на встрѣчу тяжелой почтовой каретѣ, въ которой ѣхалъ Конрадъ, показался легкій экипажъ въ одну лошадь.

— Это экипажъ съ фаянсовой фабрики, проговорилъ кондукторъ. «Экипажъ съ фаянсовой фабрики!» при этихъ словахъ сердце молодого человѣка дрогнуло; но въ ту же минуту въ немъ съ удвоенною силою откликнулся страхъ за самого себя... Экипажъ съ фаянсовой фабрики!—каждый зналъ этотъ пѣзналъ, въ цѣломъ городѣ была одна только фабрика.—Боже

мой, что за узкая, бѣдная жизнь! воскликнулъ онъ про себя, и снова онъ глубоко призадумался, но только на одну минуту.

Почтовая карета остановилась; экипажъ съ фабрики тоже. Эмиль передалъ вучеру возжи, а госпожа Ганзенъ бросилась на встрѣчу сыну. Она глазамъ своимъ не вѣрила, что это онъ передъ ней стоитъ и наклоняется, чтобы ее обнять. Въ воспоминаніи ея онъ все еще оставался юношей, едва вышедшимъ изъ отроческихъ лѣтъ; высокій мужчина, серьезное лице котораго успѣло обрости черною бородою, былъ ей чужой. Они уже давно сидѣли всѣ вмѣстѣ въ экипажѣ, и Конрадъ съ Эмилемъ давно уже успѣли оправиться отъ перваго волненія и разговаривали между собою, какъ ни въ чемъ не бывало, а мать все еще не могла наглядѣться на сына и, тихо покачивая головою и улыбаясь, твердила: — ну жѣтъ; этотъ у насъ не долго насидится! Для нея родной городъ былъ до сихъ поръ центромъ цѣлаго міра, и вдругъ показалось ей, что городъ этотъ слишкомъ бѣденъ и тѣсенъ для ея сына.

Еще издали подъѣзжалъ къ дому, онъ увидѣлъ отца, дожидавшагося его на порогѣ двери. Все тотъ же могучій прямой станъ, все тѣ же ясные глаза и открытый лобъ — и всѣ его сомнѣнія исчезли передъ взглядомъ отца, передъ пожатіемъ его руки. Работники Ганзена повыскакали взглянуть на ховяйскаго сына и поздороваться съ нимъ. Старая служанка глядѣла на него въ нѣмомъ изумленіи. Она робко жалась къ кухонной двери и фартукомъ утирала глаза; и она такъ же, какъ мать, не узнавала въ немъ прежняго Конрада. Только когда онъ подошелъ къ ней и протянулъ ей руку, когда собака съ веселымъ лаемъ запрыгала вокругъ него, у нея отлегло отъ сердца, и она признала въ немъ прежняго Конрада.

Самъ онъ былъ взволнованъ и находился въ какомъ-то мягкомъ настроеніи духа. То, что еще нѣсколько часовъ тому назадъ пугало его, сознание, что онъ будетъ скованъ узами своей отчизны, охватило его теперь съ какою-то непонятною чарующею силою. Была самая страдная пора лѣта. Герръ Ганзену не хотѣлось долго оставаться въ комнатѣ; онъ едва далъ время сыну осмотрѣться въ старыхъ покояхъ и отвѣдать

той закуски, которую приготовила ему мать; старика такъ и тянуло увести его въ садъ и показать все, что онъ сдѣлалъ въ его отсутствіи. Между тѣмъ Эмиль, пробывъ не долго у Ганзена, возвратился къ своимъ. Онъ рассчитывалъ, что завтра еще успѣетъ поговориться съ другомъ на свободѣ, а теперь ему не хотѣлось разлучать его съ родителями. Когда Эмиль пришелъ, Фебе не было дома, и госпожа фонъ-Варбекъ была одна. Она знала, что Эмиль ѣздилъ на встрѣчу своему другу, что Конрадъ вернулся, но не упоминала о немъ ни словомъ, пока Эмиль ей не сказалъ:

— Конрадъ сталъ какъ есть молодцемъ; сердце радуется на него глядя.

— Тѣмъ лучше для его родителей, сухо отвѣчала госпожа фонъ-Варбекъ и, спохватившись, добавила, какъ бы желая загладить непріятное впечатлѣніе, которое этотъ отвѣтъ долженъ былъ произвести на Эмиля:—во многому я должна была привыкнуть, многое я научилась переносить; но отъ этого послѣдняго униженія прошу васъ уволить меня. Ты на своей фабрикѣ заработался до независимости, въ томъ смыслѣ какъ ты ее понимаешь. Фебе шьетъ бѣлье и очень довольна этимъ. Вы говорите, что довольны вашей судьбою; я вѣрю вамъ, и съ своей стороны буду стараться тоже не роптать, но.... пускай же Фебе довольствуется настоящимъ своимъ положеніемъ.

— Что ты хочешь этимъ сазать, милая матушка, спросилъ Эмиль.

— Я говорила съ Фебе, отвѣчала она помолчавъ, и объяснила ей, что я могу и что свыше силъ моихъ.

— Что свыше силъ твоихъ? повторилъ Эмиль.

— Чего я не хочу! возразила она съ тою рѣзкостью, которая часто проявляется у женщинъ слабыхъ характеромъ, тамъ гдѣ затрогиваютъ ихъ самодурство.

— Мнѣ кажется, любезная матушка, продолжалъ сынъ, что здѣсь рѣчь идетъ не о твоёмъ хотѣніи; а о хотѣніи....

Она не дала ему договорить. — Я тяжелыми лишеніями и жертвами купила себѣ право на покорность Фебе, проговорила

она дрожащимъ голосомъ, и навѣ я ни слаба, и ни больна, но я съумѣю постоять за это право.

— Ты этого не сдѣлаешь, матушка, воскликнула Эмиль. Никакая любовь, ни даже родительская любовь не имѣетъ права стѣснять свободную волю разумнаго человѣка. Неужели Фебе должна отказаться жить своимъ собственнымъ умомъ въ угоду тѣмъ предрассудкамъ, въ которыхъ ты на твое-же несчастье была воспитана?

Мать зарыдала. Эмиль подошелъ къ ней и взялъ ее за руку. — Не мучь сестру, проговорилъ онъ съ мольбою и въ то же время твердо. — Она ему не отвѣчала, отняла у него руку и отвернулась. Но его не такъ-то легко было смутить. — Фебе добра и умна, продолжалъ онъ; не такая она дѣвушка, чтобы могла избрать себѣ мужа, который былъ-бы недостойнъ ея; и если она любитъ Конрада....

— Прошу тебя, молчи! воскликнула его мать, еще болѣе раздраженная его спокойствіемъ. Не высказывай-же и ты того, чего Фебе, по крайней мѣрѣ при мнѣ, ни разу не осмѣливалась высказать.

— А ты между тѣмъ угрожала ей? ты отказывала ей еще прежде, чѣмъ она предъявила свое требованіе?

Госпожа фонъ-Варбекъ молчала въ смущеніи.

— Что отвѣчала Фебе на твою угрозу, матушка? спросилъ Эмиль.

— Она не отвѣчала ни слова, проговорила мать съ прежнимъ чувствомъ своего достоинства. Она, какъ видно, поняла, что должна повориться. Она спокойно просидѣла вплоть до вечера за работою, потомъ надѣла шляпу и шаль и сказала что пойдетъ прогуляться.

Когда Фебе пришла домой, Эмиль уже ушелъ. Мать избѣгала упоминаеть о Конрадѣ; у Фебе не доставало духу спросить о немъ. Скромный ужинъ прошелъ въ молчаніи, и мать, и дочь были рады, когда онъ окончился. Онѣ улеглись рано, но Фебе почти до утра не могла сомкнуть глазъ.

Слѣдующій день былъ воскресенье; на улицахъ маленькаго городка было еще тише, чѣмъ въ обыкновенные дни. Лавочка Фебе въ этотъ день не отворялась, и она усѣлась въ маленькой коморкѣ, рѣшетчатое окно которой выходило на дворъ и освѣнялось рослымъ возлѣ него орѣшникомъ. Фебе вынула свою записную книжку и принялась сводить счеты своихъ расходовъ и доходовъ за прошлую недѣлю. Она желала смирить тревогу своихъ мыслей этою сухой работою.

Вдругъ дверь магазина отворилась; она встала, чтобы заглянуть, кто пришелъ, и остановилась, какъ очарованная, на мѣстѣ: передъ нею стоялъ Конрадъ. Не успѣла Фебе опомниться, какъ она очутилась въ его объятіяхъ; голова ея покоилась на его груди, и послѣ столькихъ лѣтъ любви, надежды и твердой вѣры она могла только проговорить: — Вотъ и онъ вернулся!

Во всемъ этомъ не было ничего удивительнаго, а между тѣмъ однимъ казалось, что великое чудо совершилось у нихъ въ очю. Дивились и другіе, каждый по-своему. Госпожа фонъ-Варбекъ удивлялась, что молодой человѣкъ не изъ дворянскаго семейства, простой садовникъ по ремеслу, обладаетъ такими хорошими манерами. Эмиль удивлялся, что все обошлось такъ легко и безъ его вмѣшательства; госпожа Ганзенъ удивлялась, — что госпожа фонъ-Варбекъ не предъявляла никакихъ возраженій тамъ, гдѣ никто не спрашивалъ ея согласія. Одинъ Ганзенъ ничему не удивлялся: все случилось такъ, какъ онъ желалъ и какъ онъ всегда ожидалъ.

За то толкамъ въ маленькомъ городкѣ не было конца. Почтенные граждане никакъ не могли вразумить себя, какъ это между такими черствыми съ виду практическими людьми, какими казались Ганзены, Конрады и Фебе, возможна такая свѣжая, молодая любовь. Они вообще не могли понять, какъ возможно счастье внѣ общепринятой рутинѣ. Фебе уже давно хозяйничала въ домѣ садовника, госпожа фонъ-Варбекъ давно жила

въ той самой комнатѣ, которую занимала при жизни мужа; Эмиль давно женился на дочери своего бывшаго Нью-Йоркскаго хозяина—а все еще находились люди, которые не могли удивиться, какъ это человекъ, носящій имя фонъ-Варбегъ, могъ сдѣлаться простымъ фабрикантомъ, а сынъ садовника жениться на благородной дѣвицѣ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

МАКОЛЕЙ.

*Полное собраніе сочиненій лорда Маколей. Тома I—XIII. Изда-
ніе Тиблена и Вольфа. С.-Пб. 1860—65.*

Диккенсъ въ своемъ новомъ романѣ, гдѣ онъ безконечно возвы-
сился и надъ своей собственной литературной дѣятельностью, и падъ
всей англійской беллетристикой, окрестилъ именемъ «подснепства»
мнѣнія и принципы господствующаго въ Англии класса людей. Въ
особѣ мистера Подснена онъ олицетворилъ этотъ классъ со всѣми
его характеристическими чертами. Полное самодовольство, прости-
рающееся на весь міръ, живущій сообразно съ долгомъ «подснеп-
ства» — «встающій въ восемь, брѣющійся въ четверть девятаго, пьющій
кофе въ девять, отправляющійся въ Сити въ десять, возвращаю-
щійся домой въ половинѣ шестого и обѣдающій въ семь», — на весь
этотъ міръ съ его «великой конституціей», «всемирной столицей»,
«единственными національными достоинствами», «провидѣніемъ»,
желающимъ именно того, чего желаетъ подснепство; величественное
игнорированіе и непризнаваніе всего, что не входитъ въ предѣлы
этого міра или нарушаетъ его гармоническую стройность — вотъ глав-
ныя черты подснепства по мнѣнію Диккенса. Къ нимъ можно приба-
вить — солидную практичность, не желающую стѣсняться никакими
принципами, признающую только факты и притомъ, только факты,
заимствованные изъ міра, «встающаго въ восемь и т. д.», обдуман-
ную и послѣдовательную непослѣдовательность, достойную изумленія
по своей стойкости и безтрепетности; непослѣдовательность съ мѣд-
нымъ лбомъ, сіяющимъ блескомъ младенческой беззаботности и
тѣрдой увѣренности въ своей добродѣтели; наружность, располагаю-
щую слабыя сердца своимъ опрятнымъ, благопристойнымъ видомъ,
дышащую благородствомъ и нравственностью, такъ что съвозъ эту

оболочку очень трудно разглядѣть гниль, скрывающуюся подъ нею; наконецъ языкъ плавный, краснорѣчивый, нерѣдко возвышенный, нерѣдко увлекающійся до приличной метафоры или солидной шутки, но никогда не заставляющій краснѣть «юную особу» искренностью увлеченія.

Всѣ эти милныя черты составляютъ существенную особенность англійской буржуазіи, того класса, который создалъ и хранить «свою достославную конституцію», который съ гордостью носить имя «коммонеровъ» и непоколебимо убѣжденъ, что онъ—перлъ созданія, высшій продуктъ прогресса, идеаль и вѣнецъ человѣчества. Благодаря всѣмъ его прелестямъ и достоинствамъ, онъ попалъ въ образецъ и для континентальныхъ странъ, которыя благоговѣютъ передъ его «великими учрежденіями» и славными представителями. Это доказываетъ между прочимъ необыкновенная популярность во всей Европѣ Гомера подспенства—Маколея.

У насъ съ Маколеемъ случилось печальное недоразумѣніе. Наша публика познакомила съ нимъ въ первый разъ, благодаря людямъ, образъ мыслей которыхъ составлялъ совершенную противоположность подспенству. Благодаря этой рекомендаціи, Маколей сдѣлался у насъ въ высшей степени популярнымъ, такъ что вскорѣ было предпринято изданіе полнаго собранія его сочиненій, и черезъ пять лѣтъ первые томы этого изданія были совершенно распроданы. Въ изданіи этомъ опять таки принимали живое участіе люди, взгляды которыхъ вполне враждебны подспенству, такъ что если бы кто нибудь сталъ судить объ этомъ фактѣ по значенію, которое Маколей имѣетъ для нашего общества теперь, тотъ былъ бы вынужденъ упрекнуть этихъ людей въ непослѣдовательности или грубой ошибкѣ. Но если принять въ соображеніе, съ одной стороны, понятія нашей публики десять лѣтъ тому назадъ, а съ другой—нѣкоторыя особенности подспенскихъ писателей и особенно Маколея, тогда подобной упрекъ окажется совершенно неосновательнымъ.

Въ числѣ азбучныхъ истинъ, которыя было необходимо разтолковывать десять лѣтъ тому назадъ, находились, между прочимъ, нравоученія такого рода, что порядочный человѣкъ не любить, чтобы съ нимъ обращались, какъ съ собакой, что насиліе и угнетеніе—скверны, что свобода необходима человѣку и должна быть въ его глазахъ очень важнымъ благомъ, что общество, гдѣ жизнь, свобода, спокойствіе и честь гражданина обезпечены отъ произвола, гораздо лучше любого восточнаго пашалыка, гдѣ все зависитъ отъ фантазіи и каприза. Прежде общество, почти безъ исключенія, не то чтобы думало противное, а просто

ничего не думало. Поэтому, развевая его мысль, явилась первая необходимость объяснить всё эти основные понятія.

Въ этомъ отношеніи англійскіе писатели были какъ нельзя болѣе кстати. Какъ ни безобразно англійское общественное мнѣніе, зараженное подсненствомъ, и какъ ни уродливы социальныя условія, въ которыхъ живетъ англійское общество, но элементарныя понятія о человѣческой жизни разработаны англичанами раньше всѣхъ и такъ давно, что легли въ основу даже подсненства, которое не перестаетъ твердить о «славной конституціи». Человѣкъ, который сталъ бы оспаривать «законныя прерогативы» и «славныя вольности» націи, былъ бы встрѣченъ подсненствомъ также враждебно, какъ и человѣкъ, рассказывающій о нѣсколькихъ бѣднякахъ, умершихъ на улицѣ съ голода.

Маколей не только не составляетъ исключенія, но напротивъ—служитъ лучшимъ представителемъ такихъ писателей, разсуждающихъ краснорѣчиво и возвышенно на тѣмы:—свобода лучше тираніи; тишина и безопасность лучше казней; вѣротерпимость лучше гоненія за вѣру и т. д. Вотъ почему оказалось полезнымъ и нужнымъ, особенно принимая въ соображеніе пословицу, что на «безрыбьи и ракъ рыба», прибѣгнуть къ помощи популярнаго балагура и краснорѣчиваго ритора для распространенія въ умахъ публики понятій, не втолковавъ которыхъ нельзя было двинуться ни на одинъ шагъ впередъ.

Успѣхъ Маколея доказалъ, что выборъ былъ сдѣланъ удачно. Благодаря солидному краснобайству, онъ быстро разошелся въ нашемъ обществѣ, а вмѣстѣ съ нимъ распространились и проповѣдуемыя имъ истины. Но вотъ изданіе его сочиненій еще не кончено, а уже приходится совѣтовать поставить его на полку и задернуть зеленой тафтой. Втолковывать истины, проповѣдуемыя Маколеемъ, теперь совершенно бесполезно, не потому, чтобы мы такъ далеко ушли впередъ, а потому, что есть предметы поважнѣе либеральнаго подсненства. И если наши доморощенные «подснепы» находятъ еще нужнымъ доказывать, что правосудіе должно быть нелицепріятно и недоступно подкупу, что «лестъ гнусна, вредна», что «жидъ есть тоже человѣкъ», что розга и пощечина не самыя лучшія средства противъ разныхъ общественныхъ золъ и т. д., то это значитъ, что они ни о чемъ болѣе не могутъ говорить. Быть можетъ, нѣкоторые честные публицисты замѣтятъ, что въ послѣднее время обнаружилось такое невѣдѣніе истинъ, которыя я называю азбучными, или такое презрѣніе къ нимъ, что повторять ихъ далеко не бесполезно. Но на это можно возразить, что людей, до сихъ поръ не-

знающихъ или непризнающихъ этихъ истинъ, нельзя вразумить повтореніемъ ихъ, потому что горбатого исправить только могла.

Въ то время, когда Добролюбовъ осмѣливалъ современную ему либеральную сказку про бѣлаго бычка, истины, излагавшіяся въ этой сказкѣ, были приняты и введены въ практику далеко не всѣми. Не всѣ чиновники были Вышнеградскими; въ благородномъ сословіи попадались Козляниновы, и евреи находили еще истителей за прегрѣшенія своихъ предковъ. Я осмѣлюсь выразить даже мнѣніе, что и теперь еще сохранились умы, устоявшіе даже противъ стихотворной морали г. Розенгейма и обличеній г. Камбека.

Точно также бесполезны были бы усилія прекратить какими бы то ни было доводами изъ философій, этики или исторій и другія безобразія. Никакой Маколей, никакой Бѣкъ, никакой Шлоссеръ, ни краснорѣчіемъ, ни логикой, не внушатъ приличнаго образа мыслей «Голосу» и «Московскимъ Вѣдомостямъ» и всѣмъ тѣмъ, кто идетъ за ними, кто вѣруеть въ нихъ или поступаетъ по принципамъ, преподаваемымъ ими.

Поэтому повтореніе задовъ, съ цѣлью опроверженія стародавняго мнѣнія, будто битый стоитъ двухъ небитыхъ, было бы совершенно излишне. И этихъ доводовъ было бы достаточно, чтобы доказать бесполезность Маколей; но я надѣюсь выставить на видъ, что кромѣ общихъ мѣстъ, изъ-за которыхъ онъ былъ въ свое время нуженъ, въ немъ есть множество мѣстъ уже не общихъ, а частныхъ, которыя лишаютъ его сочиненіе такого индифферентнаго характера и обращаютъ въ одно изъ самыхъ послѣдовательныхъ произведеній подснепской мысли.

«Великая конституція» и «славныя вольности» подснеповъ—это теперь такія вещи, которыми подснепы восхищаются только другъ передъ другомъ. Времена Монтескьё прошли безвозвратно, и теперь немного найдется такихъ ограниченныхъ людей, чтобы не только считать «великія учрежденія» идеаломъ, но даже чтобы не видѣть всѣхъ гнусностей, скрывающихся за ними. Страшныя возстанія, которыя «свободной націи» приходилось укрощать оружіемъ разъ десять въ теченіе полустолѣтія,—событія, до того громко говоряшія за себя, какъ заговоръ и процессъ Тистльвуда; невѣроятныя бѣдствія, терзающія бѣдные классы и періодически возрастающія съ неотразимою постепенностью до размѣровъ, превышающихъ всякую мѣру человѣческаго терпѣнія, — словомъ, всѣ слышкомъ хорошо извѣстныя явленія, сопровождающія эксплуатацію массы меньшинствомъ, труда капиталомъ, лишили политическія учрежденія Англии той привлекательности, кото-

рую они имѣли прежде. Еще, можно сказать, недавно Европа, поработенная и задавленная деспотизмомъ, готова была удивляться счастливой странѣ, гдѣ всѣ могли говорить о своихъ правахъ, гдѣ благодѣтельный Habeas Corpus, охраняя домашній очагъ каждаго гражданина, представлялъ такую противоположность страшнымъ lettres de cachet континента, на которомъ произволь не зналъ себѣ границъ. Еще недавно для континентальныхъ націй свобода англичанъ и умѣнье отстаивать ее казались явленіями поразительно-свѣтлыми и благодѣтельными. Но со времени Монтескье, который восхищалъ современниковъ изображеніемъ благодѣяній английской свободы, прошло сто лѣтъ, и въ эти сто лѣтъ Европа далеко ушла въ своихъ понятіяхъ. Мыслящіе люди Европы давно разочаровались въ английскихъ идеалахъ и желаютъ чего-то гораздо лучшаго, чѣмъ владычество буржуазіи. Запоздалымъ хвалителямъ английскихъ учрежденій отвѣчаютъ указаніемъ на исторію Англіи въ XIX вѣкѣ, на Ирландію и Остъ-Индію подъ ея владычествомъ, на ея рабочихъ, почти забытыхъ человѣческой язьей и стоящихъ накануне того, чтобы обратиться въ низшую породу животныхъ. Впрочемъ сами англичане не унижаютъ. Въ то время, когда континентальная литературы съ честью могутъ указать на множество мыслителей и писателей, которые призываютъ бѣдныхъ къ лучшему будущему и обличаютъ пороки современнаго общественнаго быта, столь тягостнаго для большинства, — Англія выставляетъ цѣлыя легіоны *славныхъ ученыхъ*, все защитниковъ буржуазіи, все бойцовъ за эксплуатацію. Мы удивляемся великимъ и знаменитымъ англичанамъ, сдѣлавшимъ въ наукахъ такъ много величайшихъ открытій; но стоитъ вспомнить отвратительный порядокъ, взлѣгавшій самымъ откровеннымъ и беззащитнымъ поднеповъ, которымъ нѣсть числа, чтобы это удивленіе перешло въ презрѣніе. Въ рукахъ ихъ даже наука обратилась въ орудіе эксплуатаціи и лжи. Вѣчно повторяемая тема этихъ авторовъ состоитъ въ томъ, что английская нація благоденствуетъ, что учрежденія ея несравнены и что ей остается только идти этимъ путемъ. Всѣ факты, которыхъ въ послѣднее столѣтіе накопилось такъ много и которые могли бы противорѣчить этому наивному убѣжденію, игнорируются и устраняются, какъ устраняетъ мистеръ Подснѣкъ величественнымъ мановеніемъ руки фактъ ужаснаго состоянія рабочихъ классовъ. Громадное большинство английскихъ писателей никогда даже не задумывается надъ вопросомъ о томъ, дѣйствительно ли такъ безуморизнененъ порядокъ ихъ страны и дѣйствительно ли нельзя желать ничего лучшаго, кромѣ дальнѣйшаго развитія его? Такого

вопроса не считается нужнымъ задавать. И зачѣмъ? Кто не знаетъ, что пять милліоновъ сытыхъ и свободныхъ буржуа, вооруженныхъ богатствомъ, наукой, изобрѣтеніями, энергіею и независимостью, эксплуатируютъ двадцать пять милліоновъ голодныхъ, невѣжественныхъ, упавшихъ духомъ бѣдняковъ, населяющихъ земли епископовъ, фабрики Манчестера и рудоконни Корнуэльса.

У Маколея это благоговѣніе къ учрежденіямъ Англии и устраненіе всякаго сомнѣнія на счетъ ихъ достоинства, выражается особенно простодушно и наивно. Онъ никогда и не заикается даже о томъ, что существуютъ люди, которые съ фактами въ рукахъ пытаются подорвать безусловную вѣру въ эти учрежденія. Этихъ людей и этихъ фактовъ какъ будто для него и не существуетъ. Его дѣло воспѣть англійскую конституцію и показать, какъ она зарождалась, крѣпла и развивалась. Ему никогда въ голову не приходитъ, что, быть можетъ, не далеко то время, когда какой нибудь другой историкъ будетъ изучать ее съ цѣлью открыть, что именно и когда затормозило такъ надолго прогрессъ англійскаго общества и заставило его столько времени тащиться по колеѣ, проложенной три вѣка тому назадъ. Вотъ какъ начинается Маколей свою подснепаду: «Я предполагаю написать (пою) исторію Англiи съ восшествія на престолъ короля Іакова II до того времени, которое запечатлѣно въ памяти донинѣ живущихъ людей. Я изложу ошибки, которыя въ нѣсколько мѣсяцевъ отвратили вѣрное джентри и духовенство отъ дома Стюартовъ. Я прослѣжу ходъ той революціи, которая окончила долгую борьбу между нашими парламентами и связала воедино права народа съ основаніемъ права царствующей династiи. Я расскажу, какъ новое устройство въ теченіе многихъ смутныхъ лѣтъ было успѣшно защищаемо отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ; какъ, при этомъ устройствѣ, авторитетъ закона и безопасность собственности оказались совмѣстными съ невѣдомою дотолѣ свободою прейей и частной дѣятельности; какъ изъ счастливаго союза порядка съ свободою возникло благодѣствіе, въ уровень которому лѣтописи дѣлъ человѣческихъ не представляли еще ни одного примѣра; какъ наше отечество, изъ состоянія постыднаго порабощенія, быстро возвысилось до степени посредника между европейскими державами; какъ его богатство и военная слава возрастали рядомъ; какъ мудрая и непоколебимая честность мало по малу утвердила общественный кредитъ, обильный чудесами, которыя государственнымъ людямъ всѣхъ предшествовавшихъ вѣковъ показались бы невѣроятными» и т. д., все съ тѣмъ же невозмутимымъ самодовольствомъ.

И действительно, чрезвычайно любопытно прослѣдить, какъ зародилось и развилось подснепство, изучить его исторію и посмотреть, какъ изображаетъ его Маколей, вѣрнѣйшій типъ англійскаго подснепа. Такой обзоръ уже достаточно выяснитъ намъ характеръ историка и его сочиненій, хотя впрочемъ нельзя оставить безъ вниманія и менѣе важныя произведенія его, такъ какъ они проливаютъ не мало свѣта и на самого автора и на все міросозерцаніе его партіи.

Религіозная реформа XVI вѣка сопровождалась во всей Европѣ сильными потрясеніями не только политическаго, но и соціальнаго характера. Но нигдѣ, быть можетъ, волненія эти не были такъ сильны и не привели къ столь ощутительнымъ послѣдствіямъ, какъ въ Англій. Королевская власть, пожелавшая занять мѣсто, съ котораго нисвергла въ своемъ отечествѣ римскаго первосвященника, нашла себѣ много бѣды. Не такъ-то легко было перенести на себя все то почитаніе, въ которомъ нація только-что отказала папѣ, не смотря на многовѣковую давность. Притомъ англійскіе короли были вынуждаемы обстоятельствами на поступки, которые мало способствовали укорененію вѣры въ ихъ духовную супрематію. Одинъ за другимъ смѣнилось нѣсколько правителей, и каждый изъ нихъ объявлялъ смертельнымъ грѣхомъ и пагубнѣйшимъ заблужденіемъ догматы своего предшественника, жегъ и преслѣдовалъ его послѣдователей. Когда наконецъ реформа утвердилась, и англійскій король сдѣлался главою своей церкви, — вѣрующею въ его супрематію оказалась одна эта церковь, имъ созданная имъ однимъ державшаяся. Масса націи раздѣлилась; одни вѣрили въ папу, другіе же считали папистовъ не менѣе порочными, какъ и тѣхъ, которые замѣнили въ религіи авторитетъ папы авторитетомъ короля и оставили во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ церковь безъ всякой реформы. Фанатическіе католики и фанатическіе пуритане, одни угнетенные въ Англій и Ирландіи, другіе въ Англій и Шотландіи, были не только невѣрующими въ супрематію короля, но сдѣлались и якими вѣроподданными. Помимо этихъ религіозныхъ причинъ, не было недостатка и въ политическихъ. Положеніе большинства англійскаго народа въ XVI столѣтіи было весьма похоже на нынѣшнее положеніе. Вотъ что говорилъ о немъ одинъ изъ величайшихъ людей того времени: «Главная причина общественной нищеты — это множество праздныхъ плутовъ, которые кормятся потомъ и трудомъ другихъ и заставляютъ обрабатывать свои земли, обирая до послѣдней нитки своихъ фермеровъ, чтобы увеличить свои доходы. Не менѣе пагубно и то, что за ними слѣдуетъ толпа

лѣнливыхъ колоповъ, ничего недѣлающихъ, ни къ чему неспособныхъ. Когда они заболѣваютъ или когда господинъ ихъ умираетъ, ихъ выгоняютъ вонъ—и вотъ имъ приходится или умирать съ голода, или воровать... Другая причина бѣдствій — это то, что овцы, эти животныя, столь кроткія и умѣренныя въ другихъ странахъ, у насъ до того прожорливы, что поѣдаютъ даже людей и опустошаютъ деревни и дома. Всюду, гдѣ собирается самое тонкое руно, тотчасъ являются вельможи, богачи и даже аббаты, и присваиваютъ себѣ земли. Этимъ бѣднякамъ мало ихъ доходовъ и бенефицій; они отнимаютъ обширныя пространства у земледѣлія и обращаютъ ихъ въ пастбища, снося дома, деревья и оставляя цѣлыми только храмы, чтобы обратить ихъ въ закуты для овецъ... Такъ алчный скряга забираетъ себѣ цѣлыя тысячи десятинъ, выгоняя изъ жилищъ честныхъ земледѣльцевъ, однихъ хитростью, другихъ насиліемъ, а самыхъ счастливыхъ—придирами и несправедливостями, которыя принуждаютъ ихъ продавать свою собственность... Несчастные съ плачемъ покидаютъ кровлю, подъ которою родились и продаютъ за безцѣновъ то, что успѣли унести съ собою изъ своихъ вещей.

«Что останется имъ, когда истощится этотъ скудный источникъ средствъ? Развѣ воровство и висѣлица. Или предпочтутъ они нищенствовать? Но ихъ не замедлятъ посадить въ тюрьму, какъ бродягъ и людей безъ занятія... Если вы не исправите золь, на которыя я указываю вамъ, то не хвастайте своимъ правосудіемъ: въ такомъ случаѣ, оно просто ловкая ложь. Вы представляете милліоны дѣтей бѣдствіямъ порочнаго и безнравственнаго воспитанія. Развратъ на вашихъ глазахъ губитъ эти юныя растенія, которыя еще могли цвѣсти для добродѣтели; а вы казните ихъ, когда, выросши, они совершаютъ преступленія, съ колыбели зароненныя въ ихъ сердца. Что же вы дѣлаете?—воровъ, чтобы внослѣдствіи имѣть удовольствіе повѣсить ихъ.»

Эти жалобы, эти обличенія писаны точно вчера, и потому мы можемъ судить, что положеніе низшихъ классовъ, какъ городскаго, такъ и сельскаго, описанное здѣсь, было при Генрихѣ VIII также печально, какъ и при Викторіи. И какъ теперь, такъ и тогда появленіе такихъ протестовъ и жалобъ доказывало, что бремя осознано, что явилось стремленіе высвободиться изъ подъ него, что, словомъ, данная эпоха есть эпоха социальныхъ реформъ. И въ другихъ странахъ религиозное движеніе шло тѣсно, рука объ руку, съ социальнымъ и политическимъ; и въ Германіи анабаптисты стремились въ тысячекратному царству свѣтыхъ не только на небесахъ, но и на

земль, такъ что трудно было сказать, какое движеніе предшествовало и какое было вызвано другимъ. Такимъ образомъ при Тюдоряхъ накопились уже много матеріаловъ для революціи; но ихъ сдерживали высшіе классы, довольные своимъ положеніемъ, пока покушеніе Стюартовъ на людей, которымъ было что терять и что защищать, не отшатнуло и ихъ отъ королевской власти.

Едва домъ Стюартовъ вступилъ на престолъ, какъ тотчасъ же вооружилъ своимъ произволомъ противъ себя людей, небывшихъ ни новаторами, ни революціонерами, ни по положенію, ни по принципамъ. Поэтому съ этихъ поръ начали параллельно подготовляться два реформаціонныя движенія: одно буржуазное съ чисто политическимъ характеромъ, другое—народное съ характеромъ религіознымъ и социальнымъ. Буржуазія и пуритане дѣйствовали вмѣстѣ, но не заодно; противъ королевской власти. Что же касается до католической партіи, то она исчезла среди ужасовъ гоненія, наступившаго послѣ открытія жорехового заговора, и выступила на сцену уже гораздо позднеѣ; а дотолѣ существованіе ея проявлялось только въ жестокомъ преслѣдованіи, жертвою котораго она была.

Споръ между королемъ и парламентомъ начался почти тотчасъ по смерти Іаковѣ I и продолжался до открытаго разрыва въ 1642 году, при Карлѣ I. Іаковъ былъ вынужденъ распустить первый же свой парламентъ 1606 года, и эта мѣра повторялась королями до тѣхъ поръ, пока сынъ его не принялъ намѣренія вовсе не созывать парламента. Предметомъ спора было постоянное желаніе королей взять, какъ можно больше, денегъ, чтобы возвысить свое могущество и сломить сопротивленіе парламента. Само собою разумѣется, что дѣло не обходилось безъ заключенія въ крѣпость депутатовъ, слишкомъ горячо противившихся правительству; а съ другой стороны не обходилось безъ рѣзкой критики образа жизни тѣхъ, которые покушались обижать націю для удовлетворенія своихъ постыдныхъ наклонностей. Такимъ образомъ споръ все болѣе и болѣе ожесточался; короли все настойчивѣе добивались денегъ и прибѣгали все чаще и чаще къ насилію, а парламенты все рѣзче и рѣзче возставали противъ ихъ требованій. Сама того не замѣчая, консервативная часть націи работала въ пользу пуританъ и подготавлила въ будущемъ для нихъ воле дѣйствія, на которомъ имъ было суждено одержать рѣшительную побѣду. Увлеченные сопротивленіемъ направшему деспотизму, уже лучшие изъ представителей буржуазіи принимали близко къ сердцу интересы народной партіи и, побуждаемые ненавистью въ двору и церкви, становились въ ряды пуританъ.

Всѣ эти элементы, враждебные прерогативѣ трона, соединились между собой, какъ передъ французской революціей, еще тѣснѣе, когда побѣда склонилась на сторону короля, когда онъ, казалось, достигъ такого могущества, что могъ обходиться безъ парламентовъ и пренебрегать неудовольствіемъ націи. Но это торжество въ виду всеобщаго недовольства было тѣмъ кратковременнѣе, что побѣдитель пользовался имъ слишкомъ неумѣренно и вооружилъ противъ себя всѣхъ. Доводя зажиточные классы до высшей степени раздраженія посягательствомъ на карманы ихъ и угрожая имъ, — король, въ то самое время, когда долженъ былъ ожидать со стороны ихъ сильнѣйшаго сопротивленія, затѣялъ изъ нелѣпаго пристрастія къ обрядамъ непримиримую вражду съ пуританами Шотландіи; вражда эта не замедлила, разумѣется, распространиться и въ Англію.

Война съ шотландскими пуританами, начавшаяся въ 1640 году, уничтожила силу правительства и кончилась торжествомъ народной партіи во всемъ королевствѣ. Въ исторіи мало такихъ интересныхъ явленій, какъ партія пуританъ, и такихъ интересныхъ эпизодовъ, какъ господство ихъ въ Англіи.

Когда шотландскія дѣла принудили короля обратиться къ помощи своего англійскаго парламента, въ ноябрѣ 1640 г. собрался «долгий парламентъ». Здѣсь, благодаря вліянію пуританъ и неудовольствію противъ короля, накопившемуся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, произошелъ полный разрывъ между королемъ и благонамѣренною частью націи. Но когда король удалился изъ столицы и объявилъ войну народу, то естественно, что изъ двухъ враждебныхъ ему партій въ самомъ непродолжительномъ времени получила рѣшительный перевѣсъ въ странѣ та, которая отстаивала не свои буржуазные интересы, не доходы съ своихъ земель, а та, которая вносила въ борьбу все одушевленіе своихъ вѣрованій, всю честную ненависть къ пороку, всю энергію религіознаго рвенія и благородныхъ убѣжденій. Пуритане уже давно были людьми реформы по принципу и по необходимости. Они были прямыми послѣдователями тѣхъ суровыхъ реформаторовъ XVI вѣка, которые проповѣдывали войну деспотизму во всѣхъ его видахъ, войну замкамъ и миръ хижинамъ, которые мечтали объ евангельскомъ равенствѣ и находили въ религіи и исторіи народа Божьяго республиканскіе идеалы. Лучшіе, честнѣйшіе люди своего времени, они съ омерзевіемъ смотрѣли на пороки высшихъ сословій, гдѣ грубѣйшій развратъ и возмутительнѣйшее мотовство господствовали на ряду съ самыми страшными преступленіями и ужасающими жестокостями.

Съ другой стороны, пуритане были угнетены англійскою дер-

ковью и правительствомъ. Эта церковь, лишняя всякой поддержки со стороны религіи, потому что не имѣла за себя ни обаянія древности римской, ни духа новизны реформатской, жила милостью и расположеніемъ двора и жила такъ весело и хорошо, что имѣла всѣ причины отстаивать свое положеніе. Поэтому ея преданность королевской власти была безгранична, и въ числѣ ея догматовъ—принципъ пассивнаго подчиненія стоялъ не ниже всѣхъ прочихъ и проповѣдовался чаще всѣхъ. Уже поэтому угнетенная ею сторона должна была склониться къ независимымъ мнѣніямъ; и дѣйствительно, говоритъ Маколей, «ея любимые богословы и поученіями, и примѣромъ поощряли сопротивленіе тиранамъ и преслѣдователямъ. (Т. VI, стр. 61).

Когда армія парламента потерпѣла рядъ позорныхъ пораженій и когда зажиточные классы, преданные англійской церкви, были принуждены по бесилію предоставить защиту свободы партіи, бывшей доселѣ въ общемъ угнетеніи, тогда началось господство пуританъ. Они начали расправляться съ своими противниками круто. Разнымъ феодальнымъ господамъ, любимцамъ музъ и ихъ поклонникамъ, пришлось проститься съ веселыми днями высшего и изящнаго общества. Маколей, съ свойственною ему близорукостью, не понимаетъ историческаго значенія революціи 1648 года и, вмѣсто дѣла, повторяетъ всѣ избытки пошлости, которыя столько разъ говорились по поводу нѣкоторыхъ странныхъ внѣшнихъ отличій, бывшихъ въ модѣ въ то время. Темный цвѣтъ платья, странныя имена и т. п. всегда выставляются на первый планъ, какъ черты чрезвычайно важныя для характеристики пуританъ. Но не говоря уже о томъ, что всѣ эти особенности ничуть не смѣшились кружевъ, перьевъ и китайскихъ церемоній аристократіи, это такія мелочи, о которыхъ можно упоминать развѣ въ собраніи анекдотовъ, а не въ исторіи, имѣющей претензію на серьезный характеръ. Впрочемъ перемѣна, произведенная пуританами въ общественныхъ нравахъ, была дѣйствительно очень важна и достойна вниманія. «Пуританская строгость, говоритъ Маколей, прогнала въ королевскую Францію всѣхъ внѣшнихъ склонность къ волокитству, блестящимъ нарядамъ или къ легкимъ искусствамъ. За ними послѣдовали всѣ, живущіе забавою чужого досуга, отъ живописца и комическаго поэта до каватнаго плясуна и свомороха. Эти артисты хорошо знали, что подъ сѣнью блестящаго и пышнаго деспотизма они могли преуспѣвать, а подъ строгою ферулою ритористовъ должны были умирать съ голоду». (Т. VI, стр. 101—102). «Церкви и гробницы, изящныя произведенія искусства и любопытные остатки древности, были

грубо обезображены. Парламентъ рѣшилъ, чтобы всѣ картины королевской коллекціи, представлявшія изображенія Иисуса или Пречистой Дѣвы, были сожжены. Валліе подверглось таковой же горькой участи, какъ и живопись. Нимфы и граціи, произведенія іонійскаго рѣзца, были переданы пуританскимъ каменотесамъ, которые должны были сдѣлать ихъ пристойными.... Общественныя удовольствія, отъ маскарадныхъ представлений въ баладахъ вельможъ до состязаній въ борьбѣ и кривляніяхъ на деревенскихъ лужайкахъ, подверглись яростному гоненію. Одно узаконеніе предписало немедленно срубить всѣ майскія березки въ Англіи. Другое запретило всѣ сценическія увеселенія. Театры было велѣно ломать, зрителей штрафовать, актеровъ бичевать; пляски на канатѣ, кукольная комедія, игра въ шары, конскія скачки обращали на себя далеко неблагоприятное вниманіе. «(Ib. 109—10)» «Театры были закрыты; актеры отодраны розгами, музы были изгнаны изъ любимыхъ своихъ пріютовъ, Кембриджа и Оксфорда. Коули и Кливлендъ лишились своихъ университетскихъ мѣстъ». (Ib. стр. 395).

Совершенно ошибочно представляютъ эти поступки пуританъ смѣшною особенностью, отличающею враговъ Карла I. Строгость нравовъ и ненависть ко всему, носящему на себѣ отпечатокъ изящной праздности и галантерейнаго разврата, составляетъ отличительную черту не однихъ только англійскихъ республиканцевъ XVII вѣка, а вообще всѣхъ враговъ безумія, поддерживающаго некудства, праздность и безнравственность. Быть можетъ, пуритане Англіи простирали дальше свою ненависть къ разврату мысли и чувства. Но простота и даже извѣстный ригоризмъ составляли отличительную черту всѣхъ бойцовъ за правду, что совершенно понятно, потому что противоположныя качества всегда отличали полоумныхъ тунеядцевъ. Англійскіе пуритане заслуживаютъ въ этомъ отношеніи не насмѣшекъ, а величайшаго уваженія. Господство ихъ имѣло самое благотѣльное вліяніе на общество. Впрочемъ едва ли можно назвать излишнею строгость, съ которою они изгоняли музы и закрывали театры, въ виду смутъ и опасностей, грозившихъ ихъ отечеству и новорожденному порядку вещей. Искусства подверглись остракизму, едва наступила свобода, и тѣ, которые плакали о нихъ, увидѣли съ возвращеніемъ Стюарта, что имъ живется хорошо только при короляхъ и реакціонерахъ, при Карлѣ II или *jeunesse dorée*.

Этому историческому событію, логически вытекавшему изъ всѣхъ предшествовавшихъ фактовъ, поднесены не дадутъ другого названія, какъ *жестокость*. Точно также называли возвратившіеся Бурбоны

время 1789 — 1814 г. Если бы Маколей догадывался о значеніи этихъ событій, онъ не написалъ бы тѣхъ нелѣпныхъ разсужденій, которые мы находимъ у него по поводу переворота 1688 года и въ другихъ мѣстахъ. Такъ напр. въ статьѣ о Мирабо онъ прославляетъ практичность и благоразуміе англичанъ, которые будто бы никогда не желали ничего мѣнять въ своихъ учрежденіяхъ, и смѣется надъ безразсудствомъ французовъ, которые всегда стремились къ новизнѣ и отрекались отъ своего прошлаго. «Наше государственное устройство, говоритъ онъ, никогда не было такъ далеко позади вѣка, чтобы сдѣлаться предметомъ отвращенія для націи. Поэтому англійскія революціи совершались съ цѣлью защиты, исправленія и возстановленія, а не съ единственною цѣлью разрушенія. Соотечественники наши всегда, даже во время самыхъ сильныхъ волненій, отзывались почтительно о формѣ правленія, подъ которою жили и жаловались только на то, что считали ея поврежденіями. Даже въ дѣлѣ нововведеній» они постоянно обращались къ древнимъ уставамъ (Т. II, стр. 145).

Такимъ образомъ величественнымъ мановеніемъ руки Маколей сразу уничтожаетъ всѣ событія 1648 года и самый фактъ ихъ существованія. Потому что, если только признавать эти факты, а не отдѣлываться игнорированіемъ ихъ, — всѣ разсужденія его о консервативномъ характерѣ англійской исторіи теряютъ силу. Если помнить факты, совершенные пуританами во время ихъ владычества, факты столь громкіе и рѣшительные, которыми они разомъ разорвали всѣ связи съ прошлымъ — то ничего подобнаго нельзя сказать. Но Маколей имѣетъ въ виду только переворотъ 88-го года, относящійся къ событіямъ пуританской республики совершенно такъ, какъ іюльская революція къ событіямъ 93-го года. Этотъ переворотъ дѣйствительно вполне соответствуетъ идеалу подсмешства и оправдывается, если смотрѣть на него глазами Маколей, замѣчающаго о консервативности англійскихъ реформъ. Но въ томъ то и дѣло, что совершенно нельзя разсматривать его иначе, какъ въ связи съ переворотомъ 1648 года, а еще нелѣпѣе игнорировать и пренебрегать этимъ послѣднимъ событіемъ.

Переворотъ 1648 года не удался; республика пала, и черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ казни Карла I Карлъ II вступилъ на престолъ. Пуритане подверглись преслѣдованію и бѣжали въ Америку. Послѣ того пала другая республика, и не удалось другое движеніе, имѣвшее несравненно больше шансовъ на успѣхъ; поэтому печальный исходъ англійской революціи 1648 года нисколько

неудивительно, Английскими революционерами были сдѣланы всѣ промахи французскихъ. Но не было виѣшней опасности которая бы принудила ихъ къ тѣмъ рѣшительнымъ мѣрамъ, которыя вели впередъ французское движеніе; притомъ же, не смотря на отсутствіе виѣшнихъ враговъ, они не сьумѣли, подобно французамъ, подчинить армию своей власти; во Франціи, при виѣшнихъ и внутреннихъ войнахъ республики, армія удерживалась въ повиновеніи все время, пока не началась реакція; въ Англии же, напротивъ того, она приобрѣла рѣшительный перевѣсъ еще прежде, чѣмъ республика восторжествовала, и удерживала его все время. Маколею кажутся очень забавными именно тѣ стороны французской революціи, которыя составляли всю ея сущность. Ясно, онъ не понимаетъ ни смысла этого историческаго факта, ни его значенія для французской націи. «Очевидно, что у французовъ того времени, говоритъ онъ, политическая наука находилась въ совершенномъ дѣтствѣ. Странно дѣйствительно было бы, еслибъ она достигла зрѣлости во времена *lettres de cachet* и *lits de justice*. Избиратели не знали, какъ избирать. Представители не знали, какъ разсуждать. Г. Дюмонъ училъ монрельскихъ избирателей, какъ исполнять свои обязанности, и нашелъ ихъ понятливыми. Онъ пробовалъ вмѣстѣ съ Мирабо ознакомить національное собраніе съ тою удивительною системою парламентской тактики, которая давно уже была заведена въ англійской палатѣ общинъ и которая сдѣлала эту палату, не смотря на всѣ недостатки въ ея составѣ—лучшимъ и справедливейшимъ дебатующимъ обществомъ въ мірѣ. Но эти безукоризненные законодатели, хотя выполнѣ столь же невѣжественные, какъ и монрельское собраніе, оказались гораздо менѣе послушными и кричали, что имъ нѣтъ надобности учиться у англичанъ. Премія ихъ состояли изъ безконечнаго ряда брошюръ, которыя всѣ начинались или чѣмъ нибудь о первоначальномъ договорѣ обществъ, или о чловѣкѣ въ дикомъ состояніи, или о другихъ подобныхъ пустякахъ. Иногда они разнообразили и оживляли эти длинныя чтенія небольшимъ скандаломъ. Они орала, кричали и сжимали кулаки. Они не соблюдали никакого порядка (1). Толпа, наполнявшая галлерей, безнаказанно оскорбляла ихъ. Они долго и торжественно занимались разсмотрѣніемъ бездѣлицъ. Они страшно торопились въ самыхъ важныхъ рѣшеніяхъ. Они терали цѣлые мѣсяцы, играя словами той ложной и дѣтской *декларации правъ*, которую называли основаніемъ своей новой конституціи и которая была въ непримиримомъ разногласіи съ каждымъ пунктомъ этой конституціи. Они въ одну ночь уни-

чтожнн привилегіи, изъ которыхъ многія имѣли характеръ собственности и съ которыми поэтому слѣдовало поступать весьма осторожно».

Подобныя декламаціи мы слышали часто. Мы сами готовы ужасаться жестокостямъ революціи, возставать противъ многихъ идей ея, порицать непрактичность многихъ ея цѣлей. Но, какъ свѣтъ стоитъ и до Маколея, не нашлось такого подснепа, чтобы считать пустяками, презрѣнными мелочами все то, чѣмъ было велико историческое движеніе XVIII вѣка. Оно дало міру сотни совершенно новыхъ идей почти по всѣмъ вопросамъ, какіе могутъ встрѣчаться въ жизни обществъ; волей неволей, почти всѣ европейскія націи приняли многія изъ этихъ идей и перестроили по нимъ свои отношенія, понятія и учрежденія, такъ что теперь въ Европѣ почти не осталось ни въ одной странѣ, ни одного изъ государственныхъ, политическихъ, соціальныхъ и юридическихъ отношеній, на которомъ бы не отразилось вліяніе этого времени. Подсневъ съ своимъ самодовольствіемъ, въ сознаніи своей высокой политической мудрости и не подозрѣваетъ этого, называетъ *пустяками* массу идей, пущенную въ обращеніе въ это великое время, и сожалеетъ, отчего тогдашніе дѣятели не посвятили прежде своего времени на изученіе «удивительной системы парламентской тактики»! Вотъ ужъ именно слова то не замѣтилъ!

Англійскіе реформаторы прекрасно знали «удивительную систему», но не имѣли и сотой доли того нравственнаго могущества, которое сдѣлало во Франціи то, что, не смотря на печальный исходъ политическаго переворота 89—92 г.г., его нравственное значеніе не только нережило всѣмъ рекаціи, но и наложило печать свою на все, не только въ самой Франціи, но и въ цѣлой Европѣ. Англійская революція рѣшительно порвала всѣ связи съ прошлымъ націи; но она не имѣла почти ничего въ будущемъ, была бѣдна идеями. Она не имѣла за собою нѣсколькихъ поколѣній мыслителей и философовъ. Единственный современный ей великій писатель проповѣдывалъ политическое ученіе, далеко не либеральное. Единственными идеями республики 1648 года были идеи религіозныя; но въ XVII вѣкѣ пора ихъ миновалась, и онѣ не могли надолго составить силу политическаго движенія, а тѣмъ болѣе упрочить его вліяніе. Поэтому пуританская республика не имѣла никакой возможности удержаться, тѣснямая съ одной стороны арміей, съ другой классами, враждебными всякому народному дѣлу, и лишенная всякой нравственной силы. Армія была очень обременительной союзницей свободы, пока поддерживала республику; когда же часть ея

соединилась съ буржуазіей, то разсѣялся и послѣдній призракъ свободы, и Стюарты были возстановлены въ великому лихованію высшихъ классовъ и безъ всякаго неудовольствія со стороны народа, которому республика не сумѣла дать ничего.

За неудачной попыткой освобожденія настала реакція, которая вскорѣ заставила пожалѣть о времени—господства пуританъ. Англійская монархія опять явилась со всѣми некрасивыми атрибутами мщенія, деспотизма, нетерпимости и цорочности. Самая грязная низость и самый безстыдный развратъ, вмѣстѣ съ крайней жестокостью, господствовали въ Англии во все время царствованія Карла II.

Побѣжденные переселялись въ Америку; изъ оставшихся многіе, радуясь прекращенію пуританскаго владычества, оплачивали выраженіями слѣпой преданности за безмятежное пользованіе своими доходами. Аристократія вела себя такъ, какъ всегда ведетъ при реакціяхъ. «О сопротивленіи говорили съ большимъ ужасомъ, чѣмъ о какомъ либо преступленіи, которое человѣческое существо можетъ совершить. Общины были болѣе ревностны, чѣмъ самъ король въ отищеніи за обиды, нанесенныя королевскому дому; онѣ желали болѣе самихъ епископовъ возстановить старую церковь; были болѣе готовы давать деньги, чѣмъ министры—просить о нихъ.» (Г. II, стр. 346). Маколей объясняетъ причину всеобщей безнравственности во время реакціи тѣмъ, что современное ей повелѣніе начало жить среди опасностей и приучилось поднимать, потому что ему слишкомъ часто приходилось повиноваться голосу самосохраненія. Это объясненіе самое ложное и недалекое, какое только можно себѣ представить. Пора освобожденія, открытой, прямой борьбы за право и правду, никакъ не можетъ понизить уровня общественной нравственности. Напротивъ того, такая пора возвышаетъ чувства, облагораживаетъ умы, дѣлаетъ людей болѣе способными на высокіе подвиги. Маколей правъ, обвиняя гнетъ, предшествующій каждому перевороту, за жестокости переворота; но было бы вопіющей бессмыслицей обвинять революцію въ ужасахъ реакціи. Нелѣпость этого видна уже изъ того, что часто реакція вовсе и не предшествуетъ никакой революціи. Въ причинахъ революціи и реакціи нѣтъ ничего общаго.

Поэтому приписывать плачевныя явленія, сопровождающія время реакціи, вліянію предшествовавшей ей революціи нелѣпо. Дѣло объясняется очень просто тѣмъ, что реакція и упадокъ обществомъ

ной нравственности—синонимы. Это не два явленія, идущія рядомъ, а одно и то же.

Почти тридцать лѣтъ продолжалась реакція со времени реставраціи, разнообразія свои подвиги, пока не дошла до самыхъ крайнихъ жестокостей въ трехлѣтнее царствованіе Іакова II. Но зажиточные классы не утомлялись этой безконечной вереницей жестокостей и низостей и черезъ двадцать пять лѣтъ были также преданы Стюартамъ, какъ въ первые мѣсяцы по пріѣздѣ Карла II. Церковь была предана имъ, потому что пуританъ и католиковъ преслѣдовали самымъ ревностнымъ образомъ, и епископы могли безбоязненно пользоваться своими доходами. Аристократія и среднее сословіе, землевладѣльцы и лавочники, помня свое недавнее униженіе, были довольны спокойствіемъ, наступившимъ послѣ смутныхъ дней. Что же касается до народа, то о немъ никто и не думалъ въ то время, или, какъ язвительно говоритъ нашъ подснежь—Маколей—«въ тѣ времена филантропы еще не считали священнымъ долгомъ, а демагоги еще не находили выгоднымъ промысломъ распространяться о бѣдственномъ состояніи работника». (Т. VI, стр. 410) Самъ же народъ ничего не заявлялъ о себѣ, такъ какъ еще недавно испыталъ, что республика не дала ему ничего новаго и хорошаго. Только въ Ирландіи народъ былъ раздраженъ и готовъ возстать противъ зажиточныхъ классовъ, потому что тамъ къ страданіямъ нищеты присоединялись живѣе ощущаемыя страданія угнетенной національности.

Англійскіе подснепскіе писатели, въ томъ числѣ разумѣется и Маколей, говоря о событіяхъ этого времени, останавливаются съ большимъ вниманіемъ на взаимныхъ отношеніяхъ двухъ партій, на которыя уже въ то время дѣлились въ Англии высшія сословія. Маколей повѣстствуетъ объ этомъ весьма интересно. Вигамъ и торіямъ онъ придаетъ какое то общечеловѣческое, даже мировое значеніе. Начало различія между этими двумя породами подснепцовъ «коренится, по его словамъ, въ разнообразіи характеровъ, умовъ, интересовъ, которое встрѣчается и будетъ встрѣчаться во всѣхъ обществахъ, пока духъ человѣческій не перестанетъ увлекаться въ противоположныя стороны прелестью привычки и прелестью новизны. Не только въ политикѣ, но и въ литературѣ, въ искусствѣ, въ наукѣ, въ хирургіи и механикѣ, въ мореплаваніи и въ земледѣніи, и даже въ самой математикѣ находимъ мы это различіе. *Вездѣ* есть классъ людей, которые страстно прилѣпляются ко всему старому и которые, даже убѣжденные неотразимыми доводами, что нововведеніе было бы благотѣльно, со-

глашаются на него со многими сомнѣніями и дурными предсказаніями. Равнымъ образомъ *ведъ* мы находимъ другой классъ людей, пылкихъ въ своихъ надеждахъ, смѣлыхъ въ своихъ теоріяхъ, вѣчно стремящихся впередъ, быстро различающихъ несовершенство во всемъ существующемъ, расположенныхъ легко думать объ опасностяхъ и неудобствахъ, какія сопряжены съ улучшениями, и расположенныхъ принимать всякую перемену за улучшение.» (Т. VI, 98).

Это очень напоминаетъ слова Бёкля о различіи методовъ индуктивнаго и дедуктивнаго. Какъ читатель видитъ, Маколей не расположенъ придавать различію между двумя партіями англійскаго парламента меньшаго значенія, чѣмъ чему бы то ни было на свѣтѣ. Для него Пальмерстонъ — это представитель одной половины міра, а Дерби—представитель другой. Торизмъ и вигизмъ исчерпываютъ все содержаніе человѣчества, и всѣ, кто не можетъ быть отнесенъ ни къ той, ни къ другой сторонѣ, т. е. всѣ обитатели Азии, Африки, Америки, Австраліи, всей Европы, кромѣ Англии, и всѣ англичане, стоящіе внѣ ценза,—все это нуль, «огромная масса, которая иногда остается космо-нейтральною, а иногда колеблется между ними». Объ этой глупой массѣ онъ отзывается съ крайнимъ презрѣніемъ и даже нѣкоторымъ негодованіемъ: «иногда, говоритъ онъ, она мѣняла стороны потому только, что ей надоѣдало поддерживать однихъ и тѣхъ же людей, иногда потому, что она пугалась собственныхъ своихъ безчинствъ, а иногда и потому, что ждала невозможнаго и обманывалась въ ожиданіяхъ» (Т. VI, 101]. И дѣйствительно, какъ ему не негодовать на нее, когда она своимъ личнымъ присутствіемъ путаетъ всю классификацію и напоминаетъ, что въ мірѣ существуетъ еще нѣчто, что не есть ни торизмъ, ни вигизмъ. Досадно! Игнорировать бы ее, но на бѣду глупые «филантропы» и злонамѣренные «демагоги» нашли «священною обязанностью и выгоднымъ промысломъ разсуждать» о тваряхъ, стоящихъ за цензомъ. Впрочемъ все-таки лучше игнорировать, взрѣдка браня филантроповъ и демагоговъ. Вообще все это разглагольствіе о торіяхъ и виггахъ поразительно напоминаетъ сужденія мистера Подснепа. Подобно тому какъ этотъ джентльменъ или какъ мистеръ Джонъ Стюартъ Милль смотрятъ на всѣ соціальныя и политико-экономическія вопросы съ точки зрѣнія интересовъ люда, «встающаго въ восемь, брѣющагося въ четверть девятаго» и т. д., такъ точно смотритъ лордъ Маколей на исторію. Для мистера Подснепа всѣ науки и искусства имѣютъ значеніе только на столько, на сколько они относятся къ вставанію въ восемь, бритью въ четверть девятаго и т. д. По его понятію «литература напр. есть

почтительное изложение на хорошей бумагѣ крупными буквами: какъ вставать въ восемь, бриться въ четверть девятаго, пить кофе въ девять, ходить въ контору въ десять, возвращаться домой въ половинѣ шестого и обѣдать въ семь. Живопись и скульптура—портреты и статуи профессоровъ науки: вставать въ восемь, бриться въ четверть девятаго, пить кофе въ девять, идти въ контору въ десять, возвращаться домой въ половинѣ шестого, обѣдать въ семь. Музыка — серьезная, правильная игра мелодической тѣмы, выражающей съ возможною точностью: какъ вставать въ восемь, бриться въ четверть девятаго, пить кофе въ девять, идти въ контору въ десять, возвращаться домой въ половинѣ шестого, обѣдать въ семь. Кромѣ этого искусство не должно ничего выражать, подъ опасеніемъ отлученія, проклятій! Кромѣ этого, внѣ этого нѣсть ничего, нигдѣ!» Точно также для мистера Д. С. Милля политическая экономія есть наука о томъ, какъ лучше всего могутъ быть соблюдены интересы лицъ, «встающихъ въ восемь, брѣющихся въ четверть девятаго, пьющихъ кофе въ девять» и т. д. И точно также для историка лорда Маколей исторія есть повѣствованіе о faits et gestes людей, «встававшихъ въ восемь, брившихся въ четверть девятаго» и т. д. и которые раздѣляются на двѣ великія партіи—виговъ и торіевъ. «Кромѣ ихъ, внѣ ихъ нѣсть ничего, нигдѣ» или, пожалуй, есть «косно-нейтральная масса», о которой лучше не говорить, такъ какъ это дѣло достойное однихъ филантроповъ и демагоговъ, людей ужасныхъ, почти недостойныхъ имени человѣка, такъ какъ они не встаютъ въ восемь, не брѣются въ четверть девятаго и т. д.

Разница, существовавшая при Карлѣ I, между кавалерами и круглоголовыми, то есть между приверженцами короля и защитниками парламента, изгладилась съ реставраціей почти совершенно.

Торіи, какъ стали называться впоследствии кавалеры, были преданы королевской власти всегда и сохранили эту преданность послѣ реставраціи. Но и виги, т. е. та часть привилегированныхъ сословій, которая во время распри Карла I съ парламентомъ держала сторону послѣдняго, напуганная господствомъ пуританъ и арміи, ревностно содѣйствовала реставраціи и затѣмъ питала къ монархіи такую же преданность, какъ и потомки кавалеровъ. Маколей, говоря объ этомъ, выражается такъ: «Дважды въ теченіе XVII столѣтія обѣ партіи откладывали свои раздоры и соединяли свои силы въ общаея дѣла. Первая ихъ коалиція возстановила наслѣдствен-

ную монархію. Вторая спасла конституціонную свободу». (Т. VI, стр. 101).

Коалиція, возстановившая Стюартовъ и вызвавшая реакцію, была произведена тѣмъ, что виги были напуганы своими болѣе крайними союзниками, и съ консерватизмомъ, свойственнымъ привилегированнымъ и зажиточнымъ классамъ, поспѣшили подать руку своимъ старымъ противникамъ. Это была слѣдовательно коалиція высшихъ классовъ противъ грозившаго господства народа и арміи. Коалиція, ниспровергнувшая Стюартовъ, была напротивъ вызвана тѣмъ, что торіи были принуждены соединиться съ наследственными врагами абсолютизма, потому что деспотизмъ Іакова II сталъ угрожать самымъ преданнымъ его слугамъ. Это была слѣдовательно коалиція высшихъ классовъ противъ покушеній на ихъ привилегіи со стороны монархической власти. Это показываетъ, что эта вторая коалиція совершенно не вознаградила за вредъ, нанесенный первой. Первая нанесла ударъ народному дѣлу, уничтожила всѣ плоды переворота, возвратила Карлу II все полномостіе, отнять которое у Карла I обошлось такъ дорого, вынудила истинныхъ друзей свободы бѣжать изъ отечества, возбудила жестокую реакцію, возстановила англиканскую церковь, запятнала англійскую исторію многочисленными примѣрами неслыханныхъ преступленій, лжесвидѣтельствъ, юридическихъ убійствъ и шпіонства, возведеннаго въ систему. Чѣмъ же вознаградила за все это вторая коалиція, изгнавшая Іакова II?

Вступивъ на престолъ, Іаковъ въ теченіе трехъ лѣтъ дѣйствовалъ такъ, какъ будто добивался того, чтобы его всѣ возненавидѣли. Онъ сдѣлалъ себя ненавистнымъ народу жестокостью, съ которую наказывалъ за возстаніе Монмута; церковь онъ вооружилъ противъ себя своими стараніями доставить терпимость католикамъ и пуританамъ; произвольными поступками, хотя и прикрытыми формами законности, онъ заставилъ виговъ вспомнить о противодѣйствіи абсолютическимъ покушеніямъ короля; и наконецъ онъ поссорился съ торіями, вслѣдствіе своего безразсуднаго пристрастія къ католицизму. Честные люди ненавидѣли его, какъ безумнаго и жестокаго тирана, какъ челоуѣка, именемъ котораго дѣйствовали Джеффеизъ, Клавергаузъ и Кэркъ съ своими подкушленными присяжными и свирѣпыми драгунами изъ Африки. Люди безчестные всѣхъ партій были недовольны имъ, кто за посягательство на свое достоинствіе и свои права, кто за плохое вознагражденіе самыхъ низкихъ услугъ, если онѣ не сопровождались вѣроотступничествомъ, и вообще за самодурство, не разбиравшее друга отъ недруга. До

вольны были только немногочисленные англійскіе католики и ирландцы, которыхъ онъ не только избавилъ отъ гоненія, но которыхъ сверхъ того старался доставить преобладаніе.

Было бы бесполезно перечислять всѣ преступленія, совершенныя Іаковомъ въ его кратковременное царствованіе. Ихъ конечно было за глаза достаточно, чтобы поссорить его со всѣми партіями, кромѣ одной. Но весьма замѣчательно, что поступокъ, вызвавшій самую ожесточенную ненависть къ нему, какъ торіевъ, такъ и виговъ, и побудившій ихъ соединиться противъ него, поступокъ, заставившій англиканское духовенство переимѣнить свой раболѣпный тонъ на независимый и, вмѣсто догмата безусловной покорности, начать проповѣдовать сопротивленіе тираніи,—этотъ поступокъ былъ единственнымъ хорошимъ дѣломъ всей его жизни. Іаковъ дѣйствовалъ, конечно, деспотически и жестоко; но онъ ни въ чемъ не нарушалъ законныхъ формъ. Кровавыя ассизы были ужасны и возбуждаютъ до сихъ поръ омерзѣніе; но это была вполнѣ законная расправа, ни чѣмъ не хуже дѣйствій въ подобныхъ же обстоятельствахъ правительствъ 1715 и 1745 годовъ. Іакова справедливо подозрѣвали въ намѣреніи уничтожить Habeas Corpus Act, устранить парламентъ и даже утвердить абсолютизмъ при помощи ирландскихъ войскъ; но какъ ни справедливы были эти подозрѣнія, однако никто не могъ указать на такой фактъ, гдѣ король уже явно нарушилъ бы основные законы государства. Въ одномъ только случаѣ нарушилъ онъ конституцію, — а именно, когда издалъ декларацію объ индульгенціи, и это было вимѣнено ему въ главную вину не только людьми, изгнавшими его, но и либеральными историками XIX вѣка.

Декларація объ индульгенціи была издана въ 1687. Ею отмѣнялось множество стѣснительныхъ и карательныхъ узаконеній противъ католиковъ, пуританъ и всякаго рода диссидентовъ. Имъ было дозволено свободно отправлять богослуженіе, и правовѣрнымъ запрещено мѣшать имъ въ этомъ. Они были освобождены отъ обязанности приносить релігіозную присягу въ смыслѣ англиканской церкви передъ вступленіемъ на службу, что доселѣ составляло для нихъ непреодолимое препятствіе къ занятію общественныхъ должностей и было равносильно устраненію ихъ отъ службы. Издавъ эту декларацію и черезъ годъ подтвердивъ ее, Іаковъ сталъ дѣйствовать сообразно съ нею, т. е. раздавать общественныя, государственныя и даже духовныя должности католикамъ и пуританамъ, а когда встрѣчалъ сопротивленіе со стороны епископальнаго духо-

венства, то поступалъ съ противниками хотя и по законнымъ формамъ, но строго и деспотично.

Весьма понятно, что епископы были въ высшей степени раздражены такимъ поступкомъ, который отнималъ у духовенства возможность заниматься гоненіемъ враждебныхъ ему вѣрованій. Неудивительно, что англиканское духовенство рѣшилось пойти наперекоръ всему, что столько лѣтъ проповѣдывало объ обязанностяхъ въ отношеніи къ государю, когда царствующій государь оказался не другомъ его, какъ прежніе, а врагомъ, когда доходившія и почетнѣйшія мѣста начали доставаться католикамъ и когда даже пуританинъ получилъ больше шансовъ на возвышеніе, чѣмъ иррелевантный. Немудрено, что правовѣрные торіи и виги возненавидѣли короля, который, хотя и говорилъ о терпимости, но фактически не только терпѣлъ католиковъ, но и отдавалъ имъ явное преимущество передъ членами національной церкви и удалилъ отъ должности своего шурина и любимаго министра за то только, что онъ не согласился обратиться въ католицизмъ. Наконецъ понятно даже негодованіе тѣхъ современниковъ Якова, которые, и не заботясь о выгодахъ англиканской церкви, были возмущены декларацией о терпимости, какъ противузаконнымъ нарушеніемъ королевскою властью одного изъ основныхъ законовъ страны. Но какъ назвать историка, который черезъ полтора вѣка послѣ этого событія защищаетъ законы, стѣсняющіе совѣсть, доказываетъ необходимость ихъ въ отношеніи католиковъ и вообще отстаиваетъ духъ нетерпимости епископовъ и въ тоже время краснорѣчиво разглагольствуетъ въ пользу полной терпимости въ отношеніи евреевъ? Какъ защитника стѣсненія совѣсти, такого историка можно бы было уподобить Кояловичу или другому подобному мужу; но этимъ сравненіемъ мы обидели бы и Кояловича, и всякаго другого, потому что тѣ все же послѣдовательнѣе и также мало расположены терпѣть евреевъ, какъ и всякихъ другихъ бусурманъ. Поэтому взглядъ Макаева на этотъ вопросъ кажется мнѣ однимъ изъ лучшихъ образчиковъ его либерализма.

«Исходя, говорить этотъ защитникъ свободы совѣсти, отъ того правильнаго положенія, что ограниченія правъ католиковъ долгое время не производили ничего кромѣ зла, приходили къ ложному заключенію, что никогда не могло быть такого времени, когда эти ограниченія могли быть полезными и необходимыми.» (Т. VIII, стр. 75). Они были, по его мнѣнію, полезны и необходимы именно во время революціи 1688 г., что онъ и подтверждаетъ въ другомъ мѣстѣ словами: «Была одна секта, которую по несчастнымъ вре-

женнымъ причинамъ признано было необходимымъ держать *въ ежесмыслъ рукавицахъ.*» (Т. I, стр. 33). Такимъ образомъ ясно, что Маколей даже понятія не имѣетъ о принципѣ вѣротерпимости, что его уму даже не представляются тѣ доводы въ пользу вѣротерпимости, которыми она можетъ быть доказана и что въ этомъ отношеніи онъ самый несправивый обскурантъ. Онъ полагаетъ напрямѣръ, что защитники свободы совѣсти основываютъ свое мнѣніе только на томъ, что нетерпимость оказалась въ извѣстномъ случаѣ вредна, и онъ ставитъ имъ въ упрекъ, что они несообразили, что за то въ другихъ случаяхъ она бываетъ полезна! А у насъ нѣкоторые и въ самомъ дѣлѣ думаютъ, что Маколей весьма либераленъ и что во всякомъ случаѣ онъ очень твердъ, по крайней мѣрѣ, въ вопросѣ о вѣротерпимости! Но не ясно ли, что на основаніи его разсужденій можно оправдать и Торквемаду? Не ясно ли, что если только допустить, будто нетерпимость можетъ, когда бы то ни было, оказаться полезною, то въ такомъ случаѣ она будетъ оправдана всегда, и принципъ свободы совѣсти уничтоженъ? Оттого что Маколей чуть не на всякой страницѣ злоупотребляетъ словомъ «свобода», прилагая его впрочемъ всегда къ понятіямъ, неимѣющимъ съ свободой ничего общаго, начали говорить о его «широкихъ принципахъ либерализма», и самъ раздаватель разныхъ дипломовъ, Бѣль, лестно отзывается о «возвышенной любви къ свободѣ, которая оживляетъ все его сочиненіе». Но на самомъ дѣлѣ оказывается, что онъ не понимаетъ и не признаетъ даже самаго безобиднаго вида свободы—вѣротерпимости. Тоже, ежели не хуже еще, увидимъ и по другимъ вопросамъ.

Однако, хотя король Іаковъ возстановилъ противъ себя почти всѣхъ, противники его были люди слишкомъ нестрашные, чтобы онъ могъ опасаться съ ихъ стороны чего нибудь серьезнаго. Самъ Маколей долженъ сознаться, что безъ вѣншей помощи враги Іакова не могли бы низвергнуть его. Онъ говоритъ, что для національной чести англичанъ должно быть весьма оскорбительно, что только голландскія войска и удачный исходъ предпріятія Вильгельма освободили ихъ предковъ отъ деспотизма Стюарта. Маколей не скрываетъ, что революція не было бы, и Іаковъ могъ бы умереть въ Уайтголлѣ, если бы французы открыли военныя дѣйствія нѣсколько сѣвернѣе или если бы не вышло неприяностей между французскимъ правительствомъ и городомъ Амстердамомъ. «Лордъ Лондзель, говоритъ онъ, справедливо замѣчаетъ въ своихъ мемуарахъ, что, не надѣлай Лудовикъ ошибокъ, городъ Амстердамъ предотвратилъ бы революцію.» (Т. VIII, 270

прим.). Да оно и немудрено: враги Иакова, какъ оказалось, были вовсе не такіе люди, чтобы отваживаться на возстаніе. Измѣнить государю падающему, выдать его тайны, шпионить за нимъ и получать за доносы деньги отъ его непріятелей, быть готовыми спасти себя во всякое время выдачей сообщниковъ, посылать приглашенія принцу Оранскому и потомъ прибѣгать къ безсовѣстѣйшимъ софизмамъ, чтобы не сознаться въ этомъ—это было по ихъ части. Но у нихъ было еще слишкомъ много доходныхъ епископствъ, пребендъ и должностей, слишкомъ богатя помѣстья и слишкомъ крупны обороты, чтобы они были способны на открытое и опасное возстаніе, они, эти вчерашніе герои реакціи и сподвижники всякихъ гоненій. Притомъ съ ихъ стороны было бы безумствомъ возставать, потому что у короля все же была армія, которой могъ не бояться Вильгельмъ съ своимъ голландскимъ корпусомъ, но передъ которой туземнымъ недовольнымъ, вчерашнимъ придворнымъ, инквизиторамъ, палачамъ, приходилось задумываться. На народъ они не могли рассчитывать, да и не хотѣли. Народъ не подумалъ бы защищать ихъ, что и доказалъ своимъ равнодушіемъ при переворотѣ 1688 года. Да и они предпочли бы какой угодно деспотизмъ народному возстанію, въ чемъ Маколей видитъ даже главную добродѣтель этихъ революціонеровъ (т. VIII. стр. 471—72). Вообще несомнѣнно, и Маколей не пытается доказывать противнаго, а напротивъ, откровенно говорить это, что революція 1688 года не имѣла въ себѣ ни малѣйшей частицы народнаго элемента. Она была дѣломъ голландской арміи и недовольныхъ высшихъ классовъ Англіи, отличавшихся въ то время, вслѣдствіе продолжительной реакціи, крайнею безнравственностью. Безнравственность англійскихъ революціонеровъ 88 года—это фактъ, который Маколей не отрицаетъ, а признаетъ, но къ удивленію своихъ читателей признаетъ не только безъ всякой горечи, но даже съ удовольствіемъ. «Для нашего гражданскаго управленія было благоприятно, говоритъ онъ, что революція была совершена людьми, большею частью мало заботившимися о политическихъ принципахъ. При такомъ кризисѣ блестящіе таланты и сильныя страсти могли бы сдѣлать болѣе зла, чѣмъ добра». (Т. I, 201).

Вотъ мысль новая, блестящая и достойная уваженія! Для народа хорошо, что переворотъ, создавшій его государственныя учрежденія, былъ сдѣланъ людьми своекорыстными! Въ политикѣ честные люди только вредятъ, а лучше безнравственные! Это было бы изъ рукъ вонъ плохо, если бы на это смотрѣть съ человѣческой точки зрѣнія.

Но съ подспешной оно выходитъ приличнѣе: дѣло въ томъ, что здѣсь идетъ рѣчь не о выгодахъ народа, а о выгодахъ вигговъ и торіевъ, и для нихъ-то конечно переворотъ 1688 года былъ исполнѣнъ выгоденъ. Если все дѣло шло только о томъ, чтобы упрочить за высшими классами спокойное пользованіе ихъ благосостояніемъ, которому грозили Стюарты, то всего лучше, если дѣло устроилось такъ, что и цѣль достигнута, и никто изъ тѣхъ, кому не слѣдуетъ, не вспомнилъ о своихъ правахъ. Сильныя страсти и блестящіе таланты могли бы создать что нибудь новое, разбудить массу, а это-то и было бы величайшимъ зломъ, по инѣннѣю подспена-Маколея. Поэтому какъ не радоваться, что все обошлось при помощи голландскихъ солдатъ и недовольныхъ подспеповъ, не пламенными рѣчами народныхъ ораторовъ, а изящными записочками лорда Чорчила; ну и прекрасно!

Понятія Маколея о человѣческой честности не слишкомъ утонченны. Такъ о Соьерѣ онъ серьезно говоритъ, что оправданіемъ ему въ пролитіи судебнымъ порядкомъ невинной крови можетъ служить то обстоятельство, что не онъ одинъ проливалъ ее, а почти всѣ люди, занимавшіе высокія общественныя должности въ тѣ злосчастные дни. (Т. X, стр. 145). Такъ про судью Поллексфена онъ рассказываетъ, что онъ отличился на кровавыхъ ассизахъ и содѣйствовалъ казни Алисы Ляйль; но это не мѣшаетъ ему вслѣдъ за тѣмъ объявить, что «въ душѣ онъ былъ вигъ, если не республиканецъ» (Т. VII, 211).

Переворотъ, произведенный интригами и предательствомъ такихъ людей, при помощи иностраннаго полководца и иностранной арміи, Маколей называетъ самой великой и благодѣтельной изъ всѣхъ революцій, когда-либо происходившихъ въ новоевропейскихъ обществахъ. Такое рѣшеніе весьма неожиданно и странно послѣ всего, что было сказано имъ самимъ о ненаціональномъ и ненародномъ характерѣ ея и о качествахъ ея дѣятелей. Зная, что она имѣла чисто консервативный характеръ, была направлена исключительно къ удержанію за высшими классами ихъ привилегій, а за англиканскимъ духовенствомъ его монополіи; зная, что преобладающими идеями въ ней было стремленіе поддержать нетерпимость церкви и племенное господство англичанъ въ Ирландіи, защитить карманы торгашей и доходы землевладѣльцевъ, нельзя и ожидать, чтобы она могла дать сколько нибудь замѣчательные результаты, которые могли бы вознаградить за непривлекательный характеръ самаго событія. Маколею, разумѣется, консервативный характеръ переворота очень нравится. Онъ съ удовольствіемъ раз-

сказываетъ, что переворотъ совершился такъ и при такой обстановкѣ, что ничто не указывало на его важность. Его очень радуетъ, что «государственныя сословія совѣщались въ старинныхъ залахъ и по стариннымъ правиламъ; что лица, предложившія Поуля въ спикеры, проводили его къ предсѣдательскому креслу съ обычными формальностями; что послы отъ лордовъ явились къ коммонерамъ въ сопровожденіи эзекутора съ жезломъ, и три поклона были сдѣланы надлежащимъ образомъ; что конференція происходила съ соблюденіемъ древняго церемоніала; что въ конференцъ-залѣ по одну сторону стола сидѣли депутаты лордовъ съ покрытыми головами, въ парчевыхъ горностаевыхъ мантияхъ, а депутаты коммонеровъ стояли по другую сторону безъ шляпъ; что (прибавляетъ онъ съ сарказмомъ) поборники свободы (вѣроломные холопы Іакова) не говорили ни слова ни о равенствѣ людей, ни о правахъ народа, ни о Гармодіѣ и Тимолеонѣ, ни о Брутѣ старшемъ ни о Брутѣ младшемъ; что новые государи были провозглашены по старинному торжественному обряду; что всѣ фантастическія принадлежности герольдіи, Кларансье, и Норруа, Опуская Рѣшетка и Красный Дравонъ, трубы, знамена, странные костюмы съ вышитыми львами и лиліями, были на лицо въ полномъ составѣ». (Т. VIII, 492).

Что такой близорукій историкъ, какъ Маколей, радуется всему этому—это очень понятно: на то онъ и Маколей. Но какъ могли вообразить, что онъ проповѣдуетъ свободные принципы? Откуда взяли и вывели это?—вотъ что трудно понять. Онъ, правда, произносятъ громкія фразы о свободѣ; но въ сущности онъ на столько же либераленъ, какъ и мистеръ Подсепъ, который тоже съ восторгомъ говоритъ о «British Constitution». Чему сочувствуетъ Маколей въ переворотѣ 1688 года и почему онъ радуется ему, — сейчасъ увидимъ.

Маколей перечисляетъ намъ всѣ благодѣтельныя послѣдствія и великіе плоды переворота. Плоды его, по его собственнымъ словамъ (см. т. II, стр. 377—84), состоятъ въ слѣдующемъ.—Во первыхъ, *актъ терпимости*. Чтожъ, это въ самомъ дѣлѣ немаловажный результатъ, если онъ только былъ, что трудно предположить, такъ какъ постановленіе Іакова о вѣротерпимости было одною изъ главныхъ причинъ его низверженія. Впрочемъ и дѣйствительно никакой терпимости не было, да и самъ Маколей, только что назвавъ этотъ первый благодѣтельный результатъ революціи, спѣшитъ оговориться: «громадная власть духовенства и торійскаго джентри сдѣлали эти превосходныя намѣренія (виговъ) тщетными». А о превосходныхъ намѣреніяхъ виговъ онъ тоже говоритъ;

«справда, тамъ, гдѣ дѣло шло о католикахъ, даже самые просвѣщенные изъ вигговъ держались мнѣній отнюдь не столь либеральныхъ, какъ тѣ, которыя къ счастью обыкновенны въ настоящее время». А каковы эти либеральныя мнѣнія, которыя столь обыкновенны въ настоящее время, мы уже видѣли на самомъ либеральнѣйшемъ изъ либераловъ, Маколей. Словомъ, въ концѣ концовъ выходитъ, что революція не принесла вѣротерпимости, чего разумѣется и нельзя было ожидать, потому что она была направлена противъ нея, и революціонерами были англійскіе епископы. Второю великою реформою было, по счету Маколей, окончательное установленіе въ Шотландіи пресвитеріанской церкви. Такой счетъ напоминаетъ шепи экономныхъ нѣмецкихъ кухмистершъ, которыя говядину изъ супа называютъ вторымъ блюдомъ, картофель третьимъ, а горчицу четвертымъ. Дѣло въ томъ, что послѣ революціи перестали преслѣдовать шотландскихъ пресвитеріанъ, составлявшихъ почти все народонаселеніе этой страны. Если уже разъ было сказано о терпимости, то должно полагать, что тогда же упоминалось и о пресвитеріанахъ, тѣмъ болѣе, что имъ однимъ она и была оказана. Если бы Маколей въ слѣдующихъ пунктахъ началъ перечислять поименно каждаго диссидента, которому была оказана терпимость, то немудрено, что списокъ благодѣяній переворота расширился бы еще на цѣлый томъ.

«Третье благодѣяніе, которое страна извлекла изъ переворота, состояло въ перемѣнѣ способа ассигнованія субсидій», говоритъ Маколей. Это было дѣйствительно важнымъ выигрышемъ, но только не для страны, а для привилегированныхъ классовъ, которые этимъ поставили королевскую власть въ прямую зависимость отъ себя. Но Маколей, говоря о странѣ, очевидно разумѣетъ только людъ, «встающій въ восемь, брѣющійся въ четверть девятаго» и т. д., а потому съ своей точки зрѣнія правъ. Неправы только тѣ, которые, смотря на вещи съ другой точки зрѣнія, толкуютъ о «широкихъ принципахъ либерализма» этого подснепа.

Тоже самое должно сказать и о четвертомъ благодѣяніи—а именно «очищеніе отправления правосудія въ политическихъ дѣлахъ». Дѣйствительно, королевская власть потеряла возможность сажать въ Тюръ людей, неприятныхъ ей, казнить невинныхъ съ соблюденіемъ законныхъ формъ черезъ зависимыхъ отъ нея судей и присяжныхъ, словомъ, расправляться такъ, какъ расправлялись континентальныя правительства. Но на сколько выиграло отъ этого правосудіе въ политическихъ дѣлахъ—доказали процессы Тистльвуда и другихъ; они доказали, что либеральные коммонеры также хорошо умѣютъ

расправляться съ противниками, какъ и либеральные министры неаполитанскихъ королей. Надо имѣть броненосную совѣсть, чтобы, будучи англичаниномъ; хватать своимъ правосудіемъ въ политическихъ процессахъ послѣ всего, что произошло въ этомъ родѣ въ XIX столѣтіи. Впрочемъ у Маколей это происходитъ больше отъ наивности, такъ какъ жертвы политическихъ процессовъ въ Англіи не принадлежали ни къ вигамъ, ни къ торіямъ и слѣдовательно стояли за предѣлами ценза и челоуѣчества.

Наконецъ пятымъ благодѣяніемъ было, по словамъ Маколей, установленіе свободы печати. Но это совершенная неправда. Переворотъ 1688 года не освободилъ прессы, какъ вообще не сдѣлалъ ничего для свободы. Напротивъ того, когда вскорѣ потомъ, въ 1693 году, кончился срокъ цензурнаго акта, изданнаго въ 1685, онъ былъ возобновленъ, и ни либеральный освободитель, ни парламентъ, только что совершившій революцію, и не подумали не только уничтожить, но даже смягчить его. Но вскорѣ послѣ того, и совершенно независимо отъ переворота, печать освободилась, благодаря сочувствію общества, которое уже понимало свои интересы. Въ этомъ дѣлѣ особенно важныя заслуги принесъ прессѣ литераторъ Чарльзъ Блаунтъ, котораго Маколей, въ благодарность за это, называетъ наглымъ воромъ и ничтожнымъ памфлетистомъ. Въ то время вмѣсто нынѣшнихъ газетъ и журналовъ на общественное мнѣніе вліяли памфлеты и брошюры, подлежавшіе въ Англіи, передъ выходомъ въ свѣтъ, правительственной цензурѣ. Блаунтъ издалъ вскорѣ послѣ революціи рядъ памфлетовъ безъ цензуры и требовалъ въ нихъ отъи́ны стѣсненіи печати. Маколей строго порицаетъ Блаунта за то, что въ этихъ сочиненіяхъ онъ безцеремонно пользовался трактатами Мильтона; но трактаты Мильтона были написаны давно, въ неблагоприятное время, встрѣчены холодно и забыты. Воспользовавшись въ своей борьбѣ противъ цензуры его доводами, Блаунтъ увлекъ на свою сторону публику и расположилъ общественное мнѣніе въ пользу свободы печати; нелѣпо же въ виду плохо судить его за то, что онъ не обозначалъ въ примѣчаніяхъ, откуда заимствуетъ свои доводы. Такая строгость въ сужденіи особенно странна со стороны историка, который оправдываетъ юридическаго убійцу тѣмъ, что не онъ одинъ совершалъ такіа преступленія! Книгопродавцы, переплетчики и типографы, поддерживаемые общественнымъ мнѣніемъ, подали парламенту просьбу объ уничтоженіи цензуры, и цензурныя постановленія были продлены еще только на два года, послѣ чего не возобновлялись. Изъ всего этого ясно, что пресса

освободилась, благодаря собственнымъ своимъ дѣателямъ и той степени развитія, на которой уже стояло общество.

И такъ послѣ всѣхъ разглагольствованій о великихъ благодѣяніяхъ переворота, на дѣлѣ все таки выходитъ, что онъ не принесъ ничего, не внесъ ни одной новой идеи, не произвелъ никакой реформы, ни въ чемъ не помогъ народу, и что все его значеніе ограничивается устраненіемъ драгонадъ Іакова и упроченіемъ за привилегированными классами пользованія ихъ преимуществами. Восторгъ же Маколея теперь намъ понятенъ: переворотъ былъ выгоденъ тѣмъ классамъ, которые одни составляютъ для него все человѣчество, и потому онъ находитъ его великимъ и благодѣтельнымъ. Въ доказательство этого, считаю нужнымъ привести слова Маколея, которыми онъ оканчиваетъ свои пространныя разсужденія о благодѣяніяхъ переворота.

«Величайшая похвала, говоритъ онъ, какую можно произнести перевороту 1688, заключается въ томъ, что это была наша послѣдняя революція. Уже нѣсколько поколѣній прошло съ тѣхъ поръ, какъ ни одинъ благоразумный и патріотическій англичанинъ (т. е. подспенъ) не помышлялъ о сопротивленіи установленному правленію. Во всѣхъ честныхъ и мыслящихъ умахъ живетъ убѣжденіе, ежедневно укрѣпляющееся опытомъ, что средства произвести всякое улучшеніе, какого требуетъ конституція, заключаются въ самой конституціи.»

«Теперь, болѣе чѣмъ когда либо, должны мы оцѣнить всю важность противодѣйствія, оказаннаго нашими предками дому Стюартовъ. Повсюду вокругъ насъ мѣръ взволнованъ судорожными движеніями великихъ націй. Правительства, еще недавно казавшіяся способными просуществовать цѣлые вѣка, внезапно потрясены и низвергнуты. Самыя гордыя столицы западной Европы обагрились ручьями междоусобно-пролитой крови. Всѣ дурныя стасты, жажда корысти и жажда мести, ненависть класса къ классу, ненависть племени къ племени, сбросили съ себя узду божескихъ и человѣческихъ законовъ. Страхъ и тоска отуманили лица и опечалили сердца милліоновъ людей. Торговля и промышленность прекратились. Богатые сдѣлались бѣдными, а бѣдные сдѣлались еще бѣднѣе. Ученія, враждебныя всѣмъ наукамъ, всѣмъ искусствамъ, всѣмъ промышленнымъ предпріятіямъ, всѣмъ семейнымъ узамъ, ученія, которыя, если бы осуществились, то въ тридцать лѣтъ уничтожили бы все, что сдѣлано для человѣчества тридцатью столѣтіями и превратили бы прекраснѣйшія провинціи Франціи и Германіи въ такія же дикія страны, какъ Конго или Патогонія, провозглашались съ трибуны

и защищались оружіемъ. Европѣ грозили порабощеніемъ варвары, въ сравненіи съ которыми дикія орды Аттилы и Альбоина могли бы считаться просвѣщенными и гуманными. Искреннѣйшіе друзья народа (т. е. тѣ, которые считаютъ его безконечно хуже варваровъ Аттилы!) съ глубокою горестью признавали, что интересы, драгоценнѣйшіе какихъ бы то ни было политическихъ правъ, находились въ опасности, и что могло оказаться необходимымъ пожертвовать даже свободой, чтобы спасти цивилизацію. Между тѣмъ на нашемъ островѣ обычный ходъ управленія не прерывался ни на одинъ день. Немногіе дурные люди, жаждавшіе буйства и грабежа, не отважились ни на минуту противостать сплѣ върнопреданной націи, соединившейся въ непоколебимый оплотъ вокругъ отеческаго престола. И еслибы насъ спросили, почему мы такъ отличаемся отъ другихъ, отвѣтъ нашъ состоялъ бы въ томъ, что мы никогда не теряли того, что другіе безумно и слѣпо стараются приобрѣсти вновь. Оттого, что у насъ была охранительная революція въ XVII, у насъ не было разрушительной революціи въ XIX столѣтіи. Оттого что у насъ была свобода посреди общаго рабства, у насъ теперь порядокъ посреди общей анархіи. За святость закона, за безопасность собственности, за спокойствіе нашихъ улицъ, за счастье нашихъ семей мы обязаны благодарностью тому, кто по произволу возвышаетъ и низвергаетъ народы, «Долгому парламенту, Конвенту и Вильгельму Орлеанскому!» (Т. VIII, 494—95).

Совершенно также, даже почти въ тѣхъ же выраженіяхъ и со всѣми тѣмъ же слогомъ разсуждаетъ мистеръ Подснепъ:

«— Я только коснулся нашей конституціи; объяснялъ мистеръ Подснепъ:—мы, англичане, очень гордимся нашей конституціей, сэръ. Само провидѣніе даровало намъ ее».

«Такова воля провидѣнія; этотъ островъ составляетъ исключеніе изъ всѣхъ странъ свѣта, и на немъ почиетъ благословеніе неба. И если бы здѣсь были все англичане, прибавляетъ Подснепъ, торжественно смотря на своихъ соотечественниковъ,—я сказалъ бы, что въ англичанинѣ такое соединеніе рѣдкихъ достоинствъ, такая скромность, независимость, простота, такое отсутствіе всего, что могло бы заставить покраснѣть юную особу—однимъ словомъ, такое соединеніе рѣдкихъ достоинствъ, котораго не найти ни въ какомъ другомъ народѣ.»

Мимоходомъ Маколей вспоминаетъ и о «косно-нейтральной» массѣ, вспоминаетъ для того только, чтобы порадоваться ея благоденствію и похвалить удобства, которыми она пользуется. У него посвящено нѣсколько страницъ описанію «благодѣтельныхъ»

для простого народа слѣдствій прогресса цивилизаціи». Здѣсь онъ описываетъ тѣ преимущества, которыя достались, благодаря цивилизаціи, равно въ удѣль и неру, и работнику, къ числу такихъ удобствъ онъ причисляетъ желѣзныя дороги, газовое освѣщеніе, хорошую мостовую, исправную полицію. Упоминаетъ онъ и о другихъ, еще болѣе странныхъ благодѣяніяхъ для простого народа. «Каждый каменщикъ, которому случится упасть съ подмостковъ, каждый уличный метельщикъ, которому случится попасть подъ колесо экипажа, можетъ теперь рассчитывать, что его раны будутъ перевязаны и члены выправлены съ такимъ искусствомъ, какого сто шестьдесятъ лѣтъ назадъ нельзя было купить ни за какія сокровища вельможи, подобному Ормонду, или милліонера, подобнаго Клейтону.» (Т. VI, 419). Вообще онъ непоколебимо убѣжденъ, что англійскій народъ благоденствуетъ и, радуясь великой пережвѣи, принесенной прогрессомъ цивилизаціи, выражаетъ убѣжденіе, что болѣе всего выигралъ отъ нея «классъ самый бѣдный, самый зависимый и самый беззащитный.» Особенно радуется онъ благосостоянію рабочихъ классовъ и весьма убѣдительно говоритъ о процвѣтаніи Ленкашайра (Т. I, 232), гдѣ недавно люди умирали съ голода, какъ мухи. Онъ доходитъ даже до того, что представляетъ англійскихъ рабочихъ какими то сибаритами и гастрономами. Чрезвычайно занимательно препирательство его по этому поводу съ другимъ подобнымъ ему подснепомъ, поэтомъ-лавреатомъ Соути. Этотъ господинъ, лежа на своихъ казенныхъ лаврахъ, вздумалъ пуститься въ публицистику и принялся разсуждать о положеніи народа, жалуясь на его недостатки. Оплакивая бѣдствія народа къ великому неудовольствію Маколей, который рѣшительно отказывается признать этотъ фактъ, лавреатъ преподаетъ рабочимъ разные совѣты и между прочимъ порицаетъ ихъ за то, что они *не любятъ рыбы!* Онъ старается убѣдить ихъ, что это пища вкусная и здоровая и что съ ихъ стороны весьма странно предпочитать голодать, чѣмъ ѣсть рыбу. При этихъ словахъ Маколей торжествуетъ. Ага! восклицаетъ онъ; вотъ видите ли, какіе они прихотники: того не хочу, другого не ѣмъ; не хочу лососины, давай мнѣ мяса! Значитъ—неголодны. «При голодѣ такихъ предубѣжденій не бываетъ!» (Т. I, 260) Значитъ, съ жиру бѣсятся, а если умираютъ съ голода, то сами виноваты: зачѣмъ прихотничаютъ. И вообще для него совершенно ясно, что недовольно можетъ быть только незначительное меньшинство (прихотниковъ и взбалмошныхъ людей), неудовольствія котораго «лучше всего подавляются силою и рѣшительностью». (Т. I, 215).

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ прекрасныхъ разсужденій русскій биографъ Маколей, г. Вызинскій, говоритъ, что «ни одна книга не нанесла такого рѣшительнаго удара ученіямъ революціонеровъ, утопистовъ, мечтателей, какъ книга Маколей.» (Биогр. стр. XLIII). Г. Вызинскій описываетъ плачевное время, когда вышла въ свѣтъ «Исторія Англіи»; это, по его словамъ, было время, когда «отъ Атлантическаго океана до береговъ Шпре разлился потокъ анархіи, насилія и смятенія; когда со дна общества поднялись самыя дикія страсти и самыя грубые инстинкты; «когда вездѣ управление захватили въ свои руки безумные демагоги, жалкіе подражатели Робесьеровъ, Сень-Жюстовъ и Дантоновъ (это кто же? Monsieur de Lamartine что ли?), безсовѣстные честолюбцы, жаждавшіе власти; когда стали приводиться въ исполненіе ихъ дикія теоріи, порожденныя въ, лихорадочныхъ грезахъ зависти, невѣжества и честолюбія; когда всему грозила опасность—семьѣ, собственности, основамъ общества, самой цивилизаціи; когда послѣ краткаго разгула анархіи и демагогическихъ сатурналій готово уже было настать время военнаго деспотизма»—вотъ когда, по словамъ г. Вызинскаго, явилось сочиненіе Маколей (стр. XLII), явилось и побѣдило!

Маколей доказалъ изумленному міру, что всѣ эти сатурналіи и дикія теоріи, порожденныя завистью (вспомнимъ *замѣтку* вн. Вяземскаго) и невѣжествомъ—нелѣпы, что истинно либеральныя начала содержатся въ вигизмѣ и выражены исторически англійскимъ переворотомъ 1688 года. Г. Вызинскій изображаетъ, какъ «пріятно изумлена» была Европа начертаннымъ имъ врѣлищемъ революціи мирной, совершившейся безъ кровопролитія и проскрипцій, по законнымъ (?) формамъ, установленнымъ вѣвами, произведенной не толпами, а представителями образованнѣйшихъ классовъ общества и церкви, не демагогами, а испытанными государственными людьми, не отчаянными нововодителями, а людьми, въ настоящемъ смыслѣ консервативными» (XLII — XLIII).

Все это разсказалъ и объяснилъ Маколей заблуждавшейся Европѣ, которая увидѣла тутъ свою ошибку и предприняла реакцію, продолжающуюся благополучно до сего дня. А то, было, уже совсѣмъ свихнулась и затѣяла ни вѣсть что. Даже солидные подснепы въ англійскомъ парламентѣ начали подумывать о всеобщей подачи голосовъ или, по крайней мѣрѣ, о расширеніи предѣловъ ценза; но въ это время было напечатано въ «Times» посмертное письмо Маколей, въ которомъ онъ, «казалось, изъ могилы своей увѣщевалъ государственныхъ людей Англіи не предпринимать поспѣшно мѣры, которая могла бы повести къ слишкомъ сильному и преждевре-

менному нацѣлу демократическаго элемента въ избирательныя коллегіи» (XXXVII — XXXVIII). Въ этомъ письмѣ къ одному американцу, Маколей изображаетъ бѣдствія, какія пронестекуть для Америки отъ ея демократическихъ учрежденій, когда положеніе ея рабочихъ классовъ станетъ также дурно, какъ въ Англіи. Разсужденія его въ письмѣ объясняютъ его взглядъ на революцію 1688 и вообще на исторію Англіи, потому что здѣсь онъ является уже совсѣмъ подснепомъ, безъ всякихъ либеральныхъ фразъ.

«Вы будете имѣть, говоритъ онъ американцу, ваши Манчестеры и ваши Бирмингамы, и въ этихъ манчестерахъ и бирмингамахъ сотни тысячъ работниковъ вѣроятно найдутся иногда безъ работы. Тогда-то наступитъ часъ испытанія для вашихъ учрежденій. Бѣдствіе вездѣ дѣлаетъ работника недовольнымъ и наклоннымъ къ мятежу; онъ съ жадностью слушаетъ агитаторовъ. У насъ въ дурной годъ бываетъ много ропота, а иногда и нѣсколько мятежей; но это не такъ важно, потому что у насъ тѣ, которые страдаютъ, не управляютъ государствомъ. Высшая власть находится въ рукахъ класса, правда, не многочисленнаго, но избраннаго, класса образованнаго, класса, который сильно заинтересованъ въ безопасности, собственности и поддержаніи общественнаго порядка. Поэтому недовольные бываютъ усмирены не слишкомъ строгими, но рѣшительными мѣрами.» Американцамъ Маколей не можетъ предсказать и такого успѣшнаго исхода: «ваше правительство никогда не будетъ въ состояніи усмирить бѣдствующее и недовольное большинство, потому что у васъ правительство есть именно это большинство.»

Какой другой исходъ между близорукостью и недобросовѣстностью представляется для историка и публициста, разсуждающаго такимъ образомъ? Какова смѣлость плакать о людяхъ, что они будутъ имѣть возможность сами пособить своему горю? Все заставляетъ думать, что Маколею нѣтъ оправданія въ такой глупости, и что подобное міросозерцаніе у него сознательно. Онъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что былъ бы готовъ подать мнѣніе за всеобщую подачу голосовъ, если бы «между всѣми работниками былъ распространенъ значительный уровень образованія, если бы у нихъ никогда не было недостатка въ работѣ, если бы заработная плата всегда была высока, хлѣбъ всегда дешевъ, если бы большая семья не была для нихъ бременемъ, а божіимъ благословеніемъ.» Все это чрезвычайно согласуется съ разсужденіями о благосостояніи Ленкашайра и о прихоти рабочихъ не ѣсть вкусную и здоровую рыбную пищу. Когда дѣло идетъ о благахъ конституціи, тогда положеніе рабочихъ оказывается завид-
отд. II. 3

нымъ; а когда ктонибудь заикается о дарованіи политическихъ правъ этимъ счастливымъ, тогда тотъ же публицистъ восклицаетъ въ порывѣ благороднаго негодованія: «Я не желаю бы видѣть въ Англіи тиранію нищихъ!»

И этими-то возгласами Маколей спасъ, по мнѣнію г. Вышинскаго, Европу отъ увлеченія демагогическими сатурналіями! Какъ подумаешь, каковой вздоръ можно было молотъ у насъ нѣскольکو лѣтъ тому назадъ во всеуслышаніе, не лишаясь репутаціи порядочнаго человѣка и даже участвуя въ одномъ изданіи съ лучшими и самыми передовыми людьми!

Въ настоящее время, я полагаю, кромѣ почитателей «Московскихъ Вѣдомостей» и «Вѣсти», всякій расхохочется падъ нелѣпостями социальныхъ понятій Маколей и его біографа, надъ всѣми атрибутами либеральнаго краснорѣчія, надъ этими «сатурналіями», «потоками авархій», «разгуломъ дикихъ страстей» и т. д., въ которые облечены эти нелѣпости. Но, быть можетъ, у нѣкоторыхъ, не смотря на всѣ предыдущіе примѣры, останется вѣра въ ясность политическихъ взглядовъ Маколей, поселенная его громкими фразами о тираніи и свободѣ. Мы уже видѣли, какъ онъ смотритъ на свободу совѣсти. Чтобы окончательно убѣдиться въ его политическомъ поднепствѣ взглянемъ, какіе принципы и какія мѣры защищаютъ онъ, говоря о царствованіи Вильгельма.

Было бы очень долго распространяться о всѣхъ нелиберальныхъ мѣрахъ Вильгельма, которыя одобряетъ этотъ извѣстный либераль и вигъ. Достаточно упомянуть, что въ немъ находятъ себѣ сочувствіе и отмѣна Habeas Corpus акта, и гоненія, воздвигнутія королемъ на своихъ политическихъ противниковъ, и незаконное покровительство, которое онъ, вопреки желанію парламента, оказывалъ чиновникамъ, что возбудило противъ нихъ общую ненависть.

Во всѣхъ этихъ вопросахъ Маколей является писателемъ безъ всякихъ убѣжденій или, лучше сказать, имѣющимъ только одно убѣжденіе, что лучше всего то, что выгодно для виговъ и торіевъ. Но гдѣ всего яснѣе обнаруживается, чего стоитъ либерализмъ такихъ людей, и на сколько можно вѣрить ихъ фразамъ—это въ исторіи ирландскаго возстанія, вспыхнувшаго вслѣдъ за изгнаніемъ Іакова.

Положеніе въ Ирландіи туземца и католика, весьма незавидное и теперь, превосходило въ то время все, что только можно представить себѣ печальнаго. Маколей и не думаетъ скрывать этого; напротивъ, подробно говоритъ о страданіяхъ несчастнаго покореннаго племени, но говоритъ съ тѣмъ характеристическимъ омер-

звѣнемъ, съ какимъ самодовольные буржуа, воображающіе себя очень милыми и цивилизованными людьми, цвѣтомъ человѣчества, говорятъ о жалкихъ грубыхъ массахъ. Этого мало: Маколей прямо говоритъ, что бѣдствія и рабство ирландцевъ были необходимы, что они вполне соответствовали требованіямъ справедливости или, какъ говоритъ мистеръ Подснепъ, что съ ихъ стороны искать независимости—«значило возставать на рѣшеніе Провидѣнія!» «Одна часть государства (т. е. Ирландія), говоритъ онъ, находилась въ такомъ горестномъ положеніи, что бѣдствіе ея было необходимо для нашего (подснепскаго) счастья, и рабство ея необходимо было для нашей (подснепской) свободы.» (Т. I, 33). «Не могло быть равенства между людьми, жившими въ домахъ, и людьми, жившими въ хлѣвахъ; между людьми, питавшимися хлѣбомъ, и людьми, питавшимися картофелемъ». (Т. VII, 357).

Не значить ли это понимать и защищать принципъ національной независимости? И если не значить, то кто разрѣшить мудреную загадку, на какомъ основаніи его, англійскаго Каткова, считали и считаютъ либераломъ и поборникомъ свободы? И далѣе, когда ирландцы возстали и показали англійскимъ поработителямъ, что они также не хуже ихъ умѣютъ ѣсть хлѣбъ и отстаивать независимость, въ какое благородное негодованіе приводитъ либеральнаго историка ихъ неумѣренность въ употребленіи мясной пищи съ голода, и какъ онъ умѣетъ скоро забыть все, что проповѣдывалъ либеральнымъ тономъ объ отвѣтственности угнетателей за жестокости угнетенныхъ въ день разсчета! И когда еще далѣе, Вильгельмъ съ голландскими войсками оружіемъ подавляетъ возстаніе, Маколей находитъ достойнымъ порицанія не то, что онъ грабилъ ирландцевъ, а только то, что онъ грабилъ ихъ, въ пользу своихъ голландцевъ, а не англичанъ!

Такимъ образомъ мы видимъ, что Маколей всюду остается вѣренъ себѣ, своему подснепскому міросозерцанію. Въ политическихъ національныхъ вопросахъ онъ точно также смотритъ на вещи съ точки зрѣнія выгоды привилегированныхъ классовъ, какъ и въ соціальныхъ. Исторія національныхъ отношеній, какъ и исторія отношеній между сословіями, имѣетъ для него интересъ и важность только съ точки зрѣнія выгодъ людей, «встающихъ въ во семь и брѣющихся въ четверть девятаго.» Онъ одобряетъ все, что имъ выгодно и негодуетъ на все, что имъ идетъ въ ущербъ.

Что же послѣ этого остается въ Маколей привлекательнаго? Развѣ то, что онъ «мастеръ отыскивать историческія аналогіи и объяснять посредствомъ ихъ разныя событія». Развѣ «искусная

группировка материала, гармоническое распределение света и тѣней, живой колоритъ, обиліе поэтическихъ сравненій, пластическая оконченность фигуръ, живой, нерѣдко величественный и вездѣ свѣжій языкъ?» Развѣ «staccato коротенькихъ, но сильныхъ предложений, которыя поднимаются въ постоянномъ crescendo и доходятъ до fortissimo тамъ, гдѣ мѣсто для самаго сильнаго эффекта, для самаго патетическаго момента, для самой яркой краски въ картинѣ, и потомъ опять начинается плавное moderato болѣе длинныхъ періодовъ и предложений?» Развѣ сравненіе термидора съ разсвѣтомъ полярнаго лѣтняго дня послѣ полярной зимней ночи? Но ни все это, ни остроумныя соображенія о томъ, какъ бы все счастливо обошлось во Франціи, не умри такъ рано герцогъ Бургундскій (Т. II, 139); ни пламенное краснорѣчіе, вопрошающее читателя: «Подчинится ли запрыжѣ дикій осель? Станетъ ли служить единогоръ и жить въ стойлѣ? Подставить ли левиафанъ свои ноздри подъ кровъ?» (Т. I, 177) — никакія подобныя прелести не возвысятъ Маколея въ глазахъ мыслящаго человѣка за крайнюю узкость взгляда, за обскурантизмъ понятій, за сочувствіе сословному игу, за непониманіе свободы совѣсти, за симпатію къ поработченію одной націи другою.

Пусть почерпаютъ изъ многочисленныхъ томовъ Маколея фразы краснорѣчія гг. Вызицкіе и Скарятинны, Маколеи «Голоса» и «Московскихъ Вѣдомостей». Имъ, и только имъ, онъ можетъ послужить съ пользою и снабдить ихъ всѣми ораторскими украшеніями, «сатурналіями» и «разгулами», для ихъ передовыхъ статей. Въ порядочномъ же человѣкѣ, чтеніе Маколея не можетъ возбудить ничего, кромѣ сожалѣнія о потерянномъ времени.

В. Зайцевъ.

МИЛЛЬ.

ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ. СОЧИНЕНІЕ *Джона Стюарта Милля*, въ двухъ томахъ. ТОМЪ I.—ИЗДАНИЕ А. Н. ПИНИНА. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1865 г.

Въ замѣткѣ «отъ издателя» этого переводнаго сочиненія, между прочимъ, говорится:

«Цѣль перевода Милля—дать русскому читателю книгу, признанную (?) за лучшее, самое вѣрное и глубокомысленное изложеніе теоріи, основанной Адамомъ Смитомъ,—дать читателю доказательство, что большая часть ходячихъ экономическихъ предразсудковъ вовсе не принадлежатъ къ строгой наукѣ, а должна считаться только искаженіемъ ея, сочиненнымъ нынѣшними французскими такъ называемыми экономистами по внушенію трусости».

Кто же, однако, признаетъ Милля «вѣрнымъ и глубокомысленнымъ» послѣдователемъ Адама Смита?—Тѣ же самые французскіе такъ называемые экономисты, которые изъ трусости искажаютъ науку (*). Они-то и расхваливаютъ Милля, какъ своего собрата и единомышленника; они-то и признаютъ его своимъ авторитетомъ, конечно, за то, что онъ съумѣлъ искусище другихъ лже-экономистовъ извратить смыслъ экономической науки.

Самъ же Милль вовсе не считаетъ себя проповѣдникомъ ученія Адама Смита. Въ предисловіи къ своему сочиненію онъ говоритъ: «*Опытъ о богатствѣ народовъ*» вообще устарѣлъ и во всѣхъ частяхъ неудовлетворителенъ. Политическая экономія была при Адамѣ Смитѣ во младенчествѣ и съ тѣхъ поръ возмужала (!!), а общественная философія сдѣлала много шаговъ впередъ съ того положенія, въ какомъ онъ ее оставилъ. — Не смотря на эти переибы, до сихъ

(*) См. *Journal des économistes*, 2 série, t. VII, p. 52.

поръ еще не было сдѣлано попытокъ соединить *практическій методъ* Адама Смита съ развитіемъ знанія, полученнымъ теоріей политической экономіи, и представить экономическія явленія общества по ихъ отношенію къ лучшимъ идеямъ нынѣшняго времени, какъ онъ съ удивительнымъ успѣхомъ *излагалъ эти явленія въ духъ философіи своего вѣка*. Такова мысль, которою руководился авторъ этого сочиненія».

И такъ, по мнѣнію Милля, оказывается, — что 1) экономическая теорія Адама Смита стара и неудовлетворительна; 2) со времени появленія «Опыта о богатствѣ народовъ» политическая экономія сдѣлала большіе успѣхи; 3) Адамъ Смитъ замѣчательнъ только тѣмъ, что ввелъ въ нее *практическій методъ* изслѣдованія и судилъ объ экономическихъ явленіяхъ не только съ теоретической, но съ философской и практической точки зрѣнія; 4) до сихъ поръ экономисты не пользовались методомъ Адама Смита, и 5) въ настоящее время его методъ слѣдуетъ опять примѣнять къ политической экономіи, въ духъ современной философіи.

Устарѣлая теорія Адама Смита не годится для Милля; поэтому его нельзя назвать «вѣрнымъ и глубокомысленнымъ» послѣдователемъ основателя политической экономіи. Но Миллю понравился *практическій методъ* Адама Смита и онъ вздумалъ подражать ему. Съ какою цѣлью?—Съ цѣлью отличиться отъ прочихъ экономистовъ, приобрести популярность и стать философомъ-экономистомъ, великимъ мыслителемъ въ глазахъ вѣдотвъ и практическихъ людей. «Адамъ Смитъ, говоритъ Милль, далъ основательный методъ пользоваться принципами политической экономіи въ практическихъ дѣлахъ, и вотъ причина, по которой *изъ всѣхъ* трактатовъ о политической экономіи *одинъ* «Опытъ о богатствѣ народовъ» приобрѣлъ популярность въ публикѣ и сильно отпечатлѣлся въ мысляхъ практическихъ людей и законодателей».

Изъ этихъ словъ слѣдуетъ вывести два заключенія: 1) честолюбивый Милль съ своимъ *практическимъ методомъ* надѣется прослыть вторымъ Адамомъ Смитомъ и стяжать громкую извѣстность и неувядаемую славу, и 2) всѣ экономисты, послѣ Смита, не заслужили вниманія публики, и сочиненія ихъ не имѣли вліянія на умы современниковъ. — Какая лестная похвала экономистамъ! И какъ они должны гордиться своей *возмужалой* наукой, которая такъ *безплодно* просуществовала божье полувѣка! Всѣ эти Мальтусы, Сен, Рикардо,

Россія, Бастія и tutti quanti, извергавшіе разныя экономическія теоріи, — всё они ничтожны, всё прошли «безъ шума и слѣда».

И прахъ ихъ, съ строгостью судьбы-экономиста,
Милль оскорбилъ презрительнымъ словомъ,
Язвительной насмѣшкой торгаша-артиста
Надъ промотавшимся купцомъ.

«Быть можетъ, замѣчаетъ Милль, довольно бы сказать, что *ни одинъ* изъ существующихъ трактатовъ о политической экономіи не заключаетъ въ себѣ новѣйшихъ усовершенствованій (?), сдѣланныхъ въ теоріи этой науки... Но пополненіе пробѣловъ, находящихся въ прежнихъ общихъ трактатахъ о политической экономіи, было не единственною и *не главною* (?) цѣлью автора. Книга его различается еще своимъ планомъ *отъ всѣхъ* подобныхъ трактатовъ, являвшихся послѣ творенія Адама Смита». (Предисловіе).

Авторское хвастовство Милля можно сравнить только съ безстыдствомъ лавочника, который желаетъ показать товаръ лицомъ и обращается къ публикѣ съ такой рѣчью: «быть можетъ, довольно бы сказать, что ни одна изъ существующихъ лавочекъ не имѣетъ свѣжихъ припасовъ и новыхъ товаровъ лучшей выдѣлки. Этого, однако, мало! Вотъ почему я спѣшу объявить, что въ моей лавочкѣ исключительно продаются вещи перваго, наивысшаго сорта и самыя модныя издѣлія извѣстнѣйшихъ фабрикъ. Наполнить лавочку такимъ превосходнымъ товаромъ было, впрочемъ, не единственною и не главною моею цѣлью. Нѣтъ, почтеннѣйшая публика: лавочка моя отличается отъ всѣхъ прочихъ болѣе всего красивой вывѣской, искусной установкой и заманчивой выставкой товаровъ».

Неприличная реклама, которую помѣстилъ Милль въ предисловіи къ своему сочиненію, ставитъ его въ разрядъ самыхъ беззащитныхъ торгашей, зазывающихъ публику въ свои лавочки. Какъ объяснить это самоуниженіе почтеннаго джентльмена? Быть можетъ ему, какъ практическому человѣку, хотѣлось повыгоднѣе сбыть свое издѣліе? Но если, по увѣренію самого Милля, барышъ есть награда за воздержаніе и умѣренность (стр. 454), то почему, въ своемъ предисловіи, онъ не воздержался отъ самохвальства? Или онъ опасался, что его не оцѣнятъ и не обратятъ вниманія даже на то, что ему хочется стать генераломъ отъ политической экономіи? Это опасеніе оказалось совершенно напраснымъ. Тѣ самыя экономисты,

о которых Милль отыщется съ едва-скрытымъ презрѣніемъ, раболѣпно возвеличили его, произвели въ буржуазные совѣтники и въ кавалеры ордена Мальтуса 1-й степени. Но допустимъ даже, что Милль, по недалновидности, вовсе не ожидалъ такого быстрого повышенія въ чинъ первокласснаго экономиста и потому сначала рѣшился самъ отрекомендовать себя публикѣ, съ однимъ расчетомъ на прибыльной сбытъ своего экономическаго романа. Однако и въ этомъ случаѣ, если не въ первомъ, то, по крайней мѣрѣ, въ прочихъ четырехъ изданіяхъ «Основаній политической экономіи», Милль долженъ былъ измѣнить свое предисловіе и отказаться отъ неумѣстнаго хвастовства: того требовало не общественное, а даже торговое приличіе, котораго не забываетъ самый навязчивый разнощикъ.

Впрочемъ, говоря по правдѣ, Милль не могъ скромно отъываться о достоинствахъ своего сочиненія. Онъ зналъ, что оказываетъ огромную услугу тому классу читателей, которые ищутъ въ экономическихъ книгахъ только софистику, усыпляющую печистую совѣсть. Онъ зналъ, какая публика въ Англіи нуждается въ этой софистикѣ, и былъ вполне убѣжденъ, что удовлетворяетъ ея запросу на систематическое пзращеніе общественной совѣсти. Онъ зналъ, вѣрилъ и надѣялся, что подобная публика съ восторгомъ станетъ слушать его, какъ защитника самыхъ грязныхъ интересовъ, — и потому, отбросивъ всякое приличіе, написалъ «книгу практическую» и швырнулъ ее въ публику, съ полной увѣренностію, что англійская буржуазія пойметъ и оцѣнитъ автора.

Какъ отъявленный британскій буржуа, Милль желалъ оправдать экономическую ложь Англіи и воспѣть прелесть лихоимства и тунеядства. Съ этой цѣлью онъ написалъ свои «Основанія политической экономіи съ ихъ примѣненіями къ общественной философіи». Подъ словами «общественная философія» Милль разумѣетъ житейскую мудрость той англійской лицемерной и развратной буржуазіи, которую онъ считаетъ цвѣтомъ человѣчества.

«Политическая система Англіи, говоритъ Милль, дѣлаетъ *богатство* истиннымъ источникомъ политической власти, личнаго высокаго положенія, мѣриломъ и свидѣтельствомъ успѣха въ жизни. Подняться изъ одного общественнаго круга въ другой, *высшій* кругъ—вотъ главная цѣль средняго сословія (т. е. буржуазіи) въ Англіи; а средствомъ къ тому служитъ богатство. Но быть боа-

тѣмъ, не работая, до сихъ поръ считается положеніемъ болѣе почетнымъ, чѣмъ *приобрѣтать богатство трудомъ*; поэтому цѣлью честолюбія становится то, чтобы довести свои сбереженія до размѣра, не только дающаго *большой барышъ*, при промышленномъ употребленіи, но и по прекращеніи занятій доставляющаго *изобильный доходъ*» (стр. 218—19).

Съ такимъ возмутительнымъ цинизмомъ раскрываетъ намъ Милль тайны англійской буржуазіи, къ которой онъ принадлежитъ по рожденію, воспитанію и убѣжденіямъ. Хоть бы одно слово порицанія сорвалось у него, когда онъ говоритъ о цѣляхъ и стремленіяхъ той буржуазіи, въ которой корыстолюбіе убило всякое человеческое нравственное чувство! Нѣтъ, Милль самъ буржуа до мозга костей, и все человеческое, небуржуазное ему чуждо. Притомъ же онъ — политико-экономъ, а по его словамъ — политико-эконому не слѣдуетъ признавать въ человѣкѣ никакихъ другихъ чувствъ и побужденій, кромѣ отвращенія къ труду и страсти къ лихонимству и обогащенію.

Въ своей «Системѣ логики» Милль проповѣдуетъ, что политическая экономія изучаетъ только тѣ явленія общественной жизни, которыя порождаются аичностью стяжанія богатства. «*Отвращеніе къ труду* и жажда непосредственнаго наслажденія дорогими благами жизни — вотъ тѣ побужденія, которыя она признаетъ исключительными и безусловными правилами всѣхъ человеческихъ поступковъ. — Конечно, ни одинъ политико-экономъ не былъ еще такъ глупъ, чтобы предполагать, будто человечество дѣйствительно ведетъ себя по этимъ правиламъ; но съ этой точки зрѣнія все-таки необходимо изучать науку». (J. St. Mill. System of Logic, book VI. ch. 8).

Вотъ смыслъ политической экономіи! И Милль осмѣливается еще называть ее наукой! — И ни одинъ политико-экономъ не возмущается тѣмъ, что онъ доказываетъ, будто эта наука должна изучать только корыстные побужденія человѣка! И ни одинъ изъ нихъ не заявилъ, что, при такомъ значеніи политической экономіи, называться экономистомъ — значитъ позорить себя въ глазахъ здравомыслящихъ и честныхъ людей!

«Богатство — предметъ изученія политической экономіи», говоритъ Милль, и всѣ экономисты вторятъ ему. «Всѣ знаютъ, продолжаетъ невозмутимый буржуа, что быть богатымъ — дѣло одного рода, а быть просвѣщеннымъ, мужественнымъ или гуманнымъ — дѣло иного рода; вопросы о томъ, отчего нація становится богатой, совершенно

различны отъ изученія того, отчего она становится свободной, или нравственной, или славной литературой, искусствами и т. п. Правда, всё эти вопросы косвенно связаны между собою взаимнымъ влияніемъ. — Но при всей связи между собой, эти вопросы *совершенно различны*, и никто въ томъ никогда не сомнѣвался» (стр. 6. I Т.). Такъ разсуждаетъ Милль, и экономисты ловятъ на лету каждое слово своего мудраго учителя. *Magister dixit!* — Обогащайтесь, наживайтесь всёми неправдами; валяйтесь въ грязи разврата, будьте рабами, трусами, невѣждами; — намъ, экономистамъ, нѣтъ до этого дѣла, лишь бы мы только знали, что вы стремитесь къ богатству, тунеядству, лихоимству и читаете сочиненія о политической экономіи, когда васъ гложетъ совѣсть. Съ моралью Милля вамъ легко будетъ заглушить ея голосъ и отказаться отъ всякаго человѣческаго достоинства.

Безнравственность ученія такого экономиста, какъ Милль, — очевидна. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, найти признакъ нравственнаго смысла въ ученіи, которое проповѣдуетъ одну лишь страсть къ стяжанію богатства, помимо всёхъ другихъ стремленій человѣка къ своему развитію! Свобода, совѣсть, право, всё эти понятія чужды для Милля. Рабство онъ признаетъ необходимымъ для дикарей, а на освобожденіе крѣпостныхъ въ Европѣ смотритъ, какъ на выгодную спекуляцію капиталистовъ. Вотъ подлинныя слова этого проповѣдника эксплуатаціи рабочаго народа.

«Надобно сказать, что есть дикія племена (?), которымъ регулярный трудъ чрезвычайно противенъ и между которыми едва ли онъ водворится, пока они не будутъ завоеваны и *обращены въ рабство* или сами не станутъ завоевателями и не обратятъ въ рабство другихъ» (стр. 298).

Тутъ Милль говоритъ объ отвращеніи къ труду дикарей. Но раньше онъ доказывалъ, что англійская буржуазія тоже не любитъ трудиться и живетъ въ праздности и тунеядствѣ. И такъ, почему же онъ не посоветуетъ обратить буржуа въ такихъ же рабовъ, какъ и дикарей? На этотъ логическій вопросъ Милль даетъ такой отвѣтъ: «Быть богатымъ не работа считается (разумѣется буржуазіей) положеніемъ болѣе почетнымъ, чѣмъ приобрѣтать богатство трудомъ» (стр. 219). — Такъ вотъ почему праздная и лихоимствующая англійская буржуазія захватила въ свои руки власть и богатство и обратила рабочихъ въ рабовъ! «Рабочее сословіе Англии, говоритъ Милль,

имѣть такъ мало возможности избирать себѣ занятіе и практически такъ зависить отъ чужой воли (т. е. отъ буржуазіи), что меньшею свободой могло бы пользоваться развѣ при совершенномъ рабствѣ» (стр. 257).

Разсуждая далѣе о рабствѣ, Милль замѣчаетъ: «Рабство или свободный трудъ выгоднѣе для хозяина (буржуа) — это зависить отъ величины платы вольному работнику. — Упадокъ рабства въ Европѣ и его уничтоженіе на Западѣ, эти перемѣны были ускорены измѣненіемъ въ денежныхъ расчетахъ хозяевъ-капиталистовъ. — Нельзя и вообразить себѣ, чтобы рабство могло быть выгодно при той величинѣ рабочей платы, какая существуетъ въ Ирландіи или въ Англіи, гдѣ трудъ, пропорціонально своей успѣшности, такъ же *дешевъ*, какъ и въ Ирландіи. Если бы ирландскіе носеляне были рабы, то владѣльцы ихъ охотно бы заплатили большія суммы, лишь бы избавиться отъ рабовъ» (стр. 300).

Всѣ эти разсужденія Милля еще болѣе убѣждаютъ насъ, что развратъ и низость чувства неизбежно искажаютъ мыслительныя способности и доводятъ человѣка до идиотизма. Когда Милль говоритъ о рабствѣ, то въ его словахъ нѣтъ не только нравственнаго, но даже простого здраваго смысла. Начиная съ того, что судить о рабствѣ съ точки зрѣнія рабовладѣльца — недобросовѣстно; затѣмъ, доказывать, что рабство *невыгодно* потому, что содержать раба гораздо дороже, чѣмъ платить свободному работнику — вѣрнее безнравственно; — наконецъ, говорить объ уничтоженіи рабства въ западной Европѣ, и въ тоже самое время утверждать, что рабочее населеніе Запада находится почти въ *совершенномъ* рабствѣ — значитъ впадать въ явное противорѣчіе и бессмыслицу.

Для Милля — вопросъ о богатствѣ не имѣетъ ничего общаго съ вопросомъ о чести. Для него — интересы англійской буржуазіи, ея денежные расчеты и барыши, ея страсть къ лихоимству и тунеядству выражаютъ весь смыслъ общественной жизни и философской мудрости. Вотъ почему онъ разсуждаетъ о рабствѣ, какъ плантаторъ, и доказываетъ потомъ, что при настоящемъ бѣдственномъ положеніи вольнорабочихъ, которые получаютъ самую ничтожную плату, прежнее крѣпостное право не можетъ быть выгодно для буржуазіи: оно разорить ее... въ пользу рабочаго народа!

Милль проповѣдуетъ такъ называемый «утилитаризмъ» или ученіе о пользѣ, какъ принципъ нравственности. Но разсуждая о рабствѣ, Милль

впадаетъ въ явное противорѣчiе и нелѣпость, которая заставляетъ сильно сомнѣваться въ его разсудительности.—«Все, что полезно, выгодно, то и нравственно», утверждаетъ Милль. Положимъ, что такъ. Но спрашивается: кому же должно быть выгодно, полезно? Другими словами: какой интересъ можетъ быть названъ нравственнымъ — личный или сословный, или общественный? На этотъ вопросъ Милль отвѣчаетъ: «Общество между людьми, за исключенiемъ отношенiй господина и раба, очевидно возможно только подъ условiемъ, чтобы интересы всѣхъ были соблюдены. Общество между равными можетъ существовать только тогда, когда они поймутъ, что интересы всѣхъ должны одинаково уважаться.» (Разсуд. и Исслѣд. стр. 338—40).—Изъ этихъ словъ видно, что Милль признаетъ не одну личную или сословную, но и общественную пользу, какъ уравниенiе всѣхъ частныхъ интересовъ и какъ условiе существованiя самого общества. Не признавать общей пользы или подчинять ее личному и сословному интересу Милль нѣ смѣетъ; иначе его ученiе о пользѣ обратится въ уставъ разбоя и грабежа. И такъ, если, на основанiи утилитаризма, Милль убѣжденъ, что интересы всѣхъ должны одинаково уважаться, то почему онъ рѣшается говорить о рабствѣ въ интересахъ буржуазiи? Почему онъ не только не уважаетъ, но даже не признаетъ интересовъ самаго многочисленнаго и бѣднаго класса рабочихъ? Или онъ полагаетъ, что общество должно состоять только изъ барышниковъ и туенядцевъ, которымъ слѣдуетъ жить въ «почетной» праздности? Въ такомъ случаѣ зачѣмъ было уничтожить рабство и крѣпостное право? «Содержать раба обходится дороже, чѣмъ нанимать вольнаго работника. При той ничтожной платѣ, какую даютъ теперь наемнику, рабство не можетъ быть выгодно». — Такъ разсуждаетъ Милль и этимъ разсужденiемъ доказываетъ, что его ученiе объ общественной пользѣ сводится на проповѣдь объ интересахъ буржуазiи. Что же касается уничтоженiя рабства, то въ этомъ отношенiи онъ видитъ только политическую реформу, которая обратила крѣпостной людемъ аристократiи въ рыночный товаръ съ тѣмъ, чтобы буржуазiя повупала его по самой дешевой цѣнѣ. Эта реформа довела рабочiй народъ до такого жалкаго состоянiя, что, по словамъ самаго Милля, онъ пользуется теперь меньшею свободой, чѣмъ прежде. — Вотъ благодѣтельная эмансипацiя, которою такъ гордится Западъ! И послѣ этого Милль имѣлъ смѣлость говорить, что «славянскiя нацiи, по своей отсталости, будутъ обязаны освобожденiемъ отъ крѣпостнаго

права «скорѣе вліянію початій передовыхъ странъ, чѣмъ быстротѣ своихъ собственныхъ успѣховъ на пути развитія!» (стр. 301). — Согнать крестьянъ съ земли, которую они удобрили своимъ потомъ, провѣю и бесплатнымъ трудомъ, отдать ихъ въ жертву алчной буржуазіи и осудить на нищету, голодъ и преждевременную смерть — вотъ смыслъ освобожденія крѣпостныхъ на Западѣ, вотъ та экономическая реформа, которая легла въ основаніе современнаго устройства Европы.

Милль хвалитъ политическія учрежденія Англіи за то, что «они даютъ самое прямое и сильное возбуденіе стремленію обогащаться» (стр. 218). Въ этой похвалѣ такъ и виднѣтъ самодовольный буржуа, который признаетъ истиннымъ, справедливымъ и нравственнымъ только то, что даетъ вѣрные барыщи и подстрекаетъ на лихоимство. Вотъ почему Милль оправдываетъ внутренніе государственные займы, которые въ Англіи достигаютъ громадной суммы — пяти тысячъ милліоновъ рублей и приносятъ буржуазіи 165 милліоновъ годового дохода, т. е. 40% общаго государственнаго сбора. Вотъ что значитъ «давать прямое и сильное возбуденіе къ обогащенію» на счетъ рабочаго народа. Постоянная забота объ интересахъ ростовщиковъ и дармоедовъ до того увлекаетъ Милля, что онъ берется защищать всякую очевидную несправедливость, если видитъ только, что она наноситъ положительный вредъ рабочимъ. Онъ питаетъ къ нимъ самую непритворную ненависть и не стыдится заявлять ее въ каждомъ своемъ разсужденіи. Такъ, напримѣръ, доказывая выгоды займовъ, онъ говоритъ: «Предположимъ, что вся занятая и уничтоженная правительствомъ сумма богатствъ, была вынута заемодавцами изъ производительнаго употребленія. — Въ такомъ случаѣ капиталъ страны уменьшенъ на всю величину этой суммы. — Заемъ не могъ быть взятъ изъ той части капитала, которая состоитъ въ инструментахъ, машинахъ и зданіяхъ. Онъ весь долженъ быть взятъ изъ той части капитала, которая служитъ платою работникамъ, и работники пострадали отъ займа пропорціонально взятой суммѣ. Но (слушайте!) если никто изъ нихъ не умеръ съ голоду, если рабочая плата могла вынести (?) такое] уменьшеніе, или если благотворительность отвращала отъ работниковъ совершенное отсутствіе продовольствія, то пѣтъ причины, почему бы трудъ ихъ въ слѣдующемъ году пронавалъ меньше, чѣмъ въ предыдущемъ. Если они, т. е. рабочіе, за плату, уменьшенную на извѣстное число милліо-

новъ, произведутъ столько же, какъ и прежде, то *эти миллионы будутъ вытравлены изъ хозяевами*. Такимъ образомъ немедленно возстановится уронъ, нанесенный капиталу, хотя и возстановится онъ лишениями и часто сильною нищетой рабочаго класса. Вотъ дѣйствительная причина, почему такіе періоды, даже при самыхъ невыгодныхъ обстоятельствахъ, очень могутъ быть временами *большаго вытравливанія для тѣхъ, благосостояніе которыхъ считается во мнѣніи общества за національное благосостояніе*» (стр. 101—5).

Вотъ онъ, великій политико-экономъ, несравненный мыслитель, который, по увѣренію г. Антоновича и комп., «пишетъ только во имя истины!» Да есть ли въ немъ хотя искра, не говорю—правдивнаго, но даже здраваго смысла, когда онъ рѣшается разсуждать такимъ образомъ! Вникните въ смыслъ словъ этого отъявленнаго софиста, разберите логически каждую фразу, обсудите его выводы и заключенія—и васъ ужаснетъ невольно тотъ умственный развратъ, до котораго способенъ доходить только ученый, желающій оправдать вопіющую неправду и ложь! Тутъ вовсе не нужно быть экономистомъ, чтобы разоблачить софистику Милля и понять, почему онъ разсуждаетъ такъ, а не иначе. Дѣло въ томъ, что онъ постоянно имѣетъ въ виду интересы англійской буржуазіи и во имя ея проповѣдуетъ, что цѣль жизни—обогащеніе безъ труда—оправдываетъ всѣ средства, которыми можно заставить рабочихъ трудиться безъ усталы и за самую ничтожную плату. Съ этой точки зрѣнія, Милль доказываетъ и пользу займовъ, которые осуждаютъ рабочихъ на страшныя лишенія и нищету, а лихонцамъ даютъ возможность увеличивать свои барыши и заниматься биржевой игрой на повышеніе и пониженіе курса государственныхъ бумагъ. Выгоды займовъ для буржуазіи такъ очевидны, что она охотно сужаетъ правительству свои денежные капиталы и безъ риска получаетъ доходы, обезпеченные ежегоднымъ вниманіемъ податей съ рабочаго народа, который принужденъ поэтому трудиться все больше и больше за меньшую и меньшую плату.—Буржуазія, которая владѣетъ домами, землей, фабриками, заводами, по словамъ Милля, ничего не теряетъ при займахъ, потому что отдаетъ въ долгъ правительству не свое недвижимое имущество, а только деньги, назначенныя для найма рабочихъ. Весь заемъ, говоритъ онъ, берется изъ того капитала, которымъ оплачивается работа, и работники *страдаютъ* отъ всякаго займа пропорціонально отданной въ долгъ суммѣ. Но рабо-

чіе постоянно нуждаются въ работѣ и волей неволей должны наниматься даже за самую ничтожную плату, которая притомъ безпре- станно понижается, вслѣдствіе наплыва и соперничества самихъ ра- ботниковъ. Вотъ почему, замѣчаетъ Милль, нельзя предполагать, что, при уменьшенной задѣльной платѣ, рабочіе стануть трудиться меньше прежняго; напротивъ того, если хозяинъ видитъ, что наем- никъ сильно нуждается въ работѣ и продаетъ свой трудъ по самой дешевой цѣнѣ, то онъ можетъ даже заставить его работать вдвое больше одной лишь угрозою отнять отъ него работу и передать ее другому наемнику на болѣе выгодныхъ для себя условіяхъ. Въ Ан- гліи часто бывають примѣры, что рабочіе, избѣгая голодной смерти, соглашались получать не денежную плату, а ежедневную порцію хлѣба, какъ бы изъ милости. Если рабочій не умеръ съ голоду, если благотворительность (!), говоритъ Милль, спасаетъ его отъ недостатка продовольствія, то нѣтъ причины, почему бы работа стала менѣ производительной. Но если рабочіе произведутъ всегда столько, сколько имъ прикажутъ, то всѣ милліоны, какіе останутся отъ сокращенія платы работникамъ, перейдутъ въ карманы ихъ хо- зяевъ. Такимъ образомъ, заключаетъ Милль, «немедленно возста- новится уронъ, нанесенный капиталу» займами правительства. По- страдають и обнищаютъ, конечно, работники; за то возрадуются и обогатятся лихомцы-буржуа, «благосостояніе которыхъ считается на- ціональнымъ благосостояніемъ». Другими словами, Милль хочетъ сказать, что въ Англій рабочій народъ не народъ, а стадо домашнихъ животныхъ, которыя плодятся и работаютъ для удовлетворенія же- ланій и прихотей лихомцевъ, живущихъ въ «почетной» праздности.

Мы видѣли, какъ Милль совѣтуетъ обращать дикарей въ рабство и какъ онъ доказываетъ невыгоды вѣрнопостнаго права, потому что вольно-рабочему стало хуже теперь на свободѣ, чѣмъ прежде въ не- волѣ. Мы показали, вѣдѣмъ, какъ смотритъ Милль на обществен- ные интересы, почему признаетъ справедливымъ одно лишь барыш- ничество и на какомъ основаніи говоритъ о пользѣ государствен- ныхъ займовъ, которые «можно тратить непрожоводительно, не иѣшая капитала значительно увеличиваться» (стр. 109). Кромѣ этихъ эконо- мическихъ негѣпостей, въ одномъ томѣ сочиненія Милля найдется мно- жество такихъ замѣчательныхъ софизмовъ и гнусныхъ правилъ и вы- водовъ, которые обратятъ имя этого писателя въ синонимъ англій- скаго слова «Rascal». Имя экономиста Милля будетъ пользоваться

такую же известностью, какую приобрѣло имя іезуита Ескобара, которое на французскомъ языкѣ означаетъ «хитрый плутъ». Даже въ настоящее время говорить о Миллѣ, значитъ указывать на такого софиста, который не пренебрегаетъ никакими извращенными идеями, пошлыми предрассудками и коварными выдумками, для оправданія того, что осуждаетъ здравый смыслъ и совѣсть. Какъ намъ ни противно разбирать теорію Милля о нищетѣ и рабствѣ рабочаго народа; какъ бы намъ ни хотѣлось избавиться отъ необходимости дѣлать выписки изъ его сочиненія,—но мы осудили себя на этотъ трудъ въ надеждѣ, что наше слово не пропадетъ безслѣдно и что найдутся читатели, которые будутъ смотрѣть на Милля совсѣмъ не такъ, какъ желаетъ, напримѣръ, г. Антоновичъ, незнающій даже азбуки экономической науки.

Смѣлость, доходящая до наглости, съ какою Милль разсуждаетъ обо всемъ, поистинѣ изумительна. Онъ презираетъ не только здравый смыслъ большинства людей, но и сужденія тѣхъ ученыхъ, которые не забываютъ нравственнаго приличія и не рѣшаются оправдывать самыхъ пагубныхъ явленій народной жизни, какъ напр. войну, нищету и страданіе рабочаго населенія. Вотъ какъ разсуждаетъ невозмутимый Милль о послѣдствіяхъ войны: «Непріятель опустошаетъ страну огнемъ и мечемъ, разрушаетъ или увозитъ почти все движимое ея имущество; всѣ жители разорены; но черезъ нѣсколько лѣтъ все почти въ такомъ же видѣ, какъ было до войны. Эта «цѣлебная сила природы» (!) часто бывала предметомъ бесплоднаго изумленія. Но тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. То, что уничтожено непріателемъ, въ недолгое время было бы уничтожено и самими жителями. — *Разницы тутъ никакой нѣтъ, кромѣ той, что жителямъ не имѣли наслажденія потреблять сами то, что было произведено ими прежде* (!). Возможность быстро возвращенія погубленныхъ бѣдствіемъ богатствъ зависитъ главнымъ образомъ отъ того, сохранилось ли населеніе страны. *Если* трудящееся населеніе не истреблено и не вымерло потомъ отъ голода, то, сохранивъ прежнее искусство и знаніе, оно имѣетъ, оставшюся безъ поврежденій, свою землю, вѣроятно имѣетъ прочныя зданія, также безъ поврежденій, или почти безъ поврежденій, или съ не очень важными и многочисленными поврежденіями; и такимъ образомъ у него остались почти всѣ элементы, нужные для веденія производства въ прежнемъ размѣрѣ. *Если* у жителей осталось столько пищи, чтобы съ каки-

ми бы то ни было лицензіями (!!) прсуществовать и быть въ состояніи работать, то они скоро произведутъ прежнее количество продуктовъ, въ общей сложности приобрѣтутъ прежнее количество богатства и капитала, и достигнуть этого простымъ продолженіемъ труда».

Въ заключеніе этой нелѣпой болтовни, Милль говоритъ: «А между тѣмъ такъ сильна привычка мыслить о предметѣ не прямо по его признакамъ, и ученые наследователи такъ мало свободны отъ тѣхъ умышленныхъ немощей, которыми страдаютъ *профаны*, что простого объясненія, приведеннаго нами здѣсь, не умѣлъ, сколько я помню, дать ни одинъ политико-экономомъ» (стр. 99—100).

И такъ несравненный логикъ Милль доказываетъ, что самая разорительная война вовсе не такъ пагубна, какъ думаютъ «профаны» и тѣ ученые, которые страдаютъ, вмѣстѣ съ ними «умственными немощами». Въ этомъ случаѣ, подъ выраженіемъ «умственная немоща профановъ» надо разумѣть, конечно, тотъ здравый смыслъ, который такъ ненавистенъ Миллю, какъ патентованному соемсту. Его разсужденіе о послѣдствіяхъ войны, о цѣлебной силѣ природы, о скорой возможности разбогатѣть, послѣ неурядительскаго грабежа и опустошенія, такъ оригинально-нелѣпо, что ничего подобнаго, дѣйствительно, не придумалъ еще ни одинъ политико-экономъ; вотъ почему Милль имѣетъ полное право гордиться своей безпримѣрной и, можно сказать, неподражаемой нелѣпостью. Если она не бросается въ глаза читателю прямо, потому что прикрыта экономическими терминами, то переведемъ ее на тотъ удобопонятный языкъ, которымъ обыкновенно говорятъ профаны. Все глубокоемысленное разсужденіе Милля о значенія войны сводится на утѣшеніе такого рода: «Тебя, милый другъ, прибили, ограбили и уведли все твое имущество; ты разоренъ въ конецъ. Но не унывай: черезъ нѣсколько лѣтъ ты будешь такъ же богатъ, какъ и прежде, когда тебя еще не колотали и не обкрадывали. На что ты жалуешься? Врагъ уничтожилъ твое богатство, это правда. Но до суди же самъ: развѣ ты оставилъ бы въ цѣлости свое добро? развѣ ты не истребилъ бы его? Повѣрь мнѣ: врагъ твой сдѣлалъ те, что сдѣлалъ бы ты самъ. «Разницы между вами нѣтъ никакой, кромѣ той, что ты не имѣлъ наслажденія воспользоваться тѣмъ, что приобрѣлъ». Если въ драгѣ ты былъ побитъ и ограбленъ, то все-таки не падай духомъ; тебѣ можно еще возвратитъ

потерянное, потому что ты уцѣлѣлъ, не умеръ отъ побоевъ и голода. У тебя на плечахъ осталась голова, вѣроятно сохранились также и зубы «безъ поврежденій, или почти безъ поврежденій, или съ очень неважными поврежденіями.» И такъ, если ты можешь жевать и купить себѣ хлѣба, продавъ послѣднее платье, то съ «какими бы то ни было лишеніями» принимайся за работу, и прежде твое богатство не замедлитъ воротиться.

Вотъ прямой и настоящій смыслъ разсужденія Милля о «цѣлѣбной силѣ природы», которая заставляетъ битыхъ и ограбленныхъ искать утѣшенія въ усиленной работѣ и въ надеждѣ будущихъ благъ. Работать, работать! Легко сказать это слово, а трудно приняться за работу и еще труднѣе найти ее бѣдному рабочему, который принужденъ искать хозяина-нанимателя. Безъ согласія его — нѣтъ работы рабочему: косянятъ, владеющій капиталами, — самовластный господинъ и распорядитель рынка, куда стекаются рабочіе и продаютъ свой трудъ за дешевую цѣну. Много желающихъ, а мало выбранныхъ; работа достается только тѣмъ, которые соглашаются трудиться за самую ничтожную плату. Такъ доказываетъ Милль, на основаніи буржуазной практики, которую онъ признаетъ непогрѣзненной, мудрой и справедливой. Эта практика составляетъ всю его науку и философію.

Вотъ основные принципы той буржуазной экономіи, какую проповѣдуетъ Милль:

Размѣръ промышленности ограниченъ размѣромъ капитала (стр. 82). Весь капиталъ — продуктъ сбереженія. Чѣмъ больше остается капитала за продовольствіемъ работниковъ (т. е. тѣмъ меньше имъ платится), тѣмъ больше можетъ быть сбережено. Побужденіе сберегать состоитъ въ расчетѣ увеличить доходъ изъ капитала. Чѣмъ больше прибыли дастъ капиталъ, тѣмъ сильнѣе побужденіе накоплять его. (Стр. 207—8).

Великъ капиталъ, и Милль пророкъ его!

Нѣтъ производства безъ капитала, нѣтъ капитала безъ сбереженія, нѣтъ сбереженія безъ лихонимства и эксплуатаціи рабочаго народа. Такъ разсуждаетъ Милль, глядя на нынѣшнее дурное состояніе общества (стр. 258) и на бѣдственное положеніе англійскихъ рабочихъ, которые находятся въ такой зависимости отъ буржуазіи, «что меньшею свободой могли бы пользоваться развѣ при совершенномъ работѣ» (стр. 257),

Милль продолжает: «Если бы масса человеческого рода навсегда должна была остаться въ нынѣшнемъ своемъ положеніи рабомъ труда, въ выгодахъ котораго не имѣеть никакого участія, — массою рабовъ, изнуряющихся съ ранняго утра до поздней ночи работою лишь для одного своего прокормленія, — массою невѣждъ, потому что нельзя учить тѣхъ, кого нельзя удовлетворительно прокормить, массою эгоистовъ, потому что некогда имъ думать ни о комъ, кромѣ себя, — массою рабовъ, неимѣющихъ ни побужденія, ни охоты быть гражданами, волнуемыхъ лживыми чувствами, что они не имѣють того, чѣмъ пользуются другіе, — *если бы всегда должно было оставаться такъ, то мнѣ кажется, не слѣдовало бы человѣку, не лишнему разсудка, и думать о судьбахъ человеческого рода.* Мудрость для каждаго состояла бы лишь въ томъ, чтобы съ эпикурейскимъ равнодушіемъ извлекать изъ жизни все личное наслажденіе для себя и любимыхъ имъ лицъ, а такъ называемую цивилизованную жизнь съ ея бессмысленною суетою оставить безъ вниманія. Но такое воззрѣніе на человѣческія дѣла неосновательно. Подобно почти всѣмъ другимъ бѣдствіямъ, бѣдность существуетъ (почему бы вы думали?)... потому что люди, безъ должной рассудительности, слѣдуютъ своимъ животнымъ инстинктамъ!!!» (стр. 422—3).

Какія, однако, «животные инстинкты» людей порождаютъ бѣдность и почти всѣ другія бѣдствія? Неужто инстинкты самосохраненія и размноженія, безъ которыхъ невозможна и самая жизнь? Возможно ли, разумно ли наконецъ идти противъ законовъ природы, управляющихъ человѣчествомъ? Неужто эти природные инстинкты слѣдуетъ искоренять во избѣжаніе существующихъ золъ? И развѣ нѣтъ другихъ, настоящихъ причинъ нищеты и страданій, кромѣ невѣжественнаго, необходимаго побужденія человѣка въ размноженію себя подобныхъ?

«Нѣтъ, торжественно говоритъ Милль, цивилизація—борьба противъ животныхъ инстинктовъ. Теперь считается обязанностию вступать въ бракъ, для предупрежденія безбравенности. Какое извращеніе понятія о нравственномъ долгѣ! Когда человѣкъ женится, то никто, повидимому, не думаетъ, что отъ воли его зависить имѣть или не имѣть дѣтей! Подумаешь, что дѣти являются у женатыхъ людей сами собою, безъ всякаго ихъ участія, будто падаютъ имъ съ облаковъ! Подумаешь, что въ самомъ дѣлѣ число дѣтей зависить,

но обмывовенной «разѣ», отъ воли Божьей, а не отъ собственной воли отцовъ? Мало того: бѣдные думаютъ, что «Богъ не оставитъ человѣка безъ хлѣба», а множество писателей имѣютъ такой живописный взглядъ на жизнь, что считаютъ жестокосердіемъ имѣть нищими рожать наследственныхъ нищихъ! Потомство съ изумленіемъ станетъ спрашивать, что мы были за люди, которымъ могли нравиться такіе проповѣдники?—Нѣтъ, нельзя ожидать улучшеній нравственности, пока на человѣка, родившаго много дѣтей, не будутъ смотрѣть точно такъ же, какъ на пьяницу или человѣка, преданнаго другому физическому излишеству» (стр. 423—4, 413).

И такъ, самый естественный, непреложный законъ природы Милль называетъ пагубнымъ инстинктомъ, который слѣдуетъ обуздывать, какъ развратъ, унижающій человѣка! Отца многочисленнаго семейства онъ считаетъ хуже пьяницы, а бѣднаго лишаетъ права жениться. По словамъ этого проповѣдника настраціи, государство должно не доволять вступать въ бракъ, пока желающіе вести брачную жизнь не будутъ имѣть обеспеченнаго положенія. Желая поддержать свою гнусную теорію оскотченія, онъ бросается даже въ коммунизмъ! «Коммунистическая ассоціація именно и есть такой порядокъ, говоритъ Милль, при которомъ надо ожидать, что общественное мнѣніе самымъ энергическимъ образомъ будетъ вставать противъ эгоистической невоздержности. Размноженіе людей, отъ котораго уменьшался бы комфортъ или увеличивался трудъ массы, производило бы тогда прямую и явную невыгоду для каждаго отдѣльнаго человѣка (чего не производитъ теперь); эту невыгоду нельзя было бы приписывать тогда ни скуности капиталистовъ, ни несправедливымъ привилегіямъ богатыхъ. При такой переменной обстановкѣ, общественное мнѣніе непремѣнно стало бы порицать эту вредную невоздержность, убыточную для общины, и устраняло бы зло какими нибудь наказаніями.» (стр. 253).

Наказывать тѣхъ мужей, которые будутъ имѣть дѣтей безъ позволенія общества! Нѣтъ, до такой нещѣности не договаривался еще ни одинъ сумасбродный публицистъ.

Милль горько осуждаетъ современное общественное мнѣніе за то, что оно поощряетъ браки и тѣмъ самымъ развиваетъ невоздержность женатыхъ. «Общее мнѣніе во всѣхъ сословіяхъ, и особенно въ необразованныхъ классахъ, соединяетъ понятіе энергіи и моральнаго превосходства съ сменою инстинкта, а недостаткомъ инстинкта счи-

часть признакомъ моральной слабости» (стр. 427). Въ этомъ случаѣ, общее мнѣніе, конечно, безошибочно. Неужто, въ самомъ дѣлѣ, кто нибудь, кромѣ Милля, станетъ смотрѣть на кастрата, какъ на мужчину, а на послѣдователя извѣстнаго Онана, какъ на примѣрнаго человѣка, которому слѣдуетъ подражать! На что были бы похожи люди, во что бы они выродились, если бы послушались убійственнаго, безнравственнаго совѣта Милля о воздержаніи отъ естественной потребности? Въ какую породу идіотовъ обратились бы рабочіе, которымъ онъ проповѣдуетъ эту теорію самоистязанія и разврата!

«Представимъ себѣ, каково было бы послѣдствіе, если бы распространилось между работниками убѣжденіе, что главная причина ихъ бѣдности — соперничество слишкомъ размножившагося числа ихъ, и каждый работникъ смотрѣлъ бы на всякаго изъ своихъ товарищей, имѣющаго больше дѣтей, чѣмъ дозвоительно по состоянію общества (!!), какъ на человѣка, вредящаго ему самому и занимающаго то мѣсто, которое онъ самъ имѣлъ бы право занимать» (стр. 426).

Нѣтъ, напрасно Милль воображаетъ, что рабочіе способны поглубить до такой степени, чтобы повѣрить, будто конкуренція ихъ многочисленныхъ братьевъ составляетъ главную причину пожирающей ихъ нищеты! При всей своей неразвитости, англійскіе работники очень хорошо понимаютъ, что взаимное соперничество ихъ вовсе не причина, а послѣдствіе ихъ жалкаго состоянія и рабской зависимости отъ буржуазіи, которая отличается крайней невоздержностью въ лихоимствѣ. Вопросъ нищеты разрѣшается повтому не теоріей народонаселенія, каковую выдумалъ Мальтусъ, а практикой лихоимства, которой слѣдуютъ алчные буржуа. Не излишняя прибыль рабочаго населенія, а размноженіе класса ростовщиковъ, барышниковъ и всякаго рода тунеядцевъ — вотъ дѣйствительная и очевидная причина той ужасающей нищеты, которая душитъ рабочихъ западной Европы. И такъ, не бѣднякамъ, осужденнымъ на страшныя лишенія, голодь и преждевременную смерть, приходится воздерживаться отъ чего бы то ни было, а пусть воздержатся, по крайней мѣрѣ хоть отъ лихоимства, тѣ правдые и лишніе люди, которые не хотятъ или не умѣютъ трудиться. Милль, конечно, знаетъ, гдѣ кроется корень экономическаго зла, источникъ бѣдственнаго положенія рабочаго народа. Мы можемъ указать на сотни мѣстъ въ его сочиненіи, гдѣ

онъ ясно доказываетъ, что капиталъ — неоплаченный трудъ, что рабочая плата и стоимость труда — два понятія совершенно различные для буржуазіи, которая получаетъ тѣмъ больше барышей, чѣмъ меньше платитъ рабочимъ и чѣмъ дороже продаетъ произведенія ихъ труда. Нищета и всѣ бѣдствія рабочаго народа въ Англіи происходятъ отъ того, что задѣльная плата тѣмъ ничтожна, а продажная цѣна всѣхъ припасовъ, вещей и товаровъ, которыми торгуетъ буржуазія, такъ несоразмѣрно велика, что бѣдная толпа рабочихъ не можетъ купить и сотой доли продуктовъ своего неоплаченнаго труда. Вотъ почему англійская буржуазія, не желая воздержаться отъ позорнаго барышничества, вывозитъ въ чужія страны произведенія своихъ несчастныхъ наемниковъ и домогается овладѣть всѣми рынками, для обезпеченія своей лихвенной торговли. Вотъ почему самъ Милль принужденъ сказать, между прочимъ, слѣдующее: «Если бы рынокъ для англійскихъ фабрикъ—не говорю уже—стѣснился, а только пересталъ расширяться съ быстротою, съ какою расширился послѣдніи 50 лѣтъ, то судьба ирландцевъ постигла бы и англичанъ» (стр. 405).

Читая Милля, невольно обращаешь вниманіе на явное противорѣчіе его сужденій и взглядовъ, потому что оно бросается въ глаза едва ли не на каждой страницѣ, иногда и на одной строкѣ. На какую умственную и нравственную пытку осуждалъ себя этотъ политико-экономъ, который хотѣлъ, въ одно и то же время, говорить разсудительно и противно своему убѣжденію!

Подробный разборъ экономическихъ противорѣчій и соизмовъ, которыми отличается сочиненіе Милля о политической экономіи — мы намѣрены представить въ особыхъ статьяхъ—о капиталѣ, поземельномъ доходѣ, народонаселеніи, кредитѣ и торговлѣ. Въ этой же предварительной статьѣ мы высказали наше сужденіе о Миллѣ, какъ такомъ экономистѣ, который сѣбѣ другихъ защищаетъ интересы современной буржуазіи и является врагомъ рабочаго народа. Презрѣніе и ненависть къ нему доходятъ у Милля до крайности: вотъ чѣмъ объясняется большой успѣхъ, который пріобрѣло его сочиненіе въ буржуазномъ сословіи Англіи и другихъ странъ. Какъ не оцѣнить, право, такого философа-экономиста, который утверждаетъ: «слупость природы, а не общественная неправда служить причиною страданій, постигающихъ націю при излишнѣ населенія. Неправедливое распредѣленіе богатства даже и не увеличиваетъ этого бѣдствія и развѣ

лишь дѣлаетъ то, что оно чувствуется нѣсколько раньше (!!). На-красно говорить, что съ каждымъ желудкомъ рождаются и руки. Новые желудки требуютъ столько же пищи, какъ прежніе, *а руки производятъ меньше* (??).

«Улучшеніе состоянія рабочихъ классовъ почти всегда имѣетъ послѣдствіемъ лишь то, что открываетъ временный просторъ размноженію населенія. Всякою выгодною переменою въ своихъ обстоятельствахъ рабочіе люди обыкновенно пользуются лишь для того, чтобы размноженіемъ своимъ лишить слѣдующее поколѣніе этой выгоды.

«Если разпоженіе людей не задерживается воздержаніемъ частныхъ лицъ или мѣрами г. сударственныхными, *то оно сдерживается смертію отъ нужды и болѣзни.* (стр. 235, 205, 399...).

Вотъ она, злодѣющая теорія нищеты, рабства и смерти, та теорія, которую проповѣдуетъ Милль подъ названіемъ политической экономіи! Нѣтъ ничего удивительнаго, если такой экономистъ, за одно съ англійскими кулаками-фабрикантами, вовсе не желаетъ улучшенія быта рабочихъ, изъ опасенія, что у нихъ «закружится голова отъ идей равенства и, переставая быть раболѣпными, они сдѣлаются наглými» (стр. 147).—«Если ослабляется надъ англійскими работниками тотъ гнетъ желѣзной дисциплины, въ которой держатъ ихъ хозяева, если начинаешь обращаться съ ними вѣжливо и любезно, то они совершенно забываются, перестаютъ сознавать свое положеніе, и съ ними становится рѣшительно невозможно имѣть дѣло».

Таковъ рабочій во мнѣніи Милля... Много еще осталось намъ высказать правды объ этомъ соиствѣ, презирающемъ науку и людей. Но пока довольно.

Н. Соколовъ.

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Первый десятокъ книгъ, изданныхъ на пожертвованныя деньги: 1) *О крещеніи Руси, о Владиміръ Святомъ, о сыновьяхъ его и о монастырь Печерскомъ. К. Бестужева-Рюмина.* 2) *О Владиміръ Мономахъ и с потомкахъ его, Мономаховичахъ или о временахъ княжескихъ усобицъ. Его-же.* 3) *О злыхъ временахъ татарщины и о страшномъ Мамаевомъ побоищъ. Его-же.* 4) *Ученіе Господа нашего Иисуса Христа о молитвѣ и о путяхъ къ блаженству.* 5) *Святая земля во времена земной жизни Господа нашего Иисуса Христа.* 6) *Какъ надо жить, чтобы бѣду избѣть.* 7) *Какъ надо жить, чтобы добро нажить или о трудѣ.* 8) *Какъ спасать и спастись отъ скоропостижныхъ смертныхъ случаевъ безъ помощи врачей и знахарей. Н. Глинскаго.* 9) *О русской землѣ. С. Максимова.* 10) *О русскихъ людяхъ. Его же. Изданія Товарищества «Общественная польза». СПБ. 1865.—Разказы Всев. Крестовскаго: Петербургскіе типы; Петербургскіе золотопромышленники; фотографическія карточки Петербургской жизни. Изданіе Генкеля. СПБ. 1865. Введеніе въ курсъ исторіи цивилизацій, читанное докторомъ истор. наукъ А. Рославскимъ-Петровскимъ. Харьковъ, 1865. Исторія среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ. М. Стасюлевича. Т. III. СПБ. 1865.*

Привилегированный просвѣтитель русскаго народа, Товарищество: «Общественная Польза», подарилъ недавно своему воспитаннику «первый десятокъ», какъ онъ говоритъ, своихъ драгоценныхъ наставленій. Этотъ первый десятокъ книгъ для народнаго просвѣщенія выданъ на деньги, пожертвованныя ревнителями народнаго просвѣщенія. Надо сознаться, что жертвователи не могли сдѣлать изъ своихъ денегъ худшаго употребленія, хотя книжки изданы подъ ауспичіями просвѣщенныхъ и либеральныхъ писателей, гг. Бестужева-Рюмина и Максимова, редакторовъ такъ же почтенныхъ, какъ и патронъ ихъ—«Общественная Польза».

О большей части этихъ книжекъ говорить не стоитъ; онѣ ничѣмъ не отличаются отъ множества другихъ дешевыхъ книжекъ душевнеспасительнаго содержанія, валяющихся на толкучемъ рынкѣ и у книгопродавцовъ Феодоровыхъ, Холмушинныхъ и имъ подобныхъ. О собственныхъ произведеніяхъ для народа переводчика Бѣкля, г. Бестужева-Рюмина, также не стоитъ много распространяться и за глаза достаточно будетъ перечислить содержаніе его книжекъ. Въ книжкахъ: «О Владимірѣ и о монастырѣ Печерскомъ», «О злыхъ временахъ татарщины», «О Владимірѣ Мономахѣ» заключаются повѣствованія о святыхъ—князѣ черниговскомъ Михаилѣ и бояринѣ его, Феодорѣ, Варлаамѣ Хутынскомъ, Прокопіѣ-мродивомъ, Стефанѣ перискомъ, Сергіѣ, чудотворцѣ радонежскомъ, Михаилѣ, князѣ тверскомъ, митрополитахъ Петрѣ и Алексіѣ, чудотворцахъ московскихъ, Антоніѣ печерскомъ, Феодосіѣ, Никопѣ, Ефремѣ и о многихъ другихъ замѣчательныхъ лицахъ. Эти рассказы обличаютъ въ г. Бестужева-Рюминѣ такое же подробное знакомство съ этими частностями русской исторіи, какъ его переводъ Бѣкля доказываетъ знакомство съ англійскимъ языкомъ и исторією европейской цивилизаціи. А взятое вмѣстѣ, то и другое обличаетъ въ немъ замѣчательную и достойную удивленія разносторонность, какъ познаній, такъ и умственныхъ способностей, которыя такъ и лѣзутъ въ разныя стороны. Тонъ и приемы литературныхъ произведеній г. Бестужева-Рюмина для народа отличаются тѣмъ характеристическимъ наивпечиваніемъ и тою умышленно-напущенною на себя пошлостью, которыя составляютъ необходимую принадлежность всѣхъ нашихъ сочинителей по части народнаго просвѣщенія.

Подобный же тонъ и тѣ же приемы, но еще въ усиленной степени, господствуютъ въ повѣствованіяхъ г. Максимова «О Русской Землѣ» и «О Русскихъ Людяхъ». Въ человекѣ, толкующемъ про «заповѣдь, которая объяснилась во-очію», про «народъ, идущій къ понятію о себѣ, какъ о человекѣ», выражающемся такъ: «и еще несомнѣнно то, что всегда, гдѣ являлась грамотность и наука, глупое и бѣдо становилось виднымъ», наконецъ разсуждающемъ въ родѣ слѣдующаго: «Только тогда (когда у насъ будутъ желѣзныя дороги и когда распространится грамотность) мы будемъ съ правъ законно владѣть тѣми дарами, которые такъ щедро и въ такомъ обиліи удѣлилъ намъ Богъ, вмѣстѣ съ другими племенами»;—въ этомъ чело-

вѣтъ трудно узнать автора «Года на Сѣверѣ» и «Путешествія на Амуръ».

Но что составляетъ цѣль «десятокъ» и заслушивается болѣе подробнаго разбора — это двѣ книжки, авторъ которыхъ столь же лучшее остаться неизвѣстнымъ. Онѣ называются «Какъ надо жить, чтобъ добро нажить или о Трудѣ» и «Какъ надо жить, чтобъ бѣду избѣять». Кто отличился, написалъ эти произведенія — неизвѣстно, хотя было бы въ высшей степени любопытно узнать. Слогомъ и нѣкоторыми мѣстами, въ которыхъ проглядываетъ подробное знакомство со многими частностями русской народной жизни, книжки эти могутъ быть приписаны г. Максимову. Но если я даже ошибаюсь въ этой догадкѣ, то все-таки совершенно справедливо сдѣлать гг. Максимова и Бестужева Рюмина отвѣтственными за весь «десятокъ». Это ясно и само по себѣ; соглашаясь участвовать въ изданіяхъ, имѣющихъ столь опредѣленное направленіе и цѣль, эти господа должны нести отвѣтственность не за себя однихъ; съ этимъ не согласится развѣ только сотрудники «Голоса», утверждающіе, что лѣвая рука можетъ не знать, что говоритъ правая, что пишущій о прусскихъ дѣлахъ неповиновенъ въ томъ, что сотоварищъ его говоритъ о французскихъ. Но сверхъ того г. Максимовъ самъ заявляетъ о солидарности своей съ прочими служителями «Общественной Пользы». Въ разсказѣ о «Русской Землѣ» онъ говоритъ: «Что не домовлено — доскажемъ послѣ; что не доскажемъ — доносимъ и пояснимъ *нашимъ товарищамъ*.» Видите ли, какая солидарность: товарищи могутъ дополнять и пояснять другъ друга. Какъ же имъ не быть послѣ этого отвѣтственными другъ за друга?

Я не даромъ произвожу это слѣдствіе, желая отыскать виновнаго въ сочинительствѣ этихъ двухъ книжонокъ. Сочинительство ихъ дѣйствительно такая тяжкая вина, которую честная литература должна преслѣдовать тѣмъ строже, что въ ней замѣшанъ писатель, умѣвшій доселѣ беречь свою репутацию.

Если бы кто нибудь началъ составлять себѣ мнѣніе о русскомъ народѣ по сочиненіямъ, расточаемымъ ему разными російскими просвѣтителями, то вѣроятно подумалъ бы, что лѣнивѣе и тунендѣе народа не существуетъ на свѣтѣ: Индусы и неаполитанцы — трудолюбивѣйшіе изъ смертныхъ, по сравненію съ тѣмъ несправедливымъ лѣнцемъ, какимъ является русскій человѣкъ въ назиданіяхъ просвѣтителей. Должно быть нашъ народъ представилъ пораз-

тельные примѣры своего празднолюбія, что всякій, раскрывающій ротъ для поученія, непремѣнно начинаетъ съ того, что лѣнь-де мать всѣхъ пороковъ, что праздность—злѣйшій врагъ человѣка; что трудъ есть священный долгъ человѣка и т. д. Большая часть книжекъ, написанныхъ для народа, отличается поучительнымъ свойствомъ, и всѣ правоученія непремѣнно начинаются и оканчиваются предостереженіями противъ праздности и увѣщаніями къ труду. Объ этомъ было говорено уже столько разъ, что нора бы, кажется, избрать другой сюжетъ для проповѣдей. Но нѣтъ; всякая новая издательная книжка для народа призываетъ его въ сотый разъ къ труду и предохраняетъ отъ праздности. Назидателямъ уже было говорено, что ихъ поученія похожи на грубую и оскорбительную насмѣшку; но это не препятствуетъ и «десятку», изданному подъ вѣдениемъ гг. Максимова и Бестужева-Рюмина, повторять въ сто первый разъ всѣ краснорѣчивые и убѣдительные доводы въ пользу необходимости труда и вреда лѣности. Въ правоучительной книжечкѣ «Какъ надо жить, чтобы бѣду избыть» изображается мудрый и добродѣтельный дѣдушка Матвѣй, слогомъ и образомъ мыслей весьма похожій на гг. Золотова, Бестужева-Рюмина и другихъ самозванныхъ наставниковъ народа. Дѣдушка Матвѣй пренодаетъ толпѣ мудрые совѣты касательно вреда праздности и пользы трудолюбія. «Первый врагъ вашъ, говоритъ онъ,—лѣнь; второй—праздность.» При этомъ дѣдушка Матвѣй забываетъ назвать еще слѣдующихъ враговъ: бездѣйствіе, тунеядство, отвращеніе къ труду и всѣ прочіе синонимы того же порока. Поучитель находитъ, что человѣкъ больше всего терпитъ отъ лѣни и что крестьяне тратятъ слишкомъ много времени на бездѣла и на такія дѣла, отъ которыхъ никому нѣтъ прибыли. Онъ даже отъ усердія заранпортывается и начинаетъ увѣрять, что даже болѣзни происходятъ отъ лѣни. Это открытіе заставляетъ подозрительно смотрѣть и на народный лечебникъ отъ вначальныхъ болѣзней г. Глинскаго, входящій въ число «десятка.» Чего добраго, въ силу открытія дѣдушки Матвѣя, народолюбивое товарищество отрешивается отъ народа какъ универсальное средство противъ всѣхъ болѣзней — усвоенный трудъ.

Далѣе дѣдушка Матвѣй увѣрляетъ крестьянъ, что изъ трудолюбивому «ни соцікѣ, ни сборщикѣ за дѣлешъ не ходятъ, потому что трудъ за долги платитъ.» Дѣдушка не пренебрегаетъ почерпнуть аргументы въ пользу трудолюбія изъ тѣхъ нѣмецкихъ и французскихъ

книжечки, которыя заставляють читать дѣтей и которыхъ вѣроятно онъ самъ начался въ дѣтствѣ, когда еще не былъ самозванымъ просвѣтителемъ народа. Одинъ изъ аргументовъ, наиболѣе употребительныхъ въ этихъ книжкахъ подъ заглавіями «*Leçons d'une bonne mère*» или «*Kinderfreund*», это пристыженіе дѣтей, любящихъ долго спать. Точно также и дѣдушка Матвѣй, вспоминая эти нравственныя, читанныя въ юности, говоритъ празднолюбивымъ крестьянамъ: «Вставай со свѣтомъ: пусть не застанетъ тебя восходящее солнышко въ постели и, глядя на землю, не могло бы пожаловаться ей: «звонъ одинъ негодай еще спать!» Эта цитата доказываетъ, какъ нельзя лучше, знакомство дѣдушки съ киндерфрейндами и незнакомство съ русскимъ синтаксисомъ. Поученія свои дѣдушка украшаетъ афоризмами того же происхожденія: «время есть матеріалъ, изъ котораго строится жизнь»; «вода, безпрестанно надая по каплѣ, камень долбитъ» (*non vi, sed saepe cadende, забываетъ присовокупить дѣдушка*); трудомъ и терпѣніемъ мышеноегъ канатъ перегрызаетъ, а учащенные удары топора валать вѣковые дубы».

Вторая причина бѣды русскаго народа—любовь къ роскоши: «не мало, учить дѣдушка, ходить по свѣту и такихъ людей, у которыхъ и свое брюхо пусто (какъ это простонародное «брюхо» кстати послѣ афоризмовъ съ латинскаго), и семья ноетъ съ голоду отъ того только, что любовница ходитъ въ шелку и бархатѣ, и самъ въ шелковую рубаху одѣлся и сапоги славные со скрипомъ носить». Во второмъ изданіи этой книжки я совѣтую дѣдушкѣ прибавить указаніе на разительные примѣры Рима и Спарты, павшихъ отъ роскоши и разврата. Тогда, быть можетъ, рѣчь его будетъ имѣть больше успѣха; а то теперь книжка кончается тѣмъ, что, выслушавъ внушенія дѣдушки противъ шелка и бархата, народъ идетъ къ пріѣхавшему разнощику покупать эти драгоценныя ткани, чѣмъ наглядно изображается пристрастіе русскаго народа къ муртуру, висyonu и вообще къ роскоши.

Изъ другихъ поученій замѣчательно больше всѣхъ то, гдѣ проповѣдуется, что вредитъ есть первая причина подлости и непременно влечетъ за собою обманъ. Впрочемъ наставникъ уговариваетъ народъ только не брать въ долгъ; давать же въ долгъ, на проценты, «въ ростъ» онъ даже рекомендуетъ, правда, не въ этой, а въ другой книжкѣ о томъ «какъ надо жить, чтобы добро нажить». «Пусканіе въ ростъ» изображается здѣсь въ обстоятельномъ видѣ, какъ

идеаль мудрости и благоразумія. По этому поводу разскажетъся въ поученіе слѣдующій анекдотъ: «Одинъ сберегалъ и дускалъ сбереженныя пять копѣекъ на день въ ростъ, на проценты: въ концѣ десятаго года легко (т. е. *безъ труда*) получилъ 215 руб.; черезъ пятнадцать лѣтъ—почти 370, а черезъ двадцать лѣтъ послѣ того, какъ спряталъ первый пятакъ, получилъ 565 рублей. Другой откладывалъ на день (и тоже, какъ видно, по расчету, пускалъ въ ростъ) по гривеннику и черезъ 10 лѣтъ имѣлъ въ кошнѣ 430 рублей, черезъ 15—740 р., а черезъ 20 лѣтъ—счетную тысячу, да еще 130 р. на придатокъ». Вообще эта книжка гораздо обстоятельнѣе первой. Телячій тонъ и латинскіе афоризмы первой, которая просто глупа, и слава Богу! замѣнены во второй внушеніями практическими и теоретическими соображеніями весьма неблагоприятнаго свойства. Показавъ на примѣрахъ, какъ выгодно пускать въ ростъ деньги, авторъ предается теоретическимъ соображеніямъ касательно законности этого средства «наживать добро». При этомъ онъ списываетъ стереотипныя разсужденія разныхъ нѣмецкихъ меланх Шульце-Деличей о сохѣ, данной на пропать и о полѣ, суженномъ подъ посѣвъ. Но тамъ, гдѣ эти господа умѣютъ изловчаться и благообразить подобную аргументацію, наши Шульце-Деличи несутъ самую отчаянную чепуху по круглому незнанію экономическихъ возпресовъ.

Такъ, всѣ разсужденія о трудѣ, которыми начинается книжка, сводятся опять таки на пошлыя внушенія необходимости трудиться въ потѣ лица своего. Судьба твоя въ твоихъ рукахъ, говорятъ рабочему Шульце-Деличь, изданный подъ редакціей г. Максимова; ты самъ отвѣчаешь за свое счастье и несчастье: работай! Твои ближніе сами о себѣ заботятся; работай и ты самъ по себѣ и для себя; не отягощай собой другихъ, не мѣшай другимъ! Посмотри кругомъ себя: всѣ работаютъ, всѣ въ трудѣ ищутъ спасенія отъ нужды и отъ тѣхъ безпокойствъ, какія рождаетъ она. Человѣкъ, который ничего не дѣлаетъ, но живетъ, ѣсть, пьетъ и съѣдаетъ то, что другіе наработали, въ концѣ умеръ бы съ голоду. Сосѣди презирали бы его, оттодгнули бы отъ себя, какъ непотребнаго лѣнтяя. Мы видимъ, что если не работаютъ люди, то въ такомъ случаѣ живутъ они прежнимъ запасомъ. Но если изъ чана брать воду и не доливать его, въ концѣ въ чану не будетъ воды. Тотъ, кто не работаетъ воленъ ходить сложа руки; но ежели онъ бѣденъ,

то на утро у него не будетъ, что ѣсть; если же онъ богатый, то ему опротивѣетъ самая жизнь, и онъ станетъ всѣмъ людямъ въ тягость, себѣ — на стыдъ».

Если все это написано одного краспорѣчія радки, какъ поученія дѣдушки Матѣя, то это просто безтолковая болтовня, скучная и нелѣпая. Но эти разсужденія, равно какъ и вся эта книжка, не смотря на свое скудоуміе имѣетъ, по видимому, претензію не просто болтать, а поучать и втолковывать разныя соціальныя и экономическія истины. Если, дѣйствительно, таково намѣреніе автора, то его можно поздравить! Представьте себѣ въ самомъ дѣлѣ, что приведенный отрывокъ не простая правоучительная болтовня изъ Киндеререйнда, а quasi-серьезное разсужденіе о значеніи труда. Если это должно принимать въ такомъ смыслѣ, то, значить, авторъ желаетъ внушить рабочимъ, что благосостояніе или бѣдность зависятъ отъ того, трудится человекъ или нѣтъ; т. е. что всякій трудящійся пользуется благосостояніемъ, а праздный непрямѣнно бѣденъ; что бѣдность есть слѣдствіе лѣни; что такихъ людей даже вовсе нѣтъ, которые ничего не дѣлали бы, потому что они давно умерли бы съ голоду; что если и есть такіе, то они не трудятся теперь отъ того только, что много трудились прежде; и что богатые тунеядцы, живущіе не трудясь, прежнимъ запасомъ, находятся у всѣхъ въ резервѣни. Вотъ что называется въ правоучительныхъ книжкахъ *une roignée de vérité!* И вотъ еще, что можно назвать послѣдовательными и непротиворѣчивыми разсужденіями.

Какъ правдоподобно, въ самомъ дѣлѣ, что всѣ богатые, ничего недѣлающіе, живутъ плодами своихъ прежнихъ трудовъ! Какъ согласно съ дѣйствительностью, что такихъ тунеядцевъ всѣ презираютъ! Да и за что же ихъ презирать, если правда, что они живутъ, ничего не дѣлая, только потому, что прежде много трудились? Нельзя также не жуумляться высокой нравственности этихъ поученій, проповѣдующихъ, что каждый долженъ думать только о себѣ, что бѣдному нечего разсчитывать ни на чью помощь тѣмъ болѣе, что онъ самъ виноватъ въ своей бѣдности!

Надо сказать правду, что ни Шульце-Деличъ и никто изъ его нѣмецкихъ послѣдователей не рѣшится сказать что нибудь подобное. Оно и понятно: Шульце Деличъ и его друзья говорятъ свои поученія прямо въ глаза рабочимъ и очень хорошо знаютъ, что, скажи они что нибудь подобное, ихъ бы съ аэрономомъ прогнали съ

учительской позиціи. Поэтому они льстятъ ученикамъ и не осмѣливаются возмущать никому языкъ, будто бѣдность есть слѣдствіе лѣни. Они никогда не посмѣютъ назвать лѣнтяями тѣхъ, передъ кѣмъ признаются учителями и доброжелателями. Но наши Шульце-Деличи находятся въ болѣе выгодномъ положеніи: они настрочать свои глупости, расчетливое товарищество пустятъ ихъ въ печать, и затѣмъ ни этому товариществу, ни г. Максимову, ни г. Бестужеву-Рюмину нѣтъ никакого дѣла до того: будетъ ли народъ читать ихъ, и если будетъ, то пойметъ ли и какъ пойметъ. Немногіе парадочные люди, которые попадутся въ руки эти книжонки, конечно назовутъ ихъ авторовъ опасными болтунами. Но кто беретъ за подобное дѣло, тотъ заранѣе вооружается необходимыми средствами для перенесенія этой мелкой несприятности.

Замѣчательно, что, не смотря на претензію объяснять политико-экономическія понятія, книжка эта, говоря о трудѣ, ограничивается изверженіемъ подобныхъ истинъ и не произнеситъ ни слова о политико-экономическомъ значеніи труда. Это должно скорѣе приписать невнимательному невѣжеству автора, чѣмъ преднамѣренности, хотя только умолчаніе это позволяетъ ему говорить ниже тѣмъ возвышенія бесмыслицы о капиталѣ и процентѣ, которыя украшаютъ его книжечку. Если бы онъ показалъ значеніе труда; если бы онъ сказалъ, что только трудъ можетъ что нибудь производить; что всякій капиталъ обязанъ своимъ происхожденіемъ одному только труду, — онъ лишился бы себя возможности гордиться впоследствии чепуху о капиталѣ и процентѣ. Но замѣнивъ настоящее опредѣленіе труда и указаніе на его значеніе правоченіями о долгѣ трудиться, онъ можетъ беспрятственно утверждать впоследствии, что соха, поле или деньги могутъ быть производительны сами по себѣ.

Эти разсужденія о капиталѣ и процентѣ составляютъ верхъ прелесть и совершенства, и я приглашаю гг. Максимова и Бестужева-Рюмина порадоваться, видѣвъ со мною, обширности экономическихъ познаній привилегированныхъ писателей Товарищества. Вотъ эти разсужденія: «Тотъ, кто владѣетъ собственнымъ плугомъ или сохою, можетъ обработать гораздо большую полосу на пашнѣ, чѣмъ тотъ, у кого нѣтъ сохи или плуга. *Соха и плугъ даютъ владельцу прибыль; какой безъ нихъ онъ не имѣлъ бы.* Когда бы тотъ, который своимъ плугомъ или сохою не владѣетъ, захотѣлъ взять его у другого, этотъ имѣлъ бы право сказать ему:

— Если я тебя отдамъ мою соху, съ помощью которой воздѣлаю поле, то самъ не буду имѣть чѣмъ орать и добывать прибыль, какую отъ него получаю.

Тотъ же, у котораго нѣтъ сохи, но есть надобность въ ней, могъ бы отвѣтить такъ:

— Я готовъ дать за нее ссуду или подѣлиться съ тобой тѣмъ, что выработаю сохой или плугомъ, если ты одолжишь мнѣ въ займы. Могу вознаградить тебя житою, которое соберу, либо деньгами, полученными отъ продажи его.

Тоже самое и съ землею. Тотъ, кто владѣлъ приготовленнымъ подъ пашню полемъ, можетъ сказать:

— Если я самъ ее вспашу и засею—получу доходъ. Но когда ты хочешь, чтобы я позволилъ тебѣ сѣять на моемъ полѣ, то вознагради меня тѣмъ самымъ, что я имѣлъ бы, когда бы самъ засеялъ жито.»

Гдѣ же у васъ стыдъ, господа? какъ спрашивалъ Лассаль Шульце-Делича. Неужели вы не видите, что пятилѣтнему ребенку ясно и понятно, что вы или сами ничего не понимаете или хотите обмануть, да не умѣете. Развѣ вы не сознаете, что не только взрослый работникъ, но даже малое дитя—и то отвѣтило бы вашему владѣтелю соли или поля, что ни соха, ни поле ничего сами по себѣ не производятъ, хотя бы простояли тысячу лѣтъ у своего владѣльца; что все создаетъ трудъ того, кто будетъ ими или на нихъ работать; что если владѣлецъ не будетъ работать, то ему не за что и пользоваться ими; что, уступая ихъ другому, онъ или намѣренъ избрать себѣ иной родъ труда, при которомъ эти орудія бесполезны для него или намѣренъ ничего не дѣлать, потому что въ противномъ случаѣ не отдавалъ бы ихъ; что если онъ будетъ работать, то и получить за свой трудъ; если же ничего не будетъ дѣлать, то за что же ему получать? Далѣе тотъ же малый ребенокъ сказалъ бы гг. Максимуму и Бестужеву-Рюмину, что доказывать необходимость взиманія процента съ пользующагося орудіями труда тѣмъ, что орудія эти необходимы для производства—верхъ неабытности. Это все равно, что доказывать необходимость платы за пользование воздухомъ тѣмъ, что воздухъ необходимъ для дыханія; заставлять платить человека за пользование орудіями труда, оттого что орудія эти необходимы ему—все равно что требовать съ него платы за то, что у него есть руки, ноги, глаза, которые тоже необходимы для

труда. Поймите же, что заставлять платить за нихъ, т. е. принудать человека работать за то, чтобы имѣть возможность работать—вещь неприемлимая со здравымъ смысломъ. Все это говорилось и повторялось тысячу разъ, и не звать такихъ простыхъ истинъ, азбуку не политической экономіи даже, а просто здравого человѣческаго разсудка—срамъ и стыдъ, достойные Шляя, а не г. Максимова. Если ужъ повторять Шульце-Делича, то хоть напоминайте получше его слова. Шульце говоритъ не о сохѣ и не о пашнѣ, а о полѣ съ *жествою*, ссужаемою владѣльцемъ другому. Такимъ образомъ здѣсь выбранъ такой примѣръ, гдѣ владѣлецъ ссужаетъ продуктъ своего труда, свой капиталъ съ затраченными на него своимъ личнымъ трудомъ.

Хотя примѣръ Шульце-Делича тоже софизмъ, и притомъ довольно нехитрый и неблаговидный, но все-таки между такою уловкою и грубоневѣжественною галиматьей неуклюжихъ народоучителей — разница громадная.

Однако послушаемъ нашихъ Шульце-Деличей далѣе:

«Точно тоже и съ деньгами. Тотъ, кто имѣетъ ихъ, можетъ также объявить всѣмъ:

— На эти деньги я купилъ бы себѣ соху, борону, поле, домъ; они принесли бы мнѣ доходъ и выгоду. Если бы дать въ займы деньги, нужно потребовать вознагражденіе отъ того, кто, взявши мои деньги, будетъ ими пользоваться.»

Политико-экономы «Общественной Пользы», повидимому, и не догадываются, что въ отвѣтъ на это ихъ капиталисту скажутъ: нѣтъ, деньги сами по себѣ ничего произвести не могутъ, и если бы хоть пятьдесятъ лѣтъ продержатъ ихъ въ карманѣ, то количество ихъ не увеличится. Купивъ на деньги соху, борону или поле, все-таки надо работать чтобы жить. Получать не трудясь, значить присвоивать чей нибудь трудъ, такъ какъ все добывается работой, а не съ неба сваливается. Деньги только средство облегченія обмѣна, какъ сказано даже въ той же книжкѣ; слѣдовательно, онѣ никакъ сами по себѣ ничего производить не могутъ; на нихъ можно купить все, что нужно, это правда; но покупать на деньги или ссужать ими—въ сущности одно и тоже, потому что денежная ссуда дѣлается обыкновенно подъ залогъ, цѣна котораго даже выше займа. Вотъ почему общественная экономія признаетъ кредитъ взаимнымъ обмѣномъ равныхъ цѣнностей, а вовсе не лихонимствомъ, какъ про-

неуважаютъ неопучившіеся экономисты товарищества въ пользу дворянство и ростовщиковъ.

Разбираемая нами книжечка даётъ отвѣтъ, послѣ котораго становится ясно, какъ дважды-два четыре, что авторъ ея самъ не вѣдаетъ, что говорить.

«Люди, рассуждаетъ онъ, имѣютъ обычай часто говорить такимъ образомъ:—пуцай-де получаетъ съ имущества своею выгоду тотъ, кто самъ его нажить трудомъ и терпѣніемъ. — И сравниваютъ съ неудовольствіемъ: — А зачѣмъ же беретъ проценты, кормъ, ростъ такой богатъ, который самъ ничего не дѣлаетъ? Гдѣ тутъ правда? Но когда бы владѣлецъ сохи или плуга самъ не пускалъ ихъ въ работу и другимъ не давалъ (вотъ такъ аргументація! слушайте!), тогда и тотъ, у кого нѣтъ сохи и плуга не оралъ бы, не засѣвалъ пашни, держалъ бы лезвиемъ, не получалъ бы прибыли, меньше было бы на сѣть жита, а недостатокъ хлѣба породилъ бы нужды и голодъ для всѣхъ. Не лучше ли дать что нибудь за наемъ, за одолженіе сохи, а сю заработать и приумножить людямъ жито?»

Вотъ это ужъ точно неопровержимое доказательство! какъ же въ самомъ дѣлѣ не вознаграждать дармоѣдовъ? Вѣдь они могли бы зарыть свои деньги въ землю, сами не работать и другимъ не позволять—и тогда наступилъ бы общій голодъ, и всѣ перемерли! Въ виду такой перспективы, зная, что они всегда могутъ сдѣлать это, не лучше ли дѣйствительно задобривать ихъ лихвой и за то не умирать съ голоду? Короче сказать—поощрять лихонимцевъ слѣдуетъ, потому что иначе они уморятъ всѣхъ съ голоду.

Что сказать о такихъ аргументаціяхъ? Одно развѣ, что только привиллегія, которою пользуется товарищество, спасаетъ его отъ подозрѣнія возбудить ненависть согражданъ другъ противъ друга. Скажи что нибудь подобное настоящій Шульце-Деличъ, его покровителя—ростовщики отступились бы отъ него и сдѣлали бы ему порядочный процессъ. Ихъ никогда не удалось бы убѣдить, что человѣческая наивность можетъ простираться такъ далеко. Но конечно Шульце никогда ничего подобнаго и не скажетъ, и это между прочимъ доказываетъ, какъ много еще нужно нашимъ либераламъ учиться, чтобы сравняться съ ихъ иностранными образцами.

Доказавъ такимъ блистательнымъ образомъ справедливость лихонимства, авторъ книжонки пускается толковать о богатствѣ и бѣдности, и умозаключаетъ, что все къ лучшему, если процвѣтаетъ

тунсастар. При этомъ онъ замѣчаетъ однако, что есть люди, находящіе такое положеніе дѣлъ ненормальнымъ. Здѣсь, опять не знаю, по отчаянному ли невѣжеству, которымъ онъ отличается, или сознательно, авторъ, не краснѣя, увѣряетъ, что эти люди совѣтуютъ *ограбить богатыхъ и раздать ихъ имуществя бѣднымъ!* Объясните, гг. редакторы, можете вы или просто не знаете азбуки того, о чемъ говорите? Выдумавъ такой способъ уравниці состояній, авторъ принимается опровергать его, и конечно торжествуетъ, потому что надъ его измысленіями можетъ восторжествовать даже онъ. Онъ предполагаетъ, что уравнители состояній на- жѣрены поступить такъ: отнять у богатаго напримѣръ фабрику и раздѣлить ее между бѣдными: кому одинъ винтъ отъ машины, кому другой, кому кранъ, кому колесо. За тѣмъ онъ съ видомъ триумфатора говоритъ: «раздѣливши машину на пятьдесятъ кусковъ для пятидесяти бѣдныхъ, мы сдѣлаемъ ее ни къ чему негодною... Фабрика или заводъ упадутъ». Впрочемъ онъ успокоиваетъ читателей, что ничего подобнаго производти не можетъ: «Но мы уже сказали и доказали, что все то, чѣмъ каждый владѣетъ, имѣетъ на то полное право (хоть бы русской грамотѣ научились прежде, чѣмъ учить народъ), и имущество его никто отнять у него не смѣетъ» (sic).

Послѣ всего приведеннаго, мы конечно не можемъ ожидать отъ подобныхъ народоучителей ни одного путнаго слова. Однако намъ суждено еще разъ удивиться, услышавъ, что авторъ приглашаетъ рабочихъ радоваться роскоши и мотовству богатыхъ, потому что «каждый рубль, который онъ тратитъ на пустяки и бездѣлье есть заработокъ бѣдняка, который эти вещи сдѣлалъ, добылъ трудомъ. Если бы не существовало богача для покупокъ, такія вещи перестали бы выдѣлываться, потому что не нашлось бы никого, кому онъ понадобился бы».

Этихъ словъ достаточно, чтобы убѣдиться, что сочинитель книжки «о трудѣ» даже никогда не слышалъ о разницѣ между производительнымъ и непроизводительномъ трудомъ.

И такіе-то люди поучаютъ у насъ народъ! И таковы-то поученія, сочиняемыя для народа при еотрудничествѣ самыхъ избранныхъ знатоковъ народа!

На ряду интересной коллекціи просвѣтителей народа существуетъ другая, не менѣ любопытная коллекція писатъ, спекулирующихъ на невѣжество, ограниченность и грубый вкусъ нашей публики. Сюда относятся авторы разныхъ «Мальчиновъ съ пальчикъ», «Мужичковъ съ ноготокъ», «Петербургскихъ тайнъ», «Ссоръ барыни съ кухаркой», «Мишихъ, несчастныхъ созданий» и т. п. Но первое мѣсто между ними принадлежитъ г. Всев. Крестовскому, который теперь, благодаря своему роману «Петербургскія трущобы», можетъ съ полнымъ правомъ считать себя любимѣйшимъ русскимъ писателемъ. Съ этимъ публику можно поздравить, потому что это составляетъ рѣшительный шагъ впередъ. Въ 1864 году любимѣйшимъ писателемъ ея былъ г. Ключниковъ, а произведеніемъ, которымъ она захлебывалась—было «Марево.» Переходъ отъ нихъ къ г. Всев. Крестовскому и «Петербургскимъ трущобамъ» несомнѣнно свидѣтельствуемъ объ улучшеніи ея вкуса, потому что духъ перваго произведенія — полицейско-слѣдовательный и мрачно-серьезный; духъ же втораго — просто сыщиковскій и обличительно-циническій. Первый — соответствуетъ направленію «Московскихъ Вѣдомостей»; второй—преобладанію «Голоса.» Г. Ключниковъ напаяливалъ на себя плащъ князя Пожарскаго изъ драмы «Рука Всевышняго Отечество спасла», принималъ политическій, озабоченный видъ и подъ этимъ прикрытіемъ совершалъ печальные подвиги. Г. Всев. Крестовскій является напротивъ того, болѣе будничнымъ ревнителемъ общественнаго благочинія, просто усерднымъ составителемъ «петербургскихъ отиѣтокъ»; призваннымъ не спасать родину энергическими мѣрами, а совершенствовать ея нравы неуспыннымъ обличеніемъ повседневныхъ проишествій; онъ идетъ по стопамъ г. Розенгейма и другихъ подобныхъ, впрочемъ болѣе специализируя свое обличительство кругомъ такихъ поступковъ, которые предусмотрѣны и отиѣчены въ XV томѣ свода законовъ. Подъ видомъ раскрывателя продѣлокъ разныхъ жуликовъ, онъ занимается дѣломъ, гораздо болѣе мирнымъ чѣмъ прошлогодніе герои, и, не отыскивая сильныхъ ощущений, вполне доволенъ, если удастся вернуть какой нибудь публичный анекдотъ, какую нибудь скандальную исторійку, какой нибудь грязный намекъ, напоминающій сладкіе Испанскіе мотивы». Публика, захлебывающаяся отъ наслажденія, читая про продѣлки и поимку мошенниковъ и разныя скоромныя картинки, представляетъ безспорно зрѣлище болѣе веселящее душу, чѣмъ та же публика, мрачно

погруженная въ высказаніе практическаго смысла бытописаній гг. Ключникова и Стебницкаго.

Но кромѣ своего *знаменитаго* романа, г. Всев. Крестовскій сочиняетъ разные мелкіе рассказы, издаваемые г. Гензелемъ маленькими книжками подъ заглавіями: «Петербургскіе типы», «Петербургскіе золотопромышленники», «Фотографическія карточки петербургской жизни», и, быть можетъ, еще какими нибудь. Всѣ эти рассказы, первенствующіе, какъ я сказалъ, между «Ссорами барыни съ кухаркою», «Мальчикомъ съ пальчикъ» и другими того же рода, рѣшительно ничѣмъ не отличаются отъ «Петербургскихъ трущобъ», такъ что каждый изъ нихъ могъ бы войти въ романъ въ качествѣ особой главы. Въ нихъ, какъ и въ романѣ, наружный видъ — полудейско-обличительный. Не безъ интереса и увлеченія, легкимъ и игривымъ слогомъ рассказываются похождения воровъ и мошенниковъ, о томъ, какъ кухарка обворовала барыню, какъ одинъ господинъ укралъ кольцо, какъ другой господинъ не платитъ за обѣдъ въ трактирѣ, какъ мошенничаютъ извозчики, какъ надуваютъ букинисты и тому подобныя анекдоты, въ которыхъ авторъ блистаетъ своимъ знаніемъ воровскихъ терминовъ и знакомствомъ съ тайнами частей и кварталовъ. Все это конечно повѣтствуется съ благородно-обличительной цѣлью и даже украшается гуманными размышленіями о томъ, что нельзя винить негодая за то, что онъ сталъ имъ. Главную же суть рассказовъ г. Крестовскаго составляютъ скандалозности, изъ которыхъ нѣкоторыя могутъ смѣло сравняться съ самыми пикантными сюжетами стихотвореній того же автора. Какъ игриво воображеніе его, всего лучше свидѣтельствуемъ рассказъ: *Radix jalappaе*, содержаніе котораго я не берусь передавать, не желая подвергать читателя такой неприятности. Впрочемъ такіа произведенія кажутся неприятны только избалованному вкусу; неизбалованные же люди вѣроятно найдутъ и этотъ рассказъ и другіе очень юмористическими, занимательными и пріятными. Особенно людямъ, наслаждающимся «Петербургскими трущобами», можно даже порекомендовать изданія г. Гензеля, какъ источникъ наслажденія, ничѣмъ неуступающій первому.

И такъ фактъ существуетъ, что г. Всев. Крестовскій стоитъ теперь во главѣ русской беллетристики. Нѣкогда сотрудники его по «Отчетственнымъ Запискамъ» были очень возмущены, когда «Современникъ» сказалъ, что въ 1859—61 г. Добролюбовъ первенство-

валъ въ литературѣ. Теперь они могутъ успокоиться: никто съ ними не будетъ спорить, что пальма первенства, побывавшая въ рукахъ г. Каткова, перешла къ ихъ знаменитому романисту. Онъ вполне герой своего времени. Онъ обязанъ этимъ скандальнымъ свойствомъ своего пера и своей полицейской эрудиціи. Вкусъ публики къ первому — понятенъ; но трудно понять, что ей нравится во второй. Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что она высоко цѣнитъ полицейскую эрудицію. Это доказываютъ, кромѣ романовъ и разсказовъ г. Крестовскаго, разныя повѣсти изъ быта исправниковъ, становыхъ, окружныхъ, уголовныя исторіи, разказы слѣдственныхъ приставовъ, отрывки изъ записокъ судебныхъ слѣдователей и проч., во множествѣ утрашающіе собою страницы «Отечественныхъ записокъ», и «Библіотеки для чтенія» и покойной «Эпохи». Таковы напр. «Глухія мѣста», «Красавецъ» — оригинальная повѣсть г. Писемскаго, «Русановъ» — также оригинальная повѣсть г. Ливанова, криминальный разказъ (заглавія не помню) г. Стебницкаго и много другихъ за одинъ только нынѣшній годъ. Въ разказахъ этихъ авторъ нерѣдко повѣствуетъ отъ своего лица и показываетъ публикѣ свое личное участіе въ расправѣ съ криминаломъ. Иногда онъ отлично рекомендуетъ себя такимъ образомъ, какъ напр. г. Марковъ въ разказѣ «Глухія мѣста». Если г. Марковъ на себя не наклеветалъ, то Д. И. Писареву придется раскаться, что похвалилъ его, потому что онъ, — по собственному сознанию, человекъ безнадежный. Его иматерскія побужденія на слѣдствія, его наивное восхищеніе распорядительностью исправника, его злоба на упорство обвиненныхъ, его неподдѣльная скорбь о томъ, что и въ земной полиціи встрѣчаются между солдатами личности не высоко развитыя, — все это дѣлаетъ его достойнымъ сотрудникомъ гг. Крестовскаго и Зарина.

Такииъ образомъ на нынѣшній разъ намъ удалось полюбоваться образцами двухъ категорій писателей — народоучителями и беллетристами. Взглянемъ на образчикъ третьей группы — на ученыхъ.

Профессоръ Харьковскаго университета, докторъ историческихъ наукъ г. А. Рославскій-Петровскій издалъ недавно три свои лекціи, читанныя въ Харьковскомъ университетѣ, подъ заглавіемъ «Введеніе въ курсъ исторіи цивилизаціи». Заглавіе это заставляеть

предполагать, что ученый авторъ «Введенія», найдренъ сдѣлается русскимъ Гизо или Беклемъ и представить самостоятельный трудъ по исторіи цивилизаціи. Судя по «Введенію» это будетъ чрезвычайно любопытное сочиненіе. Уже въ «Введеніи», не смотря на его тошій объемъ (60 страницекъ кружной печати), ученый докторъ успѣлъ коснуться и ученія о эатализмѣ, и Гегеля, и опытовъ Пастера, и заблужденія матеріалистовъ, и мечтаній утопистовъ объ абсолютномъ равенствѣ, и Дарвина, соштывъ его съ Менцелемъ, и эконоическихъ условій Индостана, и Гексли, и китайской цивилизаціи съ французскимъ министромъ Народнаго Просвѣщенія, и мало ли еще чего! Читатель радуется, что и у насъ есть такіе ученые люди, и невольно приходитъ ему на память столь часто цитируемыя въ послѣднее время слова Ломоносова, что

Можетъ собственныхъ Платоновъ

И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ

Россійская земля рождать.

Кромѣ глубокой и многосторонней учености, г. Рославскій-Петровскій замѣчательнъ еще необыкновенно строгой логичностью въ выводахъ и разсужденіяхъ. Примѣромъ этой феноменальной логики дѣ его статейкѣ еще больше, чѣмъ доказательствъ учености его. Для образца я приведу нѣкоторыя и совѣтую занести ихъ въ новое изданіе гимназическаго курса Логики, чтобы каждый ученикъ имѣлъ передъ собой образцы той быстроты разума, до которой можетъ достигать человекъ, посвящающій жизнь свою наукѣ.

Такииъ образомъ напр. ученый нашъ опровергаетъ матеріалистическія воззрѣнія на законы, управляющіе процессомъ историческаго движенія. Опровергнувъ ихъ, онъ спрашиваетъ своихъ слушателей: какою же законъ управляетъ этимъ движеніемъ? и тутъ же выражаетъ увѣренность, что «вопросъ этотъ *лучше всего* разрѣшить доброе дувство» его слушателей, и «то самое чувство, продолжаетъ онъ, которое, не правда ли? заставляетъ васъ благословлять освобожденіе 20 милліоновъ крестьянъ въ Россіи, слѣдить съ жавѣйшимъ участіемъ за ходомъ американской борьбы, сочувствовать равноправности или, по крайней мѣрѣ, болѣе независимому въ обществѣ положенію женщины и видѣть брата въ каждомъ человекѣ, въ какой бы націи онъ ни принадлежалъ и на какой бы степени образованія ни находился.» Только что успѣлъ г. профессоръ разрѣшиться отъ этики либеральныхъ фразъ, только что успѣлъ увѣрить слуша-

толей; что «доброе чувство ихъ» *всего лучше* разрешить заданный имъ вопросъ, какъ вдругъ круто поворачиваетъ въ другую сторону и наотрѣвъ объявляетъ: «Но научные вопросы не разрешаются на основаніи чувствъ: они требуютъ ясныхъ доказательствъ, отчетливаго и сознательнаго анализа». Такииъ образомъ, «доброе чувство, заставляющее благословлять» и т. д. — оказывается просто шуткой и было, очевидно, прилетено на къ селу, ни къ городу, единственно для того, чтобы дать профессору поводъ заявить, что онъ и освобожденію крестьянъ сочувствуетъ, и эмансипациі негрвъ желаетъ, и вообще придерживается всѣхъ благонамѣренно-либеральныхъ взглядовъ, которые въ настоящее время составляютъ необходимую принадлежность d'un homme comme il faut.

Заявивъ все, какъ слѣдуетъ, нашъ ученый принимается за «ясныя доказательства и отчетливый, сознательный анализъ». Онъ говоритъ, что, сообразуясь съ этими условіями, онъ обращался къ наукѣ съ вопросомъ, что такое законы, и будто бы она отвѣчала ему: «законами называются отношенія, вытекающія изъ природы вещей, — предметъ исторіи — міръ духовный, а сущность духа состоитъ въ томъ, что онъ свободенъ». Этотъ отвѣтъ доказывается, что г. Рославскій-Петровскій принялъ по наивности за науку либеральную болтовню Монтескьё, носящую грѣшное заглавіе «Духа Законовъ». Эта болтовня для него — верхъ человѣческой мудрости, какъ онъ и самъ говоритъ, называя ее «великимъ твореніемъ». Нельзя не позавидовать людямъ, обладающимъ такою наивностью. Вмѣсто того, чтобы думать самимъ, имъ стоитъ только развернуть какое нибудь «великое твореніе» въ родѣ «Духа Законовъ», — чтобы сразу получить отвѣты на всѣ вопросы. Такъ и теперь: славилъ г. Рославскій-Петровскій въ «Духъ Законовъ» и знаетъ твердо, что «законы — отношенія, вытекающія изъ природы вещей, — предметъ исторіи — міръ духовный, а сущность духа — въ томъ, что онъ свободенъ». Коротко и ясно.

Далѣе профессоръ разсуждаетъ о свободѣ и не находитъ даже нужнымъ объяснить, что свобода не заключается въ возможности или правѣ дѣлать все, что ни вздумается. Онъ утверждаетъ даже, что такая свобода — скорѣе рабство, нежели свобода.» (Все это опять таки говоритъ ему наука, т. е. выписано изъ Монтескьё). Но въ силу своей необычайной логики, онъ опять сбивается въ толгу и говоритъ, что свобода состоитъ въ томъ, чтобы слѣдовать указа-

нннъ разума. Это ужъ плохо, г. Рославскій-Петровскій. Развѣ наука, т. е. Монтескьё, такъ говорить? Нѣтъ: она говоритъ, что свобода состоитъ въ томъ, чтобы повиноваться законамъ, вслѣдствіе чего, по ея мнѣнію, «преступникъ, котораго ведутъ въ Англій на висѣлицу, свободнѣе, чѣмъ въ Турціи паша», потому что преступникъ на этотъ разъ повинется закону, а паша имѣетъ возможность дѣлать все, что ему вздумается. А вы что выдумали! слѣдовать указаніямъ разума! Да вѣдь это и есть «дѣлать все, что не вздумается.» Какъ же вы этого не сообразили? Видите: вы хотя и похвалаетесь, что читали Монтескьё, но значить мало читали и въ самую глубь его премудрости не проникли.

Другой примѣръ своеобразной логики профессора представляетъ слѣдующее приключеніе. Разсуждаетъ онъ о томъ, что христіанская религія привилась только тамъ, гдѣ уже прежде существовала извѣстная степень образованности и цивилизованности. При этомъ онъ указываетъ на абиссинцевъ, которые, принявъ христіанство на самомъ низкомъ уровнѣ народнаго развитія, искавили эту религію и стоятъ теперь въ нравственномъ отношеніи ниже магометанъ и язычниковъ. Теперь, я спрошу читателя, что по его мнѣнію выводить изъ этого г. Рославскій-Петровскій? Не угадаете ли за что: оставивъ абиссинцевъ, онъ совершенно неожиданно, безъ всякаго перехода, перекаетъ слѣдующее: «Если такъ (т. е. если абиссинцы, не смотря на то, что христіане, стоятъ ниже язычниковъ), то должно ли сѣтовать, что не у всѣхъ христіанскихъ народовъ введены либеральныя учрежденія?» Какъ вамъ это покажется? Оказывается, конечно, что не должно сѣтовать. Этотъ примѣръ умозаключенія вполнѣ достоинъ пріобрѣсти такую же всеобщую извѣстность, какъ и извѣстная палка, стоящая въ углу, вслѣдствіе чего идетъ дождь.

Но счастливымъ соперникомъ г. Рославскаго-Петровскаго является самъ же г. Рославскій-Петровскій. Его немногія замѣчанія о войнѣ затмѣваютъ силою логики все, что мы доселѣ видѣли даже у него. Войну онъ признаетъ величайшимъ зломъ, извѣстнымъ человечеству, но впрочемъ не видитъ возможности допустить, чтобы зло это могло когда либо прекратиться, «пока человѣческая природа останется тою-же.» Отчего же? Оттого, вѣщаетъ г. Рославскій-Петровскій, что войну пораждаетъ «*потребность движенія.*» При этомъ онъ цитируетъ Бюхона, потому что онъ вообще безъ уважаемыхъ авторите-

товъ ни на шагъ, такъ что слушатели его, чего добраго, и выслушавъ дѣль могли бы подумать, что Бюконъ, Генсли, Лоранъ, Белье, Ренанъ вполне подтверждаютъ всѣ взгляды и профессора. Но счастливъ г. Рославскій-Петровскій обладаетъ способностью цитировать свои авторитеты вопреки всякому здравому смыслу. Тамъ и здѣсь: намѣреваясь доказать, что война порождается потребностью движенія, онъ ссылается на слова Бюкона, что никакое тѣло, ни политическое, ни физическое, не можетъ быть здорово безъ движенія. Смысл и глубина неясности здѣсь просто непостижимы, и объять ее разумомъ во всей полнотѣ становится довольно трудно. Во-первыхъ на сколько эта цитата относится къ мудрому замѣчанію г. Рославскаго-Петровскаго? Единственно только на томъ основаніи, что въ ней упоминается о *движеніи*. Танинъ образомъ въ подтвержденіе своего мнѣнія онъ могъ бы привести вмѣсто одной тысячу цитатъ изъ самыхъ знаменитыхъ или вѣстныхъ писателей, гдѣ только говорится о движеніи—отъ *Théorie des quatre mouvements* и до *эпизини Ланца*. Во вторыхъ, въ цитатѣ сказано, что безъ движенія невозможно здоровье, а онъ утверждаетъ, что отъ него происходитъ война, которая есть зло, т. е. болѣзнь. Слѣдовательно, привести цитату изъ Бюкона онъ имѣлъ меньше основанія, чѣмъ всякую другую. Въ довершеніе всего, только что убѣдивъ слушателей и читателей въ томъ, что война никогда не прекратится, «пока человѣческая природа останется тою же,»—онъ тѣмъ же духомъ усноковываетъ ихъ, что стѣнь не менѣе очевидно, что этотъ варварскій обычай (т. е. война не), долженъ постепенно выходить изъ употребленія. После такого несмысленнаго разсужденія остается только спросить г. Рославскаго-Петровскаго,—умѣетъ ли онъ сосчитать до пяти?

И стоило ли, подумаешь, дѣлаться докторомъ историческихъ наукъ, стоило ли изучать разныя философіи, антропологию, законы Ману и проч., стоило ли читать всѣхъ этихъ Риттеровъ, Шенюсовъ, Бразеновъ, и Бастіатовъ, стоило ли узнавать, что было на свѣтѣ «Григорій Абульфарадисъ-бейъ-эль-Арунъ», что Меносъ вступилъ на престолъ въ 3895 (по Бунсену) или въ 3892 (по Шенюсу); что французскій министръ народнаго просвѣщенія назвалъ китайскую цивилизацію «приникшею долу»—стоило ли, словомъ, учиться и стоять ли другимъ поучать, когда самому не подъ силу до пяти сосчитать? Не гораздо ли лучше было бы связать о всѣхъ этихъ На-

стерахъ; Моисеяхъ и Геранахъ то, что г. Рославскій-Петровскій сказалъ о Ветле: «что слова ихъ чрезвычайно странно звучать въ его ушахъ». Прежде такъ у насъ и было: читаетъ себѣ, бывало, профессоръ лѣтъそろю о томъ, что народы образованные любятъ порядокъ, а народы дикіе любятъ независимость, что все, что ни дѣлалось въ мірѣ, дѣлалось для идеи политическаго равновѣсія, выше которой ничего быть не можетъ, и что вообще должно помнить субординацію. Теперь не то: теперь каждый желаетъ собственной особой изобразить русскій прогрессъ, доказать, что и у насъ есть настоящіе ученые, какъ есть ученые, такіе, что хоть въ Оксфордъ, которые и Transactions of Asiatic Society читаютъ, и о Пастерѣ слыхивали, и о томъ могутъ разсуждать, что «богатство каждой страны *дѣлится* (творецъ небесный! все ты это видишь, и все ты это терпишь!) только на задѣльную плату, ренту, прибыль и процентъ». Теперь г. Рославскій-Петровскій стремится быть русскимъ Беклемъ и пишетъ Исторію Цивилизацій; теперь г. Стасюлевичъ горитъ желаніемъ стать русскимъ Гизотомъ и издаетъ въ переводѣ иностранныхъ лѣтописцевъ. Плодомъ этихъ успій являются тощія «Введенія», никуда не ведущія, жалкія тетрадки, какъ произведенія гг. Рославскаго-Петровскаго и Ешевскаго, или толстыя томы всякаго сброда, какъ изданіе г. Стасюлевича.

Кстати объ этомъ изданіи: въ дальнѣйшихъ томахъ своего изданія г. Стасюлевичъ уже не путаетъ Гизо и Тьерри съ Бедой Достопочтеннымъ и Сидоніемъ Апполлинаріемъ; вмѣсто того онъ рѣшился «брать каждое историческое произведеніе въ его цѣлости, отъ начала до конца, представляя опускаемыя мѣста въ анализѣ.» «Представлять опускаемыя мѣста въ анализѣ» значитъ по просту обозначать, что пропущены такіа-то главы, гдѣ говорится о томъ-то; напр. «здѣсь авторъ хотѣлъ объяснить причины крестовыхъ походовъ» или «и слѣдующая глава занята историческимъ описаніемъ Александрии и разсужденіемъ о ея торговомъ значеніи». Почему г. Стасюлевичъ желаетъ называть это анализомъ? Впрочемъ, не смотря на анализъ, Раумеръ, Зибель и даже Тэнъ продолжаютъ переимѣшиваться съ Абуль-Магасенами и Вильгельмами Тирскими. Вообще изданіе г. Стасюлевича представляетъ по прежнему какую-то путаницу лоскутьевъ, вырванныхъ у разныхъ древнихъ и новыхъ авторовъ, и далеко нельзя согласиться съ г. Полевымъ, который сказалъ въ

«С.-Петербургских Вѣдомостяхъ», что въ Россіи и челоуѣка не найдется, чтобы подвергнуть это изданіе основательному разбору. Для того чтобы оцѣнить и г. Стасюлевича, и все, что онъ можетъ произвеста, достаточно раскрыть его III томъ «Исторіи Среднихъ Вѣковъ.»

В. В.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОЛИТИКА.

«Когда перестаетъ свѣтитъ солнце, тогда и плошки блестятъ»— девизъ современной политики.—Финансовое состояніе Австріи.— Неудачи ея послѣ италіанской кампаніи 1848 года.—Необходимость сближенія Австріи съ Венріей.—Венерскіе манифесты и венгерскій народъ.— Столкновеніе германской партіи съ поборниками національныхъ интересовъ.—Шаткое положеніе князя Кузы и вѣроятность переворота въ Молдаво-Валахіи.—Нѣмецкіе либералы на праздникъ въ Кельнѣ.—Примиреніе партіи Лассалля съ прусскими прогрессистами.—Политическое значеніе испанскаго духовенства.—Историческая и современная роль ея.—Борьба за конфискацію духовныхъ имуществъ.—Общинные выборы во Франціи.— Наполеоніада г. Дюрюи, мин. нар. просвѣщ.—Ничтожество англійскаго парламента.

«Когда перестаетъ свѣтитъ солнце, тогда и плошки блестятъ». Эта поговорка вполнѣ характеризуетъ глубокое затишье въ современной европейской политикѣ и еще болѣе глубокую апатію общественныхъ дѣятелей. Люди дѣйствія сошли со сцены; серьезные и общечеловѣческіе вопросы сведены на такіа мелочи, что конскія скачки въ Англии и шербургскіе праздники во Франціи причисляются въ мировымъ событіямъ. Разные господа, не надѣясь услышать

лестное слово отъ своихъ современниковъ, сами называютъ себя великими и честными людьми. Къ сонму великихъ людей относить себя и Джонъ Россель, и издатель «Юлія Цесаря» г. Плонъ, и историкъ «Имперіи и консульства» г. Тьеръ. Нѣтъ такого пигмея, который бы не мѣтилъ въ великіе люди, и нѣтъ той наглости, которая бы не драпировалась въ добродѣтель. Все это доказываетъ давно небывалую бѣдность умственныхъ силъ и дѣйствительно-великихъ событій. Да и откуда имъ, въ самомъ дѣлѣ, взяты, когда современнымъ движеніемъ западной Европы управляютъ два или три биржевыхъ игрока и нѣсколько счетчиковъ банкирскихъ конторъ.

Австрія рѣшительно зависить отъ нѣсколькихъ мѣшковъ талеровъ, которыми она готова мѣрить свои настоящія и будущія судьбы. Послѣ долгихъ и скучнѣйшихъ дебатовъ рейхсрата о финансовомъ состояніи имперіи, обѣ палаты закончили тѣмъ, что утвердили бюджетъ на 1865 годъ. На этотъ разъ палата депутатовъ одержала крошечную побѣду, вынудивъ у министерства значительныя уступки въ томъ бюджетѣ, въ которомъ правительство не соглашалось сдѣлать ни одного значительнаго сокращенія. Впрочемъ, имѣя предъ глазами прусскій парламентъ и прусское министерство, въ Вѣнѣ твердо рѣшились не доводить раздора до крайности и не запутывать дальше и безъ того запутаннаго положенія дѣлъ. Австрія, до половины разложившаяся внутри, не вынесла бы очень сильнаго внутренняго потрясенія. Не говоря уже о другихъ дѣлахъ, она едва справляется съ итальянскими и венгерскими протестами, съ банкротствомъ, угрожающимъ государственной кассѣ, а тутъ еще подвергается подъ руки возна съ нѣмцами, медоводными мертвой конституціей и требующими ея ликвидаціи. Правительство отрекается отъ этой конституціи, насколько хватаетъ у него силъ. Счастье ли это или несчастье, только парламентъ, засѣдающій въ Вѣнѣ, лишень всякой дѣйствительной силы. Засѣдаетъ онъ не въ полномъ составѣ, — слѣдовательно его дебаты могутъ оспариваться, а рѣшенія — если только представится къ тому случай — съ большимъ удобствомъ могутъ быть объявляемы ничтожными и недействительными. Самъ по себѣ конституціонализмъ не акклиматизированъ въ Австріи; онъ чрезвычайно деликатнаго сложенія, такъ что ни одно страховое общество не рискнуло бы поручиться своими деньгами за его жизнь. Однимъ словомъ, знаменитое опредѣленіе говорить, что въ истинно-конституціонной странѣ король царствуетъ, но не управляетъ государствомъ. Въ Австріи парламентъ

быть может и царствуетъ, но управляетъ дѣлами навѣрное вице-царской министръ.

Безъ всякаго сомнѣнія управляетъ онъ, но положеніе дѣлъ отъ этого не становится лучше. Съ тѣхъ поръ, какъ австрійскіе кроаты задавили итальянское движеніе 1848 года и обуздали венгерскій патриотизмъ, Австрія рѣшительно ни въ чемъ не везетъ. Что бы она ни предпринимала, въ чистомъ накладѣ всегда остается австрійское правительство. Ищетъ ли оно расположенія Германіи и креобладанія въ ней: Германія платитъ ей или полнѣйшимъ равнодушіемъ, или презрѣніемъ. Желаетъ ли оно найдти опору въ своихъ собственныхъ подданныхъ, въ славянскихъ народахъ: они, наученные опытомъ, отвѣчаютъ ему недоверіемъ и всеобщимъ ропотомъ. Исторія предательствъ и постоянного угнетенія, обличеннаго въ благовидную форму *германизации*, раздѣлила цѣлою частью господствующую расу отъ подвластной. Представится ли Австріи случай вознаградить себя за сольферинское пораженіе кровавой побѣдой надъ бѣдными датчанами—и туго неудачи. Незамысловатый г. Бисмаркъ проводитъ ее на каждомъ шагу; онъ загребаетъ руками Австріи угольки и, при дѣлежѣ добычи, оставляетъ ей одну золу; всѣ матеріальныя выгоды отъ завоеванія герцогствъ остаются на сторонѣ Пруссіи, а Австріи предоставляется слава пародировать безкорытнаго и печальнаго рыцаря крестовыхъ походовъ. Объ Италіи нечего и говорить; тамъ единственный союзникъ дома Габсбурговъ — папа Пій IX. Но на такого союзника можно рассчитывать еще менѣе, чѣмъ утопающему на соломенку. Съ тѣхъ поръ, какъ духовныя анафемы папы потеряли свою силу противъ свѣскихъ пушекъ, Пій IX — плохой покровитель австрійскаго абсолютизма. Такимъ образомъ, послѣдней опорой Австріи остается Венгія т. е. не венгерская нація, а венгерскіе магнаты, воспитываемые въ Вѣнѣ на счетъ правительства и никогда не отдѣлявшіе своихъ сословныхъ интересовъ отъ благоденствія дома Габсбурговъ. Въ нихъ, и только въ нихъ австрійское правительство находило своихъ друзей и покорныхъ слугъ, когда дѣло шло о спасеніи погивавшей имперіи. Они съ помощію войска выручили Марію Терезію и добровольно зацѣпили петлю на своей собственной шеѣ; они принимали участіе во всѣхъ замыслахъ вѣнской аристократіи противъ свободы Испаніи и Франціи; они давали Австріи государственныхъ людей и подвизались, около ста лѣтъ только и занимавшихся тѣмъ, что бы тормозить всякое прогрессивное движеніе Европы. Но и эта опера со временемъ сдѣлалась гнилой.

Послѣ бѣдствій итальянской кампаніи, — бѣдствій, въ которыхъ венгерцы, безъ сомнѣнія, играли не послѣднюю роль — въ Вѣнѣ въ высшихъ сферахъ стали сознавать, что авторитетъ Габсбургъ долженъ помолодѣть для Австріи, что онъ долженъ соединиться съ какою нибудь болѣе или менѣе популярною конституціей. Былъ созванъ чрезвычайный рейхсратъ, рѣшившійся задобрить Венгрію октябрьскою грамотою. Этотъ декретъ былъ новою попыткою привлечь Венгрію воображаемыми уступками. Въ благодарность за это, Венгрія должна была отказаться отъ протеста во имя права и принять законное положеніе, которое лишало ее всякой независимости и автономіи. вмѣсто дѣйствительныхъ льготъ, ее увлекали блестящею перспективой, что въ палатѣ депутатовъ число ея представителей будетъ преобладающимъ. Въ качествѣ провинціи, ей охотно давали всякія льготы, лишь бы она согласилась пожертвовать своею національностью.

Эта тактика оказалась неудачною. Народъ принялъ октябрьскую грамоту съ недоумѣніемъ. Представители историческихъ фамилій Зичи, Форгаецъ, Андрази, Аппонія, Пальфи, Эстергази вполнѣ удовлетворились бы ею; но она показалась недостаточною для умѣренныхъ буржуа одного закала съ Деакомъ и компаніею. Что же касается массы народа, она отвѣчала единодушнымъ отказомъ принять ее.

Вѣнскій кабинетъ, задѣтый за живое, самъ уничтожилъ февральскою грамотою то, что пытался создать октябрьскою. Черезъ 4 мѣсяца онъ измѣнилъ самъ себя и жаловался на неблагодарность Венгрии. Г. Шмерлингъ говорилъ во всеуслышаніе, что, если Австрія сдумѣла побѣдить Венгрію, она сдумѣетъ обойтись и безъ ея содѣйствія. Въ силу этого, Шмерлингъ по своему принялся за дѣло г. Баха, за германизацію или вѣрнѣе *австризацію* всѣхъ провинцій, находящихся подъ скипетромъ Франца Іосифа. Только приемы Шмерлинга не походили по своей внѣшней формѣ на приемы Баха; вмѣсто того, чтобы пускаться въ ходъ осадное положеніе и все, что его сопровождаетъ, онъ, какъ юристъ, прибѣгалъ къ болѣе уклончивымъ мѣрамъ.

Подъ вліяніемъ анти-венгерскихъ идей, Францъ Іосифъ захотѣлъ стать въ Германіи болѣе твердою ногою, чѣмъ стоялъ до сихъ поръ; онъ рѣшительно отвернулся отъ Венгрии и обратился къ Германіи, положивъ въ карманъ программу конгресса принцовъ, которую составилъ императорскій демократъ Фрѣбель. Если бы, вмѣсто таковаго страннаго поворота онъ сдѣлалъ государственный переворотъ, если бы онъ просто на просто объявилъ себя императоромъ Германіи, если бы,

войдя уже разъ въ Römer, онъ вышелъ изъ него съ короною Максимилиана на головѣ, если бы, вмѣсто воззванія къ дипломатамъ и придворнымъ, сдѣлалъ прямое воззваніе къ своему народу, невозможно предвидѣть, чѣмъ бы окончилось все это дѣло. Къ счастью, изъ всего этого вышелъ только сценическій эффектъ. Повторилась исторія французскаго короля, который, какъ говорится въ «Nuguey Rhymes», собралъ 200,000 войска, множество лошадей и пушекъ, и въ сопровожденіи этой значительной свиты взоселъ на холмъ, а потомъ спустился съ него.—Обращеніе Франца Иосифа къ германіи остается тѣмъ не менѣе однимъ изъ самыхъ любопытныхъ современныхъ приключеній.

И такъ Францъ Иосифъ возвращается въ Вѣну въ обществѣ Рехберга, у котораго нѣтъ ни одной идеи, и Пленера, у котораго нѣтъ денегъ, а неотвязчивый венгерскій вопросъ все-таки остается при нихъ. Не знали, за что взяться, когда вновь завязалось дѣло съ герцогствами. Вѣнскій кабинетъ ополчился вслѣдъ за г. Бисмаркомъ, чтобы уничтожить трактатъ, подписанный Австрією и Пруссією, чтобы, подъ предлогомъ покровительства, наводнить Данію своими войсками. Всякій думалъ, что, до занятія княжествъ, оба кабинета, по крайней мѣрѣ, условились о томъ, что они съ ними сдѣлаютъ послѣ побѣды. Но не тутъ-то было; они, собственники безъ раздѣла, держатся каждый за герцогства и бросаютъ другъ на друга угрожающіе взгляды. Вотъ уже нѣсколько времени произносятся и повторяются слова: гражданская война... Но въ состояніи ли будетъ Австрія начать войну съ Пруссією, не примирившись предварительно съ Венгрією? Напрасно Австрія думала помолодѣть въ кровавой волнѣ, выпущенной изъ жилъ несчастной Даніи, — она остается слаба и дряхла безъ поддержки Венгріи. На поворотѣ всякой дороги, въ исходѣ всякаго событія выдается въ глаза все тотъ же венгерскій вопросъ.

Поэтому въ высшихъ государственныхъ совѣтахъ было положено, во что бы то ни стало, примириться съ Венгрією и, ни мало не задумываясь, рѣшились пожертвовать Шмерлингомъ. Этому государственнаго человѣка упрекали единственно въ неуспѣхѣ. Германизмъ его не вывезъ, поэтому принялись за венгеризмъ; не пригодилась черная готическая куртка дяди Яна, — и пришлось поневолѣ натянуть свѣтло-сѣрую куртку съ золотыми галунами.

Предписаніе было дано, и краснорѣчивые ораторы наполнили нѣсколько засѣданій вѣнскаго рейхсрата рѣчами въ пользу венгерскихъ братьевъ. Журналы набивались объясненіями того, что

венгерскимъ представителямъ стоить только явиться въ парламентъ, и голосъ ихъ будетъ рѣшительнымъ во всѣхъ вопросахъ: они будутъ создавать и уничтожать не только партіи, но даже министерства. Вездѣ распространили слухъ о неминуемомъ паденіи г. Шмерлинга. Кабинетъ, рейхсратъ, Вѣна, вся Австрія наконецъ широко раскрывали Венгрію свои объятія.

Такимъ ласковымъ приглашеніемъ могли бы противиться только сердца, подобныя сердцу Брута, только неисправимо-революціонные темпераменты. Всѣ магнаты, всѣ молодые богачи и сынки крупныхъ собственниковъ уже примѣривали парадные костюмы, чтобы явиться при дворѣ и составить свиту Франца Іосифа. Всѣмъ на свѣтѣ они готовы были пожертвовать только для того, чтобы въ богатыхъ гусарскихъ доломанахъ, съ золотыми галунами и брилліантовыми застежками, въ красныхъ сапогахъ съ серебряными шпорами и на великолѣпныхъ рысакахъ проскакать передъ вѣнскими дамами и удостоиться вниманія разныхъ свѣтлостей и сіятельствъ.

Съ другой стороны крупная буржуазія сильно досадовала, хотя и не на столько страдала отъ нетерпѣнія. Никогда она не стояла за принципы; она презираетъ всѣ крайнія теоріи, и роль умѣренной, конституціонной оппозиціи вездѣ и всегда была ея послѣднимъ идеаломъ. Она не желаетъ ни кровавой борьбы, ни строгаго отреченія. Ригоризму она не сочувствуетъ и протестуетъ противъ всякихъ крайностей. Ей принадлежитъ изобрѣтеніе пословицы: что *«лучше—врагъ хорошаго»*; въ былое время она изгнала бы Аристеда за прозваніе Справедливаго; она же простила бы Тиверія, изъ уваженія къ его изящнымъ манерамъ, и оправдала бы Нерона, потому что онъ хорошо игралъ на флейтѣ и умѣлъ шутить по цезарски. Посредствомъ органа своего героя, Деака, крупная буржуазія попала на удочку, которую ей подставили изъ Вѣны: Пести Напло отвѣчалъ словами примиренія на такія же слова, произнесенныя въ рейхсратѣ; Пести Напло объявилъ, что всего надо ждать отъ правительства, что одно правительство можетъ успокоить умы и залечить раны. Журналъ *Debatte* пошелъ дальше и далъ программу примиренія, проникнутую такимъ приличіемъ и патриотизмомъ, какимъ только могъ отличаться знаменитый манифестъ Георгя. Эту программу нашли превосходною въ Вѣнѣ и не очень плохую въ Пестѣ. Всякій могъ извлечь изъ нея какъ разъ то, что хотѣлъ. Г. Шмерлингъ видѣлъ въ ней полное изъявленіе покорности; а буржуазія находила въ ней будущую организацію законной оппозиціи. Со времянь Телля, буржуазія Швица рассуждала такимъ образомъ:

«чтобы шумѣть противъ Геслера, надо сойдти на площадь, надо поклониться его шляпѣ. Стало быть поклонимся прежде шляпѣ Геслера, а потомъ будемъ шумѣть противъ него». Что же отвѣчать на эту аргументацію Пести Наплю и г. Деака?

А что же говорить на все это венгерскій народъ? Венгерскій народъ, подобно другимъ народамъ, составляетъ пассивную силу, равнодушную и мертвую по своей безгласности. Онъ вообще молчитъ, и это самое лучшее, что онъ можетъ дѣлать. Кромѣ того, онъ совершенно истощенъ. Два страшныхъ года засухи и голода слѣдовали одинъ за другимъ. Народъ въ долгу и совершенно разоренъ. Его быки, бараны, лошади поколѣли, братья и дѣти померли. Онъ мраченъ, грустенъ; онъ совершенно потерялъ бодрость. Если передъ нимъ проѣдетъ въ каретѣ богатый собственникъ—нѣмецъ, если передъ нимъ проскачетъ на лихомъ конѣ молодой дворянинъ, одѣтый въ малиновый бархатъ,—онъ, быть можетъ, посмотритъ на нихъ съ завистью, но что же ему за дѣло до того, что они дѣлаютъ или чего не дѣлаютъ? Со времени Дебричинскаго сейма, со времени Коморнской капитуляціи и Арадскихъ казней у него не было ни одного счастливаго дня.

Въ настоящую минуту сцена примиренія между австрійскою имперіею и венгерскимъ королевствомъ пользуется полнымъ успѣхомъ. Всѣ обнимаются, всѣ привѣтствуютъ другъ друга, а тѣ, кому это не нравится, сидятъ по домамъ. Императоръ Францъ Іосифъ самъ пріѣхалъ въ Пестъ и лейпцигская Газета «*Illustrirte Zeitung*» сообщила намъ подробности о костюмахъ, церемоніяхъ, официальныхъ обѣдахъ, гуляньяхъ съ факелами и иллюминаціями. Старый Гранскій архіепископъ, кардиналъ Считовскій, соединили сердце императора съ сердцемъ народа. Францъ Іосифъ изволилъ произнести очень краснорѣчивую рѣчь, составленную гг. Георгомъ Майлатомъ и Морицомъ Эстергази; рѣчь эта обѣщала мудрость, правосудіе и справедливость.

Потомъ отправились на обѣдъ, данный императоромъ, и въ то время, какъ лилось шампанское, всѣ присутствующіе услышали вдругъ сначала съ удивленіемъ, потомъ съ страстнымъ упоеніемъ, что музыка одного имперскаго полка заиграла подъ окномъ венгерскую марсельезу, гимнъ, который только сквозъ зубы насвистываетъ пастухъ въ степи.

На другой день послѣ праздника, дѣло приняло совсѣмъ другой оборотъ, и всѣ затрудненія показались совсѣмъ не похожими на тѣ, которыя наканунѣ казалось такъ легко устранить. Наканунѣ, въ

чаду различныхъ ощущений, пили восемнадцатый тостъ въ честь Маріи Терезіи «*rege postro*» и Франческо «*regina postra*», и уже всѣмъ казалось, что, благодаря союзу съ Венгріею, Австрія побѣдитъ Пруссію. Но на другой день представился вопросъ: какъ примириться? Кому это примиреніе не выгодно: Австріи или Венгріи? Какъ сдѣлать серьезныя уступки венгерскимъ провинціямъ, не возбудивъ неудовольствія славянъ и германцевъ? Какъ ухитрится возстановить дуализмъ въ монархіи и сохранить въ то же время унитарную централизацію?

Да, какъ сладить со всѣмъ этимъ? Никто въ мірѣ этого не знаетъ, и не знаетъ по самой уважительной причинѣ, потому что такое *сладостное* сляніе невозможно. Событія всегда будутъ идти противъ этого плана.

Вскорѣ стали подозрѣвать, что оно такъ и есть. Вернувшись въ Вѣну, поручили г. Майлату и барону Сенніей составить венгеро-германское министерство. При множествѣ извѣстныхъ лицъ это должно было показаться дѣломъ не слишкомъ труднымъ. Но дни шли за днями. Не оказалось ни нѣмцевъ, согласныхъ дѣйствовать за одно съ такими-то и такими-то венгерцами, ни венгерцовъ, готовыхъ приняться за одно дѣло съ такими-то и такими-то нѣмцами. Такой-то не соглашается на программу, которую хотѣли навязать ему; такой-то представлялъ невозможныя соображенія. Эти бесплодные переговоры продлились на пять или на шесть долгихъ недѣль господство нахмуреннаго Шмерлинга.

Наконецъ отыскались новые люди. Это нѣкто по имени Белькреди, богемецъ, которому предлагается президентство совѣта, чтобы другимъ выборомъ не оскорбить венгерское или германское честолюбіе; это г. Комерсъ, о которомъ до сихъ поръ ничего не могли узнать;—г. Лариши, котораго вытащили изъ рядовъ богемскаго дворянства, чтобы передать ему тяжкое наслѣдіе г. Плелера. Сильно надѣются, что, непосвященный въ блестящія спекуляціи нашихъ ажіотажей, онъ ограничитъ государственные расходы, приведетъ ихъ въ гармонію съ доходами и станетъ воздерживаться отъ опаснаго искусства тратить деньги, которыхъ не имѣется въ наличности. Министровъ полиціи и мореходства не нашли, и ихъ должности будутъ заняты на время. По приказанію императора, г. Менсдорфъ-Пульи долженъ былъ остаться въ кабинетѣ, въ которомъ онъ первый министръ, пеннѣющій однако президентскаго кресла. Г. Менсдорфъ-Пульи въ тоже время и нѣмецъ, и французъ, и богемецъ; онъ былъ посланникомъ въ Россіи и одаренъ всѣми необходимыми

качествами для того, чтобы быть членомъ кабинета, котораго назначеніе угодить всѣмъ, не возбуждая ни въ комъ неудовольствія.

Все время, пока составлялось министерство императоръ, прожилъ въ Вѣнѣ. Только когда составился кабинетъ, онъ заключилъ засѣданія рейхсрата рѣчью. Всѣ ожидали услышать въ ней рѣшеніе задачи и программу новой политики. Но никакого объясненія не было дано. Глухо и лаконически рѣчь касалась всего, но ничего опредѣленнаго не высказала. Такъ дѣло и осталось подъ сомнѣніемъ.

Но друзья г. Шмерлинга и австрійская буржуазія сильно обезпокоены поворотомъ императорской политики и цѣлостію quasi-конституціонализма, которымъ они наслаждались со времени итальянскихъ поражений; этотъ quasi-конституціонализмъ воплощался въ quasi-либераль, г. Шмерлингъ. Нѣмецкая партія боится поворота къ политикѣ Булей и Баховъ. По сравненію съ ними, двусмысленный г. Шмерлингъ становится рыцаремъ прогресса, человекомъ истинно-популярнымъ, такъ что мнимо-примирительное министерство встрѣчаетъ недовѣріе и съ той, и съ другой стороны. Венгерцы упрекаютъ его въ томъ, что онъ приноситъ въ жертву венгерскую національность. Нѣмцы ставятъ ему въ упрекъ, что онъ жертвуетъ интересами ихъ націи и открываетъ пути для террора и реакціи.

Очевидно, что примиреніе Австріи съ Венгеріею составляетъ, въ настоящее время, одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ для Габсбурговъ. Съ другой стороны не надо забывать, что министерству Белькреды не подѣ силу справиться съ такими крупными затрудненіями, каковы напримѣръ національности, парламенты и конституціи; гг. Майлатъ и Сенніей, точно также какъ не въ силахъ заставить забыть Арадскія казни. О примиреніи хлопочутъ уже не въ первый разъ; но непримиримое примирить трудно. «*Illustrierte Zeitung*» не разъ сообщала намъ о торжественныхъ въѣздахъ въ Пестъ, о возгласѣ магнатовъ, о блестящихъ всадникахъ, носившихся во весь опоръ вокругъ коляски молодой императрицы; она рассказывала намъ о толпахъ мужиковъ и пасторовъ, сбѣгавшихся взглянуть на своего короля, который надѣлъ на себя корону св. Стефана. Но «*Illustrierte Zeitung*» рассказывала намъ и о томъ, какъ вѣнценосная чета путешествовала между Венеціею и Миланомъ и какъ упоненный народъ встрѣчалъ ее поздравленіями, фейерверками и не-

вообразимымъ энтузіазмомъ, а черезъ годъ спустя она уже говорила намъ о вѣздѣ въ Миланъ императора Наполеона III.

Между тѣмъ, въ примиреніи Австріи съ Венгріею, видятъ зародыши другихъ событій, имѣющихъ значеніе и для Россіи. Мы не придаемъ серьезнаго характера журнальнымъ толкамъ, но въ правѣ ожидать всего отъ настоящаго безвыходнаго положенія Австріи, тѣмъ болѣе, что логика событій не противорѣчитъ нашимъ предположеніямъ. Всякій разъ, какъ Австрія проигрывала на Западѣ, она выигрывала на Востокѣ. Тяготѣніе ея постоянно склонялось то на ту, то на другую сторону. Въ *корреспонденціи Цейдлера* сдѣлана замѣтка, что социальный переворотъ въ Придунайскихъ княжествахъ дастъ въ скоромъ времени такіе элементы, которые ускорятъ соглашеніе въ вопросѣ объ Эльбскихъ герцогствахъ.

На первый взглядъ всѣ были удивлены этимъ смѣлымъ мнѣніемъ. Не легко было понять, какимъ образомъ этотъ переворотъ могъ сдѣлаться средствомъ соглашенія, и что могло быть общаго между Придунайскими княжествами и Эльбскими герцогствами. Но шарада объясняется очень просто. Князь Куза, какъ мелкій честолюбецъ, затруднившій свою политику измѣной своимъ обѣщаніямъ и тайными интригами, наконецъ обратилъ на себя вниманіе Австріи, которая давно уже не спускаетъ съ глазъ Придунайскія княжества. Князь Куза готовитъ имъ незавидную будущность, и социальный переворотъ въ Молдаво-Валахіи дѣлается очень вѣроятнымъ. Высшее и низшее сословія сильно раздражены другъ противъ друга; крестьяне ненавидятъ бояръ, а бояре безнаказанно угнетаютъ крестьянъ. *Сour d'Etat*, произведенный княземъ Кузою съ династическими интересами, окончательно перепуталъ отношенія правителя къ народу и породилъ множество ложныхъ реформъ, которыя въ социальномъ организмѣ княжествъ не оставили ни одного живого мѣста. Броженіе увеличивается по мѣрѣ того, какъ разоблачается эгоистическая дѣятельность Кузы. Поэтому *корреспонденція Цейдлера* предполагаетъ, что социальный переломъ не замедлитъ разразиться, что Австрія не упуститъ случая вмѣшаться для восстановленія порядка, и что, занявши разъ Молдаво-Валахію, она сумѣетъ занять ее такъ, что вытѣснить ее оттуда будетъ не легко.

Такимъ образомъ и Австрія, и Пруссія удовлетворили бы себя съ одинаковою выгодною и, замѣтите, съ одинаковою справедливою. Что Пруссія захватила бы на Сѣверо-Западѣ, то Австрія получила бы на Югѣ-Востокѣ. Первая постаралась бы устроиться около Эль-

бы, а вторая, закрывъ глаза на свою сестрицу, исподтишка захватила бы себѣ нѣсколько десятинъ земли на берегахъ Дуная. «Передай мнѣ горчицу, а я передамъ тебѣ перецъ», — перемигнулись бы любезныя соперницы.

Правда, что Придунайскія княжества принадлежать политическому правосудію Европы; автономія ихъ была гарантирована съ общаго согласія великихъ державъ. Но развѣ не то же самое было сдѣлано и въ отношеніи къ герцогствамъ: развѣ всѣ великія и маленькія европейскія державы не давали торжественнаго обѣщанія сохранить ихъ неприкосновенными? На этомъ основаніи г. Бисмаркъ считаетъ себя въ правѣ не сомнѣваться ни въ чемъ. Совѣсть его будетъ совершенно спокойна, если Австрія вознаградитъ себя княжествами и оставитъ Пруссіи въ полное ея распоряженіе герцогства. Главной помѣхой въ этомъ дружескомъ дѣлѣжѣ, конечно, можетъ быть Россія; но у Россіи много своихъ дѣлъ, которыя отвлекаютъ ея вниманіе и силы въ разныя стороны.

Между тѣмъ, какъ Австрія и Пруссія подбираютъ къ себѣ чужія владѣнія, Германія занимается сантиментальными манифестациями. На праздникѣ пѣвцовъ, который праздновался въ Дрезденѣ при огромномъ стеченіи народа, достопочтенный и достославный г. Бейстъ произнесъ эффектную рѣчь, въ которой совѣтовалъ Пруссіи держать себя смирно. Горя желаніемъ идти по стопамъ величайшаго гения изъ числа второстепенныхъ государственныхъ людей, г. Дельвига, дипломатическаго авторитета великаго герцогства Гессенскаго, этотъ господинъ воспользовался обѣдомъ, который былъ данъ въ честь гимнастовъ, чтобы изрѣчь нѣсколько словъ той же Пруссіи:

«Гимнасты, вы люди дѣла! (Въ Германіи эти слова произносятся съ особеннымъ эффектомъ.) Вы не любите многословія. Я самъ былъ гимнастомъ. Я привѣтствую эти мужественныя ассоціаціи, которыя не тратятъ время на рѣчи, а готовы дѣйствовать, когда отечество призываетъ ихъ. Последнее случится, быть можетъ, скоро.»

Люди дѣла закричали въ отвѣтъ Дельвигу: «ура! ура! человѣку дѣла!»

И такъ, этимъ храбрымъ гимнастамъ, которые упражняли свои мускулистыя руки, въ надеждѣ расправиться когда нибудь съ недородными французами, указываютъ теперь на враговъ, болѣе достойныхъ ихъ кулачнаго призванія. Въ случаѣ гражданской войны, о которой всѣ поговариваютъ, люди дѣла будутъ менѣе жалки, чѣмъ теперь.

Едва г. Бисмаркъ пришелъ въ себя отъ дрезденскихъ манифестацій, какъ въ Бельнѣ составилъ комитетъ изъ самыхъ влиятельныхъ вестфальскихъ и пререйнскихъ либераловъ, съ цѣлью дать пиръ депутатамъ оппозиціи. Конституція признаетъ за пруссаками право избранія.

Но, сообразивъ, что это собраніе враждебно правительству, что оно имѣетъ цѣлью отблагодарить людей, которые упорно боролись противъ произвола прусскаго министра, начальниязъ вельнской полиціи объявилъ этотъ пиръ противозаконнымъ.

Комитетъ отвѣчалъ префекту, что, въ силу такихъ-то и такихъ-то постановленій конституціи, онъ имѣетъ право собираться и соберется, не смотря на запрещеніе. Публикѣ было объявлено, что зала нанята, что 21 іюля будетъ данъ въ ней обѣдъ на 1,000 кувертовъ, и что заранѣ приготовленные пароходы привезутъ гостей; потому что, комитетъ говорилъ:

«Рейнъ — свободный путь, открытый всѣмъ націямъ, и полиція не можетъ запретить плаванія по этой рѣкѣ. Полиція тѣмъ менѣе будетъ въ состояніи запретить прусскимъ гражданамъ сопровождать на пиръ народныхъ представителей, которые поплывутъ въ лодкахъ по свободному германскому Рейну!»

Префектъ полиціи отвѣчалъ, что на основаніи такихъ-то и такихъ-то статей закона, онъ распускаетъ комитетъ, который ничто иное, какъ политическая агитація.

Вся Германія находилась въ напряженномъ ожиданіи.

Въ назначенный день, 22 іюля, Гурценнхская зала, назначенная для торжества нѣмецкихъ либераловъ, была занята войсками; та же участь постигла и пароходы, приготовленные для переезда приглашенныхъ.

Однако члены праздника все-таки собрались небольшими группами въ зоологическомъ саду, куда велѣли принести кушанья, приготовленные для Гурценнхскаго пира. Съѣсть ихъ успѣли, но для этого надо было сѣсть и жечь ротъ слишкомъ горячими кусками. Но

когда подали десертъ, обыкновенно сопровождаемый рѣчами, и провозгласили тосты въ честь президента палаты, г. Грабова, потомъ въ честь г. Классенъ-Каппельмана, президента обѣда, потомъ въ честь конституціи, права, истины и свободы, какъ явился бюргермейстеръ, съ отрядомъ кирассировъ, и попросилъ очистить залу. Противиться бюргермейстеру было бы еще возможно, но имѣть дѣло съ кирассирами было неудобно.

Чтобы верхъ остался за ними, пирующие отправились, по желѣзной дорогѣ, въ Оберлакштейнъ, въ Великое Герцогство Нассаусское и хотѣли тамъ, на просторѣ, излить переполнявшія ихъ рѣчи. Это удалось имъ, только не совсѣмъ: они еще размагольствовались, когда довольно значительный отрядъ арміи Великаго Герцога разогналъ ихъ; они бѣжали, не переставая, однако протестовать.

Ну, а чтъ оуж было потомъ?—Апелляціонный судъ Рейнскихъ провинцій рассмотрѣлъ дѣло и нашель, что президентъ полиціи, бюргермейстеръ и отряды пѣхоты и кавалеріи превысили свою власть.—Общественное мнѣніе было вполнѣ удовлетворено этимъ приговоромъ Кельнскаго суда.

— Ну, а потомъ?

— Потомъ! Да чего же вамъ надо больше? Послѣ такого безукоризненнаго поведенія, люди дѣла снова облеклись въ свои халаты, обулись въ свои туфли и снова закурили свои трубки. Сидя за чашкою кофе, они обмѣнялись взаимными комплиментами насчетъ своего благороднаго сопротивленія, насчетъ своего *Германскаго дѣла*, и стали доказывать другъ другу, что г. Бисмаркъ, изучивши въ Парижѣ теорію переворотовъ, стараетъ желаніемъ показать свое умѣнье въ этомъ дѣлѣ; что онъ замышляетъ возмущеніе, чтобы имѣть удовольствіе изорвать въ мелкіе клочки Прусскую конституцію. Но, благодаря Бога, восклицаютъ *люди дѣла*, г. Бисмаркъ никогда не добьется никакой революціи, потому что они, люди дѣла, неусыпно слѣдятъ за порядкомъ и благоденствіемъ своего отечества.

Прибавимъ, что радикальная партія, представителемъ которой былъ, при жизни своей, г. Лассаль, сгруппировалась въ настоящее время вокругъ Sozial Demokrat'a, и тоже вступила въ борьбу. Говорятъ, что до сихъ поръ правительство щадило эту партію, потому что друзья г. Лассалья были на ножахъ съ прогрессистами, которые, конечно, щедро осыпали ихъ оскорбленіями и клеветою. Г. Висмаркъ ликовалъ, видя что этотъ раздоръ между лѣвой и правой стороною анти-правительственной партіи какъ

нельзя лучше помогать его цѣлямъ. Но теперь дѣло измѣнилось: види, что *люди прогресса* громко протестуютъ во имя права собраній, Sozial Demokrat подумалъ, что наступилъ часъ примиренія. Предавъ великодушному забвенію всѣ прошлыя обиды, онъ вдругъ перешелъ на сторону своего противника и скрѣпилъ этотъ переходъ замѣчательнымъ дѣйствіемъ. Съ цѣлью устроить заявленіе, онъ созвалъ на общее собраніе Лассалевскихъ рабочихъ и сторонниковъ Шульце-Делича. Заявленіе произошло въ Берлинѣ.

Это торжественное примиреніе радикаловъ съ парламентаристами пришлось не по вкусу г. Бисмарку: онъ тотчасъ же отдалъ приказъ распустить берлинское отдѣленіе «Всеобщей Ассоціаціи германскихъ рабочихъ» и запретилъ имъ собираться впредь. Но, не обращая вниманія на это запрещеніе, члены комитета опять созвали рабочихъ на всеобщее собраніе, чтобы принять мѣры для сохраненія права собраній.

Понятно, что положеніе радикальной партіи въ глазахъ правительства дѣлается опаснымъ; оно направитъ противъ нихъ всѣ свои удары и, на нѣкоторое время, оставитъ въ покое добродушныхъ либераловъ, которые до сихъ поръ, кромѣ безчисленнаго множества фразъ, ничего путнаго не сдѣлали для Пруссіи.

Въ прошломъ мѣсяцѣ мы оставили Испанію въ печальномъ состояніи, раздираемую партіями, изъ которыхъ ни одна не имѣетъ ни опредѣленныхъ цѣлей, ни яснаго пониманія совершающихся событій. Въ этой перекрестной войнѣ влерикаловъ, прогрессистовъ и реакціонеровъ, больше всѣхъ приходится массѣ народа. Правительство, перепробовавъ всевозможныя системы внутренней политики и смѣняя одно министерство другимъ, наконецъ пришло въ затруднительное положеніе. Среди этого всеобщаго и глубокаго ослабленія, самымъ дѣятельнымъ органомъ остается попрежнему духовенство. Имѣя болѣе политическое, чѣмъ духовное значеніе, оно представляетъ собою не только религіозную, но и правительственную силу.

Высшее духовенство—это воплощенная реакція, раскинутая свои темныя сѣти на все, что составляетъ хоть малѣйшее проявленіе свободной и лучшей жизни. Оно обставлено великолѣпными мѣстами, богатыми доходами, всѣми дозвоженными и контрбандными удовольствіями жизни, заключая въ своихъ рукахъ доселѣ страшную власть и не признавая за собою никакой отвѣтственности. Оно все видитъ, все слышитъ и все знаетъ, что дѣлается во дворцѣ Изабеллы и въ хижинѣ бѣднаго пастуха. Его тайные агенты, подслушивающіе домашніе разговоры и слѣдящіе за совѣстію каждаго католика, невидимымъ легиономъ шпионовъ, воспитателей, аббатовъ и слугъ раскидываются по всей Испаніи. Само собою разумѣется, что аристократія и богатая буржуазія удостоиваются особеннаго ихъ вниманія въ этомъ отношеніи. На исповѣди и у постели больныхъ они выспрашиваютъ о семейныхъ дѣлахъ, о супружескихъ отношеніяхъ и, на основаніи этихъ свѣдѣній, эксплуатируютъ ханжей, выманывая у нихъ огромныя наслѣдства и руководя общественными дѣлами.

Списокъ злоупотребленій, совершенныхъ духовенствомъ въ отношеніи Испаніи, былъ бы слишкомъ длиненъ, если бъ мы стали перечислять ихъ. Вспомнимъ только, что клерикальная реакція открыла порты французскому вторженію въ Эрокадеро, — самая позорная изъ всѣхъ реакцій XIX вѣка. Потомъ, когда вспыхнула междоусобная война между *карлистами* и *христиносами*, высшее духовенство стояло на сторонѣ Донъ-Карлоса, который намѣренъ былъ управлять страной по своему. Послѣ побѣды конституціонной партіи, когда солдаты и друзья Донъ-Карлоса были растрѣливаемы или заключаемы въ тюрьмы, высшее духовенство перебѣжало на сторону побѣдителей и благословляло казни своихъ побѣжденныхъ союзниковъ. Цѣною золота оно постоянно взвѣшивало свои убѣжденія и продавало свои услуги тому, кто давалъ дороже. Впродолженіи послѣднихъ тридцати лѣтъ, оно только и думало о томъ, какъ бы возратить свои привилегіи, отнятыя у него революціей, и повернуть Испанію къ старому доброму времени Альбы и Торквемады. Типомъ этого сословія можетъ служить сестра Патроцініо, идеаль іезуитизма, героиня самаго уточеннаго разврата, соединявшая въ себѣ всѣ качества исправительной полиціи и вишняго благонравія, жадная до денегъ и всегда казавшаяся безкорыстною, жестокая въ душѣ и вроткая съ виду, — она держала дворъ подъ своимъ постояннымъ вліяніемъ. Первѣйшая сплетница Мадрита, она знала все, что происходило

между министрами и всѣми приближенными лицами, нашептывая на всѣхъ и вооружая одного противъ другого. *Филаро* очень остроумно представилъ эту знаменитую иезуитессу въ видѣ непорочнаго агнца, съ хвостомъ скорпіона, съ когтями тигра и съ пастью гіенны. Дѣйствительно, трудно найти другое человѣческое существо, которое совмѣщало бы въ себѣ столько противоположныхъ свойствъ и дикихъ проявленій, подѣ черной яской добродѣтели.

Понятно, какой страшной борьбы будетъ стоить О'Доннелю, если только онъ искренно захочетъ ослабить вліяніе клерикальной партіи на испанское правительство. Начало сдѣлано удачно. Признаніе Италіянскаго королевства есть первый шагъ къ разъединенію свѣтской власти съ духовною. Другимъ шагомъ будетъ конфискація монастырскихъ владѣній въ пользу государственнаго бюджета, предназначеннаго на уплату громаднаго долга. Революція только коснулась этой реформы, которая наконецъ должна же совершиться вполнѣ. Каждому мыслящему испанцу ясно, что бѣдность страны, недостатокъ производительной энергіи, бѣдственное состояніе невѣжественнаго и кругомъ обобраннаго народа, главнымъ образомъ, зависятъ отъ того, что все богатство страны сосредоточивается въ мертвыхъ рукахъ монашества и духовенства. А между тѣмъ это матеріальное могущество даетъ клерикальному сословію ту силу, которой онъ располагаетъ въ настоящее время. Съ переходомъ же духовныхъ владѣній въ государственную собственность, эта сила рухнетъ, и католическій авторитетъ будетъ зависѣть отъ свѣтской власти. Общество выиграетъ настолько, насколько проиграетъ клерикальная партія — это аксіома.

Но, разумѣется, она не покорится силѣ вещей добровольно; она будетъ готова возбудить междоусобную войну. Она, по крайней мѣрѣ, хвастается этимъ; она старается запугать націю и министерство. И клерикалы вовсе не скрываютъ своихъ плановъ. Королева отправилась на воды въ Царо, въ провинцію Бискаія, для того, чтобы избѣжать мадритскихъ волненій и хоть немного помочь положенію дѣлъ своимъ отсутствіемъ. Царо находится въ Бискаіи, тамъ, гдѣ нѣкогда Донъ-Карлосъ собралъ свою армію, въ которой находились еще старые солдаты. Бискайцевъ нужно было увѣрить, что сохраненіе ихъ мѣстной свободы, которою они очень гордятся, несомнѣнно съ централизирующимъ конституціонализмомъ; однимъ словомъ, имъ должны были говорить то, что говорилъ уже Донъ-Карлосъ и что повторяютъ австрійскіе абсолютисты, противники г. Шмерлинга. Замокъ въ Царо долженъ быть окруженъ

настоящей христіанской арміей, которая привѣтствовала бы католическую королеву, Пія IX, и порицала бы О'Доннея, который произвелъ войну въ этой странѣ. Эта манифестація была уже извѣстна въ Мадридѣ за пятнадцать дней, гдѣ получила названіе *битвы при Царо*. Битва произошла, но съ очень сомнительнымъ успѣхомъ, и манифестація оказалась совершенно безсмысленной.

Но это была только первая часть программы. Попавши въ Царо, дворъ долженъ былъ остаться подъ вліяніемъ клерикаловъ, которые, имѣя въ своемъ распоряженіи сто тысячъ мужчинъ и триста женщинъ, объявили бы королеву своею плѣнницею и предложили бы ей на выборъ: разорвать конституцію и объявить себя полновластной правительницей, т. е. быть послушнымъ орудіемъ въ ихъ рукахъ, или отказаться отъ власти. Въ противномъ случаѣ прелаты могли погрозить разоблаченіемъ тайной корреспонденціи, находящейся въ ихъ рукахъ... Таково начало кампаніи клерикаловъ противъ Изабеллы и О'Доннея.

До сихъ поръ клерикалы только угрожаютъ; но кто можетъ поручиться, что ихъ угрозы не осуществятся на самомъ дѣлѣ. А угрозы ихъ довольно серьезнаго характера. Они вездѣ распускаютъ слухи, что въ провинціяхъ 30,000 человѣкъ дожидаются только сигнала къ возстанію, что въ гористыхъ мѣстахъ Арагоніи, Астуріи, Наварры и Бискаіи уже розданы ружья, амуниція, католическія прокламаціи и индульгенціи. Со всѣхъ кафедръ должны были въ этотъ день раздаваться проповѣди, въ которыхъ призываютъ вѣрныхъ католиковъ къ *святой войнѣ*, къ крестовому походу противъ мавровъ, жидовъ и прогрессивстовъ.

Дѣйствительно, сигналъ былъ поданъ. Епископы и архіепископы прошли процессіей, съ страшными протестами противъ признанія италіянскаго королевства. Это было повтореніе похода французскихъ епископовъ противъ конвенціи 15 сентября. Затѣмъ нѣсколько шаекъ легитимистовъ показались въ горахъ старой Кастиліи, въ Соріа, съ криками: «да здравствуетъ наша мать, католическая церковь!»

Такъ какъ ихъ никто не преслѣдовалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлали видъ, что преслѣдуютъ, то клерикальныя шайки разбрелись по проходамъ, направо и налево, и наконецъ совсѣмъ исчезли.

Послѣ этой донъ-вихотской кампаніи, защитники Пія IX, повидному, отказались, по крайней мѣрѣ на первое время, отъ ихъ первой тактики. Духъ промышленности и торговли въ послѣдніе десять лѣтъ водворился въ Бискайскихъ провинціяхъ. Съ тѣхъ

поръ, какъ явились желѣзныя дороги, дилижансы ходять рѣдко, и ремесло разбойниковъ по большимъ дорогамъ уже не приноситъ никакого дохода; гораздо выгоднѣе работать челнокомъ на фабрикѣ, чѣмъ въ какомъ нибудь углу лѣса, съ мушкетонемъ или штуцеромъ, во имя Святаго Отца. Вслѣдствіе этого, партія прелатовъ вмѣстѣ съ системой устрашенія, старается возбудить къ себѣ сожаленіе въ публикѣ, разжалобить ее своимъ стѣсненнымъ положеніемъ.

Поэтому въ провинціальныхъ заколустяхъ шляется нищенствующая братія, покрытая черными лохмотьями и полинялыми суганами, разнося по Испаніи самыя нелѣпыя слухи о близкой кончинѣ нашей матери, католической церкви и возбуждая суевѣрную толпу къ кровожадной мести: «Долой О'Доннеля! Смерть нечестивымъ еретикамъ!» Сегодня они охаютъ и плачутъ; отираютъ слезу въ своемъ гнойномъ глазу; а завтра тѣ же шайки смиренной братіи отправляются въ горы и угрожаютъ оттуда вооруженнымъ возстаніемъ. И эта отвратительная комедія разыгрывается на глазахъ всей Европы и не находитъ себѣ достойнаго презрѣнія. Ее одобряетъ Пій IX; на нее смотритъ сквозь пальцы испанскій дворъ.

Но О'Доннель очень хорошо знаетъ, что ему грозитъ опасность не на общественномъ поприщѣ, не въ стычкѣ его съ клерикалами, а въ исповѣдальнѣ королевы. Изабелла уступила потому, что была захвачена врасплохъ, была оторвана отъ своихъ привычекъ, но при первомъ удобномъ случаѣ не замедлитъ возвратиться къ нимъ. Чрезвычайно трудно спасти людей противъ ихъ воли, и вотъ уже цѣлый мѣсяцъ О'Доннель принужденъ выдерживать страшныя осады. Хотя въ его рукахъ и заключается власть, но у него достаточной нѣтъ поддержки со стороны другихъ партій.

Естественно было, что во время этого вооруженнаго возстанія клерикаловъ, прогрессисты и демократы оставались почти нейтральными. Если бы борьба сдѣлалась серьезною, то между ними и правительствомъ заключенъ бы былъ вынужденный союзъ противъ общаго врага. Но доселѣ не было даже переговоровъ. Этыхъ переговоровъ О'Доннель сильно желаетъ, не будучи въ состояніи одинъ, съ своей либеральной Уніей, руководить дальнѣйшимъ ходомъ дѣлъ. Теперь онъ говоритъ прогрессистамъ: «такъ какъ я привожу въ исполненіе ваши идеи, то дайте мнѣ вашихъ людей!» А прогрессисты отвѣчаютъ ему: «вы тоже самое говорили и прежде; мы повѣрили вамъ и были обмануты вами. Поэтому уступите лучше ваше мѣсто намъ!» Что же касается радикаловъ, то они не сомнѣвались ни

одной минуты. Они не переставали говорить, что послѣ клерикаловъ самые опасные враги Испаніи О'Доннелъ и его партія». Въ такомъ положеніи находится Испанія въ настоящую минуту. Всякій шагъ назадъ есть новый шагъ къ революціи, и всякая попытка двинуться впередъ угрожаетъ междоусобной войной съ многочисленнымъ полчищемъ прелатовъ и епископовъ.

Изъ Италіи мало новостей. Положеніе дѣлъ остается въ прежнемъ видѣ, и, судя по всеобщей апатіи людей дѣйствія, долго нельзя ожидать перемѣны событий.

Приведемъ характеристическое слово Ла—Мармори. Говорили о переговорахъ Вегеци и о конвенціи 15 сентября, въ силу которой французскимъ войскамъ остается только годъ для того, чтобы очистить Римъ.

«Что до меня касается, сказалъ грозный генералиссимусъ, если я когда нибудь буду имѣть власть, то я, какъ часовой, стану стеречь двери папы съ заряженнымъ ружьемъ.

Для кого же заряженное ружье, спросите вы? Противъ гарибальдийцевъ? Противъ революціонеровъ? Противъ тѣхъ, которые присоединили къ Пиемонту княжества—Мархію, Анкону, Феррару, Болонью и Перузу?

«Нѣтъ, отвѣчаетъ онъ, — я буду защищать Пія IX противъ всей Италіи».

Въ добрый часъ!

Общинные выборы — одно изъ самыхъ замѣчательныхъ фактовъ минувшаго года во Франціи.

Дѣло шло о томъ, чтобы возобновить муниципальные совѣты. Известно, что сдѣлала централизація съ французскими общинами, въ которыхъ укрѣпилась послѣдняя искра жизни, оставленная

средними вѣками низшему классу народа, — община, которая сохранила муниципальное право и учреждения римской цивилизаціи, и послужила такимъ образомъ почвой, на которой водворилась новая жизнь. Во Франціи меръ назначался по выбору всѣхъ своихъ согражданъ, — это всеобщая подача голосовъ; адъюнкты его — это министры; муниципальный совѣтъ — палата представителей. Въ бюджетѣ общинъ встрѣчаются всѣ финансовыя вопросы, которые могутъ интересовать великую націю: долги, займы, производительные и непроизводительные расходы, долги на пожизненные проценты, облигаціи, уплаты, погашенія. При случаѣ могутъ являться столкновения съ католическимъ прелатомъ, съ протестантскимъ пасторомъ, съ еврейскимъ раввиномъ; отношенія между церковью и государствомъ часто менѣе сложны, чѣмъ вообще тѣ отношенія, которыя бывають между фабричнымъ и муниципальнымъ совѣтомъ. Затѣмъ слѣдуютъ вопросы о школахъ, даровомъ и обязательномъ воспитаніи, образованіи первоначальномъ и высшемъ; вопросы благотворительности, о подаваніи, о больницахъ, о пріютахъ, рабочихъ домахъ, убѣжищахъ; вопросы о заемныхъ банкахъ, кредитныхъ учрежденіяхъ въ связи съ сборомъ акциза принадлежать уже вполне къ политической экономіи. Потомъ — общественная безопасность, освѣщеніе, очистка улицъ, сточныя канавы, хлѣбныя магазины, заготовленіе провизіи, запасы для булочниковъ, снабженіе различныхъ рынковъ. Но сколько еще предметовъ, о которыхъ мы не упоминаемъ.

Такимъ образомъ, въ средневѣковой общинѣ скрывался самый сложный механизмъ внутренняго управленія, тѣмъ болѣе сложный и трудный, чѣмъ меньше самая община. Едва ли будетъ парадоксомъ, если мы скажемъ, что для управленія общиной въ 3000 жителей необходимо имѣть такую силу воли, гибкость характера, въ особенности же разнообразныя способности, безъ которыхъ гораздо легче можетъ обойтись правитель 30 милліонами людей.

И такъ, съ тѣхъ поръ какъ Франція существуетъ, община представляетъ французскую монаду по преимуществу; она не только создала по своему образцу государство, но содержитъ въ себѣ самый зародышъ его.

Полярность представляетъ одну изъ самыхъ необходимыхъ формъ, которыя соблюдаетъ законъ прогресса. Обѣ противоположности, обѣ крайности должны развиваться заразъ, подѣ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, впасть въ несообразность и потерять равновѣсіе.

Такимъ образомъ, первая французская революція, централизируя политическую власть, въ то же время сильно децентрализовала ее въ области административной. Промежуточные органы провинцій были уничтожены, и то, что было до нихъ живаго, досталось въ наслѣдство частью департаментамъ и общинамъ, частью государству. Какъ это и должно было случиться, жизнь увеличилась какъ въ центрѣ, такъ и въ оконечностяхъ.

Когда началась реакція, когда 18 брюмера—произведеніе первого Бонапарта—остановило развитіе націи и, будучи не въ состояніи подавить его совершенно, заставило скрыться въ глубинѣ человеческой души, тогда уже въ головѣ Наполеона I составилась точно такой же планъ, какъ у Людовика XIV; онъ, самъ не понимая, всѣми силами работалъ надъ уничтоженіемъ муниципальной свободы.

Всякій знаетъ, что Наполеонъ III продолжаетъ развитіе идей своего дяди. Подъ предлогомъ того, что онъ былъ средоточіемъ всеобщей подачи голосовъ и, будучи избранъ 8 милліонами голосовъ, представлялъ народную идею, съ такою чистотою и ясностью, на какую не могли разсчитывать депутаты, избранные 80,000 голосовъ, и меры, избранные 800 голосовъ—онъ замѣнилъ собою какъ депутатовъ, такъ и меровъ. Онъ не могъ поступить произвольно съ депутатами; но надѣялся достигнуть того же самаго помощью введенія въ теорію и на практикѣ идеи *императорскихъ кандидатовъ*, предлагаемыхъ императоромъ и избираемыхъ преданнымъ народомъ. Что касается до меровъ, то онъ издалъ законъ, что они просто будутъ назначаться исполнительной властью, даже не изъ муниципальнаго совѣта и не изъ мѣстныхъ жителей.

Это счастливое время имперіи продолжалось, такимъ образомъ, приблизительно до конца итальянской войны. До мира въ Виллафранкѣ, событія и исторія, повидимому, подчинились этому плану. Мы однако же удивительно счастливы—говорилъ баронъ де-Гекеренъ. Въ концѣ этого счастья, вѣчно, должна быть мексиканская экспедиція, какъ величайшій подвигъ послѣдняго времени,—потому что она была задумана подъ вліяніемъ того чувства, которое въ правѣ разсчитывать только на счастье.

Именно въ это самое время оппозиція приобрѣла политическое значеніе. До этой минуты, единственнымъ ея назначеніемъ было убѣждать вѣрующихъ въ томъ, что имперія охраняла народныя права и, въ то же время, воплотила чудный идеалъ свободы, соеди-

ненной съ строгимъ порядкомъ. Ораторы оппозиціи поправились націи, и она пожелала другихъ такихъ же. Тогда произошло событие неслыханное: Парижъ, Парижъ съ своимъ населеніемъ въ 1,800,000 человѣкъ, тотъ самый городъ, гдѣ правительство всего больше ограничило избирательные списки, гдѣ абстенціонисты составляютъ самую крупную цифру, Парижъ не выбралъ ни одного депутата, который бы не былъ противникомъ правительственнаго кандидата. Всѣ большіе города поступили точно также; ихъ примѣръ нашелъ послѣдователей даже въ земледѣльческихъ провинціяхъ, даже въ тѣхъ краяхъ, гдѣ, по выраженію г. Морни, бонапартизмъ былъ культомъ и религіею. Даже сами Овернцы, соотечественники г. Руэ и Бароша, не избрали приверженца императора, которымъ онъ хотѣлъ замѣнить президента законодательнаго корпуса. Въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ ни одни вторичные выборы не обходились безъ того, чтобы членъ наполеоновскаго большинства не былъ замѣненъ какимъ нибудь оппозиціоннымъ членомъ. Когда событіе совершается, — о немъ почти уже не говорятъ, къ нему привыкають, какъ къ вещи самой обыкновенной. Чтобы, въ будущіе выборы добиться избранія г. Валевскаго президентомъ законодательнаго корпуса, надо было перенести одного депутата въ сенаторское кресло и представить графа Валевскаго, будущаго президента законодательнаго корпуса, будущее второе лицо во Франціи — юму же? степному населенію Ланюскетовъ, которое состоитъ изъ пастуховъ и сборщиковъ смолы. Сборщики смолы карабкаются за нею по хвойнымъ деревьямъ, какъ настоящіе четверорукіе, имѣя, на подобіе обезьянъ, противоположаемые большіе пальцы на ногахъ, а пастухи и пастушки бродятъ по своимъ пескамъ и болотамъ, забравшись на длинныя ходули и согнувшись въ три погибели, чтобы опереться на палку, и вьзуть чулки, находясь на разстояніи 8 футовъ надъ уровнемъ своихъ барановъ. Эти-то особы будутъ управлять дебатами собранія; потому что до сихъ поръ ни одинъ кандидатъ оппозиціи не осмѣлился вступить въ борьбу съ Графомъ Валевскимъ на избирательной почвѣ. Но этотъ случай составляетъ исключеніе; затѣмъ, со времени большихъ выборовъ, кандидаты императора терпятъ пораженія вездѣ, куда бы они ни отправились, а многіе даже спрашиваютъ другъ друга: будетъ ли допустить, кромѣ Валевскаго, еще хоть однаго императорскій депутатъ, въ случаѣ если придется возобновлять Палату.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, Маркизь де ла-Валеттъ, обдумалъ

все это. Кроме того, префекты снабжали его свѣдѣніями. Поэтому онъ рѣшился принять планъ дѣйствій совершенно противоположный тому, которымъ руководствовались его предшественники, гг. Вильо и Персиныи. На сколько эти предшественники старались выдвигать впередъ правительство, имѣя въ виду запугать его противниковъ и похвастаться успѣхомъ, на столько ихъ преемникъ старался оставаться въ тѣни, чтобы, въ случаѣ пораженія, имѣть какъ можно меньше отвѣтственности.

Нечего и говорить, что, каковы бы ни были рѣчи, дѣйствія правительства были все тѣ же, и всѣ усилія были направлены къ тому, чтобы доставить успѣхъ преданнымъ кандидатамъ. Все было поставлено на ноги, чтобы разогрѣть протывшее усердіе. Но только не оказалось на лицо прежней помощи; времена пережѣнились но.... дѣло кончилось совершеннымъ пораженіемъ.

Неизвѣстно, какъ и почему—только подача голосовъ сопровождалась всеобщимъ, страстнымъ возбужденіемъ. Всѣ, имѣющіе право голоса, собирались изъ уголковъ и закаулковъ провинцій: недолечившіеся больные выходили изъ лазаретовъ и спѣшили вступить въ ряды оппозиціи. Случалось даже, что старики, между которыми, говорятъ, былъ даже одинъ гражданинъ старой революціи, являлись къ урнѣ, несомне въ носилкахъ. За гг. должностными лицами слѣдили очень внимательно, и случалось, что ловили людей которые подмѣнивали подаваемые голоса..... Кое-гдѣ были захвачены урны съ двойнымъ дномъ, которыя торжественно показывались публикѣ.

При такихъ условіяхъ неудивительно, что списки оппозиціи одержали верхъ во всѣхъ значительныхъ городахъ, во всѣхъ центральныхъ пунктахъ провинцій. (Изъ числа большихъ городовъ надо исключить Парижъ и Ліонъ, которые, съ самаго начала имперіи, были лишены свободно—выбраннаго муниципальнаго совѣта). Въ маленькихъ центрахъ результаты были довольно разнообразны: здѣсь вотировали въ пользу правительства, тамъ — въ пользу оппозиціи; въ отдаленныхъ краяхъ стояли, по большей части, за старыи совѣтъ, и это часто обуславливалось тою основательною причиною, что кроме этихъ администраторовъ, занимающихъ свои посты съ незапамятныхъ временъ, было бы невозможно найти во всей общинѣ другихъ грамотныхъ людей. Если бы нарисовать карту избирательной Франціи прошлаго мѣсяца, то эта карта, вѣроятно, была бы похожа на коверъ, испещренный самымъ краснымъ цвѣтомъ, и довольно точно совпадала бы съ другими картами, изъ

которыхъ одна изображала бы богатство, а другая, — народное образование.

На кого же палъ народный выборъ?

Во многихъ мѣстностяхъ, особенно на югѣ, цѣлые списки были составлены изъ именъ оппозиционныхъ, и многие города избрали своими представителями дюжину гражданъ, которые, всѣ до одного, были въ немилости. Всего чаще выбирали всякихъ оппонентовъ изъ старой республиканской партіи, орлеанистовъ и легитимистовъ, иногда пускались даже на компромиссъ и принимали людей болѣе или менѣе привязанныхъ къ существующей системѣ, потому что личные вопросы, случайныя обстоятельства пользуются въ различныхъ мѣстностяхъ, преобладающимъ вліяніемъ. Было избрано множество людей, о которыхъ можно сказать только одно, что ихъ выбрали затѣмъ, чтобы отдѣлаться отъ прежнихъ: будутъ ли они лучше или хуже своихъ предшественниковъ, — до этого вѣтъ дѣла, они новые, вотъ и все. — Вотъ какимъ образомъ можно въ общихъ выраженіяхъ сформулировать это движеніе: муниципальный духъ пробудился во всѣхъ сколько нибудь значительныхъ центрахъ; большинство вновь выбранныхъ лицъ принадлежитъ къ оппозиціи. Само собою разумѣется, что на эту оппозицію вполне рассчитывать невозможно, потому что она подавлена тысячами разнообразныхъ вліяній. Въ ней выразилась одна сила — отрипаніе *сюр д'ѣтат* и всѣхъ его послѣдствій...

Какое же было дѣйствіе этихъ выборовъ? Нація почувствовала значительное облегченіе. Съ глазъ ея мало по малу стала падать темная повязка, закрывавшая отъ нея цѣлые десяти лѣтъ настоящей порядокъ вещей. Мелкіе буржуа мелкихъ городковъ уже не боятся, что за оппозицію грозитъ имъ ссылка въ Каианну, деревенскіе Жаки знаютъ нынѣ, что можно пріосаниться, не опасаясь тюремнаго заключенія. Такова, въ сущности, французская нація, которая слыветъ самую храброю, но въ глубинѣ души трепещетъ передъ каждымъ жандармомъ и поклоняется всякому комиссару.

Таковъ былъ результатъ выборовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ побѣда надъ ненавистными мерами произвела сильную радость. Ихъ поражение праздновалось иллюминаціями и серенадами. Нигдѣ восторгъ не былъ такъ полонъ, какъ въ Авиньонѣ, гдѣ, по назначенію императора и префекта, правилъ г. Помаръ, депутатъ законодательнаго корпуса; ему около 50 лѣтъ, но, въ силу правительственнаго декрета, онъ считается уже 60 лѣтъ докторомъ и корреспондентомъ медицинской академіи, потому что, съ дозволенія министра,

смысь присвоилъ себѣ дипломъ отца Помара. О результатѣ выборовъ узнали только въ полночь, но всѣ Авиньонцы тревожно ожидали той минуты, когда изъ урны вынуть шары. Когда результатъ былъ объявленъ, когда узнали навѣрное, что псевдо-докторъ остался побѣжденнымъ—раздались возгласы и крики радости. Колокола загудѣли, не смотря на сопротивленіе церковныхъ сторожей, а удивленные деревенскіе жители спрашивали съ просономъ: «что это дѣлается въ Авиньонѣ?» Тулуза, Марсель, Лиможъ тоже предавались ликоваванію, хотя оно и было менѣ шумно.

Впечатлѣніе, произведенное на правительство, было смутное. Но какъ достойный собратъ г. Морни, министръ счумѣлъ съ большимъ достоинствомъ выйти изъ затрудненія. Онъ объявилъ во всеуслышаніе, что послѣдніе выборы лишены политическаго характера, но что между прочимъ ихъ результатъ какъ нельзя больше удовлетворителенъ, потому что осталась побѣжденною только десятая часть меровъ, назначенныхъ правительствомъ; но меръ меру рознь, существуетъ нѣкоторая разница между меромъ города въ 80,000 жителей и меромъ деревушки въ 80 или деревни въ 800 жителей. «Constitutionnel» дошелъ до того, что, во время двухъ или трехъ первыхъ дней, онъ кричалъ о побѣдѣ на томъ основаніи, что въ огромномъ большинствѣ мѣстностей *муниципальный списокъ* прошелъ весь. Онъ умалчивалъ только о томъ, что большая часть меровъ, не смѣя идти наперекоръ общественному мнѣнію, просто и ясно приняла и присвоила себѣ списки оппозиціи, рассчитывая на успѣхъ. Это было мелочко; но въ продолженіи 48 часовъ страна не знала навѣрное, чѣмъ кончится дѣло. Чаше всего прибѣгали къ полюбовнымъ сдѣлкамъ—соглашались имѣть дѣло съ цѣлымъ десяткомъ враговъ, лишь бы только остаться на мѣстѣ съ двумя или тремя друзьями; вступали въ союзъ съ заражающею властью. «Наши меры предали насъ!» сказалъ г. Ла-Валеттъ въ совѣтѣ министровъ. Министры рѣшили, что надо прекратить всякіе разговоры, касающіеся этого предмета. Въ контору редакціи всякаго журнала отправлялся господинъ, весьма вѣжливый, одѣтый въ черное платье; онъ доводилъ до свѣдѣнія журналистовъ, что надо говорить какъ можно меньше о муниципальных выборахъ и о холерѣ.

По направленію къ Алжиріи готовится громадная реформа, но ни еще успѣемъ наговориться объ ней, когда она совершится. Въ ожиданіи будущаго, Абдель-Кадеръ сталъ предметомъ такихъ же церемоній, съ которыми обыкновенно принимаютъ высокихъ особъ; но его личные вкусы тянутъ его изъ цирка въ гипподромъ,

а оттуда опять въ Парижъ. Ему подають просьбы и онъ совѣщается съ министрами. Онъ благословилъ, по мусульманскому обряду маленькаго императорскаго принца, который уже получилъ благословеніе отъ папы. Абдель-Кадеру взбрело на умъ ѣхать въ Лондонъ; но тамъ его не приняли такъ, какъ слѣдовало по его мнѣнію, не встрѣтили съ тѣмъ же торжествомъ, какъ Гарибальди, и потому онъ немедленно возвратился въ Парижъ, гдѣ лучше умѣютъ цѣнить его достоинство, и гдѣ его уже считаютъ адъютантомъ императора.

Теперь все пошло въ Парижѣ на арабскій ладъ. Повѣрите ли вы, читатель, что нашъ министръ народнаго просвѣщенія, г. Дюрюи, «послѣ императора самый либеральный человекъ во Франціи», угадалъ съ чрезвычайнымъ тактомъ намѣренія Людовика Наполеона касательно Алжирин и темою для сочиненій воспитанниковъ большаго конкурса выбралъ латинскую рѣчь: «Рѣчь Цезаря къ Сенату объ организаціи Африки.» Воспитанниковъ приглашаютъ развить мысль о томъ, какъ словесность процвѣтаетъ и идетъ по пути прогресса, благодаря литературнымъ трудамъ царя Юбы, сирѣчь Абдель-Кадера, который написалъ книгу о рабствѣ лошадей. За симъ воспитанники должны выразить достаточно ясно, что императоръ долженъ столько же заботиться о маврахъ и нумидійцахъ (т. е. о маврахъ и туземцахъ вельшой Кабилии),—сколько о римскихъ поселенцахъ. Вообразите себѣ только этихъ ребятъ, толкующихъ по латыни о жителяхъ Телля, Сахеля, о племенахъ Лидь-Дженнада, Аитъ-Рубри, о будущемъ сближеніи наполеоновскаго законодательства съ обычаями мусульманъ долины и горныхъ цѣпей Джеджеры; вообразите себѣ только этихъ риторовъ, болтающихъ по всѣмъ правиламъ Квинтиліана объ арабскихъ приказахъ и ихъ столыновеніяхъ съ гражданскими присутственными мѣстами, трактующихъ, однимъ словомъ, объ организаціи Африки!

Кандидатамъ же нормальной школы будетъ задано написать историческую диссертацию о причинахъ восточной войны. Разумѣется, кандидаты будутъ игнорировать настоящія причины этой войны, и не осмѣлятся даже заглянуть въ сочиненіе Кинглека. Но они должны будутъ похвалить осторожность сэра Страффордуса Реклиффюса и превознесутъ до небесъ храбрость вѣковаго Пелльсьеруса, герцога *Мамаловти!*

Его Превосходительство гротмейстеръ университета приберегаетъ конечно для учениковъ будущаго года диссертацию о причинахъ Мексиканской экспедиціи. Эти милые юности изложатъ намъ все

дѣло добрыхъ Джекерровъ, которые были проданы р. Морни; они сообщать намъ всякія подробности, касающіяся добродѣтельной особы г. Дюбуа де-Салинья; они откроютъ намъ тайну кандидатуры Максимилиана, тайну, которая такъ долго оставалась неизвѣстною для покойнаго Бильо; они объяснятъ, зачѣмъ пришелъ новый императоръ, примирять его съ клерикалами и конституціонистами, уничтожать разбойниковъ, одержать цѣлый рядъ побѣдъ, возстановятъ порядокъ, спасутъ религію, семейство, собственность и въ заключеніе всего разстрѣляютъ Хуареса, унижать англо-саксонскую расу и заставить отступить трепещущіе Соединенные Штаты.

Все это, конечно, совершится на доскуткахъ бумаги, но его превосходительство, бывшій секретарь историка Мишле, зашелъ еще дальше. Онъ задастъ кандидатамъ нормальной школы слѣдующую рѣчь: «О значеніи краснорѣчія въ правленіи Цезарей.» Соображаясь съ программой школы Бонапарта, они должны будутъ начать «хвалою новому Императору.»

Результатъ выборовъ въ члены англійской Нижней Палаты оправдалъ ожиданія. Между сторонниками лорда Пальмерстона и приверженцами лорда Дерби было только соперничество изъ-за лицъ, мѣстъ, денегъ и положенія; принципы, въ сущности, были одни и тѣ же. Но, не смотря на чисто личный характеръ, борьба была все-таки язвительная и ожесточенная. Въ общемъ итогъ оказался прогрессъ. Дербисты консерваторы потеряли нѣсколько лишнихъ голосовъ противъ выговъ псевдо-либераловъ, а радикалы и глэдстоунисты приобрѣли то, что потеряли обѣ эти партіи; благодаря отпуску, который Оксфордскій университетъ далъ знаменитому канцлеру казначейства, этотъ государственный человѣкъ, признаваемый всѣми за самое высокое дарованіе Англій, сдѣлался вождемъ радикальной партіи, той партіи, которая имѣла въ Брайтѣ великаго оратора и совѣтника въ достойномъ сожалѣніи Кобденъ. Теперь составляются планы кампаній для будущей сессіи.

За окончаніемъ выборовъ великими заботами для соединеннаго королевства остаются: египетская холера, которая грозитъ Англій

потерю нѣсколькихъ сотенъ милліоновъ, разныя возмутительныя преступленія—отравленіе доктора Причарда, пять соудейскихъ убійцъ и наконецъ то замѣчательное открытіе, что искусство душиить дѣтей стало въ Англіи ремесломъ. По исчисленіямъ въ Англіи происходитъ 12,000 дѣтоубійствъ въ годъ.

И все это происходитъ послѣ 1865 лѣтъ христіанства!

Ж. Ласарель.

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

О направленіи нашего образованія.—Настоятельная необходимость измѣнить его, сообразно реальнымъ, экономическимъ потребностямъ нашего общества.—Только положительныя знанія могутъ вывести насъ изъ застоя.—Неумѣстность и вредъ непроизводительнаго образованія.—Устройство частныхъ гимназій; они прибыльны для учредителей и убыточны для общества.—Отсутствіе мѣстныхъ техническихъ школъ.—Мракобѣіе извѣстнаго сорта публицистовъ.

I.

Изъ первой статьи читатель могъ видѣть, что всевозможныя преобразованія учебныхъ заведеній, предпринимаемыя со временъ Петра I, касались преимущественно внѣшней, дисциплинарной стороны народнаго образованія, а сущность дѣла оставляли неприкосновенною. Собственно говоря, измѣнялись подробности старой программы, а характеръ самого направленія всегда былъ одинъ и тотъ же.

Настоящее министерство Народн. Просвѣщ., повидимому, хотѣло коснуться самого направленія учебныхъ заведеній; но и оно остановилось на полусловѣ. Сознывая потребности времени и современнаго состоянія русскаго общества, оно не могло не допустить реального образованія, если только разсматривать народное образованіе въ видахъ общей пользы и *дѣйствительнаго* удовлетворенія нуждамъ всей страны; но оно не разрѣшило вопроса: какое именно направленіе—реальное или классическое болѣе соответствуетъ потребностямъ нашей жизни. Теперь вопросъ этотъ предоставляется рѣшить самой жизни, и выборъ между тѣмъ и другимъ направленіемъ

лежить на отвѣтственности самого общества. Въ какой степени оно окажется способнымъ понимать свои интересы и на какую сторону склонятся его сочувствія, пока сказать трудно; но можно навѣрное утверждать, что споръ о реальномъ и классическомъ образованіи окончится тѣмъ, что почтенный классицизмъ, не смотря на большинство своихъ поклонниковъ, скоро отправится туда, куда раньше его переселились уже алхимія и астрологія т. е. въ область человѣческихъ немѣлостей.

II.

Когда начинаются у насъ теоретическіе толки о воспитаніи, то главное вниманіе обращается при этомъ на нравственность и на изысканіе вѣрныхъ и рѣшительныхъ средствъ для водворенія ея въ юныхъ сердцахъ. Способы, которыми до сихъ поръ водворяли нравственность въ юныя сердца, были во всѣ времена болѣе или менѣе одинаковы, точно такъ же, какъ во всѣ времена оказывались они безуспѣшными, такъ что юныя сердца не становились ни сколько не хуже, если бы надъ ними не производили бы ровно никакихъ нравственныхъ экспериментовъ. Это происходило оттого, что нравственность преподавалась какъ нѣчто отвлеченное, головное, и человѣкъ, зная на память, что то-то очень нравственно, а то-то и то-то очень безнравственно, никакъ не могъ приложить своихъ теоретическихъ знаній къ практической жизни, потому что въ ней онъ дѣйствовалъ такъ, какъ принуждала его дѣйствительная необходимость, а не нравственные афоризмы, изображавшіе собой нравственные идеалы. Такимъ образомъ, школой нравственности оказывалась не классная комната, а сама жизнь, т. е. всѣ тѣ внѣшнія обстоятельства, которыя заставляли человѣка поступать непременно такъ, а не иначе. Умные родители давно уже понимаютъ это; они знаютъ, что лучшей школой для ребенка служить примѣръ родителей и всѣхъ окружающихъ его людей. Если вы, желая приучить ребенка къ чистоплотности, будете только увѣрять его въ томъ, что чистоплотность есть великая добродѣтель, а въ тоже время окружите дитя всякою грязью, не будете никогда его мыть или только по большимъ праздникамъ, будете мѣнять ему бѣлье разъ въ недѣлю, а пожалуй и того рѣже, и своимъ личнымъ образомъ жизни будете преподавать ему практическіе уроки подобной же чистоплотности, то нѣтъ ничего

удивительнаго, что изъ вашего ребенка вырастетъ свинья. Если родители грызутся другъ съ другомъ на каждомъ шагѣ, или папенька, самодурничая надъ женой и надъ дѣтьми, будетъ проповѣдывать своимъ сыновьямъ теорію кротости и разумныхъ человѣческихъ отношеній, то вѣроятнѣе всего, что изъ сыновей образуются тоже самодуры, а уже никакъ не кроткіе и гуманные люди. Если человѣкъ живетъ въ странѣ, гдѣ, независимо отъ теоретическаго ученія объ идеальной нравственности, преподаваемой въ школахъ, въ практическихъ отношеніяхъ людей живетъ ложь, обманъ, воровство, пьянство, то, разумеется, ребенокъ, окруженный подобной практикой, сформируется въ такого же лгуна, обманщика, вора, пьяницу; какъ и всѣ тѣ, съ кѣмъ онъ жилъ постоянно. Очень можетъ быть, что не всѣ эти качества разовьются въ немъ въ одинаковой степени; очень можетъ быть даже, что и ни одного изъ нихъ въ немъ не разовьется; но ужъ въ этомъ случаѣ будетъ виновато не общество, въ которомъ воспитывался ребенокъ, а какія нибудь органическія его особенности, не позволявшія ему сдѣлаться пьяницей или лгуномъ и воромъ. Поэтому, если вы отецъ или мать и желаете воспитать дитя въ понятіяхъ справедливости, — будьте прежде всего сами справедливы; если вы желаете, чтобы дитя ваше было чистоплотно, — будьте сами чистоплотны; если оно должно быть кротко, гуманно, снисходительно, — будьте сами кротки, гуманны и снисходительны. Но если, проповѣдая кротость обращенія, вы будете драть своего сынишку за вихры, колотить горничныхъ и наставлять фонари своей супругѣ, то вашъ сынишка выйдетъ непременно озорникомъ; а если даже какимъ нибудь счастливымъ случаемъ изъ него и не воспитается бунтъ, то во всякомъ случаѣ сложится индивидуумъ, весьма снисходительно смотрящій, какъ человѣкъ тужить своего ближняго. Если проповѣдая честность, вы будете плутовать, обманывать и воровать или, проповѣдая уже трезвость, будете сами пьянствовать и безобразничать, то и вашъ сынъ, по всей вѣроятности, воспитается также въ лгуна и вора или пьяницу; а если и не выйдетъ такимъ, то, присмотрѣвшись и привыкнувъ къ вашимъ безобразіямъ, онъ будетъ относиться совершенно равнодушно къ подобнымъ чертамъ въ другихъ. Умные люди, какъ уже сказалъ, знаютъ давно, что не словами развиваютъ въ человѣкѣ практическія отношенія къ людямъ, а самой практикой. И эти умные люди, превращаясь въ умныхъ родителей, ведутъ себя

такъ, что у нихъ выходятъ и умныя, хорошія дѣти. Но есть другіе люди, и они пожалуй считаются тоже умными и подаютъ своимъ дѣтямъ хорошій примѣръ тѣмъ, что не лгутъ, не дерутся и вообще ведутъ себя, какъ прилично порядочнымъ людямъ; но въ ихъ мыслительной способности есть та особенность, что справедливое для себя они не считаютъ справедливымъ для другихъ и, проповѣдая для себя одну теорію, они предлагаютъ другимъ другую, не считаемою ими для себя годной. Если подобнымъ складомъ ума обладаетъ женщина, вышедшая замужъ по любви, имѣющая средства для жизни, она не пойдетъ нисколько страннымъ посовѣтовать своей бѣдной родственницѣ-дѣвушкѣ выдти замужъ за какогонибудь перваго проходимца; а когда дѣвушка спроситъ ее—развѣ вы вышли замужъ такимъ же образомъ? то совѣтница, взглянувъ на нее съ удивленіемъ, дастъ такой отвѣтъ: «Я! я дѣло другое». Если же такимъ складомъ ума обладаетъ мужчина и если, по несчастію, такой мужчина сдѣлается журналистомъ или публицистомъ, то знаменитый афоризмъ «Я! я дѣло другое» получаетъ у него самое широкое и разностороннее примѣненіе. Зайдетъ ли рѣчь объ астрономіи, онъ тотчасъ же скажетъ, что астрономію нужно знать ему и его сыну; а сапожнику, портному, вообще мѣщанину или купцу знать ее не слѣдуетъ. «Отчего же не слѣдуетъ? Вы же учились возрадите вы ему. «Я! я дѣло другое» отвѣчаетъ ему публицистъ. Зайдетъ ли рѣчь о политикѣ, о политической экономіи, окажется и тутъ, что все это знать нужно только публицисту и его сыну; но отнюдь не какомунибудь ремесленнику или купцу, и когда вы опять явились съ своимъ—«отчего же имъ не нужно? вѣдь вы учились!», то въ отвѣтъ вамъ опять вылетаетъ на свѣтъ божій глубокомысленный афоризмъ: «Я! я дѣло другое.» Но особенная знаменательность и сила сообщается этому афоризму въ томъ случаѣ, когда вы по своему простодушію вздумаете говорить о новѣйшихъ литическихкихъ и соціальныхъ писателяхъ и заявите даже самымъ скромнымъ образомъ свою недогадливость относительно того, кто поможетъ и кто не можетъ читать—ну хоть бы Прудона. Не говоря уже про то, что журналистъ выскажетъ свое: «Я! я дѣло другое.» такимъ образомъ, какъ будто бы въ головѣ его поселился самъ Юлій Цезарь или, по меньшей мѣрѣ, Карлъ Великій; но вамъ при поднесутъ еще такую презрительную улыбку, что тотчасъ же станетъ ясно, что вы больше ничего, какъ дерзкій плебей, неумѣ-

ицѣй понимать самой простой вещи, а онъ, литературный Юлій Цезарь, стоящій на высшей точкѣ зрѣнія, все понимаетъ и все обнищаетъ.

Между тѣмъ возвышенная литературная точка именно тѣмъ и неудобна, что стоящіе на ней не имѣютъ никакой твердой опоры и, главная въ туманѣ метафизическихъ отвлеченностей, видятъ вмѣсто реальныхъ предметовъ однѣ тѣни идеальныхъ образовъ; если люди эти дѣйствуютъ искренно, то они просто жалки; если же они желаютъ ловить рыбу въ мутной водѣ и намѣренно дурачатъ своихъ ближнихъ, то это уже не добродушные простаки, запуганные съ молодости, а плуты, высказывающіе какія вамъ угодно мнѣнія, смотря по личнымъ своимъ выгодамъ.

Если XIX вѣкъ называется вѣкомъ положительнымъ, то конечно не за то, что въ немъ доживаетъ свое время метафизика, отличающаяся до сихъ поръ только искусствомъ давать простымъ вещамъ самое туманное и непонятное толкованіе, — а за то, что на жизнь какъ отдѣльныхъ людей, такъ и цѣлыхъ человѣческихъ обществъ, съумѣли взглянуть не съ прежней возвышенной точки зрѣнія, а снизу, прямо съ земли. Эта новая точка зрѣнія удобна тѣмъ, что позволяетъ рѣшать безспорно все то, что до сихъ поръ казалось спорнымъ. Простота новаго ученія до того поразительна, что споры, существующіе до сихъ поръ, можно объяснить только тѣмъ, что ученіе это слишкомъ просто, и потому оно не нравится людямъ, привыкшимъ отуманивать себя сложными размышленіями и упражняться въ хитрой умственной эквилибристикѣ. Новое ученіе, о которомъ я говорю, больше ничего, какъ социальная экономія или проще новая экономическая наука. Я знаю, какое сдѣлаетъ мнѣ возраженіе читатель. Онъ скажетъ, что еслибы эта наука порѣшила всѣ вопросы, то конечно не могло бы быть никакихъ споровъ и все бы сдѣлалось, какъ по писанному. На это я отвѣчу проницательному читателю, что если бы экономическая наука порѣшила *все* вопросы, то людямъ осталось бы только заказать себѣ гробы, лечь въ нихъ и переселиться въ царство тѣней. Никакая наука никогда не порѣшитъ всѣхъ вопросовъ; но у всякой науки есть цѣлый запасъ вопросовъ давно рѣшенныхъ, которые, не смотря на то, все еще не привѣняются къ жизни. И это происходитъ совсѣмъ не потому, чтобы вопросы были порѣшены неправильно или были бы не выгодны для жизни, а просто потому, что большинство незна-

комо съ этими давно составленными рѣшеніями. Одна часть этого большинства незнакома съ выгоднымъ для него знаніемъ, потому что она еще незнакома даже съ употребленіемъ здоровой и питательной пищи; а другая часть потому, что учится въ молодости у такихъ наставниковъ — практиковъ, въ образѣ своихъ родителей, родственниковъ и всего того, что ихъ окружаетъ и въ средѣ чего они вращаются,—что разъ сбитая съ толку она теряетъ на всегда способность судить правильно о вещахъ, какъ теряютъ способность видѣть хорошо люди, разъ испортившіе себѣ зрѣніе. Когда сто лѣтъ тому назадъ было высказано ученіе о пользѣ, то люди, которыхъ поразила простота этой теоріи, тотчасъ же взобрались на свою возвышенную точку и сочинили тамъ такое возраженіе: «если польза руководить и должна руководить во всемъ людьми, то какъ слѣдуетъ поступать намъ двумъ т. е. вамъ и мнѣ, если мы будемъ переходить, съ двухъ противоположныхъ сторонъ, черезъ рѣку, по положенной черезъ нее жердочкѣ, и если разойдѣться намъ не возможно и рѣка глубока? Ясно, что мнѣ будетъ полезно спихнуть въ воду васъ, а вамъ—меня. Самый благоприятный выходъ будетъ тотъ, когда свалится въ воду одинъ изъ двухъ; но мы можемъ свалиться и оба, въ чемъ же тутъ польза и кому выгода? Или, у васъ есть старшій, немощный отецъ: какая вамъ польза кормить его и расходовать на него свои силы, когда было бы гораздо полезнѣе сберечь ихъ для себя?» И простодушные люди дивились мудрости подобныхъ опроверженій и радостно хлопали въ ладоши, вовсе не подозрѣвая того, что они одобряютъ своей собственной глупости и тупоумію противниковъ Бентама. Экономическія возраженія были того же сорта. Какая вамъ выгода работать, если вамъ пріятнѣе сидѣть сложа руки и заставить работать вмѣсто себя другого? Но люди безграничнаго простодушія, дѣлавшіе подобныя возраженія, не сообразили только одного, что человѣку, не считающему себя подданнымъ Дагомейскаго короля и гордящагося своимъ образованіемъ, слѣдуетъ воздерживаться отъ глупыхъ рѣчей. Между тѣмъ подобнаго мудраго воздержанія не встрѣчалось, и люди, бравшіе на себя руководство общественнымъ мнѣніемъ, не только сами переталковывали истины, высказанныя гениальными людьми, но сбивали своими толкованіями и всѣхъ тѣхъ, кому трудно думать своей собственной головой. Вотъ почему до сихъ поръ ведутся горячіе споры о томъ, что всѣ разсудительные люди считали вполнѣ рѣшеннымъ

еще въ прошломъ столѣтїи, и вотъ почему многіе приходятъ въ великое изумленіе, когда имъ говорятъ, что Америка открыта еще въ 1492 году, потому что они только вчера услышали въ первый разъ о Новомъ Свѣтѣ.

Въ какой бы части свѣта, въ какой бы странѣ, въ какой бы мѣстности вы не жили, читатель, но если вы обратите вниманіе на то, что именно занимаетъ и васъ, и всѣхъ окружающихъ васъ и всѣхъ, кого вы видите, то, разумѣется, легко замѣтите, что каждый больше хлопочетъ всего объ устройствѣ своего матеріальнаго благосостоянія, о томъ, что бы жить удобно, спокойно, обеспеченно. Изъ этого вы выведете совершенно правильное заключеніе о томъ, что экономическій вопросъ есть основной вопросъ человѣческой жизни. Важность его такъ велика, что даже общественная и частная нравственность находится въ прямомъ отношеніи съ степенью матеріальнаго благосостоянія людей, и отъ большей или меньшей обезпеченности зависитъ число преступленій. Извѣстно, что изъ всего числа преступленій 75% (даже больше) составляютъ преступленія противъ собственности и только 25% приносятся на всѣ остальные. Слѣдовательно ясно, что все то, что ведетъ къ возвышенію матеріальнаго благосостоянія, вѣстѣ съ тѣмъ ведетъ къ безопасности, довольству и счастью. Я не отвергаю, что можно быть богатымъ и чувствовать себя несчастнымъ, т. е. подвергаться какимъ нибудь нравственнымъ страданіямъ; но полагаю однако во-первыхъ, что большинство нравственныхъ человѣческихъ страданій происходитъ отъ невѣрнаго разрѣшенія людьми своихъ частныхъ экономическихъ вопросовъ; а во-вторыхъ, что всѣ нравственные страданія переносятся гораздо легче при богатствѣ, чѣмъ при бѣдности. Наконецъ думаю, что только мечтатели и утописты могутъ желать вполнѣ счастливой жизни, чуждой всякихъ горестей и печалей. Какъ только человѣчество дойдетъ до такого разрѣшенія своихъ вопросовъ, то на другой же день наступитъ повсемѣстный Китай или смерть всего человѣчества, потому что въ чуждъ же жизнь, какъ не въ постоянномъ стремленіи впередъ къ большому довольству. Жизнь есть собственно стремленіе и постоянное удовлетвореніе вѣчно возникающихъ новыхъ потребностей. Въ этомъ удовлетвореніи и заключается собственно счастье, а въ неудовлетвореніи — несчастіе. Если вы голодны и желаете поужинать хорошо, то вы несчастны, пока не поѣли. Но вотъ вы удов-

удовлетворили своему желанію, организмъ вашъ успокоился и это состояніе довольства составляетъ ваше счастье. Но за однимъ удовлетвореніемъ слѣдуетъ новое желаніе и новое стремленіе къ его удовлетворенію, и пока вы не успокоите свой организмъ, вы опять несчастны. Старое удовлетвореніе при этомъ совсѣмъ уже забыто; это вопросъ поконченный, и новая задача жизни заключается въ достиженіи новой цѣли. Если вы стремились къ приобрѣтенію тысячи рублей или хотѣли приобрѣсти любовь женщины, то пока тысячи рублей не лежатъ въ вашемъ карманѣ или женщина не сказала вамъ: «я васъ люблю», вы будете несчастны, потому что не удовлетворены. Но вотъ деньги у васъ, васъ любятъ и въ тотъ же моментъ въ васъ возникаетъ уже новое стремленіе къ удовлетворенію новаго желанія. Чѣмъ полнѣе и совершеннѣе удовлетворяетъ человѣкъ своимъ желаніемъ, тѣмъ онъ счастливѣе; а чѣмъ удовлетвореніе несовершенно или накапливается много желаній совершенно неудовлетворенныхъ, тѣмъ человѣкъ несчастнѣе. Самый несчастный, разумѣется, тотъ, у кого не удовлетворены основныя органическія потребности—кому холодно и голодно. Слѣдовательно, чтобы люди имѣли полную возможность удовлетворять своимъ основнымъ потребностямъ, — чего до сихъ поръ пока еще не существуетъ, потому что во всѣхъ странахъ есть люди, которымъ и холодно и голодно, — и чтобы люди, за удовлетвореніемъ однихъ желаній, могли бы тотчасъ же удовлетворить возможно совершенно и всѣмъ слѣдующимъ, нужно, чтобы въ распоряженіи людей находилась вся масса существующихъ знаній и чтобы общественныя учрежденія давали всѣ средства къ немедленному практическому примѣненію всякаго новаго знанія. Такимъ образомъ, для счастья людей нужно, чтобы каждый человѣкъ располагалъ возможностью удовлетворять своимъ стремленіямъ, а какъ возможность эта зависитъ отъ знаній, которыми владѣетъ человѣкъ, слѣдовательно необходимо, чтобы каждый человѣкъ могъ приобрѣтать всѣ знанія, необходимыя ему для счастья. А эти знанія даются ему воспитаніемъ. Значитъ задача воспитаній заключается въ томъ, чтобы устроить изъ него нѣкоторое подобіе гостиннаго двора или рядъ лавокъ, въ которыхъ желающимъ предлагается приобрѣтать всякій умственный товаръ, т. е. всякое знаніе, какое имъ нужно. Нужно ли вамъ знать какъ шьются сапоги и башмаки, вы отправляетесь въ такую лавку, гдѣ предлагается это знаніе и берете его въ такомъ количествѣ, на сколько оно вамъ

нужно или сколько вы въ состояніи унести по своимъ способностямъ. Потребовалась вамъ технологія—вы отправляетесь въ лавку, гдѣ хранится это знаніе и опять берете его на столько, сколько вамъ нужно. И такъ со всѣми остальными знаніями. Но вы, кромѣ умѣнья шить сапоги, или искусства добывать свѣтильный газъ, или готовить машины, интересуетесь и разными общественными вопросами экономическаго или политическаго характера, и превосходно — отправляйтесь въ ту лавку, гдѣ лежитъ этотъ товаръ и пользуйтесь имъ на здоровье...

Такимъ образомъ, экономическая наука говоритъ, что человѣку для его существованія необходимо удовлетворять своимъ органическимъ потребностямъ; далѣе, что удовлетвореніе однихъ потребностей порождаетъ стремленіе къ новымъ удовлетвореніямъ; что удовлетвореніе есть счастье, неудовлетвореніе — несчастье. Чтобы потребности могли быть удовлетворены, необходимо знать, какъ ихъ удовлетворить, т. е. владѣть извѣстнымъ запасомъ знаній. А какъ отъ запаса знаній зависитъ счастье, то слѣдовательно каждый человѣкъ долженъ имѣть полную возможность пріобрѣсти всѣ тѣ знанія, какія онъ считаетъ необходимыми для своего счастья. Судьей при выборѣ знаній можетъ быть только тотъ, кому онѣ необходимы, потому что никто не можетъ судить за другого, что ему нужно. Такъ какъ удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей составляетъ коренную сущность жизни и основную цѣль человѣческихъ стремленій, то и основными знаніями являются тѣ, которыя прямѣе, ближе и совершеннѣе всего ведутъ къ этой цѣли. Слѣдовательно первое мѣсто въ ряду знаній занимаютъ науки точныя, реальныя и потому реальное воспитаніе есть основное воспитаніе, потому что оно развиваетъ человѣческія способности съ той стороны, съ которой онѣ лучше и ближе служатъ удовлетворенію нашихъ главныхъ матеріальныхъ потребностей.

Это матеріальное благосостояніе—такая чувствительная вещь, что самое, повидимому, ничтожное обстоятельство тотчасъ же нарушаетъ гармонію экономическихъ отношеній и отражается въ уменьшеніи полезныхъ предметовъ и въ ослабленіи народной продуктивности. Поэтому экономическая наука и говоритъ, что производительная дѣятельность народа возможна только при возможно-совершенномъ развитіи знаній, при полной доступности ихъ для народа, каждому по средствамъ и потребностямъ, при безусловной честности и безкорыстности всѣхъ

общественныхъ отношеній; однимъ словомъ она требуетъ спокойствія и мира внутри и извнѣ, она требуетъ гуманности, безукоризненной честности, широкаго развитія понятій о личной свободѣ, а главное объ общей гражданской солидарности. Спрошу я васъ читатель, если вы пройдете всю эту школу и проникнетесь принципами новой экономической теоріи, будетъ ли ваша точка зрѣнія высока, а уголокъ зрѣнія достаточно широкъ, чтобы объять правильно все то, чѣмъ обуславливаются всѣ частныя и общественныя отношенія? Думаю, что вы скажете: «да». Но я покажу вамъ еще одну выгодную сторону экономической теоріи. Положимъ, что метафизикъ говорить, что воровать не слѣдуетъ и что безнравственность — зло. Если спросить васъ какъ соціального эконома о томъ же, то и вы скажете точно также, что воровать не слѣдуетъ и что безнравственность — зло. Повидимому, и вы, и метафизикъ или моралистъ говорите одно и то же, а между тѣмъ вы говорите разное, хотя требованіе и ваше и моралиста должно привести къ однимъ и тѣмъ же результатамъ. Если моралистъ говорить, что воровать не слѣдуетъ, — спросите его почему, онъ скажетъ, что это безнравственно; тогда спросите вы его опять: «а что такое нравственность?» и онъ, потупивъ глаза, дастъ вамъ отвлеченное объясненіе вопроса, которое можетъ быть васъ и не удовлетворить. Между тѣмъ, вы на тѣ же самые вопросы дадите самые короткіе и всѣмъ понятные отвѣты, потому что точкой вашего отправленія служить экономическая выгода. Воровать потому не слѣдуетъ, что это невыгодно; быть безнравственнымъ тоже. Всякое подобное дѣйствіе вредно для общества, потому что отражается на уменьшеніи его матеріальнаго благосостоянія; слѣдовательно ведетъ къ бѣдности; а какъ бѣдность есть зло и несчастіе, а людямъ нужно счастье, то очевидно, что всякое дѣйствіе, влекущее за собой такой вредный для общества результатъ, есть дѣйствіе вредное, убыточное, безнравственное. Конечно, люди еще не придумали такихъ чувствительныхъ вѣсовъ, которыми бы можно было опредѣлять въ золотникахъ матеріальныя потери общества отъ убыточныхъ дѣйствій его отдѣльныхъ членовъ; но если бы такіе вѣсы существовали, то каждое подобное дѣйствіе, называемое на языкѣ соціальныхъ экономовъ экономически - безнравственнымъ или убыточнымъ, можно было бы опредѣлять точной мѣрой, какъ математическую величину. Вотъ почему экономи-

ческая точка зрѣнія даетъ такую силу и опредѣлительность всѣмъ сужденіямъ.

Такимъ образомъ, образованіе, разсматриваемое съ экономической точки зрѣнія, терлетъ свой двойственный характеръ; оно перестаетъ быть дѣломъ такъ называемаго чистаго искусства и освобождается отъ сословныхъ границъ, устанавливаемыхъ дѣленіемъ его на реальное и классическое. Кромѣ того и самый выборъ предметовъ преподаванія получаетъ сознательную точность и опредѣлительность и едва ли могутъ возникать споры о томъ: полезны ли и на сколько именно языки греческій и латинскій? Точно также и естествознаніе, которому въ классическихъ школахъ отводится такое скромное мѣсто, выступаетъ впередъ, какъ знаніе основное, успѣхами котораго обусловленъ весь матеріальный и умственный прогрессъ человѣчества.

III.

Наши публицисты, литераторы московской школы, пассивно воспитанные мудростію египетскихъ жрецовъ и, по своимъ понятіямъ, находящіеся въ одномъ періодѣ развитія съ этими почтенными жрецами, никакъ не могутъ отличить реальныхъ знаній отъ спартацкаго ригоризма и схоластической долбни; съ ихъ высшей точки зрѣнія, которая впрочемъ ниже всякой критики, имъ кажется утилитарная теорія воспитанія стоглавымъ чудовищемъ, и потому я долженъ обратиться къ фактамъ, которые убѣдятъ читателя, что изложенная мною теорія совершенно оправдывается современными практическими требованіями русскаго общества.

Изъ «домашней лѣтописи» въ майской книжкѣ «Рус. Слова» читателю извѣстно, что мы получаемъ изъ-за границы множество такихъ предметовъ, приготовленіе которыхъ у себя дома едва ли бы встрѣтило препятствіе въ нашихъ техническихъ знаніяхъ и способностяхъ. Иностранцы готовятъ для насъ горчицу, мазь для машинъ и британскихъ ремней, солонину, ветчину, желѣзо, чугуны, сталь, горшки, мебель и многое множество разныхъ другихъ предметовъ. Неужели все это такія мудрости, которыхъ русскій умъ преодолѣть не въ состояніи? Всему міру извѣстно, что Россія обладаетъ огромными естественными богатствами; этими богатствами очень гордимся мы, русскіе, и при всякомъ случаѣ выставаемъ ихъ на видъ, какъ до-

казательство нашей огромной экономической силы. Но гдѣ же тутъ сила, гдѣ же тутъ богатство, когда все, чѣмъ мы владѣемъ, лежитъ мертвымъ, непронизываемымъ капиталомъ а иностранцы, снабжаютъ насъ простыми фосфорными спичками, горшками и даже грубыми кузнечными вѣдѣльями? Юго-восточная Россія, Новороссійскій край и Сибирь занимаютъ почти 300,000 квадратныхъ географическихкихъ миль и заключаютъ въ себѣ многообразныя и богатыя условія для сильнаго экономического развитія. Въ южной и юго-восточной полосѣ произрастаютъ самые разнообразныя хлѣба, лучшая пшеница, имѣются огромныя выгоны, сѣнокосы и луга, способныя прокормить несмѣтное множество рогатаго скота, крупнаго и мелкаго; здѣсь возможно разведеніе красивыхъ растений, фруктовыхъ деревьевъ, винограда, и даже шелковицы; здѣсь имѣются все условія для развитія рыбнаго промысла, коноводства, скотоводства; здѣсь есть огромныя запасы соли, каменнаго угля, желѣзной руды. И что же? Скотоводство, коноводство и овцеводство существуютъ дѣйствительно, но только въ жалкомъ видѣ; существуетъ и земледѣліе, но самое рутинное; разводятъ и виноградъ и занимаются винодѣліемъ, но только русскаго винограднаго вина пить невозможно; существуетъ рыболовство, но только такое варварское, что если почтенные русскіе рыбаки половятъ рыбу еще десятокъ лѣтъ своимъ облегчительнымъ способомъ, то она истребится въ конецъ. Свинцовыя, серебряныя и золотыя прінски, мраморы и порфиры или огромныя залежи извѣстнаго кіевскаго лабродора покоятся въ землѣ непронизываемымъ образомъ, не доставляя страпѣ ни копѣйки выгоды. Каменнаго угля превосходнаго качества у насъ столько, что, по словамъ специалистовъ, его бы достало на нѣсколько столѣтій. Желѣзной руды тоже огромныя запасы, и что же дѣлаемъ мы съ этими громадными экономическими средствами, съ этими громадными естественными богатствами? Да ничего. Лежатъ онѣ себѣ спокойно въ землѣ, и мы съ наивнымъ добродушіемъ хвастаемъ тѣмъ, что у насъ лежитъ въ землѣ много добра, вовсе и не подозрѣвая, что этимъ хвастовствомъ мы обличаемъ свое собственное невѣжество и по-истинѣ классическую тупость. Лучшимъ фактомъ нашей неспособности и нашего незнанія можетъ служить то, что случилось въ послѣдніе десять лѣтъ. Когда въ 1858 году былъ пониженъ банковый процентъ, то около пяти-сотъ милліоновъ рублей, освободившись, ушли на акціонерныя предпріятія внутри Россіи, за границу и на процентныя

бумаги; потомъ отъ выкупныхъ сдѣловъ поступило въ руки землевладельцевъ болѣе 100 мил. рублей, въ цѣломъ положили 600.000,000 р. Капиталъ громадный. Какое же получилъ онъ назначеніе? Въ Россіи много мѣстъ съ желѣзной рудой, множество залежей каменнаго угля; намъ нужно много желѣзныхъ издѣлій, машинъ и т. д.—я указываю на болѣе крупныя и рѣзко бросающіяся въ глаза потребности,— между тѣмъ освободившіеся капиталы пошли не на заводское или фабричное дѣло, а на акціи, облигаціи и на разныя процентныя бумаги, и мы до сихъ поръ выписываемъ желѣзо, чугунъ, сталь и мелкія и крупныя желѣзныя издѣлія изъ-за границы. Почему всѣ эти милліоны пошли на акціонерныя предпріятія, а не на сельскохозяйственную, заводскую или фабричную промышленности? Только потому, что для пріобрѣтенія акцій или облигацій не нужно имѣть ровно никакихъ знаній, и акціонеромъ можетъ быть всякій, у кого есть деньги; тогда какъ, для устройства фабрики или завода, нужно быть не только техникомъ, но способнымъ и знающимъ человекомъ. Если бы горячка въ акціонернымъ предпріятіямъ была основана на знаніи дѣла, то при всей ошибочности подобнаго обращенія капиталовъ, съ нимъ все-таки можно бы еще какъ нибудь помириться; но и акціонерная горячка явилась какимъ-то слѣпымъ порывомъ, точно мы внезапно очутились передъ непріятелемъ и должны были идти на непріятельскій редутъ. Пойдти-то мы пошли и выказали много отваги и отчаянной храбрости; только редута все-таки не взяли его и потеряли больше половины людей. Читатель, вѣроятно, помнитъ это горячее время; помнитъ, какъ повсюду управленіе вѣрялось важнымъ лицамъ; помнитъ, съ какимъ достоинствомъ держали себя эти важныя особы, и какъ по нераспорядительности вождей, по безгласности акціонеровъ и по неспособности исполнителей, акціонерныя компаніи лопались одна за другой. Половина капиталовъ конечно ушла прахомъ. Потомъ, когда совершилось освобожденіе крестьянъ, повторилась подобная же исторія, продолжающаяся еще до сихъ поръ. Землевладельцы очутились рѣшительно въ безвыходномъ положеніи, не зная, что дѣлать въ своихъ мѣстностяхъ. И подобное незнаніе, такую ненаходчивость, нераспорядительность и отсутствіе общихъ взглядовъ и соображеній выказало сословіе, считающее себя самымъ образованнымъ, самымъ передовымъ.

Въ другихъ сферахъ эконоинической дѣятельности мы также не можемъ похвастать особенными успѣхами. Если мы обратимся къ нашей

ремесленности, то встрѣтимъ въ ней такое грубое невѣжество, какого нѣтъ ни въ одномъ государствѣ Европы. У насъ нѣтъ ни столяровъ, ни сапожниковъ, ни портныхъ; провинція рѣшительно страдаетъ отсутствіемъ мало-мальски порядочныхъ ремесленниковъ. Все, что изготовляется въ провинціи, не исключая даже губернскихъ городовъ, отличается рутинной, безвкусной, дороговизной и непрочностью. Поднимаясь выше, мы не встрѣтимъ ни машинистовъ, ни механиковъ, ни управляющихъ для заводовъ и фабрикъ, ни управляющихъ для сельско-хозяйственныхъ имѣній. Обратимся ли къ нашей торговлѣ, тамъ тоже запускъ, застой и отсутствіе общихъ соображеній и специальныхъ знаній. Однимъ словомъ, куда ни посмотри, ни внизу, ни вверху, нѣтъ ни техническихъ знаній, ни пониманія общихъ экономическихъ вопросовъ.

Если простолюдинъ не знаетъ своего дѣла, это объясняютъ его бѣдностью; но чѣмъ вы объясните невѣжество богатаго землевладѣльца, миллионера купца, богача фабриканта? Разумѣется, бѣдность и экономическая зависимость народа оттягивали всѣхъ къ низу; но одной бѣдностью мужиковъ нельзя объяснять невѣжества богатыхъ.

Вслѣдствіе освобожденія крестьянъ, вслѣдствіе бѣдности, накопившейся у насъ въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ, вслѣдствіе разныхъ финансовыхъ операцій и военныхъ событій послѣдняго времени, въ экономическихъ дѣлахъ Россіи совершился такой переворотъ, что истинное экономическое положеніе наше явилось въ своей полной наготѣ, безъ прѣжнихъ прикрасъ, а главное неожиданно круто, точно снѣгъ на голову. Экономическій кризисъ-неотвлеченная идея: его не замаскируешь никакими софизмами и красивыми словами, потому что каждый чувствуетъ его въ своемъ собственномъ карманѣ. У кого было четыре лошади, долженъ держать двухъ; кто имѣлъ за обѣдомъ три блюда, долженъ былъ ограничиться двумя; кто располагалъ десятью рублями, почувствовалъ, что у него осталось только пять. Когда дѣла доходятъ до того, что человѣку нужно уменьшать свою мясную порцію, а кто ѣлъ мясо, приниматься за яйца и молоко или за ржаной хлѣбъ, то очевидно, что весь строй жизни, за дѣтой въ своемъ коренномъ основаніи, долженъ принять строго положительный характеръ, отличающійся неизбѣжностью физиологическаго закона. Кто въ подобныя времена, требующія здравыхъ практическихъ мыслей и совѣтовъ, пускается въ заоблачныя разсужденія о неосвязаемыхъ отвлеченностяхъ и забирается на возвышен-

ныя точки зрѣнія, тотъ очевидно или человѣкъ только способный для болтовни или продажный прохождимецъ.

Понятно, что люди здравомыслящіе не могли остановиться на болтовнѣ, которой мы занимались прежде, и нмѣ прежде всего представился вопросъ, что, если не смотря на всѣ существовавшія до сихъ поръ мѣры образованія, мы все таки не имѣемъ никакихъ положительныхъ знаній и не можемъ ступить ни одного шага безъ иностранцевъ, то очевидно, что наше образованіе не достигало своей цѣли. И дѣйствительно, кромѣ высшихъ учебныхъ заведеній, у насъ существовалъ цѣлый рядъ реальныхъ или, какъ ихъ называли, специальныхъ школъ, приготовлявшихъ людей для практической дѣятельности. Однѣ изъ этихъ заведеній приготовляли администраторовъ или правительственныхъ исполнительныхъ органовъ—чиновниковъ, офицеровъ разнаго рода оружія, военныхъ техниковъ; другія давали художественное воспитаніе, приготовляя архитекторовъ, живописцевъ, скульпторовъ, рисовальщиковъ; а третьи давали исключительно ремесленно-промышленное образованіе для занятій земледѣльческихъ, торговыхъ, ремесленныхъ. Отчего же при такой разносторонности школъ и образовательныхъ заведеній у насъ не было ни своихъ механиковъ и машинистовъ, ни своихъ агрономовъ, ни своихъ рисовальщиковъ для фабричныхъ и ремесленныхъ производствъ, ни своихъ ремесленниковъ? Повсюду нѣмцы, французы и англичане стояли въ головѣ всякаго дѣла, требовавшаго техническихъ занятій и промышленной сообразительности; русскій же умъ не проявлялъ ничего кромѣ косности. Причина очень простая. Во-первыхъ, наши школы, хотя по названію и принадлежали къ категоріи реальныхъ заведеній, но въ сущности они реальными не были; во-вторыхъ, даже число тѣхъ школъ, которыя имѣлись, совершенно не соответствовало размѣру населенія страны и его промышленнымъ требованіямъ; въ третьихъ, заведенія были централизованы въ двухъ главныхъ пунктахъ и, слѣдовательно, для отдаленныхъ мѣстностей почти не существовали.

Я не буду говорить о казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, во-первыхъ потому, что этого вопроса я и не хотѣлъ касаться; а во-вторыхъ потому, что реальныя правительственныя заведенія имѣютъ въ дѣйствительности реальный характеръ. Какъ бы ни шло образованіе въ этихъ заведеніяхъ, по несомнѣнно то, что академіи инженерная, артиллерійская, лѣсная, горная и т. д. приготовляютъ инженеровъ,

артиллеристовъ, лѣсничихъ, горныхъ техниковъ и т. д. Но я обращаю вниманіе читателя на заведенія частныя, гдѣ видишь всего, какъ та часть населенія, которая составляетъ такъ называемое общество и образуетъ такъ называемое общественное мнѣніе, относится къ вопросу образованія и понимаетъ его.

Вотъ, на примѣръ, частная гимназія г. Келлера въ С. Петербургѣ. Гимназія эта учреждена въ 1862 г., слѣдовательно въ то время, когда русское общество, сокративъ свои расходы, принуждось со-званіемъ горькой необходимости имѣть за обѣдомъ менѣе блюдъ, чѣмъ оно привыкло поѣдать прежде; когда неблагоприятныя экономическія обстоятельства заставили уже думать о томъ, что нужно наконецъ своимъ способностямъ и силамъ дать болѣе практическое и существенное направленіе. Посмотримъ, какъ удовлетворяетъ этимъ требованіямъ первая частная гимназія. Г. Келлеръ, какъ видно, располагаетъ весьма хорошимъ помѣщеніемъ, потому что платитъ въ годъ за квартиру 5,000 рублей. Далѣе нужно предполагать, что въ гимназіи г. Келлера учатъ весьма существеннымъ и полезнымъ знаніямъ, потому что приходящіе платятъ въ годъ 120 руб., получившіе пансіонеры 350 р. и полные пансіонеры 500 р.; а какъ въ гимназіи 5 классовъ, слѣдовательно полный курсъ обойдется первымъ въ 600 р., вторымъ въ 1750 р. и третьимъ въ 2500 руб. Чему же обучаетъ г. Келлеръ? А вотъ чему: закону божьему, русскому латинскому, французскому, нѣмецкому, англійскому языкамъ, математикѣ и физикѣ, исторіи, географіи, естественнымъ наукамъ, черченію и рисованію, живописанію, танцеванію, гимнастикѣ. *Библиотеки при гимназіи нѣтъ.* Принятое у насъ различіе между реальными и классическими заведеніями заключается въ томъ, что въ реальныхъ преподаются въ большемъ объемѣ естественныя науки и въ курсъ входитъ химія, а латинскому и греческому языкамъ вовсе не учатъ. Слѣдовательно, на этомъ основаніи тотъ, кто не знаетъ химіи, но за то знаетъ по гречески и латыни, и кто слабъ въ естествознаніи, но за то умѣетъ объясняться по французски и по нѣмецки, владѣетъ классическимъ образованіемъ; а кто знаетъ химію и естественныя науки и хотя тоже говоритъ по французски и по нѣмецки, но не въ состояніи разговаривать съ тѣми умершихъ грековъ и римлянъ, тотъ реалистъ. Конечно реалистомъ быть по моему легче, да и не такъ страшно. Если это различіе примѣнить къ гимназіи г. Келлера, то она должна ока-

заться классической или сообщающей высшее образованіе, потому что химія въ ней не учатъ, а въ заѣтъ ея преподають языкъ латинскій. Но съ другой стороны есть основаніе предполагать, что гимназія г. Каллера пожалуй и реальная, потому что въ томъ же Петербургѣ есть частныя заведенія, въ которыхъ не учатъ химіи, но обучаютъ древнимъ языкамъ, и заведенія эти называются реальными. Напримѣръ гимназія г. Видемана называется реальной и камеральной, т. е. носить самое плѣнительное названіе для тѣхъ, кто изъ своихъ дѣтей желалъ бы сдѣлать не однихъ узкихъ специалистовъ, но и сложить въ нихъ высшія понятія экономическаго характера, такъ чтобы молодой человѣкъ годился бы и для частной промышленной дѣятельности и для высшей общественной. Въ этой многообщающей гимназіи учатъ: закону Божьему (правосл. и протест. исповѣданій), русской словесности, языкамъ: русскому, латинскому, греческому, нѣмецкому, французскому, исторіи, математикѣ, физикѣ, естественнымъ наукамъ (?), географіи. Потомъ есть еще реальное училище г. Маія, гдѣ учатъ закону Божию (прав. и лют. исп.), русскому языку и русской словесности, языкамъ: латинскому, греческому, французскому, нѣмецкому, англійскому, исторіи нѣмецкой литературы, исторіи, математикѣ, естественнымъ наукамъ, химіи, физикѣ, арифметикѣ, пѣнію, рисованію, черченію, чистописанію, гимнастикѣ. Если въ этихъ заведеніяхъ, называемыхъ реальными, преподаются древніе языки, а у г. Маія еще и химія, то очевидно они въ тоже время и заведенія классическія. А изъ этого слѣдуетъ заключить, что мы не слишкомъ строго проводимъ границы между классицизмомъ и реализмомъ или что мы намѣшываемъ въ своихъ заведеніяхъ всѣхъ наукъ: было бы по больше, а чего, — до этого намъ дѣла нѣтъ. Но съ другой стороны обнаруживается обстоятельство еще болѣе важное. Въ заведеніяхъ, о которыхъ я говорю, учатъ всевозможнымъ языкамъ, очевидно для того, чтобы вышедшіе молодые люди могли путешествовать по разнымъ странамъ свѣта. Жаль только, что не учатъ по итальянски, по шведски и по датски. Потомъ учатъ рисованью, конечно для того, чтобы можно было нарисовать когонибудь въ свой альбомъ. Далѣе г. Каллеръ обучаетъ танцованью, что сообщаетъ и изящество мужской фигурѣ и возвышаетъ пріятности общественной жизни. Если этому полезному знанію не обучаютъ у гг. Видемана и Маія, то очевидно потому; что они достигаютъ той же цѣли частью гимнастикой, а частью пѣніемъ, которое г.

Келлеръ упустилъ изъ виду. Относительно естественныхъ наукъ, математики и физики можно безошибочно предположить, что такъ какъ въ каждомъ изъ этихъ заведеній учатъ шести языкамъ, а въ танцванью, пѣнью, гимнастикѣ, рисованью, черченію, чистописанію, а въ цѣломъ двѣнадцати предметамъ, требующимъ для основательнаго изученія ихъ времени не мало, — то на долю естественнаго знанія останется, конечно, не много времени, чтобы ученики могли усвоить его хоть бы на половину того, какъ слѣдуетъ. Конечно, нельзя отвергать, чтобы знанія, преподаваемые у гг. Келлера, Видемана, Майя и т. п. не были реальны. Языки французскій, нѣмецкій, англійскій, танцованье, пѣніе, гимнастика, чистописаніе, черченіе, рисованіе очень реальны, и человекъ, знающій все это, получающій безъ сомнѣній знаніе весьма реальное. И знаніе эквилибриста, проходящаго по канату черезъ Ніагару, и знаніе танцора, выдѣлывающаго ногами разные крендели или пѣвца, выводящаго рулады, — очень реальны, потому что реализируются для нихъ въ видѣ серебряной и золотой монеты и даютъ имъ средства для существованія; но вопросъ въ томъ, въ такой ли реальности нуждается Россія и нужно ли ей по прежнему создавать славныхъ молодыхъ людей, объясняющихся съ изысканными манерами на иностранныхъ языкахъ и танцующихъ увлекательно польку (что также очень реально); или же для нея нужны полезные экономическіе производители? Изъ описанія предметовъ, преподаваемыхъ въ упомянутыхъ заведеніяхъ, вовсе не видно, чтобы заведенія эти были въ состояніи обработать Россію какими экономическими деятелями, явие именно ей нужны. Не изъ чего не видно, чтобы тѣ, кто учится у нихъ рисовать, рисовали бы узоры для разныхъ матерія, шелковыхъ, шерстяныхъ и т. д.; для всего этого мы получаемъ готовые образцы изъ Заграничцы. Не изъ чего не видно, чтобы тѣ, кто учится чертить, умѣли бы дѣлать чертежи машинъ и разныхъ механическихъ снарядовъ или планы и карты, и наши чертежники и землемеры выходитьъ, какъ извѣстно, вовсе не изъ реальныхъ школъ гг. Келлера, Видемана и Майя. Не изъ чего не видно, чтобы эти реальные школы приготавливали механиковъ, машинистовъ, управляющихъ заводами и фабриками. А какъ для Россіи нужны именно подобные экономическіе производители, а вовсе не танцоры и пѣвцы, которыхъ у насъ бывало всегда много; потому что все мы воспитываемся по примеру для танцованья, пѣнья и разговариванья по французски, что

какъ известно читателю нисколько не способствовало возвышенію нашего матеріальнаго благосостоянія, а скорѣе роняло его, — то и можно предположить, безъ всякой ошибки, что тѣ господа, которые отдають своихъ дѣтей въ такъ называемыя реальныя школы, понимаютъ реальныя по-своему. А между тѣмъ на всѣ эти пустяки тратится время учащихся юношей и послѣдніе прохи ихъ родителей переходятъ въ карманы такихъ великихъ педагоговъ, какъ гг. Келлеръ, Видеманъ и Майй. Но все же реальное натираніе паркетовъ и научная гимнастика имѣетъ болѣе смысла, чѣмъ заучиваніе латинскихъ и греческихъ склоненій. Въ этомъ отношеніи петербургская прогимназія г. Беренса обѣщаетъ поставитъ намъ настоящихъ римлянъ августовскаго времени. Ученики этой прогимназіи, кажется, въ V классѣ, какъ видно изъ программы г. Беренса, читаютъ Цицероновы трактаты о старости и дружбѣ и рѣчи противъ Катилины! Какую глубокую мудрость должны почерпнуть эти ученики изъ трактатовъ, написанныхъ назадъ тому 2000 лѣтъ! И сколько мальчиковъ, цыплятъ и мочалай на колѣнкахъ должны вытерпѣть воспитанники г. Беренса, ради этой классической мудрости! И когда это придется имъ парадировать рѣчи Цицерона противъ Катилины? Развѣ на вслостномъ сходѣ или на базарѣ передъ мѣшнами муки и воедами соломки. Цѣть Илиаду или декламировать Горанція еще можно гдѣ-нибудь и въ Чебоксарахъ, но произносить рѣчи противъ Катилины у насъ рѣшительно не гдѣ и никому не придется. Въ другихъ частныхъ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ преподаются предметы точно такого же реального характера. Всѣ эти заведенія отлиты въ одну форму, и если между ними есть какая-нибудь разница, то только въ томъ, что въ нѣкоторыхъ изъ заведеній больше, а въ другихъ меньше пріятныхъ знаній. Въ московскихъ пансіонахъ — танцованье вездѣ необходимый воспитательный элементъ и пользуется въ этомъ случаѣ одинакими правами съ греческими и латинскими языками; т. е. придаетъ образованію классическій характеръ. Только Одесса дѣлаетъ въ этомъ случаѣ исключеніе, потому что и въ таковой одесской гимназіи и въ пансіонѣ Кюри на танцованью, и танцы не учатъ.

Что же касается до женскихъ пансіоновъ, то въ нихъ сохраняется тотъ же великосвѣтскій характеръ, которымъ всегда отличалось образование русской женщины. Первымъ въ этомъ отношеніи конечно нужно признать Атеней, содержимый французенкой г. Труба (Troubat).

Въ этомъ пансіонѣ учать: всеобщей литературѣ, нѣмецкой литературѣ и русской литературѣ; языкамъ: русскому, нѣмецкому, французскому и английскому; музыкѣ: на фортепiano и на арфѣ, танцованью, гимнастикѣ. За тѣмъ—исторіи, ариметикѣ, географіи и естественной исторіи. Что образованіе это должно быть самого высокаго сорта, слѣдуетъ заключить изъ шеты, взимаемой г. Труба съ ея воспитанницъ: съ пансіонерки берется 100 руб. въ мѣсяць, т. е. въ годъ 1,200 руб.; съ приходящихъ отъ 350 до 500 руб. Тоже самое подтверждается еще и тѣмъ, что г. Труба не учитъ никакимъ ремесламъ, не учитъ даже чистоисанию. Есть только одинъ пансіонъ, изъ всѣхъ 46, который—и то впрочемъ въ одномъ отношеніи—обнаруживаетъ еще большую великосвѣтскость, это пансіонъ г. Мейеръ, въ которомъ признанъ необходимымъ образовательнымъ элементомъ — ну угадайте? — декламация!

И женскіе пансіоны оттиснуты въ одну форму. Вездѣ языки, музыка, танцованіе, за тѣмъ ариметика, исторія, географія и естественная исторія. Преподаватели послѣдней, конечно, сдѣлали уступку современнымъ требованіямъ, только неизвестно чѣмъ, потому что если бы дѣвѣцъ сводили хотя на часъ въ звѣринецъ Зама и поговорили бы съ ними тамъ, какъ слѣдуетъ, то онѣ въ одинъ этотъ урокъ приобрѣли бы гораздо больше, чѣмъ въ годъ занятія тѣмъ, что выдается имъ за естественную исторію. Да и что за наука естественная исторія?

Изъ всего этого читатель видитъ, что въ женскихъ пансіонахъ реальное образованіе идетъ гораздо дальше, чѣмъ въ мужскихъ; во-первыхъ, потому что вовсе не преподаются языки греческій и латинскій; только этого и не доставало, чтобы заставить дѣвушекъ заучивать рѣчи противъ Катилины и трагаты Цицерона о старости. Что же касается пріятныхъ знаній, развивающихъ эстетическія потребности, они преподаются гораздо основательнѣе, и слѣдовательно женщина готовится совершеннѣе къ своимъ будущимъ обязанностямъ: пріятельной невѣсты, пріятной женой и пріятной знакомой. Съ другой стороны сдѣлана уступка и классическому образованію, потому что вовсе не учать химіи и очень дурно естественнаго. Такимъ образомъ, согласно установившемуся у насъ въ послѣднее время взгляду на различіе реального и классическаго образованія, женскіе пансіоны удовлетворяють совершеннѣе всего условіямъ тѣхъ и дру-

гихъ и помѣщаются какъ разъ въ той знаменитой золотой серединѣ, изъ которой не видно ничего ни направо, ни налѣво.

Но почему ни женскіе, ни мужскіе частныя пансіоны, назначенныя для высшаго образованія, для передовыхъ сословій, не соответствуютъ нѣсколько современнымъ экономическимъ требованіямъ Россіи? Почему ихъ реализмъ проявляется только въ предметахъ и упражненіяхъ свѣтскаго характера, служащихъ для пріятнаго препровожденія времени? Почему ни въ одномъ заведеніи вы не встрѣчаете такого образованія, которое бы давало людямъ ананія, могущія служить имъ впоследствии кускомъ насущнаго хлѣба? Очевидно только потому, что та часть населенія, для которой существуютъ эти заведенія, требуютъ отъ нихъ только того, что въ нихъ дается, и нѣсколько еще не нуждаются въ дѣйствительно-реальномъ образованіи, по преимуществу экономическаго характера. Мнѣ могутъ возразить, что гимназіи, на уровнѣ которыхъ стоятъ упомянутыя частныя заведенія, кладутъ только основныя, общія знанія, приготавливая мальчиковъ и дѣвочекъ къ выбору и изученію специальности, которой они посвящаютъ себя впоследствии, уже по окончаніи гимназическаго курса. Это возраженіе было бы конечно достаточно сильно, если бы читатель вслѣдъ за тѣмъ указалъ мнѣ на заведенія, въ которыхъ молодые люди, кончившіе гимназическій курсъ, изучаютъ специальности и приговляются для поприща равнообразной экономической производительности. Но такихъ заведеній читатель мнѣ не узнаетъ, потому что ихъ нѣтъ. Есть точно нѣсколько правительственныхъ заведеній, для приготовленія специалистовъ; но во-первыхъ эти заведенія приготавливаютъ людей не для общественной экономической дѣятельности, а для исключительныхъ правительственныхъ цѣлей; во-вторыхъ, число заведеній соответствуетъ размѣру только правительственныхъ потребностей, и слѣдовательно всѣмъ тѣмъ, кто кончаютъ гимназическій курсъ, въ нихъ помѣститься не возможно; а въ третьихъ, спеціальныя правительственныя цѣли только потому и вызываютъ учрежденіе подобныхъ заведеній, что общество никогда бы не учредило ничего подобнаго и слѣдовательно правительство не могло бы удовлетворить своей потребности. Напримѣръ: стало бы общество учреждать артиллерійское училище? Нѣтъ. Стало бы оно учреждать инженерную или морскую академію? Нѣтъ. Такимъ образомъ вся огромная масса молодыхъ людей, кончающихъ гимназическій курсъ, не найдя себѣ помѣщенія въ спеціальныхъ правитель-

ственныхъ заведеніяхъ, должно обращаться частью къ университетамъ, а частью ограничиваться своимъ гимназическимъ образованіемъ, потому что общество еще не пришло къ сознанію необходимости подобныхъ специальныхъ заведеній, дающихъ практическое, реальное образованіе. Если бы общество понимало реализмъ съ точки зрѣнія экономической, то у насъ явились бы частныя заведенія и для образованія всевозможныхъ техникувъ, по примѣру того, какъ существуютъ нынче частныя пансіоны. Въ частныхъ пансіонахъ очевидно есть нужда, потому что невозможно же считать себя членомъ образованнаго общества, не умѣя говорить по французски и не умѣя танцевать польки, тогда какъ въ тоже время можно быть съ совершенно спокойной совѣстью экономически-лишнимъ человѣкомъ и это не будетъ поставлено въ упрекъ, потому что образованное общество, въ цѣломъ своемъ объемѣ, не досрѣло еще до пониманья какимъ образомъ ему только и возможно выйдти изъ своего вѣловнаго, стѣсненнаго экономическаго положенія. Всѣ рассчитываютъ на государственную службу и на казенное жалованье и всѣ готовятъ себя только для правительственной служебной дѣятельности. Нельзя отвергать, что служебная карьера можетъ быть иногда весьма блестяща и выгодна; но вѣдь это только *иногда* и для *нѣкоторыхъ*; а за тѣмъ остаются еще десятки тысячъ людей, которымъ служебная фортуна вовсе не благоволитъ. Кромѣ того, что служебная фортуна благоволитъ не всѣмъ и самое число казенныхъ мѣстъ не соответствуетъ числу лицъ, рассчитывающихъ на казенное жалованье. Поэтому очевидно, что только отсутствіе общественнаго сознанія въ томъ, что намъ нужны люди еще и для общественной экономической дѣятельности, мѣшало до сихъ поръ учрежденію частныхъ заведеній для образованія техникувъ. А что въ нашемъ земледѣльческомъ и чиновномъ сословіяхъ еще не измѣнились старыя воззрѣнія, кромѣ приведенныхъ уже фактовъ, служатъ подтвержденіемъ еще и слѣдующіе. Напримѣръ въ Воронежѣ, когда былъ возбужденъ вопросъ, какую нужно учредить гимназію — классическую или реальную, дворянство, на выборахъ, высказалось почти *единогласно* въ пользу классической. Въ Иркутскѣ, когда былъ возбужденъ подобный же вопросъ, то хотя и явилось мнѣніе о большей необходимости для края гимназіи реальной, члены еобраннаго комитета все таки рѣшили *единогласно*: преобразовать существующую гимназію въ классическую и учредить

при ней еще и классическую прогимназію. Основаніемъ для такого рѣшенія служило то соображеніе, что большинство учениковъ въ терренційей гимназіи (до 68%) приходится на долю чиновниковъ и едва 20% на долю городского и сельскаго сословія. Странное соображеніе! Почему же реальное воспитаніе должны получать только крестьяне, мѣщане и купцы, а дѣти чиновниковъ должны упражняться непремѣнно въ латинскомъ и греческомъ языкѣ? Отчего сынъ чиновника долженъ непремѣнно сдѣлаться чиновникомъ и больше ничѣмъ, я. еще гдѣ? въ Сибири и въ Сибири восточной, въ этой русской Каледоніи, въ странѣ изобилующей необычайными естественными богатствами, въ странѣ, къ которой прилегаетъ богатый Амурскій край, наконецъ въ странѣ, которой вся бѣда проиходить отъ недостатка знаній. Я не стану говорить объ отношеніяхъ коренныхъ сибиряковъ къ начальному чиновному сословію; сибиряки знаютъ это лучше меня, и потому конечно остается только удивляться той логикѣ, которая привела членовъ комитета къ его *единогласному* рѣшенію въ пользу гимназіи классической, основываясь только на процентномъ отношеніи учениковъ изъ разныхъ сословія. Ну, что вамъ стоило, гг. члены комитета, спросить чиновниковъ, что выгодно для нихъ сдѣлать изъ своихъ дѣтей: конторщиковъ, управляющихъ на пріисакахъ и фабрикахъ, и техниковъ-специалистовъ или канцелярскихъ служителей, получающихъ на нихъ нибудь 5-р. въ мѣсяцъ жалованья? Но если, съ одной стороны, сибиряки высказали слабость своей уступкой въ пользу классицизма на переворѣ потребностей края; то съ другой, они высказали весьма правильную мысль о свободномъ переходѣ учениковъ изъ реальныхъ заведеній въ классическія. Комитетъ высказался въ пользу классической гимназіи потому, что двухъ гимназій — классической и реальной учредить нѣтъ средствъ; но въ то же время комитетъ считалъ необходимымъ и реальное образованіе, и для этой цѣли учрежденіе, хотя бы реальной прогимназіи. Но чтобы реальное образованіе не закрывало дальнѣйшей дороги тѣмъ, кто желалъ бы идти въ университетъ — потому что реалистамъ поступленіе въ университетъ затруднено — то комитетъ постановилъ: «чтобы, во вниманіе къ мѣстнымъ условіямъ, было разрѣшено ученикамъ, если пожелають, по окончаніи курса, слушать въ гимназіи уроки по тѣмъ предметамъ, по которымъ пожелають дополнить свое образованіе, при чемъ они не должны быть стѣснены никакими обязательными

для сего правилами. Ну, разумеется, свободный, естественный переходъ учениковъ реальныхъ заведений въ классическія — лучшее, что можно пожелать, и конечно земство, спрощенное во этому предмету въ полномъ своемъ составѣ, высказалось бы въ пользу этой мысли.

Вторая причина недостаточнаго развитія у насъ реальнаго экономическихъ понятій заключалась въ недостаткѣ специальныхъ техническихъ заведений. Частныхъ школъ этого рода, какъ я уже сказалъ, у насъ вовсе нѣтъ, потому что наше образованное сословіе до сихъ поръ еще не можетъ свынуться съ мыслью, что ему можетъ найдтись дѣло и внѣ правительственной, служебной карьеры и что экономическая дѣятельность есть дѣятельность почетная и выгодная. При такомъ взглядѣ на дѣло образованнаго сословія, должно было явиться непременно недостатокъ въ реальныхъ школахъ, назначенныхъ даже и для промышленныхъ сословій, потому что по условіямъ, нашего общественнаго быта, инициатива во всѣхъ подобныхъ вопросахъ принадлежала только высшимъ сословіямъ, путемъ правительственнымъ. Технические же казенныя заведенія у насъ всѣ на перечетъ: горьгорѣцкій институтъ, переименованный нынче въ агрономическую академію, технологическій институтъ, академія художествъ, и кажется только. Что эти заведенія, и по своимъ размѣрамъ, и по самому курсу, стояли ниже потребностей страны, видно ужъ изъ того простого факта, что мы не могли обходиться безъ иностранныхъ агрономовъ, технологовъ, машинистовъ, рисовальщиковъ и т. д. Значитъ очевидно, что для удовлетворенія нашихъ потребностей въ разныхъ искусныхъ людяхъ, намъ необходимо завести побольше реальныхъ заведений, дающихъ промышленное образованіе; что русская промышленность и ремесленность до тѣхъ поръ не подвинутся впередъ, пока мы не обзаведемся людьми специально-знающими свое дѣло; а такое знаніе можетъ создаваться и распространяться только реальными экономическими образованіями; образованіе же можно получить только въ школахъ, а не въ ученьи у тѣхъ печальныхъ мастеровъ и всякихъ такъ называемыхъ слесарей, листовъ, которыми преисполнено наше любезное отечество. Люди, придерживающіеся безусловной органической теоріи, проповѣдуютъ — была бы потребность, а люди явятся. Да они и явятся, только изъ Англіи, изъ Франціи, изъ Германіи, а въ послѣднее время пошли къ намъ даже и американцы. А между тѣмъ своихъ людей у

насъ нѣтъ, потому что даже и тому, кто хотѣлъ бы учиться — учиться негдѣ. Поэтому нельзя не обратить вниманія на мысль директора училищъ Олонецкой губерніи, по представленію котораго съ нынѣшняго года отырыть при олонецкомъ уѣздномъ училищѣ классъ портного мастерства, для желающихъ учиться портняжному дѣлу учениковъ уѣзднаго и приходскаго училищъ. Подобная мысль являлась и въ другихъ мѣстахъ, да только ничего изъ этого не выходило, потому что наши достопочтенныя градскія общества, прожакнувшись на какомъ нибудь торжественномъ обѣдѣ высокой гуманной мыслию и заявивъ желаніе высказать свои благородныя чувства и цивилизованныя понятія, на другой день проникаются стыдомъ за свое увлеченіе и, ухватившись крѣпко за бумажникъ, принимаютъ невинный и добродушный видъ, какъ будто бы на-канунѣ ничего и не происходило. Между тѣмъ намъ необходимо, чтобы въ каждомъ губернскомъ и уѣздномъ городѣ, въ приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ, были бы ремесленные классы. Каждый изъ живущихъ въ провинціи желаетъ носить нарядное платье и порядочную обувь; каждый не прочь отъ приличной мебели; для плотниковъ нужны хорошіе топоры, для крестьянъ косы и серпы; однимъ словомъ, на каждомъ шагу мы нуждаемся въ хорошихъ вещахъ и ничего хорошаго, за обыкновенную человѣческую плату, у насъ достать не возможно. Чтобы жить у насъ въ провинціи, удовлетворяя самымъ обыкновеннымъ потребностямъ, которыми за-границей можно удовлетворять даже человѣкъ со средствами очень скудными, нужно имѣть непремѣнно хорошее состояніе; а крестьянину и рѣшительно невозможно приобрѣтать порядочныя вещи, потому что для простонародья изготовляются у насъ такіе ужасы, какъ будто бы наши мастера выписаны съ Курильскихъ острововъ или существуетъ специальное повелѣніе, чтобы ни одинъ русскій мастеръ не дѣлалъ бы ничего порядочно. Этотъ порядокъ вещей не измѣнится до тѣхъ поръ, пока городскія общества не откроютъ особыхъ ремесленныхъ училищъ. Но однихъ ремесленныхъ училищъ недостаточно. Намъ нужны высшія техническія заведенія, во-первыхъ, потому что такихъ заведеній у насъ почти нѣтъ; а во-вторыхъ потому что все централизовано въ Петербургъ и въ Москвѣ и потому не приноситъ почти никакой пользы. Огромный юго-восточный и южный край Россіи, имѣющій громаднѣйшія естественныя богатства, и громадная Сибирь, богатая на столько же, не имѣютъ ни агрономи-

ческих, и технических учебных заведений для приготовления сельских хозяев, химиков, машинистов и вообще техников, способных разрабатывать надлежащим образом эти богатства. Гдѣ ильбудь въ Самарской, Саратовской, Астраханской или въ Батернославской губерніяхъ нашлось бы можетъ быть много людей, желавшихъ изучать рационально сельское хозяйство, земледѣльческую химию или что ильбудь подобное; но гдѣ же желающій изучить все это? Прежде пришлось бы отправиться въ горыгорѣцкій институтъ (въ Могилевской губерніи); иначе въ Москву, въ петровскую академію. Но чтобы отправиться туда, нужны большіе деньги, нужно преодолѣть много разныхъ препятствій. И вотъ желаніе остается желаніемъ, а способности и стремленія пропадаютъ даромъ, безъ всякой пользы и для человѣка, и для края. Но кромѣ того, централизація техническихъ заведеній имѣетъ еще и другую невыгодную сторону. Какъ бы, положимъ, агрономическое заведеніе, учрежденное въ Москвѣ или въ Петербургѣ, не было хорошо устроено, оно всегда будетъ носить характеръ той мѣстности, въ которой находится. Прежде всего это зависитъ отъ климата. Ну какъ вы станете учить шелководству и уходу за тутовыми деревьями въ Петербургѣ, когда тамъ едва растетъ береза? Какъ вы станете знакомить учениковъ съ условіями сельско-хозяйственной культуры разныхъ видовъ пшеницы и вообще растительности черноземной полосы, когда въ Петербургѣ нѣтъ ничего, кромѣ глины? Правда, пшеницу, кукурузу и другіе нѣжные хлѣба разводятъ въ теплахъ оучаяхъ на грядахъ; но вѣдь это не ученье, а забава, и агрономъ, изучающій сельское хозяйство въ оранжереѣ или въ питомникѣ, будетъ также хорошо знать свое дѣло и практически полезенъ, какъ хирургъ, познакомившійся съ анатоміей по моделямъ человеческого тѣла изъ картона. Значитъ, чтобы агрономическія заведенія могли бы достигать у насъ своей цѣли, нужно, чтобы каждая сельско-хозяйственная мѣстность имѣла свое специальное агрономическое заведеніе и чтобы въ этомъ заведеніи велось хозяйство настоящее, практическое, а не тѣ дѣтскія забавы въ оранжереяхъ и въ теплицахъ, которыя выдаются за практическое сельско-хозяйственное образованіе. Такихъ практиковъ-агрономовъ намъ совсѣмъ не нужно. И вотъ причина почему русскіе агрономы прежняго времени не находили охотниковъ вѣрять имъ управленіе своими имѣніями.

Подобная же децентрализація должна существовать и для другихъ

учебныхъ техническихъ заведеній. Такъ какъ, при огромномъ пространствѣ Россіи, каждый ея отдаленный край представляетъ свои промышленныя особенности и заключаетъ въ себѣ спеціальныя естественныя богатства, то очевидно, что для каждой мѣстности должны существовать и свои спеціальныя техническія заведенія. Странно астраханскому краю, Кавказу, Сибири посылать своихъ молодыхъ людей для образованія сельскому хозяйству или горному дѣлу въ Петербургъ! Чтобы каждый нашъ край могъ жить самостоятельной экономической жизнью и богатѣть, необходимо чтобы онъ самъ разрабатывалъ ту науку, въ которой онъ нуждается; пусть винодѣлію учатся тамъ, гдѣ растетъ виноградъ; разведенію пшеницы, гдѣ растетъ пшеница; горному дѣлу, гдѣ рудники и росыши, и машинному производству, гдѣ существуютъ заводы и фабрики. Теперь же Сибирь должна посылать своихъ молодыхъ людей учиться въ европейскую Россію; а какъ такихъ богатыхъ людей у нея не водятся, то мѣстные жители, удовлетворяясь той скудной умственной пищей, какая дается имъ сибирскими учебными заведеніями, должна выплачивать огромную денежную премію всѣмъ знающимъ людямъ, пріѣзжающимъ въ нее изъ Россіи. Чтобы въ восточную Сибирь наѣхали учителя гимназій, нужно увеличить имъ жалованье на 80%; сосчитайте всѣ эти добавочные проценты, расходующеся на всѣхъ заѣзжихъ знающихъ людей съ тѣхъ поръ, какъ Сибирь живетъ чужими знаніями, и разумѣется окажется, что на эти добавки можно содержать 10 университетовъ. Теперь же въ нашихъ университетахъ находится всего 9 сибиряковъ изъ западной Сибири и 8 изъ восточной; въ медико-хирургической академіи 9 чел., въ технологическомъ институтѣ 11 чел., въ институтѣ путей сообщенія 2 чел., въ духовной академіи 1 чел., всего 40 челоуѣкъ. А остроумныя «Московскія Вѣдомости» замѣчаютъ по этому случаю: «имѣя передъ собою эту скромную цѣфу сибиряковъ, ищущихъ высшаго образованія, нельзя не усумниться въ настоятельности, заявляемой сибирскими губернскими газетами и особенно Томскими, учрежденія особаго университета для Сибири.» О глубина московской сообразительности! Ну, а если бы, гг. редакторы, вы бы проживали въ Забайкальи на скудномъ жалованьи чиновника уѣзднаго присутственнаго мѣста или казачьяго приказа и, въ тоже время, имѣли бы сильное желаніе дать своимъ дѣтямъ университетское или спеціальное высшее образованіе, послали бы

вы своихъ дѣтей для этого въ Петербургъ, когда у васъ едва достасть средствъ, чтобы прокормить свою семью? Будь университетъ въ Иркутскѣ, въ немъ одномъ найдется человекъ 200, желающихъ слушать университетскій курсъ; а теперь изъ всей восточной Сибири только у 8 человекъ достало средствъ ѣхать въ Россію. Если держаться свѣтогасительной теоріи «Московскихъ Вѣдомостей», то всѣ вообще учебныя заведенія совсѣмъ не слѣдуетъ открывать въ тѣхъ центрахъ, въ которыхъ въ нихъ нуждаются, а гдѣ нибудь совсѣмъ въ противоположной сторонѣ. Любопытно знать, если бы, примѣняя эту теорію къ Московскому университету, перевести его въ Волу, то многіе ли изъ московскихъ жителей отправили бы туда своихъ дѣтей? И всѣ свои зловредныя мысли и оиллипки о классицизмѣ и реализмѣ «Московскія Вѣдомости» украшаютъ громкими фразами о любви къ отечеству, объ общемъ благѣ и о собственной непогрѣшимости. Не знаешь право, что это такое—гупоумная ли искренность или ловко замаскированное себѣ-на-умѣ?

Въ одномъ еще, пожалуй, можно согласиться съ «Московскими Вѣдомостями». Если классическое образованіе имѣетъ прямою цѣлью поставить человека на высшую, гуманную точку зрѣнія, то пусть оно себѣ прощѣтаетъ повсюду и спасаетъ насъ отъ застоя. Но въ такомъ случаѣ нужно, чтобы г. Катковъ подвергнулъ себя первому образовательному эксперименту. Если, окончивъ курсъ гуманитарныхъ знаій, онъ будетъ писать свои передовыя статьи въ томъ же духѣ, какъ нынче, то мы поймемъ, что значить классическое образованіе, за которое онъ такъ сильно ратуетъ.

И. Шологушевъ.

ПЕРЛЫ И АДАМАНТЫ РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ.

Что теперь дѣлается въ литературѣ, то можно назвать раскле-
бываніемъ каши, заваренной нѣсколько прежде. Главное мѣсто
занимають въ ней толки объ инсинуаціяхъ. Это явленіе весьма лю-
бопытное. Еще очень недавно порядочному человѣку нельзя было
замѣтить журналистамъ, чтобы они не заглядывали въ замочную
скважину его комнаты, чтобы они не дѣлали излишнихъ догадокъ
о цѣли, съ которой онъ сдѣлалъ или свазалъ то, или другое,—
нельзя было замѣтить безъ того, чтобы эти господа не начали остро-
умничать на счетъ его предосторожностей и нагло издѣваться надъ
его положеніемъ. Мало того: это дѣлалось ими въ отношеніи поря-
дочныхъ людей не только недавно, но дѣлается еще и теперь; не
далѣе какъ во второй нольской книжкѣ: «Отечественныхъ Запи-
сокъ» одинъ господинъ безцеремонно погрозилъ своему противнику
ссылкою на статью Св. Законовъ XV тома). «Остерегитесь, гово-
ритъ этотъ господинъ, никто не думаетъ посягать на вашу бе-
зопасность: (а чего не думаетъ: просто такъ и тянетъ въ XV тому);
и неужели подобная попытка (т. е. подвести подъ извѣстную
статью) необходимо заслуживаетъ, чтобы вы сейчасъ же опрокину-
лись на дерзкаго покусителя (дерзкій здѣсь эпитетъ не совсѣмъ вѣр-
ный) съ вашимъ фонтаномъ на счетъ менцелизма и другихъ дели-
катностей.» Такъ говоритъ одинъ изъ органовъ г. Краевского, г.
Incognito, въ статьѣ, справедливо названной: «За предѣлами певъ-
роатива.» Такъ вотъ видите ли: значить, манера заглядывать въ
чужія окна и потомъ приходитъ въ благородное негодованіе, когда
его застанутъ въ этомъ прекрасномъ занятіи, вовсе не прошла и

не намѣрена проходить. Писатели, «отъ которыхъ не требуется честности» (объ этомъ см. ниже), хотятъ пользоваться полною свободою заглядывать въ окна и находить вздорнымъ и несправедливымъ всякій протестъ противъ этого. Дѣло дошло даже до того, что они еще заблаговременно принимаютъ свои мѣры: заглянуть да тутъ-же поскорѣй и кричить: «не смѣйте жаловаться, что я заглядываю къ вамъ; это съ вашей стороны будетъ неделикатно!» И ничто не обѣщаетъ, чтобы подобныя приемы вышли изъ употребленія; напротивъ того, есть полное основаніе думать, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ они разцвѣтутъ въ полномъ ихъ блескѣ.

И еще если бы это говорилось, по крайней мѣрѣ, въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» или «Вѣсти.» Газеты эти, надо отдать имъ эту справедливость, ставя вопросъ такимъ образомъ, поступали, если не особенно добросовѣстно, то хоть дослѣдовательно. О чести здѣсь толковать, конечно, неумѣстно; всякій очень хорошо понимаетъ, что на подобныя вопросы отвѣты не только неудобны, но и фактически невозможны; слѣдовательно, вопрошающіе знаютъ, что отвѣта не получатъ; однако все таки спрашиваютъ, имѣя при этомъ въ виду, что найдутся люди, которые по молчанію допрашиваемаго заключатъ, что онъ или неправъ и пораженъ, или не обладаетъ достаточною твердостью. Такой расчетъ есть, слѣдовательно, умышленное и преднамѣренное надувательство читателей и набрасываніе ложной тѣни на противника, что, по общему мнѣнію, слышать всегда за весьма некрасивое дѣло. Но названныя газеты имѣютъ при этомъ одно преимущество, что прямо заявляютъ о такомъ образѣ своихъ дѣйствій и только стараются доказать, что они справедливы и честны, чему въ прежнемъ «Русскомъ Дѣлѣ» было посвящено не мало краснорѣчивыхъ статей. При этомъ всякому читателю представляла возможность судить, правы ли эти господа или нѣтъ, и, правъ согласившись или не согласившись съ ними, собразоваться впоследствии съ этимъ принятымъ рѣшеніемъ въ сужденіяхъ о дѣятельности этой партіи.

Но что сказать о людяхъ, которые смѣло идутъ по той же дорожкѣ, исповѣдуютъ на практикѣ то же ученіе, которое можно назвать «ученіемъ о свободѣ деносовъ», и въ то же время ни пропускаютъ ни одного удобнаго и неудобнаго случая, чтобы разиграть роль жертвъ того же ученія? Нѣтъ сомнѣнія, что и у жуликовъ можетъ быть своя честность, свой point d'honneur; но что сказать о томъ,

кто бы пошел жаловаться, что въ угражденномъ имъ бумажный оказались фальшивыя ассигнаціи, что его надули?

И такъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», журналѣ, издаваемомъ г. Краевскимъ, заявляется протестъ противъ всякаго покушенія за-ключить свою замочную скважину или завѣсить свои окна, протестъ противъ всякихъ неделикатныхъ жалобъ на «менцелизмъ» и «инсинуаціи». «Менцелизмъ» и «инсинуаціи»! Кто изобрѣлъ эти слова и по какому поводу? Ихъ изобрѣла газета: «Голосъ», также издаваемая тѣмъ же г. Краевскимъ, и притомъ изобрѣла безъ всякаго повода, а единственно въ видахъ внушенія публикѣ, что вотъ дескать, знай нашихъ, мы тоже подлѣзимъ «инсинуаціямъ» и «менцелизму». Не очень давно, въ 182 № этой газеты, т. е. въ тотъ же мѣсяцъ, когда въ «Отечественныхъ Запискахъ» явился протестъ противъ неделикатнаго завѣщиванія оконъ, «Голосъ» извѣщалъ все краснорѣчіе своего фельетониста, «могущаго обходиться и безъ честности», чтобы выразить свое негодованіе на «С. Петербургскія Вѣдомости» за поступокъ, въ которомъ либеральному воображенію «Голоса» почудился «менцелизмъ» и «инсинуаціи». «Голосъ» съ восторгомъ ухватился за, нѣсколько дѣйствительно вздорныя слова «Вѣдомостей», чтобы удрать публикѣ, будто бы обвиняютъ въ томъ, что даже «страшно вымолвить».

Какъ же это, г. Краевскій, вы, «рыцарь безъ страха и упрека», протестуете, по словамъ вашихъ «scribaвъ» въ обеихъ редакціяхъ «органовъ», «смысла ничего оскорбительнаго знать не можетъ», притомъ котораго говорить чтонибудь — значитъ клеветать, который «не поддѣлываетъ по принципу, какъ бываютъ иные «фанатичъ» или ругатели по убѣжденію (такъ говорите вы) обращаясь къ г. Постороннему «этирку», «не ругатель по убѣжденію», который «не служилъ и не бралъ взятку», который «не продаетъ своихъ убѣжденій и не обрабѣтываетъ ни вдовъ, ни сиротъ», — какъ же это, спрашиваю я васъ, доблестный и бедорыцый гражданинъ, позволительно или непозволительно по вашему протестовать противъ «инсинуацій»? Если не позволительно, то прекратите же ваши іереміады въ «Голосѣ», перестаньте горять изъ себя жертву «менцелизма»; scribaмъ своимъ прикажите, чтобы они замолчали, потому что де это «дрезгивная выходка, это любимѣйшая забава циглянцовъ, вашемъ наемнику и безчестная» — какъ учить «Отечественныя Записки»? Если же позволительно, то что же это? Что же носъ этого

вы и ваши скрибы въ «Отечественныхъ Запискахъ»? Стало быть вы и они лжете тамъ; стало быть это вовсе не выходка и не уловка; стало быть, это вынужденная крайней необходимостью самооборона и жалоба на людей, которые хотятъ не только заниматься заглядываніемъ въ она, но еще и не считаются нечестными; стало быть, наконецъ люди, поступающіе такимъ образомъ, поступаютъ себя на умъ. Въ такомъ случаѣ г. Краевскій, редакторъ «Голоса», долженъ возстать на г. Краевскаго, редактора «Отечественныхъ Записокъ», долженъ доказать ему какъ дважды два четыре, что онъ пишетъ въ своемъ журналѣ самыя жалкія несообразности. Смотрите г. Краевскій, редакторъ «Голоса», не забудьте опровергнуть «Отечественныя Записки» и доказать, чего стоятъ всѣ ихъ Incognito: иначе вамъ придется вскорѣ плохо; вѣдь вашъ «Голосъ» — газета честная, независимая и либеральная, какъ всѣ знаютъ; вѣдь всѣмъ извѣстно, что вы ни за что не поступите съ вашими убѣжденіями (убѣжденіями г. Краевскаго! этакимъ то сокровищемъ!). Вѣдь извѣстно всему бѣлому свѣту, съ какимъ достоинствомъ вы отнеслись къ вопросамъ «объ интересахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, объ обезземеленіи крестьянъ, объ набирательномъ законѣ въ Англіи, о подмогахъ», какъ вы относитесь «къ англійскимъ лордамъ, остзейскимъ ландратамъ, національностямъ». Словомъ, газета ваша — цвѣтъ либерализма, достойная преемница либеральнаго «Современнаго Слова», бывшіе сотрудники котораго укрепляютъ теперь своими статьями столбцы «Голоса». Вы доходите до того, что васъ заподозрѣваютъ въ томъ, что «и вымолвить страшно» — вотъ вы каковы! Слѣдовательно, вамъ нужно позаботиться о себѣ, тѣмъ болѣе, что «вы не знаете никакихъ мененатовъ», что вы обязаны всѣмъ единственно «составленной репутаціи» и «собранію дѣйствительныхъ литературныхъ силъ». Такъ примите же заблаговременно мѣры къ огражденію себя отъ «ученія о свободѣ доносовъ», потому что, говорю вамъ, и вы увидите, какъ я правъ, что близко время, когда ученіе это достигнетъ своего апогея, когда оно сдѣлается общепризнаннымъ и когда уже поздно будетъ возставать противъ него. Пускай же инкогниту «Голоса» сравятся съ инкогнитами «Отечественныхъ Записокъ»; пускай же г. Краевскій въ качествѣ редактора газеты поразитъ самъ себя въ качествѣ редактора журнала; какъ другъ либерализма, а слѣдовательно и «Голоса», — я трепещу за судьбу ихъ: что если тощія коровы «Отечественныхъ Записокъ» пожрутъ тучныхъ коровъ «Голоса»?

какое оскудѣніе угрожаетъ намъ тогда! Поэтому г. Краевскій, такъ какъ всѣ коровы равно въ вашей власти, повелите тучнымъ газетнымъ пожрать тощихъ журнальныхъ, дабы не оскудѣвала отечина наша либерализмомъ.

Но я проповѣдую въ пустынѣ: не перестанетъ г. Краевскій въ «Голосѣ» вопить противъ инсинуацій, и не перестанетъ онъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» негодовать на жалобы противъ менцелизма. Тучныя и тощія коровы будутъ настись въ мирѣ рядомъ, и все будетъ обстоять благополучно. Одна половина физиономіи г. Краевского будетъ смѣяться, а другая плакать. Но что всего замѣчательнѣе, это то, что подобныя штуки будутъ имѣть успѣхъ, что ничто не заставитъ этихъ господъ устыдиться самихъ себя и что, быть можетъ, совершатся въ очію еще нѣсколько примѣровъ перехода изъ нигилистовъ въ его стадо. Поэтому настаивать долѣе на требованіи, чтобы г. Краевскій началъ вести себя приличнѣе, не стоитъ. Назидательнѣе будетъ взглянуть, какъ подъ эгидой этого почтеннаго старца разрабатывается въ журналистикѣ ученіе о свободѣ доноса. Для этой цѣли обратимся къ фактамъ. Какъ уже было сказано, «Голосъ» протестуетъ противъ инсинуацій и рѣшительно отвергаетъ это ученіе. Онъ съ тайною радостью жалуется на «Петербургскія Вѣдомости», будто-бы обвиняющія его въ волтеріанствѣ; онъ счастливъ, что можетъ по временамъ произносить передъ публикой притворно-недовольнымъ тономъ фразы въ родѣ того, что «Московскія Вѣдомости» «вздумали напугать читателей обвиненіемъ насъ въ какой-то агитаціи, направленной противъ академіи, противъ науки, противъ всего просвѣщенія Россіи». — Какое же это «Голосъ»? Въ чемъ, подумаешь, его обвиняютъ! Не можетъ же быть, чтобы все понапрасну. Э, да Андрей Александровичъ, даромъ, что пороку не выдумалъ, а себѣ на умѣ, — думаетъ подвысчитать «Голоса», заинтересованный этими «инсинуаціями». Далѣе «Голосъ» цитируетъ «Московскія Вѣдомости» и затѣмъ говоритъ: «здѣсь что ни слово, то обвиненіе въ уголовщинѣ, въ государственной замѣнѣ»; прійдя въ нѣкоторый восторгъ отъ невинной мысли, что его считаютъ опаснымъ вольнодумцемъ, г. Краевскій увлекается; онъ съ видомъ угнетенной невинности, но не боясь мушкетера, жалуется, что его обвиняютъ «въ агитаціи, въ солидарности съ г. Шедо-Ферроти (каковъ! кто бы могъ это подумать!), съ брюссельскими публицистами (будто-бы ужъ и въ самомъ

дѣлѣ все это ложь, Андрей Александровичъ? умиленно вопрошаетъ подписывая, окончательно увлеченный) и т. д. и т. д.» — расчерчивается г. Краевскій, предоставляя читателю разумѣть многое подъ этими многократными «и т. д.» Затѣмъ онъ принимаетъ глубоко-огорченный видъ и съ прискорбіемъ непорочности взираетъ на развраты вѣна: «Да, вздыхаетъ онъ,

Все это было бы смѣшно,

Когда бы не было — нечестно!»

(Всѣмъ этимъ наслаждайся на примѣръ въ III № «Голоса».)

И такъ нашъ честный «Голосъ» высказывается противъ «инси-нуаций». Онъ полагаетъ, что поступкамъ въ этомъ родѣ «Московскихъ Вѣдомостей» «нѣтъ даже приличнаго названія на языкѣ образованнаго общества.» Въ этомъ онъ впрочемъ ошибается, потому что, во-первыхъ, самъ прозвалъ такой образъ дѣйствій «менцелизмомъ», а во-вторыхъ всякій, читающій «Отечественныя Записки», не затруднится назвать это болѣе русскимъ именемъ.

Однако старая истина, что теорія рѣдко согласуется въ людяхъ съ практикой. Отвергая ученіе, о которомъ идетъ рѣчь, какъ принципъ, «Голосъ» на дѣлѣ исповѣдуетъ его. Въ доказательство я напому «Голосу» два факта: ученныя изслѣдованія г. Лохвицкаго о личности автора, возражавшаго ему въ фельетонѣ «С. Петербургскихъ Вѣдомостей» по вопросу о диффамаци; и во-вторыхъ, любезныя предостереженія, которыя онъ давалъ «Народной Лѣтописи». Впрочемъ эти примѣры еще слишкомъ серьезны; такими поступками «Голосъ» хоть и возвышался до оригинальнаго величія катковской газеты. Но величіе, даже этого рода, несвойственно «Голосу». Настоящій смыслъ его открывается напр. въ такихъ подвигахъ, какъ фельетоны г. Лохвицкаго; предпринявшаго вояжъ по Россіи съ полицейско-публицистической цѣлью. Въ путевыхъ замѣткахъ его находимъ напр. обличеніе какой-то панорамы съ лотереей, которую туристъ высмотрѣлъ въ Рыбинскѣ. Эта несчастная панорама возбудила въ профессорѣ сильное негодованіе. «Это въ полномъ смыслѣ лотерея,» пишетъ онъ, «гдѣ панорама служитъ только прикрытіемъ, и лотерея безъ всякаго надзора и контроля; лотерея эта противна всѣмъ предписаніямъ закона, а между тѣмъ существуетъ открыто». Впрочемъ въ Рыбинскѣ путешественникъ замѣтилъ вообще много безпорядковъ, и начуть не удивленъ этимъ; напротивъ того, если что удивляетъ его, такъ это-то, «какъ можно

нить въ Рыбинскѣ безопасно», когда тамъ всего 18 человекъ полиціи.

Въ другомъ мѣстѣ г. Лохвицкій обличаетъ купцовъ въ отсутствіи въ нихъ всякаго понятія о легальности. Одинъ кунецъ имѣлъ неосторожность разсказать при г. Лохвицкомъ о происшествіи, случившемся въ Москвѣ, гдѣ городовые хотѣли взять юродиваго въ часть, но купцы воспротивились этому и защищали юродиваго до пріѣзда частнаго пристава; по пріѣздѣ его купцы стали жаловаться ему на городскихъ, которые, вѣроятно, начитавшись Каткова или Краевского, назвали ихъ «бунтовщиками». Частный приставъ, указавъ купцамъ на нелегальность ихъ образа дѣйствія, предложилъ имъ сопровождать юродиваго въ часть, на что они однако желанія не изъявили. Разсказавъ это, г. Лохвицкій начинаетъ разсуждать такъ: «Станный народъ наши купцы! Въ прежнее время, когда полиція расправлялась произвольнѣе, они благоговѣли передъ нею. А когда она поступаетъ законно, когда держитъ себя такъ вѣжливо, но вѣстѣ и твердо, какъ этотъ частный приставъ, они ее оскорбляютъ (чѣмъ же? изъ разсказа никакихъ оскорбленій не видно). Да, впрочемъ, чувство законности требуетъ для прививки долгаго времени. Когда масса прежде видѣла произволь, то по отнятіи его у власти, она считаетъ, что не произволь прекратился, а къ ней перешелъ». Разсказчикъ, не смотря на всѣ наши доводы, остался однако на сторонѣ юродиваго и его защитниковъ. «Оно, пожалуй, все это хорошо, что вы говорите о законности. Да городовые взяли юродиваго, вы думаете, для закону? нѣтъ, оттого, что онъ имъ денегъ не давалъ». А г. Лохвицкій, какъ всякій видѣлъ по собственнымъ словамъ его, ввѣлъ сторону городскихъ и дотогу увлекся защитою ихъ дѣла, что совершенно вошелъ въ ихъ міросозерцаніе и, подобно имъ, обвинилъ купцовъ въ бунтѣ; потому что развѣ не обвиненіе въ бунтѣ—всѣ эти разглагольствованія о панѣреніи купцовъ присвоить себѣ произволь, оскорблять полицію и поспирать законы?

Я нарочно обратилъ больше вниманія на путевыя впечатлѣнія г. Лохвицкаго, чѣмъ они заслуживаютъ, потому что по нимъ можно судить о смыслѣ и содержаніи всей газеты, которой г. Лохвицкій служить не послѣднимъ украшеніемъ. Плачь о недостаточности полиціи, обличеніе конфѣчныхъ шотерей, извозчиковъ и собакъ и соотвѣтствующій всему этому либерализмъ—вотъ содержаніе «Голоса», которое по вѣщаніямъ разнообразится чѣмъ нибудь болѣе игривымъ;

въ родѣ доказательства вреда гласности, или изслѣдованій о личностяхъ своихъ литературныхъ противниковъ, или еще чего нибудь въ этомъ родѣ, и къ чему я возвращусь ниже. Теперь же взглянемъ на образчики либерализма, представляемаго «Голосомъ», чтобы объяснить себѣ, что означаютъ жалобы г. Краевского на «менделизмъ».

Отмѣтить трофеи такого либерализма не трудно. «Голосъ» обличаетъ «С. Петербургскія Вѣдомости» въ неприличномъ отношеніи къ вопросамъ 1) о крупныхъ землевладѣльцахъ; 2) объ обезземеленіи крестьянъ; 3) объ избирательномъ законѣ въ Англіи; 4) о пожарахъ; 5) о національностяхъ. Это значитъ, что будто бы изъ всѣхъ этихъ вопросовъ «Голосъ» вышелъ безъ пуха на губахъ; однако это неправда, хоть напр. изъ послѣдняго изъ этихъ вопросовъ. Пухъ таки остался, и притомъ въ изрядномъ количествѣ, и теперь нельзя «Голосу» позволить принимать на себя то, чего никогда не было: какъ постлали, такъ и спите, а то всякій очень хорошо знаетъ, что вы охотно взяли бы назадъ многое изъ того, что наговорили. Только этого нельзя допускать, потому что не даромъ же вы когда-то журовали. Нѣтъ, ужъ такъ и оставайтесь при всемъ, созданномъ вами.

Но какъ нельзя позволять «Голосу» вылезать сухимъ изъ воды, такъ точно никто не долженъ посягать на законные трофеи его, приобретенные въ тяжелой борьбѣ съ «инсинуаціями». Вотъ хоть бы по вопросу о народныхъ училищахъ, «Голосъ» дѣйствительно Памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный.

Прислушайте напр. какъ онъ смѣло толкуетъ и побиваетъ обскурантовъ и инсинуаторовъ: «Есть, говоритъ онъ, такіе ревнители народнаго просвѣщенія, что въ новыхъ способахъ обученія видятъ гибель для русскихъ народныхъ школъ, въ старыхъ же непремѣнное условіе ихъ существованія: если, говорятъ они, благодаря этимъ усовершенствованнымъ способамъ обученія, крестьянскій мальчикъ въ одинъ мѣсяцъ выучился читать, въ другой—считать, въ третій—писать, то на другую, а тѣмъ болѣе на третью зиму ему нечего будетъ дѣлать въ школахъ, онъ не пойдетъ въ школу и такимъ образомъ школы могутъ быть почти совсѣмъ пусты?»

Какое смѣлое замѣчаніе! Какое рѣшительное и храброе заявленіе своего либеральнаго образа мыслей! Вѣдь не шутка, въ самомъ дѣлѣ, востать противъ столь распространеннаго лож-

наго мнѣнія, будто Россіи угрожаетъ опасность такъ быстро всей выучиться, что потомъ и учиться некому будетъ; не шутка опровергнуть мнѣніе, столь, повидимому, основательное. Жаль только, что «Голосъ» не указалъ, гдѣ именно, въ какихъ журналахъ или въ какихъ слояхъ общества наиболее ясно выразилось это мнѣніе. А то пожалуй недоброжелатели «Голоса», на козни которыхъ онъ постоянно жалуется, скажутъ, что никто никогда такой чепухи не говорилъ, что совершенно нигдѣ не слыхано, чтобы ктонибудь вооружался противъ хорошихъ способовъ обученія на томъ основаніи, что ими можно скорѣе достигъ результатовъ, вслѣдствіе чего будто-бы школы станутъ бесполезны; гдѣ же слыхана такая ерунда? Надо учить дурно, потому что иначе дѣти въ два года всему выучатся, а на третій не пойдутъ въ школы, которыя опустѣютъ! Право, г. Краевскій, вы напрасно не указываете, гдѣ высказываются столь невѣроятныя мнѣнія: иначе недоброжелатели ваши непременно скажутъ, что вы сами сочиняете ихъ, чтобы имѣть потомъ удовольствіе и заслугу опровергать; а вѣдь это еще забавнѣе, чѣмъ толочъ воду въ ступѣ.

Но г. Краевскій можетъ смѣяться надъ усиліями недоброжелателей ниспровергнуть авторитетъ его либерализма. Ему достаточно сослаться хоть напр. на 163 № своей газеты, гдѣ въ фельетонѣ кто-то мужественно возстаетъ противъ мнѣнія одного лица, называемаго имъ «признаннымъ знатокомъ русскаго народа и юристомъ, пользующемся въ Россіи заслуженною извѣстностью». Видите противъ какихъ лицъ возстаетъ «Голосъ»? Лицо это выражало мнѣніе, что серьезныя преобразованія въ гражданскомъ строѣ русскаго общества невозможны, и нежелательны и требуютъ прежде нашей собственной переработки и перерожденія». Противъ этого-то мнѣнія рѣшился возстать «Голосъ» со свойственнымъ ему либеральнымъ мужествомъ. Не испугавшись авторитета человѣка, «считавшагося почти единственнымъ компетентнымъ судьей» въ этомъ дѣлѣ, «Голосъ» указываетъ въ опроверженіе его на «исполнившійся во очію», по выраженію г. Максимова, фактъ земскихъ учреждений. Далѣе, побѣдивъ столь сильный авторитетъ на поприщѣ фактовъ, онъ упрекаетъ его въ идеализмъ (извѣстно вѣдь, что г. Краевскій въ «Голосѣ» — отъявленный реалистъ). «Говорить такъ—довершаетъ «Голосъ» свою побѣду—значитъ никогда не давать себѣ труда спуститься на твердую почву практической жизни, а витать въ иде-

альномъ мірѣ теорій и фантазій. Но абстракты сами по себѣ, а жизнь сама по себѣ».

Смѣло и прогрессивно! это скажетъ всякій непредубѣжденный человѣкъ. Отсталое мнѣніе побито, доказано противное, коллективному уму воздана подобающая, но независимая дань уваженія, и въ заключеніе высказана необходимость *реально* взгляда на жизнь. Можно ли быть либеральнѣе? Да и какъ «Голосу» не быть либеральнымъ, когда въ немъ участвуютъ бывшіе сотрудники «Современнаго Слова» и даже самъ г. Лохвицкій, который, по словамъ одного изъ этихъ сотрудниковъ, «безпощаденъ относительно конституціи, дѣйствующей въ настоящее время во Франціи, и срываетъ со второй имперіи всѣ ея либеральные покровы, такъ что въ результатѣ оказывается одинъ произволъ, опирающійся на грубую силу». Какъ «Голосу» не быть либеральнымъ, когда въ немъ пишетъ г-жа Туръ изъ Франціи, а Вадимъ изъ Испаніи — люди, известные своими либеральными идеями.

Эти примѣры доказываютъ, какъ нельзя убѣдительно, либерализмъ «Голоса» и въ тоже время характеризуютъ, въ чемъ состоитъ этотъ либерализмъ. Очевидно, онъ гораздо болѣе способствуетъ шороченію публики, чѣмъ неистовства московской газеты, которая никогда никого не обманывала, а прямо ставила вопросъ передъ каждымъ читателемъ: если ты малодушное и недалекое существо, то вотъ твоя дорога: хочешь идти по ней? если хочешь, то знай напередъ, куда она тебя приведетъ и заранѣе примиришь съ результатами своего выбора. И ни одному человѣку, увлекавшемуся логикой московскихъ публицистовъ, не было спасенія въ отговоркѣ, что его провели, обошли, что воспользовались его невѣжествомъ и наивностью. Но «Голосъ» не то; онъ не высказывается такъ рѣшительно и, виляя сообразно обстоятельствамъ, совмѣщаетъ въ себѣ самыя несовмѣстимыя выходки; въ одномъ столбцѣ онъ слиберальничаетъ противъ «второй имперіи», а въ другомъ приподнесетъ статью г. Лохвицкаго, сожалѣющую о томъ, что для благоденствія Рыбинска не достааетъ будочниковъ. Все это почти невѣроятно, потому что, по мѣткому замѣчанію «Книжнаго Вѣстника» — «по всему нашему историческому прошлому, по всему складу нашей жизни, по степени нашего умственного развитія, мы никакъ и ничѣмъ не заслужили этой божьей кары — либерализма».

Но изъ всего этого становится ясно и понятно, каковы обра-

зомъ такой почтенный джентльменъ, какъ А. А. Краевскій, вынужденъ заставлять одну половину своей физиономіи плакать, когда другая смѣется. Въ «Голосѣ» протесты противъ «инсинуаций» ему необходимы, какъ хлѣбъ насущный, какъ заявленія о своей независимости. Но за то онъ вознаграждаетъ себя въ «Отечественныхъ Запискахъ», которые могутъ обходиться и безъ либерализма, потому что имъ нѣтъ такой конкуренціи, какъ «Голосу», особенно послѣ превращенія «Эпохи» и пропажи безъ вѣсти «Библиотеки для Чтенія». Здѣсь то, въ «Отечественныхъ Запискахъ», всего удобнѣе и можно познакомиться съ ученіемъ о свободѣ доноса.

Въ этомъ отношеніи большого вниманія заслуживаетъ статья г. Л. «О полонизмѣ въ русской литературѣ тридцатыхъ годовъ». Начинается она съ смѣлаго заявленія, что «настоящему времени и современной литературѣ принадлежитъ честь обобщенія мысли о необходимости народныхъ основъ для литературы. Отнынѣ космополитизмъ становится явленіемъ отжившимъ и подлежитъ только историческому изученію», рѣшаетъ г. Л. Это ихъ обыкновенная замашка: вмѣсто того, чтобы что нибудь доказывать, они предпочитаютъ заявить, что де это ужъ рѣшено и подписано. Кѣмъ? Когда?—Этого необъясняютъ, подразумевая, что рѣшено и подписано это ими самими, т. е. гг. Катковыми, Краевскими, В. Л., Аверкиевыми и проч.—Послѣ такого вступленія авторъ говоритъ о характерѣ публицистики 30 годовъ. «Чтобы повредить противнику, онъ (Булгаринъ) прибѣгалъ къ самымъ крайнимъ средствамъ;—это было въ нравахъ журналистики двадцатыхъ годовъ: Воейковъ не хуже Булгарина былъ мастеръ писать доносы» (69). Но статья г. Л. доказываетъ, что и въ 60-хъ годахъ журналистика не дадеко ушла отъ Воейкова и Булгарина. Статья г. Л. представляетъ невѣроятные факты. Кто бы могъ подумать напр., что черезъ 30 лѣтъ литература будетъ наряжать слѣдствіе надъ Сеньковскимъ и Булгаринскимъ, не за пошлость и недобросовѣстность ихъ, не за тѣ напр. средства, которыя были въ ихъ нравахъ, а за неблагонамѣренность ихъ *затаенныхъ намѣреній*? (67). Г. Л. и его авторитетъ, князь Одоевскій, обвиняютъ Сеньковского и Булгарина въ *намѣренномъ* равращеніи и отупленіи русской публики; до сихъ поръ всѣ думали, что Сеньковский и Булгаринъ морочилъ современную публику потому же, почему морочатъ ее теперь гг. Краевскій и Катковъ... Предполагать тутъ какія нибудь злыя намѣренія еще никому не приходило въ голову. Всѣ аناють, что

господа эти поступаютъ такъ единственно потому, что оно удобнѣе и расчетливѣе; но «Отечественныя Записки» открываютъ новую точку зрѣнія на дѣятельность г. Краевскаго. Оказывается весьма вѣроятнымъ, что г. Краевскій есть въ нѣкоторомъ родѣ Старшій Брать, носившій съ возвышенною дѣлюю маску своего либерализма, или Юдишь, принявшая съ благороднымъ намѣреніемъ участіе въ оргіяхъ Олоферна. Отчего же не предположить этого относительно г. Краевскаго, если журналъ его допускаетъ возможность такого предположенія относительно Сеньковскаго, а цитируемый имъ князь Одоевскій—относительно Булгарина. «Въ статьяхъ Сеньковскаго, говоритъ г. Л., дѣятельно проповѣдовалось безславіе и тѣтета науки, отрицались прогрессъ и исторія, уничтожались идея прекраснаго и возможность художественной критики, постоянно сыпались выходки противъ множества великихъ людей и крупнѣйшихъ явленій въ исторіи человѣчества. Необходимымъ слѣдствіемъ этого было, что русская публика... поглощала вредную болтовню веселаго редактора, сама не замѣчая, что вмѣстѣ съ тѣмъ приучала себя смотрѣть на вещи его главами. Если бы мы не знали ума и образованія Сеньковскаго, мы могли бы назвать эти выходки медвѣжьей услугой русскому обществу; но вспоминая его огромныя дарованія и весь арсеналъ знанія, которымъ онъ обладалъ, нельзя не предположить здѣсь чего-то другаго» (83). А князь Одоевскій точно тоже говорить о Булгаринѣ: «Вновь появившаяся въ недавнее время странная мысль о превосходствѣ какого-то польскаго шляхетскаго просвѣщенія надъ русскимъ постоянно проводилась уже тогда въ разныхъ видахъ. Тогдашняя цензура не обратила на это вниманія, и изданія въ родѣ «Сѣверной Пчелы» считались тогда благонамѣренными» (66). А теперь, значить, уже не считались бы: недурно!

Такимъ образомъ «Отечественныя Записки» совокупно съ княземъ Одоевскимъ открыли возможность совершенно новаго взгляда на дѣятельность Сеньковскаго и Булгарина; но всякій видитъ, что все это можетъ быть также удачно отнесено и къ г. Краевскому. Факты тѣ же, что г. Краевскій, вѣроятно, не сознается, что изданія его вредны для русскаго общества, то это ничего не значить; вѣдь и Булгаринъ никогда самъ не сознался бы въ этомъ. Слѣдовательно, допускать это предположеніе относительно Булгарина и не допускать относительно г. Краевскаго можно только на одномъ основаніи, а именно, если предположить, что послѣдній совершенно неспособенъ на

такой подвигъ самоотверженія, что, короче, онъ гораздо ниже Булгарина по своимъ достоинствамъ. Но этого никто не сломаетъ, а потому все, предполагаемое въ отношеніи Булгарина, относится и къ г. Краевскому.

Многія изъ критическихъ вакханалій «Отечественныхъ Записокъ» только съ этой точки зрѣнія и доступны разумѣнію. Какъ иначе понять такую статью, какъ разборъ сочиненій Помяловскаго? Подумайте: человѣкъ критикуетъ сочиненія, которыя пользуются, допустимъ на минуту даже незаслуженной, но несомнѣнно обширной извѣстностью и славой лучшихъ бельетристическихъ произведеній во всей литературѣ послѣдняго времени. Можно ожидать, что критикъ выскажетъ мнѣніе діаметрально противоположное общему, что онъ будетъ стараться ниспровергнуть славу писателя, отыскать и воспользоваться всѣми малѣйшими промахами его, будетъ рѣзокъ, несправедливъ, придирчивъ. Но кому прійдетъ въ голову, чтобы можно было въ разборѣ сочиненій заниматься исключительно личностью автора, чуть не на каждой страницѣ напоминать о его личныхъ слабостяхъ и недостаткахъ, попрекать его тѣмъ, что онъ не бывалъ въ хорошихъ обществахъ, дѣлать догадки, отчего онъ сдѣлался тогда-то болѣнъ, а тогда-то кутилъ; нагло, безъ всякихъ данныхъ, кремъ собственнаго грязнаго безстыдства, — увѣрять, что будто его «ва-хвалили», что онъ на основаніи излишнихъ похвалъ разочаровался въ людяхъ, принимавшихъ въ немъ участіе, въ самомъ себѣ, въ своихъ принципахъ, — говорить все это въ двухъ статьяхъ, и потомъ на основаніи этихъ замѣчаній о личности автора, судить и осудить его произведенія! Гдѣ видано, чтобы такъ критиковали писателя? Между тѣмъ это такъ. О несчастной слабости, бывшей причиною ранней смерти Помяловскаго и о которой нельзя вспомнить равнодушно, безъ самаго тяжелаго чувства, потому что не мало стубили она у насъ личностей, стоявшихъ выше того уровня, для котораго возможно примиреніе съ жизнью, — объ этомъ обстоятельстве критикъ упоминаетъ въ своемъ *разборѣ сочиненій Помяловскаго* *счетомъ десять разъ!* (См. въ апр. нижежѣ стр. 531, 538 541, 542; въ 1 майской книжкѣ, 133, 135, 140, 142, 143, 152). Упоминается объ этомъ весьма игриво, то намеками на «спиртную эссенцію семинарской науки» и на «бѣлогорячечный бредъ», то прямо словами: «напивался до бѣлой горячки», «похмѣлье на съѣзжей» и тому подобными выраженіями. Однажды г. Incognito какъ будто озабавъ

свѣтлая мысль; онъ начинаетъ догадываться, что совершаетъ незорѣвшее дѣло, до котораго только можетъ унизиться литература; оваренный этою мыслью, онъ начинаетъ протестовать противъ того, кто увидѣлъ бы въ его безпрестанныхъ намекахъ желаніе оскорбить Помяловскаго; онъ называетъ такое подозрѣніе «трусавымъ и печистымъ» и заявляетъ, что говорить такъ часто о «похмѣльѣ на съѣжѣй» единственно изъ «глубокаго смиренія передъ всякой правдой» (538). Дѣйствительно, можно бы было считать себя промашивъ человекомъ тому, кому безъ всякаго повода пришла бы въ голову мысль, что кто нибудь найдетъ отраду и утѣшеніе въ глумленіи надъ несчастной слабостью, сгубившею одинъ изъ лучшихъ нашихъ талантовъ. Но если такая мысль приходитъ послѣ прочтенія статьи г. Incognito, то тутъ себя винить не за что, кромѣ того только, что присутствуешь на скотномъ дворѣ и не гнушаешься разными нечестотами. За это, дѣйствительно, читатель такъ виновать, что на него досадишь, чѣмъ на автора. Мало ли какихъ сыщиковъ не бываетъ на свѣтѣ; неудивительно, что выискался и такой, который самъ поставилъ себя въ необходимость оговариваться отъ подобныхъ подозрѣній и оправдывать себя своимъ «глубокимъ смиреніемъ передъ всякой правдой»; это фактъ омерзительный, но далеко не столь печальный, какъ то, что такіа уродства находятъ для себя страницы въ литературѣ и читателей.

Далѣе притихъ высказываетъ догадку, что Помяловскій разочаровался въ своихъ сотрудникахъ и принципахъ. Чтобы высказать такое опредѣленное мнѣніе, слѣдовало бы, повидимому, имѣть какія нибудь данныя; иначе оно является не болѣе, какъ клеветой, расчитанной на то, чтобы набросить тѣнь на нѣсколькихъ человекъ въ глазахъ десятка читателей, до того тупоумныхъ, что они принимаютъ на вѣру всякій бездоказательный намекъ. Г. Incognito, для успокоенія своей совѣсти, приводитъ въ подтвержденіе своей жи цитату изъ біографіи Помяловскаго, гдѣ выражена самая несомнѣнная истина, что между литераторами есть «непроходимое дурачье». Г. Incognito могъ бы найти въ біографіи Помяловскаго выраженія еще покруцише и долженъ былъ бы также признать ихъ несомнѣнною и «очевидною истиною», которая вмѣстѣ съ тѣмъ не далека отъ него, такъ какъ онъ имѣетъ счастье сотрудничать съ г. Заринымъ. Но спрашивается, насколько эта цитата подтверждаетъ догадку г. Incognito? Очевидно, ни на сколько; понятно, что даже никто не можетъ вооб-

разить, чтобы она скольконибудь годилась въ поддѣрженіе таковаго опредѣленнаго убѣжденія. Помяловскій зналъ многихъ литераторовъ въ томъ числѣ и г. Дудышкина, и г. Зарина, и г. Аверкіева и даже Охочеекомоннаго; онъ заявляетъ, что между литераторами есть дурачье, «да притомъ еще пошленькое»; онъ удивляется «какъ у нихъ головы устроены», какъ они не видятъ истину, когда «она сама такъ и лѣзетъ въ глаза». Изъ этихъ словъ ясно одно, что изъ всѣхъ литераторовъ [они никакъ не могутъ относиться въ сотрудникамъ Помяловскаго, потому что, раздѣляя ихъ убѣжденія, онъ никакъ не могъ сказать, что они не видятъ истины. Къ кому же изъ остальныхъ относятся они—изъ цитаты не видно, и это могутъ знать только люди, близко знавшіе Помяловскаго и слышавшіе его сужденія о литераторахъ. Все это я говорю не съ тѣмъ, чтобы доказать, что Помяловскій былъ хорошаго мнѣнія о своихъ сотрудникахъ: такія вещи не доказываются — это было бы оскорбленіемъ для его памяти. Но я нарочно разобралъ дѣло такъ обстоятельно, чтобы показать, до чего доходить безстыдство критиковъ г. Краевскаго. На что же не отважится и не окажется способнымъ человѣкъ, позволяющій себѣ печатно такіе не хитрые, такіе очевидные обманы и продѣлки? И всего любопытнѣе, что такой-то господинъ на каждомъ шагѣ приговариваетъ: «Мы желаемъ, мы просимъ, чтобы наши слова не были истолкованы въ худую сторону». Конечно самыя оговорки эти служатъ выраженіемъ невольнаго сознанія своей дрянности; но послѣ подобныхъ подвиговъ такія протестаціи въ своемъ смиреніи передъ истиной кажутся просто глумленіемъ надъ уваженіемъ къ правдѣ.

Далѣе доказывается, что Помяловскій не могъ писать хорошо; потому что «родился въ оградѣ петербургскаго кладбища, былъ воспитанъ въ отгороженной отъ всего свѣта и даже отъ свѣжаго воздуха (аллегорія это или не аллегорія — одинъ чортъ знаетъ) бурсѣ, не видалъ другого горизонта, кромѣ туманно-пыльнаго свода надъ Петербургомъ, узналъ кое-что о широтѣ и разнообразіи жизни только изъ романовъ» и вообще нигуда изъ Петербурга не выѣжалъ и въ свѣтскомъ обществѣ не бывалъ. Ясно, слѣдовательно, что писать не могъ. Умозаключивъ такимъ образомъ, критикъ опять принимается за вранье и объявляетъ читателямъ, что романъ «Братъ и Сестра» остался неоконченнымъ не потому, что авторъ умеръ, а потому что онъ не могъ написать его, по вышеизложеннымъ при-

чинамъ. Не умѣя ни о чемъ писать, Помяловскій, по вранью г. Inco-
gnito, съ отчаянія хотѣлъ приняться за единственный доступный для
него сюжетъ, а именно — описывать самые низшіе слои петербург-
скаго народонаселенія. «Но обществу, продолжаетъ Инкогнито, не
довелось увидѣть эти картинки, и оно, какъ мы замѣтили, любитесь
ими въ изданіи другого писателя. Взамѣнъ того, самому Помялов-
скому, вслѣдствіе слишкомъ прилежнаго изученія имъ этихъ карти-
нокъ (это юморъ!), часто приходилось представлять изъ себя такую
картину отчаянія, которой что нибудь подобное можетъ встрѣчаться
только въ темныхъ катакомбахъ, гдѣ живетъ сама погибель. Дорого
обходилась ему его несчастная слабость, потому что въ немъ это
была слабость — къ изученію общественныхъ явъ. Объ этомъ
можно судить по его нештovýmъ прикамъ, вырвавшимся у него
послѣ каждаго изъ его похмѣлій въ катакомбахъ или на съѣзжей»
(152).

Писатель, который съ такимъ успѣхомъ замѣнилъ безталаннаго и
убогаго Помяловскаго, есть по мнѣнію «Отечественныхъ Записокъ»,
г. Всеволодъ Крестовскій. Имъ-то и любитесь публика, т. е. его
«Трущобани», «которыя такъ интересуютъ теперь читателей на
страницахъ Отечественныхъ Записокъ, выхода изъ подъ пера дру-
гого талантливаго писателя, никогда не ощущающаго недостатка въ
сюжетахъ» (152). Вотъ что правда, то правда? Въ присказкѣ сю-
жетовъ съ г. Всеволодомъ Крестовскимъ никто не сравнивается; онъ
умъ рѣшительно ничѣмъ не брезгаетъ, даже дописался до Radix
Jafarrae.

Такимъ образомъ, черезъ полтора года по смерти Помяловскаго,
благодарные соотечественники не находятъ, говоря о немъ, болѣе
достойнаго предмета для разговора, какъ его личныя слабости. Какъ
писатель, онъ униженъ въ пользу Всеволода Крестовскаго, автора
«Испанскихъ мотивовъ» и «Петербургскихъ типовъ»! Разобраца его
частная жизнь, обращено вниманіе на печальную обстановку нище-
ты, которая давила его всю жизнь и повела до губительной стра-
сти и преждевременной смерти, и по этой обстановкѣ рѣшено, что
онъ никогда не былъ и не могъ быть писателемъ, а былъ сочи-
телемъ, т. е. жалкимъ писакой съ чужими украденными идейками и
мироскопическимъ, давно истраченнымъ дарованіемъ!

Защитять кого бы то ни было противъ критиковъ, которые осуж-
даютъ писателя такимъ образомъ — было бы смѣшно. Но тѣмъ не

менѣ статья г. Инкогнито заслуживаетъ вниманія: это въ самомъ родѣ совершенство. Онъ и самъ говоритъ, «что его критическій приѣмъ совершенно новый и самый простой». Дѣйствительно, еще не видано, чтобы такъ изобрѣтали столь гнусныя и столь смѣлыя небывлицы, какъ г. Инкогнито, говоря объ отношеніи Помяловскаго къ своимъ сотрудникамъ и о томъ, что романъ его не былъ бы никогда конченъ; не видано, чтобы писателя судили по его частной жизни; не видано, чтобы такъ оскорбляли память человѣка, еще недавно дорогаго обществу; не видано наконецъ, чтобы такого романиста, какъ Помяловскій, печатно унижали въ пользу пѣвца лесбійской любви, слабительнаго и полицейскихъ похожденій, какъ г. Всеволодъ Крестовскій.

Тамъ, гдѣ оканчивается въ «Отечественныхъ Запискахъ» г. Инкогнито, начинается другой критикъ, г. Николай Соловьевъ, озарившій своею славою послѣдніе дни «Эпохи». Относительно своей прежней редакціи г. Николай Соловьевъ оказывается крайне неблагодарнымъ и говорить гг. Краевскому и Дудышкину комплименты на счетъ бѣднаго, «семейства». Онъ жалуется на «семейство», будто оно вставляло въ его статьи выходки въ родѣ «тайныхъ пророчествъ русской няни», «сравненія социализма съ буржуазіей», «обозванія романа — Что дѣлать? — наглымъ» и т. д., вѣряя, что эти выходки лежали ярмомъ на его совѣсти и что онъ очень радъ, найдя мѣсто освободиться отъ нихъ. Бѣдное семейство! Бѣдный А. У. Порѣцкій! Они самоотверженно удръжали страницы своей «Эпохи» такимъ неимовѣрнымъ литераторамъ, какъ г. Н. Соловьевъ; они преждевременно погибли въ попыткѣ познакомить публику съ подобными писателями, — и за это, когда надъ ними стряслась бѣда и они нашлись вынуждены продать своимъ подписочникамъ «Библиотекъ», вдругъ тѣ же выписанные ими изъ губерній Лавари обращаютъ противъ нихъ же свой жалостный плачъ. Вмѣсто того, чтобы переползти изъ одной «Эпохи» въ другую спокойно и невидимо, бѣдный Лаварь поднимаетъ протесты. Какая деликатность! Какая сообразительность! Вамъ совѣстно за слова «мальчишки», а «Петербургскія трущобы» васъ не смущаютъ, а «Полонизмъ въ литературѣ 30 годовъ» не лежитъ ярмомъ на совѣсти? А подвиги Incognito и статья его «За предѣлами невѣроятнаго» кажутся намъ развѣ менѣ выразительными, чѣмъ сравненіе социализма съ буржуазіей? Наконецъ позвольте узнать, г. Николай Соловьевъ: почему «составор-

ное дыханіе семинаризма», или новѣтствованіе о недавнихъ временахъ, когда «колокола звенѣли въ ушахъ дѣтей, играющихъ въ лапту; Фейербаха подпускали мальчишкамъ, играющимъ въ жмурки»; когда «при поступленіи въ университетъ или на какое нибудь поприще», извѣстное направленіе являлось въ «еще болѣе неприличномъ видѣ, подавалось въ видѣ лакомого блюда вмѣстѣ съ виномъ и реалистическою любовью», — чѣмъ все это лучше обременяющихъ вашу совѣсть сравненій и эпитетовъ? Нѣтъ, г. Соловьевъ, напрасно вы обижаете бѣдное семейство; напрасно сваливаете съ большой головы... на другую, также больную. У всѣхъ васъ круговая порука, и если настанетъ время, что за такіа выходки будутъ давать по сладкому пирожку, то вы всѣ передеретесь за нихъ и ужъ навѣрное никому не уступите честь изобрѣтенія которой нибудь изъ нихъ. «Отечественнымъ Запискамъ» вы могли бы говорить комплименты, не унижая «Эпоху»; да и съ этой стороны хвалить ихъ, право, медвѣжья услуга. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» было нѣсколько лѣтъ тому назадъ напечатано, что «нигилисты хотятъ вырвать изъ братныхъ цѣпей родную мать, чтобы отвести ее въ домъ рааврата»; «Отечественныя Записки» еще вчера хватили человека за горло, чтобы онъ имъ объяснилъ, «почему онъ презираетъ мнѣніе людей, посылавшихъ адреса г. Каткову»? А вы въ этомъ самомъ журналѣ говорите, будто васъ оскорбили какіе-то невинные эпитеты, вклеенные въ вашу статью «семействомъ»! Неловко, г. Н. Соловьевъ. Вотъ на счетъ подлинки, это вы можете любезничать. «Доселѣ я печаталъ въ мало распространенномъ журналѣ, но теперь вы уже не можете рассчитывать» — говоритъ намъ г. Н. Соловьевъ, увѣряя, что въ «Эпохѣ» онъ «рѣзалъ наши статьи по кусочкамъ и растиралъ ихъ въ пыль». И отъ кого это вы набрались такого самохвальства? Ну вамъ ли растирать кого нибудь въ пыль, когда вы сами спрочиѣе всякой пыли!

Но цинизмъ «Отечественныхъ Записокъ» и «Голоса» доходитъ до истиннаго самоотверженія. «Петербургскія Вѣдомости» осмѣлились усумниться въ высокихъ добродѣтеляхъ г. Краевского, и «Голосъ», съ свойственной ему развязностію, приходитъ въ изумленіе, какъ можно сомнѣваться въ безукоризненныхъ достоинствахъ такого блестящаго мужа, какъ Андрей Александровичъ. Сомнѣніе это компанія «Голоса» называетъ «простою, чтобъ не сказать чего-нибудь ещѣльнѣе». Какъ же, посудите сами, продолжаетъ она, можно печа-

читать у себя въ газетѣ такія вещи? Вѣдь согласитесь, что г. Краевскій можетъ потребовать отъ васъ, чтобы вы мечтательно сказавши, что именно такое вы знаете... Ничего вѣдь оскорбительнаго для личности г. Краевскаго вы знать не можете; кого же вы надуваете?» Мою эту краснорѣчивую рекламу не произвела особеннаго эффекта, и нашлись такіе скептики, которые дерзнули не только усумниться въ гражданскихъ доблестяхъ г. Краевскаго, но и представить ему полновѣсныя возраженія. «Московскія Вѣдомости», не смотря на подкуриваніе «Отечественныхъ Записокъ» г. Каткову и на соисканіе его милости, простираютъ свою дерзость до того, что не хотятъ вѣрить въ независимость такого органа, какъ «Голосъ». Они въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ № положительно утверждаютъ, что «Голосъ» *получаетъ субсидію*, «а Московскія Вѣдомости, прибавляютъ Петербургскія Вѣдомости, могутъ знать это изъ вѣрнаго источника» (ж. Петерб. Вѣд. № 215). Точно такія же сомнѣнія на счетъ неуязвимаго Ахиллеса выражаютъ «Библіотека для Чтенія» и «Книжный Вѣстникъ». Понимая всю тиету своего негодовавія и изумленія, эти с-нигилисты «Голоса» наконецъ догадались, что пожиманія плечами и бодратаго вида недостаточно для того, чтобы убѣдить всѣхъ тѣхъ противниковъ г. Краевскаго, въ которыхъ поколебалась вѣра въ его высокое достоинство. Тогда-то онъ и рѣшился на подвигъ самоотверженія. Въ той же статьѣ, гдѣ въ началѣ производится пожиманіе плечами по поводу словъ г. Корша, «Голосъ» вдругъ заявляетъ, что литературному дѣятелю честность вовсе не нужна. Заявляется это такъ откровенно, что ничего подобнаго нельзя было ожидать ни отъ какого мѣднаго дба. «О литературной честности толковать вовсе не встаня: написалъ известное число строкъ, напечатали ихъ, получилъ отъ редактора деньги и концы съ собою». (!!) Эти слова надо крупными буквами напечатать надъ заглавіемъ «Голоса», потому что это самое искреннѣйшее profession de foi его. Затѣмъ, въ другомъ №, «Голосъ» развиваетъ эту мысль далѣе: «Читатель, говоритъ онъ, требуетъ отъ нихъ (отъ писателей) дѣла, ума, таланта, основательнаго обсужденія вопросовъ и явленій въ политической и общественной жизни— а они только увѣряютъ его, что они честные публицисты... Имъ говорятъ, что читателю нѣтъ никакой надобности въ томъ, кто писалъ статью, честный или нечестный человекъ, а они входятъ въ пазось и говорятъ о честности публициста».

И такъ «Голосъ» отрывается отъ честности и очень гнѣвается на «Петербургскія Вѣдомостя», что они дорожатъ еще ею, не смотря на то, что *ома* *говорятъ*, что честность — дѣло совсѣмъ лишнее. Какъ, въ самомъ дѣлѣ? *Самъ* г. Краевскій говоритъ, что честность не нужна, а все еще находятся люди, желающіе быть честными и смотрящіе на литературное дѣло иначе, чѣмъ «написалъ, напечатали, деньги взялъ—и концы въ воду»!

И такъ изъ всего, что мы видѣли, можно составить себѣ слѣдующее понятіе о литературномъ идеалѣ г. Краевского. Публицистъ можетъ обходиться безъ честности, но долженъ говорить дѣло (напр. писать что нибудь въ родѣ Петербургскихъ отиѣтокъ), имѣть умъ (какъ напр. Вадимъ или Николай Соловьевъ), талантъ (какъ самъ г. Краевскій); онъ долженъ основательно обсуждать вопросы и явленія общественной жизни (напр. нужно ли умножить число будочниковъ въ Петербургѣ? или какой вредъ происходитъ отъ размноженія собакъ; или о появленіи въ Ковно поющихъ мышей; или о находкѣ въ Кіевской губерніи колѣнной кости человѣка въ 8 вершковъ ширины— въ этомъ притомъ выражается реализмъ) и политической жизни (напр. уничтоженіе перомъ г. Дохвицкаго конституціи, дѣйствующей нынѣ во Франціи; разговоръ нарижскихъ кучеровъ противъ г-жи Е. Туръ; невинныя словозверженія о Бисмаркѣ и т. п.). Всѣми этими достоинствами обладаютъ скрибы г. Краевского, вслѣдствіе чего позволяютъ себѣ пренебрегать честностью. Плодомъ этого могутъ являться такіа произведенія, какъ статья «За предѣлами невѣроятнаго». Но г. Краевскій не унываетъ, твердо надѣясь, что въ 90 годахъ явится въ какомъ нибудь журналѣ статья, гдѣ онъ будетъ изображенъ въ видѣ Юдиои и получить хотя позднюю, но справедливаю дань уваженія.

В. Зайцевъ.

ОТВѢТНЫЙ ЛИСТОКЪ

Къ № 7-му за 1865 годъ.

- Отвѣты Газетной Экспедиціи на жалобы, поступившія въ продолженіи
Августа мѣсяца отъ гг. подписчиковъ «Русскаго Слова».
- Въ *Москву* г. *Ладимженскому*. № 4 посланъ вамъ 28 мая, № 5—
Юля 3-го.
- Въ *Енисейскъ* г. *Троицкому*. № 1-й былъ посланъ вамъ въ числѣ
8-ми экз. 1-го Марта. Онъ посланъ вамъ Редакціей *вторично*
20 Юля.
- Въ *Прилуки*, *Библиотекъ Екатеринбургскаго Драунскаго полка*.
№ 3 посланъ вамъ *вторично* 20 Юля.
- Въ *Илевской заводъ* г. *Кондакову*. № 4 посланъ былъ вамъ 3 Юня
за № 87 и № 5 Юля 7 за № 109.
- Въ *Ярославль*, *Библиотекъ Сиротскаго дома*. На третью вашу
жалобу газ. Экспедиція отвѣтила, что № 1-й, доставленный
Редакціей *вторично* для отправки вамъ 27 Апрѣля, былъ
ею посланъ 8-го Юня за № 30 и 40-мъ.
- Въ *Житомиръ* г. *Гвоздикову*. № 4 былъ посланъ вамъ 2 Юня
за № 52.
- Въ *Челябу* г. *Крылову*. № 3 былъ посланъ вамъ 30 Апрѣля за
№ 93-мъ; онъ посланъ вамъ Редакціей *вторично* 25 Юля.
- Въ *Казань* г. *Шидловскому*. № 3-й по вашей просьбѣ былъ посланъ
вамъ 25 Юля *вторично*.
- Въ *Пензу* г. *Полякову*. № 5 и 6-й посланы вамъ въ Свіажскъ, —
№ 5 Юля 7-го, а № 6 Августа 2-го за № 30-мъ опересылкѣ
ихъ въ Пензу Газетная Экспедиція сообщила Свіажской
Почтовой конторѣ 12 Августа.
- Въ *Витебскъ* г. *Мейеръ-Женовскому* № 4-й былъ посланъ вамъ
2 Юня въ туюжъ за № 32-мъ,—о причинѣ неполученія его вами
спрошена Почтовая Контора.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

П. А. ГАЙДЕВУРОВА

въ С. Петербургѣ на Невск. просп., противъ Думы, № 36 высылаеть иногороднымъ всѣ русскія книги (кроме казенныхъ изданій) ПО ПЕТЕРБУРГСКИМЪ ЦѢНАМЪ, принимая пересылку НА СВОЙ СЧЕТЪ.

Поступили въ продажу.

ЧЕЛОВѢКЪ И МѢСТО ЕГО ВЪ ПРИРОДѢ лекціи Карла Фогта. Т. 2-й (и послѣдній). Спб. 1865. Ц. 1 р. 50 к. Оба Т. 3 р.

ДУША ЧЕЛОВѢКА И ЖИВОТНЫХЪ, лекціи профессора Гейдельбергскаго университета В. Вундта. Т. 1-й. Спб. 1865. Ц. 3 р. Съ подпиской на 2-й т. 5 р. с.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ А. Э. Брема. Вышло 8 выпусковъ. Ц. каждому 25 к. Подписная цѣна за два тома 6 р. (до выхода всего сочиненія на пересылку прилагается 1 р.)

МІРЪ НАСѢКОМЫХЪ. Карманное руководство для Этномологическихкихъ экскурсій А. Карша. М. 1865. Ц. 1 р. 50 к.

ЗООЛОГИЧЕСКІЯ ПИСЬМА д-ра Густава Исгера М. 1865. Ц. 1 р.

ИЗЪ ПРИРОДЫ. Рассказы для дѣтей по Вагнеру. Изданіе переводчицы. Спб. 1865. Ц. 1 р. 25 к.

ПОЛНЫЙ КУРСЪ ФИЗИКИ съ краткимъ обзоромъ метеорологическихкихъ явленій А. Гано. Къ курсу приложено 100 задачъ и болѣе 700 полугидражей, Спб. 1865. Весь курсъ состоитъ изъ 366. и выидеть къ Январю. Теперь вышелъ 1 вып. Подписная цѣна 3 р.

УЧЕБНИКЪ ФИЗИКИ И МЕТЕОРОЛОГІИ, составилъ для среднихъ учебныхъ заведеній В. Фоль-Баоль. Спб. 1865. Ц. 1 р. 60 к.

УЧЕБНЫЙ ЗООЛОГИЧЕСКІЙ АТЛАСЪ, содержащій болѣе 500 отдѣльныхъ фигуръ. Состав. и изд. Д. Михайловъ. Изданіе второе Спб. 1865. Ц. 1 р. 25 к.

РУКОВОДСТВО КЪ ФАРМАКОЛОГИИ Ф. Эстерлена. Переводъ съ нѣмецкаго. М. Хайн. Два тома. М. 1865. Ц. 5 р. 50 к.

ЕНИСЕЙСКИЙ ОКРУГЪ И ЕГО ЖИЗНЬ, сочиненіе М. Кровошанина. Съ двумя таблицами и картою земледѣльной области Енисейскаго Округа. Спб. 1865. Ц. 12 р. 50 к.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТЪ АНГЛИИ, очерки земства, города и суда, съ характеристикой соответствующихъ учреждений Франціи и современныхъ преобразованій въ Россіи. М. И. Заруднаго. Спб. 1865. Ц. 1 р. 25 к.

О ВОСПИТАНІИ ЖЕНЩИНЫ согласно ея призванію, лекція, читанная, въ Берлинѣ Р. Вирховымъ. Переводъ и изданіе Неклюдова. Спб. 1865. Ц. 20 к.

ИСТОРИЯ ВОЙНЫ 1814 ГОДА ВО ФРАНЦИИ и изложенія Наполеона I, по достовѣрнымъ источникамъ. Соч. М. Богдановича. Два тома. Спб. 1865. Ц. 4 р.

КУРСЪ ИСТОРИИ НОВЫХЪ ВРЕМЕНЪ, составл. В. Шульгинымъ. Изданіе четвертое, поправленное и дополненное исторіею новѣйшихъ временъ 1789—1856 г. Спб. 1865. Ц. 1 р. 25 к.

ИСТОРИЧЕСКИЙ АТЛАСЪ, учебное пособіе къ изученію исторіи древней, среднихъ вѣковъ и новой въ объемѣ курса среднихъ учебныхъ заведеній. Составл. Ив. Сидонскимъ и А. Иорданомъ. Спб. 1865. Ц. 1 р. 35 к.

БИОГРАФІЯ МИКЕЛЬ-АНЖЕЛО БУОНАРОТТИ, написанная его ученикомъ Аскапіемъ Кондива. Переводъ съ итальянскаго М. Желѣзнава. Спб. 1865. Ц. 65 к.

ОБЩЕЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО Блончли. Перев. подъ редакц. профессора Ф. Дмитріева. В. 1-й. М. 1865. Ц. 1 р. 25 к.

СУДЪ ПРИСЯЖНЫХЪ ВЪ ЕВРОПѢ И АМЕРИКѢ К. Миттермайера. Вып. 1-й. Современное положеніе суда Присяжныхъ въ Англіи, Шотландіи, Ирландіи и Америкѣ, а равно разборъ замѣчательнѣйшихъ уголовныхъ процессовъ новѣйшаго времени, въ связи съ изложеніемъ успѣховъ психіатріи и судебной медицины. Спб. 1865. Ц. 75 к. Подписная цѣна за все сочиненіе (4 выпуска) 2 р. 50 к.

СОЧИНЕНІЯ ГЕЙНРИХА ГЕЙНЕ въ переводѣ русскихъ писателей подъ ред. П. Вейнберга. Т. 6-й. Спб. 1865. Ц. 1 р. Ц. первымъ пяти вып. 4 р.

ЛАТИНСКАЯ ГРАММАТИКА доктора Мадвига, сокращенная для гимназій Г. Тишеромъ. М. 1865. Ц. 85 к.

САМОУЧИТЕЛЬ для начинающихъ обучаться грамотѣ. Азбука, склады, пословицы, стихи, цифры и 12 рассказовъ изъ жизни челоука и животныхъ. Спб. 1865. Ц. 25 к.

СПРАВОЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПО ПЕТЕРБУРГУ. Стб. 1865. Ц.
25 к.

ВСѢ РУССКІЯ КНИГИ (кроме казенныхъ изданій) высылаются
магазиномъ П. А. Гайдебурова НА СВОЙ СЧЕТЪ.
